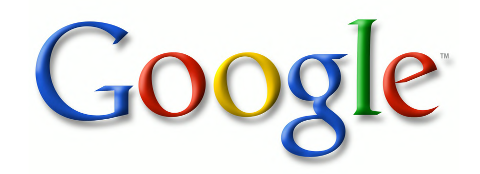
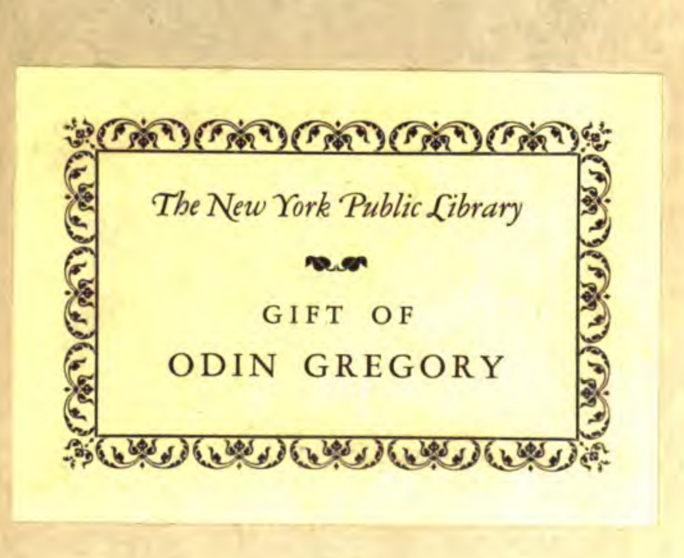

СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ А. Н. ОСТРОВСКАГО

I

СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

А. Н. ОСТРОВСКАГО

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38)
1874

СЕМЕЙНАЯ КАРТИНА.

СЕМЕЙНАЯ КАРТИНА.

ЛИЦА:

Антипъ Антипычъ Пузатовъ, купецъ 35 лѣтъ.
Матрена Савишна, жена его, 25 лѣтъ.
Марья Антиповна, сестра Пузатова, дѣвица, 19 лѣтъ.
Степанида Трофимовна, мать Пузатова, 60 лѣтъ.
Парамонъ Ферапонтычъ Ширяловъ, купецъ, 60 лѣтъ.
Дарья, горничная Пузатовыхъ.

(Комната въ домѣ Пузатова, мёблированная безъ вкуса; надъ диваномъ портреты, на потолкѣ райскія птицы, на окнахъ разноцвѣтное драпри и бутылки съ настойкой. У окна, за пяльцами, сидитъ Марья Антиповна).

Марья Антиповна (*шьетъ и поетъ вполголоса*).

Черный цвѣтъ, мрачный цвѣтъ,
Ты мнѣ милъ завсегда.

(*Задумывается и оставляетъ работу*).

Вотъ ужь и лѣто проходитъ, и сентябрь на дворѣ, а ты сиди въ четырехъ стѣнахъ, какъ монашенка какая-нибудь, и къ окошку не подходи. Куда какъ антиресно! (*Молчаніе*). Чтò-жь, пожалуй, не пускайте! запирайте на замокъ! тиранствуйте! А мы съ сестрицей отпросимся ко всенощной въ монастырь, разодѣнемся, а сами въ паркъ отличимся, либо въ Сокольники. Надо какъ-нибудь на хитрости подыматься. (*Работаетъ. Молчаніе*). Чтò-жь это нынче Василій Гаврилычъ ни разу мимо не прошелъ?.. (*Смотритъ въ окно*). Сестрица! сестрица! офицеръ ѣдетъ!.. поскорѣй, сестрица!.. съ бѣлымъ перомъ!

Матрена Савишна (*вбѣгаетъ*).

Гдѣ, Маша, гдѣ?

Марья Антиповна.

Вотъ, посмотрите. (*Смотрять обѣ*). Кланяется. Ахъ, какой! (*Прячутся за окно*).

Матрена Савишна.

Какой хорошенькій!

Марья Антиповна.

Сестрица, посидимте здѣсь: можетъ быть, назадъ поѣдетъ.

Матрена Савишна.

И, что̀ ты, Маша! Пріучишь его, онъ и будетъ каждый день по пяти разъ мимо ѣздить. Послѣ съ нимъ и не развяжешься. Ужь я этихъ военныхъ-то знаю. Вонъ Анна Марковна пріучила гусара: онъ ѣздитъ мимо, а она поглядываетъ да улыбается. Что̀-жь, сударыня моя: онъ въ сѣни верхомъ и въѣхалъ.

Марья Антиповна.

Ахъ, страмъ какой!

Матрена Савишна.

То-то и есть! Ничего такого не было, а слава-то по всей Москвѣ пошла... (*Смотритъ въ окно*). Ну, Маша, Дарья идетъ. Что̀-то она скажетъ!

Марья Антиповна.

Ахъ, сестрица, какъ-бы она маменькѣ не попалась! (*Вбѣгаетъ Дарья*).

Дарья.

Ну, матушка, Матрена Савишна, совсѣмъ-было попалась! Бѣгу я, сударыня, на лѣстницу, а Степанида Трофимовна прямехонько такъ-таки тутъ и была. Ну, за шелкомъ, молъ, въ лавочку бѣгала. А то, вѣдь, она у насъ до всего доходитъ. Вотъ вчерась, прикащикъ Петруша...

Марья Антиповна.

Да они-то что̀-жь?

Дарья.

Да! кланяться приказали. Вотъ, сударыня, прихожу я къ нимъ: Иванъ Петровичъ на диванѣ лежитъ, а Василій Гаврилычъ на

постели... или, бишь, Василій Гаврилычъ на диванѣ. Табакомъ накурили, сударыня — не продохнешь просто.

Матрена Савишна.

Да что говорили-то?

Дарья.

А говорили-то, сударыня ты моя, чтобы непремѣнно, говоритъ, нынче въ Останкино пріѣзжали, этакъ въ вечерни, говоритъ. Да ты, говоритъ, Дарья, скажи, чтобы безпремѣнно пріѣзжали, хоть и дождикъ будетъ, все-бы пріѣзжали.

Марья Антиповна.

Чтò-жь, сестрица, поѣдемте!

Матрена Савишна.

Ну, такъ ты, Дарья, бѣги опять да скажи, что, молъ, пріѣдутъ.

Дарья.

Слушаю-съ. Больше ничего-съ?

Марья Антиповна.

Да скажи, Даша, что принесите, молъ, какихъ-нибудь книжечекъ почитать; дескать, барышня проситъ.

Дарья.

Слушаю-съ. Больше ничего?.. Ахъ, сударыня! я-было и забыла совсѣмъ. Иванъ-то Петровичъ приказывалъ: да скажи, говоритъ, чтобы мадеры привезли; хорошо, говоритъ, на вольномъ воздухѣ.

Матрена Савишна.

Хорошо, хорошо, привеземъ!

Дарья (*подходитъ къ Матренѣ Савишнѣ и говоритъ вполголоса*).

Да еще, Матрена Савишна, Василій-то Гаврилычъ говоритъ Ивану Петровичу: конечно, говоритъ, твое дѣло другое и, говоритъ, Матрена Савишна женщина замужняя... ну, и все такое... А Марья-то Антиповна, говоритъ, дѣвушка... не то, чтобы что, либо-òшто. А это, говоритъ, полагать надо, баластво одно. И, говоритъ, того-и-гляди, что за бородача за какого-нибудь выдадутъ. А выходитъ, говоритъ, хлопотать не изъ чего. Не то, что насчетъ чего... ну, сами понимаете... А я, говоритъ, человѣкъ бѣдный... Кабы жениться, я, говоритъ, не прочь. Да, говоритъ, не съ нашимъ рыломъ да въ калачный рядъ. Это Василій-то

Гаврилычъ Ивану Петровичу говоритъ. Твое, говоритъ, дѣло другое. Матрена Савишна женщина замужняя... съ чиновникомъ все можетъ случиться... зима, говоритъ... ну, и шуба енотовая. Какъ ни-на-есть...

Матрена Савишна.

Ахъ, ты дура! а ты-бы сказала, что, молъ...

Дарья (*прислушиваясь*).

Никакъ, матушка, самъ пріѣхалъ... (*Подходитъ къ окну*). Такъ и есть. На крыльцо лѣзетъ.

Матрена Савишна.

Ну, такъ ты ужо сбѣгай, когда будемъ чай пить.

Дарья.

Слушаю-съ. (*Голосъ изъ передней: «Жена! а, жена! Матрена Савишна!»*).

Матрена Савишна (*входитъ Антипъ Антипычъ*).

Что̀ тамъ?

Антипъ Антипычъ.

Здравствуй!.. А ты думала, Богъ знаетъ что̀! (*Цалуются*). Поцалуй еще... (*Заигрываетъ*).

Матрена Савишна (*жмется*).

Полно дурачиться-то, Антипъ Антипычъ! перестань! Э! какъ тебѣ не стыдно!

Антипъ Антипычъ.

Да поцалуй!

Матрена Савишна.

Ахъ, отстань, ради Бога!

Антипъ Антипычъ.

Уважь! (*Цалуются*). Ай да жена! Вотъ люблю! Ай да Матрена Савишна! (*Садится на диванъ*). А знаешь-ли что̀, Матрена Савишна?

Матрена Савишна.

Что̀ еще?

Антипъ Антипычъ.

Хорошо-бы теперь чайку выпить-съ. (*Смотритъ въ потолокъ и отдувается*).

Матрена Савишна.

Дарья! (*Входитъ Дарья*). Давай самоваръ, да спроси ключи у Степаниды Трофимовны. (*Дарья уходитъ. Молчаніе. Марья Антиповна сидитъ за пяльцами; Матрена Савишна подлѣ нея. Антипъ Антипычъ смотритъ по угламъ и изрѣдка вздыхаетъ*).

Антипъ Антипычъ (*грозно*).

Жена! поди сюда!

Матрена Савишна.

Что̀ еще?

Антипъ Антипычъ.

Поди сюда, говорятъ тебѣ! (*Ударяетъ по столу кулакомъ*).

Матрена Савишна.

Да что̀ ты, очумѣлъ, что̀-ли?

Антипъ Антипычъ.

Что̀ я съ тобой исдѣлаю! (*Стучитъ по столу*).

Матрена Савишна.

Да что̀ съ тобой? (*Робко*). Антипъ Антипычъ!

Антипъ Антипычъ.

А! испугалась! (*Смѣется*). Нѣтъ, Матрена Савишна, это я такъ — шутки шучу. (*Вздыхаетъ*). Что̀-же чайку-то-съ?

Матрена Савишна.

Сейчасъ! Ахъ, батюшки, авось не умрешь!

Антипъ Антипычъ.

Да что̀-жь такъ-то сидѣть! скука возьметъ. (*Входитъ Степанида Трофимовна. Дарья несетъ самоваръ*).

Степанида Трофимовна.

Вотъ пострѣлъ! Прости Господи! Эка угорѣлая дѣвка! Ну, что̀ ты бѣжишь-то сломя голову! Вѣдь, надъ нами не каплетъ. Да ужь и ты-то, отецъ мой, никакъ съ ума спятилъ: который ты разъ чай-то пить принимаешься! Дома два раза пилъ да, чай, въ городѣ-то нахлебался! (*Наливаетъ чай*).

Антипъ Антипычъ.

Что̀-жь! Ничего! Что̀ за важность! Не хмѣльное! Пили-съ. Вотъ съ Брюховымъ ходили, ходилъ съ Саввой Саввичемъ. Что̀-жь! Отчего съ хорошимъ человѣкомъ чайку не попить? А я нынче, матушка, Брюхова-то рублевъ на тысячу оплелъ. (*Беретъ чашку*).

Степанида Трофимовна.

Ужь гдѣ тебѣ, дитятко! Самого-то, чай, кругомъ обманываютъ. За прикащиками ты не смотришь, торговлей не занимаешься. Ужь какая это, Антипушка, торговля! съ утра до вечера въ трактирѣ сидите, брюхо наливаете. Охъ! никакого-то, какъ посмотрю я, у васъ порядку нѣту. Ужь вы и меня-то съ пути сбили. По утру самоваръ со стола не сходитъ до одиннадцати часовъ: сначала молодцовъ *) напоишь, въ городъ отпустишь; потомъ ты, родимый, подымаешься: тебя-то скоро-ли ублаготворишь; потомъ барыня-то твоя. Не то что къ обѣдни сходить, вы и лба-то перекрестить не дадите, прости Господи! Какъ-бы жилъ ты, Антипушка, по старинѣ-то, какъ порядочные люди-то живутъ: всталъ-бы ты въ четыре часа, за порядкомъ-бы посмотрѣлъ, на дворѣ поглядѣлъ-бы, и все такое, и все какъ слѣдственно, къ обѣдни-бы сходилъ, голубчикъ, да и хозяюшку-то свою поднялъ-бы: «вставай, молъ, полно нѣжиться-то! пора за хозяйство приниматься». Да таки и хорошенько-бы. Чтò смотришь-то на меня? правду говорю, Матрена Савишна, правду.

Матрена Савишна.

Ужь вы теперь начнете!

Степанида Трофимовна.

Ахъ, мать моя! да, вѣдь, мной только домъ-то и держится. Ужь не тебѣ-ли хозяйкой быть, сударыня! Нѣтъ, погоди, матушка, молода еще, мелко плаваешь! Ну, сама ты посуди: встаешь ты— стыдно сказать, а грѣхъ утаить — въ одиннадцатомъ часу; а я-то тебя за самоваромъ изволь дожидаться... а я, сударыня, постарше тебя — такъ-то-съ. Больно барственно, Матрена Савишна, больно барственно! Ужь какъ ни финти, а барыней не бывать, голубушка ты моя — все-таки, купчиха. Это, сударь ты мой, разрядится, мантиліи да билиндрясы разные навѣшаетъ на себя, растопырится, прости Господи, распуститъ хвостъ-то, какъ павлинъ... фу-ты, прочь поди... такъ и шумитъ! А ужь ты, Матрена Савишна, какъ ни крахмалься, а все-таки, не барыня... тѣхъ-же щей, да пожиже влей!

*) Молодцовъ — прикащиковъ.

Матрена Савишна.

Чтò-жь, не въ платочкѣ-же мнѣ ходить, и то сказать!

Степанида Трофимовна.

А ты, сударыня, своимъ званіемъ не гнушайся.

Антипъ Антипычъ.

Отчего-жь не нарядиться, коли есть во чтò? Ничего. Можно. Чтò за важность? Да она у меня, какъ разрядится-то, такъ лучше всякой барыни, вальяжнѣе, ей-Богу! Вѣдь, тѣ все мелочь; съ позволенія сказать, взглянуть не на что нашему брату. А она-то у меня таки-тово.. То-есть, я... насчетъ тѣлеснаго сложенія. Ну, и все такое!

Матрена Савишна.

Ужь ты, Антипъ Антипычъ, заврался, кажется.

Марья Антиповна.

Какъ вамъ, братецъ, не стыдно? всегда конфузите.

Антипъ Антипычъ.

Чтò-жь такое? Нѣшто я чтò дурное сказалъ? Чтò за важность! Иногда и не то скажешь, да съ рукъ сходитъ. Я какъ-то вотъ при генералѣ такое словечко ухнулъ, что самому страшно стало: да чтò-жь дѣлать-то! не схватишь, да опять не спрячешь. А это я супротивъ той точки рѣчь веду, что понаряднѣе, все-таки, лучше; то-есть, хоть и не барыня, а все-таки... то-есть, на линіи... Чтò за важность!

Степанида Трофимовна.

Знаю, голубчикъ, знаю. Да вотъ какъ съ тобой вмѣстѣ-то выѣдетъ она куда-нибудь, разодѣнется-то, знаешь-ли, да перо-то на сажень распуститъ, то-то, чай, она, бѣдная, думаетъ: «эко дескать горе мое: мужъ-то у меня пузатый да бородастый какой, а не фертикъ дескать какой-нибудь раздушенный да распомаженный!»

Антипъ Антипычъ.

Чтобъ она меня, молодца такого, да промѣняла на кого-нибудь, красавца-то этакого! (*Разглаживаетъ усы*). Ну-ка, Матрена Савишна, поцалуйте-съ! (*Матрена Савишна цалуетъ его съ притворною нѣжностью*).

Степанида Трофимовна.

Эхъ, дитятко, врагъ-то силенъ! Мы съ покойникомъ жили не

вамъ чета: гораздо-таки полюбовнѣе, да, все-таки, онъ меня въ страхѣ держалъ, царство ему небесное! Какъ ни любилъ, какъ ни голубилъ, а въ спальнѣ, на гвоздикѣ, плетка висѣла про всякой случай.

Матрена Савишна.

Ужь вы меня всегда съ мужемъ разстроиваете: что̀ я вамъ за злодѣйка такая!

Степанида Трофимовна.

А ты, матушка, молчи лучше!

Матрена Савишна.

Какъ-же! стану я молчать!.. дожидайтесь!.. Я, слава Богу, купчиха первой гильдiи: никому не уступлю!

Степанида Трофимовна.

Великая важность! — купчиха ты! Видали и почище васъ. Я и сама отъ семи собакъ отгрызусь...

Матрена Савишна.

А все-таки, молчать не заставите! Не родился тотъ человѣкъ на свѣтъ, чтобы меня молчать заставилъ.

Степанида Трофимовна.

А ты думаешь, мнѣ очень нужно! А Богъ съ вами; живите, какъ знаете: свой разумъ есть. А ужь къ слову придется, такъ не утерплю: такой характеръ. Не передѣлаться мнѣ для тебя... (*Молчанiе. Всѣ сидятъ надувшись*). Да вы у меня и Машутку-то избаловали совсѣмъ.

Антипъ Антипычъ.

А что̀, Маша, хочешь, я тебѣ жениха найду?

Степанида Трофимовна.

Давно-бы тебѣ пора хватиться-то: ты, кажется, и забылъ, что у тебя сестра дѣвка на возрастѣ.

Марья Антиповна.

Что̀ вы, маменька! все «на возрастѣ да на возрастѣ!» Мнѣ, вѣдь, не Богъ знаетъ сколько.

Степанида Трофимовна.

Полно модничать-то, сударыня! Я по четырнадцатому году замужъ шла; а тебѣ, вѣдь — стыдно при людяхъ сказать — двадцать лѣтъ.

Антипъ Антипычъ.

Хочешь, Маша, Косолапова посватаю?

Марья Антиповна.

Ахъ, братецъ, да отъ него и въ мясоѣдъ всегда лукомъ пахнетъ, а въ постъ-то просто ужасть.

Антипъ Антипычъ.

Ну, Перепяткина: чѣмъ не женихъ? (*Смѣется*).

Марья Антиповна.

Да вы, братецъ, это нарочно мнѣ все уродовъ навязываете.

Антипъ Антипычъ.

Что̀-жь. Ничего. Хорошіе женихи, Маша, хорошіе! (*Смѣется*). Важные женихи!

Марья Антиповна.

Да вы это все на смѣхъ! (*Чуть не плачетъ*).

Степанида Трофимовна.

Да ты полно зубы-то скалить! Я дѣло говорю, Антипъ Антипычъ! Что̀ балясничать-то! А ты, сударыня, не бойся; женихи найдутся, любова выбирай: ты у насъ, вѣдь, не голь саратовская, невѣста съ приданымъ. Только за благороднаго не отдамъ... ты и не думай, и не воображай себѣ.

Антипъ Антипычъ.

Ужь будто, матушка, промежду благородныхъ-то и путныхъ нѣтъ совсѣмъ. Нѣтъ, что̀-жь, бываютъ. (*Смѣется*).

Степанида Трофимовна.

Какъ, батюшка, не быть: во всякомъ сословіи есть. Да ужь всякому свое. Отцы-то наши не хуже насъ были, да въ дворяне не лѣзли.

Антипъ Антипычъ.

Что̀-же, отчего за благороднаго не отдать? Ничего. Можно. Что̀ за важность!

Степанида Трофимовна.

Эхъ, голубчикъ! хорошій-то, который постепеннѣе, не возьметъ: тому надо мало-мало сотню тысячъ, а то двѣ, либо три; ну, а другіе, такъ хоть-бы ихъ и не было совсѣмъ. Только-что чванится собой да благородствомъ своимъ похваляется: «я-де благородный, а вы мужики»; а самъ-то, вѣдь, голь какая-нибудь,

такъ выжига, прости Господи! Знаю я ихъ. Вотъ Лопатиха за благороднаго отдала, не спросясь добрыхъ-то людей. А я еще тогда самой-то говорила: «Эхъ, Максимовна, не садись, молъ, не въ свои сани: вспомянешь ты меня, да поздно будетъ», Такъ что̀жь?—Я, говоритъ, дѣтищу своему не врагъ; хочу, говоритъ, какъ все къ лучшему; все-таки, говоритъ, благородный, а не купецъ: можетъ и дослужиться, и въ чины произойдти. Да вотъ теперь, хвать-похвать, анъ дыра въ горсти. И близко локоть-то, да не укусишь. Деньжонки-то, что̀ дали, которыя пропилъ, которыя въ картишки проигралъ, сердешный! (*Вздыхаетъ*). Я и на свадьбѣ-то была: банкетъ такой сдѣлали, упаси Господи! Покажите, говорю, жениха-то. Что̀-жь, сударь ты мой, вотъ какъ теперь гляжу: маленькій да гнусненькій такой, да фрачишко-то на немъ этотъ натянутъ короткохвостый, весь какъ облизаный. Да вертится, прости Господи, какъ бѣсъ какой, на мѣстѣ не посидитъ. И на жениха-то не похожъ; чужой человѣкъ и не узнаетъ, ей-Богу, не узнаетъ. Только фалдочки трясутся. Тутъ-же я и подумала: знать, молъ, вы, сердешные, хуже-то не нашли! (*Смѣются всѣ*). Да нѐчего и говорить: всякой знаетъ. Ну, положимъ такъ: не всѣ-же пьяницы, попадается и трезвый человѣкъ... такъ онъ тебя табачищемъ однимъ изъ дому выкуритъ, либо—грѣшное дѣло—по постамъ скоромное лопаетъ. (*Плюетъ*). Фу ты мерзость какая, прости Господи!.. Тамъ кто ихъ знаетъ, можетъ, они по службѣ-то своей, у должности, и хорошіе люди, дѣльные, да намъ-то, сударь ты мой, дѣло неподходящее. То-ли дѣло, Маша, купецъ-то хорошій!

Антипъ Антипычъ.

Знаешь-ли, Маша, гладкій да румяный, вотъ какъ я. Ужь и любить-то есть кого, не то—что стракулистъ чахлый. Такъ-ли, Маша, а?

Марья Антиповна.

Да что̀ вы, да я не знаю... (*Потупляетъ глаза*).

Антипъ Антипычъ.

Пора не знать! Ну, вотъ Матрена Савишна знаетъ... Правду я говорю, Матрена Савишна: вѣдь, купецъ лучше, а?

Матрена Савишна.

Ужь ты наладишь одно и то-же!

Степанида Трофимовна.

Что̀-жь, Маша, извѣстное дѣло: ужь и приласкать есть кого.

Марья Антиповна.

Ахъ, маменька! Да что̀ вы, ей-Богу! Я уйду. Пойдемте, сестрица! (*Убѣгаетъ, за ней Матрена Савишна*).

Антипъ Антипычъ.

Такъ-съ. Да ужь, вѣдь, не отбѣгаешься,

Степанида Трофимовна.

Стыдно стало, Антипушка: дѣло дѣвичье.

Антипъ Антипычъ.

Что̀-жь! и за купца можно. Отчего не отдать? Дѣло хорошее!

Степанида Трофимовна (*подвигается и говоритъ вполголоса*).

А вотъ, Антипушка, мнѣ кума Терентьевна сказывала, Парамонъ Ферапонтычъ жениться задумалъ, невѣсту ищетъ. Вотъ опускать-то, Антипушка, не надо. Что̀-жь, признаться сказать. онъ хоть и старенекъ, и вдовый, да денегъ-то, Антипушка, больно много — куры не клюютъ. Ну, да и человѣкъ-то степенный, набожный, примѣрный купецъ, въ уваженіи.

Антипъ Антипычъ.

Только, матушка, ужь больно плутъ.

Степанида Трофимовна.

Ахъ, батюшки мои! Да чѣмъ-же онъ плутъ, скажи, пожалуйста? Каждый праздникъ онъ въ церковь ходитъ, да придетъ-то раньше всѣхъ; посты держитъ; великимъ постомъ и чаю не пьетъ съ сахаромъ — все съ медомъ, либо съ изюмомъ. Такъ-то, голубчикъ! Не то, что ты. А если и обманетъ кого, такъ что̀ за бѣда! не онъ первый, не онъ послѣдній; человѣкъ коммерческій. Тѣмъ, Антипушка, и торговля-то держится. Не помимо пословица-то говорится: «не обмануть—не продать».

Антипъ Антипычъ.

Что̀ говорить! Отчего не надуть пріятеля, коли рука подойдетъ. Ничего. Можно. Да, ужь, матушка, вѣдь, иногда и совѣсть зазритъ. (*Чешетъ затылокъ*). Право слово! И смертный часъ вспомнишь. (*Молчаніе*). Я и самъ, коли гдѣ трафится, такъ не хуже его мину-то подведу. Да, вѣдь, я и скажу потомъ: вотъ.

молъ, я тебя такъ и такъ, помазалъ маненько. Вотъ въ прошломъ году, Савву Саввича, при разсчетѣ, рубликовъ на пятьсотъ поддѣлъ. Да, вѣдь, я послѣ сказалъ ему: вотъ, молъ, Савва Саввичъ, промигалъ ты полтысячки, да ужъ теперь, братъ, поздно, говорю, а ты, молъ, не зѣвай. Посердился немножко, да и опять пріятели. Чтò за важность!.. Да недавно нѣмца Карла Иваныча рубликовъ на триста погрѣлъ. Вотъ смѣху было! Матрена Савишна тряпья разнаго у него изъ магазину забирала, а онъ мнѣ счетецъ и выписалъ тысячи въ двѣ.

Степанида Трофимовна.

Чтò ты говоришь! какова!

Антипъ Антипычъ.

Чтò-жь! Ничего. Пусть щеголяетъ! А вотъ я думаю: неужли, молъ, нѣмцу всѣ деньги отдать. Какже, молъ, не такъ! нѣтъ-съ, жирно будетъ. Вотъ и не додалъ ему рублей триста съ небольшимъ. Остальныя, говорю, мусье, послѣ. Хорошо, говоритъ, хорошо, какъ и путный. Да потомъ, сударыня ты моя, и началъ онъ приставать. Какъ встрѣтится, такъ только и словъ у него: а чтò-жь деньги? Надоѣлъ до смерти. Какъ-то подъ сердитую руку подвернулся этотъ нѣмецъ. Чтò-жь, говоритъ, деньги? Какія, говорю, деньги? я тебѣ, братъ, отдалъ давно, и отстань ты отъ меня, Христа ради. Вотъ и взбеленился мой нѣмецъ. Это, говоритъ, купцу нехорошо; это, говоритъ, фальшъ; у меня, говоритъ, въ книгѣ записано. А я говорю: да ты чортъ знаетъ чтò тамъ въ книгѣ-то напишешь — тебѣ все и плати! Такъ, говоритъ, русскій купецъ дѣлаетъ, нѣмецъ никогда; я, говоритъ, въ судъ пойду. Вотъ и толкуй съ нимъ, словно больной съ подлекаремъ! (*Смѣются*). Поди, я говорю — немного возьмешь! Потащилъ въ судъ. Чтò-жь, матушка! вѣдь отперся, право, отперся. Говорю: знать не знаю, я ему заплатилъ. Чтò-жь такое, чтò за важность!.. Ужь чтò съ этимъ нѣмцемъ смѣху было — бѣда! Такъ и таращится: это, говоритъ, безчестно! А я ему послѣ-то и говорю: я-бы тебѣ и отдалъ, Карлъ Иванычъ, да деньги, говорю, братъ, нужны. Наши-то рядскіе животики надорвали со смѣху. (*Смѣются*). А то всѣ ему и отдать? да за чтò это? Нѣтъ, ужь опосля честь будетъ. Они тамъ ломятъ цѣну, какую хотятъ,

а имъ съ дуру-то и вѣрятъ. И въ другой разъ то-же сдѣлаю, коли векселя не возьметъ. Такъ я, матушка, вотъ какъ. А Ширяловъ-то — да это словно жидъ какой: отца роднаго обманетъ. Право! Такъ вотъ въ глаза и смотритъ всякому. А, вѣдь, святошей прикидывается. (*Ширяловъ входитъ*). А! Парамонъ Ферапонтычъ! здравствуйте, почтеннѣйшій!

Ширяловъ.

Здравствуйте, любезные! (*Кланяется*). Антипъ Антипычъ! здравствуй, голубчикъ! (*Цалуются*). Матушка, Степанида Трофимовна, здравствуйте! (*Цалуются*).

Антипъ Антипычъ.

Садись, Парамонъ Ферапонтычъ!

Степанида Трофимовна.

Садитесь, батюшка!

Ширяловъ (*садится*).

Какъ, матушка, Степанида Трофимовна, поживаете?

Степанида Трофимовна.

Плохо, батюшка! старость приходитъ. Васъ какъ Богъ милуетъ?

Ширяловъ.

Что̀, матушка, Степанида Трофимовна! На прошлой недѣлѣ притча сдѣлалась: такъ схватило, что Боже упаси. Испугался шибко, больно перепугался. Этакъ, сударыня ты моя, ломъ въ костяхъ сдѣлался; вотъ такъ тебѣ каждую косточку больно, каждый суставчикъ; коробитъ, сударыня ты моя, да и на̀ поди. За грѣхи, матушка, Господь человѣка наказываетъ, испытаніе посылаетъ. А пуще, мать ты моя, поясницу схватило.

Степанида Трофимовна.

Дѣло не молодое, батюшка!

Ширяловъ.

Я туда-сюда, такъ-сякъ — нѣтъ, сударыня ты моя: отпуститъ этакъ немножко, да опять схватитъ. Даже подъ сердце подкатило.

Степанида Трофимовна.

А, батюшки!

Антипъ Антипычъ.

Да ты, Парамонъ Ферапонтычъ, не хватилъ-ли гдѣ этакъ черезъ силу съ пріятелями?

Ширяловъ.

Нѣтъ, отецъ ты мой, больше мѣсяца ничего не пилъ, въ ротъ не бралъ, Степанида Трофимовна! То-есть, не то. чтобы я бросилъ совсѣмъ; а такъ, погожу, молъ, маненько. А зароку не давалъ. Нельзя, матушка: человѣкъ слабъ есть. сказано.

Степанида Трофимовна.

Что̀ говорить, батюшка!

Ширяловъ.

А я такъ, любезные, думаю: простудился, молъ, я какъ-нибудь: на улицу, что̀-ли, раздѣвшись, вышелъ, либо въ саду гуляешь въ рубашкѣ вечеромъ.

Степанида Трофимовна.

Долго-ли до грѣха, батюшка, долго-ли! Чайку не хотите-ли, Парамонъ Ферапонтычъ?

Ширяловъ.

Покорно благодарствуйте. (*Кланяется*). Сейчасъ пилъ, матушка, сейчасъ пилъ.

Степанида Трофимовна.

Э, батюшка, выкушайте... что̀ за счеты!

Антипъ Антипычъ.

Съ нами-то за компанію.

Ширяловъ.

Плошечку пропустить можно-съ. (*Степанида Трофимовна наливаетъ. Ширяловъ беретъ чашку, пьетъ и продолжаетъ*). Что̀жь, сударыня ты моя, какое я средствіе избралъ. Что̀, думаю себѣ, микстуры эти! просто дрянь, даромъ деньги берутъ. Да и никогда я, матушка, этими микстурами не лечился; этого грѣха на душу не бралъ. Дай-ко, думаю, я въ баню схожу. Вотъ и пошелъ, сударь ты мой, да винца послалъ купить полштофчика, да, мать ты моя, знаешь-ли, краснаго перцу стручковаго два стручка. Вотъ добрымъ порядкомъ составили эту специю. Половину-то выпили, а то велѣлъ себя вытереть. Да пріѣхавши-то домой, пунштику выпилъ. Ночью-то, сударыня ты моя, меня въ потъ и ударило. Такъ по̀томъ и прошло.

Степанида Трофимовна.

Что̀-жь, батюшка, бываетъ. Вотъ у меня Антипушко все пунштомъ лечится.

Антипъ Антипычъ.

Это, братъ, ото всякой болѣзни прибѣжище—запомни ты мое слово. (*Ширяловъ ставитъ чашку*).

Степанида Трофимовна.

Выкушайте еще чашечку!

Ширяловъ.

Нѣтъ, увольте. (*Кланяется*). Много доволенъ, Степанида Трофимовна, много доволенъ.

Степанида Трофимовна.

Э, батюшка, безъ церемоніи... (*Наливаетъ*). Какъ дѣлишки?

Ширяловъ (*беретъ чашку*).

Слава Богу, Степанида Трофимовна, помаленьку. Одно у меня горе: Сенька совсѣмъ отъ рукъ отбился. Что̀ ты будешь дѣлать? Ума не приложу. То-есть, истинное наказаніе Божеское.

Антипъ Антипычъ.

Что̀, закутилъ?

Ширяловъ.

Нѣтъ, хуже, Антипъ Антипычъ, хуже. Какъ-бы запивалъ, такъ-бы еще не велика бѣда, сударь ты мой: много-ли онъ пропьетъ? А то мотаетъ не въ свою голову. Вотъ, матушка, Степанида Трофимовна, дѣтки-то нынче!

Степанида Трофимовна.

А самъ ты, Парамонъ Ферапонтычъ, виноватъ: избаловали вы мальчишку такъ ни за копѣйку. Вы-бы ему съ малолѣтствія воли-то не давали, а ужь теперь поздно. Пусть-бы съ молодцами въ городъ бѣгалъ, приглядывался, да руку-бы набивалъ, такъ-бы лучше было.

Ширяловъ.

Ахъ, матушка, Степанида Трофимовна! вѣдь, онъ у меня одинъ. И то подумаешь: надо малаго въ люди вывести. Нынче, матушка, не то время, какъ мы бывало: играешь до осьмнадцати лѣтъ въ бабки, а тамъ тебя женятъ, да и торгуй. Нынче неученаго-то дуракомъ зовутъ. Ишь ты, всѣ умны стали. Да и то, Степанида

Трофимовна, вѣдь, у насъ состояньице порядочное, Богъ благословилъ. Чтò хорошаго станутъ говорить, что отъ этакого, молъ, капитала одного сына воспитать не могъ? Да и хуже-то другихъ быть не хочется. Послышишь: тотъ сына въ пиньсіонъ отдалъ, другой отдалъ, тотъ въ Коммерческую Акедемію. Вотъ и свезли Сеньку въ пиньсіонъ. За годъ впередъ деньги отдалъ. А онъ, мѣсяца черезъ три, сударыня ты моя, убёгъ аттедава. Стали дома учить, учителя нанялъ дешевенькаго. Учитель какой-то оглашенный попался, вовсе не путный, сударыня ты моя! Сенька-то выпроситъ у матери деньжонокъ, да съ учителемъ-то либо въ трактиръ, либо къ цыганкамъ въ Марьину рощу и закатятся... Прогналъ учителя, прогналъ, да вотъ теперь и маюсь съ Сенькой-то. То-есть, Господи! Господи! чтò это ныньче за люди стали, такъ какіе-то развращенные!

Антипъ Антипычъ.

Выучилъ на свою голову. (*Смѣется*).

Ширяловъ.

Да чтò! поминутно плачу́ за него, поминутно: тому сотню, тому двѣ; портному тысячу рублей недавно заплатилъ. Легко-ли дѣло! да я въ десять лѣтъ на тысячу-то рублей не изношу! А у него фракъ — не фракъ, жилетъ — не жилетъ. То-есть, истинно по грѣхамъ Богъ наказываетъ! (*Почти шепотомъ*). Однѣхъ перчатокъ прошлую зиму на триста рублей забралъ — ей Богу, на триста!

Степанида Трофимовна.

А! батюшки!

Антипъ Антипычъ.

Вотъ голова-то!

Ширяловъ.

Да, вѣдь, вотъ чтò: вездѣ ему вѣрятъ — знаютъ, что заплачу. Въ трактирѣ въ какомъ-то тысячи четыре долженъ. Тутъ никакого капитала не хватитъ... (*Пьетъ чай молча*). Чтò, Антипъ Антипычъ, сказывалъ я тебѣ, или нѣтъ?

Антипъ Антипычъ.

Про что?

Ширяловъ.

Про армянина.

Антипъ Антипычъ.

Нѣтъ; а что̀?

Ширяловъ.

Комедія, сударь ты мой! (*Смѣется, подвигается и говоритъ шепотомъ*). Вотъ наѣхалъ, государь ты мой, въ прошломъ году, этотъ армянинъ. Продалъ шелкъ; завертѣлся туды-сюды, вотъ не плоше Сеньки моего. Стали въ городѣ поговаривать, что, молъ, тово. А у меня, сударь ты мой, векселей его тысячъ на пятнадцать. Вижу, дѣло плохо. Ужъ въ городѣ, братъ, не сбудешь: нѣтъ, смѣтили. Вотъ пріѣзжаетъ нашъ фабрикантъ. У него фабрика-то на городу гдѣ-то *). Я поскорѣе къ нему, пока не прослышалъ. Что̀-жь, сударь ты мой! всѣ и спустилъ безъ обороту.

Антипъ Антипычъ.

Ну, что̀-жь? ка̀къ-же?

Ширяловъ.

Да двадцать-пять копѣекъ! (*Смѣется*).

Антипъ Антипычъ.

Что̀ ты! Вотъ важно! (*Смѣется*).

Ширяловъ.

А вотъ Сенька не таковъ... нѣтъ, сударь ты мой, не таковъ, не таковъ. Ужъ истинно Богъ въ наказаніе послалъ. Компанію водитъ Богъ знаетъ съ кѣмъ, такъ, съ людьми, не стоющими вниманія (*ставитъ чашку на столъ*), вниманія не стоющими...

Степанида Трофимовна.

Выкушайте еще.

Ширяловъ.

Нѣтъ, матушка, не могу; увольте, Степанида Трофимовна!

Степанида Трофимовна.

Безъ церемоніи.

Ширяловъ.

Нѣтъ, матушка, не могу, право, не могу. (*Кланяется*).

Степанида Трофимовна.

Ну, какъ хотите. А можно-бы еще.

---

*) На городу — значитъ гдѣ-нибудь въ уѣздномъ городѣ.

Ширяловъ.

Право; не могу. (*Встаетъ и кланяется*).

Степанида Трофимовна.

Дарья! убирай чай. (*Входитъ Дарья и убираетъ чай*). Прощайте, батюшка, Парамонъ Ферапонтычъ!

Ширяловъ.

Прощайте, матушка! (*Цалуются*).

Степанида Трофимовна.

Заходите почаще, не забывайте.

Ширяловъ.

Ваши гости, матушка, Степанида Трофимовна, ваши гости.

Антипъ Антипычъ.

Да вы, маменька, велѣли-бы намъ водочки, штò-ли, да закусочки, ну да тамъ мадерцы, штò-ли. Чтò-жь, братъ, выпьемъ. Чтò за важность!

Ширяловъ.

Охъ, не лишнее-ли это будетъ, Антипъ Антипычъ? не лишнее-ли?

Антипъ Антипычъ.

Чтò за лишнее! Ничего. Чтò за важность! (*Степанида Трофимовна уходитъ*).

Ширяловъ.

Такъ вотъ, сударь ты мой, дома не живетъ, въ городѣ не бываетъ. Чтò ему городъ! Онъ, сударь, и знать не хочетъ, каково отцу деньги-то достаются. Пора-бы на старости мнѣ и покой знать; а расположиться, сударь ты мой, не на кого. Вотъ недавно самъ въ лавку сѣлъ, а ужь лѣтъ пятнадцать не сидѣлъ. Дай-ко, думаю, покажу розинямъ-то своимъ, какъ торговать-то слѣдуетъ. Чтò-жь, сударь ты мой... (*Подвигается. Приносятъ вина*).

Антипъ Антипычъ.

Ну-ко, выпьемъ, братъ! (*Пьютъ*).

Ширяловъ.

Заваля́лась у насъ штука матеріи. Еще въ третьемъ году цѣна-то ей была два рубля сорокъ за аршинъ. А въ нынѣшнемъ-то поставили восемь гривенъ. Вотъ, сударь ты мой, сижу я въ лавкѣ. Идутъ двѣ барыни. Нѣтъ-ли у васъ, говорятъ, матеріи намъ на

блузы, дома ходить? Какъ, молъ, не быть, сударыня. Достань-ко, говорю, Митя, модную-то. Вотъ, говорю, хорошая матерія. А какъ, говоритъ, цѣна? Говорю, два съ полтиной себѣ, а барыша, что̀ пожалуете. А вы, говоритъ, возьмите рубль восемь гривенъ. Слышишь, Антипъ Антипычъ, рубль восемь гривенъ? Помилуйте, говорю, да такихъ и цѣнъ нѣтъ. Стали торговаться: два рубля даютъ. Слышишь, Антипъ Антипычъ, два рубля! (*Смѣется*). Да вамъ, говорю, много-ли нужно? Да, говоритъ, аршинъ двадцать-пять. Нѣтъ, говорю, сударыня, несходно. Извольте всю штуку брать, такъ ужь такъ и быть, по два рублика, говорю, возьму. А я, сударь ты мой, Антипъ Антипычъ, боюсь шевелить-то ее (*смѣется*), шевелить-то боюсь. Кто ее знаетъ, что̀ тамъ въ середкѣ-то! можетъ быть, сгнила давно. Что̀-жь, мои барыни потолковали, да и взяли всю штуку. Молодцы-то мои такъ и ахнули. (*Смѣется*).

Антипъ Антипычъ.

Молодецъ, Парамонъ Ферапонтычъ! вотъ молодецъ! Ну-ко, братъ, выпьемъ. (*Пьютъ*).

Ширяловъ.

А вотъ Сенька-то не таковъ, не таковъ, сударь ты мой (*вздыхаетъ*), вовсе не таковъ. Это повадился въ театръ, то-есть, каждый день, сударь ты мой! Всѣхъ-то онъ тамъ знаетъ, со всѣми знакомъ, всякая сволочь къ нему таскается. Да что̀! Прихожу я какъ-то къ Остолопову. Отдай, говоритъ, деньги. Какія, молъ, деньги? А за шаль, говоритъ. За какую шаль? Да, говоритъ, намедни твой сынъ взялъ. Я думаю себѣ, на что̀ ему шаль, ума не приложу. Ужь извѣстно, отъ него не добьешься; сталъ сторонкой разспрашивать. Что̀-жь, сударь ты мой! какая-то тамъ ахтриса у него.

Антипъ Антипычъ.

Что̀ ты!

Ширяловъ.

Вотъ поди съ нимъ! Ужь это, примѣрно, послѣдній конецъ, Антипъ Антипычъ! Не зови своимъ.

Антипъ Антипычъ.

Это, Парамонъ Ферапонтычъ, значитъ, пора женить; вотъ что̀, братъ! малаго-то женить пора.

Ширяловъ.

Нѣтъ, Антипъ Антипычъ, погоди. Ты вотъ что̀ скажи: вѣдь, ужь это, братъ, послѣдній конецъ. Вѣдь, это словно, какъ рѣшето. Вотъ теперь шаль, а тамъ скажетъ — салопъ соболій, а тамъ квартиру, мебель всякую, а тамъ лошадей пару, то — другое. Яма бездонная!

Антипъ Антипычъ.

Ужь извѣстное дѣло.

Ширяловъ.

А ужь человѣкъ-то, Антипъ Антипычъ, кругомъ нихъ, какъ слѣпой сдѣлается. Этотъ народъ, Антипъ Антипычъ, *соблазъ,* просто.

Антипъ Антипычъ.

Что̀ говорить! самъ не свой человѣкъ сдѣлается. Одно, братъ, средство: женить поскорѣй.

Ширяловъ.

Легко сказать, Антипъ Антипычъ, женить; да какъ ты его женишь-то?

Антипъ Антипычъ.

Какъ женить! Ужь извѣстно, не связать-же. А вотъ невѣсту подъискать съ капитальцемъ, знаешь-ли, такъ небось не откажется. Отчего не жениться? Всякому лестно. Что̀ за важность!

Ширяловъ.

Да какая за него пойдетъ! какая сумасшедшая пойдетъ за него, за такого безпутнаго!

Антипъ Антипычъ.

А что̀ ты думаешь, побрезгаютъ? Нѣтъ, ничего, право слово, ничего. Да у насъ, братъ, холостые-то сплошь да рядомъ такіе. Помнишь, каковъ я-то былъ холостой: и пьяница-то, и гуляка-то, и на всякія художества; батюшка-покойникъ такъ и рукой махнулъ. Да, вѣдь, мы театровъ-то, другъ, не знали: у насъ закатился въ Марьину, либо къ цыганамъ въ Грузины, да и пьянствуешь недѣли двѣ безъ просыпу. Меня въ Преображенскомъ фабричные за дѣвку было до смерти убили. Вся Москва знала. Да вотъ отдали-же за меня Матрену-то Савишну. Нѣтъ, это, братъ, ничего, нужды нѣтъ.

Ширяловъ.

Да, отецъ родной, чтò ты говоришь: женить, да невѣсту съ капиталомъ. Да, голубчикъ ты мой, онъ теперь и безъ денегъ-то вертится, какъ угорѣлый; а попадись ему деньги, такъ онъ такой кранболь сдѣлаетъ — только пшикъ, да и все тутъ, какъ порохъ.

Антипъ Антипычъ.

Въ оборотъ пуститъ! (*Смѣется*).

Ширяловъ.

Нѣтъ, а ужь я думаю, сударь ты мой, его въ газетѣ опубликовать. Вотъ, дескать, сыну моему отъ меня никакого довѣрія нѣтъ, долговъ за него не плачу и впредь не намѣренъ. Да и подпишу: мануфактуръ-совѣтникъ и временно московскій 1-й гильдіи купецъ Парамонъ Ферапонтовъ, сынъ Ширяловъ.

Антипъ Антипычъ.

Чтò-жь. Ничего. Можно.

Ширяловъ.

Да ужь, чтобъ ему безпутному и послѣ-то меня не доставалось, самъ я, Антипъ Антипычъ, жениться задумалъ.

Антипъ Антипычъ.

Чтò-жь! ничего! дѣло хорошее! Отчего-жь не жениться.

Ширяловъ.

Вѣдь, можетъ быть, за наши молитвы, Антипъ Антипычъ, Богъ и потомка дастъ — утѣшеніе на старости. Вотъ тому все и оставлю. А ужь этотъ мнѣ словно какъ и не родной, сударь ты мой, и сердце къ нему не лежитъ. Чтò-жь, думаю, оставь ему, пожалуй, да чтò проку? развезетъ денежки-то твои кровныя по портнымъ да по ахтрисамъ. Самъ посуди!

Антипъ Антипычъ.

Чтò-жь, женись, Парамонъ Ферапонтычъ! чтò за важность! ничего. А на примѣтѣ есть?

Ширяловъ.

То-то и горе, что нѣтъ, Антипъ Антипычъ.

Антипъ Антипычъ.

Хочешь, посватаю? Ну-ко выпьемъ сперва. (*Пьютъ*).

Ширяловъ.

Да ты вправду?

Антипъ Антипычъ.

Вправду. Что̀-жь, отчего не посватать?

Ширяловъ.

Обманешь! (*Смотритъ Пузатову въ глаза*).

Антипъ Антипычъ.

Вотъ! изъ чего мнѣ обманывать? У меня, братъ, не далеко ходить: сестра невѣста.

Ширяловъ.

Ой-ли! Что̀ ты говоришь?

Антипъ Антипычъ.

А ты не зналъ? Скажи, пожалуйста, какой ты простой!

Ширяловъ.

Ахъ, голубчикъ, какъ не знать! (*Потупляетъ глаза*). Да, вѣдь, она, чай, не пойдетъ за меня.

Антипъ Антипычъ.

Вотъ! отчего не пойти? Ничего, пойдетъ.

Ширяловъ (*потупляетъ глаза еще больше*).

Скажетъ, старъ.

Антипъ Антипычъ.

Старъ? Что̀ за важность! ничего! Нѣтъ, ничего, пойдетъ. Да и матушка тебя любитъ. Что̀-жь, извѣстное дѣло, человѣкъ хорошій, степенный: отчего не пойти?.. во хмѣлю смирный. Вѣдь, ты смирный во хмѣлю? не дерешься?

Ширяловъ.

Вовсе смирный, Антипъ Антипычъ, какъ дитя малое. Какъ пьянъ, такъ сейчасъ въ сонъ, знаешь-ли, ударитъ, а не то, чтобы буйство какое.

Антипъ Антипычъ.

Вѣдь, съ женой покойницей не дрался?

Ширяловъ.

Видитъ Богъ, никогда.

Антипъ Антипычъ.

Что̀-жь, отчего за хорошаго человѣка не пойти? Ничего, пойдетъ. Присылай сваху... Ну-ко, выпьемъ на радости. (*Пьютъ*).

Ширяловъ.

Да ты просто благодѣтель мой, Антипъ Антипычъ! А зна-

ешь-ли что̀? вотъ мы, братъ, здѣсь пить-то начали, такъ пойдемъ ко мнѣ допивать. У меня, братъ, просторнѣе, бабъ-то нѣтъ, да фабричныхъ пѣсенку спѣть заставимъ.

Антипъ Антипычъ.

Ходитъ! Ну, ступай, распоряжайся; а я только шапку возьму. (*Ширяловъ уходитъ*).

Антипъ Антипычъ (*одинъ. Мигаетъ глазомъ*).

Экой воръ мужикъ-то! Тонкая бестія. Вѣдь, какимъ Лазаремъ прикинется! Вишь ты, Сенька виноватъ. А ужь что̀, братъ, толковать: просто на старости блажь пришла. Что̀-жь, мы съ нашимъ удовольствіемъ! Ничего, можно-съ! Только, Парамонъ Ферапонтычъ, насчетъ приданаго-то, кто кого обманетъ — дѣло темное-съ. Мы тоже съ матушкой-то на свою руку охулки не положимъ... (*Уходитъ*).

Матрена Савишна (*входитъ разряженная; за ней Дарья*).

Что̀, ушелъ Антипъ Антипычъ?

Дарья.

Ушелъ-съ.

Матрена Савишна.

Ну, загулялъ теперь! Экое наказаніе! теперь пропадетъ дня на три.

Марья Антиповна (*входитъ разодѣтая*).

Ну, сестрица, поѣдемте. Знаете-ли, куда я отпросилась?

Матрена Савишна.

Куда?

Марья Антиповна.

Въ Симоновъ къ вечерни! (*Хохочутъ и уходятъ*).

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ.

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЛИЦА:

Самсонъ Силычъ Большовъ, купецъ.
Аграфена Кондратьевна, его жена.
Олимпіада Самсоновна (Липочка), ихъ дочь.
Лазарь Елизарычъ Подхалюзинъ, прикащикъ.
Устинья Наумовна, сваха.
Сысой Псоичъ Рисположенскій, стряпчій.
Фоминишна, ключница } въ домѣ Большова.
Тишка, мальчикъ } въ домѣ Большова.
Квартальный.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Гостиная въ домѣ Большова.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Липочка (*сидитъ у окна съ книгой*).

Какое пріятное занятіе эти танцы! Вѣдь, ужь какъ хорошо! Что̀ можетъ быть восхитительнѣе? Пріѣдешь въ собраніе, али къ кому на свадьбу, сидишь, натурально — вся въ цвѣтахъ, разодѣта, какъ игрушка, али картинка журнальная; вдругъ подлетаетъ кавалеръ: «удостойте счастія, сударыня!» Ну, видишь: если человѣкъ съ понятіемъ, али армейской какой — возьмешь да и прищуришься, отвѣчаешь: «извольте, съ удовольствіемъ!» Ахъ! (*съ жаромъ*) оча-ро-ва-тельно! это, просто, уму непостижимо! (*Вздыхаетъ*). Больше всего не люблю я танцовать съ студентами да съ при-

казными. То-ли дѣло отличаться съ военными! Ахъ, прелесть! восхищеніе! И усы, и эполеты, и мундиръ, а у иныхъ даже шпоры съ колокольчиками. Одно убійственно, что сабли нѣтъ! И для чего они ее отвязываютъ? Странно, ей Богу! Сами не понимаютъ, какъ блеснуть очаровательнѣе! Вѣдь, посмотрѣли-бы на шпоры, какъ онѣ звенятъ, особливо, если уланъ, али полковникъ какой разрисовываетъ — чудо! Любоваться мило-дорого! Ну, а прицѣпи-ко онъ еще саблю: просто, ничего не увидишь любопытнѣе; одного грома лучше музыки наслушаешься. Ужь какое-же есть сравненіе: военный или штатскій? Военный — ужь это сейчасъ видно: и ловкость, и все; а штатскій что̀? Такъ, какой-то неодушевленный! (*Молчаніе*). Удивляюсь, отчего это многія дамы, поджавши ножки, сидятъ? Формально нѣтъ никакой трудности выучиться! Вотъ ужь я, на что̀ совѣстилась учителя, а въ двадцать уроковъ все рѣшительно поняла. Отчего это не учиться танцовать! Это одно только суевѣріе! Вотъ маменька, бывало, сердится, что учитель все за колѣнки хватаетъ. Все это отъ необразованія! Что̀ за важность! Онъ танцмейстеръ, а не кто-нибудь другой. (*Задумывается*). Воображаю я себѣ: вдругъ за меня посватается военный, вдругъ у насъ парадный сговоръ: горятъ вездѣ свѣчки, ходятъ официанты въ бѣлыхъ перчаткахъ; я, натурально, въ тюлевомъ, либо въ газовомъ платьѣ, тутъ вдругъ заиграютъ вальсъ. А ну, какъ я передъ нимъ сконфужусь! Ахъ, срамъ какой! Куда тогда дѣваться-то? Что̀ онъ подумаетъ? Вотъ, скажетъ, дура необразованная! Да нѣтъ, какъ это можно! Однако, я вотъ полтора года не танцовала! Попробую-ко теперь на досугѣ. (*Дурно вальсируя*). Разъ... два... три... разъ... два... три... (*Аграфена Кондратьевна входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Липочка и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна.

Такъ, такъ, безстыдница! Какъ будто сердце чувствовало: ни свѣтъ, ни заря, не поѣмши хлѣба божьяго, да ужь и за пляску тотчасъ!

Липочка.

Какъ, маменька? я и чай пила, и ватрушку скушала. Посмотрите, хорошо? Разъ... два... три... разъ... два...

Аграфена Кондратьевна (*преслѣдуя ее*).

Такъ что̀-жъ, что ты скушала? Нужно мнѣ очень смотрѣть, какъ ты грѣховодничаешь!.. Говорю тебѣ, не вертись!..

Липочка.

Что̀ за грѣхъ такой! Нынче всѣ этимъ развлекаются. Разъ... два...

Аграфена Кондратьевна.

Лучше объ столъ лбомъ стучи, да ногами не озарничай! (*Бѣгаетъ за ней*). Да что̀-жъ ты, съ чего-жъ ты взяла не слушаться!

Липочка.

Какъ не слушаться, кто вамъ сказалъ! Не мѣшайте, дайте кончить, какъ надобно! Разъ... два... три...

Аграфена Кондратьевна.

Долголь-же мнѣ бѣгать-то за тобой на старости лѣтъ! Ухъ, замучила, варварка! Слышишь, перестань! Отцу пожалуюсь!

Липочка.

Сейчасъ, сейчасъ, маменька! Послѣдній кружокъ! Васъ на то и Богъ создалъ, чтобъ жаловаться. Сами-то вы не очень для меня значительны! Разъ... два...

Аграфена Кондратьевна.

Ка̀къ, ты еще пляшешь, да еще ругаешься! Сію минуту брось! Тебѣ-жъ будетъ хуже; поймаю за юпку, весь хвостъ оторву.

Липочка.

Ну, да рвите на здоровье! Вамъ-же зашивать придется! Вотъ и будетъ! (*Садится*). Фу... фу... какъ упаточилась, словно возъ везла! Ухъ, дайте, маменька, платочка потъ обтереть.

Аграфена Кондратьевна.

Постой, ужь я сама оботру! Ишь уморилась! А, вѣдь, и то сказать, будто неволили. Коли ужь матери не почитаешь, такъ стѣнъ-то-бы посовѣстилась! Отецъ, голубчикъ, черезъ великую силу ноги двигаетъ, а ты тутъ скачешь, какъ юла какая!

Липочка.

Подите вы съ своими совѣтами! Что̀-жъ мнѣ дѣлать, по ва-

шему! Самой, что̀-ли, хворать прикажете? Вотъ другой манеръ, кабы я была докторша! Ахъ, какія вы, маменька, ей-Богу! Право, мнѣ иногда краснѣть приходится отъ вашихъ глупостей.

Аграфена Кондратьевна.

Каково дѣтище-то ненаглядное! Прошу подумать, какъ она мать-то честитъ! Ахъ ты, болтушка безтолковая! Да развѣ можно такими рѣчами поносить родителей? Да неужто я затѣмъ тебя на свѣтъ родила, учила да берегла пуще соломенки?

Липочка.

Не вы учили — посторонніе; полноте, пожалуйста; вы и сами-то, признаться сказать, ничему не воспитаны. Ну, что̀-жь? Родили вы — я была тогда что̀? ребенокъ, дитя безъ понятія, не смыслила обращенія. А выросла, да посмотрѣла на свѣтскій тонъ, такъ и вижу, что я гораздо другихъ образованнѣе. Что̀-жь мнѣ, потакать вашимъ глупостямъ! Какже! Есть окказія.

Аграфена Кондратьевна.

Уймись! эй, уймись, безстыдница! Выведешь ты меня изъ терпѣнія, прямо къ отцу пойду, такъ въ ноги и брякнусь! житья, скажу, нѣтъ отъ дочери, Самсонушко.

Липочка.

Да, вамъ житья нѣтъ, воображаю! А мнѣ есть отъ васъ житье? Зачѣмъ вы отказали жениху? Чѣмъ не безподобная партія? Чѣмъ не капидонъ? Что̀ вы нашли въ немъ легковѣрнаго?

Аграфена Кондратьевна.

А то и легковѣрнаго, что зубоскалъ! Пріѣхалъ, ломался, ломался, вертѣлся, вертѣлся. Эка невидаль!

Липочка.

Да, много вы знаете! Извѣстно, онъ благородный человѣкъ, такъ и дѣйствуетъ по деликатному. Въ ихнемъ кругу всегда такъ дѣлаютъ. Да какъ еще вы смѣете порочить такихъ людей, которыхъ вы и понятія не знаете? Онъ, вѣдь, не купчишка какой-нибудь. (*Шепчетъ въ сторону*). Душка, милашка!

Аграфена Кондратьевна.

Да, хорошъ душка! Скажите, пожалуйста! Жалко, что не отдали тебя за шута за гороховаго. Вѣдь, ишь ты, блажь-то какая въ тебѣ; вѣдь, это ты на зло матери подъ носъ-то шепчешь.

Липочка.

Видимый резонъ, что вы не хотите моего счастія. Вамъ съ тятенькой только кляузы строить да тиранничать.

Аграфена Кондратьевна.

Ну, какъ ты хочешь, такъ и думай, Господь тебѣ судья! А никто такъ не заботится о своемъ дѣтищѣ, какъ материнская утроба! Ты вотъ тутъ хохришься да разныя глупости выколупываешь, а мы съ отцомъ-то и денно и нощно заботимся, какъ-бы тебѣ хорошаго человѣка найти да пристроить тебя поскорѣе.

Липочка.

Да, легко вамъ разговаривать, а позвольте спросить, каково мнѣ-то?

Аграфена Кондратьевна.

Развѣ мнѣ тебя не жаль, ты думаешь! Да что̀ дѣлать-то! Вѣдь, нельзя-же тебѣ вдругъ жениха найти: скоро-то только кошки мышей ловятъ.

Липочка.

Что̀ мнѣ до вашихъ кошекъ! Мнѣ мужа надобно! Что̀ это такое! Срамъ встрѣчаться съ знакомыми: въ цѣлой Москвѣ не могли выбрать жениха — все другимъ да другимъ. Кого не задѣнетъ за живое: всѣ подруги съ мужьями давно, а я словно сирота какая! Отыскался вотъ одинъ, такъ и тому отказали. Слышите, найдите мнѣ жениха, безпремѣнно найдите!.. Впередъ вамъ говорю! А то для васъ-же будетъ хуже: нарочно, вамъ на зло, по секрету заведу обожателя, съ гусаромъ убѣгу, да и обвѣнчаемся потихоньку.

Аграфена Кондратьевна.

Что̀, что̀, безпутная! Кто вбилъ въ тебя такія скверности? Владыко милосердый! не могу съ духомъ собраться!.. Ну, нѐчего дѣлать! Видно, придется отца позвать.

Липочка.

Только и ладитъ, что отца да отца; бойки вы при немъ разговаривать-то, а попробуйте-ка сами!

Аграфена Кондратьевна.

Такъ что̀-же, я дура по твоему, что̀-ли? Какіе у тебя тамъ гусары, безстыжій твой носъ! Тьфу ты, дьявольское наважденіе!

Али ты думаешь, что я не властна надъ тобой приказывать? Говори, безстыжіе твои глаза, съ чего у тебя взглядъ-то такой завистливый? Что̀ ты, прытче матери хочешь быть? У меня, вѣдь, не долго: я и на кухню горшки парить пошлю. Ишь ты! А!.. Ахъ, матушки вы мои! Посконный сарафанъ сошью, да вотъ на голову тебѣ и надѣну!

Липочка.

Какже! Позволю я надъ собой командовать! Вотъ еще новости!

Аграфена Кондратьевна.

Молчи, молчи, таранта егоровна! Уступи верхъ матери! Словечко пикнешь, такъ языкъ ниже пятокъ пришью. Вотъ послалъ Господь утѣшеніе! Мальчишка ты, и на умѣ-то у тебя все не женское! Готова, чай, вотъ на лошадь по-солдатски вскочить!

Липочка.

Вы, я воображаю, приплетете скоро всѣхъ будочниковъ. Ужь молчали-бы лучше, коли не такъ воспитаны. Все я не хороша, а сами-то вы каковы послѣ этого! Что̀, вамъ угодно спровадить меня на тотъ свѣтъ прежде времени? извести своими капризами? (*Плачетъ*). Что̀-жь, пожалуй, я ужь и такъ, какъ муха какая, кашляю! (*Плачетъ*).

Аграфена Кондратьевна (*стоитъ и смотритъ на нее*).

Ну, полно, полно! (*Липочка плачетъ громче и потомъ рыдаетъ*). Ну, полно ты, полно! Говорятъ тебѣ, перестань! Ну, я виновата, перестань только, я виновата. (*Липочка плачетъ*). Липочка! Липа! Ну, будетъ! Ну, перестань! (*Сквозь слезы*). Ну, не сердись ты на меня... (*плачетъ*) бабу глупую... неученую... (*плачутъ обѣ вмѣстѣ*). Ну, прости ты меня... сережки куплю.

Липочка (*плача*).

На что̀ мнѣ сережки ваши, у меня и такъ полонъ туалетъ. А вы купите браслеты съ изумрудами.

Аграфена Кондратьевна.

Куплю, куплю, только ты плакать-то перестань!

Липочка (*сквозь слезы*).

Тогда и перестану, какъ замужъ выду. (*Плачетъ*).

Аграфена Кондратьевна.

Выдешь, выдешь, голубчикъ ты мой! Ну, поцалуй меня! (*Цалуются*). Ну, Христосъ съ тобой! Ну, дай я тебѣ слезки оботру! (*Обтираетъ*). Вотъ нынче хотѣла Устинья Наумовна придти, мы и потолкуемъ.

Липочка (*голосомъ, еще неуспокоившимся*).

Ахъ, кабы она поскорѣй пришла! (*Входитъ Ѳоминишна*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Ѳоминишна.

Ѳоминишна.

Угадайте-ка, матушка, Аграфена Кондратьевна, кто къ намъ изволитъ жаловать?

Аграфена Кондратьевна.

Не умѣю сказать. Да что̀ я тебѣ, бабка-угадка, что̀-ли, Ѳоминишна?

Липочка.

Отчего-жь ты у меня не спросишь! что̀ я, глупѣе, что̀-ли, васъ съ маменькой?

Ѳоминишна.

Ужь и не знаю, какъ сказать; на словахъ-то ты у насъ больно прытка, а на дѣлѣ-то вотъ и нѣтъ тебя. Просила, просила, не токма, чтобы что такое, подари хоть платокъ, валяются у тебя вороха два безъ призрѣнія, такъ все нѣтъ, все чужимъ да чужимъ.

Аграфена Кондратьевна.

Вотъ ужь этого, Ѳоминишна, я до скончанія не разберу.

Липочка.

Ишь она! Знать пивца хлебнула послѣ завтрака, налѣпила тутъ чудеса въ рѣшетѣ.

Ѳоминишна.

Вѣстимо такъ; что̀ смѣяться-то? Каково скончаніе, Аграфена Кондратьевна, бываетъ и начало хуже конца.

Аграфена Кондратьевна.

Съ тобой не разъѣдешься! Ты коли ужь начнешь толковать, такъ только ушами хлопай. Кто-жь такой тамъ пришелъ-то?

Липочка.

Мужчина, али женщина?

Ѳоминишна.

У тебя все мужчины въ глазахъ-то прыгаютъ. Да гдѣ-жь это таки видано, что мужчина ходитъ въ чепчикѣ? Вдовье дѣло — какъ слѣдуетъ назвать?

Липочка.

Натурально, незамужняя, вдова.

Ѳоминишна.

Стало быть, моя правда; и выходитъ, что женщина!

Липочка.

Эка безтолковая! Да кто женщина-то!

Ѳоминишна.

То-то вотъ, умна, да не догадлива: некому другому и быть, какъ не Устиньѣ Наумовнѣ.

Аграфена Кондратьевна.

Гдѣ-жь она до сихъ поръ? Веди ее скорѣй, Ѳоминишна!

Ѳоминишна.

Сама въ секунду явится; остановилась на дворѣ, съ дворникомъ бранится: не скоро калитку отперъ. (*Входитъ Устинья Наумовна*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна.

Уфъ, фа, фа! что это у васъ, серебряныя, лѣстница-то какая крутая: лѣзешь, лѣзешь, насилу вползешь.

Липочка.

Ахъ, да вотъ и она! Здравствуй, Устинья Наумовна!

Устинья Наумовна.

Не больно спѣши! Есть и постарше тебя. Вотъ съ маменькой-то покалякаемъ прежде. (*Цалуясь*). Здравствуй, Аграфена Кондратьевна! Какъ встала — ночевала, все ли жива, бралліантовая?

Аграфена Кондратьевна.

Слава Создателю! Живу — хлѣбъ жую; цѣлое утро вотъ съ дочкой балясничала.

Устинья Наумовна.

Чай объ нарядахъ все. (*Цалуясь съ Липочкой*). Вотъ и до тебя очередь дошла. Что это ты словно потолстѣла, изумрудная?.. Пошли Творецъ! Чего-жь лучше, какъ не красотой цвѣсти!

Ѳоминишна.

Тьфу ты, грѣховодница! Еще сглазишь, пожалуй.

Липочка.

Ахъ, какой вздоръ! Это тебѣ такъ показалось, Устинья Наумовна. Я все хирѣю: то колики, то сердце бьется, какъ маятникъ; все какъ словно тебя подманиваетъ, али плывешь по морю, такъ вотъ и рябитъ меланхолія въ глазахъ.

Устинья Наумовна (*Ѳоминишнѣ*).

Ну, и съ тобой, Божья старушка, поцалуемся ужь кстати. Правда, на дворѣ, вѣдь, здоровались, серебряная, стало быть, и губы трепать нѣчего.

Ѳоминишна.

Какъ знаешь. Извѣстно, мы не хозяева, лыкомъ шитая мелкота; а и въ насъ тоже душа, а не паръ!

Аграфена Кондратьевна (*садясь*).

Садись, садись, Устинья Наумовна! Что̀ какъ пушка на колесахъ стоишь! Поди-ка, вели намъ, Ѳоминишна, самоварчикъ согрѣть.

Устинья Наумовна.

Пила, пила, жемчужная; провалиться на мѣстѣ, пила, и забѣжала-то такъ, на минуточку.

Аграфена Кондратьевна.

Что̀-жь ты, Ѳоминишна, прохлаждаешься! Бѣги, мать моя, проворнѣе.

Липочка.

Позвольте, маменька, я поскорѣй сбѣгаю; видите, какая она неповоротливая.

Ѳоминишна.

Ужь не финти, гдѣ не спрашиваютъ! А я, матушка, Аграфена

Кондратьевна, вотъ что̀ думаю, не пригожѣе-ли будетъ подать бальсанцу съ селедочкой.

Аграфена Кондратьевна.

Ну, бальсанъ бальсаномъ, а самоваръ самоваромъ. Аль тебѣ жалко чужаго добра? Да, какъ поспѣетъ, вели сюда принести.

Ѳоминишна.

Какъ-же ужь! Слушаю! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же безъ Ѳоминишны.

Аграфена Кондратьевна.

Ну что̀, новенькаго нѣтъ-ли чего, Устинья Наумовна? Ишь, у меня дѣвка-то стосковалась совсѣмъ...

Липочка.

И въ самомъ дѣлѣ, Устинья Наумовна, ты ходишь, ходишь, а толку нѣтъ никакого.

Устинья Наумовна.

Да ишь ты, съ вами не скоро сообразишь, браліянтовыя. Тятенька твой ладитъ за богатаго: мнѣ, говоритъ, хоть Ѳедотъ отъ проходныхъ воротъ, лишь-бы денежки водились да приданаго поменьше ломилъ. Маменька-то вотъ, Аграфена Кондратьевна, тоже норовитъ въ свое удовольствіе: подавай ты ей безпремѣнно купца, да чтобы былъ жалованный, да лошадей-бы хорошихъ держалъ, да и лобъ-то крестилъ-бы по старинному. У тебя тоже свое на умѣ. Какъ на васъ угодишь? (*Входитъ Ѳоминишна и ставитъ на столъ водку съ закуской*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и Ѳоминишна.

Липочка.

Не пойду я за купца, ни за что̀ не пойду! За тѣмъ развѣ я такъ воспитана: училась и по-французски, и на фортепьянахъ, и танцовать! Нѣтъ, нѣтъ! Гдѣ хочешь возьми, а достань благороднаго.

Аграфена Кондратьевна.

Вотъ ты и толкуй съ ней.

Ѳоминишна.

Да что̀ тебѣ дались эти благородные? что̀ въ нихъ за особенный скусъ? Голый на голомъ, да и христіанства-то никакого нѣтъ: ни въ баню не ходитъ, ни пироговъ по праздникамъ не печетъ.

Липочка.

Ты, Ѳоминишна, родилась между мужиковъ, и ноги протянешь мужичкой. Что̀ мнѣ въ твоемъ купцѣ? Какой онъ можетъ имѣть вѣсъ? Гдѣ у него амбиція? Мочалка-то его, что̀-ли, мнѣ нужна?

Ѳоминишна.

Не мочалка, а Божій волосъ, сударыня, такъ-то-съ!

Аграфена Кондратьевна.

Вѣдь, и тятенька твой не оболваненный какой, и борода-то то-же не обшарканная, да цалуешь-же ты его какъ-нибудь?

Липочка.

Одно дѣло тятенька, а другое дѣло — мужъ. Да что̀ вы пристали, маменька? Ужь сказала, что не пойду за купца, такъ и не пойду! Лучше умру сейчасъ, до конца всю жизнь выплачу: слезъ не достанетъ, перцу наѣмся.

Ѳоминишна.

Никакъ ты плакать сбираешься? И думать не моги! И тебѣ какъ въ охоту дразнить, Аграфена Кондратьевна!

Аграфена Кондратьевна.

А кто ее дразнитъ? Сама привередничаетъ.

Устинья Наумовна.

Пожалуй, ужь коли тебѣ такой апекитъ, найдемъ тебѣ и благороднаго.

Липочка.

И пуще всего, Устинья Наумовна, безпремѣнно, чтобы былъ-бы брюнетъ; ну, понятное дѣло, чтобъ и одѣтъ былъ по-журнальному.

Устинья Наумовна.

А есть у меня теперь женихъ, вотъ точно такой, какъ ты,

браліянтовая, расписываешь: и благородный, и рослый, и брюле.

Липочка.

Ахъ, Устинья Наумовна! Совсѣмъ не брюле, а брюнетъ.

Устинья Наумовна.

Да, очень мнѣ нужно, на старости лѣтъ, языкъ-то ломать по твоему! какъ сказалось, такъ и живетъ. И крестьяне есть, и оргенъ на шеѣ; ты вотъ поди одѣнься, а мы съ маменькой потолкуемъ объ этомъ дѣлѣ.

Липочка.

Ахъ, голубушка, Устинья Наумовна, зайди ужо ко мнѣ въ комнату: мнѣ нужно поговорить съ тобой. Пойдемъ, Ѳоминишна.

Ѳоминишна.

Охъ, ужь ты мнѣ, егоза! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Аграфена Кондратьевна и Устинья Наумовна.

Аграфена Кондратьевна.

Не выпить-ли намъ передъ чаемъ-то бальсанцу, Устинья Наумовна?

Устинья Наумовна.

Можно, браліянтовая, можно.

Аграфена Кондратьевна (*наливаетъ*).

Кушай-ка на здоровье!

Устинья Наумовна.

Да ты-бы сама-то прежде, яхонтовая. (*Пьетъ*).

Аграфена Кондратьевна.

Еще поспѣю!

Устинья Наумовна.

У! ахъ! фу! Гдѣ это вы берете зелье этакое?

Аграфена Кондратьевна.

Изъ винной конторы. (*Пьетъ*).

Устинья Наумовна

Ведрами, чай?

Аграфена Кондратьевна.

Ведрами. Что̀ ужь по малости-то, напасешься-ль? У насъ, вѣдь, расходъ большой.

Устинья Наумовна.

Что̀ говорить, матушка, что̀ говорить! Ну, ужь, хлопотала, хлопотала я для тебя, Аграфена Кондратьевна, гранила, гранила мостовую-то, да ужь и выкопала жениха: ахнете, браліянтовыя, да и только!

Аграфена Кондратьевна.

Насилу-то умное словцо вымолвила.

Устинья Наумовна.

Благороднаго происхожденія и значительный человѣкъ; такой вельможа, что вы и во снѣ не видывали.

Аграфена Кондратьевна.

Видно, ужь попросить у Самсона Силыча тебѣ парочку арабчиковъ *).

Устинья Наумовна.

Ничего, жемчужная, возьму. И крестьяне есть, и оргенъ на шеѣ; а уменъ — какъ просто тебѣ истуканъ золотой!

Аграфена Кондратьевна.

Ты-бы, Устинья Наумовна, впередъ доложила, что за дочерью-то у насъ не горы, молъ, золотыя.

Устинья Наумовна.

Да у него своихъ дѣвать некуды.

Аграфена Кондратьевна.

Хорошо-бы это, ужь и больно хорошо; только вотъ что̀, Устинья Наумовна: сама ты, мать, посуди, что̀ я буду съ благороднымъ-то зятемъ дѣлать? Я слова-то сказать съ нимъ не умѣю, словно въ лѣсу.

Устинья Наумовна.

Оно точно, жемчужная. дико сначала-то, ну, а потомъ привыкнешь, обойдетесь какъ-нибудь. Да вотъ съ Самсонъ Силычемъ надо потолковать, можетъ, онъ его и знаетъ, этого человѣка-то. (*Входитъ Рисположенскій*).

---

*) Арабчикъ — червонецъ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и Ризположенскій.

Ризположенскій.

А я къ вамъ, матушка, Аграфена Кондратьевна. Толконулся-было къ Самсону Силычу, да занятъ, вижу; такъ я думаю: зайду, молъ, я къ Аграфенѣ Кондратьевнѣ. Что̀ это, водочка у васъ? Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (*Пьетъ*).

Аграфена Кондратьевна.

Кушай, батюшка, на здоровье! Садиться милости просимъ, какъ живете, можете?

Ризположенскій.

Какое ужь наше житье! Такъ, небо коптимъ, Аграфена Кондратьевна! Сами знаете: семейство большое, дѣлишки маленькія. А не ропщу; роптать грѣхъ, Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна.

Ужь это, батюшка, послѣднее дѣло.

Ризположенскій.

Кто ропчетъ, тотъ, значитъ, Богу противится, Аграфена Кондратьевна. Вотъ какая была исторія...

Аграфена Кондратьевна.

Какъ тебя звать-то, батюшка? Я все позабываю.

Ризположенскій.

Сысой Псоичъ, матушка, Аграфена Кондратьевна.

Устинья Наумовна.

Какъ же это такъ: Псовичъ, серебряный? По-каковски-же это?

Ризположенскій.

Не умѣю вамъ сказать доподлинно; отца звали Псой — ну, стало быть, я Псоичъ и выхожу.

Устинья Наумовна.

А Псовичъ... такъ Псовичъ! Что̀-жь, это ничего! и хуже бываетъ, браліянтовый.

Аграфена Кондратьевна.

Такъ какую-же ты, Сусой Псовичъ, исторію хотѣлъ разсказать?

Рисположенскій.

Такъ вотъ, матушка, Аграфена Кондратьевна, была исторія; не то, чтобы причта, али сказка какая, а истинное происшествіе. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (*Пьетъ*).

Аграфена Кондратьевна.

Кушай, батюшка, кушай.

Рисположенскій (*садится*).

Жилъ старецъ, маститый старецъ... Вотъ ужъ я, матушка, забылъ — гдѣ, а только въ странѣ такой... необитаемой. Было у него, сударыня ты моя, двѣнадцать дочерей — малъ-мала-меньше. Самъ работать не въ силахъ, жена тоже старуха старая, дѣти еще малыя, а пить, ѣсть надобно. Что было добра, подъ старость все прожили: поить, кормить некому! Куда дѣться съ малыми ребятами! Вотъ онъ такъ думать, эдакъ думать — нѣтъ, сударыня ты моя, ничего ужъ тутъ не придумаешь. «Пойду, говоритъ, я на распутіе: не будетъ-ли чего отъ доброхотныхъ дателей». День сидитъ — Богъ подастъ; другой сидитъ — Богъ подастъ; вотъ онъ, матушка, и возроптал ъ.

Аграфена Кондратьевна.

А, батюшки!

Рисположенскій.

Господи, говоритъ, не мздоимецъ я, не лихоимецъ я... лучше, говоритъ, на себя руки наложить.

Аграфена Кондратьевна.

Ахъ, батюшка мой!

Рисположенскій.

И бысть ему, сударыня ты моя, сонъ въ нощи... (*Входитъ Большовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же и Большовъ.

Большовъ.

А! и ты, баринъ, здѣсь! Что̀ это ты тутъ проповѣдуешь?

Рисположенскій (*кланяется*).

Все-ли вы здоровы, Самсонъ Силычъ?

Устинья Наумовна.

Что̀ это ты, яхонтовый, похудѣлъ словно? Аль увѣчье какое напало?

Большовъ (*садясь*).

Простудился, должно быть, либо геморой, что̀-ли, расходился...

Аграфена Кондратьевна.

Ну, такъ, Сусой Псовичъ, что̀-же ему дальше-то было?

Рисположенскій.

Послѣ, Аграфена Кондратьевна, послѣ доскажу, на свободѣ какъ-нибудь, забѣгу въ сумерки и разскажу.

Большовъ.

Что̀ это ты, или за святость взялся! ха, ха, ха!. Пора очувствоваться!

Аграфена Кондратьевна.

Ну, ужь ты начнешь! Не дашь по душѣ потолковать.

Большовъ.

По душѣ!.. ха, ха, ха!.. А ты спроси-ка, что онъ въ судѣ-то надѣлалъ; вотъ эту исторію-то онъ тебѣ лучше разскажетъ.

Рисположенскій.

Ничего не надѣлалъ.

Большовъ.

А за что̀-жь тебя оттедова выгнали?

Рисположенскій.

Пьяный-было дѣло потерялъ, вотъ и все.

Аграфена Кондратьевна.

Что̀-жь! Не токма что съ пьющимъ, и съ непьющимъ бываетъ. Что̀-жь за бѣда такая!

Большовъ.

Какъ-же тебя въ Камчатку не сослали?

Рисположенскій.

Ужь и въ Камчатку! А за что̀, позвольте васъ спросить — за что̀ въ Камчатку-то сослать?

Большовъ.

За что̀! За безобразіе! Такъ неужели-жь вамъ потакать? Этакъ вы съ кругу сопьетесь.

Рисположенскій.

Будетъ съ меня и того, что изъ службы выгнали. Каково мнѣ теперь съ семействомъ-то маяться. По грошамъ-то немного наберешь! А, вѣдь, я человѣкъ чувствительный, я свою семью люблю. Я, Аграфена Кондратьевна, рюмочку выпью. (*Пьетъ*).

Аграфена Кондратьевна.

Кушай, батюшка, на здоровье! А мы съ тобой, Устинья Наумовна, пойдемъ-ка; чай, ужь самоваръ готовъ; да покажу я тебѣ, есть у насъ кой-что̀ изъ приданаго новенькаго.

Устинья Наумовна.

У васъ, чай, и такъ вороха наготовлены, бралiянтовая.

Аграфена Кондратьевна.

Что̀ дѣлать-то! Матерiи новыя вышли, а намъ будто не стать за нихъ деньги платить.

Устинья Наумовна.

Что̀ говорить, жемчужная! Свой магазинъ, все равно, что въ саду ростетъ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНIЕ ДЕСЯТОЕ.

Большовъ и Рисположенскій.

Большовъ.

А что̀, Сысой Псоичъ, чай, ты съ этимъ крючкотворствомъ на своемъ вѣку много чернилъ извелъ?

Рисположенскій.

Хе, хе... Самсонъ Силычъ, матерiалъ не дорогой. А я вотъ забѣжалъ понавѣдаться, какъ ваши дѣлишки. Что̀-то вы въ последнее время въ задумчивость приходить стали.

Большовъ.

Забѣжалъ ты! тебѣ больно нужно! То-то вотъ, вы подлый народъ такой, кровопивцы какiе-то: только-бъ вамъ пронюхать что̀-нибудь этакое, такъ ужь вы вьетесь тутъ съ вашимъ дьявольскимъ наущенiемъ.

Рисположенскій.

Какое-же можетъ произойти, Самсонъ Силычъ, отъ меня нау-

щеніе? Да и чтò я за учитель такой, когда вы сами, можетъ быть, въ десять разъ меня умнѣе? Меня чтò попросятъ, я сдѣлаю. Чтò-жь не сдѣлать! Я-бы свинья былъ, когда-бъ не сдѣлалъ; потому что я, можно сказать, облагодѣтельствованъ вами и съ ребятишками. А я еще довольно глупъ, чтобы вамъ совѣтывать: вы свое дѣло сами лучше всякаго знаете.

Большовъ.

Сами знаете! То-то вотъ и бѣда, что нашъ братъ, купецъ, дуракъ, ничего онъ не понимаетъ, а такимъ піявкамъ, какъ ты, это и на-руку. Вѣдь, вотъ ты теперь всѣ пороги у меня обобьешь, таскамшись-то.

Рисположенскій.

Какъ-же мнѣ не таскаться-то! Кабы я васъ не любилъ, я-бы къ вамъ не таскался. Развѣ я не чувствую? Чтò-жь я, въ самомъ дѣлѣ, скотъ, чтò-ли, какой безсловесный?

Большовъ.

Знаю я, что ты любишь — всѣ вы насъ любите; только путнаго отъ васъ ничего не добьешься. Вотъ я теперь маюсь, маюсь съ дѣломъ-то, такъ измучился, повѣришь ли ты, мнѣніемъ только этимъ однимъ! Поневолѣ задумаешься, какъ дѣла-то замнутся. Вотъ теперь приходится много денегъ платить! И не то, чтобъ у меня ихъ не было, а признаться тебѣ сказать, не хочется. Пожалуй, расплатиться можно, да себѣ-то, глядишь, ничего и не останется. Вотъ, какъ теперь деньги-то всѣ въ рукахъ, такъ отдавать-то и жалко. Ты этого и понять-то не можешь, потому что ты такихъ денегъ съ роду не видывалъ. Какъ вспомню, что отдавать надобно, такъ вотъ за сердце и схватитъ — инда нездоровъ сдѣлался. Тьфу, вы, окаянныя! (*Съ волненіемъ въ голосѣ*). Кажется, вотъ... ну, вотъ... задушилъ-бы кого-нибудь!

Рисположенскій.

Чтò-жь, Самсонъ Силычъ, не вы первый, не вы послѣдній; нешто другіе-то не дѣлаютъ?

Большовъ.

Какъ не дѣлать, братъ, и другіе дѣлаютъ. Да еще какъ дѣлаютъ-то — безъ стыда, безъ совѣсти! На лежачихъ лесорахъ ѣздятъ, въ трехъ-этажныхъ домахъ живутъ; другой та-

кой бельведеръ съ колоннами выведетъ, что ему съ своею образиной и войти-то туда совѣстно; а тамъ и капутъ, и взять съ него нѣчего. Коляски эти разъѣдутся неизвѣстно куда, дома всѣ заложены, останется-ль, нѣтъ-ли кредиторамъ-то старыхъ сапоговъ пары три. Вотъ это-то меня больше и смущаетъ.

Рисположенскій.

Извѣстное дѣло. Что̀-жь, Самсонъ Силычъ, все это въ нашихъ рукахъ.

Большовъ.

Знаю, что въ нашихъ рукахъ; да съумѣешь-ли ты это дѣло сдѣлать-то? Вѣдь, вы народецъ тоже! Я ужь васъ знаю! На словахъ-то вы прытки, а тамъ и пошелъ блудить.

Рисположенскій.

Да что̀ вы, Самсонъ Силычъ, помилуйте, нешто мнѣ въ первый разъ! Ужь еще этого-то не знать! хе, хе, хе!..

Большовъ.

Ой-ли? Такъ какую-жь ты механику подсмолишь?

Рисположенскій.

А тамъ, глядя по обстоятельствамъ. Я, Самсонъ Силычъ, рюмочку выпью... (*Пьетъ*). Вотъ, первое дѣло, Самсонъ Силычъ, надобно домъ да лавки заложить, либо продать. Это ужь первое дѣло.

Большовъ.

Да, это точно надобно слѣдать заблаговременно. На кого-бы только эту обузу свалить?

Рисположенскій.

А я вотъ какъ мекаю, Самсонъ Силычъ, хотите вы меня слушайте, хотите вы — нѣтъ: каковъ человѣкъ у васъ прикащикъ?

Большовъ.

Который? Лазарь, что̀-ли?

Рисположенскій.

Да, Лазарь Елизарычъ.

Большовъ.

Ну, а на Лазаря, такъ и пускай на него: онъ малый съ понятіемъ, да и капиталецъ есть.

Рисположенскій.

Что̀-же прикажете, Самсонъ Силычъ: закладную, или купчую?

Большовъ.

А съ чего процентовъ меньше, то и варганъ. Какъ сдѣлаешь все въ акуратѣ, такой тебѣ, Сысой Псоичъ, магарычь поставлю, просто сказать, угоришь.

Рисположенскій.

Ужь будьте покойны, Самсонъ Силычъ, мы свое дѣло знаемъ. А вы Лазарю-то Елизарычу говорили, или нѣтъ? Я, Самсонъ Силычъ, рюмочку выпью. (*Пьетъ*).

Большовъ.

Нѣтъ еще. Вотъ ныньче потолкуемъ. Онъ у меня парень-то дѣльный; ему только мигни, онъ и понимаетъ. А ужь сдѣлаетъ-то что̀, такъ пальца не подсунешь. Ну, заложимъ мы домъ, а потомъ что̀?

Рисположенскій.

А потомъ напишемъ реэстрикъ, что вотъ, молъ, такъ и такъ, по двадцати пяти копѣекъ за рубль: ну и ступайте по кредиторамъ. Коли кто больно заартачится, такъ можно и прибавить; а другому сердитому и всѣ заплатить... Вы ему заплатите, а онъ — чтобы писалъ, что по сдѣлкѣ получилъ по двадцати пяти копѣекъ, такъ для видимости, чтобы другимъ показать. Вотъ, молъ, такъ и такъ; ну и другіе, глядя на нихъ, согласятся.

Большовъ.

Это точно, поторговаться не мѣшаетъ: не возьмутъ по двадцати пяти, такъ полтину возьмутъ; а если полтины не возьмутъ, такъ за семь гривенъ обѣими руками ухватятся. Все-таки, барышъ. Тамъ что̀ хошь говори, а у меня дочь невѣста, хоть сейчасъ изъ полы въ полу, да съ двора долой. Да и самому-то, братецъ ты мой, отдохнуть пора; проклажались-бы мы, лежа на боку, и торговлю всю эту къ чорту. Да вотъ и Лазарь идетъ. (*Входитъ Подхалюзинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Подхалюзинъ.

Большовъ.

Чтò скажешь, Лазарь? Ты изъ городу, чтò-ль? Какъ у васъ тамъ?

Подхалюзинъ.

Слава Богу-съ, идетъ по маленьку. Сысою Псоичу! (*Кланяется*).

Рисположенскій.

Здравствуйте, батюшка, Лазарь Елизарычъ! (*Кланяется*).

Большовъ.

А идетъ, такъ и пусть идетъ. (*Помолчавъ*). А вотъ ты-бы, Лазарь, когда на досугѣ баланцъ для меня сдѣлалъ, учелъ-бы розничную по панской-то части, ну и остальное, чтò тамъ еще. А то торгуемъ, торгуемъ, братецъ, а пользы ни на грошъ. Али сидѣльцы, чтò-ли, грѣшатъ, таскаютъ роднымъ да любовницамъ; ихъ-бы маленичко усовѣщивалъ. Что такъ, безъ барыша-то пебо коптить? Аль сноровки не знаютъ? Пора-бы, кажется.

Подхалюзинъ.

Какъ-же это можно, Самсонъ Силычъ, чтобы сноровки не знать? Кажется, самъ завсегда въ городѣ бываю-съ и завсегда толкуешь имъ-съ.

Большовъ.

Да чтò-же ты толкуешь-то?

Подхалюзинъ.

Извѣстное дѣло-съ, стараюсь, чтобы все было въ порядкѣ и какъ слѣдуетъ-съ. Вы, говорю, ребята, не зѣвайте: видишь, чуть дѣло подходящее, покупатель, чтò-ли, тумакъ какой подвернулся, али цвѣтъ съ узоромъ какой барышнѣ понравился, взялъ, говорю, да и накинулъ рубль али два на аршинъ.

Большовъ.

Чай, братъ, знаешь, какъ нѣмцы въ магазинахъ нашихъ баръ обираютъ. Положимъ, что мы не нѣмцы, а христіане православные, да тоже пироги-то съ начинкой ѣдимъ. Такъ-ли, а? (*Рисположенскій смѣется*).

Подхалюзинъ.

Дѣло понятное-съ. И мѣрять-то, говорю, надо тоже поестественнѣе: тяни да потягивай, только-только, чтобъ, Боже сохрани, какъ не лопнуло; вѣдь, не намъ, говорю, послѣ носить. Ну, а зазѣваются, такъ не кто виноватъ, можно, говорю, и просто черезъ руку лишній аршинъ шмыгнуть.

Большовъ.

Все единственно; вѣдь, портной украдетъ-же! Эхъ, Лазарь, плохи нынче барыши: не прежнія времена. (*Помолчавъ*). Чтò, Вѣдомости принесъ?

Подхалюзинъ (*вынимая изъ кармана и подавая*).

Извольте получить-съ.

Большовъ.

Дава-ко-сь, посмотримъ. (*Надѣваетъ очки и просматриваетъ*).

Рисположенскій.

Я, Самсонъ Силычъ, рюмочку выпью. (*Пьетъ, потомъ надѣваетъ очки, садится подлѣ Большова и смотритъ въ газеты*).

Большовъ (*читаетъ вслухъ*).

«Объявленія казенныя и разныхъ обществъ. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 отъ Воспитательнаго Дома». Это не по нашей части: намъ крестьянъ не покупать. «7 и 8 отъ Московскаго Новерситета, отъ Губернскихъ Правленій, отъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія». Ну и это мимо. «Отъ Городской Шестигласной Думы». А нутко-сь, нѣтъ ли чего. (*Читаетъ*). «Отъ Московской Городской Шестигласной Думы симъ объявляется: не пожелаетъ-ли кто взять въ содержаніе нижеозначенныя оброчныя статьи». Не наше дѣло: залоги надоть представлять. «Контора Вдовьяго Дома симъ приглашаетъ...» Пускай приглашаетъ, а мы не пойдемъ. «Отъ Сиротскаго Суда». У самихъ ни отца, ни матери. (*Просматриваетъ далѣе*). Эге! Вонъ оно куды пошло! «По опредѣленію Коммерческаго Суда, Ѳедотъ Селиверстовъ Плѣшковъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ». Вотъ и за этимъ деньги пропали. Возьми прочь! (*Задумывается*).

Подхалюзинъ (*беретъ газету*).

Газету-то только пакостятъ. На все купечество мораль эдакая. (*Молчаніе*).

Рисположенскій.

Прощайте, Самсонъ Силычъ, я теперь домой побѣгу: дѣлишки есть кой-какія.

Большовъ.

Да ты-бы посидѣлъ немножко.

Рисположенскій.

Нѣтъ, ей-Богу, Самсонъ Силычъ, не время. Я ужь къ вамъ завтра пораньше зайду.

Большовъ.

Ну, какъ знаешь!

Рисположенскій.

Прощайте!.. Прощайте, Лазарь Елизарычъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Большовъ и Подхалюзинъ.

Большовъ.

Вотъ ты и знай, Лазарь, какова торговля-то! Ты думаешь чтò! Такъ вотъ даромъ и бери деньги? Какъ не деньги, скажетъ — видалъ, какъ лягушки прыгаютъ. На-ко, говоритъ, вексель. А по векселю-то съ иного чтò возьмешь, коли съ него взять-то нèчего! У меня такихъ-то векселей тысячъ на сто, и съ протестами; только и дѣло, что каждый годъ подкладывай. Хошь, за полтину серебра всѣ отдамъ! Должниковъ-то по нимъ, чай, и съ собаками не сыщешь: которые повымерли, а которые поразбѣжались, нèкого и въ яму посадить. А и посадишь-то, Лазарь, такъ самъ не радъ: другой такъ обдержится, что его оттедова куревомъ не выкуришь. Мнѣ, говоритъ, и здѣсь хорошо, а ты проваливай. Такъ-ли, Лазарь?

Подхалюзинъ.

Ужь это какъ и водится.

Большовъ.

Съ городовыми лучше не связывайся: все въ долгъ да въ

долгъ; а привезетъ-ли, нѣтъ-ли, такъ слѣпой мелочью да арабчиками; поглядишь — ни ногъ, ни головы, а на мелочи никакого званія давно ужь нѣтъ. А вотъ ты тутъ какъ хошь! На торги хошь не являйся: сбиваютъ цѣны пуще чортъ знаетъ чего; а надѣнешь хомутъ, да еще и вязку подай, да магарычи, да угощенія, да разные тамъ недочеты съ провѣсами. Вотъ оно что̀! Чувствуешь-ли ты это?

Подхалюзинъ.

Кажется, долженъ чувствовать-съ.

Большовъ.

Вотъ какова торговля-то, вотъ тутъ и торгуй! (*Помолчавъ*). Что̀, Лазарь, какъ ты думаешь?

Подхалюзинъ.

Да какъ думать-съ! Ужь это какъ вамъ угодно. Наше дѣло подначальное.

Большовъ.

Что̀ тутъ подначальное — ты говори по душѣ. Я у тебя про дѣло спрашиваю.

Подхалюзинъ.

Это, опять-таки, Самсонъ Силычъ, какъ вамъ угодно-съ.

Большовъ.

Наладилъ одно: какъ вамъ угодно. Да ты-то какъ?

Подхалюзинъ.

Это я не могу знать-съ.

Большовъ (*помолчавъ*).

Скажи, Лазарь, по совѣсти, любишь ты меня? (*Молчаніе*). Любишь, что̀-ли? Что̀-жь ты молчишь? (*Молчаніе*). Поилъ, кормилъ, въ люди вывелъ, кажется.

Подхалюзинъ.

Эхъ, Самсонъ Силычъ! Да что̀ тутъ разговаривать-то-съ. Ужь вы во мнѣ не сумнѣвайтесь! Ужь одно слово: вотъ какъ есть, весь тутъ.

Большовъ.

Да что̀-жь, что ты весь-то?

Подхалюзинъ.

Ужь коли того, а — либо что, такъ останетесь довольны: себя не пожалѣю.

Большовъ.

Ну, такъ и разговаривать нѣчего. По мнѣ, Лазарь, теперь самое настоящее время: денегъ наличныхъ у насъ довольно, векселямъ всѣмъ сроки подошли. Чего-жь ждать-то? Вотъ я и думаю, Лазарь, предложить кредиторамъ-то такую статью: не возьмутъ-ли они у меня копѣекъ по двадцати-пяти за рубль. Какъ ты думаешь?

Подхалюзинъ.

А ужь по мнѣ, Самсонъ Силычъ, коли платить по двадцати-пяти, такъ пристойнѣе совсѣмъ не платить.

Большовъ.

А чтò? Вѣдь, и правда. Храбростью-то никого не удивишь, а лучше тихимъ-то манеромъ дѣльцо обдѣлать. Тамъ послѣ суди Владыко на второмъ пришествіи. Хлопотъ-то только куча. Домъ-то и лавки я на тебя заложу.

Подхалюзинъ.

Нельзя-жь безъ хлопотъ-съ! Вотъ векселя надо за чтò-нибудь сбыть-съ, товаръ перевести куда подальше. Станемъ хлопотать-съ!

Большовъ.

Оно такъ. Да старенекъ ужь я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

Подхалюзинъ.

Помилуйте, Самсонъ Силычъ, въ огонь и въ воду полѣзу-съ.

Большовъ.

Этакъ-то лучше! Махнулъ съ разу, да и шабашъ. Только напусти Богъ смѣлости. Спасибо тебѣ, Лазарь! Удружилъ! (*Встаетъ*). Ну, хлопочи! (*Подходитъ къ нему и треплетъ по плечу*). Сдѣлаешь дѣло аккуратно, такъ мы съ тобой барышами-то подѣлимся. Награжу на всю жизнь. (*Идетъ къ двери*).

Подхалюзинъ.

Мнѣ, Самсонъ Силычъ, окромя вашего спокойствія, ничего не нужно-съ. Какъ жимши у васъ съ малолѣтства и видѣмши всѣ ваши благодѣянія, можно сказать, мальчишкой взятъ-съ лавки подметать, слѣдовательно, долженъ я чувствовать.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Контора въ домѣ Большова. Прямо дверь, на лѣвой сторонѣ лѣстница на верхъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Тишка (*со щеткой на авансценѣ*).

Эхъ житье, житье! Вотъ, чѣмъ свѣтъ, тутъ ты полы мети! А мое-ли дѣло полы мести! У насъ все не такъ, какъ у людей! У другихъ-то хозяевъ, коли ужь мальчишка, такъ и живетъ въ мальчикахъ — стало быть, при лавкѣ присутствуетъ. А у насъ то туда, то сюда, цѣлый день шаркай по мостовой, какъ угорѣлый. Скоро руку набьешь, держи карманъ-то. У добрыхъ людей для разгонки держатъ дворника, а у насъ онъ съ котятами на печкѣ лежитъ, либо съ кухаркой прохлажается; а на тебѣ спросится. У другихъ, все-таки, вальготность есть; инымъ часомъ проштрафишься што либо-ошто, по малолѣтствію тебѣ спускается: а у насъ — коли не тотъ, такъ другой, коли не самъ, такъ сама задастъ вытрепку; а то вотъ прикащикъ Лазарь, а то вотъ Ѳоминишна, а то вотъ... всякая шваль надъ тобой командуетъ. Вотъ она, жисть-то какая анаѳемская! А ужь это, чтобы урваться когда изъ дому, съ пріятелями въ три листика, али въ пристѣнокъ сразиться — и не думай лучше! Да ужь и въ головѣ-то, правда, не то! (*Лѣзетъ на стулъ колѣнками и смотритъ въ зеркало*). Здравствуйте, Тихонъ Савостьянычъ! Какъ вы поживаете? Все-ли вы славу Богу?.. А ну, Тишка, выкинь колѣнце. (*Дѣлаетъ гримасу*). Вотъ оно чтò! (*Другую*). Эвось оно какъ... (*Хохочетъ*). (*Входитъ Подхалюзинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тишка и Подхалюзинъ (*крадется и хватаетъ его за воротъ*).

Подхалюзинъ.

А это ты, чертенокъ, что̀ дѣлаешь?

Тишка.

Что̀! извѣстно, что̀! пыль стиралъ.

Подхалюзинъ.

Языкомъ-то стиралъ. Что̀ ты за пыль на зеркалѣ нашелъ? Покажу я тебѣ пыль! Ишь ломается! А вотъ я тебѣ заклею подзатыльника, такъ ты и будешь знать.

Тишка.

Будешь знать! Да было-бы еще за что̀?

Подхалюзинъ.

А за то, что за что̀! Поговоришь, такъ и увидишь, за что̀! Вотъ пикни еще!

Тишка.

Да, пикни еще! Я, вѣдь, и хозяину скажу, не что̀ возьмешь!

Подхалюзинъ.

Хозяину скажу!.. Что̀ мнѣ твой хозяинъ?.. Я, коли на то пошло... хозяинъ мнѣ твой! На то ты и мальчишка, чтобъ тебя учить, а ты думалъ что̀! Васъ, пострѣлятъ, не бить, такъ и добра не видать. Прахтика эта извѣстная. Я, братъ, и самъ огни, и воды, и мѣдныя трубы прошелъ.

Тишка.

Знаемъ, что прошелъ.

Подхалюзинъ.

Цыцъ, дьяволенокъ! (*Замахивается*).

Тишка.

Нако-сь, попробуй! нешто не скажу, ей-Богу скажу!

Подхалюзинъ.

Да что̀ ты скажешь-то, чортова перечница!

Тишка.

Что̀ скажу? А то, что лаешься!

Подхалюзинъ.

Важное кушанье! Ишь ты баринъ какой! Подитко-сь? Былъ Сысой Псоичъ?

Тишка.

Извѣстно, былъ

Подхалюзинъ.

Да ты, чертенокъ, говори толкомъ! Зайти, что̀-ль, хотѣлъ?

Тишка.

Зайти хотѣлъ!

Подхалюзинъ.

Ну, такъ ты сбѣгай на досугѣ.

Тишка.

Рябиновки, что̀-ли?

Подхалюзинъ.

Да, рябиновки. Надо Сысоя Псоича поподчивать. (*Даетъ деньги*). Купи полштофа, а сдачу возьми ужь себѣ на пряники. Только ты, смотри, проворнѣй, чтобы не хватились!

Тишка.

Стриженая дѣвка косы не заплететъ. Такъ начну порхать—живымъ манеромъ. (*Тишка уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Подхалюзинъ (*одинъ*).

Вотъ бѣда-то! Вотъ она гдѣ бѣда-то пришла на насъ! Что̀ теперь дѣлать-то? Ну, положимъ, хозяину что̀-нибудь и останется, а я-то при чемъ буду? Мнѣ-то куда дѣться? Въ проходномъ ряду пылью торговать! Служилъ, служилъ лѣтъ двадцать, а тамъ ступай, мостовую грани. Какъ теперь это дѣло разсудить надо? Товаромъ, что̀-ли? Чѣмъ-нибудь попользоваться надо будетъ. (*Ходитъ по комнатѣ*). Говорятъ, надо совѣсть знать! Да извѣстное дѣло, надо совѣсть знать, да въ какомъ это смыслѣ понимать нужно? Противъ хорошаго человѣка у всякаго есть совѣсть; а коли онъ самъ другихъ обманываетъ, такъ какая-же тутъ совѣсть! Самсонъ Силычъ купецъ богатѣйшій, и теперича все это дѣло, можно сказать, такъ, для препровожденія времени затѣялъ. А я человѣкъ бѣдный! Если и попользуюсь въ этомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь

лишнимъ, такъ и грѣха нѣтъ никакого; потому онъ самъ несправедливо поступаетъ, противъ закона идетъ. А мнѣ что̀ его жалѣть. Вышла линія, ну и не плошай: онъ свою политику ведетъ, а ты свою статью гони. Еще то-ли-бы я съ нимъ сдѣлалъ, да не приходится. Хмъ! Вѣдь, залѣзетъ этакая фантазія въ голову человѣку! Конечно, Алимпіяда Самсоновна барышня образованная, и, можно сказать, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ, а вѣдь, этотъ женихъ ее теперича не возьметъ, скажетъ, денегъ дай! А денегъ гдѣ взять? И ужь не быть ей теперь за благороднымъ, потому денегъ нѣтъ. Рано-ли, поздно-ли, а придется за купца отдавать! (*Ходитъ молча*). А понабравши деньжонокъ да поклониться Самсону Силычу: дескать, я, Самсонъ Силычъ, въ такихъ лѣтахъ, что долженъ подумать о продолженіи потомства, и я, молъ, Самсонъ Силычъ, для вашего спокойствія пота-крови не жалѣлъ. Конечно, молъ, Алимпіяда Самсоновна барышня образованная, да, вѣдь, и я, Самсонъ Силычъ, не лыкомъ шитъ, сами изволите видѣть, имѣю капиталецъ и могу кругомъ себя ограничить на этотъ предметъ. Отчего не отдать за меня? Чѣмъ я не человѣкъ? Ни въ чемъ не замѣченъ, къ старшимъ почтителенъ! Да при всемъ томъ, какъ заложили мнѣ Самсонъ Силычъ домъ и лавки, такъ и закладной-то можно пугнуть. А знамши-то характеръ Самсона Силыча, каковъ онъ есть, это и очень можетъ случиться. У нихъ такое заведеніе: коли имъ что̀ попало въ голову, ужь ничѣмъ не выбьешь оттедова. Все равно, какъ въ четвертомъ году захотѣли бороду обрить: сколько ни просили Аграфена Кондратьевна, сколько ни плакали — нѣтъ, говоритъ, послѣ опять отпущу, а теперь поставлю на своемъ: взяли да и обрили. Такъ вотъ и это дѣло: потрафь я по нихъ, или такъ взойди имъ въ голову — завтра-же подъ вѣнецъ, и баста, и разговаривать не смѣй. Да отъ этакаго удовольствія съ Ивана Великаго спрыгнуть можно! (*Входитъ Тишка со штофомъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Подхалюзинъ и Тишка.

Тишка.

Вотъ онъ я! Пришелъ!

Подхалюзинъ.

Послушай, Тишка, Устинья Наумовна здѣсь?

Тишка.

Тамъ наверху. Да и стракулистъ идетъ.

Подхалюзинъ.

Такъ ты поставь водку-то на столъ, да и закусочки достань. (*Тишка ставитъ водку и достаетъ закуски, потомъ уходитъ. Рисположенскій входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Подхалюзинъ и Рисположенскій.

Подхалюзинъ.

А, наше вамъ-съ!

Рисположенскій.

Къ вамъ, батюшка, Лазарь Елизарычъ, къ вамъ! Право. Думаю, молъ, мало-ли что̀, можетъ, что̀ и нужно. Это водочка у васъ? Я, Лазарь Елизарычъ, рюмочку выпью. Что̀-то руки стали трястись по утрамъ, особенно вотъ правая! Какъ писать что, Лазарь Елизарычъ, такъ все лѣвой придерживаю. Ей-Богу! А выпьешь водочки, словно лучше. (*Пьетъ*).

Подхалюзинъ.

Отъ чего-же это у васъ руки трясутся?

Рисположенскій (*садится къ столу*).

Отъ заботы, Лазарь Елизарычъ, отъ заботы, батюшка.

Подхалюзинъ.

Такъ-съ! А я такъ полагаю, отъ того, что больно народъ грабите. За неправду Богъ наказываетъ.

Рисположенскій.

Эхъ, хе, хе..... Лазарь Елизарычъ! Гдѣ намъ грабить! Дѣлишки наши маленькія. Мы, какъ птицы небесныя, по зернышку клюемъ

Подхалюзинъ.

Вы, стало быть, по мелочамъ?

Рисположенскій.

Будешь и по мелочамъ, какъ взять-то нѐгдѣ. Ну, еще нешто, кабы одинъ, а то, вѣдь, у меня жена да четверо ребятишекъ. Всѣ есть просятъ, голубчики. Тотъ говоритъ—тятенька дай, другой

говоритъ—тятенька дай. А я къ семейству очень чувствительный человѣкъ. Одного вотъ въ гимназію опредѣлилъ: мундирчикъ надобно, то, другое. А домишко-то эвоно гдѣ!... Чтò сапоговъ однихъ истреплешь, ходимши къ Воскресенскимъ воротамъ съ Бутырокъ-то.

Подхалюзинъ.

Это точно-съ.

Рисположенскій.

А зачѣмъ ходишь-то: кому просьбишку изобразишь, кого въ мѣщане припишешь. Иной день и полтины серебромъ домой не принесешь. Ей-Богу, не лгу. Чѣмъ тутъ жить? Я, Лазарь Елизарычъ, рюмочку выпью. (*Пьетъ*). А я думаю: забѣгу, молъ, къ Лазарю Елизарычу, не дастъ-ли онъ мнѣ деньжонокъ что-нибудь.

Подхалюзинъ.

А за какія-же это провинности-съ?

Рисположенскій.

Какъ за какія провинности! Вотъ ужь грѣхъ, Лазарь Елизарычъ! Нешто я вамъ не служу? По гробъ слуга, чтò хотите, заставьте. А закладную-то вамъ выхлопоталъ!

Подхалюзинъ.

Вѣдь, ужь вамъ заплачено! И толковать-то вамъ объ одномъ и томъ-же не приходится!

Рисположенскій.

Это точно, Лазарь Елизарычъ, заплачено. Это точно! Эхъ, Лазарь Елизарычъ, бѣдность-то меня одолѣла!

Подхалюзинъ.

Бѣдность одолѣла! Это бываетъ-съ. (*Подходитъ и садится къ столу*). А у насъ вотъ лишнія есть-съ: дѣвать нѐкуда. (*Кладетъ бумажникъ на столъ*).

Рисположенскій.

Чтò вы, Лазарь Елизарычъ, неужто лишнія? Небось, шутите.

Подхалюзинъ.

Окромя всякихъ шутокъ-съ.

Рисположенскій.

А коли лишнія, такъ отчего-жь бѣдному человѣку не помочь! Вамъ Богъ пошлетъ за это.

Подхалюзинъ.

А много-ли вамъ требуется?

Рисположенскій.

Дайте три цѣлковенькихъ.

Подхалюзинъ.

Что такъ мало-съ?

Рисположенскій.

Ну, дайте пять.

Подхалюзинъ.

А вы просите больше!

Рисположенскій.

Ну, ужь, коли милость будетъ, дайте десять.

Подхалюзинъ.

Десять-съ! Такъ, задаромъ?

Рисположенскій.

Какъ задаромъ! Заслужу, Лазарь Елизарычъ, когда-нибудь сквитаемся.

Подхалюзинъ.

Все это буки-съ. Улита ѣдетъ, да когда-то она будетъ. А мы теперь съ вами вотъ какую матерію заведемъ: много-ли вамъ Самсонъ Силычъ обѣщали за всю эту механику?

Рисположенскій.

Стыдно сказать, Лазарь Елизарычъ! Тысячу рублей да старую шубу енотовую. Ужь меньше меня никто не возьметъ, ей-Богу, вотъ хоть прицѣнитесь подите.

Подхалюзинъ.

Ну, такъ вотъ что̀, Сысой Псоичъ, я вамъ дамъ двѣ тысячи-съ за этотъ-же самый предметъ-съ.

Рисположенскій.

Благодѣтель вы мой, Лазарь Елизарычъ! Съ женой и съ дѣтьми въ кабалу пойду.

Подхалюзинъ.

Сто серебромъ теперь-же-съ, а остальныя послѣ, по окончаніи всего происшествія-съ.

Рисположенскій.

Ну, вотъ, какъ за этакихъ людей Богу не молить! Только ка-

кая-нибудь свинья необразованная можетъ не чувствовать этого. Я вамъ въ ножки поклонюсь, Лазарь Елизарычъ!

Подхалюзинъ.

Это ужь на что̀-же-съ! Только, Сысой Псоичъ, ужь хвостомъ не вертѣть туда и сюда, а ходи въ акуратѣ: попалъ на эту точку — и вертись на этой линіи. Понимаете-съ?

Рисположенскій.

Какъ не понимать! Что̀ вы, Лазарь Елизарычъ! Маленькій, что̀-ли, я! Пора понимать!

Подхалюзинъ.

Да что̀ вы понимаете-то? Вотъ дѣла-то какія-съ! Вы прежде выслушайте. Пріѣзжаемъ мы съ Самсономъ Силычемъ въ городъ, и эрестрикъ этотъ привезли, какъ слѣдуетъ. Вотъ онъ пошелъ по кредиторамъ: тотъ не согласенъ, другой не согласенъ; да такъ ни одинъ-таки и нейдетъ на эту штуку. Вотъ она какая статья-то.

Рисположенскій.

Что̀ вы это говорите, Лазарь Елизарычъ! А! Вотъ поди-жь ты!

Подхалюзинъ.

Какъ-бы намъ теперича съ этимъ дѣломъ не опростоволоситься! Понимаете вы меня, али нѣтъ?

Рисположенскій.

То-есть, на счетъ чего-же, Лазарь Елизарычъ?

Подхалюзинъ.

А на счетъ того, что тутъ теперь дѣло обоюдное выходитъ. Хозяинъ самъ по себѣ; а и мнѣ, чтобъ холтура была.

Рисположенскій.

Хе, хе, хе... то-есть, домъ-то съ лавками... этакъ... домъ-то?.. хе, хе, хе!...

Подхалюзинъ (*грозно*).

Что̀-о-съ?

Рисположенскій.

Нѣтъ-съ, это я такъ, Лазарь Елизарычъ, по глупости, какъ будто для шутки.

Подхалюзинъ.

То-то для шутки! А вы этимъ не шутите-съ! Тутъ не то, что домъ, у меня теперь такая фантазія въ головѣ объ этомъ пред-

метѣ, что надо съ вами обширно потолковать-съ. Пойдемте ко мнѣ-съ. Тишка! (*Входитъ Тишка*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и Тишка.

Подхалюзинъ.

Прибери тутъ все это! Ну, пойдемте. Сысой Псоичъ! (*Тишка хочетъ убирать водку*).

Рисположенскій.

Постой, постой! Эхъ, братецъ, какой ты глупый! Видишь, что хотятъ пить, ты и подожди... ты и подожди. Ты еще малъ, ну, такъ ты будь учтивъ и снисходителенъ. Я, Лазарь Елизарычъ, рюмочку выпью.

Подхалюзинъ.

Пейте, да только поскорѣича, того гляди, самъ пріѣдетъ.

Рисположенскій.

Сейчасъ, батюшка, Лазарь Елизарычъ, сейчасъ! (*Пьетъ и закусываетъ*). Да ужь мы лучше ее съ собой возьмемъ. (*Уходятъ. Тишка прибираетъ кое-что; сверху сходятъ Устинья Наумовна и Ѳоминишна. Тишка уходитъ*).

Ѳоминишна.

Ужь порѣши ты ея нужду, Устинья Наумовна! Ишь ты, дѣвка-то измаялась совсѣмъ, да, вѣдь, ужь и время, матушка. Молодость-то не бездонный горшокъ, да и тотъ, говорятъ, опоражнивается. Я, ужь, это по себѣ знаю. Я по тринадцатому году замужъ шла, а ей вотъ черезъ мѣсяцъ девятнадцатый годокъ минетъ. Что̀ томить-то ее понапрасну! Другія въ ея пору давно ужь дѣтей повывели. То-то, мать моя, что̀-жь ее томить-то!

Устинья Наумовна.

Сама все это разумѣю, серебряная — да нешто за мной дѣло стало! у меня женихов-то, что борзыхъ. Да, ишь ты, разборчивы очень онѣ съ маменькой-то.

Ѳоминишна.

Да что̀ ихъ разбирать-то! Какого ни возьми, все человѣкъ.

Устинья Наумовна (*садясь*).

Присѣсть, серебряная. Измучилась я нынче день-то деньской; съ ранняго утра, словно отымалка какая, мычуся. А, вѣдь, и проминовать ничего нельзя, вездѣ, стало быть, необходимый человѣкъ. Извѣстное дѣло, серебряная, всякой человѣкъ — живая тварь: тому невѣста понадобилась, той жениха, хоть роди, да подай, а тамъ гдѣ-нибудь и вовсе свадьба. А кто сочинитъ? — все я-же. Отдувайся одна за всѣхъ Устинья Наумовна. А отчего отдувайся? Оттого, что ужъ такъ, видно, устроено, отъ начала міра этакое колесо заведено. Точно, надо правду сказать, не обходятъ и насъ за труды: кто на платье тебѣ матеріи, кто шаль съ бахрамой, кто тебѣ чепчикъ состряпаетъ, а гдѣ и золотой, гдѣ и побольше перевалится — извѣстно, что̀ чего сто̀итъ, глядя по силѣ возможности.

Ѳоминишна.

Что̀ говорить, матушка, что̀ говорить!

Устинья Наумовна.

Садись, Ѳоминишна, ноги-то старыя, ломаныя.

Ѳоминишна.

И, мать! некогда. Вѣдь, какой грѣхъ-то: самъ-то что-то изъ городу не ѣдетъ, всѣ подъ страхомъ ходимъ; того и гляди, пьяный пріѣдетъ. А ужъ какой благой-то, Господи! Зародится-же, вѣдь, этакой озарникъ!

Устинья Наумовна.

Извѣстное дѣло: съ богатымъ мужикомъ, что съ чортомъ, не скоро сообразишь.

Ѳоминишна.

Ужъ мы отъ него страсти-то видали! Вотъ на прошлой недѣлѣ, ночью, пьяный пріѣхалъ: развоевался такъ, что на̀ поди. Страсти да и только! Посуду колотитъ... «У!» говоритъ, «такія вы и этакія, убью съ разу!»

Устинья Наумовна.

Необразованіе!

Ѳоминишна.

Ужъ и правда, матушка! А я побѣгу, родная, наверхъ-то, Аграфена-то Кондратьевна у меня тамъ одна. Ты, какъ пойдешь

домой-то, такъ заверни ко мнѣ, я тебѣ окорочекъ завяжу. (*Идетъ на лѣстницу*).

Устинья Наумовна.

Зайду, серебряная, зайду. (*Подхалюзинъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Устинья Наумовна и Подхалюзинъ.

Подхалюзинъ.

А! Устинья Наумовна! Сколько лѣтъ, сколько зимъ-съ!

Устинья Наумовна.

Здравствуй, живая душа! Каково попрыгиваешь?

Подхалюзинъ.

Что̀ намъ дѣлается-съ. (*Садится*).

Устинья Наумовна.

Мамзельку, коли хочешь, высватаю!

Подхалюзинъ.

Покорно благодарствуйте — намъ пока не требуется.

Устинья Наумовна.

Самъ, серебряный, не хочешь, пріятелю удружу. У тебя, вѣдь, чай, знакомыхъ-то по городу, что собакъ.

Подхалюзинъ.

Да, есть-таки около того-съ.

Устинья Наумовна.

Ну. а коли есть, такъ и слава тебѣ Господи! Чуть мало-мальски женихъ, холостой-ли онъ, не женатый-ли, вдовецъ-ли какой — прямо и тащи ко мнѣ.

Подхалюзинъ.

Такъ вы его и жените?

Устинья Наумовна.

Такъ и женю. Отчего-жь не женить? И не увидишь, какъ женю.

Подхалюзинъ.

Это дѣло хорошее-съ. А вотъ теперича я у васъ спрошу, Устинья Наумовна, зачѣмъ это вы къ намъ больно часто повадились?

Устинья Наумовна.

А тебѣ что̀ за печаль! Зачѣмъ-бы я ни ходила. Я, вѣдь, не краденая какая, не овца безъ имени. Ты что̀ за спросъ?

Подхалюзинъ.

Да такъ-съ, не напрасно-ли ходите-то?

Устинья Наумовна.

Какъ напрасно? Съ чего это ты, серебряный, выдумалъ! Посмотри-ка, какого жениха нашла! Благородный, крестьяне есть, и изъ себя молодецъ.

Подхалюзинъ.

За чѣмъ-же дѣло стало-съ?

Устинья Наумовна.

Ни за чѣмъ не стало! Хотѣлъ завтра пріѣхать да обзнакомиться.

Подхалюзинъ.

Задастъ онъ вамъ копоти.

Устинья Наумовна.

Что̀ ты, здоровъ-ли, яхонтовый?

Подхалюзинъ.

Вотъ вы увидите!

Устинья Наумовна.

До вечера не дожить! Ты, алмазный, либо пьянъ, либо вовсе съ ума свихнулъ.

Подхалюзинъ.

Ужь объ этомъ-то вы не извольте безпокоиться, вы объ себѣ-то подумайте, а мы знаемъ, что знаемъ.

Устинья Наумовна.

Да что̀ ты знаешь-то?

Подхалюзинъ.

Мало-ли что̀ знаемъ-съ.

Устинья Наумовна.

А коли что̀ знаешь, такъ и намъ скажи; авось языкъ-то не отвалится.

Подхалюзинъ.

Въ томъ-то и сила, что сказать-то нельзя.

Устинья Наумовна.

Отчего-жь нельзя, меня, чтò-ль, совѣстишься, бралiянтовый? Ничего — говори, нужды нѣтъ.

Подхалюзинъ.

Тутъ не объ совѣсти дѣло. А вамъ скажи, вы, пожалуй, и разболтаете.

Устинья Наумовна.

Анаѳема хочу быть, коли скажу — руку даю на отсѣченiе.

Подхалюзинъ.

То-то-же-съ. Уговоръ лучше денегъ-съ.

Устинья Наумовна.

Извѣстное дѣло. Ну, чтò-же ты знаешь-то?

Подхалюзинъ.

А вотъ что-съ, Устинья Наумовна: нельзя-ли какъ этому вашему жениху отказать-съ?

Устинья Наумовна.

Да чтò ты, бѣлены, чтò-ль, объѣлся?

Подхалюзинъ.

Ничего не объѣлся-съ! А если вамъ угодно говорить по душѣ, по совѣсти-съ, такъ это вотъ какого рода дѣло-съ: у меня есть одинъ знакомый купецъ изъ русскихъ, и они оченно влюблены въ Алимпiяду Самсоновну-съ. Чтò, говоритъ, ни дать, только-бы жениться; ничего, говоритъ, не пожалѣю.

Устинья Наумовна.

Чтò-жь ты мнѣ прежде-то, алмазный, не сказалъ?

Подхалюзинъ.

Сказать-то было нèчего, по тому самому, что и я-то недавно узналъ-съ.

Устинья Наумовна.

Ужь теперь поздно, бралiянтовый!

Подхалюзинъ.

Ужь какой женихъ-то, Устинья Наумовна! Да онъ васъ съ ногъ до головы золотомъ осыплетъ-съ, изъ живыхъ соболей шубу сошьетъ.

Устинья Наумовна.

Да, голубчикъ, нельзя! Рада-бы я радостью, да ужь я слово дала.

Подхалюзинъ.

Ну, какъ угодно-съ! А за этого высватаете, такъ бѣды наживете, что послѣ и не расхлебаете.

Устинья Наумовна.

Ну, ты самъ разсуди, съ какимъ я рыломъ покажусь къ Самсону-то Силычу? Наговорила имъ съ три короба, что и богатъ-то, и красавецъ-то, и влюбленъ-то такъ, что и жить не можетъ: а теперь что̀ скажу? Вѣдь, ты самъ знаешь, каково у васъ чадочко, Самсонъ-то Силычъ; вѣдь, онъ, не ровенъ часъ, и чепчикъ помнетъ.

Подхалюзинъ.

Ничего не помнетъ-съ.

Устинья Наумовна.

Да и дѣвку-то раздразнила; на дню два раза присылаетъ: что̀ женихъ, да ка̀къ женихъ?

Подхалюзинъ.

А вы, Устинья Наумовна, не бѣгайте отъ своего счастія-съ. Хотите двѣ тысячи рублей и шубу соболью? Я вамъ говорю-съ, что женихъ такой, что вы съ роду и не видывали-съ; только вотъ одно-съ: происхожденія не благороднаго.

Устинья Наумовна.

А они-то развѣ благородные? А нажили капиталъ, такъ и дочка въ прынцесы наровитъ. А все это денежки. Вотъ, я чѣмъ хуже ея, а за ея-же хвостомъ наблюдай. Воспитанья-то тоже не Богъ знаетъ какого: пишетъ-то, какъ слонъ брюхомъ ползаетъ, по-французскому, али на фортепьянахъ, то-же сямъ, тямъ, да и нѣтъ ничего; ну, а танецъ-то отколоть — я и сама пыли въ носъ пущу.

Подхалюзинъ.

Ну, вотъ видите-ли, за купцомъ-то быть ей гораздо пристойнѣе.

Устинья Наумовна.

Да какъ-же мнѣ съ женихомъ-то быть, серебряный? Я его-то ужь больно увѣрила, что такая Алимпіяда Самсоновна красавица, что настоящей тебѣ патретъ; и образованная, говорю, и по-французскому, и на разные манеры знаетъ. Что̀-жь я ему теперь-то скажу?

Подхалюзинъ.

Да вы и теперь тоже ему скажите, что, молъ и красавица, и образованная, и на всякіе манеры, только, молъ, они деньгами поразстроились, такъ онъ самъ откажется!

Устинья Наумовна.

А что̀, вѣдь, и правда, браліянтовый! Да нѣтъ, постой! Какъже! Вѣдь, я ему сказала, что у Самсона Силыча денегъ куры не клюютъ.

Подхалюзинъ.

То-то вотъ, прытки вы очень разсказывать-то! А почемъ вы знаете, сколько у Самсона Силыча денегъ-то, нѣшто вы считали?

Устинья Наумовна.

Да ужь это, кого ни спроси, всякій знаетъ, что Самсонъ Силычъ купецъ богатѣйшій.

Подхалюзинъ.

Да! много вы знаете! А что̀ послѣ того будетъ, какъ высватаете значительнаго человѣка, а Самсонъ Силычъ денегъ-то не дастъ? А онъ послѣ всего этого вступится да скажетъ: я, дескать, не купецъ, что меня можно приданымъ обманывать! Да еще какъ значительный-то человѣкъ подастъ жалобу въ судъ, потому что значительному человѣку вездѣ ходъ есть-съ: мы-то съ Самсономъ Силычемъ попались, да и вамъ-то не уйти. Вѣдь, вы сами знаете: можно обмануть приданымъ нашего брата — съ рукъ сойдетъ, а значительнаго человѣка обмани-ко поди, такъ послѣ и не уйдешь.

Устинья Наумовна.

Ужь полно тебѣ пугать-то меня! Сбилъ съ толку совсѣмъ.

Подхалюзинъ.

А вы вотъ возьмите задаточку сто серебра, да и по рукамъ-съ.

Устинья Наумовна.

Такъ ты, яхонтовый, говоришь, что двѣ тысячи рублей да шубу соболью?

Подхалюзинъ.

Точно такъ-съ. Ужь будьте покойны! А надѣмши шубу-то соболью, Устинья Наумовна, да по гулянью пройдетесь: другой подумаетъ, генеральша какая.

Устинья Наумовна.

А что ты думаешь, да и въ самомъ дѣлѣ! Какъ надѣну соболью шубу-то, поприбодрюсь, да руки-то въ боки, такъ ваша братья, бородастые, рты разинете. Разахаются такъ, что пожарной трубой не зальешь; жены-то съ ревности вамъ всѣ носы пооборвутъ.

Подхалюзинъ.

Это точно-съ!

Устинья Наумовна.

Давай задатокъ! Была не была!

Подхалюзинъ.

А вы, Устинья Наумовна, вольнымъ духомъ, не робѣйте!

Устинья Наумовна.

Чего робѣть-то? Только смотри: двѣ тысячи рублей да соболью шубу.

Подхалюзинъ.

Говорю вамъ, изъ живыхъ сошьемъ. Ужь что толковать.

Устинья Наумовна.

Ну, прощай, изумрудный! Побѣгу теперь къ жениху. Завтра увидимся, такъ я тебѣ все отлепартую.

Подхалюзинъ.

Погодите! Куда бѣжать-то! Зайдите ко мнѣ — водочки выпьемъ-съ. Тишка! Тишка! (*Входитъ Тишка*). Ты смотри, коли хозяинъ пріѣдетъ, такъ ты въ тѣ поры прибѣги за мной. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тишка (*садится къ столу и вынимаетъ изъ кармана деньги*).

Полтина серебромъ — это нынче Лазарь далъ. Да намедни, какъ съ колокольни упалъ, Аграфена Кондратьевна гривенникъ дали, да четвертакъ въ орлянку выигралъ, да третьевось хозяинъ забылъ на прилавкѣ цѣлковый. Эвось, что денегъ-то! (*Считаетъ про себя. Голосъ Ѳоминишны за сценой: «Тишка, а Тишка! Долго-ль мнѣ кричать-то?»*) Что тамъ еще! (*«Дома, что-ли-ча, Лазарь?»*) Былъ, да весь вышелъ! (*«Да куда-жъ онъ дѣлся-то?»*) А я почемъ знаю; нешто онъ у меня спрашивается! Вотъ

кабы спрашивался — я-бы зналъ. (*Ѳоминишна сходитъ съ лѣстницы*).

Ѳоминишна.

Да, вѣдь, Самсонъ Силычъ пріѣхалъ, да никакъ хмѣльной.

Тишка.

Фю! попались!

Ѳоминишна.

Бѣги, Тишка, за Лазаремъ! голубчикъ, бѣги скорѣй!

Аграфена Кондратьевна (*показывается на лѣстницѣ*).

Чтò, Ѳоминишна, матушка, куда онъ идетъ-то?

Ѳоминишна.

Да, никакъ, матушка, сюда! Охъ, запру я двери-то, ей-Богу запру; пускай его кверху идетъ, а ты ужь, голубушка, здѣсь посиди. (*Стукъ въ двери и голосъ Самсона Силыча: «Эй, отоприте! кто тамъ?» Аграфена Кондратьевна скрывается*).

Ѳоминишна.

Поди, батюшка, поди, усни, Христосъ съ тобой!

Большовъ (*за дверями*).

Да чтò ты, старая корга, съ ума, чтò-ли, сошла?

Ѳоминишна.

Ахъ, голубчикъ ты мой! Ахъ я мымра слѣпая! А, вѣдь, покажись мнѣ съ дуру-то, что ты хмѣльной пріѣхалъ. Ужь извини меня, глуха стала на старости лѣтъ. (*Самсонъ Силычъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Ѳоминишна и Большовъ.

Большовъ.

Стряпчій былъ?

Ѳоминишна.

А стряпали, батюшка, щи съ солониной, гусь жареный, драчена.

Большовъ.

Да ты бѣлены, чтò-ль, объѣлась, старая дура!

Ѳоминишна.

Нѣтъ, батюшка! Сама кухаркѣ наказывала.

Большовъ.

Пошла вонъ! (*Садится. Ѳоминишна уходитъ. Подхалюзинъ и Тишка входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Подхалюзинъ, Большовъ и Тишка.

Большовъ (*къ Тишкѣ*).

Что ты ротъ-то разинулъ! Аль тебѣ дѣла нѣтъ?

Подхалюзинъ (*къ Тишкѣ*).

Говорили тебѣ, кажется! (*Тишка уходитъ*).

Большовъ.

Стряпчій былъ?

Подхалюзинъ.

Былъ-съ.

Большовъ.

Говорилъ ты съ нимъ?

Подхалюзинъ.

Да что̀, Самсонъ Силычъ, развѣ онъ чувствуетъ? Извѣстно, чернильная душа-съ! Одно ладитъ — объявиться несостоятельнымъ.

Большовъ.

Что̀-жь, объявиться, такъ объявиться — одинъ конецъ.

Подхалюзинъ.

Ахъ, Самсонъ Силычъ, что̀ это вы изволите говорить!

Большовъ.

Что̀-жь, деньги заплатить? Да съ чего-же ты это взялъ? Да я лучше все огнемъ сожгу, а ужь имъ ни копѣйки не дамъ. Перевози товаръ, продавай векселя; пусть тащутъ, воруютъ, кто хочетъ, а ужь я имъ не плательщикъ.

Подхалюзинъ.

Помилуйте, Самсонъ Силычъ, заведеніе было у насъ превосходное, и теперь должно все въ разстройство придти.

Большовъ.

А тебѣ что̀ за дѣло? Не твое было. Ты старайся только, отъ меня забытъ не будешь.

Подхалюзинъ.

Не нуждаюсь я ни въ чемъ послѣ вашего благодѣянія. И напрасно вы такой сюжетъ обо мнѣ имѣете. Я теперича готовъ всю душу отдать за васъ, а не то чтобы какой фальшъ сдѣлать. Вы подвигаетесь къ старости, Аграфена Кондратьевна дама изнѣженная, Алимпіяда Самсоновна барышня образованная, и въ такихъ годахъ; надобно и объ ней заботливость приложить-съ. А теперь такія обстоятельства — мало-ли что̀ можетъ произойти изъ всего это.

Большовъ.

А что̀ такое произойти можетъ? Я одинъ въ отвѣтѣ.

Подхалюзинъ.

Что̀ объ васъ-то толковать! Вы, Самсонъ Силычъ, отжили свой вѣкъ, слава Богу, пожили; а Алимпіяда-то Самсоновна, извѣстное дѣло, барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ. Я вамъ, Самсонъ Силычъ, по совѣсти говорю, то-есть, какъ это все по моимъ чувствамъ: если я теперича стараюсь для васъ, и всѣ мои усердія, можно сказать, не жалѣя пота-крови, прилагаю — такъ это все больше потому самому, что жаль мнѣ вашего семейства.

Большовъ.

Полно, такъ-ли?

Подхалюзинъ.

Позвольте-съ! Ну, положимъ, что все это благополучно кончится-съ, хорошо-съ; останется у васъ чѣмъ пристроить Алимпіяду Самсоновну; ну, объ этомъ и толковать нѣчего-съ; были-бы деньги, а женихи найдутся-съ. Ну, а грѣхъ какой, сохрани Господи! какъ придерутся, да начнутъ по судамъ таскать, да на все семейство этакая мораль пойдетъ, а еще, пожалуй, и имѣніе-то все отнимутъ: должны будутъ онѣ-съ голодъ и холодъ терпѣть, и безъ всякаго призрѣнія, какъ птенцы какіе беззащитные. Да это сохрани Господи! это что̀-жъ будетъ тогда? (*Плачетъ*).

Большовъ.

Да объ чемъ-же ты плачешь-то?

Подхалюзинъ.

Конечно, Самсонъ Силычъ, я это къ примѣру говорю — въ

добрый часъ молвить, въ худой промолчать, отъ слова не станется; а, вѣдь, врагъ-то силенъ — горами шатаетъ.

Большовъ.

Чтò-жь дѣлать-то, братецъ, ужь, знать, такая воля Божія, противъ ея не пойдешь.

Подхалюзинъ.

Это точно, Самсонъ Силычъ! А все-таки, по моему глупому разсужденію, пристроить-бы до поры, до времени Алимпіяду Самсоновну за хорошаго человѣка; такъ ужь тогда будетъ она, по крайности, какъ за каменной стѣной-съ. Да, главное, чтобы была душа у человѣка, такъ онъ будетъ чувствовать. А то вонъ, что сватался за Алимпіяду Самсоновну, благородный-то, и оглобли назадъ поворотилъ.

Большовъ.

Какъ назадъ? Да съ чего это ты выдумалъ?

Подхалюзинъ.

Я, Самсонъ Силычъ, не выдумалъ; вы спросите Устинью Наумовну. Должно быть, чтò-нибудь прослышалъ, кто его знаетъ.

Большовъ.

А ну его! По моимъ дѣламъ теперь не такого нужно.

Подхалюзинъ.

Вы, Самсонъ Силычъ, возьмите въ разсужденіе. Я посторонній человѣкъ, не родной, я для вашего благополучія ни дня, ни ночи себѣ покою не знаю, да и сердце-то у меня все изныло; а за него отдаютъ барышню, можно сказать, красоту неописанную, да и денегъ еще даютъ-съ; а онъ ломается да важничаетъ, ну, есть-ли въ немъ душа послѣ всего этого?

Большовъ.

Ну, а не хочетъ, такъ и не надо, не заплачемъ!

Подхалюзинъ.

Нѣтъ, вы, Самсонъ Силычъ, разсудите объ этомъ: есть-ли душа у человѣка? Я вотъ посторонній совсѣмъ, да не могу-же безъ слезъ видѣть всего этого. Поймите вы это, Самсонъ Силычъ! Другой-бы и вниманія не взялъ такъ убиваться изъ-за чужаго дѣла-съ; а вѣдь, меня теперь вы хоть гоните, хоть бейте, а я ужь васъ не оставлю; потому не могу — сердце у меня не такое.

Вольшовъ.

Да какъ-же тебѣ оставить-то меня! вѣдь, только и надежды-то теперь, что ты. Самъ я старъ, дѣла подошли тѣсныя. Погоди; можетъ, еще такое дѣло сдѣлаемъ, что ты и не ожидаешь.

Подхалюзинъ.

Да не могу-же я это сдѣлать, Самсонъ Силычъ! Поймите вы изъ этого; не такой я совсѣмъ человѣкъ! Другому, Самсонъ Силычъ, конечно, это все равно-съ, ему хоть трава не рости, а ужь я не могу-съ; сами изволите видѣть-съ, хлопочу я, али нѣтъ-съ. Какъ чортъ какой, убиваюсь я теперича изъ-за вашего дѣла-съ; потому что не такой я человѣкъ-съ. Жалѣючи васъ это дѣлается, и не столько васъ, сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Кондратьевна дама изнѣженная, Алимпіяда Самсоновна барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ-съ...

Вольшовъ.

Неужто и въ свѣтѣ нѣтъ?

Подхалюзинъ.

Ужь, конечно, другой такой подобной красоты невозможно найти на всемъ свѣтѣ.

Вольшовъ.

Влюбленъ ты, чтò-ли, въ Алимпіяду Самсоновну? Такъ говори прямо!

Подхалюзинъ.

Вы, Самсонъ Силычъ, можетъ, шутить изволите.

Вольшовъ.

Чтò за шутка! Я тебя безъ шутокъ спрашиваю.

Подхалюзинъ.

Помилуйте, Самсонъ Силычъ, смѣю-ли я это подумать-съ.

Вольшовъ.

А чтò-жь-бы такое не смѣть-то? Чтò она, княжна, чтò-ли, какая?

Подхалюзинъ.

Хотя и не княжна; да какъ бымши вы моимъ благодѣтелемъ и вмѣсто отца роднаго... Да нѣтъ, Самсонъ Силычъ, помилуйте, какъ-же это можно-съ, неужли-же я этого не чувствую!

Большовъ.

Такъ ты, стало быть, ее не любишь?

Подхалюзинъ.

Какъ-же не любить-съ, помилуйте, кажется, больше всего на свѣтѣ.

Большовъ.

Такъ ты-бы такъ и говорилъ, что люблю, молъ, больше всего на свѣтѣ.

Подхалюзинъ.

Да какъ-же не любить-съ! Сами извольте разсудить: день думаю, ночь думаю... то бишь, извѣстное дѣло, Алимпіяда Самсоновна барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ... Да нѣтъ, этого нельзя-съ. Гдѣ-же намъ-съ!..

Большовъ.

Да чего-же нельзя-то, дура-голова?

Подхалюзинъ.

Какъ-же можно, Самсонъ Силычъ? Какъ знамши я васъ, какъ отца роднаго, и Алимпіяду Самсоновну-съ, и опять знамши себя, что я такое значу — гдѣ-же мнѣ-съ съ суконнымъ-то рыломъ-съ?

Большовъ.

Ничего не суконное. Рыло, какъ рыло. Былъ-бы умъ въ головѣ, а тебѣ ума-то не занимать стать, этимъ добромъ Богъ наградилъ. Такъ что̀-же, Лазарь, посватать тебѣ Алимпіяду-то Самсоновну, а? Красавицу-то неописанную?

Подхалюзинъ.

Да помилуйте, смѣю-ли я? Алимпіяда-то Самсоновна, можетъ быть, на меня и глядѣть-то не захотятъ-съ!

Большовъ.

Важное дѣло! Не плясать-же мнѣ по ея дудочкѣ на старости лѣтъ. За кого велю, за того и пойдетъ. Мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю. Ты со мной-то толкуй.

Подхалюзинъ.

Не смѣю я, Самсонъ Силычъ, объ этомъ съ вами говорить-съ. Не хочу быть подлецомъ противъ васъ.

Большовъ.

Экой ты, братецъ, глупый! Кабы я тебя не любилъ, нешто-бы

я такъ съ тобой разговаривалъ? Понимаешь-ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливымъ сдѣлать! Всю жизнь могу тебѣ даровать.

Подхалюзинъ.

А нешто я васъ не люблю, Самсонъ Силычъ, больше отца роднаго? Да накажи меня Богъ.

Большовъ.

Ну, а дочь любишь?

Подхалюзинъ.

Изнылъ весь-съ! Вся душа-то у меня перевернулась давно-съ!

Большовъ.

Ну, а коли душа перевернулась, такъ мы тебя поправимъ. Владѣй Ѳаддей нашей Маланьей.

Подхалюзинъ.

Тятенька, за что̀ жалуете? Не стою я этого, не стою! И физіономія у меня совсѣмъ не такая.

Большовъ.

Ну ее, физіономію! А вотъ я на тебя все имѣніе переведу; такъ послѣ кредиторы-то и пожалѣютъ, что по двадцати-пяти копѣекъ не взяли.

Подхалюзинъ.

Еще какъ пожалѣютъ-то-съ!

Большовъ.

Ну, ты ступай теперь въ городъ, а ужотко заходи къ невѣстѣ; мы надъ ними шутку подшутимъ.

Подхалюзинъ.

Слушаю, тятенька-съ! (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная въ домѣ Большова.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Вольшовъ (*входитъ и садится на кресло; нѣсколько времени смотритъ по угламъ и зѣваетъ*).

Вотъ она, жизнь-то; истинно сказано: суета суетъ и всяческая суета. Чортъ знаетъ, и самъ не разберешь, чего хочется. Вотъ-бы и закусилъ что-нибудь, да обѣдъ испортишь; а и такъ-то сидѣть одурь возьметъ. Али чайкомъ-бы, что̀-ль, побаловать. (*Молчаніе*). Вотъ такъ-то и все; жилъ-жилъ человѣкъ, да вдругъ и померъ — такъ все прахомъ и пойдетъ. Охъ, Господи, Господи! (*Зѣваетъ и смотритъ по угламъ. Входятъ Аграфена Кондратьевна и Липочка разряженная*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Большовъ, Аграфена Кондратьевна и Липочка.

Аграфена Кондратьевна.

Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнѣе, не зацѣпи. Посмотри-ка, Самсонъ Силычъ, полюбуйся, сударь ты мой, какъ я дочку-то вырядила! Фу ты, прочь поди! Что твой розанъ піоновый! (*Къ ней*). Ахъ ты, моя ангелика-царевна! (*Къ нему*). Что̀, Самсонъ Силычъ, правда, что̀-ли? Только-бы ей въ каретѣ ѣздить шестерней.

Вольшовъ.

Проѣдетъ и парочкой, не великаго полета помѣщица!

Аграфена Кондратьевна.

Ужь извѣстно, не енеральская дочь, а все, какъ есть, красавица!.. Да приголубь ребенка-то, что̀, какъ медвѣдь, бурчишь!

Большовъ.

А какъ мнѣ еще приголубливать-то? Ручки, что̀-ль, лизать, въ ножки кланяться? Во̀ какая невидаль! Видали мы и понараднѣе.

Аграфена Кондратьевна.

Да ты что̀ видалъ-то? Такъ что̀-нибудь. А, вѣдь, это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человѣкъ!

Большовъ.

Что̀-жь, что дочь? Слава Богу, обута, одѣта, накормлена; чего ей еще хочется?

Аграфена Кондратьевна.

Чего хочется! Да ты, Самсонъ Силычъ, очумѣлъ, что̀-ли? Накормлена! Мало-ли что̀, накормлена! По христіанскому закону всякаго накормить слѣдствуетъ; и чужихъ призираютъ, не токма что своихъ; а вѣдь, это и въ люди сказать грѣхъ: какъ ни на есть, родная дѣтища!

Большовъ.

Знаемъ, что родная, да чего-жь ей еще? Что ты мнѣ притчи эти растолковываешь? Не въ рамку-же ее вдѣлать! Понимаемъ, что отецъ.

Аграфена Кондратьевна.

Да коли ужь ты, батюшка, отецъ, такъ не будь свекоромъ! Пора, кажется, въ чувство придти: разставаться скоро приходится, а ты и добраго слова не вымолвишь; долженъ-бы на пользу посовѣтовать что̀-нибудь такое житейское. Нѣтъ въ тебѣ никакого обычаю родительскаго.

Большовъ.

А нѣтъ, такъ что̀-жь за бѣда: стало быть, такъ Богъ создалъ.

Аграфена Кондратьевна.

Богъ создалъ! Да самъ-то ты что̀? Вѣдь, и она, кажется, созданія божеская, али нѣтъ? Не животная какая-нибудь, прости Господи!.. Да спроси у нея что̀-нибудь!

Вольшовъ.

А чтò я за спросъ? Гусь свиньѣ не товарищъ: какъ хотите, такъ и дѣлайте.

Аграфена Кондратьевна.

Да на дѣлѣ-то ужь не спросимъ, ты покедова-то вотъ. Человѣкъ пріѣдетъ чужой-посторонній, все-таки, какъ хочешь примѣривай, а мужчина не женщина — въ первый-то разъ наѣдетъ, невидамши-то его.

Вольшовъ.

Сказано, что отстань!

Аграфена Кондратьевна.

Отецъ ты этакой, а еще родной называешься! Ахъ ты, дитятко моя заброшенная, стоишь словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились отъ тебя, да и знать не хотятъ. Присядь, Липочка, присядь, душечка, ненаглядная моя сокровища! (*Усаживаетъ*).

Липочка.

Ахъ, отстаньте, маменька! измяли совсѣмъ.

Аграфена Кондратьевна.

Ну, такъ я на тебя издальки посмотрю!

Липочка.

Пожалуй, смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одѣться порядочно: вы тотчасъ разчувствоваетесь.

Аграфена Кондратьевна.

Такъ, такъ, дитятко! да какъ взгляну-то на тебя, такъ, вѣдь, это жалости подобно!

Липочка.

Чтò-жь, надо, вѣдь, когда-нибудь.

Аграфена Кондратьевна.

Все-таки, жалко, дурочка: ростили, ростили, да и выростили— да, ни съ того, ни съ сего, въ чужіе люди отдаемъ, словно, ты надоѣла намъ да наскучила глупымъ малымъ ребячествомъ, своимъ кроткимъ поведеніемъ. Вотъ выживемъ тебя изъ дому, словно вòрога изъ города, а тамъ схватимся да спохватимся, да и негдѣ взять. Посудите, люди добрые, каково жить въ чужой-дальней сторонѣ, чужимъ кускомъ давишься, кулакомъ слезы

Большовъ.

Да какъ-же тебѣ оставить-то меня! вѣдь, только и надежды-то теперь, что ты. Самъ я старъ, дѣла подошли тѣсныя. Погоди; можетъ, еще такое дѣло сдѣлаемъ, что ты и не ожидаешь.

Подхалюзинъ.

Да не могу-же я это сдѣлать, Самсонъ Силычъ! Поймите вы изъ этого; не такой я совсѣмъ человѣкъ! Другому, Самсонъ Силычъ, конечно, это все равно-съ, ему хоть трава не рости, а ужь я не могу-съ; сами изволите видѣть-съ, хлопочу я, али нѣтъ-съ. Какъ чортъ какой, убиваюсь я теперича изъ-за вашего дѣла-съ; потому что не такой я человѣкъ-съ. Жалѣючи васъ это дѣлается, и не столько васъ, сколько семейство ваше. Сами изволите знать, Аграфена Кондратьевна дама изнѣженная, Алимпіяда Самсоновна барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ-съ...

Большовъ.

Неужто и въ свѣтѣ нѣтъ?

Подхалюзинъ.

Ужь, конечно, другой такой подобной красоты невозможно найти на всемъ свѣтѣ.

Большовъ.

Влюбленъ ты, чтò-ли, въ Алимпіяду Самсоновну? Такъ говори прямо!

Подхалюзинъ.

Вы, Самсонъ Силычъ, можетъ, шутить изволите.

Большовъ.

Чтò за шутка! Я тебя безъ шутокъ спрашиваю.

Подхалюзинъ.

Помилуйте, Самсонъ Силычъ, смѣю-ли я это подумать-съ.

Большовъ.

А чтò-жь-бы такое не смѣть-то? Чтò она, княжна, чтò-ли, какая?

Подхалюзинъ.

Хотя и не княжна; да какъ бымши вы моимъ благодѣтелемъ и вмѣсто отца роднаго... Да нѣтъ, Самсонъ Силычъ, помилуйте, какъ-же это можно-съ, неужли-же я этого не чувствую!

Большовъ.

Такъ ты, стало быть, ее не любишь?

Подхалюзинъ.

Какъ-же не любить-съ, помилуйте, кажется, больше всего на свѣтѣ.

Большовъ.

Такъ ты-бы такъ и говорилъ, что люблю, молъ, больше всего на свѣтѣ.

Подхалюзинъ.

Да какъ-же не любить-съ! Сами извольте разсудить: день думаю, ночь думаю... то бишь, извѣстное дѣло, Алимпіяда Самсоновна барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ... Да нѣтъ, этого нельзя-съ. Гдѣ-же намъ-съ!..

Большовъ.

Да чего-же нельзя-то, дура-голова?

Подхалюзинъ.

Какъ-же можно, Самсонъ Силычъ? Какъ знамши я васъ, какъ отца роднаго, и Алимпіяду Самсоновну-съ, и опять знамши себя, что я такое значу — гдѣ-же мнѣ-съ съ суконнымъ-то рыломъ-съ?

Большовъ.

Ничего не суконное. Рыло, какъ рыло. Былъ-бы умъ въ головѣ, а тебѣ ума-то не занимать стать, этимъ добромъ Богъ наградилъ. Такъ что̀-же, Лазарь, посватать тебѣ Алимпіяду-то Самсоновну, а? Красавицу-то неописанную?

Подхалюзинъ.

Да помилуйте, смѣю-ли я? Алимпіяда-то Самсоновна, можетъ быть, на меня и глядѣть-то не захотятъ-съ!

Большовъ.

Важное дѣло! Не плясать-же мнѣ по ея дудочкѣ на старости лѣтъ. За кого велю, за того и пойдетъ. Мое дѣтище: хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю. Ты со мной-то толкуй.

Подхалюзинъ.

Не смѣю я, Самсонъ Силычъ, объ этомъ съ вами говорить-съ. Не хочу быть подлецомъ противъ васъ.

Большовъ.

Экой ты, братецъ, глупый! Кабы я тебя не любилъ, нешто-бы

я такъ съ тобой разговаривалъ? Понимаешь-ли ты, что я могу на всю жизнь тебя счастливымъ сдѣлать! Всю жизнь могу тебѣ даровать.

Подхалюзинъ.

А нешто я васъ не люблю, Самсонъ Силычъ, больше отца роднаго? Да накажи меня Богъ.

Вольшовъ.

Ну, а дочь любишь?

Подхалюзинъ.

Изнылъ весь-съ! Вся душа-то у меня перевернулась давно-съ!

Вольшовъ.

Ну, а коли душа перевернулась, такъ мы тебя поправимъ. Владѣй Ѳаддей нашей Маланьей.

Подхалюзинъ.

Тятенька, за что̀ жалуете? Не стою я этого, не стою! И физіономія у меня совсѣмъ не такая.

Вольшовъ.

Ну ее, физіономію! А вотъ я на тебя все имѣніе переведу; такъ послѣ кредиторы-то и пожалѣютъ, что по двадцати-пяти копѣекъ не взяли.

Подхалюзинъ.

Еще какъ пожалѣютъ-то-съ!

Большовъ.

Ну, ты ступай теперь въ городъ, а ужотко заходи къ невѣстѣ; мы надъ ними шутку подшутимъ.

Подхалюзинъ.

Слушаю, тятенька-съ! (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная въ домѣ Большова.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Большовъ (*входитъ и садится на кресло; нѣсколько времени смотритъ по угламъ и зѣваетъ*).

Вотъ она, жизнь-то; истинно сказано: суета суетъ и всяческая суета. Чортъ знаетъ, и самъ не разберешь, чего хочется. Вотъ-бы и закусилъ что-нибудь, да обѣдъ испортишь; а и такъ-то сидѣть одурь возьметъ. Али чайкомъ-бы, что̀-ль, побаловать. (*Молчаніе*). Вотъ такъ-то и все; жилъ-жилъ человѣкъ, да вдругъ и померъ — такъ все прахомъ и пойдетъ. Охъ, Господи, Господи! (*Зѣваетъ и смотритъ по угламъ. Входятъ Аграфена Кондратьевна и Липочка разряженная*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Большовъ, Аграфена Кондратьевна и Липочка.

Аграфена Кондратьевна.

Ступай, ступай, моя крошечка; дверь-то побережнѣе, не зацѣпи. Посмотри-ка, Самсонъ Силычъ, полюбуйся, сударь ты мой, какъ я дочку-то вырядила! Фу ты, прочь поди! Что твой розанъ піоновый! (*Къ ней*). Ахъ ты, моя ангелика-царевна! (*Къ нему*). Что̀, Самсонъ Силычъ, правда, что̀-ли? Только-бы ей въ каретѣ ѣздить шестерней.

Большовъ.

Проѣдетъ и парочкой, не великаго полета помѣщица!

Аграфена Кондратьевна.

Ужь извѣстно, не енеральская дочь, а все, какъ есть, красавица!.. Да приголубь ребенка-то, что̀, какъ медвѣдь, бурчишь!

Большовъ.

А какъ мнѣ еще приголубливать-то? Ручки, что̀-ль, лизать, въ ножки кланяться? Вò какая невидаль! Видали мы и понаряднѣе.

Аграфена Кондратьевна.

Да ты что̀ видалъ-то? Такъ что̀-нибудь. А, вѣдь, это дочь твоя, дитя кровная, каменный ты человѣкъ!

Большовъ.

Что̀-жь, что дочь? Слава Богу, обута, одѣта, накормлена; чего ей еще хочется?

Аграфена Кондратьевна.

Чего хочется! Да ты, Самсонъ Силычъ, очумѣлъ, что̀-ли? Накормлена! Мало-ли что̀, накормлена! По христіанскому закону всякаго накормить слѣдствуетъ; и чужихъ призираютъ, не токма что своихъ; а вѣдь, это и въ люди сказать грѣхъ: какъ ни на есть, родная дѣтища!

Большовъ.

Знаемъ, что родная, да чего-жь ей еще? Что ты мнѣ притчи эти растолковываешь? Не въ рамку-же ее вдѣлать! Понимаемъ, что отецъ.

Аграфена Кондратьевна.

Да коли ужь ты, батюшка, отецъ, такъ не будь свекоромъ! Пора, кажется, въ чувство придти: разставаться скоро приходится, а ты и добраго слова не вымолвишь; долженъ-бы на пользу посовѣтовать что̀-нибудь такое житейское. Нѣтъ въ тебѣ никакого обычаю родительскаго.

Большовъ.

А нѣтъ, такъ что̀-жь за бѣда: стало быть, такъ Богъ создалъ.

Аграфена Кондратьевна.

Богъ создалъ! Да самъ-то ты что̀? Вѣдь, и она, кажется, созданія божеская, али нѣтъ? Не животная какая-нибудь, прости Господи!.. Да спроси у нея что̀-нибудь!

Большовъ.

А что я за спросъ? Гусь свиньѣ не товарищъ: какъ хотите, такъ и дѣлайте.

Аграфена Кондратьевна.

Да на дѣлѣ-то ужъ не спросимъ, ты поведова-то вотъ. Человѣкъ пріѣдетъ чужой-посторонній, все-таки, какъ хочешь примѣривай, а мужчина не женщина — въ первый-то разъ наѣдетъ, невидамши-то его.

Большовъ.

Сказано, что отстань!

Аграфена Кондратьевна.

Отецъ ты этакой, а еще родной называешься! Ахъ ты, дитятко моя заброшенная, стоишь словно какая сиротинушка, приклонивши головушку. Отступились отъ тебя, да и знать не хотятъ. Присядь, Липочка, присядь, душечка, ненаглядная моя сокровища! (*Усаживаетъ*).

Липочка.

Ахъ, отстаньте, маменька! измяли совсѣмъ.

Аграфена Кондратьевна.

Ну, такъ я на тебя издальки посмотрю!

Липочка.

Пожалуй, смотрите, да только не фантазируйте! Фи, маменька, нельзя одѣться порядочно: вы тотчасъ разчувствоваетесь.

Аграфена Кондратьевна.

Такъ, такъ, дитятко! да какъ взгляну-то на тебя, такъ, вѣдь, это жалости подобно!

Липочка.

Что-жь, надо, вѣдь, когда-нибудь.

Аграфена Кондратьевна.

Все-таки, жалко, дурочка: ростили, ростили, да и выростили — да, ни съ того, ни съ сего, въ чужіе люди отдаемъ, словно, ты надоѣла намъ да наскучила глупымъ малымъ ребячествомъ, своимъ кроткимъ поведеніемъ. Вотъ выживемъ тебя изъ дому, словно ворога изъ города, а тамъ схватимся да спохватимся, да и негдѣ взять. Посудите, люди добрые, каково жить въ чужой-дальней сторонѣ, чужимъ кускомъ давишься, кулакомъ слезы

утираючи! Да помилуй Богъ, не ровнюшка выйдется, не ровенъ дуракъ навяжется, аль дуракъ какой — дурацкій сынъ! (*Плачетъ*).

Липочка.

Вотъ вы вдругъ и расплакались! Право, какъ не стыдно, маменька! Чтò тамъ за дуракъ!

Аграфена Кондратьевна (*плача*).

Да ужъ это такъ говорится — къ слову пришлось.

Большовъ.

А объ чемъ бы ты это, слышно, разрюмилась? Вотъ спросить тебя, такъ и сама не знаешь.

Аграфена Кондратьевна.

Не знаю, батюшка, охъ, не знаю; такой стихъ нашелъ.

Большовъ.

То-то вотъ, сдуру. Слезы у васъ дешевы.

Аграфена Кондратьевна.

Охъ, дешевы, батюшка, дешевы; и сама знаю, что дешевы, да чтò-жь дѣлать-то?

Липочка.

Фи, маменька, какъ вы вдругъ! Полноте! Ну, вдругъ пріѣдетъ — чтò хорошаго!

Аграфена Кондратьевна.

Перестану, дитятко, перестану; сейчасъ перестану! (*Входитъ Устинья Наумовна*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна.

Здравствуйте, золотыя! Чтò вы не веселы, носы повѣсили? (*Цалуются*).

Аграфена Кондратьевна.

А ужъ мы заждались тебя.

Липочка.

Чтò, Устинья Наумовна, скоро пріѣдетъ?

Устинья Наумовна.

Виновата, сейчасъ провалиться, виновата! А дѣла-то наши, серебряныя, не очень хороши!

Липочка.

Какъ? что̀ такое за новости?

Аграфена Кондратьевна.

Что̀ ты еще тамъ выдумала?

Устинья Наумовна.

А то, браліянтовыя, что женихъ-то нашъ что̀-то мнется.

Большовъ.

Ха, ха, ха! А еще сваха! Гдѣ тебѣ сватать!

Устинья Наумовна.

Уперся, какъ лошадь — ни тпру, ни ну; слова отъ него не добьешься путнаго.

Липочка.

Да, что̀-жь это, Устинья Наумовна? Да какъ-же это ты, право!

Аграфена Кондратьевна.

Ахъ, батюшки! Да какъ-же это быть-то?

Липочка.

Да давно-ль ты его видѣла?

Устинья Наумовна.

Ныньче утромъ была. Вышелъ какъ есть въ одномъ шлафрокѣ а ужь уподчивалъ, можно чести приписать. И кофію велѣлъ, и; рому-то, а ужь сухарей навалилъ — видимо-невидимо. Кушайте, говоритъ, Устинья Наумовна! Я-было объ дѣлѣ-то, знаешь-ли — надо, молъ, чѣмъ-нибудь порѣшить; ты, говорю, ныньче хотѣлъ ѣхать обзнакомиться-то; а онъ мнѣ на это ничего путнаго не сказалъ. Вотъ, говоритъ, подумамши да посовѣтамшись, а самъ только, что опояску поддергиваетъ.

Липочка.

Что̀-жь онъ тамъ спустя рукава-то сантиментальничаетъ? Право, ужь тошно смотрѣть, какъ все это продолжается.

Аграфена Кондратьевна.

И въ самомъ дѣлѣ, что̀ онъ ломается-то? Мы развѣ хуже его?

Устинья Наумовна.

А лягушка его заклюй, нешто мы другаго не найдемъ?

Большовъ.

Ну, ужь ты другаго-то не ищи, а то опять тоже будетъ. Ужь другаго-то я вамъ самъ найду.

Аграфена Кондратьевна.

Да, найдешь, на печи-то сидя; ты ужь и забылъ, кажется, что у тебя дочь-то есть.

Большовъ.

А вотъ увидишь!

Аграфена Кондратьевна.

Что̀ увидать-то! Увидать-то нѐчего! Ужь не говори мнѣ, пожалуйста, не разстроивай ты меня. (*Садится. Большовъ хохочетъ*).

Тишка (*входитъ*).

Сусой Псовичъ приказали спросить, можно-ли, дескать, взойти. Они тамотко у Лазаря Елизарыча.

Большовъ.

Пошелъ зови его сюда и съ Лазаремъ. (*Тишка уходитъ*).

Аграфена Кондратьевна.

Что̀-жь, недаромъ закуска приготовлена — вотъ и закусимъ. А ужь тебѣ, чай, Устинья Наумовна, давно водочки хочется?

Устинья Наумовна.

Извѣстное дѣло — адмиральскій часъ — самое настоящее время.

Аграфена Кондратьевна.

Ну, Самсонъ Силычъ, трогайся съ мѣста-то, что такъ-то сидѣть.

Большовъ.

Погоди, вотъ тѣ подойдутъ, еще успѣешь.

Липочка.

Я, маменька, пойду раздѣнусь.

Аграфена Кондратьевна.

Поди, дитятко, поди.

Большовъ.

Погоди раздѣваться-то — женихъ пріѣдетъ.

Аграфена Кондратьевна.

Какой тамъ еще женихъ, полно дурачиться-то!

Большовъ.

Погоди, Липа, женихъ пріѣдетъ.

Липочка.

Кто-же это, тятенька? Знаю я его, или нѣтъ?

Большовъ.

А вотъ увидишь, такъ, можетъ, и узнаешь.

Аграфена Кондратьевна.

Что̀ ты его слушаешь, какой тамъ еще шутъ пріѣдетъ! Такъ, языкъ чешетъ.

Большовъ.

Говорятъ тебѣ, что пріѣдетъ, такъ ужь я, стало быть, знаю, что̀ говорю.

Аграфена Кондратьевна.

Коли кто въ самомъ дѣлѣ пріѣдетъ, такъ ужь ты-бы путемъ говорилъ, а то пріѣдетъ, пріѣдетъ, а Богъ знаетъ, кто пріѣдетъ. Вотъ всегда такъ.

Липочка.

Ну, такъ я, маменька, останусь. (*Подходитъ къ зеркалу и смотрится; потомъ къ отцу*). Тятенька!

Большовъ.

Что̀ тебѣ?

Липочка.

Стыдно сказать, тятенька!

Аграфена Кондратьевна.

Что̀ за стыдъ, дурочка! Говори, коли что̀ нужно.

Устинья Наумовна.

Стыдъ не дымъ — глаза не выѣстъ.

Липочка.

Нѣтъ, ей-Богу, стыдно!

Большовъ.

Ну, закройся, коли стыдно.

Аграфена Кондратьевна.

Шляпку, что̀-ли, новую хочется?

Липочка.

Вотъ и не угадали, вовсе не шляпку.

Вольшовъ.

Такъ чего-жь тебѣ?

Липочка.

Выдти замужъ за военнаго!

Вольшовъ.

Экъ, вѣдь, что̀ вывезла!

Аграфена Кондратьевна

Акстись, безпутная! Христосъ съ тобой!

Липочка.

Что-жь, вѣдь, другія выходятъ-же

Вольшовъ.

Ну и пускай ихъ выходятъ, а ты сиди у моря да жди погодки.

Аграфена Кондратьевна.

Да ты у меня и заикаться не смѣй! Я тебѣ и родительскаго благословенья не дамъ. (*Входятъ Рисположенскій, Лазарь и Ѳоминишна*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же, Лазарь, Рисположенскій и Ѳоминишна *у дверей.*

Рисположенскій.

Здравствуйте, батюшка, Самсонъ Силычъ! Здравствуйте, матушка, Аграфена Кондратьевна! Олимпіада Самсоновна, здравствуйте!

Вольшовъ.

Здравствуй, братецъ, здравствуй! Садиться милости просимъ! Садись и ты, Лазарь!

Аграфена Кондратьевна.

Закусить не угодно-ли? а у меня и закусочка приготовлена.

Рисположенскій.

Отчего-жь, матушка, не закусить; я-бы теперь рюмочку выпилъ.

Вольшовъ.

А вотъ сейчасъ пойдемъ всѣ вмѣстѣ, а теперь пока побесѣдуемъ маненько.

Устинья Наумовна.

Отчего-жь и не побесѣдовать! Вотъ, золотыя мои, слышала я,

будто въ газетѣ напечатано, правда-ли, нѣтъ-ли, что другой Бонапартъ народился, и будто-бы, золотыя мои...

Большовъ.

Бонапартъ Бонапартомъ, а мы пуще всего надѣемся на милосердіе Божіе; да и не объ томъ теперь рѣчь.

Устинья Наумовна.

Такъ объ чемъ-же, яхонтовый?

Большовъ.

А о томъ, что лѣта наши подвигаются преклонныя, здоровье тоже ежеминутно прерывается, и одинъ Создатель только вѣдаетъ, что̀ будетъ впередъ: то и положили мы, еще при жизни своей, отдать въ замужество единственную дочь нашу, и въ разсужденіи приданаго тоже можемъ надѣяться, что она не острамитъ нашего капитала и происхожденія, а равномѣрно и передъ другими прочими.

Устинья Наумовна.

Ишь, вѣдь, какъ сладко разсказываетъ, браліянтовый.

Большовъ.

А такъ какъ теперь дочь наша здѣсь на лицо, и при всемъ томъ, будучи увѣрены въ честномъ поведеніи и достаточности нашего будущаго зятя, что̀ для насъ оченно чувствительно, то и назначаемъ его теперича въ общемъ лицезрѣніи. Липа, поди сюда.

Липочка.

Что̀ вамъ, тятенька, угодно?

Большовъ.

Поди ко мнѣ, не укушу, не бось. Ну, теперь ты, Лазарь, ползи!

Подхалюзинъ.

Давно готовъ-съ!

Большовъ.

Ну, Липа, давай руку!

Липочка.

Какъ, что̀ это за вздоръ? Съ чего это вы выдумали?

Большовъ.

Хуже, какъ силой возьму!

Устинья Наумовна.

Вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ день!

Аграфена Кондратьевна.

Господи, да что̀-жь это такое?

Липочка.

Не хочу, не хочу! Не пойду я за такого противнаго!

Ѳоминишна.

Съ нами крестная сила!

Подхалюзинъ.

Видно, тятенька, не видать мнѣ счастія на этомъ свѣтѣ! Видно, не бывать-съ по вашему желанію!

Большовъ (*беретъ Липочку насильно за руку и Лазаря*).

Какъ-же не бывать, коли я того хочу? На что̀-жь я и отецъ, коли не приказывать? Даромъ, что̀-ли, я ее кормилъ?

Аграфена Кондратьевна.

Что̀ ты! что̀ ты! опомнись!

Большовъ.

Знай сверчокъ свой шестокъ! Не твое дѣло! Ну, Липа! Вотъ тебѣ женихъ! Прошу любить да жаловать! Садитесь рядкомъ да потолкуйте ладкомъ, а тамъ честнымъ пиркомъ да за свадебку.

Липочка.

Какъ-же, нужно мнѣ очень съ неучемъ сидѣть! Вотъ оказія!

Большовъ.

А не сядешь, такъ насильно посажу да заставлю жеманиться.

Липочка.

Гдѣ это видано, чтобы воспитанныя барышни выходили за своихъ работниковъ?

Большовъ.

Молчи, лучше! Велю, такъ и за дворника выйдешь. (*Молчаніе*).

Устинья Наумовна.

Вразуми, Аграфена Кондратьевна, что̀ это за бѣда такая!

Аграфена Кондратьевна.

Сама, родная, затмилась, ровно чуланъ какой. И понять не могу, откуда это такое взялось?

Ѳоминишна.

Господи! Семой десятокъ живу, сколько свадьбъ праздновала, а такой скверности не видывала.

Аграфена Кондратьевна.

За что-жь вы это, душегубцы, дѣвку-то опозорили?

Большовъ.

Да, очень мнѣ нужно слушать вашу фанаберію. Захотѣлъ выдать дочь за прикащика, и поставлю на своемъ, и разговаривать не смѣй; я и знать никого не хочу. Вотъ теперь закусить пойдемте, а они пусть побалясничаютъ, можетъ быть, и поладятъ какъ-нибудь.

Рисположенскій.

Пойдемте, Самсонъ Силычъ, и я съ вами, для компаніи, рюмочку выпью. А ужь это, Аграфена Кондратьевна, первый долгъ, чтобъ дѣти слушались родителей. Это не нами заведено, не нами и кончится. (*Встаютъ и уходятъ, кромѣ Липочки, Подхалюзина и Аграфены Кондратьевны*).

Липочка.

Да, что-же это, маменька, такое? Что я имъ, кухарка, что-ли, досталась? (*Плачетъ*).

Подхалюзинъ.

Маменька-съ! Вамъ зятя такого, который-бы васъ уважалъ и, значитъ, старость вашу покоилъ — окромя меня, не найтить-съ.

Аграфена Кондратьевна.

Да, какъ-же это ты, батюшка?

Подхалюзинъ.

Маменька-съ! Въ меня Богъ вложилъ такое намѣреніе, потому самому-съ, что другой васъ, маменька-съ, и знать не хочетъ, а я по гробъ моей жизни (*плачетъ*) долженъ чувствовать-съ.

Аграфена Кондратьевна.

Ахъ, батюшка! Да какъ-же это быть?

Большовъ (*изъ двери*).

Жена, поди сюда!

Аграфена Кондратьевна.

Сейчасъ, батюшка, сейчасъ!

Подхалюзинъ.

Вы, маменька, вспомните это слово, что я сейчасъ сказалъ. (*Аграфена Кондратьевна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Липочка и **Подхалюзинъ**. (*Молчаніе*).

Подхалюзинъ.

Алимпіяда Самсоновна-съ! Алимпіяда Самсоновна! Но, кажется, вы мною гнушаетесь? Скажите хоть одно слово-съ! Позвольте вашу ручку поцаловать.

Липочка.

Вы дуракъ, необразованный!

Подхалюзинъ.

За что̀ вы, Алимпіяда Самсоновна, обижать изволите-съ!

Липочка.

Я вамъ одинъ разъ навсегда скажу, что не пойду я за васъ, не пойду.

Подхалюзинъ.

Это какъ вамъ будетъ угодно-съ! Насильно милъ не будешь. Только я вамъ вотъ что̀ доложу-съ...

Липочка.

Я васъ слушать не хочу, отстаньте отъ меня! Какъ-бы вы были учтивый кавалеръ: вы видите, что я ни за какія сокровища не хочу за васъ идти — вы-бы должны отказаться.

Подхалюзинъ.

Вотъ вы, Алимпіяда Самсоновна, изволите говорить — отказаться. Только если я откажусь, что̀ потомъ будетъ-съ?

Липочка.

А то и будетъ, что я выйду за благороднаго.

Подхалюзинъ.

За благороднаго-съ! Благородный-то безъ приданаго не возьметъ.

Липочка.

Какъ безъ приданаго? Что̀ вы городите-то! Посмотрите-ка, какое у меня приданое-то — въ носъ бросится.

Подхалюзинъ.

Тряпки-то-съ! Благородный тряпокъ-то не возьметъ. Благородному-то деньги нужны-съ.

Липочка.

Что̀-жъ! Тятенька и денегъ дастъ!

Подхалюзинъ.

Хорошо, какъ дастъ-съ! А какъ дать-то нечего? Вы дѣлъ-то тятенькиныхъ не знаете, а я ихъ оченно хорошо знаю: тятенька-то вашъ банкрутъ-съ.

Липочка.

Какъ банкрутъ? А домъ-то, а лавки?

Подхалюзинъ.

А домъ-то и лавки — мои-съ!

Липочка.

Ваши?! Подите вы! Что̀, вы меня дурачить хотите? глупѣе себя нашли?

Подхалюзинъ.

А вотъ у насъ законные документы есть! (*Вынимаетъ*).

Липочка.

Такъ вы купили у тятеньки?

Подхалюзинъ.

Купилъ-съ!

Липочка.

Гдѣ-же вы денегъ взяли?

Подхалюзинъ.

Денегъ! У насъ, слава Богу, денегъ-то побольше, чѣмъ у какого благороднаго.

Липочка.

Что̀-жь это такое со мной дѣлаютъ? Воспитывали, воспитывали, потомъ и обанкрутились! (*Молчаніе*).

Подхалюзинъ.

Ну, положимъ, Алимпіяда Самсоновна, что вы выйдете и за благороднаго — да что̀-жь въ этомъ будетъ толку-съ? Только одна слава, что барыня, а пріятности никакой нѣтъ-съ. Вы изволите разсудить-съ: барыни-то часто сами на рынокъ пѣшкомъ ходятъ-съ. А если и выѣдутъ-то куда, такъ только слава, что четверня-то, а хуже одной-съ купеческой-то. Ей Богу, хуже-съ! Одѣваются тоже не больно пышно-съ. А если за меня-то вы, Алимпіяда Самсоновна, выйдете-съ — такъ первое слово:

вы и дома-то будете въ шелковыхъ платьяхъ ходить-съ; а въ гости, али въ театръ-съ, окромя бархатныхъ и надѣвать не станемъ. Въ разсужденіи шляпокъ или салоповъ — не будемъ смотрѣть на разныя дворянскія приличія, а надѣнемъ какую чуднѣй! (*Молчаніе*). Если вы на счетъ моей физіономіи сумнѣваетесь, такъ это, какъ вамъ будетъ угодно-съ: мы также и фракъ надѣнемъ, и бороду обрѣемъ, либо такъ подстрижемъ, по модѣ-съ, это для насъ все одно-съ.

Липочка.

Да! Вы всѣ передъ свадьбой такъ говорите, а тамъ и обманете.

Подхалюзинъ.

Съ мѣста не сойти, Алимпіяда Самсоновна! Анаѳемой хочу быть, коли лгу! Да это что-съ, Алимпіяда Самсоновна! Нѣшто мы въ этакомъ домѣ будемъ жить? Въ Каретномъ ряду купимъ-съ, распишемъ какъ: на потолкахъ это райскихъ птицъ нарисуемъ, сиреновъ, капидоновъ разныхъ — поглядѣть только, будутъ деньги давать.

Липочка.

Нынче ужь капидоновъ-то ни рисуютъ.

Подхалюзинъ.

Ну, такъ мы букетами пустимъ. (*Молчаніе*). Было-бы только съ вашей стороны согласіе, а то мнѣ въ жизни ничего не надобно. (*Молчаніе*). Какъ я несчастливъ въ своей жизни, что не могу никакихъ комплиментовъ говорить!

Липочка.

Для чего вы, Лазарь Елизарычъ, по-французски не говорите?

Подхалюзинъ.

А для-того, что намъ не для-чего. (*Молчаніе*). Осчастливьте, Алимпіяда Самсоновна, окажите эдакое благоволеніе-съ. (*Молчаніе*). Прикажите на колѣни стать?

Липочка.

Станьте! (*Подхалюзинъ становится*). Вотъ у васъ какая жилетка скверная!

Подхалюзинъ.

Эту я Тишкѣ подарю-съ, а себѣ на Кузнецкомъ мосту закажу,

только не погубите! (*Молчаніе*). Что̀-же, Алимпіяда Самсоновна-съ?

Липочка.

Дайте подумать.

Подхалюзинъ.

Да объ чемъ-же думать-съ?

Липочка.

Какъ-же можно не думать?

Подхалюзинъ.

Да вы не думамши.

Липочка.

Знаете что̀, Лазарь Елизарычъ!

Подхалюзинъ.

Что̀ прикажете-съ?

Липочка.

Увезите меня потихоньку.

Подхалюзинъ.

Да зачѣмъ-же потихоньку-съ, когда такъ тятенька съ маменькой согласны?

Липочка.

Да такъ дѣлаютъ. Ну. а коли не хотите увезти, такъ ужь, пожалуй, и такъ.

Подхалюзинъ.

Алимпіяда Самсоновна! Позвольте ручку поцаловать! (*Цалуетъ, потомъ вскакиваетъ и подбѣгаетъ къ двери*). Тятенька-съ!..

Липочка.

Лазарь Елизарычъ, Лазарь Елизарычъ! Подите сюда!

Подхалюзинъ.

Что̀ вамъ угодно-съ?

Липочка.

Ахъ, еслибы вы знали, Лазарь Елизарычъ, какое мнѣ житье здѣсь! У маменьки семь пятницъ на недѣлѣ; тятенька, какъ не пьянъ, такъ молчитъ, а какъ пьянъ, такъ прибьетъ, того и гляди. Каково это терпѣть образованной барышнѣ! Вотъ какъбы я вышла за благороднаго, такъ я-бы и уѣхала изъ дому и

забыла-бы обо всемъ этомъ. А теперь все опять пойдетъ по старому.

Подхалюзинъ.

Нѣтъ-съ, Алимпіяда Самсоновна, не будетъ этого! Мы, Алимпіяда Самсоновна, какъ только сыграемъ свадьбу, такъ перейдемъ въ свой домъ-съ. А ужъ мы имъ-то командовать не дадимъ-съ. Нѣтъ, ужъ теперь кончено-съ! Будетъ съ нихъ — почудили на своемъ вѣку, теперь намъ пора!

Липочка.

Такъ смотрите-же, Лазарь Елизарычъ, мы будемъ жить сами по себѣ, а опи сами по себѣ. Мы заведемъ все по модѣ, а они какъ хотятъ.

Подхалюзинъ.

Ужъ это какъ и водится-съ.

Липочка.

Ну, теперь зовите тятеньку. (*Встаетъ и охорашивается передъ зеркаломъ*).

Подхалюзинъ.

Тятенька-съ! тятенька-съ! маменька-съ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же, Большовъ и Аграфена Кондратьевна.

Подхалюзинъ (*идетъ на встрѣчу Самсону Силычу и бросается къ нему въ объятія*).

Алимпіяда Самсоновна согласны-съ!

Аграфена Кондратьевна.

Бѣгу, батюшка, бѣгу.

Большовъ.

Ну, вотъ и дѣло! То-то-же. Я знаю, что̀ дѣлаю, ужъ не вамъ меня учить.

Подхалюзинъ (*къ Аграфенѣ Кондратьевнѣ*).

Маменька-съ! позвольте ручку поцаловать.

Аграфена Кондратьевна.

Цалуй, батюшка, обѣ чистыя. Ахъ ты, дитятко, да какъ-же

давича-то такъ, а? Ей-Богу! Что̀-жь это такое? А ужь я и не знала, какъ это дѣло и разсудить-то. Ахъ, ненаглядная ты моя!

Липочка.

Я совсѣмъ, маменька, не воображала, что Лазарь Елизарычъ такой учтивый кавалеръ! А теперь вдругъ вижу, что онъ гораздо почтительнѣе другихъ.

Аграфена Кондратьевна.

Вотъ то-то-же, дурочка! Ужь отецъ тебѣ худа не пожелаетъ. Ахъ ты, голубушка моя! Эка, вѣдь, притча-то, а! Ахъ, матушки вы мои! Что̀-жь это такое? Ѳоминишна, Ѳоминишна!

Ѳоминишна.

Бѣгу, бѣгу, матушка, бѣгу. (*Входитъ*).

Большовъ.

Постой ты, таранта! Вотъ вы садитесь рядомъ, а мы на васъ посмотримъ. Да подай ты намъ бутылочку шипучки. (*Подхалюзинъ и Липочка садятся*).

Ѳоминишна.

Сейчасъ, батюшка, сейчасъ! (*Уходитъ. Входятъ: Устинья Наумовна и Рисположенскій*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же, Устинья Наумовна и Рисположенскій.

Аграфена Кондратьевна.

Поздравь жениха-то съ невѣстой, Устинья Наумовна! Вотъ Богъ привелъ, на старости лѣтъ, дожили до радости.

Устинья Наумовна.

Да чѣмъ-же поздравить-то васъ, изумрудныя? Сухая-то ложка ротъ деретъ.

Большовъ.

А вотъ мы тебѣ горлышко промочимъ. (*Входятъ: Ѳоминишна и Тишка съ виномъ на подносѣ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же, Ѳоминишна и Тишка.

Устинья Наумовна.

Вотъ это дѣло другаго рода. Ну, давай вамъ Богъ жить да молодѣть, толстѣть да богатѣть. (*Пьетъ*). Горько, бралiянтовыя! (*Липочка и Лазарь цалуются*).

Большовъ.

Дай-ка я поздравлю. (*Беретъ бокалъ; Липочка и Лазарь встаютъ*). Живите, какъ знаете — свой разумъ есть. А чтобъ вамъ жить-то было не скучно, такъ вотъ тебѣ, Лазарь, домъ и лавки пойдутъ вмѣсто приданаго, да изъ наличнаго отсчитаемъ.

Подхалюзинъ.

Помилуйте, тятенька, я и такъ вами много доволенъ.

Большовъ.

Чтò тутъ миловать-то! Свое добро, самъ нажилъ. Кому хочу — тому и даю. Наливай еще. (*Тишка наливаетъ*). Да чтò тутъ разговаривать-то! На милость суда нѣтъ! Бери все, только насъ со старухой корми, да кредиторамъ заплати копѣекъ по десяти.

Подхалюзинъ.

Стòитъ-ли, тятенька, объ этомъ говорить-съ. Нешто я не чувствую? Свои люди — сочтемся.

Большовъ.

Говорятъ тебѣ, бери все, да и кончено дѣло! И никто мнѣ не указъ! Заплати только кредиторамъ. Заплатишь?

Подхалюзинъ.

Помилуйте, тятенька, первымъ долгомъ-съ.

Большовъ.

Только ты смотри — имъ много-то не давай. А то ты, чай, радъ, съ дуру-то, все отдать.

Подхалюзинъ.

Да ужь тамъ, тятенька, сочтемся. Помилуйте, свои люди.

Большовъ.

То-то-же. Ты имъ больше десяти копѣекъ не давай. Будетъ съ нихъ... Ну, поцалуйтеся! (*Липочка и Лазарь цалуются*).

Аграфена Кондратьевна.

Ахъ, голубчики вы мои! Да какъ-же это такъ? Совсѣмъ вотъ какъ полоумная.

Устинья Наумовна (*поетъ*).

Ужь и гдѣ-же это видано,
Ужь и гдѣ-же это слыхано,
Чтобы курочка бычка родила,
Поросеночекъ яичко снесъ?

(*Наливаетъ вина и подходитъ къ Рисположенскому; Рисположенскій кланяется и отказывается*).

Большовъ.

Выпей, Сысой Псоичъ, на радости.

Рисположенскій.

Не могу, Самсонъ Силычъ — претитъ.

Большовъ.

Полно ты! Выпей на радости.

Устинья Наумовна.

Еще туда-же ломается!

Рисположенскій.

Претитъ, Самсонъ Силычъ! Ей-Богу, претитъ. Вотъ я водочки рюмочку выпью! А это натура не принимаетъ. Ужь такая слабая комплекція.

Устинья Наумовна.

Ахъ ты, проволочная шея! Ишь ты — у него натура не принимаетъ! Да давайте, я ему за шиворотъ вылью, коли не выпьетъ.

Рисположенскій.

Неприлично, Устинья Наумовна! Дамѣ это неприлично. Самсонъ Силычъ, не могу-съ! Развѣ-бы я сталъ отказываться! хе, хе, хе, да что-жь я за дуракъ, чтобы я такое невѣжество сдѣлалъ; видали мы людей-то, знаемъ, какъ жить; вотъ я отъ водочки никогда не откажусь; пожалуй, хоть теперь рюмочку выпью! А этого не могу — потому претитъ. А вы, Самсонъ Силычъ, безчинства не допускайте; обидѣть не долго, а не хорошо.

Большовъ.

Хорошенько его, Устинья Наумовна, хорошенько! (*Рисположенскій бѣжитъ отъ нея*).

Устинья Наумовна (*ставитъ вино на столъ*).

Врешь, купоросная душа, не уйдешь! (*Прижимаетъ его въ уголъ и хватаетъ его за шиворотъ*).

Рисположенскій.

Караулъ! (*Всѣ хохочутъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ домѣ Подхалюзина богато мёблированная гостиная.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Олимпіада Самсоновна *сидитъ у окна въ роскошномъ положеніи; на ней шелковая блуза и чепчикъ послѣдняго фасона.* Подхалюзинъ *въ модномъ сюртукѣ стоитъ передъ зеркаломъ.* Тишка *за нимъ, обдергиваетъ и охорашиваетъ.*

Тишка.

Ишь ты, какъ оно пригнато, въ самый разъ!

Подхалюзинъ.

А что̀, Тишка, похожъ я на француза, а? Да издали погляди.

Тишка.

Двѣ капли воды!

Подхалюзинъ.

То-то, дуракъ! Вотъ ты теперь и смотри на насъ! (*Ходитъ по комнатѣ*). Такъ-то-съ, Алимпіяда Самсоновна! А вы хотѣли за офицера идти-съ. Чѣмъ-же мы не молодцы? Вотъ сертучекъ новенькій, взяли да и надѣли.

Олимпіада Самсоновна.

Да вы, Лазарь Елизарычъ, танцовать не умѣете.

Подхалюзинъ.

Что̀-жъ, нешто не выучимся? Еще какъ выучимся-то — важнѣйшимъ манеромъ! Зимой въ купеческое собраніе будемъ ѣздить-съ. Вотъ и знай нашихъ-съ! Польку станемъ танцовать.

Олимпіада Самсоновна.

Ужъ вы, Лазарь Елизарычъ, купите ту коляску-то, что смотрѣли у Арбатскаго.

Подхалюзинъ.

Какъ-же, Алимпіяда Самсоновна-съ! Надать купить, надать-съ.

Олимпіада Самсоновна.

А мнѣ новую мантелью принесли, вотъ мы-бы съ вами въ пятницу и поѣхали въ Сокольники.

Подхалюзинъ.

Какъ-же-съ, непремѣнно поѣдемъ-съ, и въ Паркъ поѣдемъ-съ въ воскресенье. Вѣдь, коляска-то тысячу цѣлковыхъ стоитъ-съ, да и лошади-то тысячу цѣлковыхъ, и сбруя накладнаго серебра, такъ пущай ихъ смотрятъ. Тишка, трубку! (*Тишка уходитъ. Садится подлѣ Олимпіады Самсоновны*). Такъ-то-съ, Алимпіяда Самсоновна! Пущай себѣ смотрятъ! (*Молчаніе*).

Олимпіада Самсоновна.

Что̀ это вы, Лазарь Елизарычъ, меня не поцалуете?

Подхалюзинъ.

Какъ-же! Помилуйте-съ! Съ нашимъ удовольствіемъ! Пожалуйте ручку-съ. (*Цалуетъ. Молчаніе*). Скажите, Алимпіяда Самсоновна, мнѣ что̀-нибудь на французскомъ діалектѣ-съ.

Олимпіада Самсоновна.

Да что̀-же вамъ сказать?

Подхалюзинъ.

Да что̀-нибудь скажите, такъ малость самую-съ. Мнѣ все равно-съ!

Олимпіада Самсоновна.

Комъ ву зетъ жоли.

Подхалюзинъ.

А это что̀ такое-съ!

Олимпіада Самсоновна.

Какъ вы милы!

Подхалюзинъ (*вскакиваетъ со стула*).

Вонъ она у насъ, жена-то какая-съ! Ай-да Алимпіяда Самсоновна! уважили! Пожалуйте ручку! (*Входитъ Тишка съ трубкой*).

Тишка.

Устинья Наумовна пришла.

Подхалюзинъ.

Зачѣмъ ее еще чортъ принесъ! (*Тишка уходитъ. Входитъ Устинья Наумовна*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Устинья Наумовна.

Устинья Наумовна.

Какъ живете-можете, браліянтовыя?

Подхалюзинъ.

Вашими молитвами, Устинья Наумовна, вашими молитвами.

Устинья Наумовна (*цалуясь*).

Что̀ это ты, какъ будто, похорошѣла, поприпухла?

Олимпіада Самсоновна.

Ахъ, какой ты вздоръ городишь, Устинья Наумовна! Ну съ чего это ты взяла?

Устинья Наумовна.

Что̀ за вздоръ, золотая; ужь къ тому дѣло идетъ. Рада не рада — нѐчего дѣлать!.. Люби кататься, люби и саночки возить!.. Что̀-жь это вы меня позабыли совсѣмъ, браліянтовые? Али еще осмотрѣться не успѣли? Все, чай, другъ на друга любуетесь да миндальничаете.

Подхалюзинъ.

Есть тотъ грѣхъ, Устинья Наумовна, есть тотъ грѣхъ!

Устинья Наумовна.

То-то-же, какую я тебѣ сударушку подздобила.

Подхалюзинъ.

Много довольны, Устинья Наумовна, много довольны.

Устинья Наумовна.

Еще-бы не доволенъ, золотой! Что̀-жь тебѣ! Вы теперь, чай, все объ нарядахъ хлопочете. Много еще моднаго напроказила?

Олимпіада Самсоновна.

Не такъ чтобы много. Да и то больше отъ того, что новыя матеріи вышли.

Устинья Наумовна.

Извѣстное дѣло, жемчужная, нельзя-жь: хоть худенькія, да голубенькія. А какихъ-же больше настряпала — шерстяныхъ, али шелковыхъ?

Олимпіада Самсоновна.

Разныхъ — и шерстяныхъ, и шелковыхъ; да вотъ недавно креповое съ золотомъ сшила.

Устинья Наумовна.

А ты поди-ка выбери мнѣ какое пошире изъ градафриковыхъ.

Олимпіада Самсоновна.

Градафриковаго не дамъ: у самой только три; да оно и не сойдется на твою талію; пожалуй, коли хочешь, возьми крепрашелевое.

Устинья Наумовна.

На какого мнѣ жида трепрашельчатое-то! Ну, ужь видно нѣчего съ тобой дѣлать, помирюсь и на атласномъ, такъ и быть.

Олимпіада Самсоновна.

Ну и атласныя тоже — какъ-то не того, сшиты по бальному, открыто очень — понимаешь? А изъ крепрашелевыхъ сыщемъ капотъ, распустимъ складочки и будетъ въ самую припорцію.

Устинья Наумовна.

Ну, давай трепрашельчатое! Твое взяло, браліянтовая! Поди, отпирай шкапъ.

Олимпіада Самсоновна.

Я сейчасъ, подожди немножно.

Устинья Наумовна.

Подожду, золотая, подожду. Вотъ еще мнѣ съ супругомъ твоимъ поговорить надо. (*Олимпіада Самсоновна уходитъ*). Что̀-же это ты, браліянтовый, никакъ забылъ совсѣмъ свое обѣщаніе?

Подхалюзинъ.

Какъ можно забыть-съ, помнимъ. (*Вынимаетъ бумажникъ и даетъ ей асигнацію*).

Устинья Наумовна.

Что̀-жь это такое, алмазный?

Подхалюзинъ.

Сто цѣлковыхъ-съ!

Устинья Наумовна.

Какъ такъ сто цѣлковыхъ? Да ты мнѣ полторы тысячи обѣщалъ!

Подхалюзинъ.

Что̀-о-съ?!

Устинья Наумовна.

Ты мнѣ полторы тысячи обѣщалъ.

Подхалюзинъ.

Не жирно-ли будетъ, не равно облопаетесь?

Устинья Наумовна.

Что̀-жь ты, шутить, что̀-ли, со мной вздумалъ? Я, братъ, и сама дама разухабистая.

Подхалюзинъ.

Да за что̀ вамъ деньги-то давать? Диви-бы, за дѣло за какое.

Устинья Наумовна.

За дѣло-ли, за бездѣлье-ли, а давай, ты самъ обѣщалъ.

Подхалюзинъ.

Мало-ли что̀ я обѣщалъ! Я обѣщалъ съ Ивана Великаго прыгнуть, коли женюсь на Алимпіядѣ Самсоновнѣ, такъ и прыгать?

Устинья Наумовна.

Что̀-жь ты думаешь, я на тебя суда не найду? Велика важность, что ты купецъ второй гильдіи, я сама на 14-мъ классѣ сижу, какая ни на есть, все-таки, чиновница.

Подхалюзинъ.

Да хоть-бы генеральша — мнѣ все равно; я васъ знать-то не хочу, вотъ и весь разговоръ.

Устинья Наумовна.

Анъ врешь, не весь: ты мнѣ еще соболій салопъ обѣщалъ.

Подхалюзинъ.

Чего-съ?

Устинья Наумовна.

Соболій салопъ. Что̀ ты, оглохъ, что̀-ли?

Подхалюзинъ.

Соболій-съ! Хе, хе, хе.

Устинья Наумовна.

Да, соболій! Что̀ ты смѣешься-то, что̀ горло-то пялишь!

Подхалюзинъ.

Еще рыломъ не вышли-съ въ собольихъ-то салопахъ ходить! (*Олимпіада Самсоновна выноситъ платье и отдаетъ Устиньѣ Наумовнѣ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Олимпіада Самсоновна.

Устинья Наумовна.

Что̀-жь это вы, въ самомъ дѣлѣ, ограбить меня, что̀-ли, хотите?

Подхалюзинъ.

Что̀ за грабежъ, а ступайте съ Богомъ, вотъ и все тутъ.

Устинья Наумовна.

Ужь ты гнать меня сталъ! Да и я-то, дура безтолковая, связалась съ вами — сейчась видно: мѣщанская-то кровь!

Подхалюзинъ.

Такъ-съ! Скажите, пожалуйста!

Устинья Наумовна.

А коли такъ, я и смотрѣть на васъ не хочу! Ни за какія сокровища и водиться-то съ вами не соглашусь! Кругомъ обѣгу тридцать верстъ, а мимо васъ не пойду! Скорѣй зажмурюсь да на лошадь наткнусь, чѣмъ стану глядѣть на ваше логовище! Плюнуть захочется, и то въ эту улицу не заверну! Лопнуть на десять частей, коли лгу! Провалиться въ тартарары, коли меня здѣсь увидите!

Подхалюзинъ.

Да вы, тетенька, легонько!

Устинья Наумовна.

Ужь я васъ, золотые, распечатаю — будете знать! Я васъ такъ по Москвѣ-то разславлю, что стыдно будетъ въ люди глаза показать... Ахъ я, дура, дура, съ кѣмъ связалась! Дамѣ-то съ званіемъ, съ чиномъ... Тфу, тфу, тфу! (*Уходитъ*).

Подхалюзинъ.

Пишь ты расходилась дворянская-то кровь! Ахъ ты, Господи!

Туда-же чиновница! Вотъ пословица-то говорится: громъ-то гремитъ не изъ тучи, а изъ навозной кучи! Ахъ ты, Господи! вотъ и смотри на нее, дама какая!

Олимпіада Самсоновна.

Охота вамъ была, Лазарь Елизарычъ, съ ней связываться!

Подхалюзинъ.

Да помилуйте, совсѣмъ несообразная женщина!

Олимпіада Самсоновна (*глядитъ въ окно*).

Никакъ тятеньку изъ ямы выпустили? Посмотрите, Лазарь Елизарычъ.

Подхалюзинъ.

Ну, нѣтъ-съ, изъ ямы-то тятеньку не скоро выпустятъ; а надо полагать, его въ конкурсъ выписывали, такъ отпросился домой... Маменька-съ! Аграфена Кондратьевна! Тятенька идетъ-съ! (*Большовъ и Аграфена Кондратьевна входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же, Большовъ и Аграфена Кондратьевна.

Аграфена Кондратьевна.

Гдѣ онъ, гдѣ онъ? Родные вы мои, голубчики вы мои! (*Цалуются*).

Подхалюзинъ.

Тятенька, здравствуйте, наше почтеніе!

Аграфена Кондратьевна.

Голубчикъ ты мой, Самсонъ Силычъ, золотой ты мой! Оставилъ ты меня сиротой на старости лѣтъ!

Большовъ.

Полно, жена, перестань!

Олимпіада Самсоновна.

Что̀ это вы, маменька, точно по покойникѣ плачете! Не Богъ знаетъ, что̀ случилось.

Большовъ.

Оно точно, дочка, не Богъ знаетъ что̀, а все-таки, отецъ твой въ ямѣ сидитъ.

Олимпіада Самсоновна.

Что̀-жъ такое!

Большовъ.

Да каково сидѣть-то! Каково по улицѣ-то идти съ солдатомъ! Охъ, дочка! Вѣдь, меня сорокъ лѣтъ въ городѣ-то всѣ знаютъ, сорокъ лѣтъ всѣ въ поясъ кланялись, а теперь мальчишки пальцами показываютъ.

Аграфена Кондратьевна.

И лица-то нѣтъ на тебѣ, голубчикъ мой! Словно ты съ того свѣта выходецъ.

Подхалюзинъ.

Э, тятенька, Богъ милостивъ! Все перемелется — мука̀ будетъ. Что̀-же, тятенька, кредиторы-то говорятъ?

Большовъ.

Да что̀: на сдѣлку согласны. Что̀, говорятъ, тянуть-то, еще возмешь-ли, нѣтъ-ли, а ты что̀-нибудь чистыми дай, да и Богъ съ тобой.

Подхалюзинъ.

Отчего-же не дать-съ! Надать дать-съ! А много-ли, тятенька, просятъ?

Большовъ.

Просятъ-то двадцать-пять копѣекъ.

Подхалюзинъ.

Это, тятенька, много-съ!

Большовъ.

И самъ, братъ, знаю, что много, да что̀-жъ дѣлать-то? Меньше не берутъ.

Подхалюзинъ.

Какъ-бы десять копѣекъ, такъ-бы ладно-съ. Семь съ половиною на удовлетвореніе, а двѣ съ половиною на конкурсные расходы.

Большовъ.

Я такъ-то говорилъ, да и слышать не хотятъ.

Подхалюзинъ.

Зазнались больно! А не хотятъ они восемь копѣекъ въ пять лѣтъ?

Большовъ.

Что̀-жь, Лазарь, придется и двадцать-пять дать; вѣдь, мы сами прежде такъ предлагали.

Подхалюзинъ.

Да какъ-же, тятенька-съ! Вѣдь, вы тогда сами изволили говорить-съ, больше десяти копѣекъ не давать-съ. Вы сами разсудите: по двадцати-пяти копѣекъ денегъ много. Вамъ, тятенька, закусить чего не угодно-ли-съ? Маменька! прикажите водочки подать, да велите самоварчикъ поставить, ужь и мы для компаніи выпьемъ-съ. А двадцать-пять копѣекъ много-съ!

Аграфена Кондратьевна.

Сейчасъ, батюшка, сейчасъ! (*Уходитъ*).

Большовъ.

Да что̀ ты мнѣ толкуешь-то! я и самъ знаю, что много, да какъ-же быть-то! Потомятъ года полтора въ ямѣ-то, да каждую недѣлю будутъ съ солдатомъ по улицамъ водить, а еще, того гляди, въ острогъ перемѣстятъ: такъ радъ будешь и полтину дать. Отъ одного срама-то не знаешь, куда спрятаться. (*Аграфена Кондратьевна съ водкой; Тишка вноситъ закуску и уходитъ*).

Аграфена Кондратьевна.

Голубчикъ ты мой! Кушай, батюшка, кушай! Чай, тебя тамъ голодомъ изморили!

Подхалюзинъ.

Кушайте, тятенька! Не взыщите, чѣмъ Богъ послалъ!

Большовъ.

Спасибо, Лазарь, спасибо! (*Пьетъ*). Пей-ка самъ.

Подхалюзинъ.

За ваше здоровье! (*Пьетъ*). Маменька! не угодно-ли-съ? Сдѣлайте одолженіе!

Аграфена Кондратьевна.

А, батюшка, до того-ли мнѣ теперь! Эдакое божеское попущеніе! Ахъ ты, Господи Боже мой! Ахъ ты, голубчикъ ты мой!

Подхалюзинъ.

Э, маменька, Богъ милостивъ, какъ-нибудь отдѣлаемся! Не вдругъ-съ!

Аграфена Кондратьевна.

Дай-то Господи! А то ужь и я-то, на него глядя, вся измаялась

Большовъ.

Ну, какъ-же, Лазарь?

Подхалюзинъ.

Десять копѣечекъ, извольте, дамъ-съ, какъ говорили.

Большовъ.

А пятнадцать-то гдѣ-же я возьму? Не изъ рогожи-жь мнѣ ихъ шить.

Подхалюзинъ.

Я, тятенька, не могу-съ! Видитъ Богъ, не могу-съ!

Большовъ.

Что̀ ты, Лазарь, что̀ ты! Да куда-жь ты деньги-то дѣлъ?

Подхалюзинъ.

Да вы извольте разсудить: я вотъ торговлей завожусь, домишко отдѣлалъ. Да выкушайте чего-нибудь, тятенька! Вотъ хоть мадерцы, что̀-ли-съ! Маменька, поподчуйте тятеньку.

Аграфена Кондратьевна.

Кушай, батюшка, Самсонъ Силычъ! Кушай! Я тебѣ, батюшка, пуншикъ налью!

Большовъ.

Выручайте, дѣтушки, выручайте!

Подхалюзинъ.

Вотъ вы, тятенька, изволите говорить, куда я деньги дѣлъ? Какъ-же-съ? Разсудите сами: торговать начинаемъ, извѣстное дѣло, безъ капитала нельзя-съ, взяться нечѣмъ; вотъ домикъ купилъ, заведеньице всякое домашнее завели, лошадокъ, то, другое. Сами изволите разсудить! Объ дѣтяхъ подумать надо.

Олимпіада Самсоновна.

Что̀-жь, тятенька, нельзя-же намъ самимъ не-причемъ остаться. Вѣдь, мы не мѣщане какіе-нибудь.

Подхалюзинъ.

Вы, тятенька, изволите разсудить: нынче безъ капитала нельзя-съ, безъ капиталу-то не много наторгуешь.

Олимпіада Самсоновна.

Я у васъ, тятенька, до двадцати лѣтъ жила — свѣту не видѣла.

Что̀-же, мнѣ прикажете отдать вамъ деньги, а самой опять въ ситцевыхъ платьяхъ ходить?

Большовъ.

Что̀ вы! Опомнитесь! Вѣдь, я у васъ не милостыню прошу, а свое-же добро. Люди-ли вы? Лазарь! да ты вспомни-ка, вѣдь, я тебѣ все отдалъ, все до чиста; вотъ что̀ себѣ оставилъ, видишь! Вѣдь, я тебя мальчишкой въ домъ взялъ, безчувственный человѣкъ. Поилъ, кормилъ вмѣсто отца роднаго, въ люди вывелъ. А видѣлъ-ли я отъ тебя благодарность какую? Видѣлъ-ли? Вспомни то, Лазарь, сколько разъ я замѣчалъ, что ты на руку нечистъ! Что̀-жь? Я, вѣдь, не прогналъ тебя, не ославилъ на весь городъ. Я тебя сдѣлалъ главнымъ прикащикомъ, тебѣ я все свое состояніе отдалъ, да тебѣ-же, Лазарь, я отдалъ и дочь-то своими руками. А не случись со мною этого попущенія, ты-бы на нее и глядѣть-то не смѣлъ.

Подхалюзинъ.

Помилуйте, тятенька, я все это очень хорошо чувствую-съ!

Большовъ.

Чувствуешь ты! Ты-бы долженъ все отдать, какъ я, въ одной рубашкѣ остаться, только-бы своего благодѣтеля выручить. Да не прошу я этого, ненадо мнѣ; ты заплати за меня только, что̀ теперь слѣдуетъ.

Подхалюзинъ.

Отчего-бы не заплатить-съ, да просятъ цѣну, которую совсѣмъ несообразную.

Большовъ.

Да развѣ я прошу! Я изъ-за каждой вашей копѣйки просилъ, просилъ, въ ноги кланялся, да что̀-же мнѣ дѣлать, когда не хотятъ уступить ничего?

Олимпіада Самсоновна.

Мы, тятенька, сказали вамъ, что больше десяти копѣекъ дать не можемъ.

Большовъ.

Ужь ты скажи, дочка: ступай, молъ, ты, старый, въ яму! Да̀, въ яму! Въ острогъ его, стараго дурака. И за дѣло: не гонись за большимъ, будь доволенъ тѣмъ, что̀ есть. А за большимъ по-

гонишься, и послѣднее отнимутъ, оберутъ тебя до-чиста и придется тебѣ бѣжать на Каменный мостъ да бросаться въ Москву рѣку. Да и оттедова тебя за языкъ вытянутъ, да въ острогъ посадятъ. (*Всѣ молчатъ. Большовъ пьетъ*). А вы подумайте, каково мнѣ теперь въ яму-то идти! Что̀-жь мнѣ, зажмуриться, что̀-ли? Мнѣ Ильинка-то теперь за сто верстъ покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинкѣ-то идти. Это все равно, что грѣшную душу дьяволы, прости Господи, по мытарствамъ тащатъ. А тамъ мимо Иверской: какъ мнѣ взглянуть-то на Нее, на матушку? Знаешь, Лазарь: Іуда, вѣдь, онъ тоже Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ... А что̀ ему за это было?.. Вѣдь, я злостный, умышленный.... Вѣдь, меня въ Сибирь сошлютъ. Господи! Коли такъ не дадите денегъ, дайте Христа ради! (*Плачетъ*).

Подхалюзинъ.

Что̀ вы, что̀ вы, тятенька? Полноте! Богъ милостивъ! Что̀ это вы? Поправимъ какъ-нибудь. Все въ нашихъ рукахъ.

Большовъ.

Денегъ надо, Лазарь, денегъ! Больше нѐчѣмъ поправить. Либо денегъ, либо въ Сибирь. Лазарь, вспомни: вѣдь, мы вмѣстѣ деньги-то и товаръ прятали, вѣдь, намъ одинъ конецъ обоимъ.

Подхалюзинъ.

И денегъ дадимъ-съ, только-бы отвязались! Я, такъ и быть, еще пять копѣечекъ прибавлю.

Большовъ.

Эки года! Есть-ли въ васъ христіанство? Двадцать пять копѣекъ надо, Лазарь!

Подхалюзинъ.

Нѣтъ, это, тятенька, много; ей-Богу, много!

Большовъ.

Змѣи вы подколодныя! (*Опускается головой на столъ*).

Аграфена Кондратьевна.

Варваръ ты, варваръ! Разбойникъ ты этакой! Нѣтъ тебѣ моего благословенія! Изсохнешь, вѣдь, и съ деньгами-то; изсохнешь, не доживя вѣку. Разбойникъ ты этакой, разбойникъ!

Подхалюзинъ.

Полноте, маменька, Бога-то гнѣвить! Что̀ это вы клянете насъ, не разобравши дѣла-то! Вы видите, тятенька захмѣлѣлъ маленько, а вы ужь и на̀ поди!

Олимпіада Самсоновна.

Ужь вы, маменька, молчали-бы лучше! А то вы рады проклясть въ треисподнюю.

Большовъ (*встаетъ*).

Ну, прощайте, дѣти.

Подхалюзинъ.

Что̀ вы, тятенька, посидите! Надобно-же какъ-нибудь дѣло-то кончить!

Большовъ.

Да что̀ кончать-то? Ужь я вижу, что дѣло-то кончено. Сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ! Ты ужь не плати за меня ничего: пусть что̀ хотятъ, то и дѣлаютъ. Прощайте, пора мнѣ!

Подхалюзинъ.

Прощайте, тятенька! Богъ милостивъ—какъ-нибудь обойдется!

Большовъ.

Прощай, жена!

Аграфена Кондратьевна.

Прощай, батюшка, Самсонъ Силычъ! Когда къ вамъ въ яму-то пущаютъ?

Большовъ.

Не знаю!

Аграфена Кондратьевна.

Ну, такъ я навѣдаюсь: а то умрешь тутъ, не видамши-то тебя.

Большовъ.

Прощай, дочка! Прощайте, Алимпіяда Самсоновна! Ну, вотъ вы теперь будете богаты, заживете по-барски. По гуляньямъ это, по баламъ — дьявола тѣшить! А не забудьте вы, Алимпіяда Самсоновна, что есть клѣтки съ желѣзными рѣшетками, сидятъ тамъ бѣдные-заключенные. Не забудьте насъ, бѣдныхъ-заключенныхъ. (*Уходитъ съ Аграфеной Кондратьевной*).

Подхалюзинъ.

Эхъ, Алимпіяда Самсоновна-съ! Не ловко-съ! Жаль тятеньку,

ей-Богу, жаль-съ! Нешто поѣхать самому поторговаться съ кредиторами? Аль ненадо-съ? Онъ-то самъ лучше ихъ разжалобитъ. А? Аль ѣхать? Поѣду-съ! Тишка!

Олимпіада Самсоновна.

Какъ хотите, такъ и дѣлайте — ваше дѣло. (*Уходитъ*).

Подхалюзинъ.

Тишка! (*Входитъ*). Подай старый сертукъ, котораго хуже нѣтъ. (*Тишка уходитъ*). А то подумаютъ: богатъ, должно быть! Въ тѣ поры и не сговоришь. (*Рисположенскій и Аграфена Кондратьевна входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, Рисположенскій и Аграфена Кондратьевна.

Рисположенскій.

Вы, матушка, Аграфена Кондратьевна, огурчиковъ еще не изволили солить?

Аграфена Кондратьевна.

Нѣтъ, батюшка! какіе теперь огурчики! До того-ли ужь мнѣ! А вы посолили?

Рисположенскій.

Какъ-же, матушка, посолили. Дороги нынче очень; говорятъ, морозомъ хватило. Лазарь Елизарычъ, батюшка, здравствуйте! Это водочка? Я, Лазарь Елизарычъ, рюмочку выпью. (*Аграфена Кондратьевна уходитъ*).

Подхалюзинъ.

А зачѣмъ это вы къ намъ пожаловали, не слыхать-ли?

Рисположенскій.

Хе, хе, хе!.. Какой вы шутникъ, Лазарь Елизарычъ! Извѣстное дѣло, зачѣмъ!

Подхалюзинъ.

А зачѣмъ-бы это, желательно знать-съ!

Рисположенскій.

За деньгами, Лазарь Елизарычъ, за деньгами! Кто за чѣмъ, а я все за деньгами!

Подхалюзинъ.

Да ужь вы за деньгами-то больно часто ходите.

Рисположенскій.

Да какъ-же не ходить-то, Лазарь Елизарычъ, когда вы по пяти цѣлковыхъ даете! Вѣдь, у меня семейство.

Подхалюзинъ.

Что̀-жь, не по сту-же вамъ давать!

Рисположенскій.

А ужь отдали-бы за-разъ, такъ я-бы къ вамъ и не ходилъ.

Подхалюзинъ.

То-то, вы ни уха, ни рыла не смыслите, а еще хапонцы берете. За что̀ вамъ давать-то?

Рисположенскій.

Какъ за что̀? Сами обѣщали!

Подхалюзинъ.

Сами обѣщали! Вѣдь, давали тебѣ — пользовался; ну, и будетъ, пора честь знать.

Рисположенскій.

Какъ пора честь знать? Да вы мнѣ еще тысячи полторы должны.

Подхалюзинъ.

Должны! Тоже должны! Словно у него документъ! А за что̀?— за мошенничество!

Рисположенскій.

Какъ за мошенничество! За труды, а не за мошенничество!

Подхалюзинъ.

За труды!

Рисположенскій.

Ну, да тамъ за что̀-бы то ни было, а давайте деньги, а то документъ.

Подхалюзинъ.

Чего-съ? Документъ! Нѣтъ, ужь это послѣ придите.

Рисположенскій.

Такъ что̀-жь, ты меня грабить, что̀-ли, хочешь съ малыми дѣтьми?

Подхалюзинъ.

Что̀ за грабежъ! А вотъ возьми еще пять цѣлковыхъ, да и ступай съ Богомъ.

Рисположенскій.

Нѣтъ, погоди! Ты отъ меня этимъ не отдѣлаешься! (*Тишка входитъ*).

Подхалюзинъ.

А что̀-же ты со мной сдѣлаешь?

Рисположенскій.

Языкъ-то у меня не купленый.

Подхалюзинъ.

Что̀-жь ты, лизать, что̀-ли, меня хочешь?

Рисположенскій.

Нѣтъ, не лизать, а добрымъ людямъ разсказывать.

Подхалюзинъ.

Объ чемъ разсказывать-то, купоросная душа! Да кто тебѣ повѣритъ-то еще?

Рисположенскій.

Кто повѣритъ?

Подхалюзинъ.

Да̀, кто повѣритъ? Поглядитка ты на себя.

Рисположенскій.

Кто повѣритъ? Кто повѣритъ? А вотъ увидишь! А вотъ увидишь! Батюшки мои, да что̀-жь мнѣ дѣлать-то? Смерть моя! Грабитъ меня, разбойникъ, грабитъ! Нѣтъ, ты погоди! Ты увидишь! Грабить не приказано!

Подхалюзинъ.

Да что̀ увидать-то?

Рисположенскій.

А вотъ что̀ увидишь! Постой еще, постой, постой! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Погоди!

Подхалюзинъ.

Погоди да погоди! Ужь я и такъ ждалъ довольно. Ты полно пужать-то: не страшно.

Рисположенскій.

Ты думаешь, мнѣ никто не повѣритъ? Не повѣритъ? Ну, пус-

кай обижаютъ! Пускай не вѣрятъ. Я человѣкъ маленькій, меня обидѣть не долго. Тебѣ Богъ за меня заплатитъ.

Подхалюзинъ.

Разговаривай тутъ!

Рисположенскій.

Ты тестя обокралъ, да и меня грабишь; а у меня жена, четверо дѣтей, сапоги худые.

Тишка.

Подметки подкинуть можно.

Рисположенскій.

Ты что̀? Ты такой-же грабитель!

Тишка.

Ничего-съ, проѣхали! (*Квартальный входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и Квартальный.

Квартальный.

Вы купецъ Подхалюзинъ?

Подхалюзинъ.

Хоша-бы и я-съ.

Квартальный.

По предписанію начальства, я долженъ васъ представить къ слѣдственному приставу по дѣлу о скрытіи имущества несостоятельнаго купца Большова.

Подхалюзинъ.

Покорнѣйше прошу садиться! Водочки не угодно-ли?

Квартальный.

Нѣтъ, мнѣ некогда. Извольте собираться, насъ ждутъ.

Подхалюзинъ.

Да, вѣдь, я думаю, можно и подождать-съ?

Квартальный.

Нельзя-съ.

Подхалюзинъ.

А я думаю, что можно-съ. Вы, должно быть, еще здѣсь вновѣ, не всѣ порядки знаете. А вы будьте довольно деликатны!

Квартальный.

Я дѣйствую по приказанію начальства.

Подхалюзинъ.

Мы обыватели хорошіе, вы нами не брезгайте, мы свое дѣло помнимъ, по силѣ возможности. Пожалуйте, ваше благородіе, ко мнѣ въ кабинетъ на пару словъ. (*Манитъ рукой*).

Квартальный.

Вы не извольте безпокоиться, это совсѣмъ лишнее.

Подхалюзинъ.

А вы отрапортуйте, что въ случаѣ моей болѣзни...

Квартальный.

Въ случаѣ болѣзни есть больница при острогѣ!

Подхалюзинъ.

При острогѣ-съ? (*Чешетъ затылокъ, потомъ подходитъ къ Ризположенскому*). Ну, баринъ, выручай изъ бѣды, озолочу!

Ризположенскій.

Ненадо мнѣ ничего! Провались ты и съ деньгами! Теперь отольются тебѣ мои слезы; прогуляешься въ Сибирь.

Подхалюзинъ.

Ужь будто и въ Сибирь?

Ризположенскій.

А ты думалъ какъ? Законъ-то прямой! По дѣломъ вору и мука.

Подхалюзинъ (*стоитъ нѣсколько времени задумавшись*).

А въ Сибирь, такъ въ Сибирь! Что̀-жь такое! И въ Сибири люди живутъ. Да, вѣдь, и тебѣ не уйтить! (*Беретъ шляпу*). Я готовъ-съ.

УТРО МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА.

УТРО МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА.

(СЦЕНЫ).

ЛИЦА:

Недопекинъ, Семенъ Парамонычъ.
Лисавскій, Сидоръ Дмитричъ.
1-й молодой человѣкъ.
2-й молодой человѣкъ.
Смуровъ, купецъ, дядя Недопекина.
Вася, племянникъ Смурова, двоюродный братъ Недопекина.
Сидорычъ, прикащикъ тетки Недопекина.
Иванъ, лакей.
Гришка, мальчикъ.

Богато-меблированная комната: на задней стѣнѣ дверь въ переднюю, на лѣвой — въ кабинетъ; направо отъ зрителей турецкій диванъ и всякаго рода мягкая мебель; съ лѣвой стороны — письменный столъ съ богатыми принадлежностями; ближе къ зрителямъ трюмо; окна роскошно драпированы; на стѣнахъ эстампы.

I.

Иванъ и Сидорычъ *сидятъ на креслахъ*, Гришка *стоитъ*.

Иванъ.

Да посиди, куды ты!

Сидорычъ.

Пора-съ, еще надо кое-куда зайти.

Иванъ.

Еще успѣешь. Да тебѣ на что̀ Семена-то Парамоныча?

Сидорычъ.

Да тетенька ихъ завтрашняго числа къ себѣ на вечеръ просятъ.

Иванъ.

Ну, такъ не поѣдетъ, и дожидаться тебѣ нѣчего.

Сидорычъ.

Отчего-жь не поѣдутъ-съ?

Иванъ.

Нѣчего ему дѣлать у васъ, вотъ тебѣ и все. Ваши-то, вѣдь, какъ есть русаки. Вѣдь, вы по буднямъ-то изъ одной чашки ѣдите, въ восьмомъ часу спать ложитесь. Только въ имянины да по праздникамъ и раскошеливаетесь. А мы, видишь, какъ живемъ. Смотри! (*Показываетъ кругомъ*). То-то вотъ оно и есть! Такъ-то. братецъ ты мой! Да теперь будемъ говорить насчетъ компаніи: какая у васъ компанія? Ни обращенія никакого, ни политики. Намъ, братъ, у васъ нѣчего дѣлать. Вотъ онъ меня за что уважаетъ: потому я всѣ эти порядки знаю. Я, братъ, служилъ все у хорошихъ людей: у генерала Симевича два года служилъ, у совѣтника служилъ. Такъ ужь мнѣ пора знать. Ужь онъ такъ меня и спрашиваетъ: «что, говоритъ, Иванъ, это какъ у генерала?» Вотъ, говорю, такъ и такъ; «а это какъ?», а это вотъ такъ, молъ. «Хорошо», говоритъ.

Сидорычъ.

А скоро они встанутъ?

Иванъ.

А ты вотъ смотри на часы. У насъ ужь темпъ извѣстный. Ужь поневолится, да проспитъ до втораго часу. Я еще такого и не видывалъ, чтобы кто такъ модѣ подражалъ. Вотъ теперь встаетъ во второмъ часу; а скажи ему, что господа встаютъ съ пѣтухами вмѣстѣ: вѣдь, и онъ тоже съ пѣтухами станетъ вставать.

Сидорычъ.

Тонъ наблюдаютъ-съ.

Иванъ.

Ужь какъ наблюдаетъ-то, просто смѣхъ смотрѣть на него Увидитъ гдѣ на гуляньѣ или въ театрѣ, какъ кто одѣтъ, какъ кто ходитъ, сейчасъ и перенимаетъ; вотъ здѣсь и учится передъ

зеркаломъ. Ей-Богу! А все-таки, братъ, у насъ, чего нѣтъ, все это на барскую ногу. Видишь, какъ мы живемъ. А вы что̀! Вамъ хоть горы золотыя давай: ужь это все одно; заведеніе такое, самое необразованное. А мы, видишь, какъ живемъ. Вотъ, хочешь книжку почитать?

Сидорычъ.

Коли можно, такъ дайте какую-нибудь позанятнѣе.

Иванъ.

Ужь что̀ тутъ толковать!

Сидорычъ.

Да не спросили-бы неравно.

Иванъ.

Ахъ ты, какой человѣкъ! Говорятъ: бери, такъ бери. Вотъ тебѣ. (*Даетъ книгу*). У насъ, братъ, все есть: всякія книги, журналы, ноты всякія; вотъ видишь (*показываетъ ему*). Мы, братъ, по-барски живемъ. Вотъ, хочешь цыгаръ!

Сидорычъ.

Пожалуйте парочку.

Иванъ.

Что̀ парочку? бери десятокъ. У насъ, братъ, хорошія цыгары: пятьдесятъ рублей сотня.

Сидорычъ.

Ну, какъ узнаютъ! Забранятся, пожалуй.

Иванъ.

Что̀ толковать! ужь ты бери, коли даютъ. Приходи въ другой разъ: еще дамъ; у насъ этого добра не переводится.

Сидорычъ.

Затѣмъ прощайте-съ. Неколи мнѣ ждать-то. Я ужь завтра зайду-съ.

Иванъ.

А намъ, братъ, не рука по вашимъ вечеринкамъ ѣздить! (*Сидорычъ уходитъ, Гришка за нимъ. Иванъ садится на кресло и беретъ газету. Гришка возвращается*). А я тебѣ, Гришка, одинъ разъ навсегда говорю: коли хочешь ты быть человѣкомъ, ты старшихъ слушай да не огрызайся; ты со старшихъ примѣръ бери.

Гришка.

Да, со старшихъ! А ты зачѣмъ бариновы цыгары роздаешь?

Иванъ.

Не тебя-ли еще спрашиваться! А ты платье вычистилъ?

Гришка.

Да когда чистить-то?

Иванъ.

А что̀-жь ты цѣлое утро дѣлалъ-то?

Гришка.

Небось, ничего не дѣлалъ.

Иванъ.

Ну, смотри!

Гришка.

Да что̀ смотрѣть! Я, небось, ходилъ. А самъ что̀ дѣлалъ? Все утро «Пчелу» читалъ!

Иванъ.

Такъ вотъ я и стану тебѣ платье чистить! (*Передразниваетъ его*). «Пчелу» читалъ! Я, братъ, свое дѣло знаю. (*Звонятъ*). Отопри, пошелъ! (*Встаетъ со стула*).

II.

Лисавскій (*входитъ; свищетъ*).

Сеничка дома?

Иванъ.

Семенъ Парамонычъ?

Лисавскій.

Ну, да!

Иванъ.

Да вы не очень кричите: почиваетъ-съ.

Лисавскій.

Ну, я подожду. (*Садится на кресло, разбираетъ книги*). А гдѣ «Библіотека для Чтенія»?

Иванъ.

А я почемъ знаю? чай, сами-же взяли.

Лисавскій.

Что ты врешь!

Иванъ.

Что мнѣ врать-то? Вы, Сидоръ Митричъ, книжки-то, которыя взяли, принесите.

Лисавскій.

Ну, ужь это не твое дѣло.

Иванъ.

Конечно, не мое. А неравно спросятъ, я долженъ отвѣчать-то.

Лисавскій.

Дай огню. (*Беретъ сигару, а двѣ кладетъ въ карманъ*).

Иванъ.

Гришка, подай огню. Вотъ вы, Сидоръ Митричъ, всегда у барина цыгары берете, а онъ спрашиваетъ! Отчего, говоритъ, Иванъ, скоро цыгары выходятъ; ты, говоритъ, смотри, чтобъ не таскали.

Лисавскій.

Пошелъ, братецъ; ты мнѣ надоѣлъ ужь. Ну, скажи, что я беру.

Иванъ.

То-то, скажи! А оно не хорошо; съ нашего брата спрашиваютъ. (*Уходитъ*).

Лисавскій (*молча читаетъ какой-то журналъ*).

Что такое? Статья о театрѣ! Посмотримъ, посмотримъ. (*Читаетъ*). «Гдѣ найдешь не знаешь, потеряешь не ожидаешь, или не берись за гужъ, если не дюжъ. Шутка въ одномъ дѣйствіи, а еслибы не дверь на улицу, такъ была-бы не шутка, а серьезное дѣло, водевиль Лисавскаго». (*Читаетъ про себя*). Нѣтъ, это выше силъ! Это ни на что не похоже! «Ни малѣйшаго таланта!» Ахъ онъ мерзавецъ! Желалъ-бы я знать, кто это написалъ? Кто-бы? (*Думаетъ*). Нѣтъ, не онъ: гдѣ ему! Развѣ вотъ этотъ? Да ужь кромѣ его некому. Онъ думаетъ, можетъ быть, что я не узнаю. Нѣтъ, погоди, голубчикъ; вѣдь, ужь этого не скроешь.

Это чортъ знаетъ, что̀ такое! «Ни малѣйшаго таланта». Толькобы мнѣ узнать, ужь я доѣду. Да это онъ; нѐчего и толковать, по глазамъ видно, что мерзавецъ! Однако, это непріятно: вдругъ тебя ругаютъ публично. И кто! Андронову до сихъ поръ пятнадцать цѣлковыхъ долженъ; да и у меня, кажется, просилъ. Да! просилъ, просилъ! Это я помню! (*Смотритъ на рукавъ*). Ну, одно за другимъ: тамъ какая-то скотина ругается, тутъ фракъ протерся! (*Съ отчаяніемъ махнувши рукой*). Это со мной только съ однимъ и можетъ случиться. Гонитъ судьба, преслѣдуетъ. (*Сидитъ нѣсколько времени задумавшись*). Кажется, у Сенички лишній есть?.. Иванъ!

Иванъ (*входитъ*).

Что̀ угодно?

Лисавскій.

Что̀, Сеничка зеленый фракъ не носитъ?

Иванъ.

Не носитъ.

Лисавскій.

Ну, такъ ты, Ваня, завяжи его въ платокъ.

Иванъ.

Ужь это я безъ приказанія не могу-съ.

Лисавскій.

Ну, такъ прикажутъ.

Иванъ.

А тогда дѣло другаго рода, хоть два завяжемъ. А безъ приказанія не могу. Вотъ вы бекешку-то взяли одинъ разъ надѣть, да и заносили совсѣмъ. Этакъ всякому раздавать, такъ не напасешься. Мнѣ что̀ за дѣло: не мое, а барское. Наше дѣло, извѣстно, лакейское, а и то совѣсть знаешь.

Лисавскій.

Вѣдь, вотъ, Ваня, ты и обижаешь меня, а я, вѣдь, тебя люблю.

Иванъ.

Ваша любовь-то, извѣстно, какая: изъ нея шубу не сошьешь. Вы у барина и то, и сё берете, а я еще отъ васъ гривенника не видалъ. Хоть-бы когда въ глаза плюнули. Только кричите: подай то, подай другое. Я и у хорошихъ людей жилъ, да этакого

обращенія не видалъ. Извѣстно, ужь благороднаго человѣка сейчасъ видно.

Лисавскій.

Да нельзя-же мнѣ при людяхъ къ тебѣ на шею кидаться. А наединѣ я съ тобой всегда по-дружески. Ей-Богу, Ваня, по-дружески. Да чѣмъ мнѣ гордиться-то передъ тобой? Чѣмъ ты хуже меня? Ты свое дѣло знаешь, ты честенъ. Честность, вѣдь, Ваня, великое дѣло. Я больше за честность и люблю тебя. Я всякому готовъ быть другомъ, только будь честенъ.

Иванъ.

Какое-же въ этомъ дружество можетъ заключаться? Сказано — лакей. Какая отъ этого можетъ честность призойти.

Гришка (*входитъ*).

Пріѣхалъ кто-то.

Иванъ.

Проси.

Лисавскій.

Разбуди, поди.

Иванъ.

Разбуди! не велитъ будить-то.

Лисавскій.

Ну, такъ я самъ пойду. (*Уходитъ*).

III.

Входятъ двое молодыхъ людей; 1-й входитъ въ комнату, а 2-й остается въ дверяхъ.

2-й молодой человѣкъ.

Нѣтъ, нѣтъ!

1-й молодой человѣкъ.

Да полно, братецъ, что̀ за вздоръ!

2-й молодой человѣкъ.

Ни за что̀ на свѣтѣ!

1-й молодой человѣкъ.

Помилуй, ты его не знаешь: онъ отличный малый.

2-й молодой человѣкъ.

Я съ нимъ незнакомъ. Да и съ какой стати я явлюсь къ нему вдругъ знакомиться. Что̀ онъ за птица!

1-й молодой человѣкъ.

Какое тебѣ дѣло! Въ нынѣшній вѣкъ на это надо смотрѣть съ философской точки зрѣнія; хорошо кормитъ, вино хорошее — чего-жь тебѣ еще! Очень нужно тебѣ его образованіе и манеры. Нѣтъ, ты останься; посмотри, какъ онъ радъ будетъ съ тобой познакомиться.

2-й молодой человѣкъ.

Вѣдь, мы ему дѣлаемъ честь своимъ знакомствомъ, а не онъ намъ, значитъ — неприлично мнѣ къ нему являться первому. Онъ можетъ подумать, что я нарочно для того набиваюсь на знакомство, чтобы обѣдать на его счетъ.

1-й молодой человѣкъ.

А тебѣ-то что̀ за дѣло, что̀ онъ подумаетъ!

2-й молодой человѣкъ.

Не пойду, воля твоя, не пойду.

1-й молодой человѣкъ.

Ты то возьми: у него денегъ можно занять.

2-й молодой человѣкъ.

Да я все это понимаю! Что̀ ты мнѣ еще разсказываешь! Да все-таки, какъ-то тяжело. Ты подумай, какую мы будемъ роль играть.

1-й молодой человѣкъ.

Никакой роли! Поѣдимъ, выпьемъ, и все тутъ.

2-й молодой человѣкъ.

Нѣтъ. Прощай.

1-й молодой человѣкъ.

Ну, такъ ты вотъ что̀: отправляйся къ Шевалье и жди, а я его привезу туда. Тамъ и познакомитесь; онъ насъ обѣдомъ угостить.

2-й молодой человѣкъ.

Ну, вотъ это другое дѣло; а то все какъ-то неловко. Прощай (*Уходитъ*).

Лисавскій (*выходя изъ кабинета*).

А! здравствуйте!

1-й молодой человѣкъ.

Чтò онъ, проснулся?

Лисавскій.

Одѣвается.

1-й молодой человѣкъ.

Послушайте, господинъ Лисавскій, это вы ему писали письмо въ стихахъ къ одной особѣ? Мнѣ его показывали.

Лисавскій.

Конечно, я, гдѣ-жь ему-съ.

1-й молодой человѣкъ.

Я такъ и думалъ. Очень хорошо написано, очень хорошо.

Лисавскій.

А вы видѣли мой водевиль: «Одинъ женихъ за троихъ, или то-же да не то»?

1-й молодой человѣкъ.

Нѣтъ, не видалъ. А чтò-же?

Лисавскій.

Тамъ у меня есть куплетецъ:

Хоть онъ въ рядахъ торгуетъ плохо,
А лѣзетъ въ кресла въ первый рядъ.

1-й молодой человѣкъ.

А, понимаю. Очень хорошо написано, и, главное дѣло, очень похоже.

IV.

Недопекинъ (*входитъ и махаетъ Лисавскому; тотъ уходитъ*).

1-й молодой человѣкъ.

Bon jour, m-r Недопекинъ!

Недопекинъ.

Извините, я васъ заставилъ дожидаться. Я вчера поздно пріѣхалъ. А впрочемъ, я всегда такъ встаю — въ половинѣ перваго. (*Вынимаетъ часы*). Вотъ ровно половина перваго. Я читаю долго по вечерамъ.

1-й молодой человѣкъ.

Вы читаете?

Недопекинъ.

Читаю. Знаете, нельзя-съ.

1-й молодой человѣкъ.

Что̀-же вы читаете?

Недопекинъ.

Журналы, ученыя сочиненія. Я всѣ почти журналы выписываю.

1-й молодой человѣкъ.

Русскіе?

Недопекинъ.

Русскіе.

1-й молодой человѣкъ.

Полноте, что̀ вы! (*Смѣется*). Да что̀ тамъ читать-то? Переводные французскіе романы?

Недопекинъ.

Да-съ, французскіе романы.

1-й молодой человѣкъ.

Такъ ужь лучше ихъ въ подлинникѣ прочесть.

Недопекинъ.

Да-съ, это несравненно лучше-съ.

1-й молодой человѣкъ.

А вы сами ничего не пишете?

Недопекинъ.

Я думаю что̀-нибудь написать. Я стихи пишу-съ. Я пѣть хочу учиться; только не знаю, гдѣ взять учителя, чтобы самаго лучшаго. Не знаете-ли вы?

1-й молодой человѣкъ.

Самыхъ лучшихъ нѣтъ здѣсь. А вотъ, если вы хотите, я васъ познакомлю съ однимъ литераторомъ — умнѣйшій малый.

Недопекинъ.

Ахъ, сдѣлайте одолженіе!

1-й молодой человѣкъ.

Вы приходите ныньче обѣдать къ Шевалье, я васъ отрекомендую.

Недопекинъ.

Непремѣнно буду-съ.

1-й молодой человѣкъ.

Такъ прощайте, до свиданія!

Недопекинъ.

Прощайте-съ. Я непремѣнно, непремѣнно буду-съ.

V.

Лисавскій (*изъ двери*).

Что̀, ушелъ?

Недопекинъ.

Ушелъ. Послушай, скоро-ли ты меня по-французски-то выучишь?

Лисавскій.

Да зачѣмъ тебѣ такъ скоро понадобилось?

Недопекинъ.

Какъ зачѣмъ? читать французскія книги. Не русскія-же читать! Ха-ха-ха! Кто-же русскія читаетъ! Нѣтъ, братъ, насъ не обманешь. (*Ходятъ обнявшись*).

Лисавскій.

Послушай, Сеничка! А вѣдь, ты хорошъ, ей-Богу хорошъ. Вѣдь, ты себѣ цѣны не знаешь. Погляди-ка ты на себя. Вѣдь, это идеалъ мужчины! Аполлонъ, Аполлонъ, просто Аполлонъ! (*Недопекинъ стоитъ передъ зеркаломъ и улыбается*). Знаешь-ли что̀, Сеня?

Недопекинъ.

А что̀?

Лисавскій.

Ты красавецъ, рѣшительно красавецъ; только позволь, другъ, тебѣ правду сказать.

Недопекинъ.

Говори.

Лисавскій.

Только ты, Сеня, не сердись! Ты одѣваться не умѣешь. Имѣй-ка я твое состояніе, такъ я-бы, знаешь-ли, какъ одѣвался.

Недопекинъ.

А какъ?

Лисавскій.

Убилъ-бы всѣхъ, да и все тутъ. Ну, вотъ теперь ты порядочно одѣтъ, можно сказать, безукоризненно. А иногда надѣваешь, чортъ знаетъ что̀! Зеленые фраки носишь, просто гадость!

Недопекинъ.

Да съ чего-же ты взялъ? я ужь зеленаго давно не ношу.

Лисавскій.

Какъ не носишь, да недавно надѣвалъ.

Недопекинъ.

Когда надѣвалъ? Что̀ ты врешь-то! Стану я зеленый фракъ носить!

Лисавскій.

Толкуй, толкуй! А зачѣмъ-же ты его сшилъ?

Недопекинъ.

Такъ, сшилъ да и все тутъ. Что̀-жь не сшитъ! Денегъ, что̀-ли, у меня нѣтъ?

Лисавскій.

Счастливецъ ты, Сеня: богатъ, какъ чортъ!.. хорошъ!.. Я, братъ, все любуюсь на тебя! Вѣдь, угораздило-же тебя такимъ красавцемъ родиться! Каково, я думаю, на тебя смотрѣть женщинамъ. Вѣдь, это, братъ, смерть, ей-Богу, смерть! Только ты ужь, Сеня, не дурачься: зеленыхъ фраковъ не носи.

Недопекинъ.

Говорятъ тебѣ, не ношу.

Лисавскій.

Охъ, Сеня, боюсь, осрамишь ты мою головушку.

Недопекинъ.

Да, ей-Богу, не надѣну.

Лисавскій.

А вотъ взять его у тебя, такъ короче дѣло будетъ.

Недопекинъ.

Да возьми, пожалуй! Ты думаешь, одѣваться не умѣю. Да я захочу, такъ у меня завтра сто фраковъ будетъ. Я, братъ, знаю, какъ одѣваться, ты меня не учи, сдѣлай милость. А то важность мнѣ зеленый фракъ! (*Ходитъ передъ зеркаломъ*).

Лисавскій.

Ты, Сеня, не сердись: я любя, ей-Богу, любя. Иванъ! (*Входитъ Иванъ*). Завяжи въ платокъ зеленый фракъ. (*Иванъ уходитъ*). А что̀ мы, Сеня, съ тобой завтракать будемъ?

Недопекинъ.

Да мнѣ что̀-то не хочется.

Лисавскій.

Какъ это ты, Сеня, говоришь: не хочется. Дивлюсь я на тебя. Да веди ты, братецъ, правильную жизнь. Положи ты себѣ за правило: завтракать въ часъ, обѣдать въ четыре. Всѣ порядочные люди такъ дѣлаютъ.

Недопекинъ.

Развѣ всѣ въ часъ завтракаютъ!

Лисавскій.

Да разумѣется, что всѣ; а то какъ-же?

Недопекинъ.

Что̀-жь, давай, закусимъ что̀-нибудь.

Лисавскій.

Да не что̀-нибудь, а надобно выбрать полегче, поизящнѣе. Вотъ, напримѣръ: спаржу, изъ дичи что̀-нибудь, лафиту хорошаго.

Недопекинъ.

Ну, ужь это мы съ завтрашняго дня заведемъ, а теперь такъ что̀-нибудь; ужь одинъ день не въ счетъ; вѣдь, мнѣ еще ныньче обѣдать у Шевалье. Иванъ! (*Входитъ Иванъ*). Принеси намъ позавтракать, да вина дай получше. (*Иванъ уходитъ*). Съ какимъ, братецъ, я тамъ писателемъ ныньче познакомлюсь, не тебѣ чета. Вотъ ты и знай нашихъ!

Лисавскій.

Сеня, возьми меня!

Недопекинъ.

А тебѣ что̀ тамъ дѣлать? Это, братъ, не твое общество.

Лисавскій.

А ты думаешь, твое? Они-же надъ тобой послѣ смѣются, а я-бы тебя, по крайней мѣрѣ, поддерживалъ.

Недопекинъ.

Толкуй, толкуй! (*Иванъ приноситъ завтракъ. Садятся*).

Лисавскій.

Вѣдь, мнѣ все равно, какъ хочешь, такъ и дѣлай; я тебѣ по дружбѣ говорю.

Недопекинъ (*показывая ему бутылку*).

Погляди-ка! А! Какова штука-то! Ты посмотри, чего стоитъ-то. Ты, я думаю, съ роду не пивалъ. Только этого ужь я тебѣ не дамъ.

Лисавскій.

Полно дурачиться-то, наливай!

Недопекинъ.

Нѣтъ ужь, не дамъ.

Лисавскій.

Вотъ ужь не люблю.

Недопекинъ.

Нѣтъ, жирно будетъ васъ этакимъ виномъ поить. Атанде-съ!

Лисавскій.

Что ломаешься-то! Вѣдь, ты вкуса не знаешь въ этомъ; тебѣ-бы только ярлыкъ дорогой, а тамъ хоть уксусу налей.

Недопекинъ.

Разсказывай, разсказывай!

Лисавскій.

Велика важность! Да я и самъ не хочу; и просить будешь, такъ не стану.

Недопекинъ.

Да не безпокойся, я не и дамъ.

Лисавскій.

Да я и завтракать не стану. (*Встаетъ*). И чортъ меня дернулъ связываться-то съ тобой!

Недопекинъ.

Да ты и не связывайся.

Лисавскій.

А ты думаешь, нужно очень! Вашего брата и порусски-то говорить порядочно выучишь, а вы ужь и зазнаетесь. Безъ меня-то ты до сихъ поръ говорилъ-бы: оттедова, откуличи, ахтеръ.

Недопекинъ.

Ты мнѣ деньги-то отдай, которыя бралъ.

Лисавскій (*садясь къ столу*).

Нѣтъ, вѣдь, вотъ, Сеня, что душу-то возмущаетъ — это неблагодарность!

Недопекинъ.

Ну, полно, не сердись. (*Наливаетъ ему*). Я пошутилъ.

Лисавскій.

Нѣтъ, вѣдь, ей-Богу, Сеня, обидно!

Недопекинъ.

Что̀-жь, ты принесъ стихи?

Лисавскій (*отдаетъ*).

На̀, возьми. Только ты, пожалуйста, Сеня, будь остороженъ въ словахъ. Я знаю, что это шутка; да все-таки, не хорошо — дурныя замашки: между порядочными людьми этого не бываетъ. Ты знаешь, я щекотливый человѣкъ.

Недопекинъ (*читаетъ*).

Ну ужь хорошо, будетъ толковать-то. Что̀ это я не разберу.

Лисавскій (*беретъ у него и читаетъ*).

Я видѣлъ васъ, какъ вы сидѣли въ ложѣ,
И, Боже мой, какъ были вы похожи
На пери, на жизель, на этихъ фей...

Недопекинъ.

Что̀ такое «фей»?

Лисавскій.

Ахъ, какъ ты этого не знаешь! Это такія воздушныя существа.

Недопекинъ.

Хорошо, хорошо, читай!

Лисавскій (*читаетъ*).

На пери, на жизель, на этихъ фей...
Что граціей и легкостью своей
Къ себѣ сердца и взоры привлекаютъ...

Недопекинъ.

Ну, остальное я самъ разберу.

Лисавскій.

Кстати, ты нынче будешь въ театрѣ?

Недопекинъ.

Какъ-же! Вѣдь, нынче балетъ. Зайди, возьми мнѣ кресло въ первомъ ряду.

Лисавскій.

Хорошо. Такъ ты дай денегъ. (*Недопекинъ даетъ*). Ну, прощай!

Недопекинъ.

Прощай!

Лисавскій (*возвращаясь*).

Такъ я ужь кстати и себѣ возьму рядомъ съ тобой, а?

Недопекинъ.

Ну, возьми, чортъ съ тобой! Иванъ! Давай одѣваться. (*Входитъ Иванъ съ платьемъ и Гришка. Недопекинъ надѣваетъ пальто, шляпу, беретъ палку и начинаетъ ходить передъ зеркаломъ; Гришка смотритъ на него*).

Гришка.

Вонъ у Яшки-то у княжескаго штаны-то вотъ тутъ съ пуговками.

Недопекинъ.

Иванъ, какія тамъ еще пуговки?

Иванъ.

Это такъ точно; это грума называется.

Недопекинъ.

Ну, такъ ты вели ему сдѣлать.

Иванъ.

Это грума; а то вотъ вмѣсто кучера во фракѣ сажаютъ — такъ это жокей. (*Недопекинъ уходитъ, Гришка за нимъ. Иванъ прибираетъ со стола, разставляетъ мебель; потомъ садится съ книгой на кресло. Звонятъ*).

Иванъ.

Нѣтъ тебѣ покою ни на минуту! И свой-то съ ногъ собьетъ, а тутъ чужіе то-и-дѣло шляются.

VI.

Смуровъ (*входитъ; за нимъ Вася*).

Что̀, Семенъ дома?

Иванъ.

Уѣхали-съ.

Смуровъ.

А не знаешь, куда?

Иванъ.

Не знаю. Подождите; можетъ, скоро будетъ.

Смуровъ.

Подождемъ! Садись, Вася, будемъ его милости дожидаться. (*Иванъ уходитъ. Молчаніе*).

Вася.

Абрамъ-то Сидорычъ говоритъ ныньче: я, говоритъ, протестую.

Смуровъ.

Ишь ты, срамъ какой! А еще-то много долженъ, не слыхалъ ты?

Вася.

Тысячъ на пять серебромъ наберется.

Смуровъ.

Всѣ по довѣренности матери?

Вася.

По довѣренности.

Смуровъ.

Платежи-то не скоро?

Вася.

По одному-то на этой недѣлѣ надо платить. Данъ былъ Бѣлорыбицыну; а онъ Семену Арефьичу передалъ. Семенъ-то

Арефьичъ вчера и говоритъ въ трактирѣ: мнѣ, говоритъ, заплатитъ, а то я старуху-то и въ яму потяну.

Смуровъ.

Да и по дѣломъ ей, дурѣ, коли допустила до этого. Хорошо еще, что я-то хватился, а то онъ накуралѣсилъ-бы, что и не расхлебаешь. Ишь ты, какъ разукрасилъ съ дуру-то! Трюмо завелъ! (*Смѣется*). Книжки разныя! Покажь-ка, Вася, что тамъ за книжки.

Вася (*беретъ книгу*).

Французская, должно быть, либо нѣмецкая.

Смуровъ.

Нешто онъ по-французски-то знаетъ?

Вася.

Гдѣ, дяденька, знать! Такъ для близиру лежатъ.

Смуровъ.

Эка дурачина-то! (*Смѣется, потомъ вздыхаетъ*). Эхъ, то-то глупо-то! То-то бить-то некому! (*Молчаніе*). Чей это мальченка-то у него?

Вася.

Матренинъ внучекъ, что у тетеньки-то живетъ старуха; еще она сродни тетеньки-то.

Смуровъ.

Такъ, стало быть, онъ сынъ Сидорыча-то, чтò у свата на фабрикѣ?

Вася.

Сынъ. А сестру его, Дашу, помните, тетенька замужъ выдавала за лавочника. Еще, помните, Ганька-то кудрявый весь сажей вымазался.

Смуровъ.

Помню, помню. Отецъ-то славный малый, честный, а мальчишку-то какъ обезобразили. Вѣдь, вотъ отецъ-то его ни въ чемъ не замѣченъ, а сынишка-то чтò дѣлаетъ. Обругать надо человѣка — этакую штуку надѣть. Конечно, онъ мальчишка, его какъ хошь тормоши; да за чтò-же обезьяной-то наряжать! Какъ его зовутъ-то?

Вася.

Гришуткой.

Смуровъ.

Гришутка, а Гришутка?

Гришка (*входитъ*).

Чего изволите-съ?

Смуровъ.

Повернись-ка, повернись! Хорошъ, братъ, нѣчего сказать!

Вася.

Дяденька! Точно онъ физикъ какой галанской. На птицу похожъ.

Смуровъ.

Будешь похожъ, когда этакой кортеколъ надѣнутъ.

Гришка.

Да ныньче такъ носятъ.

Смуровъ.

Да кто носитъ-то, глупый! Носятъ! Мало-ли что̀ носятъ! Всѣхъ нищихъ не перещеголяешь! Ну, за что̀ тебя такъ обругали! Эхъ, Гриша, Гриша! Нехорошо, братецъ. Ты чѣмъ здѣсь занимаешься-то?

Гришка.

Ничѣмъ не занимаюсь. На посылкахъ, да пыль сотрешь, за столомъ прислужишь.

Смуровъ.

Балуешься ты здѣсь, я вижу, около моего племянника-то. Тебя одѣли дуракомъ, а ты и радъ. А ты полно паясничать-то, ты ужь не маленькой, пора и объ себѣ подумать. Чего ты здѣсь дождешься? Ничего не дождешься, ни лысаго бѣса. А ты-бы просился у бабушки-то, чтобъ тебя куда въ порядочное мѣсто отдали, въ лавку, что̀-ли, куда; по крайности со временемъ человѣкъ будешь, а то что̀ народъ-то смѣшитъ! Я вотъ бабушкѣ-то поговорю. (*Входитъ Иванъ*). Что̀-жь, скоро-ли будетъ-то?

Иванъ.

Не знаю; можетъ быть, и вовсе не пріѣдетъ. Да вотъ, вы напишите, что̀ вамъ нужно. (*Подаетъ ему бумагу и перо*).

Сиуровъ.

Напишиге! А чтò я стану писать! Ишь ты разгулялся очень! Какого я ему рожна напишу! Умны вы очень! Напишите! Дуракъ ты, я вижу, и съ бариномъ-то съ твоимъ; а то еще «напишите». Очень мнѣ нужно! Поди-ко-сь, господа какіе! Пойдемъ, Вася.

Иванъ.

Чтò-же сказать прикажете, коли Семенъ Парамонычъ спросятъ?

Сиуровъ.

Скажи ему, что дуракъ онъ, вотъ чтò!

Вася.

Дяденька, онъ говоритъ, что онъ образованный человѣкъ.

Сиуровъ.

Какъ-же ему не быть образованнымъ! Изъ трактировъ не выходитъ, по рощамъ шампанское пьетъ. (*Ивану*). Такъ ты слушай! Ты скажи ему, чтобъ онъ нынче-же къ матери пріѣхалъ, что дяденька, молъ, нарочно заѣзжалъ. Да ты скажи ему, что я самъ старухѣ-то скажу, чтобы она довѣренность-то уничтожила, да въ газетахъ публикуемъ, что долговъ за него не платимъ, тогда и живи, какъ онъ хочетъ: ужь я ему ни слова не скажу. Мы ему хвостъ-то прижмемъ. (*Уходятъ*).

БѢДНАЯ НЕВѢСТА.

БѢДНАЯ НЕВѢСТА.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЛИЦА:

Анна Петровна Незабудкина, вдова небогатаго чиновника.
Марья Андреевна, ея дочь.
Владиміръ Васильевичъ Меричъ / **Иванъ Ивановичъ Милашинъ** } молодые люди, знакомые Незабудкиной.
Платонъ Марковичъ Добротворскій, старый стряпчій.
Максимъ Дорофеевичъ Беневоленскій, чиновникъ.
Арина Егоровна Хорькова, вдова мѣщанка.
Михайло Ивановичъ Хорьковъ, сынъ ея, бывшій студентъ.
Карповна, сваха (по купечеству) въ платочкѣ.
Панкратьевна, сваха (по дворянству) въ чепчикѣ.
Дарья, горничная Незабудкиныхъ.
Мальчикъ Добротворскаго.
Официантъ и разныя лица, являющіяся въ 5-мъ дѣйствіи смотрѣть свадьбу.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату; на задней стѣнѣ двѣ двери: одна въ комнаты, другая на улицу. Съ лѣвой стороны окно, у окна пяльцы, далѣе фортепьяно; съ правой стороны диванъ и большой круглый столъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Марья Андреевна (*сидитъ за пяльцами*) и Анна Петровна (*на диванѣ*).

Анна Петровна.

Вотъ тутъ и живи, какъ хочешь. Какъ-бы папенька-то твой не моталъ безъ памяти, такъ-бы другое дѣло было; а то оставилъ

насъ почти ни съ чѣмъ. Дѣла всѣ запутаны, тутъ тяжба еще!.. Вотъ домъ-то отнимутъ, что̀ тогда дѣлать-то? Ты только подумай, какъ мы тогда жить-то будемъ!.. А что̀ я! Мое дѣло женское, да я и не знаю ничего: я сама привыкла за людьми жить. (*Молчаніе*). Хоть-бы ты замужъ, что̀-ль, Маша, шла поскорѣй. Я бы ужь, кажется, не знала, какъ и Бога-то благодарить! А то, какъ это безъ мужчины въ домѣ!.. Это никакъ нельзя.

Марья Андреевна.

У васъ, вѣдь, маменька, ужь одинъ разговоръ.

Анна Петровна.

Что̀-жь такое не говорить-то! Отъ слова-то тебя убудетъ, что̀-ли? На-ка поди, ужь и говорить-то нельзя. Что̀ такое, въ самомъ дѣлѣ!

Марья Андреевна.

Развѣ я виновата, маменька, что мнѣ никто не нравится?

Анна Петровна.

Какъ это не нравиться—я не знаю; это такъ, капризъ просто, Маша.

Марья Андреевна.

Какой-же капризъ, маменька! Кто за меня сватался — вспомните хорошенько, что̀ это за люди?

Анна Петровна.

Что̀-жь дѣлать-то, Машенька? что̀-жь дѣлать-то, другъ мой? Гдѣ-жь намъ тебѣ красавцевъ-то взять? Ныньче хорошіе-то женихи все денегъ ищутъ, не хотятъ видѣть, что ты у меня красавица. Куды это я табатерку засунула, ужь и не знаю! Посмотри-ка тамъ на столикѣ... Постой, здѣсь, въ карманѣ. Нѣтъ ужь, какъ-бы, кажется, тебя не полюбить! Все вѣтеръ въ головѣ-то у молодыхъ дюдей. Да, признаться сказать, вѣдь, и ты-то очень разборчива. А ты подумай, вѣдь, у насъ не горы золотыя— умничать-то не изъ чего!

Марья Андреевна.

Хорошо, хорошо.

Анна Петровна.

Да что̀ хорошо-то?

Марья Андреевна.

Я подумаю.

Анна Петровна.

Да о чемъ думать-то, скажи ты мнѣ, сдѣлай милость. Додумаешься до того, что просидишь въ дѣвкахъ.

Марья Андреевна.

А что̀-жъ за бѣда такая?

Анна Петровна.

Глупа еще ты — вотъ что. (*Сидитъ надувшись. Молчаніе*). Что̀ это, ей-Богу, хоть-бы Платонъ Маркычъ пришелъ. Ужъ я и не знаю, что̀ мнѣ дѣлать-то. Вотъ былъ чулокъ, вотъ гдѣ теперь чулокъ?

Марья Андреевна.

Вотъ, маменька, чулокъ. (*Подаетъ*).

Анна Петровна (*вяжетъ чулокъ*).

Нейдетъ Платонъ Маркычъ, да и только; что̀ хочешь тутъ и дѣлай.

Марья Андреевна.

Да зачѣмъ вамъ, маменька, Платонъ Маркычъ понадобился?

Анна Петровна.

Какъ зачѣмъ? Что̀ мы знаемъ тутъ, сидя-то; а онъ, все-таки, мужчина. Будочникъ бумагу какую-то приносилъ, кто ее тамъ разберетъ? Вотъ поди-жъ ты женское-то дѣло какое! Такъ и ходишь, какъ дура. Вотъ цѣлое утро денегъ не сочту. Какъ это безъ мужчины, это я ужъ и не знаю, тутъ и безъ бѣды бѣда. Возьми-ка, Маша, бумажку, да посчитай мнѣ деньги-то, сдѣлай милость.

Марья Андреевна.

Говорите, я и такъ сочту.

Анна Петровна.

Постой, Маша. Заторопишь ты меня — я опять собьюсь. Гдѣ это бумажка-то у меня? Дай Богъ памяти... Вотъ она! постой — нашла. Вотъ сочти возьми. Давеча считала, считала на счетахъ, либо цѣлковаго не хватаетъ, либо два лишнихъ, а ужъ Дарью лучше не заставляй. Да ужъ и въ головѣ-то все не то. Дѣло-то меня безпокоитъ очень, объ домѣ-то нужно съ Платономъ Маркычемъ поговорить. Все-таки, мужчина. (*Дарья входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Дарья.

Дарья.

Барыня, а барыня! отъ Платона Маркыча мальчикъ пришелъ.

Анна Петровна.

Позови его сюда. (*Дарья уходитъ. Входитъ мальчикъ*).

Мальчикъ.

Платонъ Маркычъ кланяться приказали; прислали газеты вчерашнія и записочку-съ, да приказали о здоровьѣ спросить.

Анна Петровна.

Господи! куды это я очки дѣла? Поищи, Маша, сдѣлай милость. (*Марья Андреевна ищетъ очки*).

Марья Андреевна.

Да позвольте, маменька, я прочитаю. Я думаю, у васъ съ Платономъ Маркычемъ секретовъ нѣтъ.

Анна Петровна.

Прочитай, Маша! Какіе секреты! Я его объ дѣлѣ просила. Вотъ женское-то дѣло: вѣдь, и жаль безпокоить Платона-то Маркыча — старый человѣкъ, а дѣлать нечего.

Марья Андреевна (*читаетъ*).

«Ваше высокоблагородіе, милостивая государыня, Анна Петровна! Честь имѣю васъ увѣдомить, что всѣ порученія ваши я исполнилъ въ точности и съ удовольствіемъ, и впредь прошу васъ таковыя возлагать на меня. При семъ посылаю вамъ вѣдомости вчерашняго числа. На счетъ того пункта, о которомъ вы меня просили, я въ названномъ вами присутственномъ мѣстѣ былъ: холостыхъ чиновниковъ для Марьи Андреевны достойныхъ нѣтъ; есть одинъ; но я сомнѣваюсь, чтобы оный вамъ понравился, ибо очень великъ ростомъ — весьма много больше обыкновеннаго, и рябой...» (*Смотритъ съ умоляющимъ видомъ*). Маменька!

Анна Петровна.

Читай, читай.

Марья Андреевна (*продолжаетъ*).

«Но, по справкамъ моимъ отъ секретаря и прочихъ его со служивцевъ, оказался нравственности хорошей и непьющій, что̀, какъ мнѣ извѣстно, вамъ весьма желательно. Не прикажете-ли посмотрѣть въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, что̀ и будетъ мною исполнено съ величайшимъ удовольствіемъ. Дѣло ваше, по случаю упущеній съ вашей стороны, приняло дурной оборотъ; но вы, сударыня, не извольте безпокоиться: ибо я нашелъ весьма знающаго человѣка, который можетъ онымъ дѣломъ руководствовать. О прочемъ буду имѣть честь объяснить вамъ при личномъ свиданіи. Остаюсь, всегда готовый къ услугамъ, Платонъ Добротворскій». Что̀ это вы, маменька, дѣлаете? Посылаете Платона Маркыча по присутственнымъ мѣстамъ жениховъ искать! Это ужь Богъ знаетъ, что̀ такое!.. И ни слова объ этомъ не скажете; это ужь обидно даже. Ахъ, маменька, что̀ вы со мной дѣлаете! (*Садится къ пяльцамъ*).

Анна Петровна.

Никакой тутъ обиды нѣтъ! Ты, Маша, этого не знаешь, это ужь мое дѣло. Я, вѣдь, тебя не принуждаю: за кого хочешь, за того и пойдешь. А это ужь мой долгъ тебѣ жениха найти. (*Мальчику*). Кланяйся, милый, Платону Маркычу: скажи, что приказали благодарить; слава Богу, молъ, здоровы.

Мальчикъ.

Слушаю-съ.

Анна Петровна.

Поди сюда, я тебѣ дамъ записочку Платону Маркычу. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Марья Андреевна (*одна*).

Вотъ всякій день этакой разговоръ! Какъ это не надоѣстъ маменькѣ, право. Такая тоска, такая тоска, что не знаешь, куда дѣться! (*Шьетъ въ пяльцахъ. Дарья входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Марья Андреевна и Дарья.

Дарья.

О, чтобъ васъ!

Марья Андреевна.

Чтò ты все сердишься?

Дарья.

Да какъ-же, барышня, не сердиться-то! Этакой народъ, не повѣрите! Бѣгу изъ лавочки, а тутъ какой-то дуракъ остановился на дорогѣ, да прямо въ глаза и смотритъ. Чтò, говорю, бѣльмы-то выпучилъ, чего не видалъ, на мнѣ ничего не написано. Да какъ, говоритъ, на тебя, на красавицу этакую, не посмотрѣть. Плюнула, да и пошла. (*Ищетъ что-то*). Вотъ вѣчно растеряетъ, а тутъ ищи. О, чтобъ!...

Марья Андреевна.

Чтò ты тамъ ищешь?

Дарья.

Да табатерку барыня потеряла... Нашла.

Марья Андреевна.

Чтò, Даша, хороша я?

Дарья.

Вы-то? красавица-раскрасавица.

Марья Андреевна.

Давай помѣняемся, вотъ и не будутъ смѣяться надъ тобой.

Дарья.

И, матушка, на чтò мнѣ красота.

Марья Андреевна.

А мнѣ на чтò?

Дарья.

Чтò это вы, барышня, говорите! Посмотрите-ка, какой молодецъ въ васъ влюбится, любо-дорого глядѣть; полковникъ какой-нибудь возьметъ.

Марья Андреевна.

Гдѣ ужь, Даша, влюбиться! Маменька говоритъ, что замужъ пора.

Дарья.

Чтò-жь! Отчего-жь и замужъ нейти?

Марья Андреевна.

Такъ зачѣмъ-же быть красавицей-то?

Дарья.

Какъ это можно, лучше мужъ будетъ любить. Вотъ у сосѣдки двѣ дочери: старшая-то худая такая, какъ спичка; а младшая-то румяная да гладкая, еще шестнадцати лѣтъ нѣтъ, а какъ словно она троихъ ребятъ выкормила. Вотъ мать-то и говоритъ: боюсь, говоритъ, старшую-то замужъ отдавать, мужъ любить не станетъ; вотъ эту, говоритъ, любить будетъ. Затолковалась я съ вами, барышня; старуха-то, пожалуй, разсердится. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Марья Андреевна *одна и потомъ* Дарья.

Маменькѣ легко говорить: выходи замужъ! Да за кого я пойду? Я безъ ужаса себѣ представить не могу, какъ выдти за человѣка, къ которому, кромѣ отвращенія, ничего не чувствуешь. (*Задумывается*). Всякій уродъ думаетъ, что онъ вправѣ посвататься, и даже считаетъ это какимъ-то одолженіемъ, потому что она, говоритъ, бѣдная невѣста. Иной просто торгуетъ меня, какъ вещь какую-нибудь: я, говоритъ, имѣю состояніе, у васъ ничего нѣтъ, я вашу дочь за красоту возьму. (*Смотритъ въ окно, задумавшись*). Меричъ! Вотъ прекрасно. Идетъ такой печальный, задумавшись. Желала-бы я знать, о чемъ онъ думаетъ, ужь вѣрно не обо мнѣ. (*Подходитъ къ зеркалу*). Ахъ, какая я глупая! Ну, съ чего я такъ покраснѣла вся, и голосъ дрожитъ. Надобно немного успокоиться—онъ, пожалуй, замѣтитъ. А чтò-жь такое, мнѣ-бы даже хотѣлось, чтобъ онъ замѣтилъ; чтò бы онъ сталъ дѣлать? Ахъ, какія глупости! Чтò я вру? Дарья! Дарья! (*Входитъ Дарья*). Поди, попроси Владиміра Васильевича въ садъ пройти!

Дарья.

Хорошо, барышня. (*Уходитъ*).

Марья Андреевна (*поправляется передъ зеркаломъ*).

Тутъ поминутно разныя свахи являются, очень пріятно смотрѣть на нихъ! Я-то ужь пригладѣлась, а ему, я думаю, очень дико покажется. Ахъ, какъ я рада ему — онъ такъ рѣдко у насъ бываетъ...

Дарья (*входитъ*).

Пожалуйте, барышня, онъ въ саду. (*Марья Андреевна уходитъ. Дарья, стирая пыль съ мебели*). Чтой-то у меня за барышня, право... Дай ей Богъ жениха хорошаго! (*Останавливается по срединѣ комнаты съ тряпкой въ рукѣ*). Если это разсудить теперь, какъ это все на свѣтѣ дѣлается: богатъ ты, ну и всякій тебя уважаетъ, а бѣденъ, такъ и рыло воротятъ. Ужь это значитъ не человѣкъ нуженъ, а богатство. (*Растопыриваетъ руки*). Мудрено это все дѣлается! (*Взглянувъ въ окно*). О, чтобъ васъ! Кого-то принесло. (*Идетъ къ двери. Карповна входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Дарья и Карповна.

Карповна.

Даша, здравствуй!

Дарья.

Здравствуй, Карповна. Чтой-то ты пропала?

Карповна.

Чтò, душа — все хлопоты; нѣтъ-ли чего новенькаго у васъ?

Дарья.

Какое новенькое! Откуда ему быть-то.

Карповна (*садясь*).

Ужь и какъ, дѣвушка, жарко.

Дарья.

Ишь ты какъ расползлась, Богъ съ тобой.

Карповна.

А что̀, дѣвка, вѣдь, и то никакъ я потолстѣла. Ты что̀-жь не поправляешься?

Дарья.

Ты говоришь: не поправляешься! Да съ чего мнѣ поправляться-то? Другое дѣло, кабы жила я покойно, а то... ахъ... (*Подходитъ къ ней и говоритъ вполголоса*). То есть ты, Карповна, не повѣришь, цѣлый-то она день-деньской, какъ часы заведенные, и то не такъ, и другое не по ней — и пошла ворчать, и пошла.. Женщина я горячая, ничего на себѣ не могу перенести, ну и выговоришь; и пошелъ дымъ коромысломъ... брань да исторія. То-есть, кажется, кабы только моя не привычка къ этому дому какъ ужь седьмой годъ живу, такъ я-бы ни одного дня не осталась.

Карповна.

Ишь ты, дѣвка! а!.. (*Качаетъ головой*).

Дарья.

Женщина-же я горячая; закипитъ это, закипитъ, и какъ вдругъ туманъ въ глазахъ, рада, кажется, горло перервать. Только у меня сердце отходчивое, сейчасъ какъ ничего и не бывало, а она все ворчитъ... То-есть, кажется, кабы моя не привычка какъ я седьмой годъ живу... Ужь такъ думаю: ну... (*махнувъ рукой*).

Карповна.

Въ людахъ жить, душа, кому сладко.

Дарья (*подходитъ къ ней ближе и говоритъ почти шепотомъ*).

Намедни говоритъ: такая ты и этакая! Что̀, говоритъ, долго въ лавочку ходила! Ты съ лавочниками якшаешься! Какъ, говорю, сударыня! Кто меня засталъ? Нѣтъ, говорю, не извольте... я, говорю, дѣвушка, какъ есть... ни въ чемъ... Ахъ, кажется... ужь лучше не говорить... (*Помолчавши*). Барышню поѣдомъ съѣла! Выходи, говоритъ, замужъ... «За кого я, говоритъ, маменька, пойду?» Да, вѣдь, и вправду: ну, за кого она пойдетъ, за какого шута гороховаго? Ужь хоть-бы ты, Карповна, ей хорошаго жениха нашла.

Карповна.

Найтить-то я нашла, да не знаю, какъ понравится.

Дарья.

Я такъ думаю: офицера-бы ей найти. Смотри-ка, мимо насъ какіе хорошіе ѣздятъ. Никакъ кто-то идетъ. (*Идетъ къ двери; входитъ Панкратьевна*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Панкратьевна.

Панкратьевна.

Что̀, милушка, дома барыня?

Дарья.

Дома.

Панкратьевна.

Скажи, что Степанида Панкратьевна пришла. (*Дарья уходитъ. Взглянувъ на Карповну*). Ба, ба, ба!.. Залетѣла ворона въ высокіе хоромы! Ты какъ сюда попала?

Карповна.

А вотъ какъ попала, такъ и попала. Это что̀ еще за спросъ такой проявляется!

Панкратьевна.

Ишь тебя вездѣ носитъ. Знала-бы свое купечество.

Карповна.

А ты, небось, съ дворянствомъ все знакома; то-то ты хвосты-то и отрепала, по переднимъ-то шлямшись.

Панкратьевна.

Невѣжа! Я съ тобой и говорить-то не хочу.

Карповна.

Ха, ха, ха, ха!.. Ты, что̀-ль, больно вѣжлива! Ты вотъ съ дворянами водишься, а ходишь ощипаная да обдерганая, страмъ смотрѣть-то; а я съ купечествомъ, да своимъ домомъ живу, не хуже кого другаго, и въ ламбартѣ есть. Напялила чепчикъ-то, такъ и на̀ поди, думаешь, что тебя и рукой не достанешь!.. Да я, коли захочу, такъ въ поларшина взбодрю. (*Смѣется*). Еще важнѣй тебя буду!

Панкратьевна.

Что съ невѣжей и говорить. Обращенія ты никакого не знаешь, какъ есть дура, невоспитанная!

Карповна.

Вотъ дура, да почище тебя, никто на ногу не наступитъ. (*Молчаніе*).

Панкратьевна.

А вотъ, какъ узнаетъ Мартынъ Мартьянычъ, зачѣмъ ты къ нимъ ходишь, такъ онъ тебѣ форсъ-то собьетъ.

Карповна.

А зачѣмъ я хожу-то? Ну, скажи, зачѣмъ?

Панкратьевна.

Ну, извѣстно, зачѣмъ.

Карповна.

Какъ тебѣ не знать! Врешь, врешь ты! Тринадцатый годъ вдовѣю, ни въ чемъ не замѣчена. Ты, видно, съ больной головы на здоровую. (*Анна Петровна входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и Анна Петровна. (*Свахи встаютъ и кланяются*).

Анна Петровна.

Здравствуйте! Ну, что̀? Что̀? говорите скорѣй! (*Обѣ молчатъ*) Что̀ вы молчите?

Карповна.

Пусть она сначала говоритъ, у нея благородные.

Анна Петровна.

Ну, говори ты, Панкратьевна!

Панкратьевна.

Есть у меня два жениха, Анна Петровна, такіе кавалеры, что чудо!

Анна Петровна.

Какіе-жь они такіе?

Панкратьевна.

Служащіе, матушка, благородные.

Анна Петровна.

Чтò-жь они, съ состояніемъ?

Панкратьевна.

Служатъ, матушка, жалованье получаютъ.

Анна Петровна.

Да живутъ-то они каково?

Панкратьевна.

Живутъ хорошо. Одинъ стихи пишетъ, другой все поетъ цѣлый день. А ужь какіе учтивые, да какіе влюбчивые! Какъ, говоритъ, увижу хорошенькую барышню, такъ-бы и женился, ни на чтò не посмотрѣлъ.

Анна Петровна.

А чины у нихъ какіе?

Панкратьевна.

Чины небольшіе, изъ себя-то ужь больно красавцы.

Карповна.

Голь все это, какъ я посмотрю.

Анна Петровна.

Ну, а у тебя чтò, Карповна?

Карповна.

Есть-то у меня, есть, такой тузъ — не ея женихамъ чета; да лишнее бревнышко у насъ въ горницѣ.

Анна Петровна.

Ну, хорошо. Поди, Панкратьевна! Навѣдайся какъ-нибудь надняхъ.

Панкратьевна.

Прощайте, Анна Петровна. (*Уходитъ, свирѣпо взглянувъ на Карповну*).

Анна Петровна.

Ахъ, Карповна, ужь кабы ты намъ нашла жениха, я-бы тебѣ такое спасибо сказала... Сама ты знаешь, мое дѣло женское, ничего я не знаю... Какъ это можно безъ мужчины!..

Карповна.

Такъ вотъ, матушка, не было ни гроша, да вдругъ алтынъ. Такой тузъ, что рукой не достанешь.

Анна Петровна.

Кто-жь такой? — говори, не мучай.

Карповна.

Сава Савичъ Бѣлугинъ.

Анна Петровна.

Что̀ ты! Вѣдь, милліонщикъ!

Карповна.

Милліонщикъ, милліонщикъ.

Анна Петровна.

Какъ-же это онъ вздумалъ?

Карповна.

Да что̀, матушка, дѣти одолѣли. Вѣдь, у него дѣти-то поди-ка какія. Самъ-отъ онъ въ большомъ домѣ не живетъ, знаешь, что̀ съ балкономъ-то. Сыновья-то тамъ запрутся, да и пьютъ, кранболь у нихъ тамъ всякій идетъ. Да что̀-жь выдумали: выскочитъ это который-нибудь на балконъ, глаза вытаращитъ, руки подыметъ, закричитъ страшнымъ голосомъ — да назадъ; потомъ, погодя немного, другой, такъ и прокуратятъ. Что̀ хорошаго!

Анна Петровна (*качая головой*).

А-я-яй, а-я-яй!

Карповна.

Ну, сама посуди, отецъ-то смотритъ, смотритъ...

Анна Петровна (*заглянувъ въ окно и увидавъ идущую Хорькову*).

Ну, хорошо, Карповна, спасибо тебѣ. Сама ты знаешь, мое дѣло женское... зайди надняхъ, потолкуемъ... теперь нѐкогда — вонъ Хорькова идетъ.

Карповна.

Зайду, зайду. (*Кланяется и уходитъ; входитъ Хорькова*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Анна Петровна и Хорькова.

Анна Петровна.

Арина Егоровна! Милости просимъ! Присядьте!

Хорькова.

Я, вѣдь, Анна Петровна, на минуточку, совершенно на минуточку. Вообразите, была въ городѣ — дай, думаю, зайду къ Аннѣ Петровнѣ; онѣ хоть и спѣсивы, никогда насъ не навѣстятъ, ну, да ужь, думаю, зайду.

Анна Петровна.

Извините, матушка, все дѣла, ей-Богу нѣкогда, сами посудите, дѣло мое женское: вездѣ сама должна. Вотъ у насъ теперь тяжба объ домѣ, такъ, вѣдь, ночи не сплю. Ну, какъ отнимутъ, куда я дѣнусь?.. а у меня дочь невѣста.

Хорькова.

Вотъ я, Анна Петровна, благодарю Бога. Вы знаете моего Мишу, такой скромный, такой почтительный. Мнѣ, говоритъ, маменька, нужды нѣтъ, что вы женщина простая и необразованная, а я, говоритъ, образованный человѣкъ — я васъ люблю и обожаю. Вы представьте, вѣдь, онъ у меня теперь на линіи дворянина. Старостиха наша говоритъ мнѣ намедни: «у васъ такой сынъ, Арина Егоровна, такой сынъ, что мы, говоритъ, всѣ завидуемъ: скромный, почтительный, и никакихъ, говоритъ, шалостей за нимъ не слыхать. Что, говоритъ, вы его, Арина Егоровна, не жените?» А я думаю себѣ: понимаю, куда ты мѣтишь. У нея, представьте, три дочери, и она по многу денегъ даетъ за ними; только дѣвушки, я вамъ скажу, безъ всякаго образованія; хоть я и сама женщина необразованная, но очень хорошо могу понимать это. Прихожу домой, говорю: Миша! Не хочешь ли, другъ мой, жениться; мнѣ, говорю, отъ богатыхъ невѣстъ отбою нѣтъ, всѣ, говорю, другъ мой, въ тебя, за твою кротость и образованіе, влюбляются. Я, говорю, съ тебя, другъ мой, воли не снимаю — ты самъ умнѣе меня и образованнѣе; а когда ты задумаешь, открой, говорю, мнѣ свои мысли, я тебѣ найду невѣсту. «Хоть я, говоритъ, маменька, и образованный человѣкъ; но я завсегда предпочитаю съ вами объ дѣлѣ разговаривать». Всякая, говорю, дѣвушка за тебя пойдетъ съ радостію; есть, говорю, у меня для тебя невѣста и съ богатствомъ, и съ красотой. Миша меня, представьте себѣ, обнялъ, и говоритъ мнѣ: «милая маменька, не въ богатствѣ счастіе, все, гово-

ритъ, это тлѣнъ. Сходите, говоритъ, къ Аннѣ Петровнѣ: я ихъ уважаю; какое онѣ обо мнѣ мнѣніе имѣютъ; душевное, говоритъ, мое есть желаніе понравиться Марьѣ Андревнѣ.

Анна Петровна.

Покорно васъ благодарю, Арина Егоровна! Мнѣ самой вашъ сынъ очень нравится. Я все къ вамъ думала побывать, да памяти нѣтъ: совсѣмъ и забуду, какъ забуду. Вы знаете мое душевное желаніе видѣть Машеньку замужемъ поскорѣе; всѣ средства употребляю, чтобы ей хорошаго человѣка найти. Я, признаться вамъ сказать, съ молоду была женщина избалованная: при мужѣ, при покойникѣ, какъ за каменной стѣной жила, ни во что̀ не входила, а теперь, сами видите, маюсь, маюсь — разломитъ всю. Какъ это безъ мужчины въ домѣ, посудите? Женщина я слабая, сырая, позабывчивая. Кабы мнѣ ее съ рукъ сбыть, я-бы была гораздо покойнѣе.

Хорькова.

Чего-жь думать, Анна Петровна. Мишу моего вы знаете съ хорошей стороны; въ обществѣ онъ, по своему званію, превозвышенъ. Я, конечно, женщина простаго званія, но совсѣмъ не тѣхъ понятій: я довольно далека отъ этого круга и довольно облагорожена въ своихъ чувствахъ.

Анна Петровна.

Я принуждать Машеньку не могу — это ея воля. Вы скажите Михайлу Иванычу, чтобы онъ постарался понравиться Машенькѣ — я буду очень рада.

Хорькова.

Онъ у меня такой застѣнчивый, всего боится. Странно, я говорю ему, Миша, ты человѣкъ образованный, а такой застѣнчивый; чего тебѣ, другъ мой, съ твоимъ умомъ и образованіемъ бояться: всякая дѣвушка съ радостію тебя полюбитъ. Такъ ужь вы мнѣ позвольте его обнадежить, Анна Петровна.

Анна Петровна.

Скажите ему, что я съ своей стороны согласна и переговорю объ этомъ съ Машенькой.

Хорькова.

Покорно васъ благодаримъ, мы будемъ надѣяться. (*Молча-*

ніе). Какой миленькій чепчикъ на васъ; почемъ вы брали ленточки?

Анна Петровна.

Ужь и не спрашивайте — память, вѣдь, у меня плоха; кажется, по-восьми, не то по-семи гривенъ.

Хорькова.

Миленькій, очень миленькій... Вы мнѣ одолжите выкроечку вашей визитки, хочется черный муаре сдѣлать. Вотъ, представьте себѣ, такъ и сплю и вижу — непремѣнно черный муаре.

Анна Петровна.

Куда это я ее засунула? Спросить у Дарьи надобно. Вотъ кабы Машенька замужъ вышла, ужь я къ свадьбѣ-то-бы себѣ какую-нибудь на Кузнецкомъ мосту заказала, понаряднѣй.

Хорькова.

Не совѣтую, Анна Петровна, не совѣтую. У меня есть знакомая портниха, она вамъ сдѣлаетъ просто и благородно. Я женщина простаго званія, а люблю одѣваться со вкусомъ и чтобы все было благородно. Мнѣ Миша всегда говоритъ: «вамъ, говоритъ, маменька, удивляться надобно, какой вы имѣете вкусъ и разсудокъ. Я, говоритъ, васъ люблю и уважаю; мнѣ, говоритъ, нужды нѣтъ, что вы не получили никакого образованія». Прощайте, Анна Петровна; поищите мнѣ выкроечку.

Анна Петровна (*встаетъ*).

Пойдемте, она, должно быть, у меня въ комнатѣ; поищемте вмѣстѣ. (*Идутъ къ двери. Милашинъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же и Милашинъ.

Милашинъ.

Здравствуйте, Анна Петровна!

Анна Петровна.

Здравствуйте, Иванъ Иванычъ! Машенька, должно быть, въ саду гуляетъ. (*Милашинъ подходитъ къ окну*).

Хорькова (*осматриваетъ Милашина*).

Кто это, Анна Петровна?

Анна Петровна.

Милашинъ, Иванъ Иванычъ.

Хорькова.

Ну, это вашей дочкѣ не женихъ.

Анна Петровна.

Какой женихъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Милашинъ (*одинъ у окна*).

Что̀ это! Меричъ опять здѣсь! Ну, такъ и есть. Я этого и ожидалъ. Чортъ возьми, это досадно! Нѣтъ, я этого не позволю. (*Ходитъ по комнатѣ*). Сколько времени я всѣ силы употребляю, чтобъ ей понравится, бьюсь, бьюсь — и все ничего; а тутъ какой-нибудь... Я рѣшительно не могу видѣть, какъ она съ нимъ любезничаетъ. Какъ-бы мнѣ его выжить отсюда! Жениться на ней? Такъ она за меня не пойдетъ, потому что мнѣ жить нѐчѣмъ, да и, кажется, она не любитъ меня. Да изъ чего-жь я бьюсь? Просто уйти, бросить и не обращать вниманія. Но, однако-же, надобно ей дать почувствовать. Надобно ей сказать: «у васъ теперь, Марья Андреевна, есть новые знакомые, съ которыми вамъ веселѣй, чѣмъ съ старыми; но вы теряете друга, который былъ вамъ преданъ». Она, конечно, будетъ меня уговаривать, а я ей: «нѣтъ, скажу, коли у васъ лучше, такъ ужь, что̀-же мнѣ здѣсь дѣлать; можетъ быть, я вамъ ужь надоѣлъ; прощайте, скажу... навсегда». — Но зачѣмъ-же навсегда, Иванъ Иванычъ? — «Нѣтъ, скажу, если прощаться, такъ навсегда, у меня такой характеръ». Взять шляпу и уйти... Ну, что̀-жь потомъ! А, чортъ возьми! Она еще, пожалуй, будетъ рада, что я ушелъ, а Меричъ и подавно! Такъ нѣтъ-же, останусь, на зло имъ; буду ходить каждый день, буду въ глаза смѣяться надъ Меричемъ: ужь какъ-нибудь да я его выживу отсюда!.. Я на всякое средство рѣшусь!.. (*Ходитъ по комнатѣ. Входятъ Марья Андреевна и Меричъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Милашинъ, Меричъ и Марья Андреевна.

Марья Андреевна.

Здравствуйте, Иванъ Иванычъ! Что̀, ушли свахи?

Милашинъ.

Кажется, ушли; мнѣ на встрѣчу двѣ попались.

Марья Андреевна.

Какъ это скучно! (*Стоитъ задумавшись*). Заходите къ намъ, Владиміръ Васильичъ, почаще. Обѣщайте.

Меричъ.

Смѣю-ли я ослушаться, когда вы приказываете. Только я вамъ повторю, Марья Андревна, я васъ боюсь.

Марья Андреевна.

Полноте шутить-то! (*Милашинъ дѣлаетъ гримасы довольно замѣтно*).

Марья Андреевна (*Милашину*).

Что̀ съ вами: вы нынче какъ будто не въ духѣ?

Милашинъ.

Такъ-съ, у меня что̀-то голова болитъ.

Меричъ.

Голова болитъ! Это не хорошо. Вы лечитесь. Прощайте, Марья Андревна, засвидѣтельствуйте мое почтеніе маменькѣ.

Марья Андреевна.

Когда-же вы къ намъ?

Меричъ.

Завтра, если можно.

Марья Андреевна.

Очень можно! Такъ завтра. Я буду ждать.

Меричъ.

Непремѣнно. (*Уходитъ. Марья Андреевна подходитъ къ двери*).

Марья Андреевна.

Смотрите-же, не обманите.

Меричъ (*за сценой*).

Честное слово!

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Марья Андреевна и Милашинъ.

Милашинъ.

Что̀ это онъ съ вами говорилъ въ саду, Марья Андревна?

Марья Андреевна.

А вамъ какое дѣло? Вы очень любопытны.

Милашинъ.

Извините, Марья Андревна, я думалъ, что у васъ съ Меричемъ нѣтъ особенныхъ секретовъ. Я не зналъ... Можетъ быть, это что̀-нибудь такое, чего и сказать нельзя.

Марья Андреевна.

Можетъ быть.

Милашинъ (*послѣ непродолжительнаго молчанія*).

Скажите, Марья Андревна, за что̀ вы меня не любите?

Марья Андреевна.

Полноте, что̀ вы! за что̀ мнѣ васъ не любить?

Милашинъ.

Конечно, я не такъ хорошъ, какъ Меричъ; не бываю въ обществѣ, не говорю по-французски. Ныньче эти качества очень цѣнятъ. Будь глупъ, какъ пробка, только умѣй любезничать, болтать... Вотъ что̀ ныньче нравится. Это смерть досадно!

Марья Андреевна.

Вы очень любезны.

Милашинъ.

Вы меня извините, Марья Андревна, а я говорю правду; я не виноватъ, если это вамъ не нравится... Чѣмъ я хуже какого-нибудь Мерича? Еслибъ я захотѣлъ, я-бы могъ во сто разъ быть лучше его. Мальчишка! Нигдѣ не учился; выучился только болтать по-французски въ какомъ-то пансіонѣ. Я, по-крайней-мѣрѣ, въ гимназіи курсъ кончилъ. Какъ онъ смѣетъ смѣяться надо мной! Ничего не дѣлаетъ, только числится на службѣ, чтобы первый чинъ получить. Что у него отецъ-то богатъ, такъ не велика важность!

Марья Андреевна.

Что онъ вамъ мѣшаетъ?

Милашинъ.

Да помилуйте, самый пустой человѣкъ! (*Молчаніе*).

Марья Андреевна.

Послушайте, Иванъ Иванычъ, вы влюблены въ меня? (*Милашинъ въ смущеніи*). Бѣдный, мнѣ васъ жаль! извините вы меня...

Милашинъ.

Пожалуйста, не жалѣйте! что-жь дѣлать, насильно милъ не будешь. Осчастливьте того, кто достойнѣе меня?

Дарья (*входитъ съ самоваромъ*).

Матушка, барышня, Платонъ Маркычъ пришелъ.

Милашинъ.

Очень кстати!

Марья Андреевна.

Отчего-жь не кстати?

Милашинъ.

Да такъ, я его не люблю что-то.

Марья Андреевна.

Вы, кажется, никого не любите. (*Входитъ Анна Петровна съ Добротворскимъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, Анна Петровна и Добротворскій.

Добротворскій.

Такъ вотъ, сударыня, дѣло-то какого роду.

Анна Петровна.

Понимаю, понимаю, Платонъ Маркычъ. (*Садится къ столу и наливаетъ чай*).

Добротворскій.

Здравствуйте, матушка, барышня; что это вы не веселы?

Марья Андреевна.

Да чему-же мнѣ радоваться-то, Платонъ Маркычъ?

Добротворскій.

Да, и то правда. Неурожай ныньче, барышня, на жениховъ-то, неурожай.

Анна Петровна.

Чаю не угодно-ли?

Добротворскій.

Выпью-съ. Не съ чего невѣстамъ веселымъ-то быть. Ну, да ужь для васъ, матушка, барышня, постараюсь отыскать хорошаго — будете благодарить. Я еще папеньку вашего зналъ покойнаго: благодѣтель для меня былъ. Такъ ужь не извольте безпокоиться, постараюсь. Пожалуйте ручку.

Марья Андреевна.

Нѣтъ, зачѣмъ, Платонъ Маркычъ!

Добротворскій.

Ничего-съ, пожалуйте. (*Цалуетъ руку*).

Анна Петровна.

Подвигайтесь, Платонъ Маркычъ, сюда поближе. (*Анна Петровна и Добротворскій садятся съ одной стороны стола, а Марья Андреевна и Милашинъ съ другой*).

Добротворскій.

Слушаю, сударыня! Народъ-то ныньче, я говорю, сударыня, поизвѣтреничался, жениховъ-то трудно искать. Въ наше-то время, когда мы-то были молоды, бывало чуть мальчикъ пооперится, поступитъ на службу, глядишь — женится. Тогда, сударыня, Анна Петровна, холостыхъ-то что̀-то мало было и видно, а у насъ, въ судѣ, такъ повѣрите-ли, ни одного холостаго чиновника не было. А ныньче какъ живутъ молодые люди, такъ только дивиться надо. А ужь это не порядокъ.

Анна Петровна.

Какой ужь это порядокъ! Что̀ хорошаго! Охъ, да никакъ я вамъ сахару-то забыла. Что̀, Маша, положила я сахару Платону Маркычу?

Марья Андреевна.

Положили, маменька.

Добротворскій.

Что̀ вы, сударыня, изволите говорить?

Анна Петровна.

Говорю, что̀ хорошаго — не хорошо.

Добротворскій.

Нѣтъ, какъ можно, что̀ хорошаго! Въ наше-то время совсѣмъ не такъ было. Вотъ оно и невѣстамъ-то веселѣй было: долго-то не засиживались; развѣ ужь которая съ какимъ-нибудь недостаткомъ тѣлеснымъ, горбатая тамъ какая, да и тѣми не брезгали. Вотъ у моей у невѣстки, сударыня, шесть пальцевъ было на правой рукѣ, мать-то все ахала, что, говоритъ, не возьмутъ...

Анна Петровна.

Скажите!

Добротворскій.

Хорошій человѣкъ взялъ — и ничего. Такъ я и говорю, сударыня, что невѣстамъ-то веселѣй было, задумываться-то было не о чемъ.

Марья Андреевна.

Да я совсѣмъ объ этомъ и не думаю.

Добротворскій.

Какъ, чай, не думать, барышня! не скажете только, а то какъ не думать! Конечно, дѣло дѣвичье: этого не говорятъ, какъ-будто отъ совѣсти; а то какъ не думать, всѣ думаютъ. Такъ-ли я, сударыня, говорю?

Анна Петровна.

Такъ, Платонъ Маркычъ, такъ, ужь что̀ толковать! Не хотите-ли еще чашечку?

Добротворскій.

Пожалуйте. Вотъ, матушка, барышня, и ваша маменька то-же говоритъ. (*Говоритъ потихоньку съ Анной Петровной*).

Милашинъ.

Дуракъ!

Марья Андреевна.

За что̀ вы его браните?

Милашинъ.

Онъ васъ совсѣмъ не понимаетъ! Онъ думаетъ, что вы также о женихахъ хлопочете, какъ невѣстка его, у которой было шесть пальцевъ.

Марья Андреевна.

А пусть его думаетъ, что̀ хочетъ; онъ очень добрый человѣкъ.

Милашинъ.

Однако, что̀ они тамъ шепчутъ?

Марья Андреевна.

Что-нибудь о своихъ дѣлахъ.

Добротворскій (*вполголоса*).

Прекрасный, сударыня, человѣкъ, и молодой еще, очень молодой. Онъ секретарь.

Анна Петровна.

Что̀?

Добротворскій (*громче*).

Секретарь, говорю. Чинъ не большой — да мѣсто хорошее. Всего у него въ домѣ много, лошади свои.

Анна Петровна.

Что̀? не слышу.

Добротворскій.

Лошади свои.

Марья Андреевна.

Что̀ такое онъ говоритъ?

Милашинъ.

Это что̀-то интересно.

Анна Петровна.

Послушай-ка, Машенька, Платонъ Маркычъ какое намъ одолженіе дѣлаетъ: нашелъ человѣка, который хочетъ взяться за наше дѣло. Говоритъ, что очень хорошій молодой человѣкъ.

Добротворскій.

Прекрасный, барышня, человѣкъ; а ужь дѣлецъ какой—бѣда!

Анна Петровна.

Никакъ я про васъ-то и забыла, Иванъ Иванычъ. (*Наливаетъ ему чай*). А не пьетъ онъ, Платонъ Маркычъ?

Добротворскій.

Какъ, чай, не пить, да, должно быть, немного: кабы много пилъ, такъ-бы слышно было.

Анна Петровна.

Вотъ, Машенька, хорошо, кабы ты ему понравилась.

Марья Андреевна.

Да вы, маменька, опять за свой разговоръ.

Анна Петровна.

Ахъ, Боже мой! что̀-жь такое за важность! Ты, вѣдь, его еще не видала; посмотришь, можетъ быть, и самой понравится.

Добротворскій.

Мы, сударыня, съ нимъ къ вамъ пріѣдемъ.

Анна Петровна.

Ахъ, Платонъ Маркычъ, какъ я вамъ благодарна. Ужь я, право, не знаю, какъ вамъ это и выразить. Сами видите, наше дѣло женское, что̀ мы знаемъ. Такъ только маешься.

Добротворскій.

И, сударыня, что̀ это вы говорите! Я вашему супругу покойному много обязанъ былъ... По гробъ не забуду. Благодѣтель мнѣ былъ, дай ему Господи царство небесное, мѣсто покойное. Чѣмъ-же мнѣ ему заплатить-то? Ну, старъ сталъ, не на все ума хватаетъ.

Марья Андреевна (*встаетъ*).

Вы слышали, Иванъ Иванычъ?

Милашинъ (*встаетъ*).

Слышалъ. Это ужасно!

Марья Андреевна.

Вотъ это у насъ вѣчно такой разговоръ.

Милашинъ.

Я не знаю. Я не могу придти въ себя. Одна мысль, что вы когда-нибудь будете принадлежать другому, убиваетъ меня. Я, кажется, этого не перенесу.

Марья Андреевна.

Вы все о себѣ. Вы обо мнѣ-то подумайте хоть немножко.

Милашинъ.

Что̀-же объ васъ-то! Вы посмотрите, можетъ быть, онъ вамъ понравится. Вы будете счастливы. Что̀-жь! я готовъ пожертвовать даже жизнію, чтобы вы были счастливы.

Марья Андреевна.

Это что̀ такое! Полноте; перестаньте. Пойдемте въ садъ. (*Уходятъ*).

Добротворскій.

Такъ мы завтра пріѣдемъ, сударыня. Объ дѣлѣ потолкуемъ, да онъ Марью Андревну посмотритъ. Можетъ, она ему и понравится. Вотъ два дѣла разомъ и сдѣлаемъ.

Анна Петровна.

Хорошо-бы, Платонъ Маркычъ, очень хорошо. Тяжба-то эта у меня изъ головы нейдетъ — ночи, вѣдь, не сплю. Ну, какъ домъ-то отнимутъ, куда я дѣнусь? Да и Машеньку-то ужь пора выдавать, право, пора.

Добротворскій.

Чего, матушка, ждать! Самое время. Покорно благодарствуйте, сударыня. (*Перевертываетъ чашку*). Прощенья просимъ.

Анна Петровна.

Прощайте, Платонъ Маркычъ; такъ мы ждать будемъ.

Добротворскій.

Хорошо-съ. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена представляетъ небольшой, тѣнистый садъ; направо отъ зрителей скамейка, сзади которой большой кустъ. Хорьковъ сидитъ на скамейкѣ, повѣся голову.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Хорьковъ.

Ушелъ, струсилъ! Какой я жалкій человѣкъ! Однако, что̀ я дѣлаю, наконецъ! за что̀-же я гублю себя? Вотъ ужь три года, какъ я кончилъ курсъ; и въ эти три года я не сдѣлалъ ровно ничего для себя. Меня обдаетъ холодомъ, когда я вспомню, какъ я прожилъ эти три года! Лѣнь, праздность, грязная, холостая жизнь — и никакихъ стремленій выйти изъ этой жизни, ни капли самолюбія! Для себя я ни на что̀ не рѣшусь, я это знаю. Въ ней мое единственное спасеніе, а я не смѣю сказать ей, что люблю ее. Нѣтъ, надобно кончить! Неужели она не сжалится надо мной? Для нея я-бы сталъ работать, трудиться; она одна только способна привязать меня къ жизни. (*Садится*). Боже мой, какъ я люблю эту дѣвушку! Какъ я люблю ее! (*Хорькова входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Хорьковъ и Хорькова.

Хорькова (*садясь на скамейку*).

Какъ это тебѣ, Миша, не стыдно! Зачѣмъ ты ушелъ? Только что я стала выражать Марьѣ Андревнѣ, какъ ты ихъ любишь и

какъ ты объ нихъ относишься, ты сейчасъ и бѣжать... Я необразованная женщина, да никогда не конфужусь, а ты всего конфузишься.

Хорьковъ.

Ахъ, маменька! не говорите, сдѣлайте милость, обо мнѣ съ Марьей Андревной! Я самъ поговорю. Вы и такъ про меня всегда Богъ знаетъ что̀ разсказываете.

Хорькова.

Да, дождешься тебя! Странно это, Миша, ты человѣкъ образованный...

Хорьковъ.

Да, маменька, я образованъ: у меня сердце доброе; кромѣ этого, я знаю, что со мной она будетъ счастлива, что только я одинъ могу оцѣнить ее, что она погибнетъ въ этомъ кругу жертвой разсчета или невѣжества... но я боюсь, что она мнѣ откажетъ.

Хорькова.

Ахъ, Боже мой! свѣтъ-то не клиномъ сошелся — найдемъ другую.

Хорьковъ.

Гдѣ я найду другую? Хорошо, что случай свелъ меня съ Марьей Андревной, я ее узналъ, полюбилъ... Да повѣрьте-же вы мнѣ, что я такъ люблю Марью Андревну, что никого не могу видѣть, кромѣ нея... Я и не думалъ, что такъ могу полюбить. Я измучился въ послѣднее время... Вы видите, я пла̀чу... Я не могу жить безъ нея.

Хорькова.

А коли любишь, такъ откройся — это всегда такъ дѣлаютъ.

Хорьковъ.

Я поговорю съ ней, непремѣнно поговорю: надобно-же чѣмъ-нибудь кончить... А что̀, если она мнѣ откажетъ? Теперь, по крайней мѣрѣ, есть надежда, есть мечты, а тогда что̀?

Хорькова.

Странно это, Миша: ты человѣкъ образованный, а что̀ ты дѣлаешь, какъ погляжу я на тебя. Никакого ты знакомства не имѣешь, дѣломъ не занимаешься, валяешься дома въ халатѣ

съ трубкой. Вотъ теперь влюбился, а сказать боишься. Ты посмотри, какъ другіе-то образованные люди живутъ: барышни за ними сами ухаживаютъ... Вотъ, кажется, Марья Андревна сюда идетъ.

Хорьковъ.

Маменька! Ради Бога, не говорите ни слова!

Хорькова.

Сдѣлай милость, не учи! я хоть женщина и необразованная, а умѣю себя вести. (*Марья Андреевна входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Марья Андреевна.

Хорькова (*встаетъ*).

Погулять вышли!

Марья Андреевна.

Да, немножко освѣжиться. (*Къ Хорькову*). Вы что̀ здѣсь дѣлаете?

Хорьковъ.

Такъ-съ, мечтаю...

Хорькова.

Онъ у меня все тоскуетъ.

Марья Андреевна.

Объ чемъ?

Хорькова.

Влюбленъ, должно быть: я такъ замѣчаю по его словамъ.

Хорьковъ.

Маменька!

Хорькова.

Посмотрите, какъ страдаетъ: право, мнѣ на него даже тяжело смотрѣть.

Хорьковъ.

Маменька! ахъ, Боже мой!

Марья Андреевна.

Право, мнѣ не вѣрится. Въ кого-же влюбленъ Михайло Иванычъ?

Хорькова.

Ужъ это извольте спросить сами. Миша! (*Дѣлаетъ ему знакъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Хорьковъ и Марья Андреевна.

Марья Андреевна (*садясь подлѣ Хорькова*).

Чтò вы такіе скучные? Вы въ самомъ дѣлѣ влюблены?

Хорьковъ.

Да, я не знаю, чтò со мной дѣлается.

Марья Андреевна.

А я такъ плачу нынче цѣлое утро.

Хорьковъ.

Объ чемъ-же вы плачете?

Марья Андреевна.

Маменька все съ женихами пристаетъ. Какой-то купецъ старикъ, да нынче еще чиновникъ пріѣдетъ. Какъ вамъ это покажется?

Хорьковъ.

Это ужасно!

Марья Андреевна.

Да и къ тому-же, Михайло Иванычъ, я съ вами буду говорить откровенно, потому что мы очень дружны съ вами. Не правда-ли? (*Протягиваетъ ему руку*).

Хорьковъ (*беретъ ея руку*).

Говорите, говорите.

Марья Андреевна.

Я сама влюблена немножко.

Хорьковъ (*встаетъ быстро*).

Вы?

Марья Андреевна.

Чтò вы такъ испугались? Не бойтесь, не въ васъ.

Хорьковъ (*садится*).

Нѣтъ-съ. Я такъ, извините.

Марья Андреевна.

Какъ вы испугались! А вы думали, что въ васъ? Не бойтесь, не бойтесь: я не потревожу вашей солидности. (*Молчаніе*). Вотъ какое мое положеніе, Михайло Иванычъ. Что̀ вы мнѣ посовѣтуете?

Хорьковъ.

Я-съ? Я рѣшительно ничего.

Марья Андреевна.

Я теперь не могу ни за кого идти... недѣлю прежде, я-бы пошла, еслибы нашелся хорошій человѣкъ.

Хорьковъ.

Неужели ни за кого?

Марья Андреевна.

Рѣшительно ни за кого.

Хорьковъ.

А еслибъ я за васъ посватался? (*Принужденно смѣется*). Я шутя васъ спрашиваю.

Марья Андреевна.

И за васъ-бы не пошла. Я съ вами дружна, а любить васъ не могу.

Хорьковъ (*съ возростающимъ волненіемъ*).

А какъ-бы я любилъ васъ! Какъ-бы я старался угождать вамъ! Съ какой-бы готовностью исполнялъ малѣйшее ваше желаніе! Съ какой-бы благодарностью я принималъ каждую вашу ласку!

Марья Андреевна (*взглянувъ на него*).

Вы шутите?.. Впрочемъ, еслибы вы посватались, мнѣ, все-таки, было-бы не такъ тяжело: я вамъ могу откровенно сказать, что васъ не люблю, и вы не обидитесь, а другіе еще обижаются.

Хорьковъ.

Да, да, конечно. (*Молчаніе*).

Марья Андреевна.

Что̀, каковъ человѣкъ — Меричъ?

Хорьковъ.

Меричъ?

Марья Андреевна.

Да, Владиміръ Васильичъ.

Хорьковъ.

Не знаю, Марья Андревна, что̀ вамъ сказать; право, не знаю.

Марья Андреевна.

То-есть, вы не хотите. Однако, прощайте: мнѣ пора къ маменькѣ. (*Уходитъ*).

Хорьковъ.

И я, дуракъ, мечталъ о счастіи!.. Боже мой, Боже мой!.. (*Сидитъ, закрывши лицо руками; Милашинъ и Меричъ входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Хорьковъ, Милашинъ и Меричъ.

Меричъ.

Что̀ нынче здѣсь за праздникъ? Дарья такая нарядная; такъ разрядилась, что смотрѣть не хочетъ. Бѣгаетъ взадъ и впередъ съ крахмальными юбками.

Милашинъ.

Гостей ждутъ.

Меричъ.

Какихъ-же это гостей?

Милашинъ.

Пріѣдетъ какой-то чиновникъ по дѣлу Анны Петровны! Да его-же, кажется, прочатъ въ женихи Марьѣ Андревнѣ. Это ужасно досадно!

Меричъ.

Что̀-же вы не женитесь на Марьѣ Андревнѣ?

Милашинъ.

Я-съ? По самой простой причинѣ. Намъ будетъ жить нечѣмъ: у меня нѣтъ состоянія, у нея также.

Меричъ.

А любовь? Съ милымъ рай и въ шалашѣ. Мнѣ кажется, что она васъ любитъ.

Милашинъ.

Можетъ быть! да-съ, можетъ быть! Развѣ вы что̀-нибудь замѣтили?

Меричъ.

Нѣтъ, я нарочно, Иванъ Иванычъ: она васъ не любитъ.

Милашинъ.

Почему-же вы такъ думаете?

Меричъ.

Я не думаю, а навѣрное знаю. Она мнѣ сама сказывала.

Милашинъ.

Это странно, что Марья Андревна такъ говоритъ. Это обидно даже. Мнѣ, конечно, все равно: любитъ-ли она меня, или нѣтъ, я на это никакого вниманія не обращаю. Я самъ къ ней совершенно равнодушенъ. Да зачѣмъ говорить? Этимъ она хочетъ показать, что я за ней ухаживаю. Нѣтъ, ужь я предоставлю это другимъ.

Меричъ.

И прекрасно! И я-бы на вашемъ мѣстѣ тоже сдѣлалъ. Однако это жалко, если она выйдетъ замужъ: она такая хорошенькая. Мнѣ всегда жаль, когда хорошенькія дѣвушки замужъ выходятъ. Вамъ не жаль?

Милашинъ.

Нѣтъ, не жаль.

Меричъ.

Софи Барашкова тоже недавно вышла замужъ. Вы ее не знали?

Милашинъ.

Нѣтъ, не зналъ.

Меричъ.

Мы были очень привязаны другъ къ другу. Вамъ я могу признаться, Иванъ Иванычъ, вы, конечно, никому не скажете: она меня очень любила. Вотъ, посмотрите, какое она мнѣ письмо написала передъ свадьбой. (*Вынимаетъ*). Хотите прочесть?

Милашинъ.

Зачѣмъ-же я буду читать чужія письма?

Меричъ.

Какъ хотите! (*Прячетъ опять*). Я надѣюсь, что вы никому не скажете. Марья Андревна, вѣроятно, въ комнатахъ — я пойду къ ней! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Милашинъ и Хорьковъ.

Хорьковъ.

Иванъ Иванычъ!

Милашинъ.

А, вы здѣсь! Я васъ и не замѣтилъ.

Хорьковъ.

Что̀, этотъ Меричъ часто здѣсь бываетъ?

Милашинъ.

Прежде рѣдко бывалъ, а теперь опять сталъ каждый день ходить.

Хорьковъ.

Это дурно.

Милашинъ.

Да вы представьте мое-то положеніе: каждый день ходитъ, чортъ знаетъ, зачѣмъ!

Хорьковъ.

Да вамъ-то что̀-жъ?

Милашинъ.

Нѣтъ, какъ хотите, Михайло Иванычъ, это мнѣ ужасно непріятно.

Хорьковъ.

Тутъ не объ васъ толкъ. Онъ можетъ имѣть очень дурное вліяніе на Марью Андревну. Я его давно знаю. Онъ еще мальчишкой былъ, самъ къ себѣ письма писывалъ, да хвастался товарищамъ въ пансіонѣ, что отъ барышень получаетъ. Если вы имѣете вліяніе на Марью Андревну, такъ вы ее предостерегите: мнѣ будетъ очень жаль, если она повѣритъ этому пустому человѣку.

Милашинъ.

Хорошо, Михайло Иванычъ. Покорно васъ благодарю, что вы мнѣ открыли глаза на счетъ этого человѣка. Я ей непремѣнно скажу.

Хорьковъ.

Да повѣритъ-ли она вамъ?

Милашинъ.

Повѣритъ, непремѣнно повѣритъ: она меня очень любитъ.

Хорьковъ.

Едва-ли, Иванъ Иванычъ! Мнѣ кажется, что она васъ совсѣмъ не любитъ.

Милашинъ.

Отчего вы такъ думаете? Развѣ я хуже другихъ? Нѣтъ, ужь извините! Вы меня не знаете: меня тоже женщины очень любятъ.

Хорьковъ.

Ну, положимъ, что такъ. Только надо сдѣлать поумнѣе, чтобы Марья Андревна не подумала, что мы изъ ревности хлопочемъ. Эхъ, не хочется мнѣ съ нимъ связываться-то только, а то-бы я его сразу выгналъ отсюда.

Милашинъ.

Хотите, я это сдѣлаю? Я буду въ глаза смѣяться надъ нимъ.

Хорьковъ.

Изъ этого ничего не выйдетъ, Марья Андревна на васъ разсердится и только. А впрочемъ, что̀ намъ за дѣло, пусть ихъ какъ хотятъ! (*Молчаніе*). Чудакъ этотъ Меричъ! Мнѣ случайно попалась тетрадка изъ его дневника да нѣсколько писемъ, которыя онъ писалъ нашей сосѣдкѣ, а та отдавала мужу; ужь чего тамъ нѣтъ!

Милашинъ.

Одолжите мнѣ этихъ писемъ на время.

Хорьковъ.

На что̀ онѣ вамъ? Пожалуй, возьмите.

Милашинъ.

Покорно васъ благодарю! (*Беретъ его за руку*). Вы меня очень обязали.

Хорьковъ.

Да за что̀ вы меня благодарите: я стараюсь объ Марьѣ Андревнѣ, а не объ васъ, потому что очень люблю ее и принимаю въ ней большое участіе.

Милашинъ.

И я люблю...

Хорьковъ.

Я вѣрю. Меричъ можетъ очень много вреда сдѣлать Марьѣ Андревнѣ. Онъ человѣкъ совершенно безъ правилъ.

Милашинъ.

Да и мнѣ ужасно надоѣлъ: старается очернить меня въ глазахъ Марьи Андревны, мѣшаетъ мнѣ.

Хорьковъ.

Пойдемте домой, Иванъ Иванычъ; намъ, кажется, нѣчего здѣсь дѣлать.

Милашинъ.

Нѣтъ, мнѣ нельзя уйти; мнѣ надобно здѣсь остаться. Марья Андревна, пожалуй, разсердится, что я ушелъ.

Хорьковъ.

Не безпокойтесь, не разсердится; ей теперь не до васъ: нынче Анна Петровна ждетъ какого-то чиновника, котораго она хочетъ просить о своемъ дѣлѣ. Что̀ вы будете здѣсь дѣлать?

Милашинъ.

Пожалуй, пойдемте. (*Уходятъ. Съ другой стороны выходятъ Меричъ и Марья Андреевна*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Марья Андреевна и Меричъ.

Меричъ.

Прощайте, Марья Андревна.

Марья Андреевна.

Куда вы? Мнѣ будетъ скучно одной; посидите здѣсь немножко. (*Садятся*).

Меричъ.

Я слышалъ отъ Милашина, Марья Андревна, что вамъ сватаютъ какого-то жениха.

Марья Андреевна.

Да, Владиміръ Васильичъ, поминутно сватаютъ, то одного, то другаго.

Меричъ.

И вы пойдете?

Марья Андреевна.

Не знаю; но что-же мнѣ дѣлать? Надо-же выйти замужъ.

Меричъ.

Ну, я съ своей стороны не вижу никакой необходимости; развѣ васъ что-нибудь заставляетъ?

Марья Андреевна.

Много причинъ. Вы не знаете нашихъ обстоятельствъ.

Меричъ.

Но, Боже мой, неужели это такъ необходимо?

Марья Андреевна.

Маменька говоритъ, что необходимо.

Меричъ.

Это ужасно! Пожертвовать собой! Что вы дѣлаете, Марья Андревна! Вы созданы для того, чтобы любить и быть любимой. Красотой должны любоваться всѣ. Вы не имѣете даже права отнять у насъ это наслажденіе и на всю жизнь отдаться одному человѣку.

Марья Андреевна.

Вы все шутите!

Меричъ.

Нѣтъ, не шучу. Вы разсудите, Марья Андревна, что это за жизнь! Одна минута истинной любви дороже такой жизни... Ну, въ дѣлѣ сердца, я-бы не послушался маменьки. Для маменьки вы хотите губить свое счастіе и счастіе другихъ. Какой еще вы ребенокъ!

Марья Андреевна.

Да, еслибъ это счастіе было возможно для меня! А то мнѣ нѣчего жалѣть, нѣчего ждать! Меня никто не любитъ. я тоже никого не люблю.

Меричъ.

Вы никого не любите?

Марья Андреевна.

Никого.

Меричъ.

И васъ никто не любитъ?

Марья Андреевна.

Мнѣ кажется.

Меричъ.

Въ такомъ случаѣ, другое дѣло. Но, все-таки, страшно пожертвовать собой разсчетамъ другихъ.

Марья Андреевна.

Что̀-жь дѣлать-то! Я буду выбирать такого человѣка, который, имѣя состояніе, удовлетворялъ-бы нѣсколько и моимъ требованіямъ.

Меричъ.

Откуда въ васъ такая положительность, такія практическія правила?

Марья Андреевна.

Нужда научитъ.

Меричъ.

Если вы рѣшились, я не хочу поколебать вашей рѣшимости; она дѣлаетъ вамъ честь. Но что, еслибъ вы полюбили когонибудь, еслибъ вамъ случилось встрѣтить человѣка, который васъ любитъ пламенно, со всѣмъ пыломъ юношеской страсти?

Марья Андреевна.

Я не знаю, Владиміръ Васильичъ, но едва-ли это случится когда-нибудь.

Меричъ (*меланхолическимъ тономъ*).

Теперь, когда ужь дѣло кончено, когда вы соглашаетесь пожертвовать собой для вашей маменьки, что̀, разумѣется, очень похвально, я могу вамъ сказать, что я васъ любилъ, Марья Андревна, любилъ страстно; я васъ до сихъ поръ люблю такъ какъ никто васъ любить не будетъ!

Марья Андреевна.

Вы меня не обманываете, Владиміръ Васильичъ?

Меричъ.

О нѣтъ, нѣтъ...

Марья Андреевна.

Вы меня не обманываете?

Меричъ.

Всѣ клятвы, какія я знаю...

Марья Андреевна.

Не нужно, не нужно... Ахъ, Владиміръ Васильичъ! Не обма-

нывайте меня, ради Бога! Вамъ такъ легко меня обмануть — я сама васъ... люблю...

Меричъ.

Ангелъ мой! я не вѣр ю своему счастію... Зачѣмъ-же слезы! Марья Андревна! Машенька! Мери! (*Цалуетъ руку*). Ну, взгляни на меня. Ты хороша! Ахъ, какъ ты хороша въ эту минуту! Я-бы желалъ, чтобы теперь весь свѣтъ тебя видѣлъ съ этими слезами на глазахъ.

Марья Андреевна.

Я, кажется, дурно сдѣла ла, что призналась вамъ.

Меричъ.

Отчего-же дурно? Тебѣ совѣстно, что у тебя есть сердце, что ты выше всѣхъ этихъ безчувственныхъ куколъ, которыя хвастаются тѣмъ, что не любили никогда. Я могу оцѣнить твою любовь.

Марья Андреевна.

Я надѣюсь. (*Припадаетъ къ нему*). Ахъ, не смотри на меня, я, право, такая глупая; я думала, что у меня достанетъ твердости скрыть мою любовь.

Меричъ.

Да зачѣмъ-же скрывать ее?

Марья Андреевна.

Да, теперь ужь, конечно, не зачѣмъ. Напротивъ, теперь я хотѣла-бы тебѣ вдругъ открыть свою душу, чтобы ты зналъ, какъ много я люблю тебя.

Меричъ.

Зачѣмъ? ты и такъ для меня дороже всего на свѣтѣ.

Марья Андреевна.

Нѣтъ, Владиміръ, нѣтъ, ты такъ меня не любишь, какъ я тебя люблю. Ты для меня все теперь, все, все! Ты вѣришь моимъ словамъ?

Меричъ.

А ты моимъ вѣришь?

Марья Андреевна.

Не знаю: и хочется вѣрить, и боюсь... Съ твоей стороны будетъ безжалостно обмануть меня.

Меричъ.

Къ чему эти черныя мысли! Посмотри, вся природа намъ улыбается. (*Сидятъ нѣсколько времени молча*).

Марья Андреевна.

Ахъ, Боже мой, я и забыла: нынче къ намъ хотѣлъ пріѣхать чиновникъ какой-то. Маменька тамъ хлопочетъ, велѣла мнѣ одѣваться хорошенько.

Меричъ.

Ужь не женихъ-ли какой-нибудь?

Марья Андреевна.

Не знаю. Ты, впрочемъ, не безпокойся, Я скажу маменькѣ, что не нравится... Ужь какъ-нибудь сдѣлаю.

Меричъ.

И скоро будетъ?

Марья Андреевна.

Я думаю, скоро.

Меричъ.

Такъ я пойду, прощай. (*Встаютъ со скамейки*).

Марья Андреевна.

Прощай. Когда-же ты придешь? Приходи завтра поутру — маменьки не будетъ дома.

Меричъ (*цалуетъ ее*).

Приду, приду. Прощай! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Марья Андреевна (*одна, прислонившись къ дереву*).

Онъ ушелъ! Хорошо-ли я сдѣлала? Мнѣ и стыдно, и весело. Что̀, если это только шалость съ его стороны? Боже мой, какъ мнѣ совѣстно за себя! (*Молчаніе*). А если онъ любитъ въ самомъ дѣлѣ? Онъ всегда такой скучный, печальный. Онъ говоритъ, что до сихъ поръ постоянно обманывался въ женщинахъ. Ахъ, какъ-бы мнѣ хотѣлось знать, любитъ-ли онъ меня... а я его очень люблю. Чего я для него не сдѣлаю!.. все, все, все!.. (*Стоитъ, закрывши лицо платкомъ; входитъ Дарья*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Марья Андреевна и Дарья.

Дарья.

О, чтобъ васъ! Сбилась съ ногъ нынче день-то деньской... Барышня, а барышня! гдѣ вы тутъ?

Марья Андреевна.

А! что̀?

Дарья.

Ищу, матушка, засовалась совсѣмъ, какъ угорѣлая кошка. Кто-то пріѣхалъ, маменька васъ спрашиваетъ.

Марья Андреевна.

Пріѣхалъ! Ахъ, Боже мой!

Дарья.

Пойдемте, я вамъ головку причешу, да и платьеце-то-бы другое надѣли.

Марья Андреевна.

Пойдемъ, пойдемъ. (*Уходитъ*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната I-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Добротворскій и Беневоленскій (*входятъ*).

Добротворскій.

Пожалуйте, Максимъ Дорофеичъ, пожалуйте. Признаться сказать, васъ не ждали такъ рано. Поторопились, батюшка, раненько пожаловали. Ну, извѣстно, женское дѣло. Повремените маленичко.

Беневоленскій.

Ты говорилъ, что здѣсь есть барышня хорошенькая. Ты смотри — я, вѣдь, разборчивъ.

Добротворскій.

Нѣтъ, какъ-же можно, помилуйте, Максимъ Дорофеичъ! Такая барышня, что генералу взять не совѣстно. Я еще съ папенькой ихнимъ былъ знакомъ...

Беневоленскій.

А хорошо-ли она образована?

Добротворскій.

Отлично образована.

Беневоленскій.

То-то-же. Ты, вѣдь, знаешь меня, Платонъ Маркычъ, у меня и состояніе есть, и мѣсто, ну, и знакомство. Мнѣ такую невѣсту нужно, чтобы не стыдно было въ люди показать: ну, чтобъ и хозяйка въ домѣ была, знаешь, въ этакомъ чепчикѣ, по нынѣшнему, чтобы принять кого-нибудь.. Ну, чтобы и тонъ этакой свѣтской. Понялъ ты меня?

Добротворскій.

Какъ не понять! Ужь, конечно, что̀ вамъ за крайность на дурной жениться; сами-то вы ишь какой молодецъ! Ахъ, батюшка, голубчикъ! (*Треплетъ его по спинѣ и потомъ кланяется*).

Беневоленскій.

Ну, то-то-же. Что̀, манишка у меня тутъ вотъ сзади не выбилась?

Добротво скій.

Нѣтъ-съ, ничего — въ исправности. Причесаться вамъ развѣ не угодно-ли — вотъ гребеночка.

Беневоленскій (*беретъ и причесывается передъ зеркаломъ*).

Ну, такъ какъ-же, братецъ, ты говоришь, хороша барышня-то?

Добротворскій.

А вотъ увидите, Максимъ Дорофеичъ. Что̀ прежде времени говорить, сами посмотрите.

Веневоленскій.

Посмотримъ, братецъ, посмотримъ. А отдадутъ за меня, коли мнѣ понравится?

Добротворскій.

Какъ, чай, не отдать. Да, вѣдь, что̀-жь такое: попытка не шутка, а спросъ не бѣда.

Веневоленскій.

Хорошо, братецъ, хорошо. (*Садится*). Платонъ Маркычъ! Ты не видалъ у меня дрожки?

Добротворскій.

Нѣтъ, не видалъ-съ.

Веневоленскій.

А вороную, что̀ на пристяжкѣ ходитъ, не видалъ? Вотъ посмотри! (*Показываетъ въ окно*). Что̀, хороша?

Добротворскій.

Ахъ, проказникъ вы, проказникъ, Максимъ Дорофеичъ. Да, вѣдь, чай, некупленая?

Веневоленскій.

Разумѣется.

Добротворскій.

Ну, такъ даровому коню въ зубы не смотрятъ. (*Молчаніе*).

Веневоленскій.

Послушай, Платонъ Маркычъ, найди мнѣ гдѣ-нибудь органчикъ небольшой.

Добротворскій.

Извольте, батюшка! На что̀ вамъ?

Веневоленскій.

Канареекъ учить.

Добротворскій.

Хорошо, поищу.

Веневоленскій.

Поищи. (*Вынимаетъ табакерку, нюхаетъ*). Хочешь?

Добротворскій (*нюхаетъ, потомъ беретъ табакерку и взвѣшиваетъ то на одной, то на другой рукѣ*).

Вещичка-то хорошая! Гдѣ изволили пріобрѣсть?

Беневоленскій.

Такъ, нечаянно хорошій человѣкъ набѣжалъ. Да не помнишь-ли ты, было у насъ дѣло купца Пересемкина съ малолѣтными наслѣдниками купеческой племянницы Акулины Незамайкиной, доходило до Правительствующаго Сената, и возвращено для справокъ... (*Анна Петровна входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Анна Петровна.

Беневоленскій.

Честь имѣю представиться. Коллежскій секретарь Беневоленскій.

Анна Петровна.

Очень пріятно познакомиться. Милости просимъ садиться. Служить изволите-съ?

Беневоленскій.

Какъ-же, служу-съ съ 838 года. Я вамъ скажу, я очень доволенъ своимъ мѣстомъ и своимъ начальствомъ. Къ службѣ я человѣкъ усердный, съ подчиненными строгъ.

Анна Петровна.

И родство имѣете здѣсь, въ Москвѣ?

Беневоленскій.

Нѣтъ, совершенно никого-съ.

Анна Петровна.

Я думаю, вамъ (*къ Добротворскому*)... Какъ, бишь, Платонъ Маркычъ, я все забываю?

Добротворскій.

Максимъ Дорофеичъ.

Анна Петровна.

Памяти нѣтъ совсѣмъ, Максимъ Дорофеичъ! Вотъ что̀ ты будешь дѣлать, право. Я думаю, вамъ, Максимъ Дорофеичъ, скучно. Я вотъ по себѣ сужу, дѣло женское, сами знаете... Еще при покойникѣ-то было туда-сюда: ну, знакомство все этакое, а теперь просто не знаю, что̀ дѣлать.

Беневоленскій.

Я съ вами, сударыня, согласенъ.

Анна Петровна.

Вотъ процессъ теперь. Какъ это безъ мужчины; пожалуй, проиграешь.

Беневоленскій.

А позвольте узнать, въ чемъ состоитъ ваше дѣло?

Анна Петровна.

Я ужь и не запомню всего-то, еще, пожалуй, перевру, а вотъ ужь вамъ Платонъ Маркычъ разскажетъ.

Добротворскій.

Вникните, батюшка, Максимъ Дорофеичъ, вникните!

Беневоленскій.

Хорошо, я посмотрю. Если можно что̀-нибудь, сударыня, сдѣлать, такъ сдѣлаемъ, а если нельзя, такъ не взыщите — наше дѣло такое. Конечно, кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ; но я вамъ доложу, нынче на счетъ этого очень строго.

Добротворскій.

Точно, матушка, строго. Это они правду говорятъ. Строгости пошли. Это такъ точно.

Анна Петровна.

Скажите, пожалуйста!

Беневоленскій.

Нынче ужь держи ухо востро. Я вамъ про себя скажу: въ постоянномъ страхѣ находишься. Нельзя, чтобы грѣшковъ не было; того гляди, подъ судъ отдадутъ, выгонятъ изъ службы, куда дѣнешься? Ну, хорошо, я холостой человѣкъ, а другой женатый...

Анна Петровна.

А вы не намѣрены обзавестись семействомъ?

Беневоленскій.

Это вопросъ, сударыня, очень важный въ жизни, особенно въ моей. Я имѣю состояніе, всего у меня много, своихъ лошадей держу! Кабы посмотрѣли, какую я квартиру занимаю; вотъ Платонъ Маркычъ видѣлъ. Ты видѣлъ, Платонъ Маркычъ, квартиру?

Добротворскій.

Какъ-же, видѣлъ-съ: квартира отличная.

Беневоленскій.

Слѣдовательно, чего-же я долженъ искать, я васъ спрашиваю?

Анна Петровна.

Подругу жизни, Максимъ Дорофеичъ, я такъ думаю.

Беневоленскій.

Я съ вами согласенъ, сударыня. Но, сколько мнѣ извѣстно, всякая жена есть подруга жизни. Я долженъ преимущественно искать хозяйку. Мое дѣло пріобрѣтать всѣми силами, а ея дѣло хозяйничать. У меня порядку нѣтъ въ домѣ; вѣдь, пожалуй, и растащатъ у холостаго человѣка. Все можетъ случиться.

Анна Петровна.

Что̀ мудренаго, Максимъ Дорофеичъ.

Добротворскій.

Мудрено-ли, долго-ли до грѣха. Это точно.

Беневоленскій.

Я желалъ-бы, чтобъ недурна была собой и образована, чтобы не стыдно было въ люди показаться, выѣхать куда-нибудь. Хотя у насъ знакомство и неважное, все больше мелкіе чиновники; но, все-таки, знаете-ли, я вамъ скажу откровенно, пріятно имѣть красивую и образованную жену. А главное — мнѣ нужно хозяйку.

Анна Петровна.

Вы справедливо разсуждаете, Максимъ Дорофеичъ; но, можетъ быть, вы захотите также большаго приданаго?

Беневоленскій.

Я? Нѣтъ-съ, я не того ищу. Дѣвушку съ состояніемъ за меня не отдадутъ, по незначительности моего происхожденія и даже самаго положенія въ свѣтѣ. А есть невѣсты благородныя и образованныя, но бѣдныя — и для нихъ-то, я вамъ безъ гордости скажу, такой женихъ, какъ я — находка.

Анна Петровна.

Я съ вами согласна, Максимъ Дорофеичъ.

Беневоленскій.

Разумѣется, я красотой не могу похвалиться; образованіе я

тоже получилъ, сказать вамъ по простонародному выраженію, на мѣдныя деньги; но я видѣлъ людей, не конфужусь въ обществѣ, и могу сказать, что очень развязенъ даже съ дамами. Теперь я васъ спрошу, чтò такое красота въ мужчинѣ? — послѣднее дѣло.

Анна Петровна.

Это одна глупость, Максимъ Дорофеичъ... Такъ, фантазіи.

Беневоленскій.

Умная дѣвушка не обратитъ вниманія на красоту; для нея довольно, чтобы мужчина былъ уменъ, ну, тамъ... одѣтъ порядочно...

Анна Петровна.

Не пьющій...

Беневоленскій.

Конечно... А знаете-ли вы, сударыня, я вамъ осмѣлюсь сказать, что въ мужчинѣ даже и это ничего. Какъ ты думаешь, Платонъ Маркычъ, объ этомъ?

Добротворскій.

Ничего, сударыня, Анна Петровна; мужчинѣ это не мѣшаетъ. Былъ-бы добрый человѣкъ.

Анна Петровна.

Ну, какъ-же, Платонъ Маркычъ? Развѣ ужь изрѣдка, а то какъ-же?

Беневоленскій.

Въ женщинѣ это порокъ, я съ вами согласенъ; а для мужчины даже составляетъ иногда необходимую потребность. Особенно, если дѣловой человѣкъ: долженъ-же онъ имѣть какое-нибудь развлеченіе. Разумѣется, я самъ первый осуждаю тѣхъ, которые имѣютъ къ этому большое пристрастіе. (*Молчаніе*). Такъ вотъ, сударыня, я какое мнѣніе имѣю на счетъ женитьбы. Впрочемъ, мнѣ еще торопиться нѣкуда, я могу выбрать невѣсту совершенно по моему желанію.

Добротворскій.

Куда вамъ торопиться, чтò вамъ за крайность! (*Входитъ Марья Андреевна*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Марья Андреевна.

Анна Петровна.

Дочь моя, Машенька! Максимъ Дорофеичъ Беневоленскій!

Беневоленскій.

Очень пріятно познакомиться. (*Подходитъ къ рукѣ, потомъ садится рядомъ очень развязно*). Вы, я слышалъ, очень любите музыку?

Марья Андреевна.

Иногда, отъ скуки, играю.

Анна Петровна.

Неправда, неправда: все сидитъ за фортепьянами, никакъ не отгонишь. Что̀, бишь, ты, Маша, играешь-то такъ часто, я все позабываю?

Марья Андреевна.

Право, не знаю — я много играю.

Анна Петровна.

Нѣтъ, вотъ это, что ты еще нынче играла?

Марья Андреевна.

Изъ Роберта-Дьявола — Grace.

Анна Петровна.

Да, да. (*Тихо*). Будь поразвязнѣе.

Беневоленскій.

Вообразите, я никогда не видалъ этой оперы; говорятъ, очень хорошая музыка. Какъ-то разъ собрались компаніей, да и то не попали.

Анна Петровна.

Какъ-же это?

Беневоленскій.

Очень просто. Мы прямо изъ присутствія зашли обѣдать въ трактиръ, чтобы оттуда отправиться въ театръ. Ну, люди молодые, про театръ-то и позабыли; такъ и просидѣли въ трактирѣ.

Марья Андреевна (*тихо*).

Это ужасно!

Беневоленскій.

Я самъ тоже люблю музыку; но, къ несчастію, я не играю ни на одномъ инструментѣ, да дѣловому человѣку это и не нужно. Игралъ прежде на гитарѣ, да и то бросилъ — нѣкогда, совершено нѣкогда.

Марья Андреевна (*про себя*).

О, Господи!

Беневоленскій.

Вы, можетъ быть, занимаетесь литературой? Барышни обыкновенно романы читаютъ; еще въ пансіонахъ начинаютъ читать потихоньку отъ надзирательницы.

Марья Андреевна.

Да, я читаю кой-что. А вы?

Беневоленскій.

Я совершенно отсталъ; прежде читалъ, а теперь, знаете-ли. дѣла, такъ рѣшительно ничего не читаю.

Анна Петровна.

Что̀ это ты, Машенька! Когда читать Максиму Дорофеичу: у него и безъ того дѣла много, безъ этихъ глупостей.

Беневоленскій

Что̀ же нынче пишутъ, скажите?

Анна Петровна.

Богъ знаетъ, что̀ пишутъ, чего никогда не бываетъ — однѣ фантазіи.

Добротворскій.

Именно, сударыня, фантазіи. Такъ, мечта.

Беневоленскій.

Вѣроятно, больше все про любовь пишутъ?

Анна Петровна.

Какая любовь! Все глупости, никогда этого не бываетъ. Чайку, Максимъ Дорофеичъ, не угодно-ли?

Беневоленскій.

Нѣтъ-съ, покорно благодарю — я до него совсѣмъ не охотникъ.

Добротворскій.

Что̀, сударыня, за чай; не такіе мы гости, чтобъ чай пить. А вы велите-ка закусочку подать, такъ мы съ Максимомъ Дорофеичемъ по рюмочкѣ-бы выпили.

Анна Петровна.

Сейчасъ, батюшка, сейчасъ. Извините меня, я васъ оставляю на минуточку. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же, безъ Анны Петровны.

Беневоленскій.

Это ты недурно выдумалъ, Платонъ Маркычъ. (*Вынимаетъ часы. Къ Марьѣ Андреевнѣ*). Я обыкновенно въ это время водку пью, такую ужь привычку сдѣлалъ.

Добротворскій.

Хе, хе, хе! А то что̀ за чай! Что̀ мы, дѣти, что̀-ль, маленькія!

Беневоленскій.

Ваша маменька объ любви разсуждаетъ, какъ старый человѣкъ; я имъ не хотѣлъ противорѣчить. потому что понимаю уваженіе къ старшимъ. А я совсѣмъ противнаго мнѣнія объ любви; я самъ имѣю сердце нѣжное, способное къ любви; только у насъ дѣлъ очень много: вы не повѣрите, намъ подумать объ этомъ нѣкогда. (*Смотритъ на нее нѣжно*). Какія вы конфекты любите?

Марья Андреевна.

Я никакихъ не люблю.

Беневоленскій.

Не можетъ быть, вы меня обманываете. Вы хотите, чтобъ я угадалъ вашъ вкусъ. Позвольте мнѣ привезти вамъ въ слѣдующій разъ. Платонъ Маркычъ, какія Марья Андреевна конфекты любятъ, онѣ не сказываютъ?

Добротворскій.

Не знаю-съ; надо у маменьки спросить.

Беневоленскій.

А вотъ мы спросимъ.

Марья Андреевна.

Пожалуйста, не безпокойтесь; я не хочу никакихъ конфектъ.

Беневоленскій.

Ну, ужь какъ вамъ угодно, а я, все-таки, привезу. Позвольте васъ попросить съиграть что̀-нибудь.

Марья Андреевна.

Я, право, ничего не играю.

Беневоленскій.

Сдѣлайте одолженіе, я стану на колѣняхъ просить васъ.

Марья Андреевна.

Ахъ нѣтъ, зачѣмъ-же! Извольте. (*Садится къ фортепьянамъ, беретъ нѣсколько аккордовъ и начинаетъ играть. Входитъ Анна Петровна, за ней Дарья вноситъ закуску, ставитъ на столъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Анна Петровна.

Анна Петровна.

Не угодно-ли, Максимъ Дорофеичъ; пожалуйте, безъ церемоніи.

Беневоленскій.

Не безпокойтесь.

Добротворскій.

Съ васъ начинать. (*Наливаетъ*). Пожалуйте.

Беневоленскій.

(*Пьетъ, потомъ закусываетъ и, еще не прожевавши, подходитъ къ фортепьянамъ и начинаетъ подпѣвать. Марья Андреевна оборачивается и взглядываетъ на него вопросительно*). Не въ тонъ взялъ... Сдѣлайте милость, продолжайте.

Анна Петровна.

Играй, Машенька.

Добротворскій.

Марья Андреевна отмѣнно играютъ.

Беневоленскій.

Очень проворно. У меня былъ товарищъ, онъ былъ регентомъ въ пѣвчихъ, такъ онъ на фортепьянахъ все, что̀ вамъ угодно, самоучкой игралъ, по слуху; только проворства въ пальцахъ нѣтъ; ну, вотъ что̀ вы хотите, нѣтъ проворства!

Добротворскій.

Не повторить-ли, Максимъ Дорофеичъ? Какъ это говорится-то: репетиція...

Беневоленскій.

Est mater studiorum. Дà, это правда. Налей.

Добротворскій (*наливаетъ*).

Пожалуйте — готово-съ.

Беневоленскій (*пьетъ и закусываетъ*).

Прекрасный балыкъ.

Анна Петровна.

Ужь не знаю, Максимъ Дорофеичъ, коли не обманулъ купецъ, такъ хорошъ. Вездѣ все сама. Дѣло женское, сами знаете, долго-ли обмануть? Безъ мужчины въ этомъ дѣлѣ никакъ нельзя. Какъ это безъ мужчины, посудите сами!

Добротворскій (*отводитъ къ сторонѣ Беневоленскаго и говоритъ тихо*).

Ну, батюшка, Максимъ Дорофеичъ, какъ вамъ наша барышня показалась?

Беневоленскій.

Послушай ты, Платонъ Маркычъ, довольно съ тебя этого: я влюбленъ. Я дѣловой человѣкъ, ты меня знаешь, я пустяками заниматься не охотникъ; но я тебѣ говорю: я влюбленъ. Кажется, этого довольно. (*Подходитъ къ Марьѣ Андреевнѣ и опять подпѣваетъ*).

Анна Петровна (*Добротворскому*).

Чтò онъ вамъ говорилъ?

Добротворскій.

Говоритъ: влюбленъ.

Анна Петровна.

Чтò?

Добротворскій.

Влюбленъ, говоритъ.

Анна Петровна.

Ну, и слава Богу. Подчуйте его, отецъ мой, хорошенько.

Добротворскій.

Хорошо, сударыня, хорошо. Максимъ Дорофеичъ, винца не угодно-ли?

Беневоленскій.

Налей.

Марья Андреевна (*перестаетъ играть и остается на стулѣ*).

Я устала.

Беневоленскій.

Чувствительно вамъ благодаренъ. Вы прекрасно играете, главное — нигдѣ не сбиваетесь; а то барышни обыкновенно сбиваются. (*Смотритъ на часы*). Извините меня, Анна Петровна, мнѣ пора, у меня дѣла много: я, вѣдь, человѣкъ дѣловой. Позвольте мнѣ выпить рюмку вина и проститься съ вами. (*Подходитъ къ столу и пьетъ*). Ты со мной, что̀-ли, Платонъ Маркычъ?

Добротворскій.

Съ вами, Максимъ Дорофеичъ.

Беневоленскій.

Ну, поѣдемъ, я тебя довезу.

Анна Петровна.

Да вы-бы, Максимъ Дорофеичъ, закусили чего-нибудь.

Беневоленскій.

Нѣтъ-съ, покорно благодарю. Я выпью еще рюмку вина, и имѣю честь откланяться. (*Пьетъ и раскланивается; подходитъ къ Марьѣ Андреевнѣ и цалуетъ руку*). До пріятнаго свиданія! Вы мнѣ, вѣроятно, позволите еще разъ посѣтить васъ.

Анна Петровна.

Сдѣлайте милость, мы очень будемъ рады.

Беневоленскій.

А ужъ конфектъ привезу, непремѣнно привезу. (*Уходитъ съ Добротворскимъ*).

Анна Петровна.

Какой человѣкъ-то, Машенька, чудо просто!

Марья Андреевна.

Господи! что̀ это за мука! (*Убѣгаетъ*).

Анна Петровна.

Машенька! Машенька! куда ты? постой! Ну вотъ, теперь поди разговаривай съ ней. Эко наказаніе!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната I-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Анна Петровна *входитъ въ салопѣ, съ большимъ ридикюлемъ; за ней* Марья Андреевна.

Анна Петровна (*садится на стулъ подлѣ двери*).

Не забыть-бы чего! Сначала въ городъ... ты все записала, что̀ купить-то надо?

Марья Андреевна.

Все, маменька.

Анна Петровна.

Гдѣ, бишь, записочка-то? постой! да, въ ридикюлѣ. Такъ сначала въ городъ; потомъ въ судъ зайти, объ дѣлѣ справиться. Еще чего не надо-ли?

Марья Андреевна.

Нѣтъ, ничего. Ступайте, маменька, скорѣй, а то опоздаете.

Анна Петровна.

Прощай, Богъ съ тобой! (*Идетъ, потомъ возвращается*). Скажи Дарьѣ, чтобы безъ меня никого не принимать, особенно изъ молодежи: ты теперь невѣста, за тебя женихи сватаются. Что̀ хорошаго, еще какой-нибудь разговоръ пойдетъ.

Марья Андреевна.

Хорошо, маменька, хорошо. Ступайте скорѣй.

Анна Петровна.

Ну, прощай! Я скоро буду. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Марья Андреевна (*одна*).

Насилу-то ушла. А ужь я боялась, что Владиміръ придетъ при ней... Знаетъ-ли Владиміръ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду его?.. (*Садится въ кресла*). Я только теперь узнала, какое блаженство любить и быть любимой!.. Что̀-же это онъ нейдетъ?.. Я измучаюсь отъ нетерпѣнія.., Однако, хорошо-ли я сдѣлала, что велѣла ему сегодня придти?.. Мы будемъ одни... (*Молчаніе*). Еслибъ можно было знать будущее, какъ-бы я желала узнать, чѣмъ кончится наша любовь. А впрочемъ, что̀ мнѣ за дѣло, чѣмъ это кончится — мнѣ теперь хорошо: я люблю его, онъ меня любитъ, а тамъ будь, что̀ будетъ. Кто-то идетъ! Не онъ-ли? (*Бѣжитъ къ двери. Милашинъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Марья Андреевна и Милашинъ

Марья Андреевна.

Вы зачѣмъ?

Милашинъ.

Какъ зачѣмъ? Я къ вамъ пришелъ.

Марья Андреевна.

Маменьки нѣтъ дома; она не велѣла никого принимать безъ себя.

Милашинъ.

Полноте шутить-то!

Марья Андреевна.

Я совсѣмъ не шучу! Право, маменька не велѣла никого пускать.

Милашинъ.

Ну, я вашей маменьки не послушаюсь... Но, можетъ быть, вамъ самимъ не угодно, чтобы я здѣсь оставался.

Марья Андреевна.

Ну, а если мнѣ не угодно?

Милашинъ.

Въ такомъ случаѣ я уйду.

Марья Андреевна.

Ну, и прощайте!

Милашинъ.

Прощайте! Однако, позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, узнать, отчего вы меня гоните?

Марья Андреевна.

Ахъ, Боже мой! Ну, да такъ, изъ каприза. Неужели вы не хотите исполнить ни одной моей просьбы?

Милашинъ.

Какъ-же я смѣю не исполнить!

Марья Андреевна.

Такъ ступайте!

Милашинъ.

Я пойду, что вы безпокоитесь.

Марья Андреевна.

А сами ни съ мѣста.

Милашинъ.

Да, вѣдь, это странно: вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вы меня гоните, не хотите даже сказать причины. Это, вѣдь, досадно!

Марья Андреевна.

Ну, оставайтесь, пожалуй; я уйду въ свою комнату, а вы сидите здѣсь одни. (*Молчаніе*). Такъ вы не уйдете?

Милашинъ.

Уйду-съ... Я, вѣдь, къ вамъ нынче за дѣломъ пришелъ. (*Марья Андреевна сидитъ, отвернувшись къ окну*). Вы меня не слушаете, а это дѣло касается васъ.

Марья Андреевна.

Что̀ еще такое?

Милашинъ.

Я хотѣлъ вамъ открыть глаза на счетъ одного человѣка.

Марья Андреевна.

То-есть, вы сплетничать пришли. Такъ это можно сдѣлать въ другой разъ, когда-нибудь на досугѣ.

Милашинъ.

Нѣтъ, не сплетничать, а я хотѣлъ только предостеречь васъ.

Марья Андреевна.

Въ другой разъ, Иванъ Иванычъ, пожалуйста, въ другой разъ! Ужо приходите.

Милашинъ.

Да, вѣдь, только десять словъ, Марья Андревна. Я узналъ про одного человѣка очень хорошія вещи.

Марья Андреевна (*въ сторону*).

Это наказаніе! (*Милашину*). Про кого-же?

Милашинъ.

Про Мерича...

Марья Андреевна.

Не разсказывайте мнѣ, пожалуйста: я все знаю. (*Въ сторону*). Мерзавецъ, выдумалъ что̀-нибудь про него.

Милашинъ.

И прекрасно, что вы знаете; мнѣ только этого и хотѣлось. Каковъ! Какимъ прикидывается!

Марья Андреевна.

Да, да, ужасный человѣкъ!

Милашинъ.

Ничего нѣтъ ужаснаго. Просто смѣшонъ! Мальчишка! Надъ всѣми его шутками смѣяться нужно.

Марья Андреевна.

Ну, да, смѣшонъ! Иванъ Иванычъ, вы меня любите?

Милашинъ.

Люблю, Марья Андревна, ей-Богу, люблю!

Марья Андреевна.

Сдѣлайте для меня одно одолженіе.

Милашинъ.

Все, что̀ вамъ угодно; я для васъ готовъ жизнію пожертвовать.

Марья Андреевна.

Должно быть, на словахъ только? Я цѣлый часъ прошу васъ уйти, а вы все ни съ мѣста.

Милашинъ.

Сейчасъ, сейчасъ! (*Беретъ шляпу*). Прощайте! (*Идетъ, по-*

томъ возвращается). Марья Андревна! умоляю васъ, скажите, зачѣмъ вамъ хочется одной остаться?

Марья Андреевна.

Иванъ Иванычъ, мы поссоримся!

Милашинъ.

Виноватъ, виноватъ! (*Нѣсколько времени стоитъ*). Позвольте вашу ручку поцаловать на прощанье.

Марья Андреевна.

Съ удовольствіемъ! (*Милашинъ цалуетъ, потомъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Марья Андреевна (*одна*).

Наконецъ-то ушелъ. Бѣдный Владиміръ! Какой-нибудь Милашинъ смѣетъ разсказывать про него, разсуждать объ его поступкахъ... Это ужасно! Онъ, бѣдный, нигдѣ не находитъ сочувствія. Оттого, что онъ выше всѣхъ стоитъ, ему душно въ этомъ обществѣ — ему всѣ завидуютъ. Я такъ его люблю въ эту минуту, что, кажется, всѣмъ бы для него пожертвовала. (*Задумывается*). Однако, что̀-же онъ нейдетъ? (*Садится у окна и смотритъ*). Это, кажется, онъ! Брошусь ему на шею прямо, ни объ чемъ не думая! (*Отходитъ на средину комнаты. Входитъ Меричъ. Она робко подходитъ къ нему*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Марья Андреевна и Меричъ.

Марья Андреевна.

Какъ я рада! Какъ я ждала тебя, Владиміръ!

Меричъ.

Мы одни?

Марья Андреевна.

Одни. (*Меричъ цалуетъ ее*). Ахъ, сколько передумала я, перечувствовала со вчерашняго дня — ты не повѣришь. Мнѣ хочется пересказать тебѣ это поскорѣй — я боюсь забыть.

Меричъ.

Что̀-же такое ты перечувствовала?

Марья Андреевна.

Ты, можетъ быть, будешь смѣяться — смѣйся, пожалуй. Пойдемъ, сядемъ къ окну, оттуда видно будетъ, какъ маменька пойдетъ.

Меричъ.

А ты меня поцалуешь еще разикъ?

Марья Андреевна.

Хоть десять разъ, только поговоримъ немножко о моемъ положеніи.

Меричъ.

Ну, поговоримъ. Что̀-же ты мнѣ будешь разсказывать?

Марья Андреевна.

Я тебѣ хотѣла много, много сказать. Вчерашнее наше свиданіе такъ было коротко, такъ много я думала о тебѣ вчера вечеромъ, ночью, нынче поутру... а теперь я такъ взволнована: мнѣ кажется, я ужь все позабыла.

Меричъ.

Ну, и хорошо, что позабыла.

Марья Андреевна.

Ахъ вообрази, Владиміръ! Вчера вдругъ явился какой-то уродъ, говорилъ объ музыкѣ, объ литературѣ, хотѣлъ мнѣ конфектъ привезть. Каково было мое положеніе! Препротивный! Маменька за нимъ ухаживаетъ... Да ты меня не слушаешь!..

Меричъ.

Я гляжу на твои глазки. Какіе они у тебя хорошенькіе. Такъ и хочется поцаловать. Я помню другіе такіе глазки... Она умерла... Бѣдная женщина! Ну, да что̀ толковать о прошедшемъ: будемъ пользоваться настоящимъ. Ахъ, Мери, много я пережилъ... Я боюсь, хватитъ-ли у меня силъ, чтобъ отвѣчать твоей дѣтской любви. Еслибъ я встрѣтилъ тебя, Мери, года два тому назадъ!..

Марья Андреевна.

Да ты выслушай, ради Бога.

Меричъ.

Хорошо, хорошо — слушаю.

Марья Андреевна.

Пріѣхалъ этотъ Беневоленскій. Онъ грубъ, необразованъ — просто ужасъ!

Меричъ.

Мери! вѣдь, это скучная матерія. Зачѣмъ намъ на эти пустяки терять драгоцѣнное время?

Марья Андреевна.

Да какъ-же мнѣ быть съ этимъ Беневоленскимъ? Я просто его боюсь.

Меричъ.

Стòитъ объ этомъ думать! Тебѣ чтò за дѣло до этого Беневоленскаго?

Марья Андреевна.

А маменька-то? Какъ-же мнѣ быть съ маменькой-то? Ахъ, Владиміръ, ты многаго не знаешь и не хочешь слушать.

Меричъ.

Чтò мнѣ знать! Я знаю только одно, что ты меня любишь: а если ты меня любишь, такъ не пойдешь за Беневоленскаго.

Марья Андреевна.

Но, все-таки, я въ очень неловкомъ положеніи. Посовѣтуй, чтò мнѣ дѣлать. (*Меричъ цалуетъ ее въ плечо*). Ахъ, Владиміръ, кабы ты зналъ, какъ мнѣ тяжело, а ты все съ нѣжностями!

Меричъ.

Ахъ, Боже мой, Мери, я люблю тебя! Я радъ случаю, что засталъ тебя одну, а ты мнѣ разсказываешь про маменьку, про жениховъ какихъ-то; да какое мнѣ дѣло до нихъ? (*Цалуетъ опять въ плечо*).

Марья Андреевна (*уклоняется отъ него*).

Тебѣ, кажется, и до меня нѣтъ никакого дѣла, потому что ты не хочешь войти въ мое положеніе. Богъ съ тобой!

Меричъ.

Ты сердишься!.. И это любовь!

Марья Андреевна.

А это любовь, что ты меня слушать не хочешь? (*Плачетъ*).

Меричъ.

Вотъ и слезы! Раненько! (*Садится на стулъ*). Впрочемъ, я

такъ и думалъ! Это ужь обыкновенная исторія! Вотъ любовь-то ваша! Сначала признанія, страстность, а потомъ — либо папенька, либо маменька, или тамъ женихъ какой-нибудь. (*Молчаніе*).

Марья Андреевна.

Владиміръ! ты сердишься?

Меричъ.

Нѣтъ, я ужь привыкъ къ этому. И тебѣ не жаль меня, Мери? Я ужь и такъ измученъ жизнію, а ты мнѣ не хочешь доставить ни одной минуты неотравленнаго удовольствія.

Марья Андреевна.

Не сердись, Владиміръ... Помиримся. (*Цалуетъ его*). Мало тебѣ этого?

Меричъ.

Очень мало. (*Марья Андреевна цалуетъ его еще нѣсколько разъ*). Смѣлѣй, Мери, смѣлѣй! Вотъ теперь я вижу, что ты умная дѣвушка. Ахъ, Мери, я вспомнилъ одну женщину: вотъ это была любовь!

Марья Андреевна.

Зачѣмъ-же ты мнѣ это говоришь? Ты думаешь, мнѣэто пріятно слышать?

Меричъ.

Что̀-жь это? Ревность! Ты развѣ ревнива? Я очень люблю дразнить ревнивыхъ женщинъ.

Марья Андреевна.

Нѣтъ, это не ревность; а мнѣ обидно, что ты говоришь о другихъ женщинахъ въ то время, когда я къ тебѣ ласкаюсь. Ты и про меня также станешь разсказывать...

Меричъ.

За кого-же ты меня принимаешь! Нѣтъ, Мери, мнѣ ужь нѐкого больше любить. Поцалуй меня, Мери!

Марья Андреевна.

Довольно, Владиміръ, довольно. Лучше поговоримъ о чемъ-нибудь.

Меричъ (*садится рядомъ съ ней и обнимаетъ ее*).

О чемъ говорить, о чемъ говорить?

Марья Андреевна (*проворно взглядываетъ въ окно*).

Ахъ! маменька!..

Меричъ (*вставая со стула*).

Въ самомъ дѣлѣ?

Марья Андреевна (*смѣется*).

Нѣтъ, я нарочно, только чтобы ты сѣлъ подальше. Въ самомъ дѣлѣ, Владиміръ, сядь подальше да поговоримъ. Мнѣ такъ хочется поговорить съ тобой.

Меричъ (*разсѣянно*).

Въ слѣдующій разъ я тебѣ принесу свой дневникъ, мы его почитаемъ вмѣстѣ, а теперь, знаешь-ли что̀? Пойдемъ въ садъ.

Марья Андреевна.

Какъ можно; того и гляди, маменька придетъ.

Меричъ.

А скоро она придетъ?

Марья Андреевна.

Я думаю, скоро.

Меричъ.

Такъ прощай.

Марья Андреевна.

Тебѣ ужь скучно стало, не правда-ли? Тебѣ скучно? Какой ты, Владиміръ! Кабы ты зналъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждала тебя! Какое мнѣ наслажденіе тебя видѣть! А ты десяти минутъ не хочешь посидѣть со мной.

Меричъ.

Я боюсь, что Анна Петровна меня здѣсь застанетъ; тебѣ-же будутъ непріятности.

Марья Андреевна.

Ну, что̀-жь, она побранитъ меня, да и все тутъ.

Меричъ.

Вѣдь, и мнѣ тоже достанется. А впрочемъ, у меня есть дѣло необходимое; я, пожалуй, минутъ десять побуду, а больше нельзя. (*Садится подлѣ нея*). Я готовъ всю жизнь сидѣть съ тобой и любоваться на тебя.

Марья Андреевна.

Ты, кажется, опять близко ко мнѣ.

Меричъ.

Какія вы всѣ странныя: уйди отъ васъ — вы сердитесь; очень близко къ вамъ — вамъ тоже непріятно. Выбирай изъ двухъ: или уйти, или сидѣть подлѣ тебя.

Марья Андреевна.

Останься, только съ уговоромъ: посиди подольше.

Меричъ.

Изволь, изволь. (*Обнимаетъ ее. Сидятъ нѣсколько времени молча*). Погоди, мой другъ, Мери, придетъ время, когда я назову тебя своей торжественно, публично. Ты пойдешь за меня?

Марья Андреевна.

Зачѣмъ-же ты спрашиваешь?

Меричъ.

А можетъ быть, тебя не отдадутъ за меня?

Марья Андреевна.

Вотъ вздоръ какой!

Меричъ.

Впрочемъ, мнѣ надобно устроить кой-какія дѣла свои — и тогда, Мери, тогда... мы съ тобой заживемъ славно.

Марья Андреевна.

Да только сбудется-ли это?

Меричъ.

Сбудется, Мери, сбудется. Я не посмотрю ни на какія обстоятельства... не отдадутъ тебя — я увезу.

Марья Андреевна.

Маменька идетъ!

Меричъ.

Куда-жь мнѣ теперь дѣться? Вѣдь, я ей навстрѣчу попадусь. Мнѣ-бы этого не хотѣлось.

Марья Андреевна.

Ступай черезъ садъ.

Меричъ.

Прощай. (*Цалуетъ ее*).

Марья Андреевна.

Прощай! Когда-же?

Меричъ.

Скоро, скоро.

Марья Андреевна.

Приходи поскорѣй! (*Меричъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Марья Андреевна (*одна, садится за работу*).

Боже мой, какъ я счастлива! Я не могу опомниться!.. Теперь для меня не страшна жизнь. Что̀ бы ни дѣлалось вокругъ меня — у меня есть надежда. (*Сидитъ задумавшись. Входятъ Добротворскій и Анна Петровна, Дарья снимаетъ съ нея салопъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Марья Андреевна, Добротворскій и Анна Петровна.

Анна Петровна (*садится*).

Что̀-же намъ теперь дѣлать-то, Платонъ Маркычъ?

Добротворскій.

Что̀ дѣлать-то сударыня — Божья воля! Въ отчаяніе только приходить не надо.

Анна Петровна.

Куда я теперь дѣнусь съ дочерью-то? Посудите, Платонъ Маркычъ! Что̀ я знаю, что̀ я умѣю? Ужь и до этого-то горя я не знала, что̀ дѣлать, а теперь вовсе дура сдѣлалась. Посовѣтуйте.

Марья Андреевна.

Что̀ такое, маменька, сдѣлалось?

Анна Петровна.

А то, что вотъ мы съ тобой нищія теперь. Дѣло-то наше проиграно, домъ-то отнимутъ, да еще взысканіе положено.

Марья Андреевна.

Ахъ, какое несчастіе!

Анна Петровна.

Что̀ дѣлать-то, Платонъ Маркычъ? Посовѣтуйте.

Добротворскій.

Что̀ я вамъ могу, сударыня, посовѣтовать? Ничего не могу. Вотъ хоть, теперича, прикажите меня казнить — ничего не выдумаю. Состарѣлся, поглупѣлъ. Дѣлецъ былъ, Анна Петровна!.. Что̀-жь дѣлать-то?.. Вотъ ужь и оглохъ совсѣмъ...

Анна Петровна.

Да вы, все-таки, мужчина; а я и ума не приложу; женщина я слабая, сырая — да и памяти совсѣмъ нѣтъ.

Добротворскій.

Какой ужь я мужчина! Эхъ, эхъ! Вотъ такъ-то и всегда бываетъ: не ждали, не чаяли, а тутъ вдругъ этакое несчастіе. Ахъ ты Господи, Боже мой! (*Качаетъ головой*).

Анна Петровна.

Эко горе-то, Платонъ Маркычъ, мнѣ на старости лѣтъ-то! Одна-то одинешенька, безъ мужчины... Вонъ еще обуза-то: не знаю, какъ съ рукъ сбыть.

Добротворскій.

Точно, сударыня, точно... ужь что̀ говорить.

Анна Петровна.

Да ужь горюй не горюй — этимъ не поможешь.

Добротворскій.

Не поможешь.

Анна Петровна.

Хлопотать надо какъ-нибудь; говорятъ, въ сенатъ надо жалобу подавать.

Добротворскій.

Надо, сударыня, непремѣнно надо; какъ-же можно не хлопотать...

Анна Петровна.

Знакомыхъ-то у меня нѣтъ, попросить-то нѐкого.

Добротворскій.

Кого, сударыня, просить! Кто хлопотать станетъ! Попросить, такъ надо денегъ дать.

Анна Петровна.

Поищите, Платонъ Маркычъ, нѣтъ-ли у васъ кого изъ знакомыхъ, чтобы дѣлами-то занимался.

Добротворскій.

Да ужь, кромѣ Максима Дорофеича, нѐкого просить.

Анна Петровна.

Вотъ и прекрасно! Онъ вчера съ вами говорилъ чтò-нибудь, какъ отъ насъ-то поѣхалъ?

Добротворскій.

Какъ-же, говорилъ-съ. Онъ говоритъ: коли отдадутъ Марью Андревну, такъ я хлопотать стану. Это дѣло еще можно исправить. Мнѣ, говоритъ, Марья Андревна очень нравится; мнѣ, говоритъ, лучше и не надо; узнай, какъ ихъ расположеніе, а я, говоритъ, хоть сейчасъ готовъ.

Анна Петровна.

Чтò-жь вы до сихъ поръ молчали?

Добротворскій.

Извините, сударыня, совсѣмъ изъ ума вонъ, а теперь вотъ къ слову пришлось, и сказалъ.

Анна Петровна.

Слышишь, Машенька!

Марья Андреевна.

Чтò такое?

Анна Петровна.

Ты Максиму Дорофеичу очень понравилась.

Марья Андреевна.

Очень рада.

Анна Петровна.

Ну, и слава Богу, что рада; онъ предложеніе дѣлаетъ.

Марья Андреевна.

Ни за чтò на свѣтѣ!

Анна Петровна.

Ты никакъ съ ума сошла, какъ я погляжу на тебя. Развѣ ты не видишь, что намъ теперь больше дѣлать нѐчего; не по міру-же намъ идти.

Марья Андреевна.

Лучше, маменька, и не говорите про Беневоленскаго, я про него и слышать не хочу.

Анна Петровна.

Что̀ ты! Что̀ ты! Ты опомнись — вѣдь, не десятки жениховъ-то у тебя, выбирать-то не изъ кого; не сотни тысячъ за тобой, чтобъ такими женихами брезгать: такого-то жениха намъ съ тобою и не дождаться.

Марья Андреевна.

Ради Бога, маменька, не говорите мнѣ про Беневоленскаго.

Анна Петровна.

Ты дура совсѣмъ, я вижу. Да что̀ съ ней толковать, у нея еще все вѣтеръ въ головѣ; она и сама не знаетъ, что̀ говоритъ... Неужто ея глупости слушать? Скажите, Платонъ Маркычъ, Максиму Дорофеичу, что мы очень рады, чтобы онъ формальное предложеніе сдѣлалъ.

Добротворскій.

Хорошо, сударыня, нынче-же скажу.

Марья Андреевна (*быстро встаетъ со стула*).

Что̀ вы дѣлаете! Платонъ Маркычъ, не ходите къ Беневоленскому! Онъ мнѣ неправится, онъ мнѣ противенъ!.. Я не пойду за него ни за какія сокровища.

Анна Петровна.

Что̀ вы ее слушаете, все вздоръ болтаетъ! Я ужь и не знаю, какой дрянью у ней голова-то набита. Дѣлайте, какъ я вамъ говорю, что̀ ее слушать; она еще одумается двадцать разъ.

Марья Андреевна.

Я не стану ничего говорить; дѣлайте, что̀ хотите, только я не пойду за Беневоленскаго.

Анна Петровна.

Ты не пойдешь?

Марья Андреевна.

Не пойду.

Анна Петровна.

А мнѣ кажется, что это только капризъ у тебя; только, чтобъ матери наперекоръ что̀-нибудь сдѣлать. Тебѣ меня только раз-

строить хочется. А ты пожалѣй меня, на старости лѣтъ; ты видишь, я и такъ насилу ноги таскаю. Я женщина сырая, а тутъ этакой ударъ — послѣднее состояніе отнимаютъ! Вотъ, говорятъ, въ Сенатъ надо жалобу подать, а кто напишетъ-то... Мы, что̀-ли, съ тобой? Такъ мы и аза въ глаза не знаемъ. Коли Максимъ Дорофеичъ не возьмется, такъ, вѣдь, мы нищіе будемъ, понимаешь-ли ты это? А что̀ ему за радость браться за дѣло, коли ты отъ него свою физіономію-то отворачиваешь. Коли ты объ себѣ-то не хочешь подумать, такъ ты хоть мать-то пожалѣй. Куда я дѣнусь на старости лѣтъ — я женщина слабая, сырая, ужь и теперь насилу ноги таскаю. Въ кухарки мнѣ, что̀-ли, идти?

Марья Андреевна.

Господи! Что̀-жь мнѣ дѣлать!

Анна Петровна.

Матери послушайся.

Добротворскій.

Маменьки надо послушаться, матушка, барышня.

Марья Андреевна.

Нѣтъ, что̀ хотите со мной дѣлайте, я не могу!

Добротворскій.

Переломите себя какъ-нибудь.

Марья Андреевна.

Не могу, не могу, не могу!..

Анна Петровна.

Оставьте ее, Платонъ Маркычъ! Богъ съ ней!.. Каково мнѣ, Платонъ Маркычъ, это видѣть, матери-то, старухѣ-то? (*Плачетъ*). Батюшки! Гдѣ платокъ-то! Такъ и есть — потеряла въ городѣ, еще и съ деньгами... Одно къ одному. А! да гори все прахомъ — ничего мнѣ ненужно, коли ужь дочь родная объ моемъ горѣ и подумать не хочетъ. Живи, какъ знаешь, Богъ съ тобой! Вотъ, выростила на свою голову!..

Марья Андреевна.

Маменька, что̀ вы говорите! За что̀ вы меня терзаете!..

Анна Петровна.

А ты слушайся матери! Ты думаешь, мнѣ легко съ тобой разговаривать... Иногда что̀ и скажешь... У меня сердце слабое, женское.

Марья Андреевна.

Маменька! Онъ мнѣ очень ненравится. Я все для васъ готова, все, что̀ вамъ угодно, только не принуждайте меня замужъ идти; я не хочу замужъ. Я не пойду ни за кого.

Анна Петровна.

Скажите, пожалуйста, Платонъ Маркычъ, она совсѣмъ сумасшедшая. Вѣдь, ты не понимаешь, что̀ говоришь! Ну, можно-ли этакую вещь сказать: не пойду замужъ! Это все только фантазіи. Очень интересно быть старой дѣвкой! А мнѣ-то что̀-жь, въ богадѣльню, что̀-ль, идти! Во-первыхъ, ты, коли любишь мать, должна выйти замужъ, а во-вторыхъ, потому что такъ нужно. Что̀ такое незамужняя женщина? Ничего! Что̀ она значитъ? Ужь и вдовье-то дѣло плохо, а дѣвичье-то ужь и совсѣмъ нехорошо! Женщина должна жить съ мужемъ, хозяйничать, воспитывать дѣтей, а ты что̀-жь будешь дѣлать-то старой дѣвкой? Чулокъ вязать! Подумала-ли ты объ этомъ?

Марья Андреевна.

Нѣтъ, маменька, я объ этомъ не думала.

Анна Петровна.

Ну, поди сюда, сядь подлѣ меня! Поговоримъ съ тобой хорошенько. Я сердиться не буду. (*Марья Андреевна садится подлѣ нея*). Выслушай ты меня хладнокровно. Я, вѣдь, знаю, у васъ одинъ разговоръ: по любви выдти замужъ. Влюбляются-то, Машенька, только тѣ, которымъ жениться нельзя, либо рано, потому что еще въ курточкахъ ходятъ, либо нѐчѣмъ жить съ женой: такъ вотъ они и влюбляются. Порядочный человѣкъ не станетъ вамъ въ любви открываться да влюбленія-то свои высказывать, а просто придетъ къ матери да скажетъ: «мнѣ ваша дочка нравится», да и тебѣ-то тоже, прямо, безъ разныхъ тамъ фарсовъ дурацкихъ: «сударыня, маменька ваша согласны, вы мнѣ нравитесь, угодно вамъ меня осчастливить?» И все это честно и благородно. Вотъ какъ это бываетъ, Машенька. Ты вотъ съ Беневоленскимъ и десяти словъ не сказала, а ужь и слышать про него не хочешь. А будетъ ѣздить, познакомишься, можетъ быть, и увидишь, что хорошій человѣкъ. Вѣдь, вертопрахи-то ваши только мастера разговаривать, а что̀ отъ нихъ толку—только слава дурная.

Добротворскій.

Это правда, сударыня. (*Молчаніе*).

Анна Петровна.

Машенька, потѣшь ты меня на старости лѣтъ, послушайся матери.

Марья Андреевна (*встаетъ*).

Маменька! Я не могу теперь идти ни за Беневоленскаго, ни за кого. Сдѣлайте милость — не принуждайте меня. Я одного у васъ прошу — не говорите мнѣ про замужство, подождите немного. Ради Бога, дайте мнѣ пожить на свободѣ.

Анна Петровна.

Эка невидаль дѣвичье житье! Жаль разстаться!

Марья Андреевна.

Пусть Беневоленскій къ намъ ѣздитъ, я буду съ нимъ ласкова, все, что̀ вамъ угодно; только пусть онъ подождетъ... Ну, мѣсяцъ, одинъ мѣсяцъ. Я посмотрю на него хорошенько, узнаю его. Согласны?

Анна Петровна (*цалуетъ Марью Андреевну*).

Ну, что̀ съ тобой дѣлать, такъ и быть. Что̀, утѣшилась теперь? Вотъ, вѣдь, ты какая глупая! (*Марья Андреевна уходитъ*).

Анна Петровна.

Что̀ дѣлать-то, Платонъ Маркычъ! Скажите Максиму Дорофеичу, что я очень рада; но чтобъ онъ мѣсяцъ погодилъ дѣлать предложеніе... Да и объ дѣлѣ-то попросите.

Добротворскій.

Очень хорошо-съ. (*Хорькова входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же и Хорькова.

Хорькова.

Покорно благодарю, матушка, Анна Петровна, покорно благодарю! Одолжили, нѐчего сказать!

Анна Петровна.

Что̀ такое? что̀ я вамъ сдѣлала?

Хорькова.

Я хоть необразованная женщина, а надъ собой смѣяться не позволю. Вы тогда меня обнадежили. Я, разумѣется, прихожу домой, говорю: «Миша, другъ мой, Анна Петровна согласна; открой, говорю, другъ мой, свои мысли Марьѣ Андревнѣ», а та ему напрямки отказала! Приходитъ такой разстроенный. «Нѣтъ, говоритъ, мнѣ, маменька, счастія въ моей жизни; вы, говоритъ, меня обманули.» — «Я, говорю, мой другъ, никогда обманщицей не была, а если нами пренебрегаютъ, такъ нѣчего тебѣ, говорю, безпокоиться: ты, съ твоимъ образованіемъ всегда найдешь себѣ невѣсту не хуже Марьи Андревны... А ужь я не утерплю, пусть меня ругаютъ, я, все-таки, пойду, отчитаю Аннѣ Петровнѣ».

Анна Петровна.

Что̀-жь дѣлать-то мнѣ? Ея воля, я ее принуждать не могу.

Хорькова.

Это, Анна Петровна, просто насмѣшка; я такъ это за насмѣшку и принимаю.

Анна Петровна.

Да помилуйте, матушка, какая-же это насмѣшка?

Хорькова.

Насмѣшка, насмѣшка! Вамъ просто хотѣлось изъ меня передъ сыномъ дуру сдѣлать. Я хоть и необразованная женщина, а понимаю...

Анна Петровна.

Что̀ вы тутъ понимаете! Нѣчего вамъ тутъ понимать-то.

Хорькова.

Ну, ужь, не говорите, пожалуйста... знаемъ мы кой-что. У васъ теперь какой-то богатый женихъ на примѣтѣ, такъ вы другими-то и брезгаете. Только вы поторопитесь, Анна Петровна, я вамъ совѣтую, а то чтобы разговору какого не было.

Анна Петровна.

Какого разговору? Что̀ вы, ссориться, что̀-ли, со мной пришли, Арина Егоровна?

Хорькова.

Ужь тамъ, матушка, какъ хотите принимайте: я сама вамп

кругомъ обижена. Что̀ я не знаю, про то говорить не стану; а что̀ знаю, про то напрямки отпечатаю. Люди ложь, и мы то-жь.

Анна Петровна.

Языкъ-то безъ костей, говорить все можно, только слушать-то нѣчего.

Хорькова.

Слушай не слушай, какъ кому угодно; а ужь коли говорятъ, такъ, значитъ, что̀-нибудь есть.

Анна Петровна.

Кто говоритъ и что̀ говоритъ? Кому нужно про меня говорить что̀-нибудь?

Хорькова.

Не про васъ и рѣчь, а про Марью Андревну; а то горда ужь очень она у васъ, вотъ теперь гордости-то поубудетъ. Намъ-то отказали, а этотъ-то вашъ богатый женихъ какъ-бы самъ не отказался, коли прослышитъ что̀-нибудь.

Анна Петровна.

Да что̀ вы, Арина Егоровна, рехнулись, должно быть! Да кто-же смѣетъ что̀-нибудь сказать про мою Машеньку?

Хорькова.

Ахъ, матушка, никому рта не зажмешь; всякій воленъ говорить, на то языкъ данъ.

Анна Петровна.

Что̀-жь это такое! Вотъ послушайте, Платонъ Маркычъ, еще тутъ сплетни какія-то распустили про Машеньку! На что̀ это похоже!

Добротворскій.

На всякое чиханье, сударыня, не наздравствуешься. Слушать-то не приходится.

Анна Петровна (*Добротворскому*).

Да что̀-же можно сказать про мою Машеньку, скажите на милость.

Хорькова.

Ужь извѣстно что̀! Зачѣмъ къ вамъ Меричъ каждый день ходитъ? Вѣдь, сосѣди видятъ — скрыть нельзя. И при васъ, и безъ васъ бываетъ. Вы-то, можетъ быть, еще и сами всего не знаете.

Я необразованная женщина, да не позволила-бы этого своей дочери. Мнѣ сынъ говоритъ, что его ни въ одинъ порядочный домъ не пускаютъ за его пошлости. Своими глазами видѣла, какъ онъ отъ васъ изъ саду крадется, точно воръ какой.

Анна Петровна.

Что̀-же это, Господи! Вотъ что̀ значитъ безъ мужчины-то въ домѣ — всякій и сочиняетъ, что̀ ему въ голову придетъ. Вотъ дѣло-то женское какое. Пожалѣйте вы меня, Арина Егоровна! Я женщина слабая, сырая, что̀ вы меня разстроиваете, какъ вамъ не грѣхъ!

Хорькова.

Снявши-то голову, по волосамъ не плачутъ. Сами виноваты, что допустили до этого. Теперь вотъ ищите-ка жениховъ: не всякій-то польстится. Хоть-бы вы и согласны были, а ужь я теперь своему Мишѣ не позволю. Нѣтъ, покорно васъ благодарю!

Анна Петровна.

Да мы ни въ Мишѣ, ни въ васъ не нуждаемся! Эка важная партія! Невидаль какая! Вамъ-бы только сплетничать!..

Хорькова (*встаетъ*).

Да ужь, матушка, не взыщите, что̀ слышала, того отъ другихъ не потаю.

Анна Петровна.

Гдѣ утаить! Еще своего прибавите. Вы ужь обрадовались, что вамъ случай есть. Отъ васъ только этого и ждать можно.

Хорькова.

Я сама отъ васъ, кромѣ обиды да насмѣшки, ничего не видала. Только вотъ не могла вытерпѣть, чтобы не выговорить вамъ за Мишу, а то-бы и нога моя въ вашемъ домѣ не была. А Мишѣ я и думать не позволю о вашей дочери: съ его умомъ и образованіемъ мы и почище найдемъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, безъ Хорьковой.

Анна Петровна.

Что̀-жь это такое? Платонъ Маркычъ, посудите вы сами.

Опомниться-то, вѣдь, я не успѣла, а то-бы ужь я напѣла ей. Вѣдь, теперь, чего добраго, разславитъ вездѣ... погубитъ она мою голову! Вотъ какъ безъ мужчины-то, Платонъ Маркычъ! И туды и сюды — все сама, да еще и за дочерью смотри: отлучиться изъ дому нельзя; а я женщина сырая. Маша! Маша! Дарья! Дарья! (*Входитъ Дарья*). Что̀ ты, оглохла, что̀-ли? Не докличешься тебя!.. Позови барышню.

Дарья.

У меня, вѣдь, не одно дѣло-то; сложа руки не сижу. (*Уходитъ*).

Анна Петровна.

Охъ, измаялась я ныньче день-то, а тутъ еще напасть этакая. И руки, и ноги дрожатъ. Что̀-жь это Маша со мной дѣлаетъ! Чувствую, что слабая мать. Поддержите меня, Платонъ Маркычъ! (*Входитъ Марья Андреевна*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же и Марья Андреевна.

Марья Андреевна.

Вы меня кликали, маменька?

Анна Петровна.

Что̀ ты, въ гробъ, что̀-ли, хочешь меня вогнать прежде времени! Что̀ ты еще затѣяла!..

Марья Андреевна.

Что̀ такое?

Анна Петровна.

Былъ здѣсь Меричъ безъ меня? (*Молчаніе*). Что̀-жь ты молчишь?

Марья Андреевна.

Былъ не надолго. Я ему сказала, что васъ дома нѣтъ, онъ и ушелъ.

Анна Петровна.

Не обманывай ты меня; что̀ у тебя съ нимъ за шашни? Говори!

Марья Андреевна.

Да какія шашни, кто вамъ сказалъ, маменька?

Анна Петровна.

Кто сказалъ? Всѣ говорятъ. Мнѣ теперь глаза показать никуда нельзя. Сейчасъ Хорькова приходила — ужь и она знаетъ. Чтобъ его у насъ и духу не было, я его и пускать не велю. Слышишь, сударыня?

Марья Андреевна.

Нѣтъ, маменька, этого нельзя.

Анна Петровна.

Отчего это нельзя? Что̀ съ нимъ, церемониться, что̀-ли? Не великъ баринъ! Прогоню, да и все тутъ. Тебѣ надо замужъ идти, а съ этими-то разговорами не скоро жениха сыщешь. Осрамила ты меня совсѣмъ. Или сейчасъ-же Максиму Дорофеичу надо слово дать, или завтра-же скажу Меричу, чтобъ онъ и глазъ къ намъ не показывалъ.

Марья Андреевна.

Не дѣлайте этого, ради Бога. Я васъ умоляю, маменька. Какъ это можно!

Анна Петровна.

Такъ ступай замужъ.

Марья Андреевна.

Маменька, дайте мнѣ подумать. Я совершенно растерялась, у меня голова кругомъ идетъ. Дайте мнѣ подумать.

Анна Петровна.

Объ чемъ тутъ думать! Надо сейчасъ что̀-нибудь дѣлать, а то услышитъ Максимъ Дорофеичъ эти сплетни, пожалуй, откажется. Что̀ ты тогда съ моей головой сдѣлаешь? Какой тогда срамъ-то будетъ! Завтра надо сказать Максиму Дорофеичу, что мы согласны.

Марья Андреевна.

Нѣтъ, маменька, это выше силъ моихъ!

Анна Петровна.

Ну, такъ живи, какъ знаешь! Мнѣ теперь до тебя и дѣла нѣтъ. Я тебя ростила, я тебя воспитывала, хлопочу, ни дня, ни ночи покою себѣ не имѣю, а ты меня знать не хочешь! Для тебя мать-то дешевле всякаго, прости Господи! Я теперь слова тебѣ не скажу, повѣсничай съ кѣмъ хочешь! Ты мать позабыла, ты для

матери ничего не хочешь сдѣлать; авось, добрые люди найдутся, не оставятъ старуху. Пойдемте, Платонъ Маркычъ, ко мнѣ въ комнату. (*Встаетъ и идетъ*). Видно, ужь мнѣ старухѣ вѣкъ горе мыкать.

Марья Андреевна (*за ней*).

Маменька!..

Анна Петровна.

Ты не ходи за мной! Я теперь тебя и видѣть не хочу. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Марья Андреевна и Добротворскій.

Марья Андреевна (*садится на стулъ и закрываетъ лицо платкомъ. Добротворскій стоитъ противъ нея*).

Это мученье!

Добротворскій.

Что̀, побранила васъ маменька-то! Ну, ничего! Не плачьте, барышня! Помиритесь какъ-нибудь.

Марья Андреевна.

Ахъ, Платонъ Маркычъ! быть можетъ, маменька и права; но она требуетъ отъ меня невозможнаго.

Добротворскій.

Отчего-жь, матушка, барышня, невозможно? Ей-Богу, возможно! Утѣшьте старуху. Вѣдь, ужь лучше Максима Дорофеича жениха не найти вамъ.

Марья Андреевна.

Послушайте, Платонъ Маркычъ — вы человѣкъ добрый, я съ вами буду говорить откровенно. Я люблю другаго: онъ хорошъ, уменъ, образованъ; посудите сами, какъ-же мнѣ промѣнять его на Беневоленскаго.

Добротворскій.

Да онъ молодой человѣкъ, барышня?

Марья Андреевна.

Очень молодой...

Добротворскій.

Свистуны, вѣдь, они, матушка, никакой основательности нѣтъ. Не вѣрьте вы имъ. Нынче любитъ, а завтра разлюбитъ. Имъ потѣха, а бѣдныя дѣвушки плачутъ.

Марья Андреевна.

Я не знаю, разлюбитъ онъ меня, или нѣтъ, только я его люблю.

Добротворскій.

Матушка, барышня, я васъ еще вотъ какую зналъ: ребенокъ были несмысленочекъ, на рукахъ носилъ. Вашъ папенька покойникъ мнѣ благодѣтель, въ люди меня вывелъ, я прежде очень маленькій человѣкъ былъ. Какъ умиралъ покойникъ — ты, говоритъ, Платонъ, жену съ дочерью не оставь! Слушаю, говорю, батюшка Андрей Петровичъ, служить буду, пока силъ хватитъ. Я васъ, барышня, больше родной люблю, такъ горько мнѣ будетъ, какъ вертопрахъ какой-нибудь посмѣется надъ вами. Плюньте вы на нихъ! А, вѣдь, и то сказать, барышня, вы лучше насъ знаете, мы люди старые, изъ ума выжили! Совѣтовать не смѣю, разсудите сами. Вотъ на старости лѣтъ для васъ, сударыня, за сватовство принялся. Нашелъ человѣка; кажется, хорошъ, а, вѣдь, Богъ его знаетъ, гдѣ мнѣ разобрать, посмотрите сами; какъ-бы грѣха на душу не взять. А все мой совѣтъ — лучше маменьки послушаться, меньше грѣха будетъ.

Марья Андреевна.

Платонъ Маркычъ, помирите меня съ маменькой, она васъ любитъ.

Добротворскій.

Не безпокойтесь, матушка, помирю, объ этомъ не безпокойтесь.

Марья Андреевна.

Подите, скажите ей, что я черезъ три дня ей дамъ отвѣтъ. Мнѣ нужно подумать, поговорить съ нимъ; онъ обѣщалъ жениться на мнѣ!

Добротворскій.

Хорошо, барышня. Сейчасъ прикажете къ маменькѣ сходить?

Марья Андреевна.

Да, пожалуйста, сейчасъ. Мнѣ всегда тяжело, когда она сердится, за дѣло-ли, не за дѣло-ли.

Добротворскій.

Какъ-же, матушка, не тяжело — вѣдь, мать. Хорошо-съ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Марья Андреевна *одна и потомъ* Дарья.

Марья Андреевна.

Что̀ мнѣ дѣлать, я рѣшительно не знаю! Я чувствую, что дурно дѣлаю, что ссорюсь съ маменькой, но идти за Беневоленскаго я не могу — я люблю Владиміра. Да еслибъ я и рѣшилась пожертвовать собой, я теперь не имѣю права. За что̀-же я обману бѣднаго Владиміра: онъ такъ меня любитъ.

Дарья (*входитъ*).

О! чтобъ васъ!.. Вѣчно все растеряетъ! (*Беретъ платокъ Анны Петровны*).

Марья Андреевна.

Даша, что̀ маменька дѣлаетъ?

Дарья.

Разговариваетъ съ Платономъ Маркычемъ.

Марья Андреевна.

Сердита она?

Дарья.

Приступу нѣтъ! (*Уходитъ*).

Марья Андреевна.

Жаль мнѣ маменьку, ей-Богу, жаль! Еслибъ я не надѣлала глупостей, я-бы теперь съ ней поговорила откровенно, что Беневоленскій мнѣ ненравится; а теперь не могу — теперь мнѣ одно средство: поговорить съ Владиміромъ, потомъ скажемъ маменькѣ — и не объ чемъ думать. Ахъ, дура, да объ чемъ-же я плачу? Человѣкъ говоритъ мнѣ прямо, что онъ женится на мнѣ, а я плачу да выдумываю разныя несчастія. (*Смѣется, потомъ*

задумывается). А если нѣтъ? Если нѣтъ? Что̀-жь тогда? Впрочемъ, какое-же я имѣю право такъ дурно думать о немъ: я его еще не знаю. Да что̀ это, Господи! Что̀ я говорю? Я помѣшалась совсѣмъ. Другая-бы на моемъ мѣстѣ прыгала отъ радости, а мнѣ всякій вздоръ въ голову лѣзетъ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу ни о чемъ думать! Владиміръ на мнѣ женится. О, кабы мнѣ его увидать поскорѣй! (*Входитъ Добротворскій*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Марья Андреевна и Добротворскій.

Добротворскій.

Пожалуйте къ маменькѣ, барышня. Я ее уговорилъ немножко. Не бойтесь ничего, теперь браниться не станетъ, поговорить хочетъ. Пусть, говоритъ, она увидитъ, что мать ей зла не желаетъ. Вотъ сейчасъ и поговоримъ всѣ вмѣстѣ, авось, барышня, какъ-нибудь и уладимъ. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната I-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Марья Андреевна (*одна*).

Вотъ ужь третій день его нѣтъ. Что̀ это значитъ? третій день ужасныхъ мученій! Онъ, должно быть, нездоровъ! Что̀, если онъ и ныньче не придетъ, я, кажется, сойду съ ума. Какъ незамѣтно подкралось ко мнѣ это горе. Недѣлю тому назадъ, я была весела и ни объ чемъ не думала. Я такъ и жду, что пріѣдетъ Беневоленскій и сдѣлаетъ предложеніе. Что̀ я буду дѣлать? Маменька такъ увѣрена во мнѣ, такъ меня любитъ... Теперь ея спокойствіе зависитъ отъ меня. Неужели у меня хватитъ силъ противиться ей. (*Дарья входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Марья Андреевна и Дарья.

Дарья.

О, чтобъ!.. Вотъ вездѣ одна, поспѣвай тутъ... Что̀ это вы, барышня, какія скучныя?

Марья Андреевна.

Съ чего-же мнѣ веселой-то быть. Погадай-ка мнѣ, Даша, на картахъ.

Дарья.

Извольте, барышня, сейчасъ разложу. (*Раскладываетъ карты*).

Марья Андреевна.

Что̀, Даша, выходитъ что̀-нибудь? Чай, все вздоръ.

Дарья.

Нѣтъ, матушка, не говорите этого. Вотъ недавно кумѣ Аксиньѣ гадала: все винновый тузъ выходитъ. Смотри, говорю, будетъ тебѣ горе какое-нибудь. Что̀-жъ, барышня, такъ и есть: шубку новенькую украли, съ иголочки. (*Разводитъ руками*). При своемъ антересѣ отъ трефъ!.. въ собственномъ домѣ... исполненіе желанія... бубновый король марьяжный.

Марья Андреевна.

Кто̀-же это бубновый король?

Дарья.

Ужь извѣстно Владиміръ Васильевичъ, кому-жь быть! (*Входитъ Анна Петровна*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Анна Петровна.

Анна Петровна.

Что̀ это, вы никакъ гадаете? Погадай-ка, Дарья, и мнѣ.

Дарья.

Извольте, матушка, сейчасъ.

Анна Петровна.

На какую, бишь, я даму-то гадаю? Не помнишь-ли, Машенька?

Дарья.

Я васъ червонной, матушка, положу. Ахъ, барышня, почтальонъ идетъ! (*Идетъ за письмомъ*).

Марья Андреевна.

Отъ кого это? Боже мой, какъ у меня сердце забилось! (*Дарья возвращается съ письмомъ*).

Анна Петровна.

Поищи-ка, Даша, очки. (*Распечатываетъ письмо*).

Дарья.

Вотъ онѣ, матушка.

Анна Петровна (*смотритъ на подпись*).

Отъ Беневоленскаго.

Марья Андреевна.

Отъ Беневоленскаго? Что̀-жь онъ пишетъ?

Анна Петровна (*читаетъ*).

«Милостивая государыня, многоуважаемая Анна Петровна! Принимая въ уваженіе ваше расположеніе и радушный пріемъ, оказанные мнѣ въ прошедшій четвертокъ, я беру на себя смѣлость предложить руку и сердце вашей безподобнѣйшей дочкѣ, Марьѣ Андреевнѣ, коей достоинствами и красотою я очарованъ. При чемъ честь имѣю присовокупить, что я слышалъ отъ Платона Марковича о вашемъ дѣлѣ, въ которомъ, какъ знающій человѣкъ, могу быть ходатаемъ, конечно, только въ томъ случаѣ, когда вы согласитесь принять мое предложеніе. Я человѣкъ дѣловой, и мнѣ терять время понапрасну на чужія хлопоты нельзя. Состояніе мое вы знаете, и я неусыпно стараюсь о приращеніи онаго, употребляя на это всѣ свои способности; ибо, какъ вамъ извѣстно, состояніе даетъ вѣсъ въ обществѣ. Принимая въ соображеніе все оное, а равно положеніе, въ которомъ вы находитесь, я не думаю, чтобы вы отказались породниться со мной. Ожидаю вашего отвѣта сегодня-же, или, въ крайнемъ случаѣ, завтра, чтобы не оставаться въ неизвѣстности. Засвидѣтельствуйте мое нижайшее почтеніе Марьѣ Андреевнѣ и передайте имъ, что я, какъ страстный ихъ обожатель, съ душевнымъ трепетомъ ожидаю ихъ отвѣта. Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою-же преданностію честь имѣю пребыть Максимъ Беневоленскій». Ну, что̀-же, Машенька, надобно писать.

Марья Андреевна (*въ волненіи*).

Погодите, маменька, погодите!..

Анна Петровна.

Чего-же годить-то? Маша! послушай ты меня — вѣдь, ужь этакой партіи намъ съ тобой не дождаться. Максимъ Дорофеичъ человѣкъ деликатный, надо-же ему что̀-нибудь написать, чтобъ не сомнѣвался по крайней мѣрѣ.

Марья Андреевна.

Погодите, маменька, ради Бога, погодите, завтра... завтра...

Анна Петровна.

Да отчего-жь не теперь?

Марья Андреевна.

Теперь я не могу. Я не знаю, что̀ отвѣчать; я такъ взволно-

вана... Мнѣ нездоровится что-то, у меня голова болитъ. Я рѣшительно не могу!..

Анна Петровна.

Ну, какъ хочешь! Завтра, такъ завтра. А я, все-таки, пойду подумаю, какъ написать поскладнѣй. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Марья Андреевна и Дарья.

Марья Андреевна.

Даша, ты знаешь, гдѣ Владиміръ Васильичъ живетъ?

Дарья.

Знаю, матушка.

Марья Андреевна.

Бѣги къ нему, Даша, голубушка, бѣги поскорѣй.

Дарья.

Что̀ вы, матушка! Ну, какъ маменька узнаетъ!

Марья Андреевна.

Ступай, ничего, ступай. Я какъ-нибудь скажу маменькѣ. Только, ради Бога, поскорѣй. Скажи ему, чтобъ онъ сейчасъ-же пришелъ сюда, сію минуту.

Дарья.

Ну, видно, нѐчего съ вами дѣлать.

Марья Андреевна.

Проворнѣй, Даша, проворнѣй! (*Дарья уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Марья Андреевна (*одна*).

Нѣтъ, этого не будетъ! Владиміръ спасетъ меня... Ну, какъ она его дома не застанетъ! Ну, а если... нѣтъ, этого не можетъ быть, онъ меня любитъ. Ну, ужъ я теперь и сама не разберу, что̀ я думаю, что̀ я чувствую... Мнѣ только страшно чего-то. Ахъ, кабы она поскорѣй воротилась. Кто-то идетъ, не онъ-ли? Нѣтъ, это Милашинъ. (*Милашинъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Марья Андреевна и Милашинъ.

Марья Андреевна.

Скажите, Иванъ Иванычъ, не видали-ли вы Владиміра Васильича?

Милашинъ.

На что̀ онъ вамъ?

Марья Андреевна.

Ахъ, Боже мой, когда я спрашиваю, значитъ, что нужно.

Милашинъ.

Кто-жь его знаетъ. Помилуйте, развѣ можно знать, гдѣ подобные люди бываютъ! (*Марья Андреевна отворачивается и плачетъ*).

Милашинъ.

Вы думаете, я это говорю изъ ревности. Вы глубоко ошибаетесь. Мнѣ васъ жаль, и больше ничего.

Марья Андреевна.

Сдѣлайте милость, не жалѣйте. Да какое право вы имѣете жалѣть меня?

Милашинъ.

Какъ вамъ угодно! Я изъ привязанности къ вамъ, къ вашей маменькѣ, говорю это. Я, опять-таки, повторяю, что такого человѣка, какъ Меричъ, я-бы, на мѣстѣ Анны Петровны, къ воротамъ-бы не подпустилъ. Если Аннѣ Петровнѣ угодно, чтобъ онъ разславлялъ вездѣ, хвастался, что вы влюблены въ него, такъ пускай принимаетъ.

Марья Андреевна.

Вы лжете!

Милашинъ.

Я лгу? Нѣтъ, я никогда не лгу-съ. Лжетъ кто-нибудь другой, только не я.

Марья Андреевна.

Зачѣмъ вы мнѣ говорите про него: вы знаете, что я не повѣрю

вамъ. Я его люблю, слышите-ли, люблю, люблю! Не смѣйте при мнѣ говорить про него дурно.

Милашинъ.

Вы его любите? А онъ васъ любитъ, вы думаете?

Марья Андреевна.

Послушайте, я начинаю терять терпѣніе! Или замолчите, или убирайтесь прочь отъ меня!

Милашинъ (*садится на другой сторонѣ комнаты. Молчаніе*).

Вы меня обидѣли, Марья Андревна, жестоко обидѣли. Я желалъ вамъ добра, я съ малолѣтства съ вами знакомъ, а вы меня отъ себя гоните. Скажите пожалуйста, чѣмъ я это заслужилъ? (*Молчаніе*). Я только, по правамъ дружбы, хотѣлъ предостеречь васъ.

Марья Андреевна.

Отъ кого предостеречь? Ненужно мнѣ вашихъ предостереженій.

Милашинъ.

Теперь ужь я вижу, что ненужно — вы такъ ему слѣпо вѣрите, что никого слушать не хотите. Я и не стану васъ разувѣрять; а, все-таки, это не мѣшаетъ мнѣ знать про него кой-какія вещи, не очень хорошія.

Марья Андреевна.

Вы можете знать и можете говорить кому угодно, а, все-таки, вамъ никто не повѣритъ.

Милашинъ.

Что̀ я, подлецъ, что̀-ли, по-вашему? Вотъ чего я дождался отъ васъ за мою привязанность.

Марья Андреевна.

Что̀-жь вы узнали, говорите.

Милашинъ.

Много узналъ, всего не перескажешь.

Марья Андреевна.

И есть у васъ доказательства?

Милашинъ.

Какія-же доказательства? Его поведеніе и безъ доказательствъ ясно.

Марья Андреевна.

Ну, а если у васъ нѣтъ доказательствъ, такъ я вамъ говорю: не вѣрю, не вѣрю, не вѣрю!

Милашинъ.

Можетъ быть, когда-нибудь я и докажу вамъ мои слова на самомъ дѣлѣ; только не будетъ-ли поздно.

Марья Андреевна.

Это ужь не ваше дѣло. Когда будете имѣть доказательства, тогда и говорите, а до тѣхъ поръ молчите. (*Молчаніе*). Что̀-жь это такъ долго! (*Смотритъ въ окно. Молчаніе*). Наконецъ-то!

Милашинъ.

Что̀ такое?

Марья Андреевна.

Владиміръ Васильичъ. Ну, ужь достанется ему отъ меня. (*Меричъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Меричъ.

Марья Андреевна.

Что̀ это вы пропали! Какъ вамъ не совѣстно!

Меричъ (*цалуетъ руку*).

Виноватъ, Марья Андревна, виноватъ! И оправдываться не стану. Здравствуйте, Иванъ Иванычъ.

Марья Андреевна.

Мнѣ нужно разсказать вамъ кой-какія новости, несовсѣмъ пріятныя.

Меричъ.

Непріятныя! Это дурно. Вы меня пугаете.

Марья Андреевна.

Да, для меня — очень непріятныя.

Меричъ.

А если для васъ онѣ непріятны, такъ ужь и для меня также.

Милашинъ.

Отчего-же это такъ? Позвольте васъ спросить.

Меричъ.

По очень простой причинѣ, Иванъ Иванычъ: я принимаю очень близко къ сердцу все, что̀ касается до Марьи Андревны. Теперь вы поняли?

Марья Андреевна.

Да, Иванъ Иванычъ, это дѣло касается насъ обоихъ.

Милашинъ.

Въ такомъ случаѣ, извините.

Меричъ.

Что̀ это вы похудѣли, поблѣднѣли, Марья Андревна?

Марья Андреевна.

Я вамъ говорю, что у меня есть много непріятнаго; да ужь и того довольно — я три дня васъ не видала. Чего я не передумала въ это время!..

Меричъ.

Если я былъ хоть сколько-нибудь причиной вашего горя, то я считаю себя такъ виноватымъ, что не смѣю и оправдываться. Сердце у васъ доброе. А я постараюсь загладить свой проступокъ. Дайте ручку въ знакъ перемирія. (*Цалуетъ у Марьи Андреевны руку*).

Марья Андреевна.

Да ужь, конечно, виноваты. Какъ это не заглянуть почти недѣлю! Богъ съ вами! Я ужь къ вамъ посылала Дарью.

Меричъ.

Она, вѣроятно, меня не застала дома; мы съ ней разошлись.

Милашинъ (*въ сторону*).

Это невыносимо!

Меричъ.

Зачѣмъ-же вы присылали Дарью ко мнѣ?

Марья Андреевна.

За вами. Мнѣ очень нужно съ вами поговорить объ одномъ весьма важномъ дѣлѣ.

Милашинъ.

Прощайте, Марья Андревна.

Марья Андреевна.

Куда вы?

Милашинъ.

За доказательствами.

Марья Андреевна.

Желаю вамъ успѣха. (*Милашинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Марья Андреевна и Меричъ.

Марья Андреевна.

Владиміръ, Владиміръ! Что̀ ты со мной дѣлаешь! Я жду тебя, не дождусь!

Меричъ.

Что̀ такое, что̀ такое! Объ чемъ ты плачешь?

Марья Андреевна.

Владиміръ, у насъ страшное горе: мы проиграли дѣло... у насъ отнимаютъ все.

Меричъ.

Ахъ, Боже мой!

Марья Андреевна.

Что̀ теперь дѣлать? Маменька говоритъ, что намъ будетъ жить нѣчѣмъ. Единственное средство мнѣ — пожертвовать собой, выйти за Беневоленскаго. Я не могу опомниться, нынче я должна дать отвѣтъ.

Меричъ.

Какъ это скверно!

Марья Андреевна (*обнимаетъ его*).

Владиміръ, спаси меня!

Меричъ (*освобождаясь*).

Погоди, погоди. Поговоримъ хладнокровно.

Марья Андреевна.

Какъ-же я могу говорить объ этомъ хладнокровно! Владиміръ, что̀ мнѣ дѣлать!.. Жизнь и смерть моя отъ этого зависятъ. (*Обнимаетъ его*).

Меричъ.

Какъ ты, Мери, неосторожна! Ну, какъ кто увидитъ, что̀ скажутъ?

Марья Андреевна.

Мнѣ теперь ужъ все равно, что̀ бы ни говорили.

Меричъ.

А я-то чѣмъ-же виноватъ! Вѣдь, все на меня падетъ; скажутъ, что я тутъ Богъ знаетъ что̀. Ты знаешь, у меня и безъ того какая репутація.

Марья Андреевна.

Ты боишься? Ты, кажется, прежде не боялся.

Меричъ.

Ты не понимаешь, теперь совсѣмъ другое дѣло; тогда не было твоей маменьки.

Марья Андреевна.

Что̀-же мнѣ дѣлать! Я, ей-Богу, не знаю.

Меричъ.

Ахъ, какъ это нехорошо, я совсѣмъ этого не ожидалъ!

Марья Андреевна.

Владиміръ! пока я не видала тебя, я-бы пошла, за кого угодно маменькѣ. Я полюбила тебя; ты мнѣ говорилъ, что меня любишь — какъ-же мнѣ теперь разстаться съ тобой?

Меричъ.

Скажи-же мнѣ, Мери, сдѣлай милость, чего тебѣ отъ меня хочется?

Марья Андреевна.

Владиміръ, опомнись, что̀ ты говоришь! Въ какое ты меня ставишь положеніе! Мнѣ стыдно за себя. Я тебѣ, какъ другу, разсказываю свое горе, а ты спрашиваешь, чего мнѣ хочется! Что̀-же мнѣ сказать тебѣ: женись на мнѣ? Пощади меня!

Меричъ.

Ахъ, Мери! Мери! Ты не знаешь, въ какихъ я теперь странныхъ обстоятельствахъ. (*Ходитъ по комнатѣ*). Я рѣшительно теперь ничего не могу придумать... рѣшительно ничего.

Марья Андреевна.

Ничего?

Меричъ.

Ничего.

Марья Андреевна.

О, Боже мой! (*Закрываетъ лицо руками*).

Меричъ.

То-то вотъ, все еще неопытность! Мнѣ надобно было бѣжать отъ тебя. Зачѣмъ я тебя встрѣтилъ! О судьба, судьба! Мнѣ легче-бы было совсѣмъ не видать тебя, нежели смотрѣть, какъ ты страдаешь. Впрочемъ, я не думалъ, что ты такъ привяжешься ко мнѣ.

Марья Андреевна.

Что̀-же ты думалъ?

Меричъ.

Я думалъ, что изъ нашихъ отношеній не выйдетъ ничего серьёзнаго.

Марья Андреевна.

Ты хотѣлъ позабавиться отъ скуки, для развлеченія, не правда-ли? Не ты-ли самъ говорилъ, что играть любовью тебѣ надоѣло!

Меричъ.

Да развѣ я не люблю тебя? Развѣ я не страдаю теперь? О, кабы ты могла заглянуть въ мою душу! Но какъ-же быть? Надобно покориться своей участи; надобно быть тверже, Мери!

Марья Андреевна.

Я была тверда, пока ты не обманулъ меня такъ жестоко. И тебѣ не жаль меня? Скажи, ради Бога!

Меричъ.

Мнѣ очень жаль тебя, Мери, и тѣмъ больше жаль, что я не могу никакъ помочь тебѣ. Жениться я не могу на тебѣ, да и отецъ мой не позволитъ. Конечно, я-бы не посмотрѣлъ на него, а обстоятельства, обстоятельства, которыя гнетутъ меня всю жизнь...

Марья Андреевна.

Ахъ, Боже мой! Скажи ты мнѣ, для чего ты меня обманывалъ, зачѣмъ клялся, когда я отъ тебя этого не требовала?

Меричъ.

Я люблю тебя, Мери! Я увлекся, я не сообразилъ. Я человѣкъ очень страстный.

Марья Андреевна.

Ты любилъ? Никогда ты не любилъ меня. Я одна любила. Теперь мнѣ поведеніе твое стало ясно. Хоть ужь и поздно, а я узнала тебя. Господи, Боже мой! И ты смѣешь называть это любовью! Хороша любовь! — не только безъ самопожертвованія, даже безъ увлеченія! На насъ весь судъ, намъ не прощаютъ ничего... Я къ тебѣ бросаюсь на шею, а ты оглядываешься, не увидалъ-бы кто. Ты вспомни хорошенько: бывало, ждешь тебя, не дождешься; всѣ глаза проглядишь, а ты придешь, какъ ни въ чемъ не бывало, только развѣ обдумаешь дома, что̀ говорить, да ка̀къ-бы сдѣлать шагъ впередъ.

Меричъ.

Ты меня обижаешь. Что̀-жь, ты можешь говорить, что̀ хочешь — ты вправѣ.

Марья Андреевна.

Не говори, ради Бога! Вспомни о совѣсти хоть теперь-то. Теперь ужь тебѣ нѣтъ никакой нужды лгать. Теперь тебѣ остается только хвастаться своими успѣхами.

Меричъ.

Послушай, однако, за кого-жь ты меня считаешь?

Марья Андреевна.

За кого нужно.

Меричъ.

Я, наконецъ, не могу переносить этого. (*Беретъ шляпу*).

Марья Андреевна.

Ты уходишь? Прощай!

Меричъ.

Не могу-же я слушать этого! Ну, я виноватъ, я сознаюсь, да все не такъ-же, какъ ты говоришь. Все-таки, я честный человѣкъ. Вѣдь, обстоятельства, Мери, много значатъ... Гдѣ-же вамъ это все знать — вы женщины.

Марья Андреевна.

Вѣрю, вѣрю.

Меричъ.

Нѣтъ, право. Ты не сердись на меня. Я не могъ и не могу иначе поступить при всей любви къ тебѣ. Ты что̀ хочешь гово-

ри, а я, все-таки, буду утверждать, что люблю тебя. Ты этому не вѣришь! Ты ошибаешься и обижаешь меня. Могу-ли я не любить тебя, такое прекрасное, невинное созданіе!

Марья Андреевна.

Перестань, ради Бога!

Меричъ.

При другихъ обстоятельствахъ, я-бы отдалъ все на свѣтѣ за счастіе обладать тобой.

Марья Андреевна.

Перестань-же наконецъ.

Меричъ.

Но мнѣ не суждено; что̀-жь дѣлать! Намъ нужно разстаться.

Марья Андреевна.

Прощайте, прощайте! (*Меричъ цалуетъ руку, уходитъ медленно, потомъ возвращается*).

Меричъ.

Нѣтъ, я рѣшительно не могу уйти безъ того, чтобъ еще разъ не взглянуть на тебя. (*Стоитъ, сложа руки на груди*). Ты на меня не сердишься?

Марья Андреевна.

Не сержусь.

Меричъ.

Вотъ и прекрасно. Прощай, Мери, прощай! Желаю тебѣ всякаго счастія. (*Отходитъ немного*). Обо мнѣ забудь! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Марья Андреевна (*одна*).

И я повѣрила этому человѣку! Какъ мнѣ стыдно за себя... Онъ ушелъ, и ему ничего! Онъ даже радъ, я думаю, что развязался... А я, я? За что̀-же я страдаю, чѣмъ я виновата! О, Господи! зачѣмъ въ людяхъ такъ мало правды! Могла-ли я знать, что онъ меня обманываетъ! Какъ мнѣ было знать! Почемъ мнѣ было знать!.. За что̀ онъ меня обманулъ! (*Плачетъ. Входитъ Милашинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Марья Андреевна и Милашинъ.

Милашинъ.

Вотъ доказательства, Марья Андревна.

Марья Андреевна.

Теперь ужь ненужно.

Милашинъ.

Значитъ, правду я говорилъ. Помилуйте, я его знаю очень хорошо. (*Читаетъ*). «Простите моей дерзости, но я не могу болѣе скрывать страсти, которая меня сожигаетъ». Скажите, какія нѣжности!

Марья Андреевна.

Что̀ вы тамъ еще читаете?

Милашинъ.

Вотъ, извольте посмотрѣть. (*Подаетъ ей записки. Марья Андреевна читаетъ про себя*). Вы давеча говорили, что я лгу; я это помню, Марья Андревна.

Марья Андреевна (*рветъ записки и бросаетъ ихъ за окно*).

Только этого не доставало! Это ужасно.

Милашинъ.

Вотъ у меня еще есть. Не хотите-ли?

Марья Андреевна.

Ахъ Боже мой! Да на что̀ мнѣ онѣ? Оставьте меня, ради Бога. Вы видите, въ какомъ я положеніи. (*Послѣ непродолжительнаго молчанія*). Я сейчасъ видѣла Владиміра Васильича.

Милашинъ.

Что̀-же онъ?

Марья Андреевна (*плачетъ*).

Ему нѣтъ никакого дѣла до меня. Онъ говоритъ, что нужно покориться своей участи.

Милашинъ.

Мерзавецъ! Марья Андревна, перестаньте, не плачьте! Я го-

товъ жизнію пожертвовать для васъ. Скажите, Марья Андревна, чѣмъ я могу быть для васъ полезенъ — я на все готовъ.

Марья Андреевна.

Вы ничего не можете для меня сдѣлать. Дайте мнѣ немного успокоиться. Мое самолюбіе оскорблено, мнѣ стыдно за себя. Я не о томъ плачу, что мнѣ нужно пожертвовать собою — я ужь примирилась съ этою мыслію — а объ томъ, что я была игрушкой пустаго человѣка. Чѣмъ вы мнѣ можете помочь?

Милашинъ.

Хотите, я его вызову на дуэль? Вы думаете, не вызову? Непремѣнно вызову.

Марья Андреевна.

Что̀ вы выдумываете! Зачѣмъ вы это сдѣлаете, ка̀къ, по какому праву?

Милашинъ.

Да, въ самомъ дѣлѣ, неловко! Я такъ только спросилъ у васъ, а то, какъ вамъ угодно. Мнѣ жизнь не дорога... Я не могу видѣть, какъ вы страдаете! Неужели я рѣшительно ничѣмъ не могу вамъ помочь?

Марья Андреевна.

Однимъ только: оставьте меня въ покоѣ.

Милашинъ.

Вы меня гоните! Вы вотъ какъ со мной поступаете! Ну, такъ я вамъ докажу, что я не заслуживаю этого. Я, Марья Андревна, не Меричъ! Я очень хорошо понимаю ваше положеніе! Выдти за Беневоленскаго! Какому-нибудь скоту придетъ фантазія за васъ свататься, а вы должны идти за него! Нѣтъ, это невыносимо! Это ужасно досадно! Знаете-ли что̀, Марья Андревна? Я человѣкъ бѣдный, я, можетъ быть, самъ не знаю, чѣмъ содержать себя одного, не только съ женой; но я не сдѣлалъ-бы такъ, какъ Меричъ, не уступилъ-бы васъ на жертву Беневоленскому. Марья Андревна! я предлагаю вамъ свою руку; мнѣ хочется доказать вамъ, что я благородный человѣкъ.

Марья Андреевна.

Ахъ, Иванъ Иванычъ, не хотѣлось-бы мнѣ васъ обидѣть, да нѣчего дѣлать. Не нуждаюсь я ни въ вашей помощи, ни

въ вашемъ благородствѣ; не пойду я за васъ ни за что̀ на свѣтѣ.

Милашинъ.

Да, конечно, я не Беневоленскій; онъ завидный женихъ.

Марья Андреевна.

Беневоленскій человѣкъ съ состояніемъ, да и маменька хочетъ, чтобъ я за него вышла; вотъ почему я предпочту Беневоленскаго.

Милашинъ.

Не угодно? Какъ вамъ угодно! Мнѣ только одно обидно: за что̀ вы меня унижаете, ставите хуже какого-нибудь Мерича. Я дѣлаю вамъ честное предложеніе, а вы на меня сердитесь; а Мерича не гнали прочь, когда онъ ухаживалъ за вами.

Марья Андреевна.

Послушайте, за кого вы меня принимаете? Вы даже не имѣете уваженія ко мнѣ. Нѣтъ, надобно это покончить однимъ разомъ. Будетъ плакать. (*Утираетъ глаза*). Еслибъ теперь Меричъ сдѣлалъ предложеніе, я-бъ не пошла за него. Я выхожу за Беневоленскаго — это рѣшено. Не замѣтно, что я плакала? Мнѣ хочется показать маменькѣ, что я безъ всякаго усилія рѣшилась выдти замужъ. Пусть она будетъ весела и покойна, я возьму все на себя. Полноте дуться и вы. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, незамѣтно слезъ?

Милашинъ.

Почти незамѣтно.

Марья Андреевна.

Ну и слава Богу! Станемте смѣяться, станемте разговаривать о чемъ-нибудь о постороннемъ. Не были-ли вы въ театрахъ какъ-нибудь на дняхъ?

Милашинъ.

Вы думаете меня обмануть и себя также. Для чего это? Вѣдь, я знаю, что̀ у васъ на душѣ.

Марья Андреевна (*топаетъ ногой*).

Я совсѣмъ васъ не обманываю; мнѣ, право, что-то вдругъ весело сдѣлалось. Давайте играть во что̀-нибудь. Ахъ, вотъ карты! Давайте играть въ карты.

Милашинъ.

Давайте, пожалуй, если вамъ угодно. (*Садится къ столу*).

Марья Андреевна.

Во чтò-же? Въ дураки давайте.

Милашинъ (*сдаетъ*).

Поиграемте, поиграемте. Послушайте, Марья Андревна, вы притворяетесь. Вы не хотите, чтобъ я видѣлъ ваши слезы. Зачѣмъ-же вы отъ меня-то скрываетесь: я вамъ не чужой. Это досадно!

Марья Андреевна.

Играйте, играйте, а то останетесь.

Милашинъ.

Вы такъ горды, что не хотите мнѣ позволить принимать въ васъ участіе. Вѣдь, это замѣтно, что вы притворяетесь.

Марья Андреевна.

Чтò, остались! (*Смѣется*).

Милашинъ.

Ну, чтò-жь, остался. (*Мѣшаетъ карты, сдаетъ*). Вѣдь, это ужасно досадно! Это гордость? Вы меня этимъ унижаете, не считаете ни за чтò!..

Марья Андреевна.

Вы принимаете! Еще принимаете. Ну, такъ вы опять остались! (*Хохочетъ*).

Милашинъ.

Вѣдь, это невыносимо, просто.

Марья Андреевна.

Сдавайте, сдавайте. Чтò-же вы! (*Милашинъ сдаетъ. Марья Андреевна задумывается, закрываетъ глаза платкомъ и опирается на столъ; потомъ утираетъ глаза и беретъ карты*). Кому ходить, мнѣ? (*Анна Петровна входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Анна Петровна.

Анна Петровна.

Чтò это у васъ за смѣхъ?

Марья Андреевна.

Да вотъ Иванъ Иванычъ все остается. Вы совсѣмъ не умѣете играть. Когда-же мы, маменька, напишемъ отвѣтъ Максиму Дорофеичу? (*Продолжаетъ играть въ карты*). Поблагодарите его за предложеніе и напишите, что я согласна.

Анна Петровна.

Ты, Маша, согласна? Ну, спасибо тебѣ, утѣшила ты меня. Вотъ теперь я вижу, что ты меня любишь. Обрадовала ты меня... Ужь такъ обрадовала, что и сказать нельзя... Вотъ, Иванъ Иванычъ, у меня дочка... и красавица, и умница. Гдѣ тутъ бумага была? Вотъ теперь вдругъ-то и не придумаешь, что̀ написать. (*Беретъ бумагу и пишетъ. Марья Андреевна и Милашинъ играютъ въ кары*).

Марья Андреевна (*Милашину*).

Хоть-бы поскорѣе это кончилось, моихъ силъ больше нестаетъ. (*Встаетъ*). Дайте, я вамъ помогу. Что̀ вы пишете?

Анна Петровна.

А вотъ: «Милостивый государь, Максимъ Дорофеичъ! Благодарю васъ за лестное для насъ предложеніе. Машенька согласна и проситъ васъ сегодня на чашку чаю». Хорошо-ли такъ-то? Ужь я не знаю. А? Аль другое написать?

Марья Андреевна.

Нѣтъ, прекрасно, прекрасно! Вотъ и отошлите поскорѣй.

Анна Петровна.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошо? Иванъ Иванычъ, хорошо?

Милашинъ.

Очень хорошо.

Анна Петровна.

А не надо-ли чего прибавить?

Марья Андреевна.

Нѣтъ, ненадо, ничего ненадо... довольно и этого. Пошлите поскорѣй. Дарья, Дарья! (*Входитъ Дарья*). Пошли поскорѣй кого-нибудь съ этимъ письмомъ къ Максиму Дорофеичу. Ступай, Дарья, поскорѣй. Я не выдержу больше... Иванъ Иванычъ, мнѣ дурно! (*Милашинъ подбѣгаетъ, подаетъ ей стулъ; Марья Ан-

дреевна сидитъ нѣсколько времени въ изнеможеніи, потомъ заливается слезами).

Анна Петровна.

Машенька! Машенька! Чтò ты? Чтò съ тобой?

Милашинъ (*въ сторону*).

Чтò-же это такое!

Марья Андреевна.

Ничего, это пройдетъ. Мнѣ дурно чтò-то. Не безпокойтесь.

Анна Петровна.

Поцалуй меня, Машенька! Умница ты моя...

Марья Андреевна.

Чтò, маменька, хорошій онъ человѣкъ?

Анна Петровна.

Хорошій! Ужь я не отдамъ тебя за дурнаго.

Марья Андреевна (*въ слезахъ*).

Онъ меня станетъ любить? Если онъ меня будетъ любить, и я его буду любить.

Анна Петровна.

Да о чемъ-же ты плачешь-то, глупенькая?

Милашинъ.

Неужели это васъ удивляетъ, что Марья Андревна плачетъ? Это странно!

Анна Петровна.

А чтò-жь тутъ, батюшка, страннаго? Она сама объявила желаніе выйти за Беневоленскаго, а теперь плачетъ. Чѣмъ-же не партія?

Милашинъ.

А чтò-же особенно завиднаго въ Беневоленскомъ?

Анна Петровна.

А то, что ты молодъ еще судить-то постарше себя. Онъ солидный человѣкъ, съ небольшимъ въ 30 лѣтъ ужь состояніе имѣетъ; дѣломъ занимается, а у васъ все гулимоны да пошлости на умѣ.

Милашинъ.

Состояніе! А гдѣ взялъ онъ это состояніе, спросить надобно. У насъ совѣсть есть, оттого и состоянія нѣтъ. Состояніе нажить немудрено.

Анна Петровна.

Да, поди вотъ, наживи, да тогда ужь и разговаривай!

Милашинъ.

Я и теперь могу разсуждать, кто честный человѣкъ, а кто нѣтъ. Счастіе не въ богатствѣ, а въ душевномъ спокойствіи. Соединить свою судьбу съ такимъ человѣкомъ, котораго, того и гляди, отдадутъ подъ судъ...

Анна Петровна.

Да, очень нужны мнѣ всѣ эти резоны! Я, батюшка, мать! Такъ, зря, дѣла не сдѣлаю. Еще молодъ очень учить-то меня! Наживи-ка своихъ дѣтей, да тогда и выдавай, какъ знаешь. Учить-то всякій умѣетъ, а попробуй-ка за дѣло-то взяться, такъ и нѣтъ ничего. Все однѣ фантазіи дурацкія. Вотъ тутъ съ вами табатерку потеряла. О! чтобъ васъ! Дарья! Дарья!

Дарья (*входитъ*).

Чт̀о угодно?

Анна Петровна.

Чт̀о глаза-то вытаращила! Сыщи табатерку! (*Дарья уходитъ*).

Милашинъ.

Меня вы можете бранить, сколько вамъ угодно, а за чт̀о-же должна гибнуть Марья Андревна?

Анна Петровна.

Поди ты, я тебя и слушать-то не хочу. А она должна понимать, кажется, чт̀о такое мать для нея. Чего мнѣ стоило ее выростить-то! Надо мнѣ видѣть отъ нея какое-нибудь утѣшеніе. Полно плакать-то!

Марья Андреевна.

Развѣ я вамъ, маменька, не угождала? Развѣ вы были недовольны мной когда-нибудь?

Анна Петровна.

Чт̀о тамъ про старое толковать; я того и знать не хочу. Лёгко-ли дѣло, нужно мнѣ очень помнить, когда ты мнѣ угодила, когда нѣтъ. Вотъ теперь я вижу твою благодарность. Мать, на старости лѣтъ, ни дня, ни ночи покою не знаетъ, женское дѣло, измаялась вся. Нашла ей жениха, что она и сама-то его не стоитъ, а она плачетъ да убивается, какъ будто я ей злодѣйка какая!

Марья Андреевна.

Да, вѣдь, я, маменька, согласна.

Анна Петровна.

Вижу я, какъ ты согласна-то. (*Входитъ Дарья*). Что̀ ты еще?

Дарья.

Табатерку извольте.

Анна Петровна.

Ишь ты тебя принесло, нашла время!

Дарья (*идетъ*).

Ну, раскудахталась.

Анна Петровна.

Другая-бы радовалась да не знала, какъ благодарить мать-то за такого жениха, а не то, чтобъ разстроивать. Мое дѣло женское, я женщина сырая, а тебѣ все ничего. Ты объ матери-то и не думаешь, какъ-бы мать порадовать.

Марья Андреевна.

Маменька! Ради Бога! Что̀ вы говорите! (*Плачетъ*). Боже мой, что̀ это такое!

Анна Петровна (*помолчавши и успокоившись*).

Что̀-жь, конечно, я на тебя не могу пожаловаться, ты меня всегда слушалась... Да что̀-жь теперь-то ты, Машенька! Ну, полно, перестань! Мнѣ, вѣдь, и самой тебя жаль. Я тебя обидѣла... Что̀-жь дѣлать, прости. Я, вѣдь, женщина, у меня сердце слабое, горячее, раскипится, другой разъ, и не уймешь: сами виноваты, что до этого доводите? Иногда что̀ и скажется сгоряча... Обижаться-то на меня за это грѣхъ, дѣло женское.

Марья Андреевна.

Я на васъ не обижаюсь...

Анна Петровна.

Что̀-жь дѣлать, хороша-ли, дурна-ли, все-таки, мать. Выдешь замужъ, и такой не будетъ. Ну, полно-же, другъ мой. Мнѣ развѣ весело смотрѣть на тебя, какъ ты плачешь. Богъ съ тобой, что̀ ты это! (*Всѣ лица на лѣвой сторонѣ; входитъ Хорьковъ и останавливается среди сцены*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Хорьковъ.

Хорьковъ.

Марья Андревна! Моя мать васъ обидѣла; я пришелъ просить прощенія за нее.

Анна Петровна.

Да, батюшка, нѣчего сказать, хорошая женщина ваша маменька.

Марья Андреевна (*тихо*).

Маменька, онъ, кажется, пьянъ; молчите, пожалуйста.

Милашинъ (*Марьѣ Андреевнѣ*).

Онъ ужь четвертый день пьетъ, какъ ушелъ тогда отъ васъ, и запилъ. Ходитъ по комнатѣ, плачетъ и пьетъ.

Марья Андреевна.

Неужели? Ахъ, бѣдный!

Хорьковъ.

Что̀ такое? Слезы! Объ чемъ вы плачете? Я не хотѣлъ васъ обидѣть... я-бы умеръ для васъ, Марья Андревна. Это мать... она простая женщина. Я не зналъ, что она была у васъ, не зналъ... Я-бъ ее не пустилъ къ вамъ... Она простая женщина, не понимаетъ ничего... Гдѣ-же ей васъ понять! Что̀-жь дѣлать! Мать... любитъ... воспитала... Марья Андревна, простите! (*Становится на колѣни*).

Марья Андреевна.

Что̀ вы, что̀ вы, Михайло Иванычъ! Встаньте! Я ни на васъ, ни на вашу маменьку не сержусь; напротивъ, я вамъ очень благодарна за ваше расположеніе.

Хорьковъ (*встаетъ*).

Объ чемъ-же вы плачете? Скажите мнѣ, объ чемъ вы плачете? Кто васъ обидѣлъ?

Анна Петровна.

Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!..

Хорьковъ.

Что̀ вы, Анна Петровна!.. Ахъ, вы не знаете!.. Ужь молчите

лучше! (*Къ Марьѣ Андреевнѣ*). Васъ, вѣроятно, маменька обидѣла? Не сердитесь на нее... Богъ съ ними... онѣ не знаютъ... не сердитесь на нее... вѣдь, любятъ... воспитывали... учили...

Анна Петровна.

Пойдемъ, Машенька, пора одѣваться, скоро Максимъ Дорофеичъ пріѣдетъ. (*Милашину тихо*). Уведите его, Иванъ Иванычъ.

Милашинъ (*беретъ шляпу*).

Пойдемте, Михайло Иванычъ.

Хорьковъ.

Чтò? Мальчишка!

Милашинъ.

Чтò-же вы бранитесь! Я васъ хочу увести отсюда, потому что вы пьяны. (*Хорьковъ стоитъ задумавшись*).

Марья Андреевна (*встаетъ*).

Перестаньте, Иванъ Иванычъ!

Милашинъ.

Чтò-же онъ бранится! Это досадно.

Хорьковъ.

Да, скверно, скверно! Извините... Куда я годенъ! Пьяный... въ чужомъ домѣ...

Марья Андреевна.

Ахъ, какъ мнѣ его жаль, какъ мнѣ его жаль!

Хорьковъ.

Марья Андревна, не презирайте меня! Я люблю васъ... Я не могъ перенести вашего отказу. Конечно, это гадко... подло... недостойно... Но чтò-жь дѣлать, я жалкій человѣкъ! Я, вѣдь, люблю васъ, очень люблю!..

Марья Андреевна.

Я сама васъ люблю, Михайло Иванычъ. Я очень жалѣю, что поздно васъ узнала. Я выхожу замужъ... за Беневоленскаго. (*Плачетъ*).

Хорьковъ.

За Беневоленскаго!.. Это жертва... да, жертва. Чтò-жь, благородно... благородно... слезы...

Марья Андреевна (*садится на стулъ*).

Ахъ, Михайло Иванычъ, мнѣ тяжело, очень тяжело.

Анна Петровна.

Она это для матери дѣлаетъ. Максимъ Дорофеичъ — человѣкъ хорошій и съ состояніемъ.

Хорьковъ.

Да, съ состояніемъ. Слезы, слезы... вѣчныя слезы... чахотка, не живши, не видавши радостей жизни... Прощайте. (*Становится на колѣни, беретъ руку Марьи Андреевны и цалуетъ*). Я самъ не переживу! (*Марья Андреевна въ обморокѣ, всѣ суетятся около нея, Хорьковъ плачетъ, прислонившись къ стѣнѣ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Сцена представляетъ небольшую комнату. Направо отъ зрителей дверь въ залу; ближе къ зрителямъ трюмо; прямо — дверь въ переднюю; налѣво диванъ, передъ диваномъ круглый столъ, далѣе еще дверь, въ углу простой столъ, на которомъ чашки и бутылки. Дарья устанавливаетъ бутылки на столѣ, оффиціантъ устанавливаетъ чашки на подносъ, потомъ беретъ подносъ и идетъ къ двери. Входитъ Добротворскій.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Дарья, Оффиціантъ и Добротворскій.

Добротворскій.

Ты что̀ это, любезный, несешь?

Оффиціантъ.

Чай-съ.

Добротворскій.

А рому-то, что̀-жь, не захватилъ?

Оффиціантъ.

Сперва такъ обнесемъ-съ.

Добротворскій.

Эхъ, братецъ! Не знаешь ты, кого чѣмъ подчивать. Ишь, все дѣловые люди собрались, съ свѣтлыми пуговицами сидятъ.

Оффиціантъ.

Дарья Семеновна, пожалуйте рому-съ.

Дарья.

Что̀ тамъ еще! О! чтобъ васъ! Рому, что̀-ль?

Оффиціантъ.

Рому требуютъ-съ. (*Беретъ бутылку и ставитъ на подносъ*).

Добротворскій.

Дай ужь и мнѣ, я тутъ къ сторонкѣ сяду, на просторѣ пуншику попью. (*Беретъ чашку и садится на диванъ. Оффиціантъ уходитъ въ дверь направо. Входитъ женщина въ капотѣ и въ платкѣ*).

Женщина въ капотѣ.

Танцы будутъ, матушка? Барышня прислала спросить. У насъ, матушка, семь барышень. Безпремѣнно, говоритъ, узнай: коли танцы будутъ, такъ и мы придемъ посмотрѣть.

Дарья.

Будутъ, будутъ. О! чтобъ васъ тутъ! (*Женщина уходитъ. Входятъ нѣсколько лицъ и проходятъ къ двери направо; въ дверяхъ показывается кучеръ*).

Дарья.

Ты зачѣмъ?

Кучеръ.

Свадьбу смотрѣть.

Дарья.

О! мужланъ, туда-же лѣзетъ!

Кучеръ.

А ты что̀ за барыня!

Дарья.

Да ты не хайли! Что̀ горло-то распустилъ?

Кучеръ.

А вы потише, а то не равно испугаюсь.

Дарья.

Говорятъ, пошелъ вонъ!

Кучеръ.

Пойду. (*Уходитъ*).

Дарья.

О! чтобъ васъ, такъ-бы, кажется!.. (*Уходитъ. Входятъ разныя лица и смотрятъ въ дверь направо. Между ними двѣ женщины, довольно хорошо одѣтыя, дѣвушка, покрытая платочкомъ, и двое молодыхъ людей въ синихъ чуйкахъ*).

1-й молодой человѣкъ (*дѣвушкѣ, покрытой платкомъ*).

Позвольте узнать, который женихъ-съ?

Дѣвушка.

Вотъ этотъ.

1-й молодой человѣкъ.

Такъ-съ. А гдѣ невѣста-съ?

Дѣвушка.

Вотъ она.

1-й молодой человѣкъ.

Такъ-съ. А вы далеко живете-съ?

Дѣвушка.

Не доходя — прошедши.

1-й молодой человѣкъ.

Я самъ оттедова недалечко-съ. Позвольте васъ проводить.

Дѣвушка.

И безъ васъ дорогу знаемъ.

2-й молодой человѣкъ (*1-му молодому человѣку*).

Что̀! налетѣлъ съ ковшомъ на брагу! (*Дѣвушкѣ*). Что̀ вы его слушаете, онъ у насъ ужь извѣстный по этимъ дѣламъ. (*Къ 1-му*). Что̀ ты пристаешь въ самомъ дѣлѣ! Тутъ, братъ, тебѣ нѐчего взять. Ишь разлетѣлся! (*Дѣвушкѣ*). Онъ намедни изъ городу одну въ Рогожскую провожалъ, а тамъ его метлой дворникъ и пугнулъ; такъ взадъ-впередъ даромъ пѣшкомъ и проходилъ.

1-й молодой человѣкъ.

Буде врать-то, любезный!

2-й молодой человѣкъ.

Что̀ врать-то! не съ твоимъ, братъ, рыломъ! ты видишь, барышня какая! Что̀ вы, сударыня, здѣшнія? (*Продолжаютъ говорить шопотомъ. Изъ толпы выходятъ на авансцену двѣ женщины — Дуня и Паша*).

Паша.

Будто тебѣ его, Дуня, не жаль?

Дуня.

Ничего-таки не жаль. Что̀ я жила — маялась! Пріѣдетъ, бывало, пьяный да олаберный — такъ какъ обѣснующій какой. Я ужь давно ему говорю: развяжи ты мою голову; хоть-бы ты женился, авось остепенишься немножко. Взялъ-бы, говорю, хо-

рошенькую барышню, такъ и самъ-бы, можетъ быть, сталъ порядочнымъ человѣкомъ, а то что̀ такъ-то мотаешься!

Паша.

Что̀ ты говоришь!

Дуня.

Да, право, такъ, Паша.

Паша.

Такъ это другое дѣло. Пойдемъ, посмотримъ приданое.

Дуня.

Пойдемъ, Паша. (*Уходятъ въ дверь налѣво. Толпа мало-помалу расходится, остаются нѣсколько старухъ. Добротворскій пьетъ пуншъ. Входятъ: Марья Андреевна и Беневоленскій*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Добротворскій, Беневоленскій и Марья Андреевна.

Беневоленскій.

Вы, сударыня, только извольте приказывать, а ужь я буду все исполнять въ точности.

Марья Андреевна.

Вы меня станете слушаться во всемъ, Максимъ Дорофеичъ?

Беневоленскій.

Честное слово благороднаго человѣка.

Марья Андреевна.

Я вамъ откровенно скажу: мнѣ въ вашемъ характерѣ кой-что не нравится; мнѣ-бы хотѣлось, чтобы вы оставили нѣкоторыя привычки. Съ тѣмъ и иду за васъ. Вы меня послушаетесь?

Беневоленскій.

Все, что̀ вамъ угодно. Изъ любви къ вамъ, я на все готовъ. Вамъ не угодно было, чтобъ я водку пилъ — я ее бросилъ; вы мнѣ не приказывали табакъ нюхать — я и не нюхаю. А, Платонъ Маркычъ, ты здѣсь! Приходи ко мнѣ какъ-нибудь, я тебѣ подарю серебряную табакерку.

Добротворскій.

Покорно благодарю, Максимъ Дорофеичъ, зайду какъ-нибудь.

Беневоленскій.

Я вашъ покорнѣйшій слуга на всю жизнь. Позвольте ручку поцаловать. Вамъ, можетъ быть, угодно здѣсь однѣмъ остаться?

Марья Андреевна.

Да, мнѣ нужно поговорить съ Платономъ Маркычемъ.

Беневоленскій.

Ухожу-съ. Видите, какъ я послушенъ. (*Подходитъ къ Платону Марковичу*). Что̀, ловко я себя держу?

Добротворскій (*одобрительно кивая головой*).

Хорошо. (*Беневоленскій уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Марья Андреевна и Добротворскій.

Марья Андреевна.

Глупа я, Платонъ Маркычъ, скажите мнѣ. Такъ, вѣдь, не правда-ли?

Добротворскій.

Что̀ вы! Кто смѣетъ сказать! Нѣтъ, вы у насъ умница.

Марья Андреевна.

Послушайте, Платонъ Маркычъ, что мнѣ въ голову пришло. Можетъ быть, вамъ это смѣшно покажется. Я думала, думала... да, знаете-ли, до чего додумалась? (*Добротворскій смотритъ на нее*). Только вы не смѣйтесь надо мной... Мнѣ показалось, что я затѣмъ иду за него замужъ, чтобы исправить его, сдѣлать изъ него порядочнаго человѣка. Глупо, вѣдь, это, Платонъ Маркычъ? Вѣдь, это пустяки, нельзя этого сдѣлать, а? Платонъ Маркычъ, не такъ ли? Все это дѣтскія мечты?

Добротворскій.

Звѣри лютые, и тѣ укрощаются...

Марья Андреевна.

Безъ этой мысли, Платонъ Маркычъ, мнѣ было-бы очень тяжело. Только этимъ я теперь и живу. Поддерживайте меня, Платонъ Маркычъ.

Добротворскій.

Знаете-ли, барышня, я вамъ русскую пословицу скажу: что̀

будетъ, то будетъ; а что̀ будетъ, то Богъ дастъ. А другая еще пословица говорится: суженаго конемъ не объѣдешь. (*Марья Андреевна садится на стулъ къ трюмо и задумывается; входитъ Дарья и выгоняетъ со сцены зрителей, которые проходятъ въ заднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Дарья.

Дарья.

О, чтобъ васъ! Куда зашли! Коли хотите смотрѣть, такъ стойте въ передней. Да чего и смотрѣть-то! Эка невидаль какая!

Марья Андреевна.

Поправь мнѣ прическу. (*Добротворскій уходитъ*).

Дарья (*поправляетъ прическу*).

Барышня, Владиміръ Васильичъ здѣсь въ саду.

Марья Андреевна.

Ну, такъ что̀-жь?

Дарья

Они просятъ позволенія войти, хотятъ поговорить съ вами.

Марья Андреевна.

Это что̀ еще? Затвори эту дверь. Позови его. (*Дарья уходитъ*). Зачѣмъ онъ? Послушаемъ, что̀ онъ скажетъ. Странно, какъ скоро я его разлюбила. Мнѣ теперь онъ представляется совершенно постороннимъ человѣкомъ. Я его жду безъ всякаго волненія. А прежде? (*Меричъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Марья Андреевна и Меричъ.

Марья Андреевна (*не оборачиваясь къ нему*).

Зачѣмъ вы?

Меричъ.

Поглядѣть на васъ послѣдній разъ. Неужели въ этомъ откажете?

Марья Андреевна (*поворачиваясь къ нему*).

Хороша я?

Меричъ.

Обворожительна.

Марья Андреевна.

Прощайте, мнѣ пора къ жениху.

Меричъ.

Ахъ, погодите, Марья Андревна, ради Бога. Выслушайте меня. Позвольте мнѣ хоть полюбоваться на васъ еще нѣсколько минутъ.

Марья Андреевна.

Я слушаю. Что̀ вамъ угодно?

Меричъ.

Не сердитесь на меня, Марья Андревна.

Марья Андреевна.

Я на васъ не сержусь.

Меричъ.

Вы хотите сказать, что я не стою того, чтобы вы на меня сердились. Извините, вы, кажется, меня не такъ поняли. Мнѣ хочется передъ вами оправдаться.

Марья Андреевна.

Въ чемъ вамъ оправдываться? Я во всемъ виню себя. Я думала, что вы человѣкъ способный любить, и ошиблась. Я искала любви, вы — интриги, побѣдъ. Мы съ вами не пара.

Меричъ.

Васъ я любилъ истинно, Марья Андревна...

Марья Андреевна.

Это неправда, Владиміръ Васильичъ. (*Подумавъ*). Скажите, пожалуйста, кого вы обманываете? Чѣмъ вы берете? Всѣ ваши побѣды, вѣроятно, то-же, что̀ было со мной. Дѣвушка сама бросается къ вамъ, а вы потомъ хвастаетесь побѣдой. Не такъ-ли? Я-бы васъ сама разлюбила скоро, какъ-бы далеко ни зашла наша любовь. Немного больше страданій, раскаянія, стыда, а все-таки, разлюбила-бы васъ. Мнѣ нужно было, чтобъ меня любили! Только этого я хотѣла.

Меричъ.

Безцѣнная женщина!

Марья Андреевна.

Вы прежде не хотѣли меня слушать, теперь вы выслушаете меня. Какъ-бы я была счастлива, еслибъ я родилась полегкомысленнѣе. Меня-бы занимали наряды, маленькія интрижки, и все-бы было такъ легко, весело; я-бы влюблялась, забавлялась. Я теперь иначе смотрю на жизнь: я выхожу замужъ и хочу быть хорошей женой.

Меричъ.

Боже мой, какъ я ошибался! Я не зналъ васъ, Марья Андревна. Я теперь вижу всю пошлость своего поведенія...

Марья Андреевна.

Не знаю, отъ души вы сознаетесь, или нѣтъ; но я вамъ вѣрю, не хочу васъ обижать. За себя я на васъ не сержусь; я-бы желала только, чтобы это послужило вамъ урокомъ. Разстанемся друзьями. (*Протягиваетъ ему руку*).

Меричъ (*цалуя ея руку*).

Мери, я люблю тебя!

Марья Андреевна.

Поздно, Владиміръ Васильичъ, поздно... Предо мной новый путь, и я его напередъ знаю. У меня еще много впереди для женскаго сердца! Говорятъ, онъ грубъ, необразованъ, взяточникъ; но это, быть можетъ, оттого, что подлѣ него не было порядочнаго человѣка, не было женщины. Говорятъ, женщина много можетъ сдѣлать, если захочетъ. Вотъ моя обязанность. И я чувствую, что во мнѣ есть силы. Я заставлю его любить меня, уважать и слушаться. Наконецъ — дѣти, я буду жить для дѣтей. Вы улыбаетесь! Какъ это честно съ вашей стороны! Даже еслибы все, что̀ я вамъ говорю, были мечты однѣ, которымъ никогда не осуществиться, вы, все-таки, не должны разочаровывать меня. Мнѣ онѣ нужны, чтобы поддержать меня въ моемъ теперешнемъ положеніи... Ахъ, Владиміръ Васильичъ, Богъ съ вами... Вѣдь, мнѣ тяжело... мнѣ очень тяжело, и никто не хочетъ знать этого.

Меричъ.

Я вамъ желаю всякаго счастія. Но мнѣ кажется, что съ такимъ человѣкомъ оно для васъ невозможно.

Марья Андреевна.

Нѣтъ, Владиміръ Васильичъ, вамъ не видать моихъ страданій. Я не доставлю вамъ удовольствія пожалѣть меня. Какія-бы ни были обстоятельства, я хочу быть счастливой, хочу, чего-бы мнѣ это ни стоило. За что-же мнѣ страдать? Разсудите сами — ну, разсудите. За то, что я ошибалась, что меня безжалостно обманывали, что я, наконецъ, исполняю долгъ и спасаю мать... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Я буду счастлива, буду любима... Не правда-ли? Скажите... да, да... Говорите-же! Мнѣ такъ нужно, не противорѣчьте мнѣ...

Меричъ (*подумавъ*).

Да!

Марья Андреевна.

Покорно васъ благодарю. Прощайте. (*Уходитъ*).

Меричъ (*одинъ*).

Какая умная дѣвушка! Желалъ-бы я знать, что она обо мнѣ думаетъ. Неужели она меня считаетъ пустымъ человѣкомъ?.. А впрочемъ, еще, слава Богу, что такъ кончилось; будь она поглупѣе, такъ не зналъ-бы, какъ и развязаться; однимъ упрекамъ не было-бы конца, а еще, пожалуй, женили-бы. (*Милашинъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Меричъ и Милашинъ.

Милашинъ.

И вы здѣсь!

Меричъ.

Да, приходилъ проститься съ Мери. Я ее любилъ, Иванъ Иванычъ. Я отъ васъ не скрою: для меня очень чувствительно потерять такую женщину. Ахъ, какъ она меня любила! И вы посмотрите на нее теперь: сколько у ней воли, какъ она твердо переноситъ свои страданія! Только я знаю, какъ она страдаетъ. Я не говорю про себя — я мужчина. Вы здѣсь на вечерѣ?

Милашинъ.

Да.

Меричъ.

Сдѣлайте милость, если замѣтите, что она будетъ очень грустить, утѣшайте ее: вы меня этимъ много обяжете. И, пожалуйста, старайтесь сдѣлать такъ, чтобы ничто ей не напоминало меня. Я на васъ надѣюсь, Иванъ Иванычъ. Прощайте... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Милашинъ (*одинъ*).

Однако, это ужасно! Въ цѣлый вечеръ она не сказала со мной ни одного слова, а приходила сюда прощаться съ Меричемъ. Я хожу, тоскую три часа съ ряду, и хоть-бы одинъ взглядъ! Это ужасно досадно. Или лицо у меня не такъ выразительно, что̀-ли? Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы лицо мое выражало теперь самую глубокую скорбь. (*Смотритъ въ зеркало*). Фу, какое глупое выраженіе... смѣшное даже! Нѣтъ, пусть-же она замѣтитъ злую иронію въ моихъ глазахъ. (*Смотритъ въ зеркало*). А если она не захочетъ замѣтить... Ахъ, да изъ чего-же я хлопочу?.. Уйти? Она, пожалуй, не замѣтитъ моего отсутствія. А, чортъ возьми!.. Нѣтъ, останусь. Буду хладнокровнымъ зрителемъ, буду смотрѣть холодно. Изъ чего я въ самомъ дѣлѣ горячусь! А какъ она нынче хороша-то! Какъ держитъ себя! Нѣтъ, чортъ возьми, это ужасно досадно. И какіе скоты все кругомъ нея! У меня, кажется, нынче разольется желчь. И этотъ женихъ, этотъ женихъ! И она еще къ нему ласкается! Нѣтъ, она замѣтитъ, какими я глазами буду глядѣть на него. (*Уходитъ. Разныя лица проходятъ по сценѣ къ двери направо. Беневоленскій и Добротворскій входятъ подъ руку*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Беневоленскій и Добротворскій.

Беневоленскій.

Благодаренъ тебѣ, Платонъ Маркычъ, весьма благодаренъ.

Ты меня много, много обязалъ. Марья Андревна и умна, и образована. Именно такую жену мнѣ и нужно.

Добротворскій.

Хе, хе, хе, любезнѣйшій! Что̀ ужь теперь толковать. Поддѣли молодца! Какова ни есть, ужь теперь нѐчего назадъ пятиться!.. Шучу, шучу...

Беневоленскій.

Да-съ, я тебѣ скажу, съ этакой женой не стыдно показаться въ общество. (*Останавливается передъ зеркаломъ и гладитъ подбородокъ*). Что̀-жь, насъ будетъ пара, какъ ты думаешь?

Добротворскій.

Ахъ вы, проказникъ! (*Хохочетъ*). Ишь ты какія штучки выдумываетъ!

Беневоленскій.

Чему-же ты смѣешься?

Добротворскій.

Будетъ вамъ проказничать-то, уморили со смѣху! Поцалуемтесь. (*Цалуются*).

Беневоленскій (*въ сторону*).

Чему онъ смѣется? (*Добротворскому*). Послушай, Платонъ Маркычъ, у меня есть къ тебѣ серьезное дѣло.

Добротворскій.

Что̀ прикажете?

Беневоленскій (*беретъ его подъ руку*).

Всѣ мы были молоды. (*Добротворскій киваетъ головой въ знакъ согласія*). Молодость, какъ ты знаешь, имѣетъ свои слабости. Ты самъ это очень хорошо знаешь, иначе я-бы тебѣ и не сталъ говорить.

Добротворскій.

Всѣ мы грѣшны и всѣ мы смертны...

Беневоленскій.

Это правда, да не объ томъ рѣчь! Ты выслушай. Ошибки также весьма свойственны молодости. Я любилъ одну дѣвушку...

Добротворскій.

Гм! Скажите! Хорошенькая была дѣвушка?

Беневоленскій.

Очень недурна. Ну, конечно, изъ низкаго сословія; но очень недурна. Только характеръ у нея совсѣмъ не соотвѣтствовалъ наружности: ревнива...

Добротворскій.

Вамъ это кажется удивительно. Эхъ молодость! Поживите-ка съ наше, такъ не то увидите. Вотъ я вамъ сейчасъ какую исторію разскажу — вотъ послушайте — не вашей чета, а то, что̀ вы мнѣ разсказываете! Это еще до француза было...

Беневоленскій.

Ахъ, какой ты безтолковый, Платонъ Маркычъ! Я боюсь, что она сюда придетъ.

Добротворскій.

Кто?

Беневоленскій.

Эта дѣвушка-то.

Добротворскій.

Зачѣмъ? Нѣтъ, зачѣмъ она пойдетъ, что̀ вы говорите!

Беневоленскій.

Пойми ты меня, Платонъ Маркычъ: я тебѣ говорю, что она ревнива, такъ я боюсь, чтобы она тутъ шуму какого не надѣлала.

Добротворскій.

Вотъ что̀! а!.. Теперь я васъ понялъ.

Беневоленскій.

Такъ ужь ты распорядись, братецъ, такъ, чтобы не пускали никого постороннихъ.

Добротворскій.

Что̀-жъ вы, отецъ мой, у меня съ Марьей-то Андревной дѣлаете! Вы этакъ у меня ее уморите, сердечную... А ужь вы, батюшка, эти глупости-то оставьте.

Беневоленскій.

Что̀ ты, что̀ ты! Я давно оставилъ. Только все-таки осторожность не мѣшаетъ. Понимаешь ты меня?

Добротворскій.

Хорошо-съ, теперь понимаю. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Беневоленскій (*одинъ*).

Въ жизни главное дѣло — умъ и предусмотрительность. Чтò такое я былъ, и чтò я теперь? Вотъ она, исторія-то! Бывало, всякому встрѣчному кланяешься, чтобъ тебя не прибилъ какъ-нибудь, а теперь насъ и рукой не достанешь. И капиталъ есть, и жену красавицу нашелъ. Чортъ возьми! (*Пожимаетъ руки, потомъ деретъ себя за хохолъ*). Ахъ ты, Максимка Беневоленскій! А думалъ-ли ты объ этомъ счастіи, сидя въ школѣ въ затрапезномъ халатѣ? Ничего, братецъ! Вотъ (*стучитъ себя пальцемъ по лбу*), вотъ чѣмъ пробьемъ себѣ дорогу. Нужда умъ родитъ, а умъ родитъ деньгу, а съ умомъ да съ деньгами все можно сдѣлать! (*Задумывается*). Не поучиться-ли мнѣ танцовать?.. Поучусь. Или ненадо? Нѣтъ, чтò! Дѣловому человѣку неловко. А иногда такъ тебѣ и хочется плясать. (*Немного подпрыгиваетъ, проходятъ разныя лица изъ залы; онъ становится въ приличную позу и закидываетъ руку за жилетъ. Изъ двери налѣво выходятъ 1-я и 2-я женщины, Паша и Дуня*).

Дуня.

Ахъ, Максимъ Дорофеичъ, здравствуйте! Наше вамъ почтеніе. (*Беневоленскій отворачивается въ сторону*). Чтò-жь, ты меня не узналъ, чтò-ли?

Беневоленскій.

Ахъ, это ты, Дуня! Зачѣмъ-же ты...

Дуня.

Невѣсту твою посмотрѣть.

Беневоленскій.

Да какъ-же это! вѣдь, я не велѣлъ-было...

Дуня.

Чтò это не велѣлъ? Ты меня пускать не велѣлъ! Ахъ, безсовѣстный ты человѣкъ! Безстыжіе твои глаза!..

Беневоленскій.

Нѣтъ, я ничего... я такъ! Чтò-жь, Дуня, посмотри, поди. Тамъ вонъ невѣста, тамъ приданое...

Дуня.

То-то, посмотри! Не глядѣли-бъ мои глаза-то, кажется, на тебя. Вотъ, Паша, смотрѣть посылаетъ, видишь, какой добрый! Самъ все покажетъ. Что̀-жь, матушка, вѣдь не чужой. Ахъ ты, соколикъ!

Беневоленскій.

Ты, Дуня, поосторожнѣй — увидитъ кто-нибудь, нехорошо! (*Становится въ позицію*).

Дуня.

А хочешь, сейчасъ дебошъ сдѣлаю?

Беневоленскій.

Дура, дура! Что̀ ты, что̀ ты!

Дуня.

Не бойся, не бойся! Что̀ ты испугался? Я не въ тебя.

Беневоленскій.

Нѣтъ, Дуня, полно, въ самомъ дѣлѣ. Коли тебѣ что̀ нужно, ты лучше ко мнѣ на домъ приди.

Дуня.

Не пойду я къ тебѣ, не безпокойся.

Беневоленскій.

А здѣсь, Дуня, тебѣ что̀-жь дѣлать? Посмотри невѣсту и ступай.

Дуня.

Ужь я видѣла! Хороша, вѣдь, Паша, ужь можно сказать, что хороша. (*Къ Беневоленскому*). Только съумѣешь-ли ты съ этакой женой жить? Ты смотри, не загуби чужаго вѣку даромъ. Грѣхъ тебѣ будетъ. Остепенись, да живи хорошенько. Это, вѣдь, не со мной: жили, жили, да и былъ таковъ. (*Утираетъ глаза*).

Паша.

А ты говорила, что тебѣ его не жаль.

Дуня.

Вѣдь, я его любила когда-то. Что̀-жь, надо-же когда-нибудь разставаться: не вѣкъ такъ жить. Еще хорошо, что женится; авось, будетъ жить порядочно. А все-таки, Паша, ты то возьми, лѣтъ пять жили... вѣдь, жалко. Конечно, немного я отъ него добраго видѣла... больше слезъ... одного сраму что̀ перенесла. Такъ, ни за что̀ прошла молодость, и помянуть нечѣмъ.

Паша.

Что̀ дѣлать, Дуня.

Дуня.

А, вѣдь, бывало, и ему рада радешенька, какъ пріѣдетъ. Смотри-жь, живи хорошенько!

Веневоленскій.

Ну, ужь, конечно.

Дуня.

То-то-же. Эта, вѣдь, тебѣ на вѣкъ, не то, что̀ я. Ну, прощай, не поминай лихомъ, добромъ нѐчѣмъ. Что̀ это я, какъ дура, расплакалась, въ самомъ дѣлѣ! О! махнемъ рукой, Паша, завьемъ горе веревочкой!

Веневоленскій.

Прощай, Дуня!

Дуня.

Адье, мусье! Пойдемъ, Паша. (*Уходятъ*).

Веневоленскій.

Сумасшедшая женщина! Еще хорошо, что такъ обошлось. Однако, я-было перетрухнулъ. (*Входитъ оффиціантъ).* Дай-ка мнѣ, братецъ, рюмочку хересу. Фу! какъ гора съ плечъ. (*Оффиціантъ подноситъ*). Благодарю, любезный. (*Уходитъ. Появляются на сценѣ разныя лица*).

Двѣ женщины.

1-я.

Вотъ, говорятъ: не завидуй! Какъ тутъ не завидовать! Одна дочь, и той какого молодца поддѣли; а у меня вотъ три, да нейдутъ съ рукъ. Что̀ ты хочешь дѣлай! А, вѣдь, чай, малаго-то опутали какъ-нибудь, а то гдѣ-бъ ему жениться, вѣдь, за ней ничего нѣтъ.

2-я.

Ну, ужь, матушка, нашла кому позавидовать!

1-я.

А что̀?

2-я.

Да, говорятъ, такой соколъ, что бѣда!

Двѣ старухи.

1-я старуха.

Сундуки-то кованые, да, должно быть, пустые.

2-я старуха.

Анъ нѣтъ, полные.

1-я старуха.

Гдѣ ужь полные! У нихъ всего и добра-то кругомъ пальца обвести.

2-я старуха.

Ты въ чужіе сундуки-то лазила, что̀-ль?

1-я старуха.

Я не лазію — можетъ, кто другой лазитъ.

2-я старуха.

Тебѣ только пересуживать; а самоё-то съ чѣмъ отдавали?

1-я старуха.

Да ужь почище тебя!

2-я старуха.

А кто по чужимъ дворамъ дрова воруетъ?

1-я старуха.

Врешь, я не ворую.

2-я старуха.

Анъ воруешь.

1-я старуха.

Ахъ ты!.. (*Скрываются въ толпѣ. Изъ двери направо выходятъ Анна Петровна, Добротворскій и Дарья*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Анна Петровна, Добротворскій и Дарья.

Анна Петровна.

Охъ, захлопоталась я нынче совсѣмъ, моченьки моей нѣтъ. Отдохнуть присѣсть. (*Садится на диванъ*).

Добротворскій.

Что-жь, свои, вѣдь, сударыня, хлопоты. Своя ноша не тянетъ, говорится пословица. Благо, все устроили.

Анна Петровна.

Ужь какъ я рада-то, Платонъ Маркычъ, вы себѣ и представить не можете. Пора ужь и мнѣ знать покой. Женщина я слабая, сырая, во всемъ должна была себѣ отказывать. А я, вѣдь, какъ при покойникѣ-то жила, вы знаете, всѣмъ была избалована.

Добротворскій.

Въ холѣ жили и въ нѣженьѣ, Анна Петровна.

Анна Петровна.

И я вамъ скажу, Платонъ Маркычъ, какъ я свадьбы всегда любила. Меня хлѣбомъ не корми, только гдѣ-бы нибудь на свадьбѣ пировать. Вотъ теперь Богъ привелъ дочку выдавать. Ужь не чаяла, какъ и дождаться-то такой радости. Во снѣ сколько разъ снилось. То приснится мнѣ, что пляшу я, вотъ такъ и пляшу, такъ и пляшу. Вѣдь, я съ молоду-то плясывала. А то вижу я разъ, будто пьяна, вотъ такъ-таки совсѣмъ пьяна, и побранилась я съ вами на чемъ свѣтъ стоитъ.

Добротворскій.

Къ радости, сударыня.

Анна Петровна.

Ну да, слава Богу, все теперь устроилось.

Добротворскій.

Слава Богу, слава Богу.

Анна Петровна.

Дай-ка намъ, Даша, винца какого-нибудь. Мы съ Платономъ Маркычемъ выпьемъ на радости. (*Дарья подаетъ на подносѣ бутылку и рюмки и ставитъ на столъ*).

Добротворскій (*пьетъ*).

Честь имѣю поздравить, Анна Петровна. Дай Богъ внучатъ и правнучатъ дождаться.

Анна Петровна.

Покорно благодарю, Платонъ Маркычъ. Вамъ, батюшка, мы всѣмъ этимъ обязаны. (*Входитъ Марья Андреевна*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Марья Андреевна.

Марья Андреевна.

Вы здѣсь, маменька? Я васъ ищу. (*Подходитъ къ матери*).

Анна Петровна.

Что̀ тебѣ, душенька, что̀ тебѣ?

Марья Андреевна.

Такъ, маменька, что̀-то мнѣ очень скучно стало. (*Садится на диванъ и припадаетъ къ матери головой*).

Добротворскій (*беретъ бокалъ*).

Что̀ дѣлать-то, барышня, надобно привыкать! За ваше здоровье. Будете богаты, тогда и насъ не забудьте. Хе, хе, хе. Пожалуйте ручку, барышня. (*Цалуетъ*).

Анна Петровна (*пьетъ*).

Ну, дочка, будь счастлива, не поминай лихомъ мать старуху. Поживешь, сама узнаешь, что̀ такое дѣти-то. (*Цалуетъ*). Нравится-ли онъ тебѣ? Признаться сказать, скоренько дѣло-то сдѣлали; кто его знаетъ, въ него не влѣзешь.

Марья Андреевна (*въ слезахъ*).

Ничего, маменька, онъ мнѣ нравится. Вы не глядите, что я плачу; это такъ, отъ волненія. Мнѣ кажется, что я буду счастлива...

Голосъ изъ толпы.

Другой, матушка, нравный, любитъ, чтобъ ему угождали. Домой-то, извѣстное дѣло, больше пьяные пріѣзжаютъ, такъ любятъ, чтобъ сама ухаживала, людей къ себѣ не подпускаютъ!

Марья Андреевна.

А если и не буду счастлива, такъ ужь не вы виноваты; вы сдѣлали для меня все, что̀ могли, что̀ умѣли. Благодарю васъ, маменька, и васъ, Платонъ Маркычъ. (*Изъ другой комнаты слышна музыка; Беневоленскій выходитъ, Марья Андреевна идетъ къ нему на встрѣчу и подаетъ руку*).

Добротворскій (*подаетъ руку Аннѣ Петровнѣ*).

А мы съ вами, сударыня, польскую пройдемся. (*Уходятъ*).

Одна изъ толпы.

Это, что̀-ль, невѣста-то?

Старуха.

Эта, матушка, эта.

Женщина.

Ишь ты какъ плачетъ, бѣдная.

Старуха.

Да, матушка, бѣдная: за красоту беретъ.

НЕ ВЪ СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ.

НЕ ВЪ СВОИ САНИ НЕ САДИСЬ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЛИЦА:

Максимъ Ѳедотычъ Русаковъ, богатый купецъ.

Авдотья Максимовна, его дочь.

Арина Ѳедотовна, его сестра, пожилая дѣвушка.

Селиверстъ Потапычъ Маломальскій, содержатель трактира и гостиницы.

Анна Антоновна, его жена.

Иванъ Петровичъ Бородкинъ, молодой купецъ, имѣющій мелочную лавочку и погребокъ.

Викторъ Аркадьичъ Вихоревъ, отставной кавалеристъ.

Андрей Андреечъ Баранчевскій, чиновникъ.

Степанъ, слуга Вихорева.

Половой въ гостинницѣ.

Мальчикъ и **Дѣвушка** (безъ рѣчей).

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ Черемухинѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Общая комната въ гостинницѣ; на задней и по боковымъ стѣнамъ по двери, въ лѣвомъ углу отъ зрителей столъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Степанъ (*сидитъ за столомъ и ѣстъ селедку на синей сахарной бумагѣ*). Половой (*стоитъ подлѣ него съ полотенцемъ на плечѣ*).

Степанъ.

Что̀ ты, братецъ, смотришь? Незавидное кушанье! Тонкое

житье! Третій день вотъ селедками пробавляюсь, а что̀ въ нихъ проку-то, только пьешь да въ животѣ бурчитъ.

Половой.

Что̀ вашъ баринъ-то, служащій?

Степанъ.

Да, служили мы съ бариномъ-то безъ году недѣлю.

Половой.

Что̀-жь такъ мало-съ?

Степанъ.

Гмъ! гдѣ ему служить! Не то у него на умѣ, и притомъ-же гордъ... (*Глотаетъ съ трудомъ*). Кто я, да что̀ я! Да другія провинности, да шалушки водились, такъ все къ одному пригнали, да и маширъ на хаусъ.

Половой.

А имѣніе-то есть у васъ?

Степанъ.

Было большое село, да отъ жару въ кучу свело. Все-то разорено, все-то промотано! То-есть, повѣришь-ли ты, другъ мой, пріѣхали мы это въ деревню — ни кола, ни двора; а хлѣбъ-то на полѣ, такъ не глядѣли-бъ глаза мои: колосъ отъ колоса — не слыхать дѣвичьяго голоса.

Половой.

А много-ль душъ-то?

Степанъ.

У тятеньки-то было полтораста, а у насъ только одиннадцать, да я двѣнадцатый — дворовый. Вотъ и все.

Половой.

Зачѣмъ-же вашъ баринъ сюда пріѣхалъ?

Степанъ.

Жениться хочетъ, изъ себя очень красивъ... Какъ женюсь, говоритъ, на богатой, всѣ дѣла поправлю. (*Голосъ за сценой: «Степанъ!»*) Иду-съ. (*Завертываетъ селедку въ бумагу и кладетъ въ карманъ. Уходитъ. Половой стираетъ со стола полотенцемъ. Бородкинъ и Маломальскій входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Бородкинъ и Маломальскій.

Бородкинъ.

Теперича которыя я вина получилъ, Селиверстъ Потапычъ, такъ останетесь довольны, первѣйшіе сорта.

Маломальскій.

Молодцы! Соберите чайку... поскорѣй... лучшаго... (*Садится за столъ*).

Бородкинъ.

Если вы теперича попробуете, такъ вы завсегда будете предпочитать брать у меня. А я вамъ, Селиверстъ Потапычъ, завсегда могу этимъ дѣломъ услужить. (*Половой приноситъ чай и ставитъ на столъ. Бородкинъ начинаетъ мыть чашки и разливать*). Позвольте васъ поподчивать бутылочку лисабончику.

Маломальскій.

Я, братъ, ничего... я выпью.

Бородкинъ.

Мальчикъ! Паренекъ! (*Входитъ мальчикъ*). Сбѣгай въ лавку, скажи прикащику, чтобъ отпустилъ бутылку лисабону лучшаго. (*Мальчикъ уходитъ. Бородкинъ разливаетъ чай*). А ему, Селиверстъ Потапычъ, нѣтъ, вретъ — не удастся ему замарать меня.

Маломальскій.

Теперича, если ты ведешь свои дѣла правильно и, значитъ, аккуратно... ну, и никто тебя не можетъ замарать.

Бородкинъ.

Я, истинно, Селиверстъ Потапычъ, благодарю Бога! Какъ остался я послѣ родителя семнадцати лѣтъ, всякое притѣсненіе терпѣлъ отъ родныхъ, и теперича, который капиталъ отъ тятеньки остался, я даже могъ рѣшиться всего капиталу: все это я перенесъ равнодушно, и когда я пришелъ въ возрастъ, какъ должно — не токма, чтобы я промоталъ, или тамъ какъ прожилъ, а сами знаете, имѣю, можетъ быть, вдвое-съ, живу самъ по себѣ, своимъ умомъ, и никому уважать не намѣренъ.

Маломальскій.

Это ты въ правилѣ... дѣйствуешь.

Бородкинъ (*стучитъ крышкой чайника*).

Кипяточку! (*Половой подходитъ и беретъ чайникъ*).

Маломальскій.

Ты... имѣешь свою... правилу...

Бородкинъ.

Опять, Селиверстъ Потапычъ, за что̀ онъ меня обижаетъ?

Маломальскій.

Онъ не должо̀нъ этого...

Бородкинъ.

Теперича онъ пущаетъ слухъ, яко-бы, то-есть, я занимаюсь этимъ малодушествомъ — пить. Такъ это онъ вретъ: кто меня видѣлъ пьянымъ!.. Опять хоша-бъ я доподлинно пилъ, все-таки, стало быть, на свои: что̀-ли, я на его счетъ буду пить? А все это, главная причина — одна зависть. (*Половой приноситъ воды. Бородкинъ разливаетъ*). А можетъ, онъ того не знаетъ, что я плевать хотѣлъ на все это.

Маломальскій.

Слушай ты! Оставь втунѣ... пренебреги! Какъ ты свой кругъ имѣешь дѣла, и дѣйствуешь ты, примѣрно, въ этомъ кругѣ... такъ ты и должо̀нъ дѣйствовать, и тебѣ ничего не можетъ препятствовать никто.

Бородкинъ.

Все-таки, обидно. Говорится пословица: добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ. Зачѣмъ я теперь скажу про человѣка худо? Лучше я должо̀нъ сказать про человѣка хорошо.

Маломальскій.

Это ты правильно говоришь.

Бородкинъ.

Всякій по чужимъ словамъ судитъ. А почемъ онъ знаетъ: можетъ, онъ мнѣ этимъ вредъ дѣлаетъ. Я жениться хочу, такъ кому-же это нужно, когда про человѣка такая слава идетъ!

Маломальскій.

Слушай! Коли ты женишься... кто-же можетъ ему повѣрить...

потому, какъ онъ пустой человѣкъ и, съ позволенія сказать, ничтожный его весь разговоръ... Никому вреда... окромя себѣ.

Бородкинъ.

Конечно, Селиверстъ Потапычъ, всякой знаетъ, что все это наносныя слова, да къ чему-же это-съ? Что̀ я ему сдѣлалъ? Я объ немъ и думать-то забылъ, потому какъ онъ есть невѣжа и ругатель.

Половой (*приноситъ бутылку*).

Прикажете откупорить?

Бородкинъ.

Откупори, да бокальчиковъ дай.

Половой.

Сейчасъ. (*Откупориваетъ, подаетъ на подносѣ два бокала и наливаетъ*).

Бородкинъ.

Пожалуйте-съ. (*Берутъ бокалы и пьютъ*). Какъ на вашъ вкусъ?

Маломальскій.

Ничего... живетъ... Эй ты! Прибирай чай.

Бородкинъ.

Я вамъ это самое по полтинничку поставлю. (*Молчаніе. Пьетъ*). А я вамъ вотъ... передъ истиннымъ... то-есть, не то чтобы пьянство или тамъ что другое, а больше того стараюсь, чтобы люди про меня хорошее говорили. Какъ живу я при матушкѣ теперича пятый годъ, сами знаете, честно и благородно... Пожалуйте еще... выкушайте. (*Наливаетъ*). Никого я не трогаю, значитъ никому до меня дѣла нѣтъ. Конечно, я по молодости своей обязанъ уважать старшимъ, да не всякому-же: другой не сто̀итъ того и вниманія, чтобъ ему уважать-то. А я къ вамъ съ просьбою, Селиверстъ Потапычъ, заставьте за себя Богу молить. (*Встаетъ и кланяется въ поясъ*).

Маломальскій.

Какая-же можетъ быть твоя просьба?

Бородкинъ.

Это дѣло будетъ касаться Максима Ѳедотыча... Я теперича буду васъ просить замолвить за меня словечко.

Маломальскій.

То-есть на счетъ чего-же... это... касающее?..

Бородкинъ.

На счетъ Авдотьи Максимовны-съ! Есть на то мое желаніе и маменькино-съ.

Маломальскій.

Это ничего... это можно...

Бородкинъ.

Вы не думайте, Селиверстъ Потапычъ, чтобы я польстился на деньги, или тамъ на приданое, ничего этого нѣтъ; мнѣ что̀ приданое, Богъ съ нимъ, потому у меня и своего довольно; а какъ собственно я оченно влюбленъ въ Авдотью Максимовну. Стараюсь объ ней, примѣрно, не думать — никакъ невозможно, потому это сверхъ моихъ чувствъ. Повѣрите-ли, Селиверстъ Потапычъ, сядешь это вечеромъ дома къ окну, возьмешь гитару собственно какъ для увеселенія себя, такая найдетъ на тебя тоска, что даже до слезъ.

Маломальскій.

Это я могу... орудовать...

Бородкинъ.

И мнѣ, кажется, ничего въ жизни ненадо, кромѣ какъ если-бы Максимъ Ѳедотычъ отдали за меня Авдотью Максимовну, хотя-бы даже безо всякаго награжденія.

Маломальскій.

Это все въ нашихъ рукахъ.

Бородкинъ.

Будьте отецъ и благодѣтель! Нынче Максимъ Ѳедотычъ зайдутъ къ вамъ, такъ ужъ вы ему поговорите, а ужъ я вамъ по гробъ жизни буду обязанъ, то-есть, вотъ какъ-съ — скажите: Иванъ, сдѣлай то, я всей душой-съ. Прикажете еще бутылочку послать?

Маломальскій.

Что̀-жь... посылай...

Бородкинъ (*половому*).

Пошли мальчика-то, чтобъ еще бутылочку принесъ.

Половой.

Слушаю-съ. (*Уходитъ. Входитъ Русаковъ. Бородкинъ быстро встаетъ и раскланивается. Маломальскій тоже встаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Русаковъ.

Бородкинъ (*показывая на диванъ*).

Пожалуйте-съ, Максимъ Ѳедотычъ! Наше вамъ почтеніе.

Русаковъ.

Ну, вотъ, сватъ, я къ тебѣ пришелъ, чѣмъ-то ты меня станешь подчивать.

Маломальскій.

Китайскихъ травъ... первыхъ сортовъ... велимъ подать.

Русаковъ.

Ну тебя съ травами!..

Бородкинъ.

Домашнія ваши здоровы-ли, Авдотья Максимовна, Арина Ѳедотовна?

Русаковъ.

Ничего, живутъ по-маленьку. Ты, Иванушка, что̀ къ намъ рѣдко заглядываешь?..

Бородкинъ.

Побываю, Максимъ Ѳедотычъ, какъ-нибудь-съ. Это время все дѣлишки были. Не прикажете-ли рюмочку лисабончику?

Русаковъ.

Нѣтъ, я этого, братъ, не пью. А вотъ съ дорожки-то ты-бы, сватъ, велѣлъ подать рюмочку ерофеичу.

Маломальскій.

Молодцы! Ерофеичу подайте... поскорѣй, домашняго... да закусочки... Слышь ты, скажи женѣ, что сватъ, молъ, пришелъ. (*Половой уходитъ*).

Русаковъ.

Объ чемъ вы тутъ, дружки, толкуете?

Маломальскій.

Такое дѣло примѣрно... важное, разсудку требуетъ.

Русаковъ.

Это ты хорошо, Иванушка, дѣлаешь, что къ старшимъ за совѣтомъ ходишь. Умъ хорошо, а два лучше... Хоть ты парень и умный, а старика послушай... старикъ тебѣ худа не посовѣтуетъ. Такъ-ли я говорю, а?

Маломальскій.

Это ты правильно. (*Половой приноситъ водку и ставитъ на столъ*).

Русаковъ (*пьетъ*).

А ты, сватъ, выпьешь?

Маломальскій.

Я, сватъ... я выпью... я ныньче загулялъ. (*Пьетъ; дѣлаетъ серьезную физіономію*). А у меня есть слово къ тебѣ, сватъ...

Русаковъ.

Какое-же это слово?

Маломальскій (*съ важною физіономіею показываетъ на Бородкина*).

Теперича этотъ молодецъ... гмъ!.. къ примѣру... (*мигаетъ глазомъ*) то-есть, примѣрно, приходитъ онъ ко мнѣ... и все этакое...

Русаковъ.

Да ты полно ломаться-то!.. Ты и такъ-то разговаривать не мастеръ, а какъ ужъ важность-то на себя напустишь, такъ хоть вовсе брось.

Маломальскій.

Погоди... дѣло говорю. Гмъ!.. Выпьемъ сперва-нàперва.

Русаковъ.

Пей, я не хочу.

Маломальскій (*пьетъ и морщится*).

Только вотъ приходитъ онъ ко мнѣ... видишь... такъ и такъ, говоритъ... что онъ, примѣрно сказать, влюбленъ... (*Бородкинъ встаетъ*). Ну, и значитъ... онъ проситъ меня, чтобы я руководствовалъ его... всему этому дѣлу.

Русаковъ.

Ну?..

Маломальскій.

Ты погоди!.. Какъ онъ теперь въ состояніи... то-есть... при

всемъ своемъ полномъ капиталѣ... ну, и должо̀нъ законнымъ бракомъ... Гмъ... приходитъ это, примѣрно, ко мнѣ...

Русаковъ.

Ужь слышали.

Маломальскій.

Я, сватъ... я говорить не умѣю, а то-есть, у тебя, примѣрно, товаръ, а у насъ купецъ...

Русаковъ.

У тебя, сватъ, не разберешь — такъ-ли ты городишь, зря, или ты про дѣло толкуешь.

Маломальскій.

Про дѣло, сватъ.

Русаковъ.

Такъ про дѣло дѣломъ и толковать надо, а не такъ. Вѣдь, это не шутка, ты самъ посуди! Это на вѣкъ.

Маломальскій.

Послушай, сватъ... ты намъ теперь-то что̀-нибудь, примѣрно, хоть обинякомъ...

Русаковъ.

Да что̀ вамъ сказать-то? Ты знаешь, Дуня у меня одна... Одно утѣшеніе только и есть. Мнѣ ненадо ни знатнаго, ни богатаго а чтобы былъ добрый человѣкъ, да любилъ Дунюшку, а мнѣ-бы любоваться на ихъ житье... право, такъ. Я, значитъ, должо̀нъ это дѣло сдѣлать съ разумомъ, потому мнѣ придется за нее Богу отвѣчать.

Бородкинъ.

Конечно, Максимъ Ѳедотычъ, главная причина, какъ сами Авдотья Максимовна, какъ имъ человѣкъ понравится.

Маломальскій.

Это онъ... такъ точно.

Русаковъ.

Врете вы оба! Статочное-ли дѣло, чтобъ повѣрить дѣвкѣ, кто ей понравится!.. Извѣстно, дѣло дѣвичье — глупое... Дѣвку долго-ли обмануть!.. Вѣтрогонъ какой-нибудь, прости Господи, подвернется, подластится, ну, дѣвка и полюбитъ; такъ ее и отдавать безъ толку?.. Нѣтъ, это не порядокъ: пусть мнѣ человѣкъ

понравится. Я не за того отдамъ, кого она полюбитъ, а за того, кого я полюблю. Да, кого я полюблю, за того и отдамъ. Да я годъ буду смотрѣть на человѣка, со всѣхъ сторонъ его огляжу. А то какъ дѣвкѣ повѣрить? Что̀ она видѣла? Кого она знаетъ?.. А я, сватъ, недаромъ шестьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ живу, видалъ-таки людей-то: меня на кривой-то не объѣдешь.

Маломальскій.

Ты слушай, сватъ: значитъ, за кого отецъ... за того и ступай... потому онъ лучше... какъ можно... дѣвкѣ гдѣ?.. Дай имъ волю-то... послѣ и не расчерпаешь, такъ-ли... а?..

Русаковъ.

Да ты что̀!.. Все ты не дѣло толкуешь!.. Моя дочь не такая... Моя Дунюшка вылитая жена покойница... Помнишь, сватъ?.. Ну что̀! Роптать грѣхъ. (*Утирая слезы*). Годковъ тридцать пожилъ! и за то должо̀нъ Бога благодарить. Да какъ пожилъ! Тридцать лѣтъ слова неласковаго другъ отъ друга не слыхали! Она, голубка, бывало, куда придетъ, тамъ и радость. Вотъ и Дуня такая-же: пусти ее къ лютымъ звѣрямъ, и тѣ ее не тронутъ. Ты на нее посмотри: у нея въ глазахъ-то только любовь да кротость. Она будетъ любить всякаго мужа, надо найти ей такого, чтобъ ее-то любилъ, да могъ-бы понять, что это за душа... душа у ней русская.

Бородкинъ.

Я, Максимъ Ѳедотычъ, это очень могу понимать-съ.

Русаковъ.

Что̀-жь, Иванушка, я тебя обманывать не стану: ты мнѣ нравишься, ты парень хорошій: лучше тебя у насъ въ городѣ нѣтъ. Заходи ужотка, да скажи матери, чтобъ побывала, я съ ней поговорю. (*Мальчикъ приноситъ бутылку вина*).

Бородкинъ.

Первымъ долгомъ почту передать это своей родительницѣ-съ.

Маломальскій.

Ну, такъ по рукамъ... что̀-ль... а?.. А вотъ теперь, сватъ, давайте... вобче... всѣ выпьемъ. (*Пьютъ*).

Русаковъ (*встаетъ*).

Ну, прощай, сватъ.

Маломальскій.

Погоди!

Русаковъ.

Некогда! Дома обѣдать ждутъ.

Маломальскій.

Нѣтъ, постой... я тебѣ разскажу исторію... Слышь ты... остановились у меня проѣзжіе... только, примѣрно, напились... и какой-же маскарадъ сдѣлали!

Русаковъ.

Ну тебя съ маскарадомъ! Прощай!

Бородкинъ.

Я вотъ сбѣгаю въ лавку, заверну домой-съ, да и къ вамъ-съ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Маломальскій *одинъ, потомъ* Анна Антоновна.

Маломальскій (*допиваетъ, стучитъ по столу и кричитъ*).

Эй, молодцы!.. Прибирай все, слышь ты, прибирай!.. (*Стучитъ*).

Анна Антоновна (*входитъ*).

Необразованность ты моя! Что̀ ты шумишь-то?.. Мужикъ, мужикъ!..

Маломальскій.

Жена, молчи! дѣло сдѣлали... теперь гуляй!..

Анна Антоновна.

Стѣнъ-то-бы ты постыдился, что̀ ты орешь-то?.. (*Приходитъ половой, собираетъ со стола, уноситъ подносъ и опять возвращается*).

Маломальскій.

Жена! Поди сюда... дѣло сдѣлали...

Анна Антоновна.

Необразованность!

Маломальскій.

Веди меня... я спать хочу... (*Жена беретъ его за руку и ведетъ*). Постой, поцалуй меня!..

Анна Антоновна.

Пойдемъ, пойдемъ, безпутный! (*Уходятъ. Входятъ Баранчевскій и Вихоревъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Половой, Баранчевскій и Вихоревъ.

Вихоревъ.

Вотъ какъ это случилось. Я услыхалъ, что у Русакова много денегъ; ну, и пріѣхалъ сюда изъ деревни нарочно; думаю, рискну! Ужь либо панъ, либо пропалъ... Отрекомендовался ему, познакомились; а съ ней-то я познакомился черезъ хозяйку здѣшнюю, Анну Антоновну. Авдотья Максимовна къ ней ходитъ иногда. Ну, знаешь, поразговорились, то да се, а тутъ ужь долго-ли влюбиться.

Баранчевскій.

Что̀ толковать!..

Вихоревъ.

Дѣло въ томъ, Баранчевскій, что мнѣ нужны деньги. Состояніе, которое у меня было когда-то, давно прожито, имѣніе разстроено. Мой другъ! мнѣ жить нечѣмъ, мнѣ не съ чѣмъ въ Москву пріѣхать, а я тамъ много долженъ. Мнѣ нужно жениться на богатой во что̀-бы то ни стало; это единственное средство.

Баранчевскій.

Женись на Русаковой. Чего-жь тебѣ лучше? Къ тому-же она въ тебя влюблена.

Вихоревъ.

Влюблена-то она влюблена, да что̀ скажетъ отецъ. А что̀, Баранчевскій, много у него денегъ?..

Баранчевскій.

Полмилліона, навѣрно.

Вихоревъ.

Нѣтъ, ты не шутишь?

Баранчевскій.

Что̀ за шутки! Непремѣнно есть полмилліона, если не больше.

(*Смотрить на часы*). Торопиться-то мнѣ некуда; давай выпьемъ маленькую.

Вихоревъ.

Изволь.

Баранчевскій (*половому*).

Бутылку шампанскаго! (*Садятся*).

Вихоревъ.

Нѣтъ, послушай, Баранчевскій, неужели въ самомъ дѣлѣ у Максима Ѳедотыча полмилліона?

Баранчевскій.

Что̀-жь тутъ мудренаго! У насъ много богатыхъ купцовъ. Я самъ взялъ за женой полтораста тысячъ.

Вихоревъ.

Ты?.. Нѣтъ, ужь это, братъ, шутки!.. Я этому не повѣрю.

Баранчевскій.

Не вѣрь, пожалуй; а я вотъ имѣніе купилъ, премиленькое, верстахъ въ семи отъ города, душъ 200, домъ отдѣлалъ великолѣпнымъ образомъ.

Вихоревъ.

Баранчевскій! Да ты великій человѣкъ! Счастливчикъ просто! А мнѣ такъ вотъ нѣтъ счастья. Я-было въ Москвѣ то-же присватался за одну — кушъ порядочный; влюбилась, сдуру, ужасъ какъ, просто средствъ нѣтъ никакихъ, да не отдаютъ ни за какія благополучія. Я такъ, сякъ, увезти хотѣлъ, да съ ней-то не столкуешь — дура ужаснѣйшая! Дура à la lettre, mon cher, такое несчастіе!

Баранчевскій.

Одно, братъ, непріятно, ужь сейчасъ замѣтно, что изъ купчихъ.

Вихоревъ.

Что̀ за важность! Сто̀итъ объ этомъ разговаривать! Послушай, Баранчевскій, будь другъ, ты мнѣ помоги!

Баранчевскій.

Еще-бы не помочь!

Вихоревъ.

Вѣдь, этотъ народъ не понимаетъ самой простой истины... Что̀ такое деньги?.. Ни больше, ни меньше, какъ средство жить

порядочно, въ свое удовольствіе. А они стараются какъ можно больше копить и какъ можно меньше проживать; а ужь доказано всѣми науками, что это вредно... для торговли... и для цѣлаго общества.

Баранчевскій.

Такъ, такъ, душа моя, такъ!

Вихоревъ.

Вотъ видишь, еслибы у тебя не было денегъ, ты-бы не спросилъ бутылки шампанскаго, а этимъ поддерживается торговля. (*Баранчевскій утвердительно киваетъ головой*). Слѣдовательно, если мы, люди образованные и со вкусомъ, но безъ средствъ, женимся на богатыхъ и такимъ образомъ даемъ, знаешь, нѣкоторое движеніе... можно-ли насъ за это упрекнуть?

Баранчевскій.

Никоимъ образомъ!

Вихоревъ.

А, вѣдь, есть такіе философы, которые осуждаютъ это!..

Баранчевскій.

Осуждай, пожалуй!..

Вихоревъ.

Теперь ты возьми въ разсчетъ мой меланхолическій характеръ: мнѣ и такъ все кажется въ черномъ цвѣтѣ, а во время безденежья... ты себѣ и вообразить не можешь... При деньгахъ я совсѣмъ другой человѣкъ: я дѣлаюсь веселъ, развязенъ, могу заняться дѣломъ... Нѣтъ, Андрюша, въ самомъ дѣлѣ!.. Особенно въ послѣднее время, обстоятельства были очень плохи, такая, братецъ, тоска нашла, хандрить началъ. Серьёзно я говорю, помоги, Баранчевскій.

Баранчевскій.

Изволь, изволь!..

Вихоревъ.

А вотъ, во-первыхъ, есть у тебя экипажъ хорошій?

Баранчевскій.

Лучшій въ городѣ.

Вихоревъ.

Ты мнѣ одолжи его къ нимъ съѣздить.

Баранчевскій.

Съ удовольствіемъ, мой другъ! (*Встають и ходятъ по сценѣ*). Что-жь вина не даютъ?...

Вихоревъ (*ухватывая его за талію*).

Такъ-то, Андрюша!.. вотъ дѣла-то!.. Привелъ Богъ свидѣться!.. Однако, ты потолстѣлъ. (*Половой приноситъ бутылку и два стакана, ставитъ стаканы на столъ и откупориваетъ*).

Вихоревъ.

Безъ грому, братецъ, безъ грому; я этого терпѣть не могу. (*Садятся къ столу. Половой наливаетъ имъ стаканы и отходитъ къ сторонѣ. Пьютъ молча*). Что̀ это у васъ за шумъ былъ?..

Половой.

Хозяинъ загулялъ-съ.

Вихоревъ.

Что̀-жь, это съ нимъ часто бываетъ?

Половой.

Со временемъ бываетъ-съ. Съ знакомыми сидѣли, Максимъ Ѳедотычъ былъ-съ, Бородкинъ.

Вихоревъ.

И Максимъ Ѳедотычъ былъ?

Половой.

Былъ-съ. Они дочку просватали-съ.

Вихоревъ.

Что̀ за вздоръ!.. Ты, братецъ, врешь! За кого?

Половой.

За Бородкина-съ.

Вихоревъ.

Это пустяки, этого быть не можетъ. Послушай, мой другъ, вотъ это несчастіе!.. вотъ что̀ называется несчастіе!.. (*Вскакиваетъ*). Это, наконецъ, чортъ знаетъ, что̀ такое... Понимаешь-ли ты, я за этимъ ѣхалъ сюда!.. Согласись, Баранчевскій, что, вѣдь, это ужасно досадно!.. Кто этотъ Бородкинъ?..

Половой.

Здѣшній купецъ-съ.

Вихоревъ.

Что̀, онъ бо̀гатъ, хорошъ собою, образованъ?..

Половой.

Какъ есть изъ русскихъ-съ.

Вихоревъ.

Родство, что̀-ли, у него богатое?

Половой.

Какое родство-съ! Нашему слесарю двоюродной кузнецъ!

Вихоревъ.

Такъ она за него не пойдетъ ни за что̀! Я говорю тебѣ, Баранчевскій, что она влюблена въ меня; не стану-же я тебя обманывать. Или, можетъ быть, у васъ тутъ обычай выдавать насильно. Вѣдь, кто васъ знаетъ. Заѣдешь въ такую глушь! Это чортъ знаетъ, какъ досадно!

Половой.

Одна необразованность; по необразованію все дѣлается.

Баранчевскій.

Ну, изъ чего ты такъ горячишься?

Вихоревъ.

Да, вотъ ты тутъ устроился, такъ тебѣ и хорошо: тебѣ тепло здѣсь съ богатой-то женой, а я чѣмъ виноватъ! Ты представь мое-то положеніе!.. (*Ходитъ по комнатѣ*). Однако, что̀-жь мнѣ теперь дѣлать?

Баранчевскій.

Вотъ что̀ дѣлать: поѣдемъ ко мнѣ обѣдать, я тебя съ женой познакомлю, а вечеромъ, возьми моихъ лошадей да и поѣзжай къ Русакову, объяснись съ нимъ поумнѣе, можетъ быть, ещѐ это все вздоръ.

Вихоревъ.

Ну, такъ ѣдемъ. Допивай. (*Анна Антоновна входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и Анна Антоновна.

Анна Антоновна.

Викторъ Аркадьичъ, Викторъ Аркадьичъ!

Вихоревъ (*подходя къ ней*).

Что̀ вамъ угодно?

Анна Антоновна.

Вашъ предметъ у меня теперь сидитъ; она собирается домой, такъ вы погодите, я ее здѣсь проведу.

Вихоревъ.

Благодарю васъ.

Анна Антоновна.

Амуръ! (*Уходитъ*).

Вихоревъ (*поправляется передъ зеркаломъ*).

Ты поѣзжай да пришли за мной лошадей; я сейчасъ пріѣду. (*Половому*). А ты пошелъ вонъ.

Баранчевскій.

Ну, прощай, я тебя жду. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Вихоревъ (*одинъ*).

Если этотъ Максимъ Ѳедотычъ не согласится, такъ я ее увезу; нѣчего и разговаривать!.. Будетъ, помаялся, надобно чѣмъ-нибудь кончить. Что̀-жь, мнѣ въ ремесленники, что̀-ли, идти?.. Нѣтъ, какъ у меня деньги-то въ карманѣ, такъ мнѣ что̀ хочешь пой, я никого и слушать не хочу. (*Входятъ Авдотья Максимовна и Анна Антоновна*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Вихоревъ, Авдотья Максимовна и Анна Антоновна.

Вихоревъ.

Какая нечаянность! (*Раскланиваются. Авдотья Максимовна кланяется ему*).

Анна Антоновна (*тихо Вихореву*).

Поговорите, полюбезничайте, а я посмотрю, не взошелъ-бы кто.

Вихоревъ.

Я долженъ съ вами проститься, Авдотья Максимовна!.. (*Авдотья Максимовна стоитъ въ недоумѣніи*). Я ѣду отсюда.

Авдотья Максимовна.

Зачѣмъ-же вы ѣдете, Викторъ Аркадьичъ?

Вихоревъ.

А зачѣмъ мнѣ оставаться, Авдотья Максимовна?.. Я слышалъ, вы выходите замужъ.

Авдотья Максимовна.

Это неправда, Викторъ Аркадьичъ; это васъ обманули — это только хотятъ васъ разстроить. И кому это только нужно!

Вихоревъ.

Помилуйте, ныньче утромъ Максимъ Ѳедотычъ далъ слово какому-то Бородкину. Согласитесь сами, послѣ этого что̀-же мнѣ здѣсь дѣлать!

Авдотья Максимовна.

Ахъ, Боже мой! Тятенька мнѣ ничего не говорилъ объ этомъ. Я не пойду за Бородкина, Викторъ Аркадьичъ, вы не безпокойтесь, пожалуйста.

Вихоревъ.

Вамъ тятенька прикажетъ идти.

Авдотья Максимовна.

Ахъ, нѣтъ, тятенька меня любитъ. Я скажу ему, что не люблю Бородкина; онъ насильно не заставитъ...

Вихоревъ.

А какъ онъ этого не послушаетъ, что̀ тогда?

Авдотья Максимовна.

Я ужь, право, не знаю, что̀ мнѣ дѣлать съ этимъ дѣломъ, такая-то напасть на меня!

Вихоревъ.

Хотите, я научу васъ, что̀ дѣлать?

Авдотья Максимовна.

Научите.

Вихоревъ.

Уѣдемте потихоньку, да и обвѣнчаемся.

Авдотья Максимовна.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!.. что̀ вы это, ни за что̀ на свѣтѣ!.. Ни-ни, ни за какія сокровища!..

Вихоревъ.

Тятенька васъ любитъ, онъ проститъ. Мы къ нему сейчасъ пріѣдемъ послѣ свадьбы, знаете, по русскому обыкновенію, ему въ ноги... Ну, старикъ и того...

Авдотья Максимовна.

Да и не говорите!.. Онъ проклянетъ меня!.. Каково мнѣ тогда будетъ жить на бѣломъ свѣтѣ! До самой смерти у меня будетъ камень на сердцѣ.

Вихоревъ.

Ну, извините, я другаго средства не знаю.

Авдотья Максимовна.

Вы лучше вотъ что̀ сдѣлайте, Викторъ Аркадьичъ: пріѣзжайте къ намъ ныньче вечеромъ, да и поговорите съ тятенькой, а я сама его тоже попрошу; хоть и стыдно будетъ, да ужь переломлю себя.

Вихоревъ.

А ну, какъ онъ откажетъ мнѣ?

Авдотья Максимовна.

Что̀-жь дѣлать!.. Знать, моя такая судьба несчастная. Вчера тетенька на картахъ гадала, что-то все дурно выходило, я ужь не мало плакала. (*Подноситъ платокъ къ глазамъ*).

Вихоревъ.

Послушайте, коли вы меня такъ любите, такъ вы уговорите Максима Ѳедотыча, онъ васъ послушаетъ. Тогда мы оба будемъ счастливы!

Авдотья Максимовна.

Вы-то меня любите-ли такъ, Викторъ Аркадьичъ, какъ я васъ люблю?..

Вихоревъ.

Какое-же можетъ быть сомнѣніе! Если вы не будете моей, я сейчасъ-же уѣду на Кавказъ и буду нарочно стараться, чтобы меня поскорѣе застрѣлили. Вы знаете, какъ черкесы хорошо стрѣляютъ.

Авдотья Максимовна.

Что̀ это вы, Викторъ Аркадьичъ, какія страсти говорите! Нѣтъ, не ѣздите. Пріѣзжайте ужо къ намъ.

Вихоревъ.

Непремѣнно пріѣду.

Авдотья Максимовна.

Прощайте, мнѣ пора. (*Вихоревъ беретъ ее за руку и хочетъ обнять*). Нѣтъ, мнѣ стыдно, ей-Богу стыдно!..

Вихоревъ (*въ сторону*).

Вотъ нѣжности! (*Ей*). Что̀ за стыдъ, когда любите. (*Цалуетъ ее*).

Авдотья Максимовна.

Вы будете послѣ смѣяться.

Вихоревъ.

За кого-же вы меня принимаете? Смѣю-ли я!

Авдотья Максимовна.

Нѣтъ, мнѣ, право, стыдно. (*Обнимаетъ и цалуетъ его сама, закрываетъ лицо и отходитъ*). Прощайте, пріѣзжайте ужо.

Вихоревъ.

Непремѣнно пріѣду. (*Авдотья Максимовна подходитъ къ Аннѣ Антоновнѣ и, шепнувши ей что-то, уходитъ*).

Анна Антоновна (*въ дверяхъ, грозя пальцемъ*).

Амуръ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Вихоревъ (*одинъ*).

А она даже очень недурна и, какъ кажется, такая простенькая дѣвушка. А ужь какъ влюблена, ужасъ! Тысячъ сто взять къ ней въ придачу, да и довольно. Конечно, съ такою женой нельзя въ столицу показаться, а въ уѣздѣ ничего, жили-бы припѣваючи. (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Небольшая комната въ домѣ Русакова; на обѣихъ боковыхъ стѣнахъ по окну и по двери, на задней стѣнѣ дверь; два стола, одинъ съ правой стороны, другой съ лѣвой, почти у самой двери; за столомъ диванъ; на окнахъ цвѣты и на одномъ гитара.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Авдотья Максимовна *сидитъ у окна,* **Арина Ѳедотовна** *сидитъ у окна на диванѣ, шьетъ.*

Авдотья Максимовна (*смотря въ окно, поетъ русскую пѣсню, потомъ обращается къ Аринѣ Ѳедотовнѣ*).

Научить-ли те, Ванюша,
Научить-ли те, Ванюша,
Какъ ко мнѣ ходить.

Ты не улицей ходи,
Ты не улицей ходи —
Переулочкомъ.

Ты не голосомъ кричи,
Ты не голосомъ кричи —
Соловьемъ свищи.

Чтобы я млада-младенька,
Чтобы я млада-младенька,
Догадалася.

Что̀ это со мной, тетенька, за чудо сдѣлалось! Я надивиться не могу, какъ полюбила я Виктора Аркадьича!.. И надо-же было этому дѣлу сдѣлаться!.. Бѣда, да и только!..

Арина Өедотовна.

Никакой тутъ бѣды нѣтъ, все такъ и быть должно!..

Авдотья Максимовна.

Какъ-же, тетенька, не бѣда? Просто моя погибель! Это тятенька давеча, какъ пришла я отъ Анны Антоновны, говорилъ, чтобъ я шла за Бородкина. Ни тятеньку мнѣ огорчить не захочется, да и съ сердцемъ-то я не совладаю.

Арина Өедотовна.

Была оказія идти за Бородкина!

Авдотья Максимовна.

Вотъ ныньче хотѣлъ Викторъ Аркадьичъ пріѣхать поговорить съ тятенькой. Что̀-то будетъ!.. Хоть-бы ужь поскорѣе онъ пріѣхалъ; по крайней мѣрѣ, я-бы ужь знала, а то какъ тѣнь какая хожу, ногъ подъ собой не слышу. Только чувствуетъ мое сердце, что ничего изъ этого хорошаго не выйдетъ. Ужь я знаю, что много мнѣ, бѣдной, тутъ слезъ пролить.

Арина Өедотовна.

Плачь, пожалуй, коли тебѣ хочется. А по мнѣ — сказала отцу, что не хочу, молъ, за Бородкина идти, да и конецъ.

Авдотья Максимовна.

Нѣтъ, тетенька, не могу я этого сдѣлать, не мой это характеръ. Какъ я ему скажу? Ему и въ голову-то не приходитъ, чтобъ я смѣла не послушать его. (*Взглянувъ въ окно*). Ну, идетъ. И безъ него-то ужь мнѣ тошнехонько, не глядѣли-бъ глаза ни на что̀! (*Встаетъ*).

Арина Өедотовна.

Кто идетъ?

Авдотья Максимовна.

Иванъ Петровичъ!.. (*Уходитъ. Бородкинъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Арина Өедотовна и Бородкинъ.

Бородкинъ.

Наше вамъ почтенье-съ. Какъ ваше здоровье-съ?

Арина Өедотовна.

Полно ты рядскія-то учтивости разводить, слыхали мы это.

Бородкинъ.

Какъ не слыхать-съ. (*Садится*).

Арина Өедотовна.

Ты съ чего это вздумалъ за Дунюшку-то свататься?

Бородкинъ.

Да вамъ-то какое теперича до этого дѣло?

Арина Өедотовна.

Непріятно для меня это видѣть. Ну, какая ты ей пара? Какой ты кавалеръ? И съ бородой, и необразованный?

Бородкинъ.

Опять-таки, это не ваше дѣло. Нешто я за вами...

Арина Өедотовна.

Да смѣлъ-ли-бы ты это подумать? Я въ Москвѣ воспитывалась, тамъ видала людей-то не тебѣ чета.

Бородкинъ.

А я такъ думаю, что люди все однѣ-съ.

Арина Өедотовна.

Вотъ то-то и есть, что разница! Есть необразованные, вотъ какъ ты, а то есть люди съ понятіемъ.

Бородкинъ.

Хоть-бы посмотрѣть когда на такихъ-то. Чтò-жь вы тамъ замужъ не шли?

Арина Өедотовна.

А оттого, что не хочу, чтобъ надо мной мужчина командовалъ. Всѣ они невѣжи и очень много о себѣ думаютъ. Да и опять это не твое дѣло.

Бородкинъ.

Нѣтъ-съ, я такъ. Жалко только со стороны смотрѣть, что, при вашемъ такомъ образованіи, на васъ никто не прельщается.

Арина Өедотовна.

Невѣжа, смѣешь-ли ты такъ съ дамой разговаривать?

Бородкинъ.

Да чтò съ вами разговаривать! Разговаривать-то съ вами нѐчего, потому что вы не дѣло толкуете... все равно, что воду толочь. (*Беретъ гитару и настраиваетъ*). Я буду разговаривать съ Максимомъ Өедотычемъ.

Арина Өедотовна.

Разговаривай, пожалуй, да ничего толку не будетъ, потому что лѣзешь ты, мой другъ, сдуру, куда не слѣдуетъ. (*Оставляетъ шитье, беретъ карты и раскладываетъ*).

Бородкинъ.

Хоша-бы и такъ, все это наше дѣло... Васъ не спросимъ. (*Беретъ нѣсколько аккордовъ и поетъ вполголоса русскіе мотивы*).

Арина Өедотовна.

Ну, что̀ ты поешь?.. Есть-ли тутъ складъ какой-нибудь! Какъ есть деревня!

Бородкинъ.

Спойте вы, коли лучше знаете. (*Подаетъ ей гитару*).

Арина Өедотовна.

Да ужъ, конечно, не стану вашихъ мужицкихъ пѣсенъ пѣть. (*Поетъ съ чувствомъ романсъ*).

Бородкинъ.

Это что̀-жь такое-съ?

Арина Өедотовна.

Что̀? Извѣстно что̀ — романсъ. (*Задумывается*). У насъ, Ваня, какъ жила я въ Москвѣ, былъ прикащикъ Вася, это онъ меня выучилъ. Только какъ онъ пѣлъ, это прелести слушать. (*Опять раскладываетъ карты, потомъ быстро смѣшиваетъ ихъ и задумывается*).

Бородкинъ.

Скоро придетъ Максимъ Өедотычъ?

Арина Өедотовна.

Ахъ, отстань ты отъ меня, почемъ я знаю. (*Входитъ Авдотья Максимовна*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Авдотья Максимовна.

Бородкинъ (*быстро вскакиваетъ*).

Наше вамъ почтенье, Авдотья Максимовна.

Авдотья Максимовна.

Здравствуйте, Иванъ Петровичъ. Здорова ли ваша маменька?

Бородкинъ.

Слава Богу, покорно васъ благодарю. Ваше какъ здоровье-съ?

Авдотья Максимовна.

Понемножку. Вы тятеньку дожидаетесь?

Бородкинъ.

Тятеньку-съ.

Авдотья Максимовна.

Онъ скоро придетъ, подождите.

Бородкинъ.

Подождемъ-съ. (*Садится на стулъ*).

Авдотья Максимовна.

А я, тетенька, къ вамъ погадать пришла. Загадайте мнѣ на трефоваго короля.

Бородкинъ.

Кто-же это трефовый король-съ?

Арина Ѳедотовна (*раскладывая карты*).

Ужь, конечно, не ты. Ты думаешь, что только у насъ и свѣту, что ты... (*Послѣ молчанія*). Вотъ, Дуня, смотри!.. Онъ тебя любитъ. Вотъ видишь...(*Показываетъ на карты и шепчетъ Авдотьѣ Максимовнѣ*).

Бородкинъ.

Загадайте мнѣ-съ.

Арина Ѳедотовна (*гадаетъ*).

Ну, братъ, не дожидайся ничего. Слезы тебѣ выходятъ...

Бородкинъ.

Что̀-жь такое-съ, плакать-то намъ не въ первой-съ; радости-то мало видали-съ!

Авдотья Максимовна.

Вы давеча говорили что̀-нибудь съ тятенькой?

Бородкинъ.

На счетъ чего-съ?

Авдотья Максимовна.

Вы говорили, такъ сами знаете, на счетъ чего.

Бородкинъ.

У насъ вообще былъ разговоръ, втроемъ-съ — и Селиверстъ Потапычъ тутъ былъ-съ.

Арина Өедотовна.

Ты полно сиротой-то притворяться; мы ужь слышали.

Авдотья Максимовна.

Какъ-же это вамъ, Иванъ Петровичъ, не совѣстно: не сказавши мнѣ ни слова, да прямо тятенькѣ!

Арина Өедотовна.

Захотѣла ты отъ мужика совѣсти!

Бородкинъ.

Да вы что̀-жь такое, въ самомъ дѣлѣ!.. Все мужикъ да мужикъ!..

Арина Өедотовна.

Онъ братцу Лазаря поетъ да штуки разныя подводитъ, а тотъ ему и вѣритъ.

Бородкинъ.

Полноте обижать-то, Арина Өедотовна, мы на этакія дѣла не пойдемъ-съ. Эхъ, Авдотья Максимовна, вспомните-съ! Было времячко-съ, да, должно быть, прошло-съ! Должно быть, лучше насъ нашли-съ.

Арина Өедотовна.

Да ужь, разумѣется, лучше васъ. Ишь ты, какой красавецъ! Думаешь, что ужь лучше тебя и на свѣтѣ нѣтъ.

Бородкинъ.

Были и мы хороши-съ.

Арина Өедотовна.

Пойтить велѣть самоварчикъ поставить, братецъ придетъ, чтобъ готово было. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Авдотья Максимовна и Бородкинъ.

Бородкинъ.

Эхъ, Авдотья Максимовна, грѣхъ вамъ! Вспомните: бывало, осенніе темные вечера вдвоемъ просиживали, вотъ у этого окошечка. Бывало, въ сѣняхъ встрѣтимся, въ сумеречкахъ, такъ не наговоримся; долго нейду, такъ, накинувши шубку-то на плечики, у калитки дожидались. Былъ я и Ваничка, и дружокъ, а теперь не хорошъ сталъ.

Авдотья Максимовна (*оглядывается кругомъ, тихо*).

Да ты, Ваня, не сердись! Я тебѣ все разскажу, ты самъ разсудишь. За меня теперь сватается благородный. Какой красавецъ собой-то, какой умный! Любила я тебя, ты знаешь, а ужь какъ его полюбила, я и не знаю, какъ это словами сказать. Увидала я его у Анны Антоновны, на прошлой недѣлѣ... Сидимъ это мы съ ней, пьемъ чай, вдругъ онъ входитъ... какъ увидѣла я этакого красавца, такъ у меня сердце и упало; ну, думаю, быть бѣдѣ. А онъ, какъ нарочно, такой ласковый, такія рѣчи говоритъ.

Бородкинъ.

Знаемъ мы эти рѣчи-то. Онѣ хороши, пока вы ихъ слушаете. Бывало, сидишь въ лавкѣ, вечера-то ждешь не дождешься, вся душа изомретъ, и то, и другое передумаешь, что тебѣ сказать-то, а какъ придешь, и слова не выговоришь. А скажется слово, такъ отъ сердца, что̀ душа чувствуетъ; а у нихъ рѣчи ученыя — говорятъ одно, а думаютъ другое. Видимое дѣло, что ему твои деньги нужно; нешто-бъ онъ не нашелъ невѣсту помимо тебя.

Авдотья Максимовна.

Нѣтъ, Ваня, не говори этого, онъ меня любитъ.

Бородкинъ.

А нешто я-то тебя, Дуня, не люблю?

Авдотья Максимовна.

Что̀-жь мнѣ дѣлать-то! На грѣхъ я его увидѣла! Такъ вотъ съ тѣхъ поръ изъ ума нейдетъ, и во снѣ все его вижу. Словно я къ нему привороженная какая. (*Сидитъ задумавшись*). И нѣтъ мнѣ никакой радости!.. Прежде я веселилась, дѣвка, какъ птичка порхала, а теперь сижу вотъ, какъ къ смерти приговоренная, не веселитъ меня ничто, не глядѣла-бъ я ни на кого. Ужь и что я, бѣдная, въ эти дни слезъ пролила!.. Вѣдь, надо-жь быть такой бѣдѣ!..

Бородкинъ.

Ты, можетъ, думаешь, что мнѣ легче тебя!.. Тебѣ горе, а мнѣ вдвое.

Авдотья Максимовна.

Женись, Ваня, на Грушѣ, она мнѣ ровестница и подруга, а ужь со мной пусть будетъ, что̀ Богъ велитъ.

Бородкинъ.

Что мнѣ жениться-то!.. на что̀?.. Чужой вѣкъ заѣдать? Я ужь любить ее не буду.

Авдотья Максимовна.

Вотъ я тебѣ, Ваня, все сказала, что только сердце мое чувствовало... Не захотѣла я тебя обмануть.

Бородкинъ.

Эхъ! загубила ты мою молодость!.. (*Плачетъ, отворотившись къ окну, потомъ беретъ гитару и поетъ*):

«Вспомни, вспомни, моя любезная,
Нашу прежнюю любовь,
Какъ мы съ тобой, моя любезная,
Погуливали.
Осеннія, темныя ночи
Проспживали.
Забавныя, тайныя рѣчи
Говаривали —
Тебѣ, мой другъ, мой другъ,
Не жениться,
А мнѣ молодой замужъ
Нейдти».

Авдотья Максимовна.

Не пой ты, не терзай мою душу! (*Бородкинъ перестаетъ играть, она подходитъ къ нему*).

Бородкинъ (*ударяетъ себя въ грудь, обнимаетъ ее и крѣпко цалуетъ*).

Помни, Дуня, какъ любилъ тебя Ваня Бородкинъ. (*Она садится на диванъ, а онъ ходитъ по комнатѣ. Входитъ Русаковъ и Арина Ѳедотовна*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же, Русаковъ и Арина Ѳедотовна.

Русаковъ (*раздѣвается, ему помогаютъ дочь и сестра*).

Старость-то что̀ значитъ! Усталъ! Вотъ далеко-ли сходилъ, усталъ... Право такъ. Что̀, Иванушка, не веселъ?..

Бородкинъ.

Маленько сгрустнулось что̀-то.

Русаковъ.

Объ чемъ тебѣ грустить-то, паренекъ, паренекъ!.. Что̀ Бога-то гнѣвить! Дунюшка, поди-ка сюда. (*Гладитъ по головѣ и цалуетъ*). Вотъ какова у меня дочка-то! Невѣста! Замужъ пора отдавать. А и жаль: радость-то, Иванушка, у меня только одна. Что есть, дѣтушки, лучше того на свѣтѣ, какъ жить всѣмъ вмѣстѣ да въ радости! Нѣтъ больше счастія на землѣ, какъ жить своей семьей въ мирѣ да въ благочестіи — и самому весело, и люди на тебя будутъ радоваться. А врагу рода человѣческаго это досада не малая; онъ тебя будетъ всякимъ соблазномъ соблазнять, всякимъ прельщеніемъ. Поддался ты ему, ну и пошла брань да нелюбовь въ семьѣ, и еще того хуже бываетъ. Не поддался, ну и онъ бѣжитъ далеко, потому ему смерть смотрѣть на честное житье. Какія бываютъ дѣла, Иванушка! Поживешь-то, всего насмотришься. Дѣти-ли не почитаютъ родителей, жены-ли живутъ съ мужьями неладно — все это дѣло вражье. Всякій часъ отъ него берегись! Эхе-хе! Не даромъ пословица говорится: не бойся смерти, а бойся грѣха. (*Молчаніе*). Одна у меня теперь забота, какъ-бы мнѣ Дунюшку пристроить. Полюбовался-бъ на тебя, мое дитятко, внучатъ-бы поняньчилъ, коли Богъ приведетъ... Ну, а тамъ ужь что, чего мнѣ ждать, умеръ-бы покойно; по-крайности-бы зналъ, что есть кому душу помянуть, добрымъ словомъ вспомнить. Пойдемъ-ка, Иванушка, мнѣ съ тобой поговорить нужно. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Авдотья Максимовна и Арина Ѳедотовна.

Авдотья Максимовна.

Что̀ мнѣ дѣлать, тетенька?

Арина Ѳедотовна.

Неужели-жь за Бородкина идти! Что̀ ты говоришь!.. Викторъ Аркадьичъ, все-таки, человѣкъ... а это что̀? мразь какая-то!

Авдотья Максимовна.

А знаете, тетенька, я какъ-то боюсь Виктора Аркадьича.

Арина Өедотовна.

То-то вотъ, матушка, деревня-то что̀ значитъ! Жила ты все въ этомъ городишкѣ и людей-то не видывала.

Авдотья Максимовна.

Онъ давеча мнѣ говоритъ, что коли тятенька не согласится, такъ онъ меня потихоньку увезетъ. Я, тетенька, такъ испугалась, насилу до дому добѣжала.

Арина Өедотовна.

Есть чего пугаться, скажите пожалуйста! Ахъ, Дунюшка, какъ это интересно, кабы ты знала! Коли мужчина хочетъ увезти, ужь значитъ, что любитъ, пойми ты это.

Авдотья Максимовна.

А тятенька-то?.. Что̀ я тогда съ нимъ, съ старикомъ сдѣлаю!

Арина Өедотовна.

Что̀ тятенька-то! Тятенька твой еще ему долженъ быть благодаренъ. Гдѣ онъ тебѣ такого жениха найдетъ!.. Чтой-то ты, матушка, совсѣмъ деревенская? Нѣтъ, я съ молоду по-удалѣй была.

Авдотья Максимовна (*смотритъ въ окно*).

Тетенька, голубушка, ѣдетъ! Бѣгите къ тятенькѣ, скажите ему, а я пойду, посижу у себя въ комнатѣ. Вотъ когда смерть-то моя! (*Уходитъ*).

Арина Өедотовна (*подходя къ двери*).

Братецъ! братецъ! пожалуйте сюда; къ вамъ гость пріѣхалъ. (*Русаковъ за сценой: «Кто тамъ еще? Сейчасъ». Вихоревъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Арина Өедотовна и Вихоревъ.

Вихоревъ.

Здравствуйте, Арина Өедотовна! Максимъ Өедотычъ дома?

Арина Өедотовна.

Дома-съ, сейчасъ выйдетъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Вихоревъ (*одинъ*).

Ну, борода, поговоримъ теперь съ тобой! Съ которой-бы стороны къ нему подъѣхать?.. Мудренъ, вѣдь, этотъ народъ! Рѣшительно не знаю... ну, да ужь пущусь на счастье, куда кривая ни вынесетъ. Нѣтъ ничего хуже, какъ съ мужиками разговаривать. Еще обругаетъ, того гляди. Ну, да ужь нечего дѣлать, амбицію-то пока въ сторону отложимъ. Вотъ крайность-то до чего доводитъ нашего брата!.. (*Входитъ Русаковъ и Бородкинъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Вихоревъ, Русаковъ и Бородкинъ.

Русаковъ.

Прощай, Иванушка, заходи ужо, теперь мнѣ некогда.

Бородкинъ.

Прощайте, Максимъ Өедотычъ, желаю вамъ быть здоровымъ. (*Уходитъ*).

Вихоревъ (*подходитъ къ Максиму Өедотычу*).

Здравствуйте, почтеннѣйшій Максимъ Өедотычъ, какъ вы поживаете?

Русаковъ.

Слава Богу, живемъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ. Просимъ милости садиться...

Вихоревъ.

Сдѣлайте одолженіе, не безпокойтесь. (*Садится*).

Русаковъ.

Сестрица, велите намъ чайку подать.

Вихоревъ.

Не для меня-ли вы это, Максимъ Өедотычъ, безпокоитесь? Я уже пилъ, увѣряю васъ.

Русаковъ.

Нельзя-же, батюшка, безъ этого.

Вихоревъ.

Впрочемъ, сколько я замѣтилъ, ужь такой обычай у русскаго народа — подчивать. Я, знаете-ли, самъ человѣкъ русскій и, признаться сказать, люблю и уважаю все русское; особенно мнѣ нравится это гостепріимство, радушіе...

Русаковъ.

Не знаю, батюшка, какъ сказать. Чтò-жь, худаго тутъ нѣтъ ничего. (*Входитъ дѣвка съ подносомъ чаю*).

Русаковъ.

Просимъ покорно. (*Берутъ и пьютъ молча*).

Вихоревъ.

Скажите, сдѣлайте одолженіе, Максимъ Ѳедотычъ, бывали вы въ столицахъ?

Русаковъ.

Какъ, батюшка, не бывать, въ Москву по дѣламъ ѣзжалъ.

Вихоревъ.

Не правда-ли, тамъ жизнь совсѣмъ другая: больше образованности, больше развлеченія. Я думаю, посмотрѣвши на столичную жизнь, довольно скучно жить въ уѣздномъ городѣ.

Русаковъ.

Не всѣмъ-же жить въ столицахъ, надобно кому-нибудь жить и въ уѣздномъ городѣ.

Вихоревъ.

Я съ вами согласенъ; но, впрочемъ, Максимъ Ѳедотычъ, вы, вѣдь, не такой купецъ, какъ прочіе уѣздные купцы: вы составляете нѣкоторымъ образомъ исключеніе. Но чтò-жь я говорю! Вы сами это очень хорошо знаете. Я думаю, вы съ вашимъ капиталомъ были-бы и въ Москвѣ однимъ изъ первыхъ.

Русаковъ.

Какъ знать чужой капиталъ!.. Нѣтъ, мнѣ и здѣсь хорошо.

Вихоревъ.

Я понимаю, что вамъ здѣсь хорошо: вы здѣсь родились, привыкли, вамъ весь городъ знакомъ — конечно, привычка много значитъ; но у васъ есть дочь.

Русаковъ.

Такъ чтò-жь, что дочь?

Вихоревъ.

Вы, вѣроятно, захотите ей дать нѣкоторое образованіе, показать ей людей... наконецъ, найти хорошую партію. А гдѣ вы это здѣсь найдете?

Русаковъ.

Да, что̀-жь, развѣ здѣсь звѣри живутъ?.. чай, то-же люди.

Вихоревъ.

Да развѣ здѣсь васъ могутъ оцѣнить, Максимъ Ѳедотычъ, развѣ могутъ! что̀ вы говорите!

Русаковъ.

Да что̀ насъ цѣнить-то! Намъ этого ненужно. Ну ихъ совсѣмъ и съ оцѣнкой-то! Былъ-бы самъ по себѣ хорошъ, а то про меня что̀ хошь говори.

Вихоревъ.

Нѣтъ, скажите: развѣ есть здѣсь женихи для Авдотьи Максимовны? Развѣ есть? Гдѣ это? Покажите мнѣ ихъ! Кто посмѣетъ за нее посвататься изъ здѣшнихъ? Въ васъ мало самолюбія — и это напрасно, Максимъ Ѳедотычъ: въ человѣкѣ, съ такими достоинствами и съ такими средствами, оно весьма извинительно... Я вамъ говорю безо всякой лести, я горжусь вашимъ знакомствомъ... Я много ѣздилъ по Россіи, но такого семейства, какъ ваше, я не встрѣчалъ нигдѣ до сихъ поръ.

Русаковъ.

Благодаримъ покорно.

Вихоревъ.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. Много есть купцовъ, да все въ нихъ нѣтъ того, что̀ я вижу въ васъ — этой патріархальности... Знаете-ли что̀, Максимъ Ѳедотычъ?.. Ваша доброта, ваше простодушіе, наконецъ, вашъ умъ даютъ мнѣ смѣлость говорить съ вами откровенно... Я надѣюсь, что вы на меня не обидитесь?

Русаковъ.

Что̀ вамъ, батюшка, угодно?..

Вихоревъ.

Охъ, Максимъ Ѳедотычъ, страшно! Но, во всякомъ случаѣ, такъ-ли, не такъ-ли, я надѣюсь, что мы останемся друзьями. (*Подаетъ ему руку, тотъ кланяется, Вихоревъ подвигается къ*

нему). Влюбленъ, Максимъ Ѳедотычъ, влюбленъ... въ Авдотью Максимовну влюбленъ. Я-бы свозилъ ее въ Москву, показалъ-бы ей общество, разныя удовольствія... у меня есть имѣніе не очень далеко отсюда. Я думаю, что, выйдя за меня, она нисколько себя не уронитъ... А главное, мнѣ хочется породниться съ вами, Максимъ Ѳедотычъ... Ну, и чинъ у меня...

Русаковъ.

Полноте, ваше благородіе, мы люди простые, ѣдимъ пряники не писаные, гдѣ намъ! Вѣдь, насъ только за карманъ и уважаютъ.

Вихоревъ.

Полноте, Максимъ Ѳедотычъ! Что̀ за идея!

Русаковъ.

Право, такъ. А то за что̀ насъ любить-то?

Вихоревъ.

За добрую душу.

Русаковъ.

Такъ-ли, полно?

Вихоревъ.

Я не понимаю, Максимъ Ѳедотычъ: у насъ какой-то странный разговоръ происходитъ.

Русаковъ.

Не дѣло вы говорите. Вы люди благородные, ищите себѣ барышень... воспитанныхъ, а ужь нашихъ-то дуръ оставьте намъ, мы своимъ-то найдемъ жениховъ какихъ-нибудь дешевенькихъ.

Вихоревъ.

Однако, неужели-же вы своей дочери не желаете добра, что не хотите отдать ее за человѣка благороднаго и, притомъ, такого, который ее любитъ?

Русаковъ.

Оттого-то и не отдамъ, что желаю добра; а вы какъ думали? Я худа, что̀-ль, ей желаю? Ну, какая она барыня, посудите, отецъ: жила здѣсь въ четырехъ стѣнахъ, свѣту не видала. А купцу-то она будетъ жена хорошая, будетъ хозяйничать да дѣтей няньчить.

Вихоревъ.

Но, Максимъ Ѳедотычъ, я ее люблю.

Русаковъ.

Эхъ! (*Махнувъ рукой, отворачивается*).

Вихоровъ.

Я васъ увѣряю, что я люблю Авдотью Максимовну до безумія.

Русаковъ.

Не повѣрю я вамъ.

Вихоревъ.

Какъ не повѣрите?

Русаковъ.

Такъ, не повѣрю, да и все тутъ.

Вихоревъ.

Да какъ-же вы не повѣрите, когда я вамъ даю честное слово благороднаго человѣка?

Русаковъ.

Не за что̀ вамъ ее любить! Она дѣвушка простая, невоспитанная и совсѣмъ вамъ не пара. У васъ есть родные, знакомые, всѣ будутъ смѣяться надъ ней, какъ надъ дурой, да и вамъ-то она опротивѣетъ хуже горькой полыни... такъ отдамъ я свою дочь на такую каторгу!.. Да накажи меня Богъ!..

Вихоревъ.

Я вамъ говорю, что со мной она будетъ счастлива, я за это ручаюсь.

Русаковъ.

Нѣчего намъ объ этомъ разговоривать — это дѣло несбыточное. Поищите себѣ другую, я свою не отдамъ.

Вихоревъ.

Я вамъ только одно могу на это сказать, что вы меня дѣлаете несчастнымъ человѣкомъ. (*Встаетъ*). Извините, что я васъ обезпокоилъ. У васъ, вѣроятно, есть кто-нибудь на примѣтѣ, иначе я не могу предположить, чтобы вы, любя свою дочь и желая ей счастія, отказали мнѣ. И мнѣ кажется, еслибъ вы меня покороче узнали... но таковъ ужь, видно, русскій человѣкъ — ему только-бы поставить на своемъ; изъ одного упрямства, онъ не подорожитъ счастьемъ дочери...

Русаковъ.

Тьфу ты, прахъ побери! Да я-бъ съ тебя ничего не взялъ слу-

шать-то такія рѣчи! Этакой обиды я родясь не слыхивалъ! (*Отворотясь*). Пріѣдетъ незванный, непрошенный, да еще и наругается надъ тобой! (*Идетъ*). Провались ты совсѣмъ!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Вихоревъ (*одинъ*).

Вотъ тебѣ разъ! Ну, есть-ли какая возможность говорить съ этимъ народомъ! Ломитъ свое — ни малѣйшей деликатности!.. Однако, это чортъ знаетъ, какъ обидно! (*Входитъ Арина Ѳедотовна; Авдотья Максимовна выглядываетъ изъ дверей*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Вихоревъ, Арина Ѳедотовна и Авдотья Максимовна.

Арина Ѳедотовна.

Викторъ Аркадьичъ, какъ дѣла?

Вихоревъ.

Помилуйте, съ этимъ мужикомъ нельзя разговаривать: онъ чуть меня не прогналъ.

Авдотья Максимовна (*выходя*).

Скажите мнѣ, Викторъ Аркадьичъ, правду, какъ передъ Богомъ: любите вы меня?

Вихоревъ.

Я васъ люблю, Авдотья Максимовна; но насъ хотятъ разлучить.

Авдотья Максимовна.

Я сейчасъ сама пойду къ тятенькѣ. Поѣзжайте вы домой и не безпокойтесь. Онъ меня любитъ, онъ мнѣ не откажетъ. Только каково мнѣ просить его объ этомъ, какъ бы вы знали! (*Садится и плачетъ*).

Вихоревъ (*раскланиваясь*).

Какъ-же вы мнѣ дадите знать?

Арина Ѳедотовна.

Мы пойдемъ нынче въ церковь.

Вихоревъ.

Такъ я васъ подожду подлѣ вала, на мосту.

Арина Ѳедотовна.

Хорошо.

Вихоревъ.

Прощайте. (*Раскланивается и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и потомъ Русаковъ.

Арина Ѳедотовна.

Ну, Дунюшка, теперь отъ тебя самой зависитъ твое счастіе.

Авдотья Максимовна.

Ну, ужь, тетенька, что̀ будетъ, то будетъ. Вотъ ужь правду-то говорятъ, что любовь-то на свѣтѣ мука.

Русаковъ (*входя*).

Что̀, уѣхалъ этотъ баринъ-то?

Арина Ѳедотовна.

Уѣхалъ, братецъ.

Русаковъ.

Ишь его принесло, нужно очень!

Арина Ѳедотовна.

Я не знаю, братецъ, отчего онъ вамъ не понравился.

Русаковъ.

Оттого, что дуракъ.

Арина Ѳедотовна.

Да чѣмъ-же онъ, братецъ, дуракъ? Онъ образованный человѣкъ.

Русаковъ.

А тѣмъ, что не умѣетъ говорить съ людьми постарше себя.

Арина Ѳедотовна.

Какъ, братецъ, кажется, ему не умѣть: онъ человѣкъ столичный, жилъ въ Москвѣ все промежду благородными.

Русаковъ.

Ну, и пусть туда ѣдетъ.

Арина Ѳедотовна.

Ахъ, братецъ! Онъ такой образованный, такой политичный

кавалеръ, что и въ Москвѣ-то на рѣдкость, а ужь здѣсь-то намъ и никогда не найти.

Русаковъ.

Поди ты съ своимъ образованіемъ! Много ты знаешь! Прожила пять лѣтъ въ Таганкѣ, да и думаешь, куда какъ образована! Что̀ ты тамъ видѣла? Кромѣ сидѣльцевъ да приказныхъ, ты и людей-то не видала.

Арина Ѳедотовна.

Все-таки, братецъ...

Русаковъ.

Все-таки, сестрица, не тебѣ меня учить... вотъ что̀!.. Ты что̀ тамъ надувшись сидишь! Дуня! Никакъ ты плачешь?.. О чемъ ты плачешь?

Авдотья Максимовна.

Я такъ, тятенька.

Русаковъ.

Говори, объ чемъ?

Авдотья Максимовна.

Объ себѣ. Объ своемъ горѣ.

Русаковъ.

Что̀ за горе тамъ у тебя? Откуда оно взялось?

Авдотья Максимовна.

Тятенька, вы не будете сердиться?

Русаковъ.

Говори! Не сержусь!..

Авдотья Максимовна.

Тятенька! Я его люблю!

Русаковъ.

Кого его? Вѣтрогона-то этого? Опомнись, полоумная!

Авдотья Максимовна.

Я безъ него жить не могу. Умереть мнѣ легче, чѣмъ идти за другаго.

Русаковъ.

Что̀ ты!.. что̀ ты!.. Да ты подумай, что̀ ты говоришь-то.

Авдотья Максимовна.

Я ужь думала, и дни думала, и ночи напролетъ думала, не

смыкаючи глазъ. Безъ него мнѣ не милъ бѣлый свѣтъ! Я отъ тоски да отъ слезъ въ гробъ сойду!

Арина Ѳедотовна.

Братецъ, пожалѣйте; у васъ, вѣдь, одна дочь-то.

Русаковъ.

Ты, сестра, молчи — это не твое дѣло. Дуня, не дури! Не печаль отца, на старости лѣтъ. Выкинь блажь-то изъ головы. Отецъ лучше тебя знаетъ, что̀ дѣлаетъ. Ты думаешь, ему ты нужна? Ему деньги нужны, дура! Онъ тебя только обманываетъ, онъ выманитъ деньги-то, а тебя прогонитъ черезъ недѣлю. У меня есть для тебя женихъ: Иванъ Петровичъ; ужь я ему обѣщалъ.

Арина Ѳедотовна.

Легко-ли!.. Ужь вотъ партія! Промѣнять такого кавалера на Бородкина.

Авдотья Максимовна (*заливаясь слезами*).

Не видала-бъ ужь я его лучше, чѣмъ такъ мучиться.

Русаковъ.

Да что̀-жь вы въ самомъ дѣлѣ, съ ума, что̀-ли, сошли! Да какъ вы смѣете со мной такъ разговаривать? Ты еще, дура, тутъ своими разговорами дѣвку съ толку сбиваешь, изъ ума выводишь. Отъ тебя-то вся и бѣда. Что̀ у тебя, вмѣсто головы-то, надѣто? Кабы не твоя болтовня, смѣла-бъ она такъ съ отцомъ разговаривать?

Арина Ѳедотовна.

Вотъ, братецъ, вы всегда...

Русаковъ.

Молчи, пустоголовая!.. Вотъ тебѣ, Авдотья, мое послѣднее слово: или ты поди у меня за Бородкина, или я тебя и знать не хочу!

Авдотья Максимовна (*подымаясь со стула*).

Тятенька...

Русаковъ.

Не подходи! Я тебя ростилъ, я тебя берегъ пуще глазу. Что̀ грѣха на душу принялъ... вѣдь, гордость меня одолѣла съ тобой, я не давалъ никому про своихъ дѣтей слова выговорить, я ду-

малъ, что ужь лучше тебя и на свѣтѣ нѣтъ. Наказалъ Богъ по грѣхамъ! Говорю тебѣ, Авдотья, иди за Бородкина. Не пойдешь, не будетъ тебѣ моего благословенія. А чтобъ я и не слыхалъ про этого проходимца! Я его и знать не хочу. Слышишь ты, не доводи меня до грѣха! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Авдотья Максимовна и Арина Ѳедотовна.

Автотья Максимовна (*почти безъ памяти*).

Тетенька! мнѣ давеча было жаль Ваню, теперь онъ мнѣ опостылѣлъ... опостылѣлъ... ахъ!.. (*Падаетъ въ обморокъ*).

Арина Ѳедотовна.

Ахъ, батюшки!.. Ахъ батюшки!.. Поди, погляди, уморилъ дочь-то, уморилъ!.. Варваръ этакой!.. Тиранъ!.. Воды подайте! Воды!.. (*Русаковъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Арина Ѳедотовна, Авдотья Максимовна и Русаковъ.

Русаковъ (*вбѣгая*).

Гдѣ? Что̀! Господи! (*Всплеснувъ руками*). Побѣлѣла, какъ снѣгъ, хоть въ гробъ клади!.. Дунюшка! (*Беретъ за руку*). Дунюшка! (*Смотритъ на нее*). Вотъ и мать такая-же лежала въ гробу — вотъ двѣ капли воды. (*Утираетъ слезы*). Господи! не попусти! Дуня! (*Съ ужасомъ*). Очнется-ли она, очнется-ль!.. Нѣтъ!.. Ужли-жь я ее убилъ?.. (*Стоитъ подлѣ въ оцѣпенѣніи; дѣвка приноситъ воду и уходитъ*).

Арина Ѳедотовна (*брызгаетъ водою на Дуню*).

Дунюшка! Дунюшка!.. Говорила я вамъ, братецъ, такъ не послушали.

Русаковъ.

Ну, что̀ она!.. Что̀, Дунюшка?..

Арина Ѳедотовна.

Тихонько, тихонько, очнулась, кажется.

Авдотья Максимовна (*открывая глаза*).

Гдѣ тятенька?

Русаковъ.

Здѣсь, дитятко, здѣсь. (*Садится подлѣ нея на диванъ*).

Авдотья Максимовна (*прилегая къ нему на грудь*).

Тятенька!..

Русаковъ.

Что̀, Дунюшка, что̀?

Авдотья Максимовна.

Я люблю его.

Русаковъ.

Ахъ, Дунюшка, кабы я зналъ, что онъ степенный человѣкъ, да что онъ тебя любитъ, я-бъ тебя сейчасъ за него отдалъ, и разговаривать-бы не сталъ.

Авдотья Максимовна.

Онъ меня любитъ.

Русаковъ.

Охъ, Дунюшка, не вѣрится мнѣ... Ну, да вотъ мы это узнаемъ. Дѣло-то простое. Я ему скажу, что за тобой ничего не дамъ; коли любитъ, пускай такъ беретъ. Коли любитъ, возьметъ и такъ.

Авдотья Максимовна.

Неужели онъ меня изъ-за денегъ любитъ?..

Арина Ѳедотовна.

Ахъ, братецъ, развѣ это можно вообразить, чтобы въ такомъ мужчинѣ не было никакихъ чувствъ; онъ совсѣмъ не такой интересанъ, какъ вы думаете.

Русаковъ.

А вотъ посмотримъ, что̀ онъ скажетъ.

Арина Ѳедотовна.

Ну, ужь, братецъ, я васъ увѣряю, что онъ человѣкъ самый благородный.

Авдотья Максимовна.

Тятенька, да развѣ въ богатствѣ счастье?.. Коли любишь человѣка, такъ никакихъ сокровищъ ненадо.

Русаковъ.

Это ты, мое дитятко, такъ разсуждаешь, а у нихъ-то другое на умѣ; ну, да вотъ посмотримъ.

Авдотья Максимовна (*цалуетъ отца*).

Тятенька, голубчикъ, вы меня воскресили, а то ужь я, право, думала, что умираю; да я-бъ и умерла съ горя, я ужь это знаю. Тетенька, вѣдь, мы хотѣли идти въ церковь...

Русаковъ.

Поди, Дунюшка, помолись, а мнѣ нужно по дѣлу сходить. Прощай! (*Цалуетъ ее и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же безъ Русакова.

Авдотья Максимовна.

Ахъ, тетенька, я все еще не могу оправиться.

Арина Ѳедотовна.

Ну, ужь теперь не о чемъ тужить. На нашей улицѣ праздникъ. Пойдемъ-ка скорѣй. Одѣвайся. То-то онъ, бѣдный, обрадуется, какъ услышитъ. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Небольшая комната на постояломъ дворѣ. Темно.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ: **Вихоревъ, Авдотья Максимовна и Степанъ *со свѣчей. Авдотья Максимовна садится къ столу. Вихоревъ ходитъ по комнатѣ. Степанъ ставитъ свѣчу на столъ.***

Вихоревъ.

Что̀ это за народъ! Вѣдь, я тебѣ, дураку, приказывалъ, чтобы лошади были готовы.

Степанъ.

Развѣ съ ними сговоришь? Извѣстное дѣло — мужики. Говорятъ, сейчасъ будетъ готово.

Вихоревъ.

Ступай, да скажи, чтобъ они у меня живѣй поворачивались, я этого не люблю. (*Степанъ уходитъ*).

Авдотья Максимовна.

Куда вы меня завезли?

Вихоревъ.

Мы теперь въ Ямской слободѣ.

Авдотья Максимовна.

Зачѣмъ-же вы завезли меня сюда?

Вихоревъ.

За тѣмъ, что я люблю тебя. Сейчасъ заложатъ лошадей, мы поѣдемъ къ Баранчевскому въ деревню, это всего семь верстъ отъ города, тамъ и обвѣнчаемся, а завтра въ городъ. (*Садится подлѣ нея*).

Авдотья Максимовна.

Конечно, Викторъ Аркадьичъ, я люблю васъ и готова для васъ сдѣлать все на свѣтѣ, да зачѣмъ-же вы меня увезли насильно. Тятенька теперь меня хватится... и бѣда моя просто... Что̀ онъ подумаетъ?.. Съ какими глазами я къ нему покажусь?..

Вихоревъ.

Послушай, мой другъ! Ты сама мнѣ говорила, что Максимъ Ѳедотычъ согласенъ; такъ за что̀-же онъ будетъ сердиться? Я тебѣ скажу откровенно, я тебя увезъ потому, что у меня былъ тутъ свой разсчетъ. Я знаю, что старики упрямы: ныньче онъ согласенъ, а завтра, пожалуй, заупрямится, какъ лошадь. Ну, что̀-жь хорошаго?.. А ужь какъ дѣло-то сдѣлано, такъ назадъ не воротишь.

Авдотья Максимовна.

Викторъ Аркадьичъ! я съ вами и въ огонь, и въ воду готова, только пустите меня къ тятенькѣ; я еще теперь приду во̀-время. А вы завтра пріѣзжайте къ намъ.

Вихоревъ.

Ни за что̀, душа моя! Нѣтъ, ужь я такъ глупъ не буду; ужь я теперь съ тобой не разстанусь, благо, мнѣ случай помогъ! (*Авдотья Максимовна плачетъ*). Полно плакать-то, перестань! Такъ-то ты меня любишь!..

Авдотья Максимовна.

Я васъ люблю, видитъ Богъ, люблю!.. (*Привстаетъ, обнимаетъ и цалуетъ его*). Голубчикъ, Викторъ Аркадьичъ, что̀ хотите со мной дѣлайте, только пустите къ тятенькѣ.

Вихоревъ.

Полно, перестань! Это дѣло невозможное, объ этомъ и говорить нѣчего. (*Встаетъ и ходитъ по комнатѣ, Авдотья Максимовна плачетъ*). Что̀-жь это лошадей не даютъ? Это ужасно!.. Ну, объ чемъ ты плачешь, скажи?.. (*Напѣваетъ*).

«Ахъ, объ чемъ ты проливаешь
Слезы горькія тайкомъ
И украдкой утираешь
Ихъ кисейнымъ рукавомъ?..»

Авдотья Максимовна.

Вамъ, я вижу, Викторъ Аркадьичъ, ничего меня не жалко.

Вихоревъ.

Жалѣть-то нѣчего: все это вздоръ и пустяки.

Авдотья Максимовна.

А тятенька-то?

Вихоревъ.

Что̀-жь, тятенька! Посердится да и перестанетъ, велика важность!.. Ты мнѣ лучше разскажи, какъ ты его уговорила, вотъ это интересно знать. Давеча онъ на меня зарычалъ, какъ медвѣдь!

Авдотья Максимовна.

И сама пе знаю, какъ у меня духу достало. Говорю ему прямо, что люблю васъ, и не помню себя, и не знаю, какъ выговорила. Потомъ ужь и не слышу, что онъ говоритъ; твержу только одно, что умру, что безъ васъ жить не могу.

Вихоревъ.

Вотъ любовь! вотъ любовь! Да я тебя расцалую за это. (*Цалуетъ ее*).

Авдотья Максимовна (*тихо*).

Любишь меня?..

Вихоревъ.

Люблю, люблю!

Авдотья Максимовна.

Ненаглядный ты мой! Радость, жизнь моя! Куда хочешь съ тобой! Никого я теперь не боюсь и никого мнѣ не жалко. Такъ-бы вотъ улетѣла съ тобой куда-нибудь. (*Обнявши его, смотритъ ему въ глаза*). Какой ты хорошенькій! я такихъ и не видывала... точно нарисованный! (*Говоритъ съ разстановкой*). Знаешь, что̀! Давай жить здѣсь всѣ вмѣстѣ съ тятенькой! Точно-бы жила я, какъ въ раю. А то уѣдешь далеко... тятеньки нѣтъ... скучно будетъ безъ него.

Вихоревъ.

Ну, объ этомъ послѣ поговоримъ. Ты мнѣ разскажи, какъ ты тятеньку-то уговорила!

Авдотья Максимовна.

Ну, вотъ слушай: началъ онъ меня бранить, такъ бранить, такъ бранить... Я въ слезы... Иди, говоритъ, за Бородкина, вотъ тебѣ женихъ; а объ этомъ и думать не смѣй, а то, говоритъ, я я тебя и знать не хочу. У меня такъ къ сердцу подкатило, стало въ глазахъ темнѣть, темнѣть. . Тутъ ужь я и не помню ничего, какъ стояла, такъ и упала.

Вихоревъ.

Вотъ народъ-то! Однако, чтò-же это лошадей!.. Степанъ! (*Входитъ Степанъ*). Чтò-жь лошади? Оселъ!

Степанъ.

Сейчасъ будутъ готовы-съ: взвазживаютъ. (*Уходитъ*).

Авдотья Максимовна.

Какъ я очнулась, не помню; только вижу, тятенька сидитъ подлѣ меня, плачетъ... Ну, говоритъ, Богъ съ тобой!

Вихоревъ.

Ну, а согласился, такъ и конецъ, только и надобно было для нашего благополучія. Погоди, заживемъ мы съ тобой.

Авдотья Максимовна.

Онъ мнѣ еще одно словечко сказалъ, да это такъ, пустяки, не стòитъ и вниманія.

Вихоревъ.

Чтò-же это за словечко?

Авдотья Максимовна.

А вотъ чтò: говоритъ, онъ тебя, Дуня, не любитъ, онъ тебя обманываетъ, ему только деньги нужны, а не ты. Коли хочетъ, такъ пусть беретъ безо всего. А я думаю: на чтò деньги? Богъ съ ними, и съ деньгами, не въ деньгахъ счастье. Ну, конечно, приданое, тамъ, чтò мнѣ нужно, онъ дастъ. А деньги... на чтò онѣ? Не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми.

Вихоревъ.

Да это онъ вретъ, онъ и денегъ дастъ.

Авдотья Максимовна.

Ну, нѣтъ, не знаю: онъ у насъ чтò сказалъ, то и свято. Опять-же онъ на меня теперь въ сердцахъ, что я его не послушала: онъ ни за чтò не дастъ.

Вихоревъ.

Гмъ! дѣло-то скверно!.. (*Беретъ себя за голову*). А — ахъ!

Авдотья Максимовна.

Я, Викторъ Аркадьичъ, такъ разсудила: что лучше жить въ бѣдности, да съ милымъ человѣкомъ, чѣмъ въ богатствѣ, да съ постылымъ.

Вихоревъ.

Съ милымъ! А какъ съ милымъ-то жить нѐчѣмъ будетъ?

Авдотья Максимовна.

Да, вѣдь, у васъ есть деревня своя?

Вихоревъ.

Деревня? Какая деревня!.. Все это вздоръ!.. Ты вотъ что̀ скажи, только говори откровенно: дастъ онъ денегъ, или нѣтъ?

Авдотья Максимовна.

Не дастъ!..

Вихоревъ.

Такъ что̀-жь ты со мной дѣлаешь?

Авдотья Максимовна.

Да развѣ я виновата, Викторъ Аркадьичъ?

Вихоревъ (*ходя по комнатѣ*).

Вамъ только влюбляться, да какъ-бы замужъ выдти за благороднаго, чтобы барыней быть!

Авдотья Максимовна.

Что̀ вы говорите, Викторъ Аркадьичъ?

Вихоревъ.

Кому нужно даромъ-то васъ брать! Можно было, я думаю, догадаться, не маленькая! Любовь, да нѣжности все на умѣ!.. Вѣдь, глупость-то какая! Всѣ вы думаете, что васъ за красоту берутъ, такъ съ ума и сходятъ!

Авдотья Максимовна (*закрывая лицо руками*).

Бѣдная я, горемычная! Для чего это я только на свѣтъ рождена!..

Вихоревъ.

Видимое дѣло, что человѣку деньги нужны, коли онъ на куп-

чихѣ хочетъ жениться! Влюбиться-то бы я и въ Москвѣ нашелъ въ двадцать разъ лучше, а то всякая дура думаетъ, что въ нее влюблены безъ памяти.

Степанъ (*входитъ*).

Лошади готовы-съ.

Вихоревъ

Пошелъ вонъ, дуракъ! (*Степанъ уходитъ*).

Авдотья Максимовна.

Чтò вы со мной сдѣлали!.. Куда я теперь дѣнусь?.. Какъ я домой покажусь?

Вихоревъ.

А мнѣ-то какое дѣло!.. Зачѣмъ ѣхала?..

Авдотья Максимовна.

Вѣдь, вы меня насильно посадили.

Вихоревъ.

Выпроси у отца сто тысячъ, такъ я, пожалуй, женюсь на тебѣ. Будешь барыня!

Авдотья Максимовна (*вставая и покрываясь платкомъ*).

Да отсохни у меня языкъ, если я у него попрошу хоть копѣйку! (*Подходитъ къ нему*). Не будетъ вамъ счастья, Викторъ Аркадьичъ, за то, что вы наругались надъ бѣдною дѣвушкой... Вы у меня всю жизнь отняли. Мнѣ теперь легче живой въ гробъ лечь, чѣмъ домой явиться: родной отецъ отъ меня отступится; осрамила я его, на старости лѣтъ; весь городъ будетъ на меня пальцами показывать.

Вихоревъ.

Ужь это мы слыхали не одинъ разъ.

Авдотья Максимовна.

Богъ васъ накажетъ за это, а я вамъ зла не желаю. Найдите себѣ жену богатую, да такую, чтобъ любила васъ такъ, какъ я; живите съ ней въ радости, а я дѣвушка простая, доживу какъ-нибудь, скоротаю свой вѣкъ въ четырехъ стѣнахъ сидя, проклинаючи свою жизнь. Прощайте! (*Плачетъ*). Прощайте... Я къ тятенькѣ пойду!.. (*Быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Вихоревъ, *потомъ* Степанъ.

Вихоревъ (*одинъ*)

Опять несчастіе! Ахъ, чортъ возьми! Куда я теперь дѣнусь?... Домотался! Хоть въ маркеры ступай! Поѣду еще куда-нибудь... Говорятъ, въ Короваевѣ есть богатые купцы, и недалеко — всего верстъ пятьдесятъ. Степка!

Степанъ (*входитъ*).

Чего изволите-съ?...

Вихоревъ.

Вели этихъ лошадей откладывать, а мнѣ найми другихъ въ Короваевъ. Да поѣзжай въ гостинницу, укладывайся, я сейчасъ тамъ буду. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Степанъ (*одинъ*).

Должно быть, опять не выгорѣло! Эхъ, жизнь, жизнь! Теперь злой сдѣлается, аки левъ. Всякую бѣду все на мнѣ любитъ срывать. Да это легче въ Сибирь Тобольской идти. Дождется ужь онъ, что я отъ него убѣгомъ уйду.

СЦЕНА II.

Комната 2-го акта.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Арина Ѳедотовна и Анна Антоновна (*выходятъ изъ боковой двери и подходятъ къ задней*).

Анна Антоновна.

Скажите, пожалуйста! Ахъ-ахъ-ахъ!.. (*Качаетъ головой*).

Арина Өедотовна.

Увезъ, увезъ, матушка! Такой молодецъ! Подхватилъ въ коляску проворнымъ манеромъ, только я ихъ и видѣла.

Анна Антоновна.

Ужь это по глазамъ было видно, что парень ловкій.

Арина Өедотовна.

Какой еще ловкій-то!.. Одного я боюсь: братецъ спроситъ, гдѣ Дуничка, что̀ я скажу? Скажу, что у тебя; запоздала, молъ, и ночевать осталась. Ну, а завтра сами пріѣдутъ, тамъ какъ хотятъ.

Анна Антоновна.

Обѣщалъ мнѣ матеріи на платье подарить.

Арина Өедотовна.

Что̀ ты!

Анна Антоновна.

Право.

Арина Өедотовна.

Видишь ты, какой благородный человѣкъ! (*Цалуются. Анна Антоновна уходитъ. Арина Өедотовна садится къ столу*). Посмотримъ, что̀ карты скажутъ. (*Входятъ Бородкинъ и Русаковъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Арина Өедотовна Русаковъ, и Бородкинъ.

Русаковъ.

Сестрица, а сестрица!

Арина Өедотовна (*смѣшивая карты*).

Чего изволите, братецъ?

Русаковъ.

Да пора-бы ужинать, вѣдь, ужь время-то поздно.

Арина Өедотовна.

Сейчасъ, братецъ. (*Уходитъ*).

Русаковъ.

А ты, Иванушка, поужинай съ нами. Мать-то знаетъ, что ты ко мнѣ пошелъ?

Бородкинъ.

Знаетъ.

Русаковъ.

Ну, такъ что̀-жь, ну, и ничего, безпокоиться не будетъ. А ты съ нами посиди. (*Входитъ дѣвка и накрываетъ столъ*). Скажи ты мнѣ, Иванушка, отчего тебя Дуня не любитъ?

Бородкинъ.

Я, Максимъ Ѳедотычъ, не знаю-съ. Я, кажется, готовъ всю душу положить за Авдотью Максимовну и всячески стараюсь, какъ угодить. Если не любятъ, все-таки, не я тому причиной. Можетъ, есть лучше насъ, а между прочимъ, не знаю-съ.

Русаковъ.

Ничего, Иванушка, не тужи. Дѣвичье сердце перемѣнчивое: нынче не любитъ, а завтра полюбитъ.

Бородкинъ.

Хорошо, кабы такъ-съ.

Арина Ѳедотовна (*входитъ*).

Готово, братецъ.

Русаковъ.

А Дунюшка гдѣ?

Арина Ѳедотовна.

Не знаю, братецъ, еще не бывала.

Русаковъ.

Какъ-же не знаешь; вѣдь, ты съ ней вмѣстѣ ходила?

Арина Ѳедотовна.

Да она хотѣла къ Аннѣ Антоновнѣ зайти; должно быть, тамъ засидѣлась.

Русаковъ.

Что̀-жь ты ее одну бросила! Пошли за ней дѣвку поскорѣй — это недалеко.

Арина Ѳедотовна.

Да она, можетъ быть, братецъ, тамъ ночевать останется.

Русаковъ.

Это зачѣмъ еще?.. Пошли, я хочу ее видѣть.

Арина Ѳедотовна.

Сейчасъ, братецъ. (*Уходитъ*).

Русаковъ.

Подождемъ Дунюшку, посидимъ, покалякаемъ о чемъ-нибудь.

(*Молчаніе*). Что̀ это, Иванушка, какъ я погляжу, народъ-то все хуже и хуже дѣлается, и что это будетъ, ужь и не знаю. Возьмемъ хоть изъ нашего брата: ну, старики-то еще и туда-сюда, а молодые-то?.. На что̀ это похоже?.. Ни стыда, ни совѣсти; вѣдь. повѣрить ничего нельзя, а ужь уваженія и не спрашивай. Нѣтъ, мы, бывало, страхъ имѣли, старшихъ уважали. Опять эту моду выдумали! Прежде ея не было, такъ лучше было, право. Проще жили, ну, и народъ честнѣй былъ. А то — я, говоритъ, хочу по модѣ жить, по нынѣшнему, а глядишь, тому не платитъ, другому не платитъ.

Бородкинъ.

Все это, Максимъ Ѳедотычъ, отъ необузданности, а то и отъ глупости.

Русаковъ.

Именно отъ необузданности. Бить нѣкому! А то-то-бы учить-то надо... Охо-хо — палка-то по нихъ плачетъ.

Бородкинъ.

Вѣдь, все себѣ на гибель, Максимъ Ѳедотычъ.

Русаковъ.

Да, вѣдь, другаго жалко. Глядишь, мальченка-то и не дуракъ, вѣдь, можетъ, изъ него-бы и путный вышелъ, кабы въ руки-то взять. А то его точно, какъ вихоремъ какимъ носитъ, либо кружится тебѣ, какъ турманъ, ровно какъ угорѣлый, что̀-ли, да безпутство, да пьянство... Не глядѣли-бъ глаза, кажется.

Бородкинъ.

Потому, главная причина, Максимъ Ѳедотычъ, основательности нѣтъ... къ жизни... Кабы основательность была, ну, другое дѣло; а то помилуйте, Максимъ Ѳедотычъ, въ головѣ одно: какое-бы колѣно сдѣлать почуднѣй, чтобъ невиданное... (*Входитъ Маломальскій*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и Маломальскій.

Маломальскій.

Сватъ, я къ тебѣ пришелъ... примѣрно, за дѣломъ...

Русаковъ.

Ну, что̀-жь, садись, милости просимъ. (*Маломальскій садится. Молчаніе*). Ну, что̀-же у тебя за дѣло?..

Маломальскій.

Только, чтобъ того... не вдругъ...

Русаковъ.

Да что̀ тамъ такое?

Маломальскій.

Это, сватъ, со всякимъ можетъ... гмъ... потому, захочетъ что̀ сдѣлать, если, примѣрно... какъ ты ее удержишь или усмотришь... настоящее я тебѣ дѣло говорю...

Русаковъ.

Эхъ, безтолковъ ты, сватъ.

Маломальскій (*отойдя на авансцену, мигая и маня рукой Русакова*).

Поди сюда.

Русаковъ.

Говори вслухъ, что̀ тебѣ?..

Маломальскій.

Примѣрно, такая штука... секретная...

Русаковъ.

Что̀ тамъ еще?..

Маломальскій (*оглядываясь*).

Сватъ... а гдѣ у тебя дочь?

Русаковъ.

Говорятъ, къ вамъ пошла, къ Аннѣ Антоновнѣ.

Маломальскій.

Говорятъ! Кто говоритъ?.. Не вѣрь, врутъ!.. врутъ, сватъ... Обманъ, одинъ обманъ...

Русаковъ.

Поди, проспись!.. Еще у тебя, видно, хмѣль-то не вышелъ... пьянъ еще...

Маломальскій.

Нѣтъ, не пьянъ... Видѣлъ... своими глазами видѣлъ...

Русаковъ.

Да что̀ ты видѣлъ-то, говори, злодѣй!..

Маломальскій.

Ее, сватъ, видѣлъ... ее... ѣдутъ... въ коляскѣ...

Русаковъ.

Съ кѣмъ?..

Маломальскій.

Съ бариномъ... съ моимъ съ постояльцемъ... Да... я не пьяный... я видѣлъ...

Бородкинъ.

Кое мѣсто-съ?

Маломальскій.

За валомъ... на мосту...

Русаковъ (*садится къ столу и подпираетъ голову рукой*).

Господи, поддержи!.. (*Молчаніе*). Сестра! (*Арина Ѳедотовна входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Арина Ѳедотовна.

Арина Ѳедотовна.

Что̀ вы, братецъ?

Русаковъ.

Гдѣ дочь?

Арина Ѳедотовна.

Право, братецъ, не знаю...

Русаковъ.

Говори, сестра, говори всю правду, слышишь!

Арина Ѳедотовна.

Право, братецъ, не знаю... Можетъ быть, Викторъ Аркадьичъ... Они тутъ на лошадяхъ подъѣзжали...

Бородкинъ.

На чьихъ лошадяхъ — на извощичьихъ-съ?..

Арина Ѳедотовна.

Нѣтъ, на Баранчевскихъ.

Бородкинъ.

Такъ далеко не уѣдутъ-съ. Либо у Баранчевскаго надо искать, либо по гостинницамъ-съ.

Русаковъ.

Постой ты. Что̀-жь, она съ нимъ сѣла, да и поѣхала?

Арина Ѳедотовна.

Нѣтъ, братецъ, онъ ее насильно посадилъ.

Русаковъ.

Насильно! (*Встаетъ*). Что̀-жь это, отцы мои!.. Увезли дѣвушку насильно! Помогите! Дочь мою, голубушку мою, послѣднюю мою радость. Вѣдь, это разбой!.. Побѣжимте!..

Бородкинъ.

Я хоть сію минуту-съ.

Маломальскій.

Поѣдемъ... у меня, сватъ, лошадь здѣсь...

Русаковъ (*хватаясь за голову*).

Постойте! Откуда онъ ее увезъ?

Арина Ѳедотовна.

За валомъ, братецъ, отъ мосту.

Русаковъ.

А зачѣмъ она тамъ была? Вы, вѣдь, въ церковь пошли?

Арина Ѳедотовна.

Мы, братецъ, гуляли.

Русаковъ (*хватая ее за руку*).

Врешь, у васъ уговоръ былъ! Говори, былъ уговоръ, говори?

Арина Ѳедотовна.

Былъ.

Русаковъ (*садится со слезами*).

Такъ зачѣмъ-же мы поѣдемъ? Она своей волей уѣхала, она своей волей бросила отца, на смѣхъ людямъ, бросила старика одного горе мыкать! Дочка! не вѣкъ тебѣ будутъ радости. Вспомнишь ты и обо мнѣ. Кто тебя такъ любить будетъ, какъ я тебя любилъ?.. Поживи въ чужихъ людяхъ, узнаешь, что̀ такое отецъ!.. Диви-бы, я съ ней строгъ былъ, или жалѣлъ для нея что̀. Я-ли ее не любилъ, я-ли ее не голубилъ?.. (*Плачетъ*).

Бородкинъ.

Полноте, Максимъ Ѳедотычъ, пойдемте, можетъ и найдемъ.

Русаковъ.

Не трожь Иванушка, дай мнѣ наплакаться, потомъ легче будетъ

Бородкинъ.

Да, вѣдь, ужь слезами, Максимъ Ѳедотычъ, не поможешь; лучше пойти поискать.

Русаковъ.

Гдѣ искать! Зачѣмъ искать!

Арина Ѳедотовна.

Ахъ, братецъ, какъ вы себя убиваете. Чтò вы безпокоитесь; они завтра сами пріѣдутъ: обвѣнчаются и пріѣдутъ.

Русаковъ (*встаетъ*).

Обвѣнчаются! Такъ нѣтъ, не хочу, не хочу! Поѣдемъ, сватъ! Отниму, коли найду. Запру въ свѣтлицу, тамъ и сиди. Пусть лучше умретъ на моихъ глазахъ, только не доставайся моему врагу.

Бородкинъ.

Мнѣ тоже прикажете?

Русаковъ.

Ты останься. Ну, сестрица, голубушка, отблагодарила ты меня за мою хлѣбъ, соль! Спасибо! Лучше-бъ ты у меня съ плечъ голову сняла, нечѣмъ ты это сдѣлала. Твое дѣло; порадуйся! Я ее въ страхѣ воспитывалъ да въ добродѣтели, она у меня, какъ голубка была чистая. Ты пріѣхала съ заразой-то своей. Только у тебя и разговору-то было, что глупости... всѣ рѣчи-то твои были такія вздорныя. Вѣдь, тебя нельзя пустить въ хорошую семью: ты ядъ и соблазнъ! Вонъ изъ моего дома, вонъ! Чтобы нога твоя не была здѣсь!

Арина Ѳедотовна.

Вы всегда, братецъ, обижаете...

Русаковъ (*уходя съ Маломальскимъ*).

Потаскушка ты этакая! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Арина Ѳедотовна и Бородкинъ.

Арина Ѳедотовна (*садится, плачетъ, потомъ, поднявши голову*).

Ишь ты разгулялся! Ругатель, обидчикъ, мужикъ необразованный!

Бородкинъ.

А то васъ не ругать! Что̀-жь, хвалить, что̀-ли, за этакія дѣла?

Арина Ѳедотовна.

И ты туда-жь!.. Ахъ ты, дрянь бородастая! Молчалъ-бы ужь лучше...

Бородкинъ.

Такъ что̀-жь небойсь, хорошо сдѣлали!...

Арина Ѳедотовна.

Да вотъ какъ ни сдѣлали, а тебѣ не досталось. Теперь ищите съ батюшкой-то, а ужь дѣло-то кончено; по крайней мѣрѣ, на своемъ поставили.

Бородкинъ.

Какъ-бы послѣ не плакать.

Арина Ѳедотовна.

Не объ тебѣ-ли ужь?.. Эко несчастіе, скажите! Какого жениха упустили!.. Какъ не плакать!.. А посмотри-ка, какъ онъ завтра съ ней прикатитъ, да взойдетъ-то этакой кавалеръ, такъ любоваться мило дорого будетъ.

Бородкинъ.

Хорошо, кабы вашими устами да медъ пить. Я-бъ самъ вчужѣ за Авдотью Максимовну порадовался.

Арина Ѳедотовна.

Да ужь теперь не то, что̀ прежде — и посмотрѣть-то на нее ты долженъ за счастье считать. (*Авдотья Максимовна входитъ, держась за дверь, и молча садится къ столу. Арина Ѳедотовна и Бородкинъ смотрятъ на нее въ недоумѣніи*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же и Авдотья Максимовна.

Авдотья Максимовна.

Господи! измучилась... Ну, слава Богу, теперь, по крайней мѣрѣ, я дома...

Арина Ѳедотовна.

Дуничка, что̀ съ тобой! Откуда ты?..

Авдотья Максимовна.

Гдѣ тятенька?

Бородкинъ.

Они пошли-съ... гмъ... недалечко-съ... скоро придутъ...

Авдотья Максимовна.

Мнѣ его нужно видѣть поскорѣй... Гдѣ онъ, скажите вы мнѣ!..

Арина Ѳедотовна.

Дуничка, бѣда у насъ: вѣдь, онъ все узналъ. Тебя искать поѣхалъ. Селиверстъ Потапычъ ему все разсказалъ — онъ видѣлъ, какъ вы ѣхали съ Викторомъ Аркадьичемъ.

Авдотья Максимовна.

Тятенька, голубчикъ! Скоро-ли онъ придетъ, скоро-ли?.. Я измучаюсь, изстрадается мое сердце до него, вся душа изноетъ.

Бородкинъ (*Аринѣ Ѳедотовнѣ*).

Надо вамъ было говорить!

Авдотья Максимовна.

Кто-то стукнулъ, не тятенька-ли?.. (*Встаетъ, шатаясь*).

Бородкинъ (*поддерживая ее*).

А хоть-бы и онъ, что̀-жь за бѣда-съ?..Нешто вы въ этомъ виноваты, коли васъ насильно увезли!

Авдотья Максимовна.

Только, какъ мнѣ горько, кабы вы знали!.. На кого была надежда, что̀ онъ со мной сдѣлалъ!.. Тошнехонько мнѣ!..

Бородкинъ.

Что̀-же онъ вами сдѣлалъ-съ?

Авдотья Максимовна (*съ отчаяніемъ*).

Что̀ сдѣлалъ? Прогналъ! Мнѣ, говоритъ, тебя не нужно, а нужны деньги. А я, дура, думала, что онъ меня любитъ.

Бородкинъ.

Значитъ, Авдотья Максимовна, я такъ думаю: это дѣло надо будетъ бросить-съ.

Авдотья Максимовна.

А тятенька-то что̀ скажетъ? Что̀ люди-то скажутъ?

Бородкинъ.

Позвольте мнѣ за это дѣло взяться: я его обдѣлаю, какъ должно.

Авдотья Максимовна.

Вы?..

Бородкинъ.

Я-съ. Только, Авдотья Максимовна, какъ собственно теперича этотъ баринъ за всѣ свои невѣжества не стòитъ того, чтобы вы его любили, такъ ужь я буду въ надеждѣ-съ.

Авдотья Максимовна.

Я все на свѣтѣ для васъ сдѣлаю, только-бы тятенька не гнѣвался на меня.

Бородкинъ.

А когда такъ, не извольте ничего безпокоиться, идите себѣ въ комнату, а я съ тятенькой переговорю. А то разстроите его, да и сами отъ чувствъ даже больны можете быть. Чтò хорошаго?..

Авдотья Максимовна.

У меня на васъ только и надежда!..

Бородкинъ.

Будьте спокойны. (*Авдотья Максимовна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Бородкинъ и Арина Ѳедотовна.

Бородкинъ.

Чтò, есть чему радоваться?.. Убирайтесь-ка лучше отъ грѣха, пока Максимъ Ѳедотычъ не пришелъ.

Арина Ѳедотовна.

Кто-жь это зналъ, что такъ случится; я и ума не приложу.

Бородкинъ.

Говорили вамъ, кажется, такъ вы сами умнѣе всѣхъ хотите быть. Посмотрите на Авдотью Максимовну теперь, у меня ижно слезы прошибло.

Арина Ѳедотовна.

Ну, вотъ, поди-жь ты, развѣ можно было ждать отъ него такого невѣжества?..

Бородкинъ.

Охъ, кабы я на мѣстѣ Максима Ѳедотыча, я-бы вамъ феферу задалъ.

Арина Ѳедотовна.

Полно храбриться-то!

Бородкинъ.

Что храбриться-то?.. За что погубили дѣвушку?.. Али вамъ это ничего?..

Арина Ѳедотовна (*прислушивается*).

Братецъ пріѣхалъ. (*Уходитъ въ боковую дверь. Бородкинъ притворяетъ ее. Входитъ Русаковъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Бородкинъ и Русаковъ (*садится къ столу*).

Русаковъ.

Нѣтъ ее. Ну, Иванушка, сирота я теперь. Поди домой. Оставь меня, поди!

Бородкинъ.

Куда-жь мнѣ торопиться-то, я съ вами посижу.

Русаковъ.

Нѣтъ ее, Иванушка, ну, и не надо, одинъ поживу... имѣніе нищимъ раздамъ.

Бородкинъ.

Да помилуйте, Максимъ Ѳедотычъ, можетъ, еще все это благополучно кончится.

Русаковъ.

Я ее теперь и видѣть не хочу, не велю и пускать къ себѣ. живи она, какъ хочешь! (*Молчаніе*). Я ужь не увижу ее... Коли кто изъ васъ увидитъ ее, такъ скажите ей, что отецъ ей зла не желаетъ, что коли она, бросивши отца, можетъ быть душой покойна, жить въ радости, такъ Богъ съ ней! Но за поруганіе мое, моей сѣдой головы, я видѣть ее не хочу никогда. Дуня умерла у меня! Нѣтъ, не умерла, ее и не было никогда! Имени ея никто не смѣй говорить при мнѣ!.. (*Авдотья Максимовна входитъ и останавливается на порогѣ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Авдотья Максимовна.

Русаковъ.

Кто? кто это?

Авдотья Максимовна.

Я, тятенька.

Русаковъ.

Ты? А полюбовникъ гдѣ?

Авдотья Максимовна.

Тятенька!..

Русаковъ.

Къ нему, къ нему, ступай къ нему!

Авдотья Максимовна (*твердо*).

Я не пойду изъ дому. Прогоните — я умру на порогѣ.

Русаковъ (*молча смотритъ на нее*).

Гдѣ-же тотъ-то? гдѣ мой врагъ-то?..

Авдотья Максимовна.

Онъ меня обманулъ, онъ меня не любитъ — ему только деньги нужны.

Русаковъ.

А! вотъ что!.. Я, кажется, давеча говорилъ тебѣ объ этомъ. Да гдѣ отцу знать: онъ на старости лѣтъ изъ ума выжилъ. Ну, зачѣмъ-же ты пришла?

Авдотья Максимовна.

Куда-жь я, тятенька, дѣнусь?

Русаковъ.

Ну, что-жь, извѣстно, не гнать-же мнѣ тебя. (*Притворно смѣется*).

Авдотья Максимовна (*падаетъ ему въ ноги*).

Тятенька! простите меня!

Русаковъ.

Простите! Нѣтъ, ты меня уморила-было!.. Вѣдь, мнѣ теперь стыдно людямъ глаза показать, а про тебя-то и говорить нѣчего. Нѣтъ, голубушка, я тебя запру. Поди! (*Отходитъ*).

Бородкинъ.

Встаньте, Авдотья Максимовна, Богъ милостивъ! Дѣло обойдется какъ-нибудь. (*Поднимаетъ ее, она плачетъ; они отходятъ въ сторону и разговариваютъ вполголоса. Входитъ Маломальскій*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Маломальскій.

Маломальскій.

Сватъ, а сватъ, я, примѣрно, молодца-то остановилъ.

Русаковъ.

Ахъ, провались онъ совсѣмъ! Мнѣ-то что̀ за дѣло?..

Маломальскій.

Какъ, сватъ, нѣтъ, ты не то... Онъ этого не должо̀нъ... Онъ, примѣрно, теперь осрамилъ дѣвушку... ну, и женись... мы заставимъ.

Русаковъ.

Да мнѣ его и даромъ ненадо, не то, что насильно заставить. Осрамилъ — ну, что̀-жь, нашъ грѣхъ!.. Да меня золотомъ осыпь, я на него и глядѣть-то не хочу, не то чтобъ въ зятья взять.

Маломальскій.

Это къ тому, что теперича... слухъ этотъ пойдетъ... такъ и такъ... и, примѣрно, разойдется по городу: кто ее возьметъ?

Русаковъ.

Что̀-жь дѣлать-то, согрѣшили. На себя пѣняй.

Бородкинъ (*выступая впередъ*).

Я возьму-съ.

Маломальскій.

Гмъ!.. (*Мигаетъ глазомъ*). Не бери!

Бородкинъ.

Будетъ вамъ врать-то-съ. Это наше дѣло.

Русаковъ.

Нѣтъ, Иванушка, погоди, тебѣ эта невѣста не годится, я тебѣ найду другую.

Бородкинъ.

Мнѣ другой ненадобно-съ.

Русаковъ.

Тебѣ надобно дѣвушку честную, чтобъ про нее худой славы не было.

Бородкинъ.

Чтò это значитъ худая слава! Коли я люблю Авдотью Максимовну, такъ это для меня все одно.

Русаковъ.

Да она тебя не стòитъ. Ей теперь нѣчего объ замужствѣ думать.

Бородкинъ.

Вы давеча сами обѣщали. Я вотъ отъ своего слова не пячусь, а вы пятитесь. А ужь это не порядокъ, Максимъ Ѳедотычъ!.. Положимъ, хоша она ваша дочь, а за чтò-жь ее обижать. Авдотья Максимовна и такъ обижена кругомъ, должòнъ кто-нибудь за нее заступиться. Ее-жь обидѣли, да ее-же и бранить. По крайней мѣрѣ, она у насъ будетъ ласку видѣть отъ меня и отъ маменьки. Чтò-жь такое, со всякимъ грѣхъ бываетъ. Не намъ судить!

Русаковъ.

Да ты чтò шумишь-то?

Бородкинъ.

Да мнѣ чтò шумѣть-то?.. Вы мнѣ обѣщали Авдотью Максимовну, и отдайте!..

Русаковъ (*подумавши*).

Да возьми, пожалуй. Эка невидаль!

Бородкинъ (*подходя къ Авдотьѣ Максимовнѣ*).

Авдотья Максимовна, не плачьте, перестаньте-съ. Теперь васъ никто обидѣть не смѣетъ-съ. Никому не позволю... самому Максиму Ѳедотычу, провалиться на этомъ мѣстѣ!..

Авдотья Максимовна.

Иванъ Петровичъ! любите хоть вы меня, меня никто не любитъ. Весь свѣтъ на меня!

Бородкинъ.

Помилуйте, Авдотья Максимовна, есть-же во мнѣ какое-нибудь чувство; я, вѣдь, не звѣрь, и во мнѣ есть искра Божья!

Авдотья Максимовна.

Иванъ Петровичъ! я за васъ буду вѣчно Богу молить, вы заступились за бѣдную дѣвушку. Ужь коли тятенька говоритъ вамъ,

что вамъ нужно дѣвушку честную, чего-же мнѣ ждать отъ другихъ-то?.. Этакую муку терпѣть!.. Меня-бъ на недѣлю не стало!.. Кабы кто видѣлъ мою душу!.. Каково мнѣ теперь!.. Я честная дѣвушка, Иванъ Петровичъ — я васъ обманывать не стану. Скажите вы это всѣмъ и тятенькѣ.

Русаковъ (*пораженный*).

Эхъ-ма, сватъ, состарѣлся я, а все еще глупъ. За что я ее обидѣлъ? Во гнѣвѣ скажешь слово, а его ужь не воротишь. Слово-то, какъ стрѣла. Вѣдь, иногда словомъ-то обидишь больше, чѣмъ дѣломъ! Такъ-ли, сватъ?.. А это грѣхъ... Дунюшка, словечко-то у меня давеча въ сердцахъ вырвалось, маленько оно обидно, такъ ты его къ сердцу не принимай. Самому было горько, ну, и сказалъ лишнее.

Авдотья Максимовна.

Тятенька! простите меня.

Русаковъ.

Богъ тебя проститъ, ты меня-то прости! (*Цалуетъ ее*). Нѣтъ, Иванушка, я тебѣ ее не отдамъ!..

Бородкинъ.

Какъ-же это, Максимъ Ѳедотычъ? Это на что̀-жь похоже-съ?

Русаковъ.

Коли хочешь ее взять, такъ переѣзжай сюда и съ матерью, и будемте жить вмѣстѣ.

Бородкинъ.

Это-то все одно-съ, а то-было ужь я перепужался.

Русаковъ.

Сестра, поди сюда! (*Входитъ Арина Ѳедотовна*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Арина Ѳедотовна.

Арина Ѳедотовна.

Что̀ вамъ угодно, братецъ?

Русаковъ.

Ну, прости меня!.. Теперь, на радости, не ссорятся!

Арина Өедотовна.

И, братецъ, что̀ это вы!.. Да смѣю-ли я обижаться?..

Маломальскій.

А я... все-таки... примѣрно.... его не отпущу...

Русаковъ.

Кого его?..

Маломальскій.

Барина... То-есть, ни копѣйки, примѣрно, за постой...

Русаковъ.

Ну, ужь я за него заплачу, только, чтобъ онъ убирался поскорѣй.

Маломальскій.

А что̀, сватъ, угощеніе будетъ?

Русаковъ.

Будетъ, какъ не быть. Мы еще и не ужинали. Сестрица, приготовь-ка намъ что̀-нибудь, поздравить жениха съ невѣстой.

Арина Өедотовна.

Сейчасъ, братецъ.

Маломальскій.

Ну, ужь теперь, сватъ, я загулялъ... ужь теперь вплоть до свадьбы. Тамъ хозяйка какъ хочетъ, а я, примѣрно, гуляю!..

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА.

СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІИ А. Н. ОСТРОВСКАГО

II

СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІИ А. Н. ОСТРОВСКАГО

II

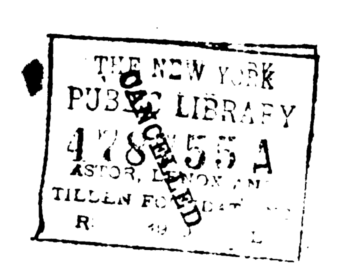
СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

А. Н. ОСТРОВСКАГО

ТОМЪ ВТОРОЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38)
1874

БѢДНОСТЬ НЕ ПОРОКЪ.

ПОСВЯЩЕНО

ПРОВУ МИХАЙЛОВИЧУ САДОВСКОМУ.

БѢДНОСТЬ НЕ ПОРОКЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЛИЦА:

Гордѣй Карпычъ Торцовъ, богатый купецъ.
Пелагея Егоровна, его жена.
Любовь Гордѣевна, ихъ дочь.
Любимъ Карпычъ Торцовъ, его братъ, промотавшійся.
Африканъ Савичъ Коршуновъ, фабрикантъ.
Митя, прикащикъ Торцова.
Яша Гуслинъ, племянникъ Торцова.
Гриша Разлюляевъ, молодой купчикъ, сынъ богатаго отца.
Анна Ивановна, молодая вдова.
Маша }
Лиза } подруги Любови Гордѣевны.
Егорушка, мальчикъ, дальній родственникъ Торцова.
Арина, нянька Любови Гордѣевны.
Гости, гостьи, прислуга, ряженые и прочіе.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ купца Торцова, во время святокъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Небольшая прикащичья комната; на задней стѣнѣ дверь, налѣво въ углу кровать, направо шкафъ; на лѣвой стѣнѣ окно, подлѣ окна столъ, у стола стулъ; подлѣ правой стѣны конторка и деревянная табуретка; подлѣ кровати гитара; на столѣ и конторкѣ книги и бумаги.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Митя *ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ;* Егорушка *сидитъ на табуреткѣ и читаетъ «Бову Королевича».*

Егорушка (*читаетъ*).

«Государь мой батюшка, славный и храбрый король, Кири-

бить Верзоуловичъ, нынѣ идти за него смѣлости не имѣю, потому что когда я была во младости, то король Гвидонъ за меня сватался».

Митя.

Чтò, Егорушка, наши дома?

Егорушка (*зажимаетъ пальцемъ то мѣсто, гдѣ читаетъ, чтобъ не ошибиться*).

Никого нѣтъ; кататься уѣхали. Одинъ Гордѣй Карпычъ дома. (*Читаетъ*). «На то сказалъ дщери своей Кирибитъ Верзоуловичъ»... (*зажимаетъ пальцемъ*)... Только такой сердитый, что бѣда! Я ужь ушелъ — все ругается. (*Читаетъ*). «Тогда прекрасная Милитриса Кирбитьевна, призвавъ къ себѣ слугу Личарду»...

Митя.

На кого-же онъ сердитъ?

Егорушка (*опять зажимаетъ*).

На дяденьку, на Любима Карпыча. На второй-то праздникъ дяденька Любимъ Карпычъ обѣдалъ у насъ, за обѣдомъ-то захмѣлѣлъ, да и началъ разныя колѣна выкидывать, да смѣшно таково. Я смѣшливъ, вѣдь, больно, не вытерпѣлъ, такъ и покатился со смѣху, а ужь на меня глядя и всѣ. Дяденька Гордѣй-то Карпычъ принялъ это себѣ за обиду да за невѣжество, осерчалъ на него да и прогналъ. Дяденька-то Любимъ Карпычъ взялъ да въ отместку ему и съозарничалъ, пошелъ да съ нищими и сталъ у собора. Дяденька-то Гордѣй Карпычъ говоритъ: осрамилъ, говоритъ, на весь городъ. Да теперь и сердится на всѣхъ безъ разбору, кто подъ руку подвернется. (*Читаетъ*). «Съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы подступилъ подъ нашъ градъ».

Митя (*взглянувъ въ окно*).

Кажется, наши пріѣхали... Такъ и есть! Пелагея Егоровна, Любовь Гордѣевна, да и гости съ ними.

Егорушка (*прячетъ сказку въ карманъ*).

Побѣжать на верхъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Митя (*одинъ*).

Эка тоска, Господи!.. На улицѣ праздникъ, у всякаго въ домѣ праздникъ, а ты сиди въ четырехъ стѣнахъ!.. Всѣмъ-то я чужой, ни родныхъ, ни знакомыхъ!.. А тутъ еще... Ахъ, да ну! сѣсть лучше за дѣло, авось тоска пройдетъ. (*Садится къ конторкѣ и задумывается, потомъ запѣваетъ*):

«Красоты ея неможно описать!..
Черны брови, съ поволокою глаза».

Да, съ поволокою. А какъ вчера въ собольемъ салопѣ, покрывшись платочкомъ, идетъ отъ обѣдни, такъ это... ахъ!.. Я такъ думаю, и не привидано такой красоты! (*Задумывается, потомъ поетъ*):

«Ужъ и гдѣ-жъ эта родилась красота»...

Какже, пойдетъ тутъ работа на умъ! Все-бы я думалъ объ ней!.. Душу-то всю истерзалъ тосковамши. Ахъ ты горе-гореваньице!.. (*Закрываетъ лицо руками и сидитъ молча. Входитъ Пелагея Егоровна, одѣтая по зимнему, и останавливается въ дверяхъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Митя и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Митя, Митенька!

Митя.

Что̀ вамъ угодно?

Пелагея Егоровна.

Зайди ужо вечеркомъ къ намъ, голубчикъ. Поиграете съ дѣвушками, пѣсенокъ попоете.

Митя.

Премного благодаренъ. Первымъ долгомъ сочту-съ.

Пелагея Егоровна.

Что̀ тебѣ въ конторѣ все сидѣть одному! Не велико веселье! Зайдешь, что̀-ли? Гордѣя-то Карпыча дома не будетъ.

Митя.

Хорошо-съ, зайду безпремѣнно.

Пелагея Егоровна.

Уѣдетъ, вѣдь, опять... да, уѣдетъ туда, къ этому, къ своему-то... какъ его?..

Митя.

Къ Африкану Савичу-съ?

Пелагея Егоровна.

Да, да! Вотъ навязался, прости Господи!

Митя (*подавая стулъ*).

Присядьте, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Охъ, некогда. Ну, да ужь присяду немножко. (*Садится*). Такъ вотъ поди-жь ты... этакая напасть! Право!.. Подружились, вѣдь, такъ, что нà поди. Да! Вотъ какое дѣло! А зачѣмъ? Къ чему пристало? Скажи ты на милость! Человѣкъ-то онъ буйный да пьяный, Африканъ-то Савичъ... да!

Митя.

Можетъ, дѣла какія есть у Гордѣя Карпыча съ Африканомъ Савичемъ.

Пелагея Егоровна.

Какія дѣла! Никакихъ дѣловъ нѣтъ. Вѣдь, онъ-то, Африканъ-то Савичъ, съ агличиномъ все пьютъ. Тамъ у него агличинъ на фабрикѣ дилехторъ — и пьютъ... да! А нашему-то не слѣдъ съ ними. Да развѣ съ нимъ сговоришь! Гордость-то его одна чего стòитъ! Мнѣ, говоритъ, здѣсь не съ кѣмъ компанію водить, все, говоритъ, сволочь, все, видишь ты, мужики, и живутъ-то помужицки; а тотъ-то, видишь ты, московскій, больше все въ Москвѣ... и богатый. И чтò это съ нимъ сдѣлалось? Да, вѣдь, вдругъ, любезненькій, вдругъ! То, все-таки, разсудокъ имѣлъ. Ну, жили мы, конечно, не роскошно, а все-таки, такъ, что дай Богъ всякому; а вотъ въ прошломъ году въ отъѣздъ ѣздилъ, да перенялъ у кого-то. Перенялъ, перенялъ, ужь мнѣ сказывали... всѣ эти штуки-то перенялъ. Теперь все ему наше русское не мило; ладитъ одно — хочу жить по-нынѣшнему, модами заниматься. Да, да!.. Надѣнь, говоритъ, чепчикъ!.. Вѣдь, чтò выдумаетъ-то!..

Прельщать, чтò-ли, мнѣ кого на старости, говорю, разныя прелести дѣлать! Тьфу! Ну, вотъ поди-жь ты съ нимъ! Да! Не пилъ, вѣдь, прежде... право... никогда, а теперь съ этимъ Африканомъ пьютъ! Съ пьяну-то, должно быть, у него (*показывая на голову*) и помутилось. (*Молчаніе*). Ужь я такъ думаю, что это врагъ его смущаетъ! Какъ-таки разсудку не имѣть!.. Ну, еще кабы молоденькій: молоденькому это и нарядиться, и все это лестно; а то, вѣдь, подъ шестьдесятъ! Миленькій, подъ шестьдесятъ! Право! Модное-то ваше да нынѣшнее, я говорю ему, каждый день мѣняется, а русской-то нашъ обычай испоконъ вѣку живетъ! Старики-то не глупѣй насъ были. Да развѣ съ нимъ сговоришь, при его-же, голубчикъ, крутомъ-то характерѣ.

Митя.

Чтò говорить! Строгій человѣкъ-съ.

Пелагея Егоровна.

Любочка теперь въ настоящей порѣ, надобно ее пристроить, а онъ одно ладитъ: нѣтъ ей ровни... нѣтъ да нѣтъ!.. Анъ вотъ есть!.. А у него все нѣтъ... А каково-же это материнскому-то сердцу!

Митя.

Можетъ быть, Гордѣй Карпычъ хотятъ въ Москвѣ выдать Любовь Гордѣевну.

Пелагея Егоровна.

Кто его знаетъ, чтò у него на умѣ. Смотритъ звѣремъ, ни словечка не скажетъ, точно я и не мать... да, право... ничего я ему сказать не смѣю; развѣ съ кѣмъ поговоришь съ постороннимъ про свое горе, поплачешь, душу отведешь, только и всего. (*Встаетъ*). Заходи, Митенька.

Митя.

Приду-съ. (*Гуслинъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Т ѣ - ж е и Г у с л и н ъ.

Пелагея Егоровна.

Вотъ и еще молодецъ! Приходи, Яшенька, ужо къ намъ на-

верхъ съ дѣвушками пѣсни попѣть, ты, вѣдь, мастеръ, да гитару захвати.

Гуслинъ.

Хорошо-съ, это намъ не въ трудъ, а еще, можно сказать, въ удовольствіе-съ.

Пелагея Егоровна.

Ну, прощайте. Пойти соснуть полчасика.

Гуслинъ и Митя.

Прощайте-съ. (*Пелагея Егоровна уходитъ; Митя садится къ столу, пригорюнившись. Гуслинъ садится на кровать и беретъ гитару*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Митя и Яша Гуслинъ.

Гуслинъ.

Что̀ народу было на катаньѣ!.. И ваши были. Что̀-жь ты не былъ?

Митя.

Да что̀, Яша, обуяла меня тоска-кручина.

Гуслинъ.

Что̀ за тоска? Объ чемъ тебѣ тужить-то?

Митя.

Какъ-же не тужить-то? Вдругъ въ голову взойдутъ такія мысли: что̀ я такое за человѣкъ на свѣтѣ есть? Теперь родительница у меня въ старости и бѣдности находится, ее долженъ содержать, а чѣмъ? Жалованье маленькое, отъ Гордѣя Карпыча все обида да брань, да все бѣдностью попрекаетъ, точно я виноватъ... а жалованья не прибавляетъ. Поискалъ-бы другаго мѣста, да гдѣ его найдешь безъ знакомства-то. Да, признаться сказать, я къ другому-то мѣсту и не пойду.

Гуслинъ.

Отчего-же не пойдешь? Вотъ у Разлюляевыхъ жить хорошо— люди богатые и добрые.

Митя.

Нѣтъ, Яша, не рука! Ужь буду все терпѣть отъ Гордѣя Карпыча, бѣдствовать буду, а не пойду. Такая моя планида!

Гуслинъ.

Отчего-же такъ?

Митя (*встаетъ*).

Такъ, ужь есть тому дѣлу причина. Есть, Яша, у меня еще горе, да никто того горя не знаетъ. Никому я про свое горе не сказывалъ.

Гуслинъ.

Скажи мнѣ.

Митя (*махнувъ рукою*).

Зачѣмъ!

Гуслинъ.

Да скажи, что̀ за важность!

Митя.

Говори не говори, вѣдь, не поможешь!

Гуслинъ.

А почемъ знать!

Митя (*подходитъ къ Гуслину*).

Никто мнѣ не поможетъ. Пропала моя голова! Полюбилась мнѣ больно Любовь Гордѣевна.

Гуслинъ.

Что̀ ты, Митя?! Да какъ-же это?

Митя.

Да вотъ какъ ни какъ, а ужь сдѣлалось.

Гуслинъ.

Лучше, Митя, изъ головы выкинь. Этому дѣлу никогда не бывать, да и не раживаться.

Митя.

Знамши я все это, не могу своего сердца сообразить. «Любить друга можно, нельзя позабыть»!.. (*Говоритъ съ сильными жестами*). «Полюбилъ я красну дѣвицу пуще роду, пуще племени!.. Злые люди не велятъ, велятъ бросить, перестать!»

Гуслинъ.

Да и то надотъ бросить. Вотъ Анна Ивановна мнѣ и ровня: у ней пусто, у меня ничего, да и то дяденька не велитъ жениться. А тебѣ и думать нѣчего. А то заберешь въ голову, потомъ еще тяжельше будетъ.

Митя (*декламируетъ*).

«Чтò на свѣтѣ прежестоко? —
Прежестока есть любовь!»

(*Ходитъ по комнатѣ*). Яша, читалъ ты Кольцова? (*Останавливается*).

Гуслинъ.

Читалъ, а чтò?

Митя.

Какъ онъ описывалъ всѣ эти чувства!

Гуслинъ.

Въ точности описывалъ.

Митя.

Ужь именно, что въ точности. (*Ходитъ по комнатѣ*). Яша!

Гуслинъ.

Чтò?

Митя.

Я самъ пѣсню сочинилъ.

Гуслинъ.

Ты?

Митя.

Да.

Гуслинъ.

Давай голосъ подберемъ, да и будемъ пѣть.

Митя.

Хорошо. Нà, вотъ. (*Отдаетъ ему бумагу*). А я попишу немного — дѣло есть: не равно Гордѣй Карпычъ спроситъ. (*Садится и пишетъ. Гуслинъ беретъ гитару и начинаетъ подбирать голосъ; Разлюляевъ входитъ съ гармоніей*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и Разлюляевъ.

Разлюляевъ.

Здравствуйте, братцы! (*Наигрываетъ на гармоніи и приплясываетъ*).

Гуслинъ.

Эко, дуракъ! На что̀ это ты гармонію-то купилъ?

Разлюляевъ.

Извѣстно, на что — играть. Вотъ такъ... (*Играетъ*).

Гуслинъ.

Ну ужь, важная музыка... нѐчего сказать! Брось, говорятъ тебѣ.

Разлюляевъ.

Что̀-жь, не брошу развѣ!.. Коли захочу, такъ и брошу... Вотъ важность! Денегъ, что̀-ли, у насъ нѣтъ? (*Бьетъ себя по карману*). Звенятъ! У насъ гулять — такъ гулять! (*Бросаетъ гармонію*).

«Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далека,
А другая близка».

Митя (*ударяетъ Митю по плечу*), а Митя! Что̀ ты сидишь?

Митя.

Дѣло есть. (*Продолжаетъ заниматься*).

Разлюляевъ.

Митя, а Митя, а я гуляю, братъ... право слово, гуляю. Ухъ ходи! (*Поетъ: «Одна гора высока» и проч.*)... Митя, а Митя! весь праздникъ буду гулять, а тамъ за дѣло... Право слово! Что̀-жь у насъ, денегъ, что̀-ли, нѣтъ? Вотъ онѣ!.. А я не пьянъ... Нѣтъ, такъ гуляю... весело...

Митя.

Ну, гуляй на здоровье.

Разлюляевъ.

А послѣ праздника женюсь!.. Право слово, женюсь! Возьму богатую.

Гуслинъ.

Ну, вотъ слушай-ка, такъ-то ладно-ль будетъ?

Разлюляевъ.

Спой-ка, спой, я послушаю.

Гуслинъ (*поетъ*).

«Нѣтъ-то злѣй, постылѣе
Злой сиротской доли,

Злѣе горя лютаго,
Тяжелѣй неволи!
Всѣмъ на свѣтѣ праздничекъ,
Тебѣ не веселье!..
Буйной-ли головушкѣ
Безъ вина похмѣлье!
Молодость не радуетъ,
Красота не тѣшитъ;
Не зазноба-дѣвушка —
Горе кудри чешетъ».

(*Во все это время Размюляевъ стоитъ, какъ вкопанный и слушаетъ съ чувствомъ; по окончаніи пѣнія всѣ молчатъ*).

Разлюляевъ.

Хорошо, больно хорошо! Жалко таково... Такъ за сердце и хватаетъ. (*Вздыхаетъ*). Эхъ, Яша! сыграй веселую, полно канитель-то эту тянуть — ныньче праздникъ. (*Поетъ*).

«Ухъ! Какъ гусаря не любить!
Это не годитса!»

Подыгрывай, Яша. (*Гуслинъ подыгрываетъ*).

Митя.

Полно вамъ дурачиться-то. Давайте-ка лучше сядемте въ кучку да полегоньку пѣсенку споемъ.

Разлюляевъ.

Ладно! (*Садятся*).

Гуслинъ (*запѣваетъ; Митя и Разлюляевъ подтягиваютъ*).

«Размолодчики вы молоденькіе,
Вы дружки мои...»

(*Входитъ Гордѣй Карпычъ; всѣ встаютъ и перестаютъ пѣть*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же и Гордѣй Карпычъ.

Гордѣй Карпычъ.

Что̀ распѣлись! Горланятъ, точно мужичье! (*Митѣ*). И ты туда-жь! Кажется, не въ такомъ домѣ живешь, не у мужиковъ. Что̀ за полпивная! Чтобъ у меня этого не было впередъ. (*Подхо-*

дитъ къ столу и разсматриваетъ бумаги). Что̀ бумаги-то разбросалъ!..

Митя.

Это я счета провѣрялъ-съ.

Гордѣй Карпычъ *(беретъ книгу, Кольцова, и тетрадь со стихами).*

А это еще что̀ за глупости?

Митя.

Это я отъ скуки, по праздникамъ-съ, стихотворенія господина Кольцова переписываю.

Гордѣй Карпычъ.

Какія нѣжности при нашей бѣдности!

Митя.

Собственно для образованія своего занимаюсь, чтобъ имѣть понятіе.

Гордѣй Карпычъ.

Образованіе! Знаешь-ли ты, что̀ такое образованіе?.. А еще туда-же разговариваетъ! Ты-бы вотъ сертучишко новенькій сшилъ! Вѣдь, къ намъ наверхъ ходишь, гости бываютъ... срамъ! Куда деньги-то дѣваешь?

Митя.

Маменькѣ посылаю, потому она въ старости, ей нѐгдѣ взять.

Гордѣй Карпычъ.

Матери посылаешь! Ты себя-то-бы образилъ прежде; матери-то не Богъ знаетъ что̀ нужно, не въ роскоши воспитана, чай сама хлѣвы затворяла.

Митя.

Ужь пущай-же лучше я буду терпѣть, да маменька, по крайности, ни въ чемъ не нуждается.

Гордѣй Карпычъ.

Да, вѣдь, безобразно! Ужь коли не умѣешь надъ собою приличія наблюдать, такъ и сиди въ своей конурѣ; коли голъ кругомъ, такъ нѐчего о себѣ мечтать! Стихи пишетъ, образовать себя хочетъ, а самъ какъ фабричный ходитъ! Развѣ въ этомъ образованіе-то состоитъ, что дурацкія пѣсни пѣть? То-то глупо-то! *(Сквозь зубы и косясь на Митю).* Дуракъ! *(Помолчавъ).* Ты и

не смѣй показываться въ этомъ сертучишкѣ наверхъ. Слышишь, я тебѣ говорю! (*Къ Разлюляеву*). А ты тоже! Отецъ-то, чай, деньги лопатой загребаетъ, а тебя въ этакомъ зипунишкѣ водитъ.

Разлюляевъ.

Что̀-жь такое! Онъ новый... сукно-то французское, изъ Москвы выписывали, по знакомству... двадцать рублевъ аршинъ. Что̀-жь, нѐшто мнѣ этакую штуку надѣть, какъ у Франца Ѳедорыча, у аптекаря... кургузую; такъ его вонъ и дразнятъ всѣ: страмъ пальто! Такъ что̀-жь хорошаго людей смѣшить!

Гордѣй Карпычъ.

Много ты знаешь! Да что̀, съ тебя взыскать-то нѐчего! Самъ-то ты глупъ, да и отецъ-то твой не больно уменъ... цѣлый вѣкъ съ засаленнымъ брюхомъ ходитъ; дураками непросвѣщенными живете, дураками и умрете.

Разлюляевъ.

Ужь ладно.

Гордѣй Карпычъ (*строго*).

Что̀?

Разлюляевъ.

Ладно, молъ.

Гордѣй Карпычъ.

Неучъ, и сказать-то путно не умѣешь! Говорить-то съ вами — только слова тратить; все равно, что стѣнѣ горохъ, такъ и вамъ дуракамъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же, безъ Торцова.

Разлюляевъ.

Подико-сь, какой грозный! Ишь ты развоевался! Такъ вотъ тебя и испугались... Какже, держи карманъ-то!

Митя (*Гуслину*).

Вотъ она жизнь-то моя какова! Вотъ каково мнѣ сладко жить-то на свѣтѣ!

Разлюляевъ.

Да отъ этакова житья — запьешь, право, запьешь! А ты брось, не думай. (*Запѣваетъ*).

«Одна гора высока,
А другая низка;
Одна мила далека,
А другая близко.»

(*Входятъ: Любовь Гордѣевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же, Любовь Гордѣевна, Анна Ивановна, Маша и Лиза.

Анна Ивановна.

Миръ честной компаніи!

Разлюляевъ.

Милости прошу къ нашему шалашу.

Митя.

Наше почтеніе-съ! Милости просимъ!.. Какими судьбами?..

Анна Ивановна.

А никакими, просто — взяли да и пришли. Гордѣй Карпычъ уѣхалъ, а Пелагея Егоровна отдохнуть легла, такъ теперь наша воля... Гуляй — не хочу!..

Митя.

Просимъ покорно садиться. (*Садятся; Митя садится противъ Любови Гордѣевны; Разлюляевъ ходитъ*).

Анна Ивановна.

Надоѣло молча-то сидѣть, орѣхи щелкать; пойдемте, говорю, дѣвушки, къ парнямъ, а дѣвушкамъ и любо.

Любовь Гордѣевна.

Что̀ ты выдумываешь-то? Мы не воображали сюда идти, это ты выдумала.

Анна Ивановна.

Какже не такъ! Да ты первая... Извѣстно дѣло, кому что̀ нужно, тотъ объ томъ и думаетъ: парни объ дѣвкахъ, а дѣвки объ парняхъ.

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!.. Это вы, Анна Ивановна, въ точности говорите.

Любовь Гордѣевна.

Вотъ ужь никогда!

Маша (*Лизѣ*).

Ахъ, стыдъ какой!

Лиза.

Это, Анна Ивановна, вы говорите совсѣмъ напротивъ.

Анна Ивановна.

Ахъ, вы скромность! Ужь сказала-бы словечко, да не хорошо при парняхъ-то... Сама была въ дѣвкахъ, все знаю.

Любовь Гордѣевна.

Дѣвушка дѣвушкѣ рознь.

Маша.

Ахъ, стыдъ какой!

Лиза.

Что вы говорите, это даже для насъ очень странно и, можно сказать, конфузно.

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!..

Анна Ивановна.

А объ чемъ сейчасъ наверху разговоръ былъ? Хотите, скажу!.. Ну, говорить, чтò-ли? Чтò, присмирѣли!

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!..

Анна Ивановна.

Ты чтò ротъ-то разинулъ! Не объ тебѣ — небось!

Разлюляевъ.

Хоша и не обо мнѣ, однако, можетъ быть, есть, кто и объ насъ думаетъ. Мы знаемъ, что знаемъ! (*Приплясываетъ*).

«Какъ гусара не любить!
Это негодится!»

Анна Ивановна (*подходитъ къ Гуслину*).

Чтò-же ты, бандуристъ, когда на мнѣ женишься?

Гуслинъ (*играя на гитарѣ*).

А вотъ когда отъ Гордѣя Карпыча разрѣшенье выдетъ. Куда

намъ торопиться-то, надъ нами не каплетъ. (*Киваетъ ей головой*). Поди-ка сюда, Анна Ивановна, мнѣ нужно сказать тебѣ одно дѣло. (*Она подходитъ къ нему и садится подлѣ него; онъ ей шепчетъ на ухо, показывая на Любовь Гордѣевну и Митю*).

Анна Ивановна.

Что̀ ты говоришь!.. Неужто!

Гуслинъ.

Ужь это вѣрно такъ.

Анна Ивановна.

Ну, такъ хорошо, молчи! (*Говорятъ шопотомъ*).

Любовь Гордѣевна.

Ты, Митя, придешь къ намъ ужо вечеромъ?

Митя.

Приду-съ.

Разлюляевъ.

И я приду. Я больно плясать гораздъ. (*Становится фертомъ*). Дѣвушки, полюбите меня кто-нибудь.

Маша.

Какъ вамъ не стыдно! Что̀ это вы такое говорите!

Разлюляевъ.

Что̀-жь такое за важность! Я говорю: полюбите меня... да... за мою простоту.

Лиза.

Этого не говорятъ дѣвушкамъ. А должны были сами дожидаться, чтобы васъ полюбили.

Разлюляевъ.

Да, дождешься отъ васъ, какже! (*Пляшетъ*).

«Какъ гусара не любить?»

Любовь Гордѣевна (*взглянувъ на Митю*).

Можетъ быть, кто-нибудь и любитъ кого-нибудь, да не скажетъ: надобно самому догадаться.

Лиза.

Какая-же дѣвушка въ мірѣ можетъ сказать это!

Маша.

Конечно.

Митя.

Да какже-съ!.. Мнѣ очень пріятно-съ видѣть съ вашей стороны такое вниманіе, сверхъ моихъ для васъ заслугъ. Вотъ ужь другой разъ я имѣю счастіе-съ...

Любовь Гордѣевна.

Ну, что̀-жь! Пришла, посидѣла и ушла, въ этомъ важности не состоитъ. Я, пожалуй, и сейчасъ уйду.

Митя.

Ахъ, нѣтъ, не уходите-съ!.. Для чего-же-съ!.. (*Вынимаетъ изъ кармана бумагу*). Позвольте мнѣ презентовать вамъ мой трудъ... какъ умѣю, отъ души.

Любовь Гордѣевна.

Это что̀ такое?

Митя.

Собственно для васъ сочинилъ стихи.

Любовь Гордѣевна (*стараясь скрыть радость*).

Еще, можетъ быть, глупость какая-нибудь... не сто̀итъ читать.

Митя.

Этого я не могу судить, потому какъ самъ я это писалъ и притомъ не учимшись.

Любовь Гордѣевна.

Прочитай.

Митя.

Сейчасъ-съ. (*Садится подлѣ стола и беретъ бумагу, Любовь Гордѣевна подвигается къ нему очень близко*).

«Не цвѣточекъ въ полѣ вянетъ, не былинка —
Вянетъ, сохнетъ добрый молодецъ — дѣтинка.
Полюбилъ онъ красну дѣвицу на горе,
На несчастьице себѣ, да на большое.
Понапрасну свое сердце парень губитъ,
Что неровнюшку дѣвицу парень любитъ:
Во темну ночь красну солнцу не всходити,
Что за парнемъ красной дѣвицѣ не быти».

Любовь Гордѣевна (*сидитъ нѣсколько времени задумавшись*).

Дай сюда. (*Беретъ бумагу и прячетъ, потомъ встаетъ*). Я тебѣ сама напишу.

Митя.

Вы-съ?

Любовь Гордѣевна.

Только стихами я не умѣю, а такъ, просто.

Митя.

За великое счастіе почту для себя ваше такое одолженіе-съ. (*Даетъ бумагу и перо*). Извольте-съ.

Любовь Гордѣевна.

Жаль только, что скверно пишу-то. (*Пишетъ; Митя хочетъ заглянуть*). Только ты не смотри, а то я брошу писать и изорву.

Митя.

Я не буду смотрѣть-съ. Но вы позвольте мнѣ на ваше снисхожденіе соотвѣтствовать тѣмъ-же, сколь могу, и написать для васъ стихи вторично-съ.

Любовь Гордѣевна (*положивъ перо*).

Пиши, пожалуй... Только пальцы всѣ выпачкала; кабы знала, лучше-бы не писала.

Митя.

Пожалуйте-съ.

Любовь Гордѣевна.

На̀, возьми. Только ты не смѣй читать при мнѣ, а прочти послѣ, когда я уйду. (*Складываетъ бумажку и отдаетъ ему; онъ прячетъ въ карманъ*).

Митя.

Будетъ по вашему желанію-съ.

Любовь Гордѣевна (*встаетъ*).

Придешь къ намъ наверхъ?

Митя.

Приду-съ... сію минуту-съ.

Любовь Гордѣевна.

Прощай.

Митя.

До пріятнаго свиданія-съ. (*Любовь Гордѣевна идетъ къ дверямъ; изъ дверей выходитъ Любимъ Карпычъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Любимъ Карпычъ.

Любовь Гордѣевна.

Ахъ!

Любимъ Карпычъ (*указывая на Любовь Гордѣевну*).

Стой! Что̀ за человѣкъ? По какому виду? За какимъ дѣломъ? Взять ее подъ сумнѣніе.

Любовь Гордѣевна.

Это вы, дяденька!

Любимъ Карпычъ.

Я, племянница! Что̀, испугалась! Ступай, не бось! Я не докащикъ, кладу все въ ящикъ, разберу послѣ, на досугѣ.

Любовь Гордѣевна.

Прощайте! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Митя и Любимъ Карпычъ.

Любимъ Карпычъ.

Митя, прими къ себѣ купеческаго брата Любима Карпова сына Торцова.

Митя.

Милости просимъ.

Любимъ Карпычъ (*садится*).

Братъ выгналъ! А на улицѣ, въ этомъ бурнусѣ, немного натанцуешь! Морозы... время крещенское — бррръ!.. И руки-то озябли, и ноги-то ознобилъ — бррръ!

Митя.

Погрѣйтесь, Любимъ Карпычъ.

Любимъ Карпычъ.

Ты меня не прогонишь, Митя? А то, вѣдь, замерзну на дворѣ-то... какъ собака замерзну.

Митя.

Какъ можно, что̀ вы говорите!..

Любимъ Карпычъ.

Вѣдь, вотъ братъ выгналъ-же. Ну, пока деньжонки были, шлялся кой-гдѣ по теплымъ мѣстамъ; а денегъ нѣтъ — нигдѣ не пускаютъ. А и денегъ-то было два франка да нѣсколько сантимовъ! Не великъ капиталъ! Каменный домъ не выстроишь!.. Деревни не купишь!.. Какъ-же надо поступить съ этимъ капиталомъ? Куда его дѣть? Не въ ломбардъ его несть! Вотъ я этотъ капиталъ взялъ да пропилъ, промоталъ. Туда ему и дорога!

Митя.

Зачѣмъ-же вы пьете, Любимъ Карпычъ? Черезъ это вы сами себѣ врагъ!

Любимъ Карпычъ.

Зачѣмъ я пью?.. Отъ глупости! Да, отъ своей глупости. А ты думалъ, отъ чего?

Митя.

Такъ вы лучше перестаньте.

Любимъ Карпычъ.

Нельзя перестать: на такую линію попалъ.

Митя.

Какая-же это линія?

Любимъ Карпычъ.

А вотъ слушай ты, живая душа, какая это линія. Только ты слушай да на усъ мотай. Остался я послѣ отца, видишь ты, малъ малехонекъ, съ коломенскую версту, лѣтъ двадцати несмышленочекъ. Въ головѣ-то, какъ въ пустомъ чердакѣ, вѣтеръ такъ и ходитъ! Раздѣлились мы съ братомъ: себѣ онъ взялъ заведеніе, а мнѣ далъ деньгами, да билетами, да векселями. Ну, ужь какъ онъ тамъ раздѣлилъ — не наше дѣло, Богъ ему судья. Вотъ я и поѣхалъ въ Москву по билетамъ деньги получать. Нельзя не ѣхать! Надо людей посмотрѣть, себя показать, высокаго тону набраться. Опять-же я такой прекрасный молодой человѣкъ, а еще свѣту не видывалъ, въ частномъ домѣ не ночевывалъ. Надобно до всего дойти! Первое дѣло, одѣлся франтомъ, знай-дескать нашихъ! То-есть, такого-то дурака разыгрываю, что на рѣдкость! Сейчасъ, разумѣется, по трактирамъ... Шпиленъ зи

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!.. Это вы, Анна Ивановна, въ точности говорите.

Любовь Гордѣевна.

Вотъ ужь никогда!

Маша (*Лизѣ*).

Ахъ, стыдъ какой!

Лиза.

Это, Анна Ивановна, вы говорите совсѣмъ напротивъ.

Анна Ивановна.

Ахъ, вы скромность! Ужь сказала-бы словечко, да не хорошо при парняхъ-то... Сама была въ дѣвкахъ, все знаю.

Любовь Гордѣевна.

Дѣвушка дѣвушкѣ рознь.

Маша.

Ахъ, стыдъ какой!

Лиза.

Что вы говорите, это даже для насъ оченно странно и, можно сказать, конфузно.

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!..

Анна Ивановна.

А объ чемъ сейчасъ наверху разговоръ былъ? Хотите, скажу!.. Ну, говорить, что̀-ли? Что̀, присмирѣли!

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!..

Анна Ивановна.

Ты что̀ ротъ-то разинулъ! Не объ тебѣ — небось!

Разлюляевъ.

Хоша и не обо мнѣ, однако, можетъ быть, есть, кто и объ насъ думаетъ. Мы знаемъ, что знаемъ! (*Приплясываетъ*).

«Какъ гусара не любить!
Это негодится!»

Анна Ивановна (*подходитъ къ Гуслину*).

Что̀-же ты, бандуристъ, когда на мнѣ женишься?

Гуслинъ (*играя на гитарѣ*).

А вотъ когда отъ Гордѣя Карпыча разрѣшенье выдетъ. Куда

намъ торопиться-то, надъ нами не каплетъ. (*Киваетъ ей головой*). Поди-ка сюда, Анна Ивановна, мнѣ нужно сказать тебѣ одно дѣло. (*Она подходитъ къ нему и садится подлѣ него; онъ ей шепчетъ на ухо, показывая на Любовь Гордѣевну и Митю*).

Анна Ивановна.

Что̀ ты говоришь!.. Неужто!

Гуслинъ.

Ужь это вѣрно такъ.

Анна Ивановна.

Ну, такъ хорошо, молчи! (*Говорятъ шопотомъ*).

Любовь Гордѣевна.

Ты, Митя, придешь къ намъ ужо вечеромъ?

Митя.

Приду-съ.

Разлюляевъ.

И я приду. Я больно плясать гораздъ. (*Становится фертомъ*). Дѣвушки, полюбите меня кто-нибудь.

Маша.

Какъ вамъ не стыдно! Что̀ это вы такое говорите!

Разлюляевъ.

Что̀-жь такое за важность! Я говорю: полюбите меня... да... за мою простоту.

Лиза.

Этого не говорятъ дѣвушкамъ. А должны были сами дожидаться, чтобы васъ полюбили.

Разлюляевъ.

Да, дождешься отъ васъ, какже! (*Пляшетъ*).

«Какъ гусара не любить?»

Любовь Гордѣевна (*взглянувъ на Митю*).

Можетъ быть, кто-нибудь и любитъ кого-нибудь, да не скажетъ: надобно самому догадаться.

Лиза.

Какая-же дѣвушка въ мірѣ можетъ сказать это!

Маша.

Конечно.

Анна Ивановна (*подходитъ къ нимъ и поглядываетъ то на Любовь Гордњевну, то на Митю и запњваетъ*).

«Ужь и какъ это видно,
Коли кто кого любитъ —
Противъ милаго садится,
Тяжеленько вздыхаетъ.»

Митя.

На чей счетъ это принимать нужно?

Анна Ивановна.

Ужь мы знаемъ, на чей.

Разлюляевъ.

Стойте, дѣвушки, я вамъ пѣсню спою.

Анна Ивановна.

Спой, спой!

Разлюляевъ (*поетъ протяжно*).

«Леталъ медвѣдь по поднебесью...»

Анна Ивановна.

А ты хуже этой-то не знаешь!

Лиза.

Даже можно принять это въ насмѣшку.

Разлюляевъ.

А коли эта нехороша, я вамъ другую спою; я, вѣдь, веселый. (*Поетъ*).

«Ахъ, бей въ доску,
Поминай Москву!
Москвѣ хочется жениться —
Коломну взять.
А Тула-то хохочетъ,
Да въ приданое не хочетъ!
А гречиха по четыре,
Крупа по сороку,
Вотъ просо у насъ гривна,
А ячмень три алтына.»

(*Обращаясь къ дњвушкамъ*).

«Вздешевѣлъ-бы и овесъ —
Больно дорого провозъ?»

Видите, погода какова!

Маша.

Это къ намъ не относится.

Лиза.

Мы мукой не торгуемъ.

Анна Ивановна.

Да ты что̀ присталъ! Ты вотъ отгадай загадку. Что̀ такое: кругла — да не дѣвка; съ хвостомъ — да не мышь?

Разлюляевъ.

Это штука мудреная!

Анна Ивановна.

То-то мудреная!.. Вотъ ты и думай! Ну, дѣвушки, пойдемте. (*Дѣвушки встаютъ и собираются идти*). Парни, пойдемте. (*Гуслинъ и Разлюляевъ собираются*).

Митя.

А я послѣ приду. Я тутъ уберу кой-что.

Анна Ивановна (*пока собираются*).

«Вечоръ дѣвки,
Вечоръ красны,
Вечоръ дѣвки пиво варивали.
Зашелъ къ дѣвкамъ,
Зашелъ къ краснымъ,
Зашелъ къ дѣвкамъ да незванный гость».

(*Анна Ивановна за дверью пропускаетъ всѣхъ, исключая Любови Гордѣевны, затворяетъ и не пускаетъ ее*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Митя и Любовь Гордѣевна.

Любовь Гордѣевна (*у двери*).

Перестаньте, не дурачьтесь. (*За дверью дѣвичій смѣхъ*). Не пускаютъ!.. Ахъ какія! (*Отходитъ отъ дверей*). Баловницы, право!..

Митя (*подавая стулъ*).

Присядьте, Любовь Гордѣевна, побесѣдуйте минуточку. Я очень радъ, видѣмши васъ у себя.

Любовь Гордѣевна (*садится*).

Чему тутъ радоваться, я не понимаю.

такъ говорю, къ примѣру. Мало-ли нашей сестры отъ нихъ плачутся. Долго-ль до грѣха, не спросившись-то ума разума.

Любовь Гордѣевна.

Чтò наша любовь? Какъ былинка въ полѣ: не расцвѣтетъ путемъ — да и поблекнетъ.

Анна Ивановна.

Постой-ка, дѣвушка, никакъ кто-то идетъ. Не онъ-ли? Я пойду, а ты подожди, можетъ, это и онъ... Потолкуете по душѣ. (*Уходитъ. Входитъ Митя*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Любовь Гордѣевна и Митя.

Любовь Гордѣевна.

Кто тамъ?

Митя.

Я-съ, Митя.

Любовь Гордѣевна.

Чтò-жь ты такъ долго не шелъ?

Митя.

Меня задержали-съ. (*Подходитъ*). Любовь Гордѣевна, вы однѣ-съ?

Любовь Гордѣевна.

Одна. А чтò?

Митя.

Любовь Гордѣевна, какъ прикажете понимать вашу записку, въ правду, или въ шутку-съ? (*Любовь Гордѣевна молчитъ*). Скажите, Любовь Гордѣевна! Я теперича нахожусь въ такомъ сумнѣніи, что не могу этого вамъ выразить. Положеніе мое въ вашемъ домѣ вамъ извѣстно-съ: отъ всякаго зависимъ, отъ Гордѣя Карпыча я, можно сказать, пренебреженъ совсѣмъ; у меня только и было одно чувство, что къ вамъ-съ; если-же отъ васъ я буду принятъ въ насмѣшку, значитъ лучше мнѣ не жить на свѣтѣ-съ. Это вы повѣрьте душѣ моей. Я вамъ истину говорю-съ.

Любовь Гордѣевна.

Нѣтъ, Митенька, я тебѣ въ правду написала, а не въ шутку. А ты меня любишь?

Митя.

Конечно, Любовь Гордѣевна, я не умѣю вамъ всего выразить, что чувствую; но хоша позвольте тѣмъ завѣрить, что я имѣю у себя сердце, а не камень. Вы можете мою любовь видѣть изъ всего-съ.

Любовь Гордѣевна.

А я думала, что ты любишь Анну Ивановну.

Митя.

Это не правда-съ.

Любовь Гордѣевна.

Право, мнѣ такъ сказывали.

Митя.

Еслибъ это была правда, значитъ, что̀-же я за человѣкъ послѣ этого! Могу-ли я выразить словами то, чего сердце не чувствуетъ! А я считаю такъ, что это безчестно. Я и того, можетъ быть, не стою, что вы ко мнѣ вниманіе имѣете, а не то, что васъ обмануть.

Любовь Гордѣевна.

Вамъ нельзя вѣрить: всѣ мужчины на свѣтѣ обманщики.

Митя.

Пущай-же ихъ обманщики, но только не я.

Любовь Гордѣевна.

Почемъ знать! Можетъ быть, и ты обманываешь, хочешь насмѣшку надо мной сдѣлать.

Митя.

Легче-бы мнѣ, кажется, умереть на этомъ мѣстѣ, чѣмъ слышать отъ васъ такія слова! (*Отворачивается*).

Любовь Гордѣевна.

Нѣтъ, Митя, я нарочно. Я знаю, что ты меня любишь; мнѣ только такъ хотѣлось пошутить съ тобой. (*Митя молчитъ*). Митенька, Митя... Что̀-жь ты молчишь? Ты разсердился на меня? Я, вѣдь, говорю тебѣ, что шучу. Митя! Да ну-же, скажи что̀-нибудь. (*Беретъ его за руку*).

Митя.

Эхъ, Любовь Гордѣевна, не шутки у меня на умѣ! Не такой я человѣкъ.

Любовь Гордѣевна.

Да не сердись.

Митя.

Ты, коли любишь, эти шутки брось! Не къ мѣсту онѣ. Эхъ, пропадай моя голова! (*Обнимаетъ ее*). Развѣ силой возьмутъ, волей не отдамъ. Я за тебя, Люба, душу положу!

Любовь Гордѣевна (*прижимаясь къ нему*).

Митенька, какъ-же намъ быть-то теперь?

Митя.

Какъ быть? Не на то ужь мы слюбились, чтобъ разставаться.

Любовь Гордѣевна.

А ну, какъ да меня сговорятъ за кого-нибудь?

Митя.

А вотъ что̀, Люба: одно слово — надоть идти завтра къ Гордѣю Карпычу намъ вмѣстѣ, да въ ноги ему. Такъ и такъ, молъ, на все ваша воля, а намъ другъ безъ друга не жить. Да ужь коль любишь друга, такъ забудь гордость!

Любовь Гордѣевна.

Какая гордость, Митенька! До гордости-ли теперь! Ты, Митенька, не сердись на меня, не попомни моихъ прежнихъ словъ: это только дѣвичья глупость была одна, я винюсь передъ тобой! Не шутки съ тобой шутить, а приласкать-бы мнѣ тебя, бѣднаго, надо было. (*Прилегаетъ къ нему на грудь*). А ну, какъ тятенька да не захочетъ нашего счастія, что̀ тогда?

Митя.

Что̀ загадывать впередъ, тамъ какъ Богъ дастъ. Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ безъ тебя жизнь не въ жизнь! (*Молчаніе*).

Любовь Гордѣевна.

Идетъ кто-то!.. Ступай, голубчикъ, потихоньку, а я послѣ приду. (*Митя тихо уходитъ; Арина входитъ со свѣчей; Любовь Гордѣевна идетъ къ ней на встрѣчу*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Арина, Любовь Гордѣевна *и потомъ* Егорушка.

Арина.

Ну тебя! Перепугала совсѣмъ. Что̀ ты тутъ дѣлаешь? Маменька тамъ ищетъ тебя, а ты вотъ гдѣ. Что-й-то въ потемкахъ-то

бродишь! Ишь ты, скромница, несмѣяна царевна. (*Любовь Гордѣевна уходитъ*). Ужь и въ самомъ дѣлѣ не было-ль тутъ кого съ ней? (*Смотритъ по угламъ*). И я-то, дура, на кого подумала! (*Зажигаетъ свѣчи*). Вѣдь, ишь ты грѣхъ-то какой придетъ на старости лѣтъ. (*Егорушка входитъ*). Поди, Егорушка, позови сосѣднихъ дѣвушекъ. Скажи, молъ, Пелагея Егоровна приказала звать пѣсни пѣть.

Егорушка.

Ой! Что̀ ты, Аринушка, матушка! (*Пляшетъ*).

Арина.

Чему-жь ты радъ-то, глупый!

Егорушка.

Еще-бъ не радоваться, этакое веселье! Ай, ай, ай!.. (*Прыгаетъ*).

Арина.

Еще, можетъ, ряженые будутъ; молодцы нарядиться хотѣли.

Егорушка.

Ай, умру! Батюшки, умру!

Арина.

Да что̀ ты, пострѣленокъ?

Егорушка.

Да со смѣху умру; смѣшливъ я больно, бабушка!

Арина.

А ты самъ нарядись.

Егорушка.

Наряжусь, наряжусь! Ай, батюшки, ай, ай, ай!

Арина.

Да ты бѣги поскорѣй за дѣвками-то.

Егорушка.

Въ секунтъ! (*Уходитъ. Входитъ Пелагея Егоровна*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Аринушка, послала ты за дѣвушками-то?

Арина.

Послала, матушка.

Пелагея Егоровна.

То-то. Пусть попоютъ съ нашими-то, Любушку съ гостьями потѣшатъ. По тѣхъ поръ и веселиться-то, пока молоды... да̀: извѣстно, дѣло дѣвичье, въ заперти да въ заперти, свѣту не видятъ... Ну, а теперь ихъ праздникъ... да, ужь пусть ихъ, пусть ихъ!

Арина.

Что̀-жь, матушка, что̀-жь! Пускай ихъ, что̀-жь!

Пелагея Егоровна.

Да мадерки, Аринушка, мадерки-то... постарше которымъ; ну, а молодымъ пряничковъ, конфетокъ, тамъ что̀ знаешь... да! Сама ужь, сама ужь догадайся. Да мадерки-то, Аринушка, не забудь.

Арина.

Знаю, матушка, знаю. Ужь всего будетъ довольно. Сейчасъ, матушка, сейчасъ.

Пелагея Егоровна.

Да молодцамъ-то закусочки.

Арина.

Все, все, матушка, будетъ. Ужь ты не безпокойся, ты поди къ гостямъ-то, а я ужь все съ удовольствіемъ сдѣлаю. (*Уходитъ*).

Пелагея Егоровна (*подойдя къ двери*).

Дѣвушки, молодцы, подите сюда, тутъ попросторнѣй да посвѣтлѣе. (*Входятъ Любовь Гордѣевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляевъ, Митя, Гуслинъ и двѣ гостьи 1 и 2*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Пелагея Егоровна, Любовь Гордѣевна, Маша, Лиза, Анна Ивановна, Разлюляевъ, Митя, Гуслинъ и двѣ гостьи старухи, 1-я и 2-я.

Пелагея Егоровна (*старухамъ*).

А мы вотъ здѣсь усядемся. (*Садится на диванъ, старухи подлѣ нея; Анна Ивановна и Гуслинъ садятся на стулья и говорятъ тихо; Митя стоитъ подлѣ нихъ; Маша, Любовь Гор-*

дѣвна и Лиза ходятъ по залѣ, обнявшись; Разлюляевъ ходитъ за ними). Поглядимъ на нихъ, пусть ихъ играютъ.

Лиза.

Я говорю: представьте, маменька, онъ не имѣетъ никакой политики въ разговорѣ, и даже такія слова говоритъ, что совсѣмъ неучтиво.

Разлюляевъ.

Это не въ нашъ-ли огородъ?

Лиза.

Не объ васъ рѣчь; ваше дѣло сторона. (*Продолжаетъ*). Но за что̀-же, маменька, я должна его любить... (*Говоритъ шопотомъ*).

Пелагея Егоровна.

Я, матушка, люблю по-старому, по-старому... да, по-нашему, по-русскому. Вотъ мужъ у меня не любитъ, что̀ дѣлать, характеромъ такой вышелъ. А я люблю, я веселая... да... чтобъ поподчивать, да чтобъ мнѣ пѣсни пѣли... да, въ родню въ свою: у насъ весь родъ веселый... пѣсельники.

1-я гостья.

Какъ я посмотрю, матушка, Пелагея Егоровна, нѣтъ того веселья, какъ прежде, какъ мы-то были молоды.

2-я гостья.

Нѣту, нѣту.

Пелагея Егоровна.

Я молодая-то была первая затѣйница — и попѣть, и поплясать — ужь меня взять... да... что пѣсень знала! Ужь теперь такихъ и не поютъ.

1-я гостья.

Нѣтъ, не поютъ, все новыя пошли.

2-я гостья.

Да, да, вспомянешь старину-то.

Пелагея Егоровна.

Яшенька, спой-ка какую-нибудь пѣсенку старенькую. (*Гуслинъ беретъ гитару*).

Разлюляевъ (*дѣвушкамъ*).

Стало быть, ужь мнѣ и не дождаться; видно, отъ васъ никакого толку не будетъ.

Лиза.

Какого вамъ толку, я не понимаю.

Маша.

Даже смѣшно слышать.

Разлюляевъ.

Да, вамъ смѣшно, а мнѣ-то каково? За что̀ въ самомъ дѣлѣ не любите?

Любовь Гордѣевна.

Сядемте. (*Садятся*).

Гуслинъ (*поетъ*).

«За рѣченькой, за быстрою
Четыре двора;
Въ этихъ-ли во дворикахъ
Четыре кумы.
Вы кумушки, голубушки,
Подружки мои,
Кумитеся, любитеся,
Любите меня.
Пойдете вы въ зеленый садъ —
Возьмите меня;
Вы станете цвѣточки рвать —
Сорвите и мнѣ;
Вы станете вѣночки плесть —
Сплетите и мнѣ;
Пойдете на рѣченьку —
Возьмите меня;
Вы станете вѣнки бросать —
Вы бросьте и мой.
Какъ всѣ вѣнки по сверхъ воды,
А мой потонулъ;
Какъ всѣ дружки домой пришли,
А мой не пришелъ.»

Арина (*входитъ съ бутылками, стаканами и дѣвушка съ закусками*).

Вотъ, матушка, я принесла.

Пелагея Егоровна (*дѣвушкѣ*).

Поподчуй барышень-то. (*Дѣвушка обноситъ дѣвицъ, ставитъ подносъ на столъ и уходитъ*). Арина, а вино-то ты дай сюда. Да налей, налей мадеры-то, мадеры-то... Повеселѣй будетъ. Что̀-жь, ни-

чего, выпьемъ. Насъ не осудятъ — мы старухи, да... (*Пьютъ*). Аннушка, поди выпей винца. Выпьешь, что̀-ли?

Анна Ивановна.

Вотъ, что̀-жь не выпить! Говорятъ, безъ людей не пей, а при людяхъ нужды нѣтъ (*Подходитъ къ Пелагеѣ Егоровнѣ, пьетъ и разговариваетъ потихоньку*).

Арина.

Молодцы, что̀-жь вы осовѣли?

Митя.

Я не пью-съ.

Разлюляевъ.

Можно! (*Подходитъ съ Гуслинымъ и пьетъ, потомъ, ухвативъ Арину*).

Разлюляевъ.

Ну-ка, тряхнемъ стариной! (*Поетъ*).

«Эхъ, тряхону-ль я старину
Про Ерему, про Ѳому....»

Арина.

Отстань, озарникъ, изломалъ всю!

Разлюляевъ (*поетъ*).

«Ахъ, возжи во Калугѣ,
Хомутъ во Тарусѣ,
Сани съ подрѣзами,
Ѣдутъ они сами».

(*Дѣвушки смѣются*).

Арина.

Отвяжись, говорятъ!.. Ну-те совсѣмъ! (*Уходитъ*).

Анна Ивановна.

Да ты что̀ старуху-то теребишь, давай со мной.

Разлюляевъ.

Ну, давай! Играй, Яша! (*Яша играетъ, они пляшутъ*).

1-я гостья.

Веселая бабочка-то.

Пелагея Егоровна.

Веселая, веселая.

Разлюляевъ (*топнувъ ногой*).

У насъ вотъ какъ! (*Перестаетъ плясать*).

Егорушка (*входитъ*).

Дѣвушки пришли.

Пелагея Егоровна.

Ну, зови ихъ. (*Егорушка уходитъ; дѣвушки входятъ; Арина приноситъ блюдо и покрываетъ*). Садитесь-ка да запойте подблюдныя, я ихъ очень люблю. (*Любовь Гордѣевна, Маша, Лиза и Анна Ивановна снимаютъ кольца и кладутъ на блюдо; дѣвушки запѣваютъ*).

Сѣй, мати, мучицу,
Пеки пироги.
Слава!

Къ тебѣ будутъ гости,
Ко мнѣ женихи.
Слава!

Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ,
Ко мнѣ въ сапогахъ.
Слава!

Кому спѣли —
Тому добро.
Слава!

Кому вынется —
Тому сбудется.
Слава!

(*Разлюляевъ засучиваетъ рукава, вынимаетъ кольцо, отдаетъ Любови Гордѣевнѣ*).

Пелагея Егоровна.

Пора ужь, пора.

Дѣвушки (*запѣваютъ*).

Сидитъ воробей
На Бѣлѣ-городѣ.
Слава!

На Бѣлѣ-городѣ,
На высокой стѣнѣ.
Слава!

Глядитъ воробей
На чужу сторону.
Слава!

Кому вынется —
Тому сбудется.
Слава!

Арина (*входитъ*).

Ряженые пришли; прикажете пустить?

Пелагея Егоровна.

Что̀-жь, пусти, пусть попляшутъ. А вы, дѣвушки, послѣ попоете.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и ряженые: старикъ *съ балалайкой или гитарой*, вожакъ *съ медвѣдемъ и козой*, Егорушка *съ патокой*.

Старикъ (*кланяется*).

Всей честной бесѣдѣ поклонъ.

Вожакъ.

Кланяйся, Мишка. (*Медвѣдь кланяется*).

Старикъ.

Прикажите попѣть, поплясать, позабавить, свои старыя косточки поправить.

Пелагея Егоровна.

Что̀-жь, ничего, попляшите. Попотчуй ихъ, Аринушка, винцомъ. (*Арина подноситъ вино; нѣкоторые пьютъ*).

Старикъ.

Благодаримъ покорно на ласковомъ словѣ да на подчиванъѣ. (*Запѣваетъ*).

«Какъ ужь наши молодцы,
Хоть голы, да удалы!
Они сукна ткутъ,
Во двѣнадцать рукъ.
Они сукна переткали —
Всѣмъ кафтаны першивали.
Намъ недороги кафтаны,
Были-бъ денежки въ карманѣ.
Цѣлковые по мошнамъ

Не даютъ спать по ночамъ;
Мѣдны денежки гремятъ —
Во кабакъ идти велятъ.
Цѣловальничекъ Андрей,
Отпирай кабакъ скорѣй:
У насъ новый кафтанъ есть,
Мы заложимъ его здѣсь,
Не домой-же его несть.»

(*Отходитъ въ сторону*).

Егорушка (*пляшетъ съ патокой*).

«Ахъ патока, патка,
Вареная, сладка!
Зима, зимушка зима
Студена больно была!
Больно вьюжливая
И мятельливая —
Всѣ дорожки замети,
Нельзя къ миленькой пройти.

Ахъ патока, патка,
Вареная, сладка!

Сидитъ моя жена,
Ровно перепелка!
Я за то ее люблю,
За то почитаю,
Что чопорно ходитъ,
Хорошо гуляетъ.»

(*Кланяется*).

1-я гостья.

Ишь ты какой молодецъ!.. а!

Пелагея Егоровна.

Чтò-жь, матушка, по дѣтству, какъ умѣетъ. Вѣдь, ребенокъ еще. Поди сюда, Егорушка. (*Егорушка подходитъ*). Нà тебѣ прянична... (*Даетъ; Егорушка кланяется и уходитъ*). Да... ребенокъ еще, что съ него взять-то! (*Вожакъ водитъ медвѣдя; коза пляшетъ*).

Старикъ (*поетъ*).

«Какъ у насъ-то козелъ
Чтò за умный былъ:

Самъ и по воду ходилъ,
Самъ и кашу варилъ —
Дѣда съ бабкой кормилъ.
Какъ пошелъ нашъ козелъ,
Онъ во темный лѣсъ,
Какъ на встрѣчу козлу
Да семь волковъ:
Какъ одинъ-то волкъ,
Онъ голодный былъ,
Онъ три года ходилъ,
Все козлятинки просилъ.»

Вожакъ (*медвѣдю*).

Проси вина, поминать козла. (*Медвѣдь кланяется*).

Пелагея Егоровна.

Аринушка, поподчуй ряженыхъ-то. (*Арина подноситъ; они пьютъ и кланяются*).

Вожакъ.

А ну-ка, Мишенька, потѣшь честныхъ господъ. А какъ красныя дѣвицы, молодыя молодицы, бѣлятся, румянятся, на молодцовъ поглядываютъ, жениховъ выглядываютъ. (*Медвѣдь ломается*). А какъ старая старушка на работу идетъ, сгорбимшись, съежимшись, пришибла ее старость, одолѣла ее древность. (*Медвѣдь ломается*). Ну, поклонись теперь честнымъ господамъ. (*Отходятъ; старикъ играетъ на гитарѣ, прочіе ряженые пляшутъ; всѣ на нихъ смотрятъ; Гуслинъ и Митя стоятъ подлѣ Любови Гордѣевны; Митя шепчетъ ей что-то и цалуетъ; Разлюляевъ подходитъ*).

Разлюляевъ.

Это ты что̀ дѣлаешь?

Митя.

А тебѣ что̀ за дѣло?

Разлюляевъ.

Вотъ я Пелагеѣ-то Егоровнѣ скажу, дай срокъ!

Митя.

Ты у меня пикни только!

Гуслинъ (*наступаетъ на него*).

Ты смотри у меня! Намъ, вѣдь, вмѣстѣ идти отсюда: дѣло-то ночное, а переулокъ-то у васъ глухой, такъ ты помни это!

Разлюляевъ.

Чтò вы пристали? Къ чему? Я жениться хочу на ней, хочу свататься. Чтò взяли! Да, женюсь!

Митя.

Увидимъ.

Разлюляевъ.

Такъ за тебя, чтò-ль, отдадутъ? Какъ-же, держи карманъ-то!.. А у насъ денегъ много!..

Арина.

Вѣдь, ишь ты шумъ какой!.. Перестаньте вы!.. Никакъ кто-то стучитъ... (*Всѣ прислушиваются*). Такъ и есть... стучатъ.

Пелагея Егоровна.

Отопри поди.

Арина (*уходитъ, потомъ возвращается*).

Самъ пріѣхалъ! (*Всѣ встаютъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ-же, Гордѣй Карпычъ и Коршуновъ.

Гордѣй Карпычъ (*къ ряженымъ*).

Это чтò за сволочь!.. Вонъ! (*Къ женѣ*). Жена! Пелагея Егоровна! Принимай гостя. (*Тихо*). Зарѣзала ты меня!

Пелагея Егоровна.

Милости просимъ, Африканъ Савичъ, милости просимъ.

Коршуновъ.

Здравствуйте, Пелагея Егоровна... Хе, хе, хе!.. Да у васъ веселье! Вотъ какъ мы въ пору попали.

Пелагея Егоровна.

А я вотъ съ дѣвушками... Да, я все съ дѣвушками. Чтò-жь, святки; дочку потѣшить хочется.

Гордѣй Карпычъ.

Милости просимъ, Африканъ Савичъ, безъ церемоніи. (*Африканъ Савичъ садится на кресло къ столу. Къ женѣ*). Гони дѣвокъ-то вонъ.

Коршуновъ.

За чтò ихъ гнать! Кто-жь дѣвушекъ гонитъ... Хе, хе, хе!.. Онѣ по-

поютъ, а мы послушаемъ, да посмотримъ на нихъ, да еще денегъ дадимъ, а не то, что гнать.

Гордѣй Карпычъ.

Какъ тебѣ угодно, Африканъ Савичъ! Мнѣ только конфузно передъ тобою! Но ты не заключай изъ этого про наше необразованіе—вотъ все жена. Никакъ не могу вбить ей въ голову. (*Къ женѣ*). Сколько разъ говорилъ я тебѣ: хочешь сдѣлать у себя вечеръ, позови музыкантовъ, чтобы это было во всей формѣ. Кажется, тебѣ ни въ чемъ отказу нѣтъ.

Пелагея Егоровна.

Ну ужь, куда намъ музыкантовъ... старухамъ. Это ужь вы забавляйтесь.

Гордѣй Карпычъ.

Вотъ какія у нихъ понятія объ жизни! Я думаю, тебѣ смѣшно слушать.

Пелагея Егоровна.

Да что̀ понятія, понятія! Ты-бы вотъ лучше поподчивалъ гостя. Неугодно-ли, Африканъ Савичъ, винца съ нами, со старухами. (*Наливаетъ мадеры*).

Гордѣй Карпычъ (*строго*).

Жена! Съ ума, что̀-ль, сошла въ самомъ дѣлѣ? Не видывалъ Африканъ Савичъ твоей мадеры-то! Шампанскаго вели подать... полдюжины... да проворнѣй. Да вели зажечь свѣчи въ гостиной, что̀ новая небель поставлена. Тамъ совсѣмъ другой ефектъ будетъ.

Пелагея Егоровна.

Сейчасъ сама все сдѣлаю. (*Встаетъ*). Аринушка, пойдемъ. Извините, сосѣдушки.

1-я гостья.

Э, матушка, и мы съ тобой пойдемъ. Ужь намъ и ко дворамъ пора.

2-я гостья.

Пора, пора! Ночи темныя, собаки по переулкамъ лихія.

1-я гостья.

Охъ, лихи, лихи!.. (*Раскланиваются и уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Гордѣй Карпычъ, Коршуновъ, Любовь Гордѣевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза, дѣвушки, Митя, Гуслинъ и Разлюляевъ.

Коршуновъ.

Пойдемъ къ барышнямъ. Гдѣ это ты такихъ красавицъ подобралъ... Хе! (*Подходитъ къ Любови Гордѣевнѣ*). Здравствуйте, Любовь Гордѣевна, красавица вы моя!.. (*Любовь Гордѣевна кланяется*). Примите меня въ свою компанію.

Любовь Гордѣевна.

Мы никого отъ себя не гонимъ.

Анна Ивановна.

Садитесь, такъ гости будете.

Коршуновъ.

Сухо принимаете старичка. Нынче дни святочные, и поцаловаться, чай, можно.

Анна Ивановна.

Зачѣмъ эти нѣжности заводить.

Коршуновъ.

Гордѣй Карпычъ, можно съ дочкой поцаловаться? А я, признаться... хе, хе... до этого охотникъ. Да вѣдь, и кто-жь не любитъ!.. Хе, хе!..

Гордѣй Карпычъ.

Сдѣлай милость, безъ церемоніи.

Коршуновъ.

Поцалуемтесь, барышня.

Любовь Гордѣевна.

Если тятенькѣ угодно... (*Цалуется*).

Коршуновъ.

Ну, да ужь со всѣми по порядку.

Анна Ивановна.

Я, пожалуй! Я не спѣсива.

Маша.

Ахъ, стыдъ какой!..

Лиза.

Ну ужь, нечего сказать, велика пріятность.

Гордѣй Карпычъ (*подходя къ Митѣ*).

Ты зачѣмъ? Развѣ здѣсь твое мѣсто? Залетѣла ворона въ высокія хоромы! (*Митя, Гуслинъ и Разлюляевъ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Гордѣй Карпычъ, Коршуновъ, Любовь Гордѣевна, Анна Ивановна, Маша, Лиза и дѣвушки.

Коршуновъ (*садясь подлѣ Любови Гордѣевны*).

Я, Любовь Гордѣевна, не въ васъ: вы меня и поцаловать не хотѣли, хе, хе, хе, а я вамъ подарочекъ принесъ.

Любовь Гордѣевна.

Напрасно безпокоились.

Коршуновъ.

Вотъ я вамъ брилліантикъ привезъ, хе, хе.... (*Отдаетъ*).

Любовь Гордѣевна.

Это серьги! Покорно васъ благодарю.

Анна Ивановна.

Покажи-ка.

Маша.

Но это прелестно!

Лиза.

И съ большимъ вкусомъ!

Коршуновъ.

Дайте мнѣ вашу ручку-то. (*Беретъ и цалуетъ*). Я васъ, вѣдь, очень люблю, хе, хе, хе, очень люблю, а вѣдь, вы меня, чай, не любите, а?

Любовь Гордѣевна.

За что̀-же мнѣ васъ не любить?

Коршуновъ.

За что̀! Другого любите кого-нибудь, вотъ за что̀. А вы меня полюбите, я человѣкъ хорошій, веселый, хе, хе, хе...

Любовь Гордѣевна.

Я не знаю, что вы говорите.

Коршуновъ.

Я говорю: полюбите меня. Что̀-жь, я еще не старъ... (*Смотритъ на нее*). Али стареневъ? хе, хе, хе... Ну, что̀-жь, не бѣда.

За то будете въ золотѣ ходить. У меня, вѣдь, денегъ-то нѣтъ, я человѣкъ бѣдный... Такъ какихъ-нибудь сотъ пять тысячъ... хе, хе, хе, серебромъ!.. (*Беретъ за руку*).

Любовь Гордѣевна (*вставая*).

Ненужно мнѣ вашихъ денегъ.

Гордѣй Карпычъ.

Любовь, куда ты?

Любовь Гордѣевна.

Я къ маменькѣ!

Гордѣй Карпычъ.

Останься; она сюда придетъ. (*Любовь Гордѣевна садится*).

Коршуновъ.

Не хотите со старикомъ-то посидѣть. Дайте мнѣ ручку, барышня, я поцалую.

Любовь Гордѣевна (*даетъ руку*).

Ахъ, Боже мой!

Коршуновъ.

Ручка-то какая! хе, хе, хе... бархатная! (*Гладитъ своею рукой и потомъ надѣваетъ бриллiантовый перстень*).

Любовь Гордѣевна (*освобождая руку*).

Ахъ, оставьте меня, ненадо мнѣ, ненадо.

Коршуновъ.

Ничего, мнѣ это не убытокъ, авось не разоритъ.

Любовь Гордѣевна.

Да мнѣ-то ненадо. Дарите, кому хотите. (*Снимаетъ и отдаетъ*).

Коршуновъ.

Даютъ, такъ назадъ не берутъ... хе, хе, хе! (*Входятъ: Пелагея Егоровна, за ней Арина и Егорушка съ виномъ и стаканами*).

ЯВЛЕНIЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же и Пелагея Егоровна, Арина и Егорушка.

Гордѣй Карпычъ.

Пойдемъ-ка выпьемъ.

Коршуновъ.

Ну, Гордѣй Карпычъ, подчуй, а вы, дѣвки, величайте меня. Я почетъ люблю.

Пелагея Егоровна.

Дѣвушки, повеличайте.

Гордѣй Карпычъ (*откупориваетъ, наливаетъ и подноситъ*).

Дорогому гостю, Африкану Савичу. Кланяйся, жена!

Пелагея Егоровна.

Пожалуйте, Африканъ Савичъ, просимъ покорно. (*Коршуновъ беретъ*).

Гордѣй Карпычъ (*беретъ стаканъ*).

Жена, выпей.

Пелагея Егоровна.

Охъ, не люблю я что̀-то этого вина-то... ну, да ужь выпью стаканчикъ.

Дѣвушки (*запѣваютъ*).

«А кто у насъ холостъ,
А кто не женатый?
Африканъ-отъ холостъ,
Савичъ не женатый.
На коня садится,
Подъ нимъ конь бодрится,
Къ лугамъ подъѣзжаетъ —
Луга зеленѣютъ,
Цвѣты разцвѣтаютъ.»

Коршуновъ (*садясь подлѣ Любови Гордѣевны*).

Вотъ это хорошо, это я люблю. Ну-ка, подойди сюда которая-нибудь. (*Дѣвушка подходитъ, онъ ее треплетъ по щекѣ*). Ишь ты востроглазая какая! Вѣдь, вамъ, дѣвушкамъ, чай, много надобно на бѣлила на бѣлыя, на румяна на алыя... хе, хе, хе... а у меня денегъ нѣтъ, за мной будетъ... хе, хе, хе... Держи фартукъ. (*Сыплетъ ей деньги, мелочь: дѣвушка кланяется и уходитъ*). Ну, что̀-же, Гордѣй Карпычъ, скажи женѣ-то, зачѣмъ мы пріѣхали.

Гордѣй Карпычъ.

Я тебѣ, жена, давно говорилъ, что мнѣ въ здѣшнемъ городѣ жить надоѣло, потому, на каждомъ шагу здѣсь можешь ты видѣть какъ есть одно невѣжество и необразованіе. Для тово я

хочу переѣхать отселева въ Москву. А у насъ тамъ будетъ не чужой человѣкъ, будетъ зятюшка Африканъ Савичъ.

Пелагея Егоровна.

Ахъ, ахъ, что̀ вы?

Коршуновъ.

А ужь мы, Пелагея Егоровна, по рукамъ ударили... Что̀ вы такъ испугались, я ее не съѣмъ.

Пелагея Егоровна.

Ахъ, ахъ, батюшки! (*Хватаетъ дочь*). Моя дочь! Не отдамъ!

Гордѣй Карпычъ.

Жена!

Пелагея Егоровна.

Батюшка, Гордѣй Карпычъ, не шути надъ материнскимъ сердцемъ!.. Перестань!.. Истомилъ всю душу.

Гордѣй Карпычъ.

Жена, ты меня знаешь!.. Ты, Африканъ Савичъ, не безпокойся: у меня сказано — сдѣлано.

Коршуновъ.

Обѣщалъ, такъ держи слово. (*Встаетъ, подходитъ къ дѣвушкамъ и говоритъ съ ними тихо*).

Любовь Гордѣевна (*подходитъ къ отцу*).

Тятенька! Я изъ твоей воли ни на шагъ не выйду. Пожалѣй ты меня, бѣдную, не губи мою молодость!..

Гордѣй Карпычъ.

Ты, дура, сама не понимаешь своего счастья. Въ Москвѣ будешь по-барски жить, въ каретахъ будешь ѣздить. Одно дѣло — ты будешь жить на виду, а не въ этакой глуши; а другое дѣло — я такъ приказываю.

Любовь Гордѣевна.

Я приказу твоего не смѣю ослушаться. Тятенька! (*Кланяется въ ноги*). Не захоти ты моего несчастья на всю мою жизнь!.. Передумай, тятенька!.. Что̀ хочешь меня заставь, только не принуждай ты меня противъ сердца замужъ идти за немилаго!..

Гордѣй Карпычъ.

Я своего слова назадъ не беру. (*Встаетъ*).

Любовь Гордѣевна.

Твоя воля, батюшка! (*Кланяется и отходитъ къ матери*).

Коршуновъ.

Вотъ и дѣлу конецъ! Ну-ка, дѣвушки, свадбишную.

Дѣвушки (*поютъ*).

«Поблекнутъ всѣ цвѣтики во саду,
Завянутъ лазоревы въ зеленомъ,
Мой миленькій, аленькій безъ меня.
Вставай-ка ты, матушка, раненько,
Поливай всѣ цвѣтики частенько,
Утренней, вечернею зарей,
А еще своей горючею слезой.»

Любовь Гордѣевна.

Не ту, не ту, запойте другую.

Гордѣй Карпычъ.

Пойдемъ, Африканъ Савичъ, въ гостиную. Жена! Приходите всѣ туда.

Любовь Гордѣевна.

Куда мнѣ дѣваться-то!..

Гордѣй Карпычъ.

Арина, перенеси вино.

Арина.

Охъ, постой, не до тебя. Дитятко ты мое!.. Дѣвушки, голубушки, вотъ какую запоемте. (*Запѣваетъ*).

«Ты, родимая моя матушка!
Въ день денна моя печальница,
Въ ночь ночная богомольница,
Вѣкова моя сухотница!
Прогляди ты очи ясныя,
На свою на дочку глядючи,
На свою на дочь любимую,
Въ послѣдній разъ въ останешный!»

Любовь Гордѣевна.

Въ останешній. (*Въ продолженіи этой пѣсни Гордѣй Карпычъ и Коршуновъ уходятъ; Любовь Гордѣевна въ объятіяхъ матери, подруги окружаютъ ее*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Небольшая комната въ домѣ Торцова, заставленная разнаго рода шкафами, сундуками и этажерками съ посудой и серебромъ; мебель: диваны, кресла, столы, все очень богато и поставлено тѣсно. Вообще эта комната составляетъ родъ кабинета хозяйки, откуда она управляетъ всѣмъ домомъ и гдѣ принимаетъ своихъ гостей запросто. Одна дверь въ залу, гдѣ обѣдаютъ гости, другая во внутреннія комнаты.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Арина *сидитъ на стулѣ у двери въ залу; подлѣ нея нѣсколько дѣвушекъ и женщинъ.*

Арина (*указывая въ залу*).

Не ждали-то, матушки, не чаяли! Налетѣлъ ястребомъ, какъ снѣгъ на голову, вырвалъ нашу лебедушку изъ стада лебединаго, отъ батюшки, отъ матушки, отъ родныхъ, отъ подруженекъ. Не успѣли и опомниться!.. Ужь и что это на бѣломъ свѣтѣ дѣется! Люди-то ныньче пошли злы-обманчивы, лукавы-подходчивы. Обошелъ Гордѣя Карпыча да тѣмъ да другимъ, ровно туманомъ какимъ, а тотъ-то, на старости, да польстись на его богачество! Красоту-то нашу писанную да за стараго, за постылаго и сговорили. Вонъ она, моя голубушка, сидитъ — на свѣтъ не глядитъ. Охъ, тошнехонько мнѣ! На то-ль я тебя выходила да выняньчила, на своихъ рукахъ выносила, какъ птичку какую въ хлопочкахъ берегла!.. А еще недавнушко мы съ ней такъ-то вотъ растолковалися. Не отдадимъ, говорю, тебя, дитятко, за простаго человѣка; развѣ какой королевичъ изъ чужихъ земель наѣдетъ да у воротъ въ трубу затрубитъ. А вотъ и не вышло по-нашему. Вонъ онъ, разлучитель-то нашъ, сидитъ толстый да губастый! Ишь на нее поглядываетъ да посмѣи

вается — любо ему! О, чтобъ тебѣ пусто было! Ну вотъ покушали, встаютъ, ступайте за дѣло. (*Встаетъ со стула; женщины уходятъ. Входитъ Пелагея Егоровна*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Арина и Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Поди-ка ты, Аринушка, пособи со стола сбирать... да... А я отдохну, посижу — устала.

Арина.

Какъ не устать, родная ты моя, день деньской на ногахъ, молоденькая-ли ты!..

Пелагея Егоровна (*садится на диванъ*).

Охъ!.. Да, самоваръ-то чтобъ туда подали въ дѣвичью, большой... который самой-то большой. Да сыщи Аннушку, пошли ко мнѣ.

Арина.

Слушаю, слушаю.

Пелагея Егоровна.

Да... поди, поди... Охъ моченьки моей нѣтъ! (*Арина уходитъ*). Всю головушку разломило! Горе-то горемъ, а тутъ хлопоты еще. Да, да, хлопотъ-то что̀! ай, ай, ай! Сбилась съ ногъ, совсѣмъ сбилась! Дѣла-то много, а въ головѣ все не то... И тамъ нужно, и здѣсь нужно, а ухватиться не знаю, за что̀... Право... да... (*Садится задумавшись*). Какой это женихъ, какой женихъ... ахъ, ахъ, ахъ!.. Гдѣ тутъ любви ждать!.. На богатство, что̀-ли, она польстится?.. Она теперь дѣвушка въ самой порѣ, сердчишко, вѣдь, тоже, чай, бьется иногда. Ей-бы теперь хоть бѣдненькаго, да друга милаго... Вотъ-бы и житье... вотъ-бы и рай... (*Анна Ивановна входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Пелагея Егоровна и Анна Ивановна.

Пелагея Егоровна.

На̀-ка тебѣ ключи-то отъ чаю. Поди, разлей гостямъ-то; ну,

да тамъ все, что̀ нужно, ужь сама знаешь! Я-то ужь ноги отходила, а тебѣ что̀ — ты бабочка молоденькая... да... послужи.

Анна Ивановна.

Что̀-жь не послужить, не велика работа, руки не отвалятся. (*Беретъ ключи*).

Пелагея Егоровна.

Вонъ тамъ въ шкапу чай-то, въ ящичкѣ красненькомъ. (*Анна Ивановна отпираетъ и достаетъ ящичекъ. Митя входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Митя.

Пелагея Егоровна.

Что̀ тебѣ, Митенька, надобно?

Митя (*сдерживая слезы*).

Я-съ... я-съ, Пелагея Егоровна, за всю вашу ласку и за всѣ ваши снисхожденія, и даже чего, можетъ быть, и не стою... какъ вы, по сиротству моему, меня не оставляли и вмѣсто матери... я... вами долженъ быть всю жизнь благодаренъ и завсегда Богу молить-съ. (*Кланяется въ ноги*).

Пелагея Егоровна.

Да что̀ ты, Митя?

Митя.

Благодарю васъ за все-съ. Теперича прощайте, Пелагея Егоровна! (*Встаетъ*).

Пелагея Егоровна.

Куда-жь ты?

Митя.

Къ матушкѣ хочу ѣхать-съ.

Пелагея Егоровна.

На долго-ли-же ты ѣдешь?

Митя.

Да я у хозяина отпросился на праздники, а ужь надо такъ полагать, что я тамъ вовсе останусь.

Пелагея Егоровна.

За что̀ ты это, Митя, насъ бросить хочешь?

Митя (*переминаясь*).

Да такъ ужь!.. Ужь что̀-же... я ужь такъ порѣшился.

Пелагея Егоровна.

А когда-же ты ѣдешь?

Митя.

Сегодня въ ночь. (*Молчаніе*). Такъ думаю, до ночи-то съ вами не увидишься, такъ я проститься пришелъ.

Пелагея Егоровна.

Ну, что̀-жь, Митя, коли тебѣ тамъ надобно... Мы тебя не держимъ, Богъ съ тобой... Прощай!..

Митя (*кланяется въ ноги Пелагеѣ Егоровнѣ, цалуется съ нею и съ Анной Ивановной, потомъ такъ кланяется и останавливается*).

Надо-бы и съ Любовью Гордѣевной проститься... Что̀-жь, вѣдь, въ одномъ домѣ жили... Либо живъ буду, либо нѣтъ...

Пелагея Егоровна.

Да, надо, надо. Что̀-жь, простись, простись!.. Аннушка, поди покличь Любушку.

Анна Ивановна (*покачавъ головой*).

«Одинъ ведетъ за рученьку, другой за другу, третій стоитъ, слезы ронитъ, любилъ, да не взялъ». (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Пелагея Егоровна и Митя

Пелагея Егоровна.

А у насъ-то, Митенька, какое горе-то! Какъ его размыкать — размотать, не придумаю... Ровно меня громомъ ошибло, въ себя не приду.

Митя.

Кто-же теперича этому виноватъ-съ, не на кого вамъ плакаться, Пелагея Егоровна-съ, сами отдаете.

Пелагея Егоровна.

Сами... сами...да, сами отдаемъ. Охъ, только не моя, Митя, воля; кабы моя воля была, нѐшто-бъ я отдала! Что̀ я, развѣ врагъ ей!

Митя.

Человѣкъ-то, какъ по наслышкѣ, не больно-то завидный. Ничего хорошаго, окромя дурнаго, не слыхать.

Пелагея Егоровна.

Знаю, Митенька, знаю.

Митя.

А, вѣдь, ужь теперича, по этимъ слухамъ, надо такъ сказать, что, должно быть, Любови Гордѣевнѣ за этакимъ человѣкомъ, и притомъ въ отдаленности, совсѣмъ погибать надобно-съ.

Пелагея Егоровна.

Охъ, ужь не говори ты мнѣ, не говори... и безъ тебя тошнехонько. Глаза-то всѣ проглядѣла, на нее глядючи! Хоть бы теперь-то наглядѣться на нее про запасъ. Точно я ее хоронить собираюсь.

Митя (*почти плача*).

Такъ это что̀-жь такое! Нѣшто этакъ-то дѣлаютъ? Вѣдь, она, чай, ваша родная дочь!..

Пелагея Егоровна.

Кабы не родная, такъ я-бы не плакала и не убивалася, не надрывалось-бы мое сердце на ея на слезы.

Митя.

Чѣмъ плакать-то, не отдавали-бъ лучше. За что̀ дѣвичій вѣкъ заѣдаете, въ кабалу отдаете? Нѣшто это не грѣхъ? Вѣдь, чай, вамъ за нее надоть будетъ Богу отвѣтъ дать.

Пелагея Егоровна.

Знаю я, все знаю, да говорю-жь я тебѣ, что не моя воля. Что ты присталъ ко мнѣ? Мнѣ и безъ тебя тошно, а ты еще меня разстроиваешь. А ты-бы, Митя, пожалѣлъ меня!

Митя.

Оно такъ-съ, Пелагея Егоровна, да не переносно мнѣ это горе-то; можетъ, тяжельше, чѣмъ вамъ. Я такую въ васъ вѣру, Пелагея Егоровна, взялъ, что все равно, какъ матушкѣ своей родной откроюсь. (*Утираетъ глаза платкомъ*). Вечоръ-то, какъ у васъ вечеринка-то была... (*Слезы мѣшаютъ говорить*).

Пелагея Егоровна.

Ну, ну, говори, говори...

Митя.

Ну, вотъ и столковались мы съ ней въ потемочкахъ, чтобы идти намъ съ ней къ вамъ, матушка, да къ Гордѣю Карпычу, просить васъ низменно: благословите, дескать, насъ, а намъ ужь другъ безъ друга не жить (*утираетъ слезы*); а нынче вдругъ поутру слышу... опустились мои рученьки!..

Пелагея Егоровна.

Что̀ ты?

Митя.

Вотъ передъ Истиннымъ, Пелагея Егоровна.

Пелагея Егоровна.

Ахъ ты, сердечный! Экой ты горькій паренекъ-то, какъ я на тебя посмотрю! (*Входитъ Любовь Гордѣевна*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же и Любовь Гордѣевна.

Пелагея Егоровна.

Вотъ, Любушка, Митя проститься пришелъ: онъ ѣдетъ отъ насъ къ матушкѣ къ своей.

Митя (*кланяется*).

Прощайте, Любовь Гордѣевна!.. Не поминайте лихомъ!

Любовь Гордѣевна.

Прощай, Митя! (*Кланяется*).

Пелагея Егоровна.

Поцалуйтесь на прощанье-то, вѣдь, можетъ, не приведетъ Богъ и свидѣться... да... что̀-жь такое! (*Митя и Любовь Гордѣевна цалуются; она садится на диванъ и плачетъ; Митя тоже плачетъ*). Будетъ, будетъ вамъ плакать-то! Вы меня съ ума сведете!

Митя.

Эхъ, пропадай моя голова! Ужь была не была! (*Подходитъ къ Пелагеѣ Егоровнѣ*). Пелагея Егоровна, жаль вамъ дочь отдавать за стараго, аль нѣтъ?

Пелагея Егоровна.

Кабы не жаль, такъ-бы я не плакала.

Митя.

Прикажете говорить, Пелагея Егоровна?

Пелагея Егоровна.

Говори.

Митя.

Вотъ моя рѣчь какая: соберите-ка вы ее да одѣньте потеплѣе, ужотко. Пусть выйдетъ потихоньку: посажу я ее въ саночки-самокаточки да и былъ таковъ! Не видать тогда ее старому, какъ ушей своихъ, а моей головѣ за одно ужь погибать! Увезу ее къ матушкѣ да и повѣнчаемся. Эхъ! дайте душѣ просторъ — разгуляться хочетъ! По крайности, коли придется и въ отвѣтъ идти, такъ ужь то буду знать, что потѣшился.

Пелагея Егоровна.

Что̀ ты, что̀ ты, безпутный!

Любовь Гордѣевна.

Что̀ ты, Митя, выдумалъ!

Митя.

Стало не любишь? Аль разлюбила?

Любовь Гордѣевна.

Да ты говоришь-то что̀-то страшно!

Пелагея Егоровна.

Что̀ ты, безпутный, выдумалъ-то! Да кто-жь это посмѣетъ такой грѣхъ на душу взять... да... опомнись... что̀ ты!

Митя.

Вѣдь, я говорю: коли жаль; а коли не жаль, такъ отдавайте за Африкана Савича, закабалите на вѣки вѣчные. Сами-же, глядя на ея житье горемычное, убиваться станете. Спохватитесь вы съ Гордѣй-то Карпычемъ, да ужь поздно будетъ.

Пелагея Егоровна.

Да какъ-же безъ отцовскаго-то благословенія! Ну, какъ-же, ты самъ посуди?

Митя.

Конечно, безъ благословенья что̀ за житье! Такъ ужь благословите вы, Пелагея Егоровна (*становится на колѣни*), а Гордѣй Карпычъ, можетъ... и самъ по времени какъ-нибудь...

Пелагея Егоровна.

Какъ-же мнѣ быть-то съ вами! Я совсѣмъ съ ума сошла... да... помѣшалася. Ничего не знаю, не помню... да, да... головушка моя закружилася... Горько, горько моему сердцу, голубчики!..

Любовь Гордѣевна (*подходитъ къ Митѣ*).

Нѣтъ, Митя, не бывать этому! Не томи себя понапрасну, перестань! (*Поднимаетъ его*). Не надрывай мою душу! И такъ мое сердце все изныло во мнѣ. Поѣзжай съ Богомъ. Прощай!

Митя.

За что-жь ты меня обманывала, надо мной издѣвалася?

Любовь Гордѣевна.

Полно ты, Митя. Что мнѣ тебя обманывать, зачѣмъ? Я тебя полюбила, такъ сама-же тебѣ сказала. А теперь изъ воли родительской мнѣ выходить не должно. На то есть воля батюшкина, чтобъ я шла замужъ. Должна я ему покориться, такая наша доля дѣвичья. Такъ, знать, тому и быть должно, такъ ужь оно заведено изстари. Не хочу я супротивъ отца идти, чтобъ про меня люди не говорили да въ примѣръ не ставили. Хоть я, можетъ быть, сердце свое надорвала черезъ это, да по крайности я знаю, что я по закону живу, никто мнѣ въ глаза насмѣяться не смѣетъ. Прощай! (*Цалуются*).

Митя.

Ну, знать не судьба! (*Любовь Гордѣевна садится на диванъ и плачетъ*). Прощай! (*Кланяется Пелагеѣ Егоровнѣ*). Прощайте, Пелагея Егоровна, благодѣтельница вы моя! Вѣкъ не забуду вашей ласки да милости ко мнѣ: не забывали сироту на чужой сторонѣ.

Пелагея Егоровна.

Прощай, голубчикъ не осуди насъ въ чемъ, грѣхъ тебѣ будетъ. Дай Богъ тебѣ счастливо... а мы тебя не забудемъ. (*Митя кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Пелагея Егоровна и Любовь Гордѣевна *и потомъ* Коршуновъ.

Пелагея Егоровна.

Что, Любушка, жаль парня-то! Эко, дѣвушка... ахъ!.. А мнѣ и

не вдомекъ, что ты его полюбила-то. Да и гдѣ мнѣ, старухѣ, догадаться... да. Что̀-жь я? Вотъ поплакать наше дѣло, а власти надъ дочерью никакой не имѣю! А хорошо-бы! Полюбовалась-бы на старости. Парень-то такой простой, сердцемъ мягкій, и меня-то-бы, старуху любилъ. Ужь какъ погляжу я на тебя, дѣвушка, какъ тебѣ не грустить!.. да помочь-то мнѣ тебѣ, сердечная, нѣчѣмъ!

Любовь Гордѣевна.

Ну, маменька, что тамъ и думать, чего нельзя, только себя мучить. (*Сидитъ молча; стучатъ; голосъ Коршунова: «Можно войти?»*)

Пелагея Егоровна.

Войдите, батюшка.

Коршуновъ (*входя*).

А! вотъ она, невѣста-то моя, куда спряталась... хе... найду, вездѣ найду. Позвольте-ка намъ, Пелагея Егоровна, съ вашей дочкой по секрету поговорить о своихъ дѣлахъ.

Пелагея Егоровна.

Изволь, батюшка. (*Уходитъ*).

Коршуновъ (*садится подлѣ Любови Гордѣевны*).

Объ чемъ это плакать-то, сударыня? Стыдно, стыдно... хе... хе... хе... Вотъ я и постарше, да не плачу... (*Смотритъ на нее проницательно*). Я, вѣдь, знаю, объ чемъ: чай, за молоденькаго хочется? Такъ, вѣдь, это, миленькая вы моя (*беретъ руку и цалуетъ*), глупость одна дѣвичья. Вотъ послушайте-ка, что я вамъ скажу... я правду буду говорить, начисто, обманывать не люблю, мнѣ не изъ чего. Станете слушать, а?

Любовь Гордѣевна.

Говорите.

Коршуновъ.

Хорошо-съ. Вотъ начнемъ хоть съ этого. Молодой развѣ оцѣнитъ, что вы его полюбите, а? Молодаго-то, вѣдь, всякая полюбитъ, ему это не въ диковинку, а старику-то дорого. Старикъ-то за любовь и подарочкомъ, и тѣмъ, и сѣмъ, и золотомъ, и бархатомъ — и не знаетъ, чѣмъ утѣшить. (*Цалуетъ у нея руки*). А

въ Москвѣ хорошихъ вещей въ магазинахъ много, есть что̀ подарить. Такъ вотъ старика-то и хорошо полюбить... Вотъ вамъ разъ. А то вотъ еще что̀ бываетъ съ молодымъ-то мужемъ да съ хорошимъ-то: вѣдь, они народъ вѣтреный, глядишь, и приволокнется за кѣмъ-нибудь на сторонѣ, либо въ него какая-нибудь сударынька влюбится, а жена-то сохни... Пойдутъ попреки да ревность... А что̀ такое ревность, а? хе... хе... хе... Знаете-ли вы, сударыня, что̀ такое ревность?

Любовь Гордѣевна.

Нѣтъ, не знаю.

Коршуновъ.

А я знаю... Это не то, что иголкой пальчикъ уколоть, гораздо побольнѣе будетъ. Вѣдь, она, проклятая, сушитъ человѣка. Отъ ревности-то рѣжутъ другъ друга, мышьякомъ отравляются! (*Смѣется судорожно и съ кашлемъ*). А въ старика-то кто влюбится? Стало быть, женѣ-то и покойно. Да еще вотъ что̀ скажу вамъ, драгоцѣнная моя барышня: молодые-то загуливать любятъ, веселости, да развлеченія, да дебоши разные, а жена-то сиди дома, жди его до полуночи. А пріѣдетъ-то пьяненькій, заломается, заважничаетъ. А старикъ-то все подлѣ жены такъ и будетъ сидѣть; умирать будетъ — прочь не отойдетъ. Да все-бы въ глазки глядѣлъ, да все-бы ласкалъ, да ручки-бы цаловалъ... (*Цалуетъ*). Вотъ такъ.

Любовь Гордѣевна.

А васъ та жена покойная любила?

Коршуновъ (*смотритъ на нее пристально*).

А вамъ, сударыня, зачѣмъ это?

Любовь Гордѣевна.

Такъ, хотѣлось знать.

Коршуновъ.

Знать хотѣлось?.. (*Встаетъ*). Нѣтъ, не любила, да и я не любилъ ее. Она и не стоила того, чтобъ ее любить-то. Я ее взялъ бѣдную, нищую, за красоту только за одну; все семейство призрѣлъ; спасъ отца изъ ямы; она у меня въ золотѣ ходила.

Любовь Гордѣевна.

Любви золотомъ не купишь.

Коршуновъ.

Люби не люби, да почаще взглядывай. Имъ, видишь ты, деньги нужны были, нѐчѣмъ было жить: я давалъ, не отказывалъ; а мнѣ вотъ нужно, чтобъ меня любили. Что̀-жь, я воленъ этого требовать, или нѣтъ? Я, вѣдь, за то деньги платилъ. На меня грѣхъ пожаловаться: кого я полюблю — тому хорошо жить на свѣтѣ; а ужь кого не полюблю, такъ не пеняй! (*Разгорячаясь, ходитъ*). Да, я врагъ тому человѣку, ужь лучше бѣги съ моихъ глазъ долой: я словомъ да взглядомъ, пуще чѣмъ дѣломъ, доѣду; я проходу... отдыху не дамъ человѣку... я... (*останавливается и хохочетъ*). А вы и въ самомъ дѣлѣ подумали, что я такой злой?.. хе... хе... Это я нарочно, такъ шучу! Я простой, я добрый старикъ... А ужь васъ-то я буду на рукахъ носить (*припѣваетъ*), въ люлечкѣ качать, приговаривать... (*Цалуетъ у ней руки. Гордѣй Карпычъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Любовь Гордѣевна, Коршуновъ и Гордѣй Карпычъ.

Гордѣй Карпычъ.

А, вотъ гдѣ зятюшка-то! А мы тебя ищемъ. Мы ужь тамъ за шампанею принялись. Пойдемъ-ка къ гостямъ, у насъ безъ тебя и пиръ не въ пиръ.

Коршуновъ.

Мнѣ и здѣсь хорошо.

Гордѣй Карпычъ.

Ну, такъ мы велимъ сюда подать да здѣсь, значитъ, съ тобой и разопьемъ. (*Подходитъ къ двери*). Эй, малой! дай сюда вина! На серебряномъ подносѣ. (*Садится*). Ну, зятюшка, что̀ скажешь?

Коршуновъ.

Ничего.

Гордѣй Карпычъ.

Какъ ничего?

Коршуновъ.

Такъ ничего.

Гордѣй Карпычъ.

Нѣтъ-таки, однако? (*Смотритъ на него*). Можешь ты меня теперь понимать?

Коршуновъ.

Какъ не понимать.

Гордѣй Карпычъ.

Вотъ мы теперь подгуляли маненько, такъ ты мнѣ скажи, что̀ я за человѣкъ? Могутъ-ли меня здѣсь оцѣнить?

Коршуновъ.

Гдѣ-же имъ оцѣнить.

Гордѣй Карпычъ.

Нѣтъ, ты вотъ что̀ скажи: все у меня въ порядкѣ? Въ другомъ мѣстѣ, за столомъ-то прислуживаетъ молодецъ въ поддевкѣ, либо дѣвка, а у меня фицыантъ въ нитяныхъ перчаткахъ. Этотъ фицыантъ, онъ ученый, изъ Москвы, онъ всѣ порядки знаетъ: гдѣ кому сѣсть, что̀ дѣлать. А у другихъ что̀! Соберутся въ одну комнату, усядутся въ кружокъ, пѣсни запоютъ мужицкія. Оно, конечно, и весело, да я считаю такъ, что это низко, никакого тону нѣтъ. Да и пьютъ-то что̀, по необразованію своему! Наливки тамъ, вышневки разныя... а и не понимаютъ они того, что на это есть шампанское! Охъ, еслибъ мнѣ жить въ Москвѣ, алибы въ Питербурхѣ, я-бы, кажется, всякую моду подражалъ.

Коршуновъ.

Неужто всякую?

Гордѣй Карпычъ.

Всякую. Сколько-бъ хватило моего капиталу, а ужь себя-бъ не уронилъ. Ты, Любовь, у меня смотри, веди себя аккуратно, а то женихъ-то, вѣдь, онъ московскій, пожалуй, осудитъ. Ты, чай, и ходить-то не умѣешь, и говорить-то не понимаешь, гдѣ что̀ слѣдуетъ.

Любовь Гордѣевна.

Я, тятенька, говорю, что чувствую; я въ пансіонѣ не училась. (*Входитъ оффиціантъ и подаетъ вино Коршунову и Гордѣю Карпычу; ставитъ бутылки на столъ и уходитъ*).

Гордѣй Карпычъ.

Такъ-то, зятюшка! Вотъ и пусть ихъ знаютъ, каковъ Гордѣй Карпычъ Торцовъ! (*Входитъ Егорушка*).

Егорушка.

Дяденька, Гордѣй Карпычъ, пожалуйте сюда-съ.

Гордѣй Карпычъ.

Что̀ тебѣ?

Егорушка.

Пожалуйте: исторія вышла-съ. (*Смѣется*).

Гордѣй Карпычъ (*подходя*).

Что̀ тамъ?

Егорушка.

Да дяденька, Любимъ Карпычъ вошли.

Гордѣй Карпычъ.

Зачѣмъ пускали?

Егорушка.

Имъ, должно быть, въ голову вступило, никакъ не удержимъ. (*Хохочетъ*).

Гордѣй Карпычъ.

Что̀-же онъ дѣлаетъ?

Егорушка.

Гостей разгоняетъ-съ. (*Хохочетъ*). Вы, говоритъ, рады чужой хлѣбъ ѣсть... Я, говоритъ, тоже хозяинъ... я, говоритъ... (*Хохочетъ*).

Гордѣй Карпычъ.

Тсс... Снялъ онъ мою голову! (*Уходитъ съ Егорушкой*).

Коршуновъ.

Что̀ это тамъ у нихъ?

Любовь Гордѣевна.

Не знаю. Должно быть, дяденька что̀-нибудь... На него иногда находитъ. (*Входятъ: Разлюляевъ, Маша и Лиза*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Любовь Гордѣевна, Коршуновъ, Разлюляевъ, Маша и Лиза.

Пелагея Егоровна (*въ дверяхъ*).

Гдѣ братецъ-то?.. Гдѣ Любимъ Карпычъ-то? Что̀ онъ надѣлалъ — бѣда!

Любовь Гордѣевна.

Его здѣсь нѣтъ, маменька. (*Пелагея Егоровна уходитъ*).

Разлюляевъ.

Вотъ такъ разъ! Славныя штучки Любимъ Карпычъ отмачиваетъ! ха... ха... ха!.. Такія пули отливаетъ, что только люли!

Лиза.

Совсѣмъ не смѣшно, одно невѣжество!

Маша.

Я просто не знала, куда дѣваться отъ стыда. (*Садятся на диванъ. Входитъ Любимъ Карпычъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же и Любимъ Карпычъ.

Лиза.

Ахъ, Боже мой, опять!

Маша.

Это ужасно!

Разлюляевъ.

Ха, ха, ха!..

Любимъ Карпычъ.

Гуръ, гуръ, гуръ... буль, буль, буль!.. Съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать!.. Пріятелю! (*Протягиваетъ руку Коршунову*). Наше вамъ-съ!... Тысячу лѣтъ со днемъ не видались! Какъ поживаете?

Коршуновъ.

А, это ты, Любимъ?

Любимъ Карпычъ (*загораживая лицо руками*).

Я не я, и лошадь не моя, и я не извощикъ.

Коршуновъ.

Я тебя, братецъ, помню: ты по городу ходилъ, по копѣечкѣ сбиралъ.

Любимъ Карпычъ.

Ты помнишь, какъ я по копѣечкѣ сбиралъ, а помнишь-ли ты, какъ мы съ тобой погуливали, осеннія темныя ночи просиживали, изъ трактира въ погребокъ перепархивали? А не знаешь-ли ты, кто меня разорилъ, съ сумой по міру пустилъ?

не вдомекъ, что ты его полюбила-то. Да и гдѣ мнѣ, старухѣ, догадаться... да. Что̀-жь я? Вотъ поплакать наше дѣло, а власти надъ дочерью никакой не имѣю! А хорошо-бы! Полюбовалась-бы на старости. Парень-то такой простой, сердцемъ мягкій, и меня-то-бы, старуху любилъ. Ужь какъ погляжу я на тебя, дѣвушка, какъ тебѣ не грустить!.. да помочь-то мнѣ тебѣ, сердечная, нѐчѣмъ!

Любовь Гордѣевна.

Ну, маменька, что тамъ и думать, чего нельзя, только себя мучить. (*Сидитъ молча; стучатъ*; *голосъ Коршунова: «Можно войти?»*)

Пелагея Егоровна.

Войдите, батюшка.

Коршуновъ (*входя*).

А! вотъ она, невѣста-то моя, куда спряталась... хе... найду, вездѣ найду. Позвольте-ка намъ, Пелагея Егоровна, съ вашей дочкой по секрету поговорить о своихъ дѣлахъ.

Пелагея Егоровна.

Изволь, батюшка. (*Уходитъ*).

Коршуновъ (*садится подлѣ Любови Гордѣевны*).

Объ чемъ это плакать-то, сударыня? Стыдно, стыдно... хе... хе... хе... Вотъ я и постарше, да не плачу... (*Смотритъ на нее проницательно*). Я, вѣдь, знаю, объ чемъ: чай, за молоденькаго хочется? Такъ, вѣдь, это, миленькая вы моя (*беретъ руку и цалуетъ*), глупость одна дѣвичья. Вотъ послушайте-ка, что я вамъ скажу... я правду буду говорить, начисто, обманывать не люблю, мнѣ не изъ чего. Станете слушать, а?

Любовь Гордѣевна.

Говорите.

Коршуновъ.

Хорошо-съ. Вотъ начнемъ хоть съ этого. Молодой развѣ оцѣнитъ, что вы его полюбите, а? Молодаго-то, вѣдь, всякая полюбитъ, ему это не въ диковинку, а старику-то дорого. Старикъ-то за любовь и подарочкомъ, и тѣмъ, и сѣмъ, и золотомъ, и бархатомъ — и не знаетъ, чѣмъ утѣшить. (*Цалуетъ у нея руки*). А

въ Москвѣ хорошихъ вещей въ магазинахъ много, есть что̀ подарить. Такъ вотъ старика-то и хорошо полюбить... Вотъ вамъ разъ. А то вотъ еще что̀ бываетъ съ молодымъ-то мужемъ да съ хорошимъ-то: вѣдь, они народъ вѣтреный, глядишь, и приволокнется за кѣмъ-нибудь на сторонѣ, либо въ него какая-нибудь сударынька влюбится, а жена-то сохни... Пойдутъ попреки да ревность... А что̀ такое ревность, а? хе... хе... хе... Знаете-ли вы, сударыня, что̀ такое ревность?

Любовь Гордѣевна.

Нѣтъ, не знаю.

Коршуновъ.

А я знаю... Это не то, что иголкой пальчикъ уколоть, гораздо побольнѣе будетъ. Вѣдь, она, проклятая, сушитъ человѣка. Отъ ревности-то рѣжутъ другъ друга, мышьякомъ отравляются! (*Смѣется судорожно и съ кашлемъ*). А въ старика-то кто влюбится? Стало быть, женѣ-то и покойно. Да еще вотъ что̀ скажу вамъ, драгоцѣнная моя барышня: молодые-то загуливать любятъ, веселости, да развлеченія, да дебоши разные, а жена-то сиди дома, жди его до полуночи. А пріѣдетъ-то пьяненькій, заломается, заважничаетъ. А старикъ-то все подлѣ жены такъ и будетъ сидѣть; умирать будетъ — прочь не отойдетъ. Да все-бы въ глазки глядѣлъ, да все-бы ласкалъ, да ручки-бы цаловалъ... (*Цалуетъ*). Вотъ такъ.

Любовь Гордѣевна.

А васъ та жена покойная любила?

Коршуновъ (*смотритъ на нее пристально*).

А вамъ, сударыня, зачѣмъ это?

Любовь Гордѣевна.

Такъ, хотѣлось знать.

Коршуновъ.

Знать хотѣлось?.. (*Встаетъ*). Нѣтъ, не любила, да и я не любилъ ее. Она и не стоила того, чтобъ ее любить-то. Я ее взялъ бѣдную, нищую, за красоту только за одну; все семейство призрѣлъ; спасъ отца изъ ямы; она у меня въ золотѣ ходила.

Любовь Гордѣевна.

Любви золотомъ не купишь.

нять вонъ. А чѣмъ я не гость? За что меня гонять? Я не чисто одѣтъ, такъ у меня на совѣсти чисто. Я не Коршуновъ: я бѣдныхъ не грабилъ, чужаго вѣку не заѣдалъ, жены ревностію не замучилъ... Меня гонять, а онъ первый гость, его въ передній уголъ сажаютъ. Что-жь, ничего, ему другую жену дадутъ: братъ за него дочь отдаетъ! Ха, ха, ха! (*Хохочетъ трагически*).

Коршуновъ (*вскакиваетъ*).

Не вѣрьте ему, онъ вретъ: онъ это по злобѣ на меня говоритъ, спьяну.

Любимъ Карпычъ.

Что за злоба! Я тебѣ давно простилъ. Я человѣкъ маленькой. червякъ ползущій, ничтожество изъ ничтожествъ! Ты другимъ-то зла не дѣлай.

Гордѣй Карпычъ (*прислугѣ*).

Уведите его!

Любимъ Карпычъ (*поднимая одинъ палецъ кверху*).

Сс... Не трогать! Хорошо тому на свѣтѣ жить, у кого нѣту стыда въ глазахъ!.. О, люди, люди!.. Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше васъ! Вотъ теперь я самъ пойду. (*Обращаясь къ толпѣ*). Шире дорогу — Любимъ Торцовъ идетъ! (*Уходитъ и тотчасъ возвращается*). Извергъ естества! (*Уходитъ*).

Коршуновъ (*принужденно хохочетъ*).

Такъ этакой-то у тебя порядокъ въ домѣ! Этакія ты моды завелъ: у тебя пьяные гостей обижаютъ! Хе, хе, хе! Я, говоритъ, въ Москву поѣду, меня здѣсь не понимаютъ. Въ Москвѣ-то ужь такіе дураки повывелись, тамъ смѣются надъ ними. Зятюшка, зятюшка! Хе, хе, хе! Любезный тестюшка! Нѣтъ, шалишь, я даромъ себя обидѣть не позволю. Нѣтъ, ты теперь приди-ка ко мнѣ да покланяйся, чтобъ я дочь-то твою взялъ.

Гордѣй Карпычъ.

Я къ тебѣ пойду кланяться?

Коршуновъ.

Пойдешь, я тебя знаю. Тебѣ нужно свадьбу сдѣлать, хоть въ петлю лѣзть, да только-бъ весь городъ удивить, а жениховъ-то нѣтъ. Вотъ несчастье-то твое! Хе, хе, хе!..

Гордѣй Карпычъ.

Опосля этого, когда ты такія слова говоришь, я самъ тебя знать не хочу! Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого вздумается, за того и отдамъ! Съ деньгами, что̀ я за ней дамъ, всякій человѣкъ будетъ... (*Входитъ Митя и останавливается въ дверяхъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Митя.

Митя (*обращаясь къ толпѣ*).

Что̀ такое за шумъ-съ?

Гордѣй Карпычъ.

Вотъ за Митьку отдамъ!

Митя.

Чего-съ?

Гордѣй Карпычъ.

Молчи! Да... за Митьку отдамъ... завтра-же! Да такую свадьбу задамъ, что ты не видывалъ: изъ Москвы музыкантовъ выпишу, одинъ въ четырехъ каретахъ поѣду.

Коршуновъ.

Посмотримъ, посмотримъ. Придешь прощенья просить, придешь! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же безъ Коршунова.

Пелагея Егоровна.

За кого, Гордѣй Карпычъ, ты сказалъ?

Гордѣй Карпычъ.

За Митьку... Да! Ишь разважничался! Точно я хуже его! «Пойдешь кланяться!» Вретъ онъ, не пойду кланяться! На зло ему, за Митрія отдамъ. (*Всѣ удивлены*).

Митя (*беретъ Любовь Гордѣевну за руку и подходитъ къ Гордѣю Карпычу*).

Зачѣмъ-же на зло, Гордѣй Карпычъ? Со зломъ такого дѣла не дѣлаютъ. Мнѣ на зло ненадобно-съ. Лучше ужь я всю жизнь

буду мучиться. Коли есть ваша такая милость, такъ ужь вы благословите насъ, какъ слѣдуетъ — по-родительски, съ любовію. Какъ любимъ мы другъ друга, и даже до этого случаю хотѣли вамъ повиниться... А ужь я вамъ, вмѣсто сына, то-есть, завсегда всей душой-съ.

Гордѣй Карпычъ.

Что̀, что̀ всей душой? Ты ужь и радъ случаю! Да какъ ты смѣлъ подумать-то? Что̀ она, ровня, что̀-ль, тебѣ? Съ кѣмъ ты говоришь, вспомни!

Митя.

Я оченно хорошо знаю, что вы мой хозяинъ и что я, по бѣдности своей, не могу быть имъ ровней; но, впрочемъ, судите, какъ хотите, я весь тутъ-съ: я вашу дочку полюбилъ душею-съ. (*Входитъ Любимъ Карпычъ и становится въ толпѣ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ-же и Любимъ Карпычъ.

Гордѣй Карпычъ.

Какъ, чай, не любить! У тебя губа-то не дура! За ней, вѣдь, денегъ много, такъ тебѣ голому-то на голодные зубы хорошо.

Митя.

Для меня столь обидно отъ васъ это слышать, что я не имѣю словъ-съ. Лучше молчать. (*Отходитъ*). Извольте, Любовь Гордѣевна, вы говорить-съ.

Любовь Гордѣевна.

Я, тятенька, вашей волѣ не перечила! Коли хотите вы моего счастія, отдайте меня за Митю.

Пелагея Егоровна.

Что-что и въ самомъ дѣлѣ, Гордѣй Карпычъ, капризничаешь... да! Что̀ въ самомъ дѣлѣ! Я было ужь обрадовалась, насилу-то отъ сердца отлегло, а ты опять за свое. Ужь говори что̀-нибудь одно, а то что̀ это такое... право. То скажешь — за одного, то за другаго. Что̀ она тебѣ, на мытарство, что̀-ли, досталась?

Любимъ Карпычъ (*изъ толпы*).

Братъ, отдай Любушку за Митю.

Гордѣй Карпычъ.

Ты опять здѣсь? Да ты понимаешь-ли, что̀ ты со мной ныньче сдѣлалъ? Ты меня оконфузилъ на весь городъ! Кабы ты чувствовалъ это, ты-бы не смѣлъ и на глаза-то мнѣ показываться, а ты еще съ совѣтами лѣзешь! Ужь пускай-бы говорилъ человѣкъ, да не ты.

Любимъ Карпычъ.

Да ты поклонись Любиму Торцову въ ноги, что онъ тебя оконфузилъ-то.

Пелагея Егоровна.

Именно, Любимушка, надо тебѣ въ ноги поклониться... да... именно. Снялъ ты съ нашей души грѣхъ великій; не замолить бы его намъ.

Гордѣй Карпычъ.

Что̀-жь, я извергъ, что̀-ли, какой въ своемъ семействѣ?

Пелагея Егоровна.

Извергъ не извергъ, а погубилъ-бы дочь-то изъ-за своей глупости... Да! Я тебѣ отъ простоты моей скажу. Отдаютъ за стариковъ-то и не Африкану Савичу чета, да и то горе мычутъ.

Любимъ Карпычъ.

Пустите меня! (*Поетъ*). Трумъ-ту-тумъ, трумъ-ту-тумъ! (*Пляшетъ*). Посмотри на меня, вотъ тебѣ примѣръ—Любимъ Торцовъ передъ тобой живой стоитъ. Онъ по этой дорожкѣ ходилъ — знаетъ, какова она! И я былъ богатъ и славенъ, въ каретахъ ѣздилъ, такія штуки выкидывалъ, что тебѣ и въ голову не придетъ, а потомъ верхнимъ концомъ да внизъ. Вотъ погляди, каковъ я франтъ.

Гордѣй Карпычъ.

Ты мнѣ что̀ ни говори, я тебя слушать не хочу, ты мнѣ врагъ на всю жизнь.

Любимъ Карпычъ.

Человѣкъ ты, или звѣрь? Пожалѣй ты и Любима Торцова! (*Становится на колѣни*). Братъ, отдай Любушу за Митю — онъ мнѣ уголъ дастъ. Назябся ужь я, наголодался. Лѣта мои прошли, тяжело ужь мнѣ паясничать на морозѣ-то изъ-за куска хлѣба; хоть подъ старость-то да честно пожить. Вѣдь, я народъ обма-

нывалъ: просилъ милостыню, а самъ пропивалъ. Мнѣ работишку дадутъ; у меня будетъ свой горшокъ щей. Тогда-то я Бога возблагодарю. Братъ! и моя слеза до̀ неба дойдетъ. Что онъ бѣденъ-то! Эхъ, кабы я бѣденъ былъ, я-бы человѣкъ былъ. Бѣдность не порокъ.

Пелагея Егоровна.

Гордѣй Карпычъ, неужели въ тебѣ чувства нѣтъ?

Гордѣй Карпычъ (*утираетъ слезу*).

А вы и въ самомъ дѣлѣ думали, что нѣтъ?! (*Поднимаетъ брата*). Ну, братъ, спасибо, что на умъ наставилъ, а то было свихнулся совсѣмъ. Не знаю, какъ и въ голову вошла такая гнилая фантазія. (*Обнимаетъ Митю и Любовь Гордѣевну*). Ну, дѣти, скажите спасибо дядѣ Любиму Карпычу да живите счастливо. (*Пелагея Егоровна обнимаетъ дѣтей*).

Гуслинъ.

Дяденька, теперь и мнѣ можно?

Гордѣй Карпычъ.

Можно, можно. Просите всѣ, кому что̀ нужно: теперь я сталъ другой человѣкъ.

Гуслинъ.

Ну, Аннушка, дождались и мы съ тобой.

Анна Ивановна.

Ну, теперь пойдетъ у насъ пляска, только держи шапку.

Пелагея Егоровна.

Ужь попляшемъ, попляшемъ.

Разлюляевъ (*подходитъ къ Митѣ и ударяетъ его по плечу*).

Митя!.. Для пріятеля... все жертвую... Самъ любилъ, а для тебя... жертвую. Давай руку. (*Ударяетъ по рукѣ*). Одно слово... бери, значитъ жертвую для тебя... Для друга ничего не жаль! Вотъ какъ у насъ, коли на то пошло! (*Утирается полой и цалуетъ Митю*). А это онъ правду говоритъ: пьянство не порокъ... то бишь — бѣдность не порокъ... Вотъ всегда проврусь!

Пелагея Егоровна.

Ахъ, да вотъ и всѣ тутъ! (*Къ дѣвушкамъ*). Ну-ка, дѣвушки, веселенькую... да, веселенькую... Ужь мы теперь свадьбу-то по

душѣ отпируемъ, по душѣ... (*Дѣвушки начинаютъ запѣвать*).

Любимъ Карпычъ.

Тсс... Слушай команду! (*Запѣваетъ; дѣвушки подтягиваютъ*).

У насъ дѣло-то сдѣлано...
По рукамъ у насъ ударено,
Быть сговору — дѣвишнику,
Быть дѣвичьему вечеру.

НЕ ТАКЪ ЖИВИ, КАКЪ ХОЧЕТСЯ.

НЕ ТАКЪ ЖИВИ, КАКЪ ХОЧЕТСЯ.

НАРОДНАЯ ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЛИЦА:

Илья Ивановичъ, зажиточный купецъ.
Петръ, его сынъ.
Даша, жена Петра.
Афимья, ихъ тетка.
Агафонъ, мѣщанинъ изъ уѣзднаго города.
Степанида, его жена.
Вася, молодой купеческій сынъ.
Спиридоновна, содержательница постоялаго двора.
Груша, ея дочь.
Еремка, кузнецъ.
Яковъ, ямщикъ.
Иванъ, молодецъ въ домѣ Петра.
Дѣвушки и парни.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ концѣ XVIII столѣтія, на масляницѣ. Содержаніе взято изъ народныхъ разсказовъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляетъ русскую комнату; налѣво два окна; прямо дверь и направо дверь; по стѣнамъ лавки, на лѣвой сторонѣ деревянный столъ и скамья.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Афимья и Даша.

Афимья.

Чуетъ мое сердце... не добро оно чуетъ!.. Да чему и быть хо-

рошему? Ни миру, ни ладу въ семьѣ! Знать ужь Богъ вовсе отступился отъ насъ, глядючи на наше непутное житье. За грѣхъ за какой-нибудь наказанье экое Петру Ильичу, да за наше неумоленіе. И на чужаго-то смотрѣть на безпутнаго сердце мретъ, а то, легкое-ли дѣло, свое дѣтище!.. да еще женатый!. Хорошо, что мать-то Богъ прибралъ, а то каково-бы ей на это глядѣть-то!.. отцу супротивникъ, жену замучилъ!.. Въ кого такой уродился? Теперь дни прощеные, и чужіе мирятся, а у нихъ и вставаючи, и ложаючись брань да перекоръ. Ну, гдѣ онъ теперь шляется? Ждали, ждали обѣдать, а его и слыхомъ не слыхать!.. Всю мясляницу гуляетъ, скружился какъ угорѣлый. Отецъ-то пришелъ полюбоваться на ваше житье: есть на что̀ радоваться! Чѣмъ-бы погостить, а онъ домой собрался.

Даша.

Не говори, тетушка, ужь и такъ тошно.

Афимья.

Да что не говорить-то! Нѐшто не правда?

Даша.

Что̀-же, тетушка, что̀-же мнѣ дѣлать-то? Завезъ онъ меня на чужую сторону украдучи.

Афимья.

Плоха жена, отъ которой мужъ гуляетъ.

Даша.

Измучилась я! Все сердце онъ изъ меня вынулъ! Отца не слушаетъ, а я что̀?

Афимья.

А ты жена, не чужая.

Даша.

Хуже чужой я ему теперь.

Афимья.

Ты, видно, Даша, ужь такая горькая зародилась, да вотъ и къ намъ-то несчастье принесла!.. Точно какъ по то стало.

Даша.

Не я къ вамъ несчастіе принесла. Пока любилъ меня Петръ Ильичъ, такъ и жилъ хорошо, а разлюбилъ — Богъ его знаетъ, что̀ съ нимъ сталось — и сталъ гулять.

Афимья.

Кабы ты жила съ нимъ, какъ женѣ слѣдуетъ жить, другое-бы дѣло; а то гдѣ-же это видано, ровно ты, прости Господи, какъ полюбовница какая, виснешь ему на шею. Нѣшто женѣ такъ подобаетъ?

Даша.

Чудное это дѣло съ нимъ сдѣлалось! Думаю я, не придумаю. (*Плачетъ. Илья Ивановичъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Илья Ивановичъ.

Илья.

Дарья, не плачь, не гнѣви Бога! Снявши голову, по волосамъ не плачутъ.

Даша.

Батюшка, куда ты собрался?

Илья.

Пойду отъ васъ прочь. Я и смотрѣть-то на васъ не хочу, не стоите вы того. Придешь къ вамъ на недѣлю-то, ровно въ омутъ.

Даша.

Ты хоть сына-то подожди да поговори ему.

Илья.

Подожду, поговорю ему въ послѣдній разъ, крѣпко поговорю. Вѣдь, гибнетъ! Съ экой-то жизнью добра нѣчего ждать! Такіе-то люди близко бѣды ходятъ. Хочетъ — послушаетъ, хочетъ — нѣтъ, а я старый человѣкъ, мнѣ покой нуженъ, пора и свою душу вспомнить. Будетъ, пожилъ въ міру, всего насмотрѣлся, только дурнаго-то больше видѣлъ, чѣмъ хорошаго. Съ тѣхъ поръ и свѣтъ увидалъ, какъ у братца въ его кельѣ живу. Вотъ немножко прошелъ по Москвѣ, всего-то отъ монастыря до васъ, а сколько мерзости-то видѣлъ! Народъ-то словно въ аду кипитъ: шумъ, гамъ, пѣсни бѣсовскія! Вотъ вчера, говорятъ, двоихъ мертвыхъ на улицѣ подняли да одинъ въ прорубѣ утонулъ. Христіанская-ли это смерть! Куда они угодили? Какое житье въ міру-то нынче? Только соблазнъ одинъ. Сынъ вотъ родной,

и тотъ что̀ дѣлаетъ. Нѐшто я его такъ воспитывалъ-то? (*Входитъ Петръ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Петръ.

Илья.

Гдѣ погулялъ, добрый молодецъ?

Петръ.

Въ Москвѣ мѣста много, есть гдѣ погулять, была-бъ охота.

Илья.

До сыта-ль нагулялся?

Петръ.

Погулялъ-таки. Ты, батюшка, куда собрался.

Илья.

Бѣжать хочу, закрывши глаза.

Петръ.

Что̀-жь не погостишь съ нами?

Илья.

Надоѣло мнѣ глядѣть-то на тебя, живешь больно нехорошо.

Петръ.

За что̀, батюшка, гнѣваешься? Чѣмъ мы такъ провинились передъ тобой?

Афимья.

Чѣмъ? Не ты-бъ говорилъ, не мы-бы слушали, безпутные твои глаза!

Петръ.

Не твоего разуму это дѣло.

Даша.

Батюшка серчаетъ, что ты все гуляешь да со мной дурно живешь.

Петръ.

Ты, что̀-ль, нажаловалась?

Илья.

Что̀ жаловаться-то! Развѣ я самъ не вижу, что живешь не по-людски!

Петръ.

Эхъ, ужь, видно, мнѣ не жить по-людски... на меня, должно быть, напущено.

Илья.

Это что̀ за рѣчи?

Петръ.

Загубилъ я себя съ тобой! Связала ты меня по рукамъ и по ногамъ.

Даша.

Ты мучитель, ты кровопивецъ!

Илья.

Что̀ вы? При мнѣ-то? (*Грозно*). Молчать! Ты никакъ ума рехнулся! Тебя нѐшто кто неволилъ ее брать? Самъ взялъ, не спросясь ни у кого, украдучи взялъ, а теперь она виновата! Вотъ пословица-то сбывается: «Божье-то крѣпко, а вражье-то лѣпко».

Петръ.

Она меня приворожила чѣмъ-нибудь... зельемъ какимъ ни-на-есть.

Илья.

Не говори, не грѣши! Что̀ тебя привораживать, коли ты и такъ ровно чумовой. Своевольщина-то и все такъ живетъ. Надѣлаютъ дѣла, не спросясь у добрыхъ людей, а спросясь только у воли своей дурацкой, да потомъ и плачутся, ропщутъ на судьбу, грѣхъ къ грѣху прибавляютъ, такъ и путаются въ грѣхахъ-то, какъ въ лѣсу.

Петръ.

Да что̀-жь, батюшка, дѣлать-то? Какъ еще жить-то?

Илья.

Живи по закону, какъ люди живутъ.

Петръ.

Ну, а я вотъ загулялъ... Что̀-жь такое? Нынче дѣло масляничное. Ужь и не погулять? Масляная-то одинъ разъ въ году бываетъ. Мнѣ что̀ за дѣло, какъ люди живутъ; я живу, какъ мнѣ хочется.

Илья.

Извѣстно, по своей волѣ легче жить, ничѣмъ по закону; да

своя-то воля въ пропасть ведетъ. Доброму одна дорога, а развращенному десять. Узкій и прискорбный путь вводитъ въ животъ, а широкій и пространный вводитъ въ пагубу.

Петръ.

Не все гулять, придетъ время, и поправимся, и сами будемъ другихъ учить; учить-то не хитро. Теперь и погулять-то, когда гуляется. Ты, батюшка, самъ былъ молодъ.

Илья.

Такъ что̀-жь? Нѐшто я такъ жилъ? Молодъ, такъ и распутничать! Не для веселья мы на свѣтѣ-то живемъ. Не подъ старость, а съ молоду добрыми-то дѣлами запасаются. Ты оглянись на себя: дома ты не живешь, знаешься съ людьми нехорошими, жену обижаешь. Что̀-жь у васъ дальше-то будетъ, скажи ты мнѣ?

Петръ.

А что̀ будетъ, то будетъ. Проживемъ какъ-нибудь—своимъ, умомъ, не чужимъ.

Илья.

Ну, такъ и живи! А я видѣть этого не хочу! И говорить-то мнѣ тяжело. Что̀ говорить? кому говорить? Кабы разумъ былъ, а безъ разума и ученье не въ прокъ.

Петръ.

А нѣтъ, такъ и нѐгдѣ взять. На нѣтъ и суда нѣтъ.

Илья.

А нѣтъ, такъ наберись у добрыхъ людей, да проси Бога, чтобъ далъ, а то какъ червь погибнешь! (*Встаетъ*). Прощайте! Коли будете жить хорошо, такъ приду о праздникѣ, а до тѣхъ поръ и не ходите ко мнѣ, мнѣ и такъ суета надоѣла. Помни, Петръ! передъ твоими ногами бездна разверстая. Кто впалъ въ гульбу да въ распутство, отъ того благодать отступаетъ, а враги человѣческіе возрадуются, что ихъ волю творятъ, и приступаютъ, поучая на зло, на гнѣвъ, на ненависть, на волхвованіе и на всякія козни. И таковымъ одна часть со врагомъ. Выбирай, что̀ лучше: либо жить честно, въ любви у отца, съ душой своей въ мирѣ, съ благодатію въ домѣ; либо жить весело, на смѣхъ и покоръ людямъ, на горе роднымъ, на радость врагу человѣковъ. Прощайте! Петръ, наступаютъ дни великіе, страшные, опомнись.

Вотъ тебѣ мой приказъ, родительскій приказъ, грозный: опомнись, взгляни на себя. Прощайте.

Афимья.

Ужели такъ уйдешь? Ноньче дни прощеные, всѣ люди прощаются.

Даша.

Батюшка, прости насъ. (*Кланяется въ ноги*).

Илья.

Простите и вы меня.

Даша.

Благослови насъ.

Илья.

Васъ благословить? Стòите-ли вы? Нѣтъ, вы подождите моего благословенія до той поры, пока будете жить хорошо. Порадуй меня, Петръ! Лучше совсѣмъ не жить, чѣмъ жить такъ, какъ ты живешь. Благословенье отца нужно: безъ благословенья пропадешь, какъ песъ. (*Уходитъ. Всѣ провожаютъ его. Афимья уходитъ за нимъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Петръ и Даша (*Петръ садится къ столу и задумывается*).

Даша.

Слышалъ, чтò батюшка-то сказалъ?

Петръ.

Отстань!

Даша (*подсаживается*).

Послушаешь батюшку, будешь любить меня попрежнему?

Петръ.

Дарья, отойди.

Даша.

Да скажи мнѣ, желанный мой, не утай ты отъ меня, чѣмъ тебѣ я надоѣла? Али я не ласкова, чтò-ли, къ тебѣ, Петръ Ильичъ? Али не услужила чѣмъ? (*Петръ молчитъ*). Чѣмъ прогнѣвала? Голубчикъ, Петръ Ильичъ, скажи!

Петръ.

Отойдешь-ли ты отъ меня, или нѣтъ?

Даша.

Живемъ мы съ тобой всего годочекъ...

Петръ.

Дарья!.. (*Замахивается*). Не вводи въ грѣхъ!

Даша.

Убей ты меня лучше! Не хочу я жить безъ твоей ласки! Самъ, вѣдь, ты меня пріучилъ. Зачѣмъ-же ты меня прежде любилъ да нѣжилъ, я-бы ужь не привыкала. Помнишь, мой сердечный, дома-то ты, бывало, на меня не наглядишься, а выйдемъ мы съ тобою въ праздникъ на улицу — и сидимъ цѣлый день обнявшись, за бѣлую руку ты меня держишь, въ глаза мнѣ смотришь. Народъ-то идетъ — на насъ радуется. Скоро-то, скоро все это миновалося! (*Плачетъ*).

Петръ.

Что̀ миновалось, того не воротишь.

Даша.

Да, не воротишь! Да нельзя-жь мнѣ и не тужить-то объ немъ, объ томъ золотомъ времячкѣ. Петя, можетъ, тебѣ скучно? Хочешь, я тебѣ пѣсенку спою, что̀ ты пѣвалъ холостой? (*Молчаніе*).

Петръ.

Отстань! Отойди ты, и безъ тебя тошно.

Даша.

Да скажи, что̀ тошно-то? Скажи ты мнѣ, что̀ тошно-то? Вѣдь, я тебѣ не чужая.

Петръ.

А то тошно, что ты своими слезами изъ меня всю душу вытянула, да еще батюшкѣ нажаловалась. Онъ мнѣ вонъ какихъ страстей насулилъ, поневолѣ голову повѣсишь. Что̀-жь ты думаешь, послѣ его брани-то я къ тебѣ ласковѣй, что̀-ли, буду? Какже, дожидайся.

Даша.

Ужь коли такъ, отпусти меня къ батюшкѣ.

Петръ.

Ступай, пожалуй, хоть на всѣ четыре стороны.

Даша.

Ну, такъ прощай.

Петръ.

Прощай, не поминай лихомъ, добромъ нѣчѣмъ.

Даша.

Охъ, горе мое, горюшко!

Петръ.

Горе? Вотъ гдѣ горе! Не зальешь его, не затушишь!.. Дайте мнѣ вина! Скорѣй вина! Шевелитесь!.. (*Входитъ Афимья*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Афимья.

Афимья.

Чтò тебѣ?

Петръ.

Вина дайте.

Афимья.

Ты, видно, дитятко, забылъ, что отецъ-то говорилъ?

Петръ.

Кто здѣсь хозяинъ? Чтò я, дома у себя, или въ гости пришелъ? (*Садится*). Вина! (*Ударяетъ по столу*). Да ты подай хорошенькаго, нынче масляница.

Афимья.

Принесу пойду, чтò воюешь-то! (*Отходитъ и останавливается*). Ты на нее-то посмотри! Видишь, плачетъ, убивается. Заѣлъ ты чужой вѣкъ, заѣлъ!

Петръ.

Эй, Иванъ! (*Иванъ входитъ*). Запрячь мнѣ жеребца воронаго, дугу писаную... Проворнѣй!

Даша.

Посиди дома-то хоть немножко.

Петръ.

Нечего мнѣ дома дѣлать, здѣсь угарно.

Афимья.

Какой угаръ? Чтò ты выдумалъ!

Петръ.

А я говорю, что угарно, такъ и будь по-моему!

Афимья.

Ты скажи только, скажи, варваръ, желаю я знать отъ тебя, за что̀ ты жену-то замучилъ!

Даша.

Тетушка, замолчи.

Афимья.

Возьму да уйду, не стану глядѣть на васъ, чтобы сердце не надрывалось.

Петръ.

Да уйди, тетка, кто тебѣ держитъ; авось, ладу больше будетъ.

Афимья.

Ладу, ладу? Врешь ты, разбойникъ! Отъ тебя ладу въ домѣ нѣтъ.

Петръ.

Тетушка, пойдешь-ли ты за виномъ, али нѣтъ? А то я самъ схожу; смотри, какъ-бы хуже не было.

Афимья.

Мнѣ чужаго не жаль. Пей, пожалуй, коли ты еще не сытъ.

Даша.

Я пойду схожу.

Афимья.

Балуй, ухаживай за нимъ, а онъ на тебя и глядѣть не хочетъ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Петръ (*одинъ*).

Эхъ, шибко голова болитъ! Скружился я совсѣмъ! (*Задумывается*). Аль погулять еще? Дома-то тоска. Спуталъ я себя по рукамъ и по ногамъ! Кабы не баба у меня эта плакса, погулялъ-бы я, показалъ-бы себя. Что̀ во мнѣ удали, такъ на десять человѣкъ хватитъ! А и то сказать, велика радость сидѣть съ бабами, пересыпать изъ пустаго въ порожнее. Ужь догуляю масленую, была не была!

«Удалая голова,
Не ходи мимо сада,
Не прокладывай слѣда,
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади.»

А какъ голова-то болитъ! ровно треснуть хочетъ. Поѣду-ка я къ своей кралечкѣ, размычу тоску-горе. (*Даша входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Даша и Петръ.

Даша.

Вотъ, Петръ Ильичъ, кушай на здоровье.

Петръ.

Не кажись ты мнѣ! Ишь ты глаза-то скосила!.. Точно яду подаешь! Пить-то изъ твоихъ рукъ не хочу!

Даша.

Пропадай ты совсѣмъ, измучилъ ты меня! (*Ставитъ вино на столъ; Иванъ входитъ*).

Иванъ.

Лошадь готова.

Петръ (*наливаетъ стаканъ и пьетъ*).

Давай. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Даша (*одна*).

Чтò-же это за мука-мученская! Батюшка-то съ матушкой, чай, думаютъ, дочка-то живетъ въ богатствѣ да въ радости, а не знаютъ они того, что я съ утра до ночи слезами обливаюся. Чтò-жь дѣлать-то? Наша доля терпѣть—потерплю; можетъ, онъ погуляетъ, погуляетъ, да за умъ возьмется, опять ко мнѣ придетъ, голубчикъ мой. (*Молчитъ нѣсколько времени*). Одного только, кажется, не перенесетъ душа моя, коли онъ да промѣняетъ меня на кого-нибудь. А, вѣдь, отъ него, пожалуй, станется. Лучше возьми онъ мое сердце да разорви его на части, раз-

мечи по чисту полю, чѣмъ такое злодѣйство сдѣлать надо мною. (*Вася входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Даша и Вася.

Вася.

Съ широкой масляницей!

Даша.

Здравствуй, Вася. Что̀ ты?

Вася.

Маленько загулялъ.

Даша.

Чтой-то, Вася! Съ тобой прежде этого не было.

Вася.

Съ горя, Дарья Агафоновна, съ горя, съ большой со кручины.

Даша.

Полно, что̀ у тебя за горе?

Вася (*садится*).

Есть, Дарья Агафоновна, есть. Печаль тоска несносная!.. Погоди, постой, я съ горя пѣсенку запою. Можно?

Даша.

Пой.

Вася (*поетъ*).

«Востоскуйся ты, моя сударушка,
По мнѣ возгорюйся».

Даша.

Вася, а Вася, что̀ у тебя за горе?..

Вася.

Не скажу, вотъ ни за что̀ не скажу! Хоть сейчасъ расказните, не скажу.

Даша.

Ну, а не скажешь, такъ и не надо.

Вася.

И ни... ни... ни за что̀ на свѣтѣ! (*Поетъ*).

«...По мнѣ возгорюйся.
Ужь и самъ-то-ли, я самъ
По тебѣ, сударушка...»

Даша.

Ну, Богъ съ тобой, не говори, я и не спрашиваю.

Вася.

Нельзя, не велѣно... подъ страхомъ не велѣно... онъ меня убьетъ.

Даша.

Кто онъ-то?

Вася.

Нѣкоторый человѣкъ. (*Поетъ*).

«...Самъ я встосковался.»

Даша.

Вася, а Вася, скажи мнѣ, что̀ я у тебя спрошу.

Вася.

Спрашивай.

Даша.

Куда Петръ Ильичъ ѣздитъ? Ты съ нимъ ѣзжалъ вмѣстѣ.

Вася.

Этого нельзя. (*Поетъ*).

«Нападаютъ на меня,
Меня сиротинушку,
Охъ да лихи люди.»

Даша.

Вася, ты винца не хочешь-ли? Выпей вотъ вишневочки.

Вася.

Нѣтъ, боюсь!.. Тятенька — ухъ!.. и... и не живи на свѣтѣ!.. Я и то вотъ хмѣльненекъ немножко... такъ зашелъ къ вамъ, авось пройдетъ... а то боюсь... тятеньку до смерти... и... бѣда!..

Даша.

Да ты уснешь у насъ, вотъ и пройдетъ... Ничего, выпей.

Вася.

Нѐшто одинъ стаканчикъ.

Даша (*наливаетъ*).

Выпей, Вася, ничего. (*Вася пьетъ*). Такъ ты не скажешь, куда вы ѣздите-то?

Вася.

Никакъ невозможно этого сдѣлать: не велѣлъ.

Даша (*съ испугомъ*).

Какъ не велѣлъ? Да отчего-же не велѣлъ?

Вася.

Такъ, не велѣлъ, да и все тутъ. Убью, говоритъ, на мѣстѣ! Да не спрашивай, Дарья Агафоновна, я ничего говорить не стану.

Даша.

Ну, хорошо...ну, хорошо, я не буду спрашивать. Выпей еще, Вася.

Вася.

Нѣтъ, покорно благодарствуйте, будетъ... и то мутитъ... а я тятеньки боюсь.

Даша.

Вотъ, тятенька! Что̀ такое? Нынче масляница. (*Наливаетъ*).

Вася.

Вѣдь, этакъ, пожалуй, напьешься! (*Пьетъ*).

Даша.

Ничего. Какой ты, Вася, хорошій... тебя, чай, дѣвушки любятъ... Ишь ты какой кудрявый! (*Гладитъ по головѣ*). А? любятъ дѣвушки? (*Наливаетъ вина*).

Вася.

Меня дѣвушки очненно любятъ. Да только вотъ одна, что самая которая раскрасавица, надо мной надсмѣялася... Конечно, онъ старшой... и по торговлѣ, да зачѣмъ обижать!..

Даша.

За что̀ тебя обижать?

Вася.

А онъ обидѣлъ, онъ шутку сшутилъ... Да еще какую шутку! а еще благо... бла... благопріятель называется.

Даша.

Скажи пожалуй!.. Ну, ну...

Вася.

Я все ходилъ къ ней украдкой, потихоньку, потому я боюсь,

тятенька узнаетъ... Куда, говоритъ, ты ходишь?.. Да нѣтъ, онъ не велѣлъ сказывать... ты, говоритъ, и подумать не смѣй! А то, говоритъ, ты, пожалуй, съ дуру-то, женѣ...

Даша.

Васенька, миленькой, а какую я тебѣ невѣсту сосватаю. Выпей, Вася.

Вася.

Не пой ты меня, сдѣлай милость, не пой... а то я пьяный все скажу, а я не должòнъ поприятельски... и онъ не велѣлъ... Тогда лучше и не живи на свѣтѣ!

Даша.

А какую невѣсту, Вася! Какая красавица-то, писаная!

Вася (*пьетъ*).

Ну, хорошо, ну, я все скажу... все, за то, что онъ меня обидѣлъ... кровно обидѣлъ... надсмѣшку надо мной сдѣлалъ!.. Только ты ему не сказывай.

Даша.

Не скажу, не скажу.

Вася.

Вотъ, говоритъ, куда ты ходишь? Я говорю: есть дѣвушка, красавица, живетъ съ матерью, туда, говорю, и хожу... Грушенькой зовутъ. Возьми, говоритъ, меня съ собой. Взялъ я его. Вотъ мы и ходимъ къ ней много разъ... много разъ... сидимъ это, растобарываемъ, пряничковъ носимъ... все какъ слѣдуетъ. Вотъ я вижу, начинаетъ онъ къ ней поддѣлываться, холостымъ сказался...

Даша (*отодвигается съ ужасомъ*).

Ахъ, батюшки!

Вася.

Ты, говоритъ, не смѣй сказывать, что я женатый!.. А старуха-то его руку тянетъ, потому — богатый. Потомъ какъ-то говоритъ: ты, говоритъ, проваливай и не смѣй сюда ходить, а то, говоритъ, убью! И, говоритъ, отцу скажу. Чтò-жь, извѣстно, я тятеньки боюсь! Ты, говорю, пи... пи... піять меня хочешь... Чтò же, піяй! Отольются тебѣ мои слезы... Цѣлую недѣлю, Дарья Агафоновна, я плакалъ на-взрыдъ, а вотъ нынче съ горя выпилъ... не могъ я этого прео... переломить въ себѣ!

Даша.

Охъ, горюшко!

Вася (*плачетъ*).

Я человѣкъ, у меня сердце, душа есть... чай, она чувствуетъ... Я, вѣдь, не каменный!.. У него жена есть, а я сирота... у меня нѣтъ никого...

Даша (*встаетъ*).

Тетушка, матушка! (*Афимья входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же и Афимья.

Даша.

Тетушка, поскорѣй соберите меня... я ѣду къ своимъ... пѣшкомъ уйду, бѣгомъ убѣгу!..

Афимья.

Да что ты?

Даша.

Злодѣй-то мой, тетушка, совсѣмъ меня бросилъ!.. Тетушка, у него есть полюбовница!.. Вотъ отчего онъ дома-то не живетъ.

Афимья.

Ой! что ты? Ахъ, родная!

Даша.

Не онъ-ли мнѣ клялся, всю душу-то проклялъ, божившись, что одну меня любить будетъ, а теперь нашелъ себѣ здѣсь какую-то... (*Подходитъ къ Васѣ и толкаетъ его*). Кто она такая, а? (*Вася молчитъ*). Спитъ! Поскорѣй, тетушка, поскорѣй... Поѣду въ Рогожскую, найму лошадей. Легче мнѣ не видать его совсѣмъ, чѣмъ вѣкъ съ нимъ горе мыкать. Будетъ, пожили. Прощай, Петръ Ильичъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Изба на постоялом дворѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Спиридоновна и Яковъ.

Спиридоновна.

Ну, ну, закладывай ступай.

Яковъ.

Что̀-жь, Анна Спиридоновна, я тебѣ за овесъ деньги отдалъ сполна, значитъ, какъ есть.

Спиридоновна.

Ну, отдалъ — и конецъ.

Яковъ.

Да извѣстно... что̀-жь такое... дѣло масляничное, можно нашего брата и винцомъ похолить.

Спиридоновна.

Ужь вы, жиды, изъ души вытянете. (*Подноситъ водку*).

Яковъ (*пьетъ и утирается*).

Покорнѣйше благодаримъ.

Спиридоновна.

А въ Буньковѣ Мишкѣ кривому сдай.

Яковъ.

Оно это точно, что̀-жь говорить, Мишка кривой супротивъ другихъ ловчѣй будетъ. Только теперь староста на буньковскихъ ямщиковъ приказъ написалъ: если будете, примѣрно, метать промежъ себя и тащить, котора половина больше, такъ и тащите, а имъ чтобы не галдить, и чтобы супротивъ говорить не смѣли. (*Входитъ Груша*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Груша.

Груша (*подпрыгивая и похлопывая руками*).

Ухъ, какъ перезябла вся, бѣда!

Спиридоновна.

А неволя стоять на морозѣ-то? Точно тебя изъ избы-то гонятъ.

Груша.

Да ужь больно весело на улицѣ-то: парни гуляютъ, дѣвки гуляютъ, пѣсни играютъ, не ушелъ-бы отъ нихъ, кажется. Я погрѣюсь да опять пойду. Что̀-то мнѣ сегодня ужь больно весело, дѣвкѣ.

Спиридоновна.

А то неужто скучать? Объ чемъ это? Живемъ хорошо, ожидаемъ лучше. (*Ямщику*). Ты что̀ здѣсь толчешься-то? Ступай закладывай.

Яковъ (*почесываясь*).

Да ужь больно мнѣ... тово... неохота отъ масляной уѣзжать-то.

Спиридоновна.

Вамъ-бы все гулять! Ступай! Ступай! (*Толкаетъ его; ямщикъ уходитъ*). Поди вонъ, поподчуй купцовъ винцомъ; сидятъ тамъ, лошадей дожидаются. Пошути тамъ съ ними, побалагурь, наври имъ короба съ три, они, вѣдь, охотники.

Груша.

Да, какъ-же, нужно мнѣ къ нимъ идти!.. Пристаютъ да цаловаться лѣзутъ; смерть не люблю! Мнѣ и отъ своихъ-то парней проходу нѣтъ.

Спиридоновна.

А къ тебѣ нѣшто пристанетъ? А я такъ люблю купцовъ. Я вотъ десять лѣтъ постоялый дворъ держу, десять лѣтъ, какъ въ огнѣ горю, ни одному мужику противъ меня не потрафить, такъ ужь навидалась я ихъ. Я послѣ покойника-то твоего отца молоденькая осталась; тогда еще мы въ Буньковѣ держали. Бывало, наѣдутъ — пей, гуляй, веселись! Уважаю даже купцовъ за ихъ жизнь. Только держи себя въ струнѣ: языкомъ, молъ, что хошь

болтай, рукамъ воли не давай — вотъ мой обычай! Этотъ... какъ его?.. Петръ Ильичъ, что̀-ли? Что̀ онъ больно часто повадился?

Груша.

Ничего, ходитъ такъ себѣ, для время провожденія. Не гонять-же его.

Спиридоновна.

Зачѣмъ гонять, можетъ и пригодится. Ты его, Груша, блюди, приголубливай, только не больно поваживай. Женись, молъ, вотъ и все тутъ, и хлопотать не объ чемъ, а на бобахъ-то, молъ, насъ не проведешь. А до той поры пущай ходитъ да гостинцевъноситъ. Что̀ имъ въ зубы-то смотрѣть!

Груша.

Ишь ты, мать! Какъ-же, охота мнѣ замужъ! по тѣхъ поръ и погулять, пока въ дѣвкахъ. Еще за мужемъ-то наживуся! Гуляй, дѣвка, гуляй я!

Спиридоновна.

Не вѣкъ-же тебѣ въ дѣвкахъ-то сидѣть, а вышла за человѣка хорошаго да за богатаго, и ходи, какъ пава... Фу ты, ну ты!.. Толь не житье! Пей, ѣшь на поданномъ, ложись на постланномъ, только врозь ползи. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Груша (*одна*).

За мужемъ-то жить трудно! Угождай мужу, да еще какой навернется... Всѣ они холостые-то хороши!.. Еще станетъ помыкать тобой. А дѣвкамъ намъ житье веселое, каждый день праздникъ, гуляй себѣ — не хочу! Хочешь — работай, хочешь — пѣсни пой!.. А приглянулся-то кто, развѣ за нами усмотришь. Хитрѣй дѣвокъ народу нѣтъ. (*Поетъ пѣсню; Спиридоновна и Петръ входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Груша, Спиридоновна и Петръ.

Спиридоновна.

Вотъ я къ тебѣ гостя привела. Садись, Петръ Ильичъ. Скидай шубу-то.

Петръ.

Ненадо. Я на минуту къ вамъ, проѣздомъ заѣхалъ.

Груша.

Отчего-жь на минуту? Посиди.

Петръ.

Нехорошо днемъ-то: у васъ мало-ли народу толчется — увидятъ.

Груша.

А тебѣ кого бояться-то?

Петръ.

Нѣтъ, я ужо пріѣду, вечеромъ, въ тѣ поры погуляемъ.

Спиридоновна.

Сиди, сиди, небось, никто сюда не войдетъ. А ужо пріѣзжай, милости просимъ. Выпей-ка винца.

Петръ.

Не хочу.

Спиридоновна.

Полно ломаться-то. Выпей.

Петръ.

Ну, давай. (*Пьетъ*). Спасибо.

Спиридоновна.

Вотъ такъ-то... на здоровье! Смоталась совсѣмъ, и день, и ночь пьяна, дымъ коромысломъ; такая ужь эта недѣля, право. (*Уходитъ; Груша затворяетъ за ней дверь*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Груша и Петръ.

Груша.

Чтò ты такой сердитый? На меня, чтò-ль, сердитъ?

Петръ.

Я нынче не въ себѣ, скучно, дѣла такія есть.

Груша.

А ты не скучай! Чтò за скука!.. Такъ-то, голубчикъ мой бѣленькой. (*Поетъ*).

«Какъ у молодца, у удалаго,
Печаль тоска не бывала;
Что сегоднешнюю-то темну ночь
Печаль тоска обуяла.»

Петръ.

Ужь очень я тебя люблю! Надоть такъ думать, ты меня приворожила чѣмъ ни-на-есть!

Груша.

Что̀ ты! Господь съ тобой!

Петръ.

Возьми ты вострый ножъ, зарѣжь меня, легче мнѣ будетъ.

Груша.

Да что̀ съ тобой сдѣлалось?

Петръ.

Несчастный я человѣкъ! Ничего я не пойму, ничего не соображу. Голова моя вся кругомъ пошла! Ровно туману кто напустилъ на меня!

Груша.

Да отчего такъ? Скажи.

Петръ.

Говори ты мнѣ прямо, такъ, чтобъ ужь я зналъ: любишь-ли ты меня?

Груша.

А то скажешь — нѣтъ? Извѣстно, люблю.

Петръ.

Ой-ли? Вѣрно твое слово?

Груша (*обнимая его крѣпко*).

Вотъ какъ люблю!.. вотъ!

Петръ.

Груша, такъ ты меня такъ любишь? Ну, пропадай все на свѣтѣ! Скажи ты мнѣ теперь: загуби свою душу за меня! Загублю, глазомъ не сморгну.

Груша.

Что̀ ты, что̀ ты?! Нехорошо! Нѣшто такія слова говорятъ? Въ какой часъ скажется. Вотъ у насъ кузнецъ Еремка, все этакъ душой-то своей клялся, въ преисподнюю себя проклиналъ... Ну,

что̀-жь, сударь ты мой... такая-то страсть!.. И завелъ его на сѣновалъ подъ крышу. Насилу стащили, всего скорчило. Ужь такой-то этотъ Еремка распостылый! Какихъ бѣдъ съ нимъ не было! Два раза изъ прорубя вытаскивали, а ему все какъ съ гуся вода.

Петръ.

Что̀ мнѣ себя жалѣть-то? Ужь и такъ пропащая моя голова. за одно нропадать-то! Говори, мое солнышко, чего тебѣ нужно: золота, серебра, каменьевъ самоцвѣтныхъ — себя заложу, а тебѣ подарю.

Груша.

Ничего мнѣ, голубчикъ ты мой бѣленькой, ненадо, всего у меня довольно. А ты вотъ что̀, парень, люби ты меня, какъ я тебя люблю.

Петръ.

Эхъ, дѣвка! Что̀ балясы-то точишь! Видишь, я въ какомъ разѣ! Проси, чего хочешь. Дорогаго проси!

Груша.

Чего у тебя просить-то! А вотъ что̀: ходи почаще, носи пряничковъ послаще, да еще ленту поалѣе, да гляди на меня помилѣе, да цалуй покрѣпче... ха, ха, ха!.. Да вотъ еще я у тебя давно хотѣла попросить: купи ты мнѣ перстенечекъ.

Петръ.

Ужо два привезу.

Груша (*поетъ*).

«Мнѣ не дорогъ твой подарокъ,
Дорога твоя любовь!
Золото твое колечко
Прижму ко сердечку.»

У насъ, у всѣхъ дѣвушекъ есть... ну, понимашь... пріятели. Посмотри въ праздникъ, сколь хорошо: на улицѣ сидятъ всѣ вмѣстѣ; а ты вотъ со мной никогда не погуляешь. По крайности я перстенекъ покажу, что есть у меня такой парень, который меня вѣрно любитъ. Ты пріѣзжай ужо пораньше, заложимъ тройку, насажаемъ дѣвокъ, поѣдемъ кататься съ пѣснями.

Петръ.

Давай руку. (*Беретъ руку*). Значитъ, кончено! (*Ударяетъ ее по рукѣ. Груша киваетъ головой*). Такъ на кой намъ шутъ дѣвокъ! Мы двое поѣдемъ.

Груша.

Чтò-жь не поѣхать!

Петръ.

Поѣдешь?

Груша.

Извѣстно, поѣду.

Петръ (*цалуетъ Грушу*).

Вотъ это люблю! Это по-нашему. Поди, посмотри, нѣтъ-ли кого въ избѣ, либо на дворѣ.

Груша.

Чтò такъ скоро? Посиди.

Петръ.

Теперь нѐкогда. Еще вечеръ-то нашъ.

Груша.

Ну, нельзя, такъ ненадо. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Петръ (*одинъ*).

Ухъ! Загуляю! Эку паву поддѣлъ! Насъ-ли дѣвушки не любятъ? (*Груша входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Петръ и Груша.

Груша.

Ступай, никого тамъ нѣтъ, только какая-то старушка пріѣхала, не здѣшняя.

Петръ.

Ну, прощай!

Груша.

Прощай, соколикъ. (*Петръ уходитъ*). Какія мы дѣвки баловницы! Вотъ приласкай парня, онъ и не отстанетъ, и будетъ подлѣ тебя убиваться. Только чтой-то онъ иной разъ такой хорошій, веселый, а иной разъ чудной такой? Что̀-нибудь у него на душѣ есть. Можетъ, онъ что̀ недоброе затѣваетъ... такъ мы съ матушкой и двери покажемъ, у насъ не долго! А все будетъ жаль. Вотъ шуткой, шуткой, а вѣдь, какъ полюбила, ажно сердце ноетъ, такъ вотъ и бьется, ровно голубь. (*Входитъ Степанида*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Груша и Степанида.

Степанида.

А что̀, дѣвонька, погрѣться-бы у васъ тутъ у печки, можно?

Груша.

Погрѣйся, тетенька.

Степанида.

Я вотъ одеженку-то тутъ положу, да мѣшечки-то вотъ... Изломало всю... да прозябла немножко; не близко, вѣдь, ѣхать-то. третьи сутки въ дорогѣ. А дорога-то, милая, извѣстно, масляница, не первый путь. Охъ, охъ, охъ. Въ Москву со старикомъ. дѣвушка, пріѣхали, дочку навѣстить, да не знаемъ, гдѣ найтить-то. Пообогрѣемся, ночку переночуемъ, а завтра пойдемъ поищемъ.

Груша.

Какъ-же это ты, тетенька, не знаешь, гдѣ дочь найти?..

Степанида.

Въ Москвѣ-то всего въ первой, толку-то не скоро найдешь: опять-же время къ вечеру.

Груша.

Что̀-жь, она у васъ здѣсь замужемъ?

Степанида (*усаживается у печки*).

А вотъ, дѣвонька, видишь ты, какое дѣло-то вышло. Городъ-

то нашъ на проѣзжей дорогѣ; мѣщане мы. Живемъ-то хоть бѣдненько, а домишко-то у насъ хоть куда. Вотъ и останавливаются у насъ купцы и баре, случается. Семья-то у насъ небольшая была: я съ мужемъ, да дочка Дашенька; хозяинъ-то у меня ужь староненекъ. Останавливался у насъ проѣздомъ купецъ молодой, началъ онъ Дашу-то уговаривать да улещать. Намъ и не вдомекъ такое дѣло. А въ прошломъ году, около святокъ, и сманилъ ее у насъ.

Груша.

Ишь ты, а!

Степанида.

Сманилъ, сманилъ. Горя-то, горя-то что̀ было! Ну да ужь, нѐчего дѣлать, не воротишь. Только получаемъ мы отъ нея письмо изъ Москвы. Вотъ оно и теперича со мною... Все такъ съ собой и ношу. Пишетъ, проситъ прощенія и благословенія отъ насъ нерушимаго, и что какъ пріѣхали они въ Москву, онъ на ней женился, и у него семья и торговля, все какъ слѣдуетъ, и что живетъ она благополучно и съ мужемъ въ любви.

Груша.

Видишь ты, счастье какое! За купца за богатаго!.. Подитка ты!.. Знать изъ себя хороша?

Степанида.

Ужь куда хороша!.. Не знаю, теперь какъ; можетъ, горе-то ее повысушило, а допрежъ-то этого была такая красавица, полная да бѣлая... Вотъ хоть съ себя примѣръ возьми.

Груша.

Ну, что̀ я за красавица, помеломъ нарисованная.

Степанида.

Нѣтъ, что̀-жь, ты хорошая дѣвушка, видная, и тебя, гляди, хорошій женихъ возьметъ.

Груша.

Да, вѣдь, это, тетенька, какое счастье выдетъ; не родись пригожъ, а родись счастливъ.

Степанида.

Не завидуй, дѣвушка, чужому счастью. Вотъ мы-было и порадовались, что такъ далъ ей Богъ. Должно быть, честный че-

ловѣкъ, хорошій, на ея долю вышелъ. Да какъ и не порадоваться? Своя кровь, своя болѣзнь. Только, послѣ этого письма, она намъ ничего и не писала, и слуху о ней не имѣли — жива она. или нѣтъ. Сбирались ѣхать, да не на кого дома оставить; а вотъ недавнушко слышали мы отъ проѣзжихъ людей, что мужъ-то съ ней сталъ дурно жить, загуливать, хмѣлемъ зашибаться. Нѣчего дѣлать, собрались со старикомъ да и поѣхали. Ну, тамъ, конечно, родня богатая, еще какъ примутъ: бываетъ, мать-то и выгонютъ. Скука-то меня больно обуяла безъ дочушки-то!.. Всѣ глазыньки выплакала, отъ питья, отъ ѣды отбило... Сама, милая, посуди.

Груша.

Извѣстное дѣло. (*Агафонъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же и Агафонъ.

Степанида.

Что̀ это ты, старина, замѣшкался?

Агафонъ (*распоясываясь*).

Я все съ лошадкой: отпрегъ, поставилъ на мѣсто, сѣнца далъ. Животинку-то жалѣть надо; вѣдь, она не скажетъ. Ну, вотъ, старуха, Богъ далъ, и пріѣхали, а ты все торопилась. Зачѣмъ торопиться-то? Тише ѣдешь, дальше будешь.

Степанида.

Да мнѣ больно доченьку-то увидать хотѣлось.

Агафонъ.

Вотъ и увидишь, коли Богъ дастъ. Все своимъ чередомъ, торопиться-то никогда ненадо.

Степанида.

Ужь я не чаяла и дожить-то. Ноги-то старыя, а то-бы такъ и побѣжала.

Агафонъ.

Что̀ бѣжать-то? Ну, что̀ бѣжать-то? Зачѣмъ? Баба дура, зачѣмъ? А мы смирненько придемъ, скромненько... всему свое

время, свой предѣлъ. Достань-ка мнѣ лепешечку изъ мѣшка, пожуемъ пока.

Степанида (*достаетъ*).

Нà тебѣ помягче, а то не угрызешь.

Агафонъ.

Ну, хорошо, ладно. Вотъ это мнѣ по зубамъ. (*Ѣдятъ молча*).

Степанида.

Чтò-то наша Даша дѣлаетъ теперь, поглядѣла-бъ хоть однимъ глазкомъ.

Агафонъ.

Чтò? Извѣстно чтò — свое дѣло дѣлаетъ; хозяйство есть, чай хлопочетъ; люди богатые, не то, что мы.

Степанида.

А, вѣдь, какъ, чай, трудно ей, бѣдной, въ чужой-то семьѣ.

Агафонъ.

Не въ чужой, а въ своей.

Степанида.

Да говорятъ, что мужъ-то ее не любитъ.

Агафонъ.

Мало чтò говорятъ: не всякому слуху вѣрь.

Степанида.

А ужь какъ она, бѣдная, намъ рада-то будетъ.

Агафонъ.

Извѣстно, рада будетъ. А все, старуха, чай, маленько зазорно будетъ на стариковъ-то своихъ смотрѣть. Какъ ты думаешь, а?

Степанида.

Чтò-жь зазорно? Богъ ей судья, мы сами не безгрѣшные.

Агафонъ.

Извѣстно, не безгрѣшные... А все какъ-то тово... дѣтищу-то противъ родителей... какъ будто негодится.

Степанида.

Чтò-жь, Агафонъ Потапычъ, ты, вѣдь, въ тѣ поры самъ первый ее простилъ.

Агафонъ.

Что-жь не простить! Я любовь къ ней имѣю, потому одна, а кого любишь, того и простишь... Я и врагу прощу, я никого не сужу. Да развѣ я одинъ судья-то? а Богъ-то? Богъ-то проститъ-ли? Можетъ, отъ того и съ мужемъ-то дурно живетъ, что родителей огорчила. Вѣдь, какъ знать? (*Спиридоновна и Даша входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ-же, Спиридоновна и Даша.

Спиридоновна.

Сейчасъ, матушка, сейчасъ, подожди немного, красавица. Лошадокъ заложутъ тебѣ хорошихъ, мигомъ довезутъ. Посиди вотъ тутъ, подожди.

Даша (*садится къ столу*).

Хорошо, я подожду.

Спиридоновна.

Что̀ ты, никакъ плачешь? По родителямъ, что̀-ли? Аль горе какое есть?

Даша.

Нѣтъ, такъ, ничего.

Спиридоновна.

Что̀ тосковать-то, ныньче масляница. Гляди-ка, народъ-то скружился совсѣмъ. Масляница, вѣдь, одинъ разъ въ году бываетъ, не уважать-то ее нельзя. А ужь, правду матку тебѣ сказать, бѣда, какъ голова болитъ.

Агафонъ.

Кому масляница, кому и великій постъ. Охъ, охъ, охъ...

Спиридоновна.

Вѣстимо, что такъ. (*Къ Грушѣ*). Сунь-ка, Груша, въ печку давишніе блины-то, годятся къ ужоткому, къ ужину.

Груша.

Сейчасъ, матушка. (*Беретъ ухватъ*).

Спиридоновна.

Подальше подвинь, подальше. Ну, да вотъ эти-то... да вотъ горшечекъ-то. (*Груша сажаетъ и опирается на ухватъ*).

Даша (*говоритъ на распѣвъ, сквозь слезы*).

«Полечу я пташечкой кукушечкою,
Полечу на матушкину на сторонушку.»

Степанида.

Что̀ это бабочка-то больно тоскуетъ?

Агафонъ.

Знать не легко, коли тоскуетъ.

Даша (*продолжаетъ*).

«Сяду я во садикѣ да на яблоньку,
Запою младешенька жалкимъ голосомъ.»

Степанида.

Не наша-ли горькая съ чужой стороны?

Агафонъ.

Что̀ ты, что̀ ты, старуха!

Степанида.

Семъ-ка я погляжу пойду. (*Подходитъ къ Дашѣ*).

Даша (*встаетъ*).

Матушка, ты-ли это?

Степанида.

Дочушка!.. Дашенька! (*Даша кидается къ ней на шею*). Дитятко ты мое родимое, солнышко мое красное, заря ты моя восхожая, сокровище ты мое ненаглядное!.. (*Садится*). Потапычъ, поди-ка, свѣтъ, сюда.

Агафонъ (*подходитъ*).

Что̀ тамъ у васъ?

Даша (*встаетъ*).

Батюшка! прости ты непокорную. (*Кланяется*).

Агафонъ.

Ну, что̀ ты, что̀ ты?.. Ну, Богъ съ тобой, Богъ съ тобой!.. (*Садится*).

Степанида.

Ужь и гдѣ-же я тебя встрѣтила!.. Не ждала-то я, не чаяла...

Даша.

Ахъ, тятенька, въ глаза-то тебѣ глядѣть мнѣ совѣстно.

Агафонъ.

Ну, что̀ про старое толковать!.. Богъ съ тобой! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Куда ты это, дочка, собралась-то — скажи ты мнѣ?

Даша.

Къ вамъ, тятенька, собралась.

Агафонъ.

Ну, это хорошо, доброе дѣло, что вспомнила. Что̀-жь тебя мужъ-то отпустилъ?

Даша.

Нѣтъ, тятенька.

Агафонъ.

Какъ-же это нѣтъ? Какъ-же нѣтъ?

Даша.

Да что̀, тятенька, передъ вами мнѣ утаивать не слѣдъ: жили мы сперва съ Петромъ Ильичемъ очень хорошо, любилъ онъ меня. (*Груша вслушивается*). Потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сталъ загуливать, пить, дома не бываетъ, со мной только-что ссорится...

Агафонъ.

Ну, что̀-жь, ну, что̀-жь?

Даша.

Каждый день брань да ссора. Ну ужь, такъ и быть, перенесла-бы я это горе: сама виновата, безъ воли родительской пошла за него. А то, матушка ты моя, родная ты моя, промѣнялъ онъ меня на какую-то... (*Ложится на шею къ Степанидѣ*). Легко-ли это моему сердцу!

Степанида.

Что̀ ты? дитятко мое, что̀ ты?

Даша.

Нынче, нынче мнѣ Вася сказывалъ, къ намъ ходитъ. (*Махнувъ рукой*). Пріятель его!.. (*Со слезами*). Мой-то холостымъ, видишь ты, прикинулся!.. (*Опять ложится на плечо*).

Груша (*бросая ухватъ*).

Ахъ, матушка! ахъ, ахъ!..

Даша.

Разлучили меня съ другомъ милымъ, съ сердечнымъ моимъ....

Груша.

Охъ!.. Сердце мое!

Даша.

Разлучила меня съ нимъ злая разлучница!

Груша.

Матушка! Да, вѣдь, это я, разлучница-то!

Спиридоновна.

Что̀ ты плачешь-то? На нихъ, что̀-ли, глядя?

Агафонъ.

Ну, такъ что̀-жь ты? Ну, что̀-жь ты?

Даша.

Къ вамъ, батюшка, собралась ѣхать, опять жить съ вами, съ моими родными.

Агафонъ.

Какъ къ намъ? Зачѣмъ къ намъ? Нѣтъ, поѣдемъ, я тебя къ мужу свезу.

Даша.

Нѣтъ, батюшка, не поѣду я къ нему.

Агафонъ.

Да ты пойми, глупая, пойми — какъ я тебя возьму къ себѣ? Вѣдь, онъ мужъ твой? (*Встаетъ*). Поѣдемте. Что болтать-то пустяки, чего быть не можетъ! Собирай, старуха, одежонку, собирай... Какъ ты отъ мужа бѣжишь, глупая!.. Ты думаешь, мнѣ тебя не жаль? Ну, вотъ всѣ вмѣстѣ и поплачемъ о твоемъ горѣ — вотъ и вся наша помощь! Что̀ я могу сдѣлать? Поплакать съ тобой — я поплачу. Вѣдь, я отецъ твой, дитятко мое, милое мое! (*Плачетъ и цѣлуетъ ее, потомъ беретъ свою одежду и подходитъ къ ней*). Ты одно пойми, дочка моя милая: Богъ соединилъ, человѣкъ не разлучаетъ. Отцы наши такъ жили, не жаловались — не роптали. Ужели мы умнѣе ихъ? Поѣдемъ къ мужу. (*Беретъ ее за руку и уходитъ, Степанида за ними*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Груша и Спиридоновна.

Груша (*плача*).

Матушка, да, вѣдь, онъ женатый!

Спиридоновна.

Кто онъ-то?

Груша (*садясь къ столу и закрывая лицо руками*).

Петръ Ильичъ!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Комната втораго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Груша (*сидитъ у стола*), Спиридоновна (*входитъ*).

Спиридоновна.

Что̀ ты сидишь-то тутъ, безстыдница! Тамъ сосѣдки пришли, а ты и глазъ не кажешь.

Груша.

Не пойду я къ нимъ.

Спиридоновна.

Вотъ еще что̀ выдумала! На что̀ это похоже? Сама звала, а теперь прячешься.

Груша.

Да, хорошо имъ!.. Имъ весело.

Спиридоновна.

А у тебя поди-ка какое горе!.. Плюнуть да и все тутъ. Вотъ погоди, приди онъ только, мы его такъ турнемъ, что онъ своихъ не узнаетъ... Чтобы онъ мелкимъ бѣсомъ не разсыпался да дѣвокъ не сманивалъ.

Груша.

Что̀ онъ не идетъ-то? Ужь мнѣ-бы поскорѣй сердце сорвать! Такъ-бы изругала, такъ-бы изругала! Ужь подвернись онъ только теперь мнѣ!.. Погоди-жь ты, постылый ты человѣкъ!

Спиридоновна.

Да, нужно очень связываться-то!.. Велика невидаль! Мой обычай: поворотъ отъ воротъ, да изъ головы вонъ! Неужели-жъ еще думать!.. Поставь-ка орѣшковъ на столъ да позови дѣвокъ-то сюда. Полно дурачиться-то, чтò за слезы!..

Груша (*встаетъ и ставитъ на столъ закуски*).

Вотъ только съ сердцемъ-то не сообразишь, а то не стòитъ онъ того, чтобы объ немъ плакать-то. Пойду пѣсню запою, со зла, во все горло, что только духу есть! (*Уходитъ, слышится заунывная пѣсня*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Спиридоновна, *потомъ* Груша и дѣвушки.

Спиридоновна.

Молодецъ у меня Груша! Вся въ меня, вотъ какъ я была съ молоду... Еще погулять хочется, молода очень. Ну, чтò-жъ, пущай погуляетъ, себя потѣшитъ. За этой дѣвкой матери нѐчего смотрѣть, мать спи спокойно; ее не скоро оплетешь. Золото, а не дѣвка! (*Слышится хоровая пѣсня*). Ну, загуляли мои дѣвушки!.. Эхъ, не прежніе мои года, подурачилась-бы съ ними. (*Входитъ Груша и дѣвушки*). Ну, чтò-жъ замолчали? Попойте, повеселитесь, а я пойду велю вамъ двои сани запречь, кататься поѣдете.

Нѣкоторыя дѣвушки.

Благодаримъ покорно, Анна Спиридоновна! Вотъ весело! (*Спиридоновна уходитъ*).

Груша.

Дѣвушки! Я нынче гулять хочу! Всю ночь проѣздимъ, пѣсни прокричимъ.

Одна дѣвушка.

Чтò такъ?

Груша.

Хочу себя потѣшить, своему сердцу волю дать. О! да чтò тутъ

разговаривать! Давайте винца выпьемъ, пока матушка не пришла. (*Достаетъ изъ поставца вино*).

Нѣкоторыя дѣвушки.

Что̀ ты, что̀ ты!

Груша.

Я впередъ дорогу покажу. Ну-ка, впервой съ роду... (*Пьетъ*). Ой, какъ горько! Какъ это люди-то пьютъ! Дайте пряничка. Та̀къ ужь съ горя выпила, обидѣлъ меня одинъ человѣкъ. Пейте, дѣвушки, не ломайтесь, только поскорѣе! (*Подноситъ вино; нѣкоторыя пьютъ; всѣ хохочутъ; входитъ Еремка съ балалайкой*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Еремка.

Еремка.

Нашъ атласъ нейдетъ отъ насъ. Всѣ-ли вы здѣсь?

Дѣвушки.

Ахъ, ахъ! Еремка пришелъ! Еремка пришелъ!

Груша.

Ты зачѣмъ сюда? Непрошенный гость хуже татарина.

Еремка.

Да ты что̀? Какіе нынче дни-то! Ты вспомни! А еще хозяйка! Ты меня сперва-на-перво винцомъ поподчуй, а потомъ я съ вами прощаться стану. (*Утираетъ губы*).

Дѣвушки.

Ишь ты что̀ выдумалъ! Какже, дожидайся.

Груша (*поднося вина*).

На̀, выпей, да и убирайся, откуда пришелъ.

Еремка (*пьетъ*).

Нѣтъ ужь, онъ, видно, не уйдетъ; мнѣ и здѣсь хорошо.

Груша.

Ну, какъ хочешь, мы тебя къ себѣ не пустимъ.

Еремка.

Не пустите? Я, вѣдь, колдунъ: я съ вами шутку сшучу, всѣхъ назадъ затылкомъ оборочу. (*Дѣвушки смѣются*).

Груша.

Садитесь, дѣвушки. (*Дѣвушки садятся вокругъ стола*). Тебѣ и мѣста нѣтъ.

Еремка.

Я и на полъ сяду, коли мѣста нѣтъ, не великъ баринъ. (*Садится и запѣваетъ*).

«Я на камушкѣ сижу,
Я топоръ въ рукахъ держу.
Ай люли, ай люли!
Я топоръ въ рукахъ держу...»

Груша.

Что его слушать-то, дѣвушки, запѣвайте пѣсню.

Дѣвушки (*поютъ*).

«Исходила младенька всѣ луга и болота,
Всѣ луга и болота, всѣ сѣнные покосы.
Пристигала младеньку меня темная ночка.»

(*Входитъ Петръ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Петръ.

Петръ (*у двери*).

Вотъ я къ веселью-то какъ разъ. Миръ вамъ и я къ вамъ.

Груша.

Милости просимъ! А мы только хотѣли кошку въ лапти обувать да за вами посылать.

Петръ.

Здравствуй, Груша! Здравствуй, моя лапушка! Здравствуйте, дѣвушки.

Груша.

Здравствуйте и благодарствуйте!

Петръ.

Ну, дѣвушки, гуляйте, я вамъ гостинцу принесъ.

Груша.

Благодаримъ покорно, у насъ свой есть, намъ чужаго ненадобно.

Еремка.

Давай мнѣ, коли имъ ненадобно. (*Дѣвушки смѣются*).

Петръ.

Что̀ ты, Грушенька! Аль на тебя нашло что̀?

Груша.

Я пьяна! (*Хохочетъ*).

Петръ.

Что̀ ты, что̀ ты? Подойди-ка ко мнѣ, поцалуемся.

Груша.

Какже, дожидайся!

Еремка.

Купецъ! ты легонько, сироту не задави. (*Всѣ смѣются*).

Груша.

Послушайте, дѣвушки красавицы, я вамъ притчу скажу. Была нѣкоторая дѣвка. Ну, вотъ, хорошо. Только дѣвка-то дура. Ходилъ парень къ этой дѣвкѣ, разныя рѣчи говорилъ, только все обманывалъ: я, говоритъ, холостой, богатый, такой сякой, немазаный. Я тебя люблю, за себя замужъ возьму... А выходитъ на дѣлѣ-то — онъ женатый.

Петръ (*строго*).

Что̀ ты, шутишь, или смѣешься?

Груша.

Эхъ, совѣсть, совѣсть!

Петръ.

Аль насказалъ тебѣ кто? Говори прямо.

Груша.

Кто-бы не сказалъ, да сказалъ.

Петръ.

Это тебя смущаютъ только, обманываютъ, а ты и рада вѣрить всякому.

Груша (*смѣется*).

Ну, хорошо! Обманули, такъ обманули. Будь ты честный человѣкъ, только отъ насъ подальше. Еремка, давай сироту споемъ.

Еремка.

Давай, запѣвай.

Груша (*поетъ*).

«Сирота-ль ты моя, сиротинушка,
Ты запой, сирота, съ горя, пѣсенку.»

Еремка

«Хорошо пѣсни пѣть пообѣдавши:
Ужь и я-ль, сирота, да не завтракалъ,
Я не завтракалъ, да вечоръ не ужиналъ»

Груша.

«Разскажи, сирота, хоть намъ сказочку.»

Еремка.

«Хорошо говорить вина выпивши,
Вина выпивши, вдоволь выспавшись:
Ужь я-ль, сирота, я не выпивши,
У меня, сироты, нѣту хлѣбушка,
Нѣту хлѣбушка, соли, нѣту кислыхъ щей.»

Купецъ, давай денегъ на капусту.

Петръ.

Пошелъ прочь! (*Садится у печи*). Только-бъ мнѣ добраться, кто это тебѣ насказалъ, ужь не увернулся-бы у меня, задалъ-бы я ему память. Васька, что-ли? Убью я его.

Груша.

Васю мы и въ глаза не видали. Что на людей-то сваливать, коли самъ виноватъ.

Петръ (*встаетъ*).

Нѣтъ, это, Груша, не то. Не вѣрь ты никому!.. Все вороги мои, разлучить насъ съ тобой хотятъ, погубить меня хотятъ! Развяжи ты меня, скажи: шутишь, что-ли?

Груша.

Не кажись ты мнѣ на глаза! Была глупа, теперь не обманешь! Только нашу бесѣду разстроилъ! Хоть-бы Вася пришелъ, потѣшилъ-бы насъ. (*Къ дѣвушкамъ*). Вотъ, дѣвушки, люблю парня: не надсмѣшникъ, не обманщикъ, милый человѣкъ, можно ему чести приписать; не то, что какъ есть люди, которые могутъ завсегда лгать, говорятъ одно, а на умѣ другое. (*Вася входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Вася.

Петръ.

Ты зачѣмъ?

Груша (*встаетъ и беретъ Васю за руку*).

А ты изъ чужаго дома не гони, не спросясь хозяина. Поди сюда, Вася, не бось.

Вася.

Зачѣмъ? Тебѣ что̀ за дѣло? Взялъ да и пришелъ. Что̀-жь такое? Ныньче масляница, ужь и не погулять мнѣ. Ишь ты какой ловкой!

Груша.

Что̀-жь ты, Вася, не цалуешься со мной? Цалуйся со всѣми: ныньче дни прощеные.

Вася.

Ой, что̀ вы! (*Цалуется со всѣми*). Да, вѣдь, вотъ онъ тятенькѣ пожалуется. Что̀-жь хорошаго.

Петръ.

Что̀-жь вы со мной дѣлаете, окаянные! Али вамъ погибели моей хочется?

Груша.

Вѣдь, ты холостой?

Вася.

Извѣстно, холостой.

Петръ.

Прощай, Груша! Коли со мной что̀ недоброе сдѣлается, на твоей душѣ грѣхъ будетъ. Я голова отпѣтая, ты меня знаешь. (*Подходитъ къ двери*).

Груша.

Ты, Вася, женишься на мнѣ?

Вася.

Я-бы радъ радостью, да какъ тятенька позволитъ.

Груша.

А ты попроси.

Вася.

Ужь вотъ какъ буду просить! Въ ногахъ кланяться.

Петръ (*у двери*).

Ну, Васька, помни ты это! Ты лучше мнѣ и на глаза не попадайся! Я тебѣ напередъ говорю. Я теперь въ себѣ не властенъ.

Вася.

Да что̀ ты присталъ-то? Я, братъ, ничего, право слово, ничего.

Петръ.

Ужь я знаю что̀.

Груша.

Не знаешь ты ничего!

Спиридоновна (*въ дверяхъ*).

Ступайте, дѣвушки, кататься, лошади готовы.

Груша.

Пойдемте, дѣвушки; пойдемъ, Вася.

Петръ (*беретъ ее за руку*).

Груша, поѣдемъ со мной.

Груша.

Какъ не ѣхать!

Петръ.

Поѣдемъ, говорю я тебѣ.

Груша.

Что̀ ты, разбойничать, что̀-ли?

Петръ.

Не пущу я тебя!

Груша.

И радъ-бы не пустить, да пустишь. Воевать-то много не дадимъ. (*Тихо*). Ты думаешь, мнѣ Вася сказалъ? Жена твоя была здѣсь. Понялъ ты теперь? Вотъ тебѣ и сказъ!

Петръ (*хватаетъ себя за голову*).

Жена!

Груша.

Запѣвайте, дѣвушки, пѣсню. (*Обращаясь къ Петру*). Ходите почаще — безъ васъ веселѣй! (*Обнимая Васю*). Запѣвайте, дѣвушки, пѣсню, величайте насъ, будто жениха съ невѣстой.

Еремка.

Возьмите меня съ собой.

Груша.

Пожалуй, и ненадо.

Еремка.

Ну, я не заплачу. (*Дѣвушки запѣваютъ пѣсню и уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Петръ и Еремка.

Петръ (*подходитъ къ окну; за сценой слышится продолженіе пѣсни, смѣхъ и звонъ бубенчиковъ*).

Уѣхали! (*Садится и задумывается*).

Еремка.

Купецъ, а купецъ! видно, мы съ тобой здѣсь съ тараканами остались.

Петръ (*тихо*).

Жена была здѣсь?! Зачѣмъ-же она была? Ее привелъ кто-нибудь... Кто-нибудь да привелъ. (*Вскрикиваетъ*). Что̀-жь это со мной сдѣлали! (*Закрываетъ лицо руками и опускается на столъ*).

Еремка.

Купецъ! Что̀-жь ты пріунылъ? Хочешь, потѣшу?

Петръ.

Искать меня! Слѣдить! Погоди-жь ты теперь. А ужь коли такъ, пропадай все на свѣтѣ! Покажу-жь я себя!.. Ужь я теперь надѣлаю дѣлъ!..

Еремка.

Такъ ужь, видно, тебѣ судьба.

Петръ.

Что̀?

Еремка.

Я говорю: ужь видно, такъ тому дѣлу и быть. А ты брось, не думай, а то хуже. Хочешь, я тебѣ пѣсню спою?

Петръ (*взглянувъ на него*).

Пѣсню? Какую пѣсню?

Еремка.

Вотъ какую... (*Поетъ*).

«Куманечекъ, побывай у меня,
Животочекъ, побывай у меня,
Побывай, бывай, бывай у меня.
У тебя, кума, собачка лиха!..
Охъ лиха, лиха, лиха, лиха!..
Ха, ха, ха, ха, ха, ха...»

Петръ (*приподнимаясь*).

Пошелъ прочь, пока живъ!..

Еремка.

Куда мнѣ идти-то? Я здѣшній; а тебѣ пора, дѣлать здѣсь нѐчего... Было дѣло, да собака съѣла.

Петръ.

Убью я тебя!..

Еремка.

Убьешь, такъ отвѣтишь... Купецъ, не плюй въ колодецъ, годится водицы напиться.

Петръ.

Да отвяжись ты, дьяволъ! Чтò тебѣ отъ меня нужно, а? Чтò ты за человѣкъ?

Еремка.

Изъ старыхъ нищихъ молодой обморокъ. (*Петръ смотритъ на него*). Купецъ, я слово знаю.

Петръ.

Какое слово?

Еремка.

А такое слово, что все будетъ по-нашему, какъ намъ хочется.

Петръ.

Да ты вправду, аль шутя?

Еремка.

Ужь за то берусь.

Петръ.

Слушай! Если ты меня не обманываешь, я тебя озолочу.

Еремка.

Зачѣмъ обманывать! Мы скоморохи, люди вѣжливые — обмануть не обманемъ, а своего не упустимъ, мимо рта не пронесемъ.

Петръ.

Бери ты съ меня послѣднюю рубашку, только дѣло сдѣлай. Вотъ мнѣ до которыхъ поръ приходитъ. Видишь? (*Показываетъ на шею*).

Еремка.

Зачѣмъ рубашку! Сдѣлаемъ дѣло — деньги возьмемъ; а не сдѣлаемъ — ненадо. Вотъ сперва-на-перво, значитъ, выпить надоть, другой разговоръ пойдетъ. Ты-то, купецъ, ноньче, можетъ быть, пообѣдалъ всласть, да и выпилъ что̀ слѣдуетъ, такъ тебѣ можно разговаривать; а у меня натощакъ въ горлѣ пересохло, да и языкъ-то, признаться тебѣ сказать, не шевелится.

Петръ (*дастъ деньги*).

На̀, выпей поди.

Еремка.

Ты только деньги-то дай, а еще выпить-то успѣю, наше отъ насъ не уйдетъ. (*Беретъ*). Вотъ спасибо! Теперь говорить будемъ. Я вижу, ты, купецъ, человѣкъ хорошій, съ тобой знакомство водить можно. (*Садится подлѣ него*).

Петръ.

Ну, говори, не томи.

Еремка.

Погоди. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Есть у тебя тоска-кручина, напущена эта кручина на тебя по вѣтру: тутъ безъ ворожбы дѣло не обойдется. Есть у меня такой человѣкъ, изъ простыхъ, да ловкій, половчѣй меня будетъ.

Петръ.

Страшно!

Еремка.

Страшно, такъ не ходи.

Петръ.

И можетъ онъ приворожить дѣвку, чтобъ любила, чтобъ не она надо мной, а я надъ ней куражился, какъ душѣ угодно?

Еремка.

Можетъ; его приворотъ на тысячу верстъ дѣйствуетъ. Такъ приворожитъ, что она изъ дому убѣжитъ, да къ тебѣ придетъ. Только къ нему съ пустыми руками не ходи, а надо штофъ вина да денегъ рубль. Да не со всякимъ онъ еще и разговаривать-то станетъ, а съ кѣмъ я прикажу.

Петръ.

Ну, такъ поѣдемъ.

Еремка.

Ты не больно торопись, не во всякій часъ это дѣлается, надобно знать время. Теперь еще не тотчасъ, а мы прежде пойдемъ погуляемъ. У тебя есть деньги?

Петръ.

Эхъ, голова, ты въ жизнь такой гульбы не видывалъ, что отъ меня увидишь!

Еремка.

А я тебѣ такія мѣста покажу, только ухъ! Дымъ коромысломъ. Только деньги припасай.

Петръ.

Деньги съ нами.

Еремка.

Ну и ладно. Пойдемъ. Вотъ и я съ праздникомъ. (*Поетъ*).

«Ужь и я-ли твому горю помогу.
Помогу — могу — могу — могу — могу.»

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входятъ Даша и Афимья *со свѣчкою въ рукахъ.*

Даша.

Тетенька, словно кто-то стучитъ, не онъ-ли? Посмотри-ка.

Афимья.

Какъ-же, онъ, дожидайся! Ужь теперь закатился, такъ всю ночь прогуляетъ. (*Заглядывая въ двери*). Я говорю, что никого нѣтъ. Пойдетъ онъ домой, коли ему въ людяхъ весело. Не такое чадочко, чтобъ ему дома сидѣть. (*Ставитъ свѣчу на столъ*).

Даша (*садясь къ столу*).

Пьетъ онъ мою кровь! Легко-ли дѣло, ночь на дворѣ, а онъ шатается.

Афимья.

А ты что̀ сидишь-то? Поди спать, я его одна подожду. А то еще, на грѣхъ, придетъ хмѣльной, брань заведете, что̀ хорошаго!

Даша.

Нѣтъ, ужь я подожду, у меня что̀-то сердце не на мѣстѣ: не случилось-бы съ нимъ чего-нибудь!

Афимья.

Извѣстно, гульба до добра не доведетъ... Ужь не сноситъ ему своей головы.

Даша.

Ахъ, тетушка, не говори, и такъ страшно. (*Молчаніе*). Поужинать-то приготовить, неравно спроситъ.

Афимья.

У меня ужь готово, только подать. Еще съ какимъ народомъ-то водится, кто его знаетъ. Вѣдь, народъ всякой есть: навяжется

какой оборотень, тому научить, что и подумать-то грѣхъ, не къ ночи будь сказано. (*Зѣваетъ*). Ишь ты, какъ спать хочется, ровно какъ передъ бѣдой; говорятъ, передъ бѣдой-то сонъ одолѣваетъ... Или такъ ужь, старость-то, чтò-ли? Ты-бы почитала поученьице какое на сонъ-то грядущій, я-бы послушала.

Даша (*беретъ книгу*).

Чтò-бы почитать-то? (*Прислушивается*). Тетушка, стучатъ.

Афимья.

И то стучатъ. (*Беретъ свѣчу и идетъ къ двери*).

Даша (*у двери*).

Чтò, онъ?

Афимья.

Охъ, нехорошъ! Поди-ка лучше спрячься отъ грѣха, нехорошъ пришелъ, и на меня-то ровно медвѣдь зарычалъ. (*Даша уходитъ; Петръ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Афимья и Петръ.

Петръ (*садясь*).

Ужинать!

Афимья.

Сейчасъ, батюшка, сейчасъ. (*Ставитъ на столъ ужинъ*).

Петръ.

Зажигай огня!

Афимья.

Да гдѣ-жь теперь? Ужь спятъ всѣ.

Петръ.

Дѣлай, чтò я приказываю! Разобью все въ прахъ!.. Щепки цѣлой не оставлю!

Афимья.

Ну ужь, не сердись, погоди, принесу.

Петръ (*пьетъ*).

Смѣяться надо мной! Нѣтъ, шалишь!.. Не позволю! Будетъ съ меня, посмѣялись, выгнали, а я здѣсь дома... Нѣтъ, погоди! Я имъ не дуракъ достался!.. Весь домъ на ноги подниму! Ты мнѣ

тетка, а ты меня не трожь, а то... ухъ!.. Не дыши передо мной, не огорчай меня! (*Пьетъ*). Говори правду: ходила жена со двора? (*Молчаніе*). Говори! Я тебя спрашиваю — говори!

Афимья.

Да вотъ что̀, Петръ Ильичъ, по правдѣ тебѣ сказать, не то, что она со двора ходила, а вовсе было къ своимъ собралась да уѣхала.

Петръ.

Ну, и пропадай она пропадомъ! Провались она!.. И на духъ мнѣ ея не нужно...

Афимья.

Да со стариками на дорогѣ встрѣтилась и воротилась.

Петръ.

И не кажись она мнѣ на глаза! Убью! Своими руками задушу! Она мнѣ врагъ, а не жена! Мнѣ нынче человѣкъ сказывалъ про нее, все сказывалъ, онъ все знаетъ, онъ колдунъ...

Афимья.

Что̀ ты?.. Богъ съ тобой! Съ кѣмъ ты водишься!.. Что̀ съ тобой?

Петръ.

Молчать! Онъ говоритъ, не жена она тебѣ, а змѣя лютая! Вотъ и кореньевъ мнѣ далъ... Горючь камень алатырь... Привороты всѣ знаетъ, пущаетъ по вѣтру... Тетенька!..

Афимья.

Что̀ ты? Голубчикъ!

Петръ.

Страшно мнѣ! Страшно!.. Поди, сядь со мной. (*Плачетъ*). Обижаютъ меня! Никто меня не любитъ, извести меня хотятъ!.. Всѣ на меня, и жена, и всѣ.

Афимья.

Самъ всему причиной, не на кого пенять.

Петръ.

Я пьяница, я безпутный, ну, убейте меня!.. Ну, убейте, мнѣ легче будетъ. Кто меня пожалѣетъ, а вѣдь, я человѣкъ тоже! (*Плачетъ*).

Афимья.

Ну, полно, полно.

Петръ.

Не то мнѣ обидно, что меня, молодца, Груша не любитъ, а то мнѣ обидно — не доставайся она никому!

Афимья.

Про какую тамъ Грушу ты говоришь, безпутный?.. Какая тамъ еще Груша?

Петръ.

Какая Груша? Вотъ какая Груша: нѣтъ такой красавицы на бѣломъ свѣтѣ! Я душу свою погубилъ за нее! Ну, какъ мнѣ съ ней разстаться? Насъ разлучить хотятъ... вотъ онъ!

Афимья.

Кто онъ? Никого тутъ нѣтъ.

Петръ.

Васька!

Афимья.

Поди усни. Ишь, тебѣ ужь мерещится.

Петръ.

Я его убью!.. А жена... она не смѣй противъ мужа! Гдѣ жена? Подай сюда жену! она моя жена, она моя раба!

Афимья.

Ея нѣтъ; она ушла съ своими, съ отцомъ да съ матерью.

Петръ (*встаетъ и беретъ въ руки ножъ*).

Куда она ушла? Я ее найду! Изъ земли вытащу, со дна моря достану!

Афимья.

Куда ты пойдешь ночью? Что̀ за срамъ! Ступай спать.

Петръ.

Не говори ты мнѣ! Жену подай!.. Жену подай, говорю я тебѣ!

Афимья.

Ну, да нѣтъ ея, такъ и нѐгдѣ взять!

Петръ.

Я ее найду, я ее найду.

Афимья.

Что ты ножемъ-то махаешь, ну тебя! Съ тобой страсть одна, да и только.

Петръ.

Я ее по слѣду найду!.. Я ее по слѣду найду! Теперь зима, снѣгъ, по слѣду все видно, мѣсяцъ свѣтитъ, все равно, что днемъ. (*Садится*). Страшно мнѣ, страшно! Вонъ мятель поднялась... Ухъ! такъ и гудетъ! Вонъ завыли... вонъ, вонъ собаки завыли. Это онѣ на мою голову воютъ, моей погибели ждутъ... Ну, что̀-жь, войте! Я проклятый человѣкъ!.. Я окаянный человѣкъ. (*Встаетъ*).

Афимья.

Ишь ты, ишь ты! Ахъ, батюшки, какъ страшно!

Петръ.

Нѣтъ, не то, тетушка, все не то! Все я не то говорю. Вотъ что̀: кабы я не былъ женатъ, развѣ-бъ меня Груша не любила? Я-бы женился на ней. Стало быть, жена мнѣ помѣха, и во всемъ мнѣ она поперекъ... Вотъ за это я ее и убью... за это за самое...

Афимья.

Что̀ мнѣ дѣлать-то съ нимъ, ума не приложу. (*Въ комнатѣ вдругъ появляется Еремка, котораго видитъ только одинъ Петръ*).

Петръ.

А, благопріятель! Что̀-жь ты смотришь-то на меня? Что̀-жь ты такъ смотришь? Вѣдь, самъ научилъ, какъ жену извести!

Афимья.

Съ кѣмъ онъ это говоритъ-то — никого нѣту. Наше мѣсто свято! Чуръ меня! Чуръ меня! Пойти разбудить всѣхъ! (*Уходитъ*).

Петръ (*Еремкѣ*).

Что̀ ты говоришь, а? Ну, да! И я тоже говорю, чудакъ человѣкъ! Вмѣстѣ пойдемъ! Поскорѣй, поскорѣй! (*Останавливается*). Ха, ха, ха! Смѣшной ты человѣкъ! Вотъ онъ ножикъ-то! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Агафонъ, Степанида, Даша и Афимья (*входятъ*).

Афимья (*взглянувъ въ дверь*).

Ушелъ, ушелъ, и двери всѣ настежъ растворилъ. Послать людей за нимъ. (*Уходитъ*).

Даша.

Вотъ, матушка, сама ты погляди, какъ сладко мнѣ жить-то!

Степанида.

Ахъ ты, дитятко мое родимое, головка побѣдная!

Агафонъ.

Погоди, дочка, не ропщи. Живешь за мужемъ-то безъ году недѣля, а ужь на жизнь жалуешься.

Даша.

Да чего мнѣ ждать и впередъ-то, коли отецъ отъ него отступился совсѣмъ.

Агафонъ.

Отецъ отступился, да, можетъ, Богъ не отступился. Потерпи.

Даша.

Рада-бы я терпѣть, да мука-то моя нестерпимая. Я его не виню, Богъ съ нимъ, а жить съ нимъ не хочу.

Агафонъ.

Все это не дѣло, все это не дѣло! Охъ, охъ, охъ! Нехорошо! Ты сама права, что̀-ль? Дѣло сдѣлала, что насъ со старухой бросила? Говори, дѣло сдѣлала? Та̀къ это и надо? Та̀къ это по закону и слѣдуетъ? Врагъ васъ обуялъ! Вы точно какъ не люди! Вотъ ты и терпи, и терпи! Да наказанье-то съ кротостью принимай да съ благодарностію. А то что̀ это? что̀ это? Бѣжать хочетъ! Какой это порядокъ? Гдѣ это ты видала, чтобъ мужья съ женами порознь жили? Ну, ты его оставишь, бросишь его, а онъ въ отчаяніе придетъ — кто тогда виноватъ будетъ, кто? Ну, а захвораетъ онъ, кто за нимъ уходитъ? Это, вѣдь, первый твой долгъ. А застигнетъ его смертный часъ, захочетъ онъ съ тобой проститься, а ты по гордости ушла отъ него...

Даша (*бросаясь на шею*).

Батюшка!..

Агафонъ.

Ты подумай, дочка милая, помекай хорошенько. (*Плачетъ*). Глупы, вѣдь, мы люди, охъ, какъ глупы!.. Горды мы! (*Вася и Афимья входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же, Вася и Афимья.

Вася.

Боже мой! Что̀ это такое! Что̀ у васъ случилось?

Афимья.

А что̀?

Вася.

Да Петръ Ильичъ попался мнѣ на Москвѣ рѣкѣ, такой страшный, безъ шапки, бѣгаетъ съ ножемъ; вѣдь, того и гляди, въ прорубь попадетъ.

Даша.

Что̀-же это? батюшки мои!

Вася.

Вы-бы хоть людей послали за нимъ.

Афимья.

По всѣмъ концамъ разосланы, посылать больше нѐкого.

Агафонъ.

Пойдемте сами, други мои, пойдемте!

Даша.

Пойдемте! (*Петръ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Петръ.

Петръ (*озирается*).

Кто тутъ? Что̀ вы за люди? Жена!.. Живые вы люди, или нѣтъ? Скажите мнѣ, ради Бога.

Даша.

Что̀ съ тобой?

Петръ.

Не стою я, окаянный, того, чтобы глядѣть-то на васъ! Да и не глядѣлъ-бы, кабы не чужія молитвы. Простите меня, добрые люди, ради Господа! (*Становится на колѣни*).

Агафонъ (*подымая его*).

Что̀ ты, что̀ ты? Петръ Ильичъ! Встань, встань!

Петръ.

Я, вѣдь, грѣшникъ, злой грѣшникъ!.. Ужь я покаюсь передъ вами, легче мнѣ будетъ на душѣ моей. Вотъ до чего гульба-то доводитъ: я, вѣдь, хотѣлъ жену убить... безвинно убить хотѣлъ. Взялъ я тутъ, пьяный-то, ножикъ, да и иду будто за ней. Мерещатся мнѣ разныя диковины да люди какіе-то незнакомые, я за ними... я за ними... Спрашиваю: гдѣ жена? Они смѣются да куда-то показываютъ. Я все шелъ, шелъ... вдругъ гдѣ-то въ колоколъ... Я только-что поднялъ руку, гляжу — я на самомъ-то юру Москвы рѣки стою надъ прорубемъ. Вспомнить-то страшно! И теперь морозъ по кожѣ подираетъ! Жизнь-то моя, прошлая, распутная-то, вся вотъ, какъ на ладонкѣ, передо мной! Натерпѣлся я страху, да и подѣломъ! Вспомнилъ я тутъ и батюшкины слова, что хожу я, злодѣй, надъ пропастью. Вотъ они, правдивыя-то слова. Такъ оно и вышло! Ужь не забыть мнѣ этой ночи, кажется, до самаго гроба! Батюшка, матушка, поживите у насъ!.. Помогите мнѣ, добрые люди, замолить этотъ грѣхъ... Да и къ батюшкѣ-то сходите, скажите ему... самъ-то я не смѣю идти.

Всѣ.

Помоги тебѣ Богъ!

Агафонъ.

Что̀, дочка, говорилъ я тебѣ!

Даша (*бросаясь къ Петру*).

Голубчикъ, Петръ Ильичъ!

ВЪ ЧУЖОМЪ ПИРУ ПОХМѢЛЬЕ.

ВЪ ЧУЖОМЪ ПИРУ ПОХМѢЛЬЕ.

КОМЕДІЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА ВЪ ПЕРВОМЪ ДѢЙСТВІИ:

Иванъ Ксенофонтычъ Ивановъ, отставной учитель, 60 лѣтъ.

Лизавета Ивановна, его дочь, 20 лѣтъ.

Аграфена Платоновна, вдова, губернская секретарша, хозяйка квартиры, занимаемой Ивановымъ.

Титъ Титычъ Брусковъ, богатый купецъ.

Андрей Титычъ, его сынъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

Сцена представляетъ бѣдную комнату въ квартирѣ Ивановыхъ. Налѣво на первомъ планѣ окно, дальше дверь въ комнату хозяйки, прямо дверь выходная, направо дверь въ комнату Лизаветы Ивановны.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Иванъ Ксенофонтычъ (*входитъ, размахивая руками, за нимъ*) Аграфена Платоновна.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Невѣжество! Невѣжество! И слышать не хочу невѣжества! (*Садится за столъ и раскрываетъ книгу*).

Аграфена Платоновна.

У васъ все невѣжество. А сами-то что? Только слава, что уче-

ный человѣкъ! А что̀ въ немъ проку, въ ученьи-то въ вашемъ? Только одно мнѣніе, что я ученый человѣкъ, а хуже насъ неученыхъ. Живете, какъ бобыль — ни кола, ни двора.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Невѣжество! Невѣжество!

Аграфена Платоновна.

Наладилъ одно! Невѣжество да невѣжество! Я къ вашей пользѣ говорю. Мнѣ что̀! Я женщина посторонняя.

Иванъ Ксенофонтычъ.

А коли вы, сударыня, посторонняя женщина, такъ и не мѣшайтесь въ чужія дѣла. Оставьте меня; видите, я дѣломъ занимаюсь.

Аграфена Платоновна (*помолчавъ*).

Мнѣ какъ хотите. Я, жалѣючи васъ, говорю. Куда вы дѣнитесь съ дочерью-то? Дѣвушкѣ двадцать лѣтъ; нынче безъ приданаго-то никто не возьметъ; а у васъ ни кругомъ, ни около, все нѣтъ ничего, бѣдность непокрытая.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Какъ ничего? У меня есть пенсія, есть уроки.

Аграфена Платоновна.

Что̀ ваша пенсія! Что̀ ваши уроки! Развѣ это приданое? Пока живы, ну, конечно, на пропитаніе хватитъ; а вы то разсудите: вы пожилой человѣкъ, ну, сохрани Богъ, помрете: куда будетъ Лизаветѣ Ивановнѣ голову приклонить?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Она куда пойдетъ? Она будетъ дѣтей учить. Будетъ заниматься, сударыня, тѣмъ благороднымъ дѣломъ, которымъ отецъ занимался всю свою жизнь.

Аграфена Платоновна.

Ужь куда какая невидаль! Хорошее житье, по чужимъ людямъ шляться изъ-за куска хлѣба! Чужой-то хлѣбъ горекъ! А вы послушайте-ка меня, глупую, давайте-ка я примусь сватать вамъ жениха; благо, здѣсь сторона купеческая.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Какое-же это благо? Въ чемъ тутъ благо? Кромѣ невѣжества, я ничего не вижу.

Аграфена Платоновна.

А я вижу. Вотъ, напримѣръ, Андрей Титычъ, что̀ къ намъ ходитъ, чѣмъ не женихъ? И молодъ, и богатъ, и изъ себя красавецъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

И дуракъ набитый, читать по-русски не умѣетъ. Это вашъ женихъ, а не Лизинъ. Васъ будетъ пара.

Аграфена Платоновна.

Ужь какой онъ мнѣ женихъ! Очень нужно ему старуху-то брать! Онъ съ своими деньгами-то получше вашей Лизы найдетъ. Ему ужь давно отъ невѣстъ проходу нѣтъ, отъ богатыхъ; да не хочетъ, потому влюбленъ до чрезвычайности въ Лизавету Ивановну. Вотъ что̀.

Иванъ Ксенофонтычъ (*вскочивъ*).

Что̀? Да какъ-же онъ смѣлъ, скажите вы мнѣ? Кто ему позволилъ? Это житья нѣтъ! Лиза моя... вѣдь, это сокровище, это совершенство! А онъ, безграмотный, смѣлъ влюбиться! Мужикъ! Невѣжа!

Аграфена Платоновна.

Ахъ, батюшка, да развѣ кому закажешь! Вѣдь, она не королевна какая! А почемъ знать, дѣло женское мудреное, можетъ, она и сама его любитъ. Чужая душа-то темна. Дѣвушки объ этомъ не сказываютъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Вздоръ, вздоръ! Этого быть не можетъ. Я и слушать не хочу. (*Переходитъ къ другому столу*). Не мѣшайте мнѣ заниматься, Аграфена Платоновна: вы видите, у меня дѣло есть.

Аграфена Платоновна (*переходитъ за нимъ*).

А можетъ, и вздоръ; я такъ говорю, по своему понятію. А жаль малаго-то, ужъ очень сокрушается. Дома-то радости нѣтъ, отецъ-то у него такой дикій, властный человѣкъ, крутой сердцемъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Что̀ такое: крутой сердцемъ?

Аграфена Платоновна.

Самодуръ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Самодуръ! Это чортъ знаетъ, чтò такое! Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это lingua barbara, варварскій языкъ.

Аграфена Платоновна.

Ужъ и вы, Иванъ Ксенофонтычъ, какъ погляжу я на васъ, заучились до того, что-русскаго языка не понимаете. Самодуръ — это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ, ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужъ всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежать, а то бѣда...

Иванъ Ксенофонтычъ.

О tempora, o mores!

Аграфена Платоновна.

Такъ вотъ Андрюша-то и боится, что отецъ ему жениться не позволитъ... Ну да это ничего, я баба огневая, я обломаю дѣло, только было-бы ваше согласіе. Я за двумя мужьями была, Иванъ Ксенофонтычъ, всѣми дѣлами правила. Я теперь хоть въ судѣ, какое хочешь, дѣло обдѣлаю. Стряпчаго не нанимай. По всѣмъ кляузнымъ дѣламъ ходокъ. Во всѣхъ судахъ надоѣла. Прямо до енарала хожу...

Иванъ Ксенофонтычъ.

Объ чемъ вы говорите, я не понимаю.

Аграфена Платоновна.

Все объ томъ-же объ Брусковѣ, объ купцѣ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Послушайте: Плутархъ въ одной книгѣ...

Аграфена Платоновна.

А насчетъ плутовства — это точно, онъ старикъ хитрый.

Иванъ Ксенофонтычъ (*обращая глаза къ потолку*).

О, невѣжество!

Аграфена Платоновна.

И это есть. Хоть онъ и плутоватъ, а человѣкъ темный. Онъ только въ своемъ домѣ свирѣпъ, а то съ нимъ чтò хочешь дѣлай, дуракъ дуракомъ; на пустомъ спугнуть можно. Теперь, какъ хотите, Иванъ Ксенофонтычъ, такъ и сдѣлаемъ. Честно,

такъ честно, а то и на штуку поймаемъ. Такъ запутаемъ, что, хоть плачь, а жени сына на Лизаветѣ Ивановнѣ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Чтò я слышу! Громы небесные! И вы не поразите эту женщину!

Аграфена Платоновна.

За чтò-жь вы бранитесь? Я васъ люблю, вамъ добра желаю (*утираетъ слезы*), а вы меня всяческими словами ругаете.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Какъ хотите, Аграфена Платоновна, любите или не любите, только оставьте насъ съ дочерью въ покоѣ.

Аграфена Платоновна (*покачавъ головой*).

Эхъ, Иванъ Ксенофонтычъ, Иванъ Ксенофонтычъ! Жаль мнѣ тебя! Человѣкъ-то ты добрый, да больно ты простъ. Бѣденъ ты ужь больно. Вотъ и одежонка-то...

Иванъ Ксенофонтычъ.

Я бѣденъ, да честенъ, бѣднымъ и останусь. Не хочу я знаться съ твоими съ богатыми.

Аграфена Платоновна.

А нынче такъ жить-то нельзя. (*Отходитъ отъ стола*). Какъ хочешь ты, Иванъ Ксенофонтычъ, обижай меня, а я, все-таки, всякое добро для васъ готова сдѣлать, да и завсегда буду дѣлать, за вашу кротость и сиротство. Мнѣ за это Богъ пошлетъ. (*Уходитъ въ свою комнату. Въ середнюю дверь входитъ Лизавета Ивановна, скидаетъ шляпку и кладетъ на столъ. Иванъ Ксенофонтычъ, не замѣчая ея, читаетъ съ жаромъ и размахиваетъ руками*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Иванъ Ксенофонтычъ и Лизавета Ивановна.

Лизавета Ивановна.

Здравствуй, папа!

Иванъ Ксенофонтычъ.

А, здравствуй! Подай мнѣ шляпу.

Лизавета Ивановна.

Куда ты, папа? Отдохни немного! Ты и такъ много трудишься.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Нельзя, Лиза, нельзя! Отдыхать нѣкогда. Молодымъ людямъ учиться надобно, и такъ, Лиза, у насъ мало учатся, мало. Достань-ка мнѣ Горація, да подсыпь табачку, весь вышелъ. (*Лиза достаетъ ему книгу и насыпаетъ табаку*). Ну, прощай! Чай пить не дожидайтесь, можетъ быть, затолкуюсь съ ребятами.

Лизавета Ивановна.

Бѣдный папаша!

Иванъ Ксенофонтычъ (*надѣваетъ шляпу, идетъ къ дверямъ и возвращается*).

Лиза, ты меня извини, я тебѣ задамъ вопросъ...

Лизавета Ивановна.

Что̀ такое, папа?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Давеча вотъ эта глупая женщина (*показывая на комнату хозяйки*) говорила, только не утвердительно, а такъ одно предположеніе, что, можетъ быть, ты... Только ты, Лиза, не сердись!

Лизавета Ивановна.

Что̀-же она говорила?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Она говорила, что, можетъ быть, ты влюблена въ этого молодаго купца, который ходитъ къ намъ за книгами. Ну, разумѣется, я не повѣрилъ.

Лизавета Ивановна.

Охота тебѣ, папа, слушать ее!

Иванъ Ксенофонтычъ.

Я ее и не слушаю, она вздорная болтунья, необразованная женщина. Только вотъ что̀, Лиза: ты теперь въ такомъ возрастѣ... Молодая дѣвушка, тебѣ скучно со мной, со старикомъ... ты, сдѣлай милость, прыгай... веселись... влюбись въ кого-нибудь, я тебя прошу объ этомъ. Только ты не скрывай отъ меня, скажи мнѣ — я самъ съ тобой помолодѣю; я все за книгами, Лиза, у меня душа зачерствѣла.

Лизавета Ивановна.

Ахъ, папаша! Еслибъ я полюбила кого, я-бъ тебѣ сказала... А то нѣтъ еще... Этотъ молодой человѣкъ... такъ-себѣ; только

ужъ очень необразованъ, ни стать, ни сѣсть не умѣетъ. И ты, папаша, могъ подумать?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Ну, ну, ну, виноватъ! (*Цалуетъ ее*). Въ послѣдній разъ, больше не буду. (*Смотритъ на часы*). Пора, пора... (*Бѣжитъ бѣгомъ изъ комнаты, Лизавета Ивановна смотритъ вслѣдъ ему*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Лизавета Ивановна (*одна*).

(*Подходитъ къ столу, садится и беретъ работу. Молчаніе*). Нѣтъ, ужь мы очень много трудимся! Что̀ ни говори, какъ себя ни утѣшай, а тяжело, право, тяжело! Ужь я не говорю о деньгахъ, не говорю о томъ, что за наши труды намъ платятъ мало; хоть-бы уваженіе-то намъ за нашъ честный трудъ оказывали; такъ и этого нѣтъ. На что̀ ужь наша хозяйка, и та смотритъ на насъ съ какимъ-то сожалѣніемъ! А всего мнѣ обиднѣе, что смѣются надъ папашей. Онъ, точно, немного страненъ, да, вѣдь, онъ всю жизнь провелъ за книгами, его можно извинить. И что въ этомъ смѣшнаго, что человѣкъ ходитъ въ старой шинели, въ старой шляпѣ? А у насъ такая сторона, чуть не въ глаза хохочутъ. Конечно, это невѣжество, съ образованіемъ это пройдетъ; а все-таки, тяжело. Вотъ вчера, какъ я шла изъ церкви, какіе-то молодые купцы вслухъ смѣялись надъ моимъ салопомъ. Гдѣ-же я лучше возьму? Ты-же приносишь людямъ пользу почти безкорыстно, тебя-же презираютъ. (*Подноситъ платокъ къ глазамъ. Андрей Титычъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лизавета Ивановна и Андрей Титычъ.

Андрей Титычъ.

Съ нашимъ почтеніемъ-съ, Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна.

Здравствуйте, Андрей Титычъ! Садитесь.

Андрей Титычъ (*утираясь*).

Покорнѣйше благодаримъ-съ. Летѣлъ къ вамъ скоропалительно, инда взопрѣлъ-съ. Тятеньки нѣтъ-съ?

Лизавета Ивановна.

Нѣтъ; ушелъ на урокъ.

Андрей Титычъ.

По-латыни два алтына, а по-русски шесть копѣекъ-съ.

Лизавета Ивановна.

Что̀ вы такое говорите?

Андрей Титычъ.

У насъ въ ряду одинъ учитель ходитъ, горькой, такъ надъ нимъ смѣются, дразнятъ, значитъ. Ты, говорятъ, окромя свинячьяго, на семь языковъ знаешь.

Лизавета Ивановна.

Какъ-же вамъ не стыдно смѣяться надъ людьми почтенными? Какъ это дурно!

Андрей Титычъ.

Что̀-жь такое! Шутка не вредитъ-съ, хорошій человѣкъ на свой счетъ не приметъ.

Лизавета Ивановна.

Бросьте эту привычку, не хорошо. Зачѣмъ обижать!

Андрей Титычъ.

Нельзя нашему брату не смѣяться-съ; потому эти стрюцкіе такія дѣла-съ съ нами дѣлаютъ, что смѣху подобно.

Лизавета Ивановна.

Что̀ у васъ за слова такія! Какіе-то стрюцкіе!

Андрей Титычъ.

Ужь это слово имъ не даромъ дано-съ. Другой весь-то грошъ стоитъ, а такого изъ себя барина доказываетъ, и не подступайся — засудитъ; а далъ ему цѣлковый, или тамъ больше, глядя по дѣлу, да подпоилъ, такъ онъ хоть спирю плясать пойдетъ. (*Помолчавъ*). Я теперь отъ тятеньки скрываюсь-съ.

Лизавета Ивановна.

Какъ скрываетесь? Зачѣмъ-же?

Андрей Титычъ.

Женить хотятъ... насильственнымъ образомъ.

Лизавета Ивановна.

Что̀-жь, развѣ вамъ невѣста не нравится?

Андрей Титычъ.

Такую нашли, съ ума сойдешь! Тысячъ триста серебра денегъ, рожа, какъ тарелка — на огородъ поставить, воронъ пугать. Я у нихъ былъ какъ-то разъ съ тятенькой, еще не знамши ничего этого; вышла дѣвка пудовъ въ пятнадцать вѣсу, вся въ веснушкахъ; я сейчасъ съ политичнымъ разговоромъ къ ней: «чѣмъ, говорю, вы занимаетесь?» Я, говоритъ, люблю жестокіе романсы пѣть. Да какъ запѣла, глаза это раскосила, такъ-то убѣдила народъ, хоть взвой, на нее глядя. Унеси ты мое горе на гороховое поле!

Лизавета Ивановна.

Да развѣ вы своей воли не имѣете? Не нравится вамъ дѣвушка, ну и не женитесь, такъ и скажите отцу.

Андрей Титычъ.

Какая тутъ воля! Ахъ, Лизавета Ивановна! Нѐшто у насъ та̀къ, какъ у людей! (*Махнувъ рукой*). Крылья у меня ошибены, то-есть, обрублены, какъ есть. Уродомъ сдѣлали, а не человѣкомъ. Словно угорѣлый хожу по землѣ. У насъ такъ не водится, чтобъ сынъ смѣлъ выбрать себѣ невѣсту по душѣ, значитъ, какъ слѣдуетъ; а привезутъ тебя, покажутъ, ну и женись. А коли скажешь, что, молъ, тятенька, эта невѣста не нравится: а, говоритъ, въ солдаты отдамъ! Ну и шабашъ! Ужь не то, что въ этакомъ дѣлѣ, и въ другомъ-то въ чемъ воли не даютъ. Я вотъ помоложе былъ, учиться захотѣлъ, такъ и то не велѣли.

Лизавета Ивановна.

Неужели это правда? Право, мнѣ не вѣрится. Что̀-нибудь да не такъ.

Андрей Титычъ.

Ужь это такъ точно-съ, будьте покойны. Диви-бы, нѐгдѣ было учиться, али-бы денегъ не было; а то денегъ уголъ непочатый лежитъ, дѣвать куда, не сообразимъ; Коммерческая Академія существуетъ на Покровскомъ бульварѣ. На что̀-жь она построена? Смотрѣть на нее? Кабы у насъ, значитъ, вообще по купечеству такое заведеніе было, чтобы дѣтей не учить, такъ-бы и не обид-

но. А то этого нѣтъ. Передъ другимъ-то передъ своимъ братомъ и совѣстно. Вотъ у тятеньки пріятель былъ, тоже русскій купецъ, съ бородой ходилъ, а сына-то въ Англію посылалъ. Теперь свое дѣло, по машинной части, лучше ихъ знаетъ. Стало быть, ихъ выписывать ненадо и денегъ имъ не платить. Что̀ ихъ баловать-то! Я, можетъ, не глупѣй его, а теперь смотри да ка̀знись. Кажется, еслибы меня учить, я-бы до всего на свѣтѣ дошелъ: потому страсть имѣю. Вотъ тятенька меня поѣдомъ ѣстъ, а за что̀? Самъ не знаетъ. По фабрикѣ кто первый? Все я. Я впередъ знаю, что требуется. (*Молчаніе*). Лизавета Ивановна, вы, вѣдь, не повѣрите, что я вамъ скажу: я къ скрыпкѣ оченно пристрастіе имѣю.

Лизавета Ивановна.

Ну, такъ что̀-жь?

Андрей Титычъ.

Вотъ теперь пятый годъ учусь... знаете, гдѣ? На чердакѣ, въ чуланѣ. Бѣда, какъ узнаетъ... «Да что̀ это! Да къ чему это! Да съ твоимъ-ли рыломъ, скажетъ, такія нѣжности разводить!» Въ театръ никогда не допросишься. А и допросишься, да опоздаешь немножко, такъ бѣда. У насъ все равно, что загулялъ, что въ театрѣ просидѣлъ, это на одномъ счету. Ту причину пригоняютъ, что у насъ одинъ братъ помѣшанный отъ театру; а онъ совсѣмъ не отъ театру, та̀къ, съ малолѣтства заколотили очень.

Лизавета Ивановна.

Знаете-ли, Андрей Титычъ, я васъ научу. Когда вы замѣтите, что вашъ отецъ въ хорошемъ расположеніи духа, вы ему откровенно и выскажите все: что вы чувствуете, что у васъ есть способности, что вы учиться хотите.

Андрей Титычъ.

Онъ такую откровенность задастъ, что мѣста не найдешь. Вы думаете, онъ не знаетъ, что ученый лучше неученаго, только хочетъ на своемъ поставить. Одинъ капризъ, одна только амбиція, что вотъ я неученъ, а ты умнѣе меня хочешь быть.

Лизавета Ивановна.

Мнѣ, право, васъ жалко, Андрей Титычъ! Ходите къ намъ почаще. Вы моего отца знаете, онъ образованный человѣкъ.

онъ вамъ можетъ много пользы принести, да и я, съ своей стороны, постараюсь, что̀ могу.

Андрей Титычъ.

Эхъ, Лизавета Ивановна, жаль только, что мнѣ развязки никакой не дано.

Лизавета Ивановна.

Какой развязки?

Андрей Титычъ.

Не умѣю я по-французски говорить, и походки настоящей не имѣю. Вонъ теперь въ магазинахъ приказчики разговариваютъ по-французски, ногами шаркаютъ, барышни имъ глазки дѣлаютъ.

Лизавета Ивановна.

Полноте вздоръ говорить!

Андрей Титычъ.

Да какъ-же-съ! Ужь коли знаешь французскій языкъ да есть походка, такъ тутъ можно смѣло... значитъ, что̀ только завидѣлъ, орелъ-ли въ небѣ, щука-ли въ морѣ — все наше.

Лизавета Ивановна.

Вы мнѣ, пожалуйста, глупостей не говорите, я васъ прошу.

Андрей Титычъ.

Вѣдь, женщины, они души въ человѣкѣ понять не могутъ-съ: только ловкость нужна, ну и насчетъ одежи, чтобы первый сортъ-съ.

Лизавета Ивановна.

Я вамъ откровенно скажу, Андрей Титычъ, съ вами очень мудрено разговаривать. Вы не подумавши говорите такія вещи, которыя могутъ показаться обидными. Неужели вы думаете, что мы принимаемъ и ласкаемъ васъ за ваше платье?

Андрей Титычъ.

Да что̀ со мной, дуракомъ, толковать-съ; я просто пропащій человѣкъ, отъ своего собственнаго необразованія. Болтаю, что̀ въ голову придетъ, всякія наши рядскія глупости. Вы думаете, что я не чувствую вашей ласки, да только я выразить не умѣю. Мнѣ какъ-то разъ показалось, Лизавета Ивановна, что вы на меня повеселѣй взглянули, такъ я загулялъ на три дня, такихъ

вертуновъ надѣлалъ, бѣда! Одному извощику что̀ денегъ заплатилъ.

Лизавета Ивановна.

Ну, зачѣмъ-же это? Развѣ вы не знаете, что это дурно?

Андрей Титычъ.

А что̀-жь мнѣ дѣлать-то? Куда мнѣ дѣваться-то? Я какъ сумасшедшій сдѣлался. Я въ жизнь ни отъ кого хорошаго слова не слыхивалъ. (*Подходитъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ*). Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна.

Что̀ вамъ угодно?

Андрей Титычъ.

Дайте мнѣ ручку поцаловать.

Лизавета Ивановна.

Что̀ вы за вздоръ говорите! Ну, для чего это?

Андрей Титычъ.

Да что̀-жь за важность! Можетъ, въ послѣдній разъ. Вѣдь, васъ не убудетъ.

Лизавета Ивановна.

Да нехорошо, и совсѣмъ ненужно... ну, а впрочемъ... (*Оглядываясь, протягиваетъ ему руку*).

Андрей Титычъ (*цалуетъ*).

Умеръ-бы у васъ, и домой не пошелъ. Ужь очень тяжко мнѣ! Эхъ доля, доля! (*Плачетъ. Входитъ Аграфена Платоновна*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Лизавета Ивановна, Андрей Титычъ и Аграфена Платоновна.

Аграфена Платоновна.

Здравствуй, Андрюша! Что̀ съ тобой?

Андрей Титычъ.

Такъ, ничего-съ.

Аграфена Платоновна.

Какъ ничего? Ты словно, какъ мокрая курица.

Андрей Титычъ.

Подвѣсить себя хочу-съ.

Аграфена Платоновна.

Какъ такъ?

Андрей Титычъ.

Извѣстно, какъ: за петельку на гвоздикъ.

Аграфена Платоновна.

Что̀ за напасть такая?

Андрей Титычъ.

Да что̀, разговаривать-то не хочется. Женить хотятъ, вотъ и все-съ.

Аграфена Платоновна.

Плохо твое дѣло.

Андрей Титычъ.

Обидно-съ! (*Раскланивается*). А впрочемъ, прощайте-съ. (*Подходитъ къ Аграфенѣ Платоновнѣ*). Что̀-жь, отдайте энту штуку-то; еще, пожалуй, исторія выдетъ.

Аграфена Платоновна.

Ну вотъ, на что̀ она тебѣ?

Андрей Титычъ.

А то, пожалуй, и ненадо; дѣлайте, что̀ хотите. Ужь семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ. До пріятнѣйшаго свиданія. (*Кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лизавета Ивановна и Аграфена Платоновна.

Аграфена Платоновна.

Видали вы, что мужики-то значатъ? Такъ вотъ посмотрите. Насильно хотятъ малаго женить. Самое низкое обыкновеніе! Нѣшто человѣкъ можетъ любить противъ желанія? Какія на это права? Какіе законы? Живутъ неопрятно, ну ничего и не понимаютъ. Ломятъ по-своему, что̀ на умъ взбрело съ просонковъ... А я-было его, барышня, признаться, для васъ прочила.

Лизавета Ивановна.

Я думаю, Аграфена Платоновна, прежде нужно было меня спроситься.

Аграфена Платоновна.

Да что̀ спрашивать-то? Дѣло видимое. Человѣкъ хорошій, богатый, васъ любитъ. Куражу не имѣетъ сказать вамъ, потому что умныхъ словъ не знаетъ отъ своего отъ дурацкаго воспитанія. А случится, когда ко мнѣ въ комнату зайдетъ, такъ и заливается — плачетъ: все-бы я, говоритъ, сидѣлъ у васъ, все-бы глядѣлъ на Лизавету Ивановну, жизни готовъ рѣшиться, только-бы жениться на ней. Сколько мнѣ подарковъ переносилъ, чтобы я вамъ за него словечко замолвила.

Лизавета Ивановна.

Какой еще онъ женихъ, ему учиться надобно въ школѣ гдѣ-нибудь.

Аграфена Платоновна.

Любовь-то не спрашиваетъ, всѣ-ли науки знаешь. Влюбляются и вовсе безграмотные. А что̀-жь ему дѣлать? Онъ-бы и радъ учиться, да батюшка-то у него ишь какой сахаръ!

Лизавета Ивановна.

Мнѣ смѣшно васъ слушать, Аграфена Платоновна. Ну, разсудите вы сами, какая-же мнѣ неволя идти въ такую семью: сынъ необразованный, а отецъ дуракъ.

Аграфена Платоновна.

Не тысячу-же лѣтъ этотъ старый хрычь жить будетъ. Потерпите маленько, а потомъ сами барыней будете. Оно точно, вамъ будетъ не сладко; да денегъ-то у нихъ, у лѣшихъ, больно много. За то, что̀ захотите, мужъ все для васъ будетъ дѣлать, развѣ только птичьяго молока не достанетъ.

Лизавета Ивановна.

Неужели вы, Аграфена Платоновна, до сихъ поръ меня не знаете? Я ни за какія сокровища не захочу терпѣть униженія. Вѣдь, они за каждую копѣйку выместятъ оскорбленіемъ; а я не хочу ихъ переносить ни отъ кого. То-ли дѣло, какъ мы живемъ съ папашей! Хоть бѣдно, да независимо. Мы никого не трогаемъ и насъ никто не смѣетъ тронуть. (*Работаетъ*).

Аграфена Платоновна (*взглянувъ въ окно*).

Къ намъ дрожки подъѣхали. Ахъ, батюшки! Да, вѣдь, это онъ!

Лизавета Ивановна.

Кто онъ?

Аграфена Платоновна.

Андрюшинъ отецъ, Титъ Титычъ.

Лизавета Ивановна.

Это, должно быть, къ вамъ; а къ намъ ему нѐзачѣмъ. (*Титъ Титычъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Лизавета Ивановна, Аграфена Платоновна и Титъ Титычъ.

Титъ Титычъ.

Гдѣ Андрюшка? Сказывайте скорѣй, а то искать примусь.

Аграфена Платоновна.

Почемъ мы знаемъ, гдѣ твой Андрюшка. Ступай, откуда пришелъ; нѐчего тебѣ здѣсь дѣлать!

Титъ Титычъ.

Не съ тобой говорятъ. Барышня, выдавай Андрюшку! Да не вертись; видишь, я самъ за нимъ пришелъ; я шутить не люблю. У меня слово законъ.

Лизавета Ивановна (*встаетъ*).

Я васъ не знаю и знать не хочу. Подите вонъ отсюда!

Титъ Титычъ (*садится*).

Полно вилять-то! Всѣ сусѣди говорятъ, что онъ у тебя скрывается. Ты, надо полагать, за него замужъ норовишь; такъ нѣтъ, шалишь, не пообѣдаешь!

Лизавета Ивановна (*закрываетъ лицо платкомъ*).

Господи! Что̀-же это такое!

Аграфена Платоновна.

Ступайте, барышня, къ себѣ въ комнату. Что̀ вамъ съ мужикомъ разговаривать! Я одна съ нимъ управлюсь. (*Лизавета Ивановна уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Аграфена Платоновна и Титъ Титычъ.

Аграфена Платоновна.

Ты что̀ буянишь-то! Ты куда, въ кабакъ, что̀-ли, зашелъ? Кричи поди у себя дома, а здѣсь языкъ-то прикусишь. Я, братъ, такъ раскассирую...

Титъ Титычъ.

А вотъ я обыскъ и сдѣлаю, квартальнаго позову.

Аграфена Платоновна.

Такъ тебѣ и позволятъ въ благородномъ домѣ безобразничать!.. Да ну, коли на то пошло, дѣлай обыскъ. А не найдешь, чѣмъ отвѣтишь?

Титъ Титычъ.

Не ваша печаль, это наше дѣло. За безобразіе заплатимъ

Аграфена Платоновна.

Ты думаешь деньгами отъѣхать? Нѣтъ, вѣдь, старикъ-то не алтынникъ, онъ съ тебя ничего не возьметъ. Чѣмъ ты смотришь — и того не возьметъ. Онъ заслуженный человѣкъ, за тридцать лѣтъ пряжку имѣетъ. Онъ тебя въ смирительный упрячетъ.

Титъ Титычъ.

Видали мы виды-то! Чортъ Ваньку не обманетъ, Ванька самъ слово знаетъ. Вы мнѣ Андрюшку подайте, видишь, я самъ за нимъ пришелъ.

Аграфена Платоновна.

Самъ съ усамъ! Жалко вотъ, что тебя не боится здѣсь никто: а то такъ-бы тебѣ Андрюшку и представили, невидимой силой. Да коли нѣтъ его, чудакъ человѣкъ, значитъ, нѐгдѣ взять. Онъ дома давно.

Титъ Титычъ.

Да ты врешь, можетъ быть?

Аграфена Платоновна.

А ты сходи посмотри, либо пошли кого-нибудь.

Титъ Титычъ.

Нѣтъ ужь, я лучше самъ пойду, только если не найду его, я ужь за тебя примусь. Слышишь! (*Беретъ шапку*).

Аграфена Платоновна.

Погоди, куда ты? Еще мнѣ съ тобой поговорить надо. Ты думаешь, ты скоро раздѣлаешься. (*Вынимаетъ изъ стола бумагу*). Ты это видишь?

Титъ Титычъ.

Что̀ это такое? Кажи!

Аграфена Платоновна.

Читай! Только изъ рукъ не выпущу; мы вашего брата знаемъ.

Титъ Титычъ (*надѣвъ очки*).

«Я нижеподписавшійся, купеческій сынъ, Андрей Титовъ, сынъ Брусковъ, обязуюсь жениться на дочери титулярнаго совѣтника, дѣвицѣ, Елизаветѣ Ивановнѣ Ивановой, въ семъ и даю сію росписку». (*Перестаетъ читать и снимаетъ очки*).

Аграфена Платоновна.

Понялъ?

Титъ Титычъ.

Какъ не понять! Это, то-есть, насчетъ грабежу. Ну, народецъ! Что̀-жь вы съ эвтой бумагой дѣлать будете?

Аграфена Платоновна (*запираетъ въ столъ бумагу*).

Ужь старикъ знаетъ, что̀ дѣлать. Порядокъ извѣстный: дѣло по дѣлу, а судъ по формѣ.

Титъ Титычъ (*почесавъ затылокъ*).

По формѣ? Нѣтъ ужь, лучше мы такъ, между себя сдѣлаемся.

Аграфена Платоновна.

Извѣстно, лучше; только, вѣдь, съ тобой честью-то мудрено.

Титъ Титычъ.

Ужь и вашъ-то братъ намъ солонъ приходится. А вы пожалѣйте душу человѣческую.

Аграфена Платоновна.

Что̀ тебя жалѣть-то! Давай три тысячи цѣлковыхъ, вотъ и квитъ.

Титъ Титычъ.

Ишь ты, ишь ты заломила! Вѣдь, я не самъ деньги-то дѣлаю; трудами доставалъ, пòтомъ.

Аграфена Платоновна.

Да, потѣете вы въ трактирѣ за чаемъ. Ты лучше и не торгуйся; а то самъ придетъ, пожалуй, и трехъ не возьметъ. Ужь это я такъ беру смѣлость, хочу безъ него дѣло сдѣлать.

Титъ Титычъ.

Полтораста рубликовъ.

Аграфена Платоновна.

Чтò? За такое дѣло полтораста рублей! Да какъ у тебя языкъ-то поворотился!

Титъ Титычъ.

За чтò деньги-то давать, ты сама разсуди. Вѣдь, за даромъ-то жалко.

Аграфена Платоновна.

За чтò? За твое правствò! Не ходи по лавкѣ... Говорю, не торгуйся, а то прогоню; такъ ни съ чѣмъ уйдешь.

Титъ Титычъ.

Ты меня выведешь изъ терпимости, въ тѣ поры я въ себѣ не властенъ: я тебя прибью.

Аграфена Платоновна.

Любопытно это будетъ посмотрѣть! Я караулъ-то на всю Зацѣпу закричу. Свяжемъ тебѣ лапки назадъ, да еще три тысячи заплатишь.

Титъ Титычъ.

Надоѣла ужь ты мнѣ. Говори послѣднюю цѣну.

Аграфена Платоновна.

Послѣднюю?

Титъ Титычъ.

Да, послѣднюю.

Аграфена Платоновна.

Безъ разговору -- двѣ тысячи.

Титъ Титычъ.

Возьми пять сотъ.

Аграфена Платоновна.

И говорить не хочу, что̀ за торговля! (*Молчаніе*). Ну, давай полторы.

Тить Титычъ.

Семь сотъ пятьдесятъ.

Аграфена Платоновна.

Ну, вотъ тебѣ послѣднее слово: тысячу рублей и ни копѣйки меньше.

Тить Титычъ.

Ни копѣйки?

Аграфена Платоновна.

Ни копѣйки.

Тить Титычъ.

Ну, по рукамъ.

Аграфена Платоновна.

Давай деньги.

Тить Титычъ.

Давай бумагу.

Аграфена Платоновна.

Клади деньги на столъ, и я положу. (*Тить Титычъ отсчитываетъ деньги и кладетъ на столъ, Аграфена Платоновна вынимаетъ изъ стола бумагу. Размѣниваются. Аграфена Платоновна кладетъ деньги въ столъ и запираетъ, Тить Титычъ кладетъ бумагу въ карманъ*).

Тить Титычъ (*садится*).

Разбойники, грабители!

Аграфена Платоновна.

Ну, теперь ступай съ Богомъ. Дѣла всѣ покончили, больше не объ чемъ съ тобой толковать.

Тить Титычъ.

Нѣтъ, погоди, дай хоть поругаться-то за свои деньги. Разбойники, грабители! За что̀ только вы съ насъ денегъ не берете? Обмануть, ограбить, обольстить человѣка!

Аграфена Платоновна.

Какъ съ тебя не взять-то! Вѣдь, ужь ты жила извѣстный, самъ норовишь на грошъ пятаковъ купить. (*Лизавета Ивановна про-*

ходитъ изъ боковой двери въ переднюю). Должно быть, старикъ пришелъ. Ступай, ступай!

Титъ Титычъ.

Обманули мальчишку, дурака, опутали, а съ отца деньги взяли. Честно это, благородно? А еще благородствомъ похваляетесь! (*Иванъ Ксенофонтычъ и Лизавета Ивановна входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Титъ Титычъ, Аграфена Платоновна, Лизавета Ивановна и Иванъ Ксенофонтычъ.

Лизавета Ивановна.

Папаша, посмотри, что̀ у насъ дѣлается. (*Иванъ Ксенофонтычъ молча смотритъ на Брускова*).

Титъ Титычъ.

Ты что̀ на меня смотришь? На мнѣ, братъ, ничего не написано. Деньги-то взять умѣли! Вы меня хоть поподчуйте чѣмъ за мои деньги-то.

Иванъ Ксенофонтычъ (*смотритъ на всѣхъ вопросительно*).

Онъ сумасшедшій? Сдѣлайте одолженіе, милостивый государь, оставьте насъ.

Титъ Титычъ.

Обобрали, а теперь гоните. (*Показывая на Лизавету Ивановну*). Ишь какая красавица! Какъ не прельститься на нее. Ловушку для нашего брата подстроили. У васъ тутъ такая шайка подобрана, что вы и старика какого изъ ума выведете, а не то что мальчишку глупаго.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Поди вонъ!

Титъ Титычъ.

Что̀ ты кричишь-то! Я, вѣдь, ничего, я такъ шучу съ тобой.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Поди вонъ, говорю я тебѣ.

Титъ Титычъ (*встаетъ*).

Пойду. (*Подходитъ къ Ивану Ксенофонтычу и ударяетъ его*

по плечу). Поѣдемъ ко мнѣ! Выпьемъ вмѣстѣ, пріятели будемъ. Что̀ ссориться-то!

Иванъ Ксенофонтычъ.

Уйди ты отъ насъ.

Титъ Титычъ.

Ну, прощай. (*Подходитъ къ двери*). Ишь ты какой сердитый! Да ужъ теперь не испугаете. Вотъ она, бумага-то, здѣсь въ карманѣ. Разбойники, грабители! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Иванъ Ксенофонтычъ, Лизавета Ивановна и Аграфена Платоновна.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Что̀ это за человѣкъ?

Аграфена Платоновна.

Титъ Титычъ Брусковъ, Андрюшинъ отецъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Что̀ онъ говорилъ? Какія деньги? Какіе грабители? Кто его ограбилъ?

Аграфена Платоновна.

Ну да за дѣло, чтобъ не шумѣлъ въ чужомъ домой. За дѣло ему! Такъ ихъ и надо. Я-таки, признаться, сорвала съ него малую толику. Жаль, что мало! Намъ годится, а съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Да за что̀?

Аграфена Платоновна.

Все жалѣючи васъ, Иванъ Ксенофонтычъ, да вашу дочку; глядя на вашу бѣдность, рѣшилась на такое дѣло. Что̀-жъ, вѣдь, тутъ дурнаго ничего нѣтъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Да какимъ образомъ? Не мучьте вы меня, говорите.

Аграфена Платоновна.

А вотъ какимъ образомъ: какъ Андрюша-то ужъ очень влюбленный былъ, вотъ какъ-то разъ и зашелъ ко мнѣ и расплакал-

ся, а я ему нарочно и говорю: тебѣ, молъ, нельзя къ намъ ходить, будутъ сосѣди говорить и то, и се. Что̀ хорошаго! Наше, молъ, дѣло женское, мы никакого такого разговору про себя не хотимъ. Ты, говорю, оставь, не ходи. Онъ это, сударь мой, сталъ меня просить, плакать, руки цаловать. Я взяла подпоила его да и говорю: все можетъ, Андрюша, случиться, отецъ твой не нынче, завтра умретъ, ты будешь на волѣ, тогда, пожалуй, насъ съ Лизаветой Ивановной и забудешь, другихъ найдешь. А онъ-то божится, онъ-то разныя клятвы произноситъ. А у меня на ту пору случись листъ гербовой бумаги.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Ну!

Аграфена Платоновна.

Ну, я своей рукой написала росписку, что онъ обѣщается жениться на Лизаветѣ Ивановнѣ, все какъ слѣдуетъ, по формѣ, а онъ и подписалъ.

Лизавета Ивановна.

Какой стыдъ! Какой срамъ! Папаша, что̀ мнѣ дѣлать! (*Рыдая, падаетъ на грудь отцу*).

Иванъ Ксенофонтычъ.

Ну, ну...

Аграфена Платоновна.

Ну, вотъ за это и взяла съ Тита Титыча тысячу цѣлковыхъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

А росписка гдѣ?

Аграфена Платоновна.

Я ему отдала.

Иванъ Ксенофонтычъ (*обнимая дочь*).

Бѣдное дитя мое! (*Плачетъ*).

Аграфена Платоновна.

Да объ чемъ вы плачете?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Куда намъ съ тобой дѣться отъ грубости, отъ оскорбленій, отъ невѣжества!

Лизавета Ивановна.

Папаша, уѣдемъ отсюда поскорѣй.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Уѣдемъ, уѣдемъ.

Лизавета Ивановна.

Ты поди, брось ему деньги. (*Садится у стола*).

Иванъ Ксенофонтычъ.

Да, и росписку возьму. Онъ мнѣ ее отдастъ, я ему деньги возвращу. Какъ ты думаешь, вѣдь, онъ отдастъ? Отдастъ? Онъ не смѣетъ не отдать — мы не виноваты. Я разорву ее, вотъ и конецъ, и не объ чемъ намъ плакать съ тобой! (*Къ Аграфенѣ Платоновнѣ*). Подай деньги!

Аграфена Платоновна.

Иванъ Ксенофонтычъ, пригодятся.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Подай деньги! Подай!

Аграфена Платоновна (*вынимая изъ стола*).

А чѣмъ завтра топить будете? (*Отдаетъ*).

Иванъ Ксенофонтычъ.

Прощай, Лиза!

Лизавета Ивановна.

Прощай, папаша. (*Обнимаетъ его. Идутъ къ двери*). Поди, выкупай наше безчестье.

Аграфена Платоновна (*вслѣдъ имъ*).

Вотъ хлопочи для людей, старайся, сама-жь виновата останешься. Кто-же васъ зналъ, что вы такіе сумасшедшіе!

———

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА ВО ВТОРОМЪ ДѢЙСТВІИ:

Титъ Титычъ Брусковъ.
Настасья Панкратьевна, жена его.
Андрей Титычъ } сыновья ихъ.
Капитонъ Титычъ }
Ненила Сидоровна, знакомая Брусковой.
Иванъ Ксенофонтычъ Ивановъ.
Захаръ Захарычъ, стряпчій.
Луша, горничная дѣвушка.

Богатая гостиная въ домѣ купца Брускова.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Луша (*стираетъ пыль*) и Капитонъ Титычъ (*крадется изъ двери*).

Капитонъ Титычъ.

Луша, здѣсь никого нѣтъ?

Луша.

Никого.

Капитонъ Титычъ.

Какъ тутъ хорошо, просторно, а въ кухнѣ сегодня угарно. Что̀ въ кухнѣ-то сидѣть за охота. Я такой-же сынъ, какъ и Андрюша, а меня все въ кухнѣ въ заперти держатъ.

Луша.

Захотѣлъ ты сравняться съ Андреемъ Титычемъ! Андрей Титычъ у насъ молодецъ, а ты что̀! Такъ, дурачекъ.

Капитонъ Титычъ.

Да, дурачекъ, какъ-же! У васъ будешь дурачекъ. На цѣпь еще посадите! (*Ходитъ по комнатѣ и дѣлаетъ трагическіе жесты*).

Луша.

Купидонъ Титычъ, представь что̀-нибудь изъ тіатральнаго.

Капитонъ Титычъ (*становится въ позу*).

«Прочь съ дороги! Посторонитесь! Левъ ушелъ изъ клѣтки! Быкъ съ бойни сорвался! Посторонитесь!» (*Разгорячившись*). Давай теперь сюда, кто меня дуракомъ сдѣлалъ, убью съ разу. (*Луша хохочетъ. Капитонъ Титычъ, услышавъ, что идутъ, крадется къ двери и скрывается. Настасья Панкратьевна и Ненила Сидоровна входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна и Луша.

Настасья Панкратьевна.

Милости просимъ, Немила Сидоровна, садиться покорнѣйше прошу. Луша, принеси-ка намъ вареньица.

Луша.

Сейчасъ-съ. (*Уходитъ*).

Настасья Панкратьевна.

Какъ дѣла ваши?

Ненила Сидоровна.

Дѣла ничего, слава Богу. Одна печаль у меня: дочерей больно много.

Настасья Панкратьевна.

Видно, матушка, Немила Сидоровна, всякому своя ноша тяжела. Вотъ вы объ дочеряхъ, а я о сыновьяхъ. Что̀ у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. А по-моему, дочери, все-таки, легче.

Ненила Сидоровна.

Глазъ да и глазъ нужно, Настасья Панкратьевна. Вѣдь, нынче время-то какое! Люди-то какіе! Вѣрите-ли, боишься въ садъ выпустить.

Настасья Панкратьевна.

Что̀ дочери! Дочерей и запереть можно, да и хлопотъ съ ними меньше, ни учить, ни что̀. Ну, конечно, замужъ выдавать хлопотно, возни много. А вамъ и то съ пола-горя, Немила Сидоровна,

вѣдь, вы денегъ много даете за дочерьми-то, такъ вамъ нѣчего бояться, что въ дѣвкахъ засидится.

Ненила Сидоровна.

Про это что̀ толковать. Дочь не домашній товаръ; какъ не какъ, а надо съ рукъ сбывать. Ну, тамъ ужь не наша бѣда; живи, какъ хочешь. А поведова-то вотъ! Вѣдь, у насъ приказчики, ну и другаго посторонняго народу много.

Настасья Панкратьевна.

Присмотръ нуженъ, я про это вамъ и докладываю, за то ужь больше-то никакихъ хлопотъ. Мальчики, вѣдь, на волѣ, Ненила Сидоровна, какъ за ними усмотришь; вездѣ ходятъ. У меня всего-то два сына: Андрюша да Купидоша, да и то голова кругомъ идетъ. Андрюша мальчикъ шустрый, проворный, до всего понятливый, такъ, сударыня моя, отъ дому совсѣмъ отбивается; то не хорошо, другое не по немъ, учиться, говоритъ, хочу. Что̀-жь, мы развѣ его не учили! И рихметикѣ и граматикѣ гимназистъ училъ. На что̀ ему много-то знать. И такъ боекъ, а какъ обучать-то всему, тогда съ нимъ и не сговоришь; онъ мать-то и уважать не станетъ; хоть изъ дому бѣги.

Ненила Сидоровна

Да, вотъ на счетъ ученья-то. У насъ сосѣдка отдала сына учиться, а онъ глазъ и выкололъ.

Настасья Панкратьевна.

Это долго-ли. А вотъ теперь влюбился. Да въ кого! Ненила Сидоровна, въ кого! Во что̀ влюбиться-то! Такъ одна непокорность къ родителямъ.

Ненила Сидоровна.

Въ кого-же, Настасья Панкратьевна? Скажите по секрету.

Настасья Панкратьевна.

Что̀ за секретъ; весь околотокъ въ трубы трубитъ. Знаете учителя Иванова, такъ въ его дочь; ну, и погибаетъ совсѣмъ.

Ненила Сидоровна.

Знаю, знаю, видала. Скажите! Гдѣ-же глаза-то у него были! Такъ твореніе какое-то... ни живности, ничего.

Настасья Панкратьевна.

Ну, вотъ сами разсудите.

Ненила Сидоровна.

Что̀ говорить!

Настасья Панкратьевна.

Каково матери-то?

Ненила Сидоровна.

Подсыпали чего-нибудь. Это бываетъ.

Настасья Панкратьевна.

Ужь я и сама такъ думаю.

Ненила Сидоровна.

А вы вотъ что̀... нехорошо только говорить-то...

Настасья Панкратьевна.

Ничего.

Ненила Сидоровна.

А съ разу снимаетъ. (*Шепчетъ ей на ухо*).

Настасья Панкратьевна.

Помогаетъ?

Ненила Сидоровна.

Помогаетъ. То-то вотъ, хитры они, анъ хитрѣй ихъ есть. На всякій приворотъ средство есть; только знать нужно. Я много знаю: и отъ глазу, и отъ запою, и противъ бородавокъ у меня симпатія есть.

Настасья Панкратьевна.

Такъ надать попробовать, а то что̀ хорошаго! Мы теперь его женить хотимъ; намъ надо невѣсту съ большими деньгами, потому сами богаты. Что̀ за неволя намъ бѣдную-то брать.

Ненила Сидоровна.

Разумѣется.

Настасья Панкратьевна.

Ну, вотъ, матушка моя, теперь есть такая на примѣтѣ, отецъ нашелъ; а онъ скрывается отъ отца-то. Всякая мать баловница; другой разъ расплачется, глядишь, и жалко, и сама его прикрываю по малости. А все-таки, нехорошо.

Ненила Сидоровна.

Нельзя похвалить.

Настасья Панкратьевна.

А другой, Купидоша, такъ совсѣмъ какой-то ума рехнувшій

по театру. Да табакъ куритъ, Немила Сидоровна, такой крѣпкій, просто дышать нельзя. Въ комнатахъ такого курить нельзя ни подъ какимъ видомъ, кого хочешь стошнитъ. Такъ все больше въ кухнѣ пребываетъ. Вотъ иногда скучно, позовешь его, а онъ-то и давай кричать по-тіатральному, ну и утѣшаешься на него. Съ пѣвчими поетъ басомъ, голосъ такой громкій, такъ какъ словно изъ ружья выпалитъ.

Ненила Сидоровна.

Говорятъ, маленькихъ нехорошо по головѣ бить, глупѣютъ отъ этого.

Настасья Панкратьевна.

Кто ихъ знаетъ, можетъ, и правда. (*Капитонъ Титычъ выглядываетъ изъ-за двери*). Да вотъ онъ.

Ненила Сидоровна.

Кто? Дурачекъ-то? Позовите, Настасья Панкратьевна.

Настасья Панкратьевна.

Купидоша, Купидоша! (*Капитонъ Титычъ робко входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна и Капитонъ Титычъ.

Настасья Панкратьевна.

Чтò ты, Купидоша?

Капитонъ Титычъ.

Я такъ, ничего... Пятачекъ мнѣ надо.

Настасья Панкратьевна.

На чтò?

Капитонъ Титычъ.

Табачку купить... Безъ табаку-то скучно.

Настасья Панкратьевна.

Ну, хорошо, дамъ. Представь чтò-нибудь намъ съ Немилой Сидоровной.

Капитонъ Титычъ (*трагически*).

«Изумлю міръ злодѣйства, и упокойники въ гробахъ спасибо скажутъ, что умерли!»

Ненила Сидоровна.

Чтò это, матушка! Чтò это такое! Страсть какая! Онъ у васъ, должно быть, порченый! (*Андрей Титычъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна, Капитонъ Титычъ и Андрей Титычъ.

Настасья Панкратьевна.

А вотъ мой другой сынъ, Немила Сидоровна.

Ненила Сидоровна.

Этотъ умный?

Настасья Панкратьевна.

Умный. (*Сыну*). Отецъ тебя ныньче цѣлый день ищетъ, никакъ хочетъ вечеромъ къ невѣстѣ ѣхать.

Андрей Титычъ.

Я опять убѣгу-съ.

Настасья Панкратьевна.

Чтò ты, чтò ты! Ужь отъ своей судьбы не уйдешь! Чтò кому суждено, тому и быть.

Андрей Титычъ.

Да почемъ-же вы, маменька, знаете, что мнѣ суждено жениться на дурѣ неотесанной?

Настасья Панкратьевна.

Ну, вотъ, изволите видѣть, Немила Сидоровна, можно съ нимъ разговаривать?

Ненила Сидоровна.

Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!

Настасья Панкратьевна.

Чтò ты, умнѣй отца съ матерью хочешь быть! Выше лба глаза не ростутъ, яицы курицу не учатъ.

Андрей Титычъ.

Маменька, да, вѣдь, мнѣ съ ней жить-то будетъ!

Настасья Панкратьевна.

Какъ ты можешь грубить! Кто съ тобой говоритъ-то? Мать, али нѣтъ? Долженъ ты это понимать.

Андрей Титычъ.

Да что̀ понимать-то? Понимать-то нѐчего.

Настасья Панкратьевна.

Вотъ видите, какую заразу на него напустили.

Ненила Сидоровна.

Послушайте, молодой человѣкъ, я постарше васъ, всѣ эти штуки, всѣ эти подходы и всѣ эти дѣла видала.

Настасья Панкратьевна.

Такъ, такъ, Немила Сидоровна. А ты слушай, что̀ старшіе-то говорятъ. И ты тоже, Купидоша. Все это вамъ на пользу.

Андрей Титычъ.

Да что̀ слушать-то? Слыхалъ я эти разговоры-то.

Иастасья Панкратьевна.

Не груби, говорю тебѣ, не груби!

Ненила Сидоровна.

Молодой человѣкъ, вы мало жили, мало видѣли свѣтъ; вы еще не знаете, какъ люди хитры.

Настасья Панкратьевна.

Да, да. У насъ у кучера поддевку украли въ одну минуточку. И кто-же укралъ-то? Пріятель его.

Ненила Сидоровна.

Вотъ вы теперь влюблены, мнѣ ваша маменька говорила: вы думаете, это съ проста?

Андрей Титычъ.

Этотъ разговоръ надоть кончить-съ.

Ненила Сидоровна.

Нѣтъ, позвольте-съ. Мы тоже бывали молоды, у меня у самой семь дочерей.

Настасья Панкратьевна.

Да, да, вотъ слушай, что̀ умные-то люди говорятъ, и ты тоже, Купидоша, слушай.

Ненила Сидоровна.

Будемъ прямо говорить. Кругомъ васъ, по сосѣдству, есть какіе грузди! Изъ всякаго сословія. Ужь можно сказать, что наша сторона этимъ отличается! Чего-бъ, кажется, лучше! Такъ нѣтъ, вамъ не по сердцу. А эта что̀? Диви-бы собой... (*Дѣлаетъ*

жесть руками) или что̀ другое! Вотъ только стыдно говорить-то, а то-бы сказала. Во что̀ влюбиться-то молодому человѣку?

Настасья Панкратьевна.

Да, да.

Ненила Сидоровна.

Значитъ, механика и выходитъ... съ ихъ стороны.

Андрей Титычъ.

Говорите, что̀ угодно, мнѣ все равно-съ. Ей моею женой не быть. Такія дѣвушки не про насъ-съ. Гдѣ намъ, дуракамъ! Мы ихъ и понимать-то не умѣемъ. Говорить-то всякій умѣетъ, кто почаще, кто порѣже, да толку-то въ этомъ немного; слушать-то нѐчего. Вотъ кабы я умѣлъ вамъ объяснить, какая въ этомъ разница — образованная дѣвушка, или необразованная, такъ-бы другой разговоръ былъ. А то не умѣю. Да хоть-бы и умѣлъ, такъ вы не поймете ничего. Значитъ, лучше молчать.

Ненила Сидоровна (*Настасьѣ Панкратьевнѣ*).

Попробуйте, что̀ я говорила.

Настасья Панкратьевна.

Непремѣнно попробую.

Андрей Титычъ.

Вы хотите меня теперича женить, такъ найдите невѣсту, чтобъ хоть мало-мальски была на человѣка похожа. Я, пожалуй, женюсь, вѣдь, ужь не отбѣгаешься. А эта ваша мнѣ ужь очень противна. Маменька, спрячьте меня куда-нибудь отъ тятеньки! А то ужь жените, что̀-ли, поскорѣй, чтобъ я не мучился.

Настасья Панкратьевна.

Какая-же въ этомъ му̀ка, глупый! Ничего, окромя хорошаго. Ты, я вижу, такой-же дуракъ, какъ и Купидошка.

Капитонъ Титычъ.

«Умолкни, чернь непросвѣщенна!»

Настасья Панкратьевна.

Полно орать-то! Ишь затрубилъ.

Капитонъ Титычъ.

Братъ, дай три гривенника, пойду нынче въ театръ, душу отвести.

Андрей Титычъ.

Нà, Капитоша. (*Достаетъ деньги изъ кармана и отдаетъ Капитону Титычу*).

Луша (*вбѣгая*).

Самъ пріѣхалъ! (*Уходитъ, Капитонъ Титычъ за ней прокрадывается въ дверь*).

Настасья Панкратьевна (*Андрею Титычу*).

Поди, спрячься въ спальню, тамъ и сиди. Я скажу, когда выйти. (*Андрей Титычъ уходитъ*).

Ненила Сидоровна.

Прощайте, Настасья Панкратьевна. Къ намъ какъ-нибудь.

Настасья Панкратьевна.

Прощайте, Немила Сидоровна. Вы такая, право, умная и обходительная женщина, что мнѣ завсегда оченно пріятно васъ видѣть. Я, признаться вамъ сказать, сама-то не изъ дальнихъ, вѣдь, ужь не скроешь; такъ мнѣ лестно позаняться отъ умныхъ-то. Какъ-нибудь на-дняхъ безпремѣнно заѣду. (*Провожаетъ ее до двери. Ненила Сидоровна уходитъ. Титъ Титычъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Настасья Панкратьевна и Титъ Титычъ.

Титъ Титычъ (*садится молча на стулъ*).

Фу ты, чортъ возьми! Въ первòй отъ роду со мной такая бѣда! Меня не уважать! Меня ругать! Меня! Брускова! Нѣтъ, погоди!

Настасья Панкратьевна.

Кто тебя не уважилъ, Китъ Китычъ? Кто смѣлъ?

Титъ Титычъ.

Молчи, не твое дѣло! За мои-же деньги да меня обругали! Меня выгнали! (*Топаетъ ногой*). Живъ быть не хочу! Настасья!

Настасья Панкратьевна.

Чтò прикажете, Китъ Китычъ?

Титъ Титычъ.

Отыскать Захарыча сію минуту.

Настасья Панкратьевна.

Да онъ тутъ гдѣ-то путается: я его въ окно сейчасъ видѣла.

(*Подходитъ къ окну*). Эй, Луша! (*За сценой смѣхъ*). Что̀ ты тамъ съ молодцами все играешь! Нѣтъ на васъ времени! (*Луша за сценой: «я ничего-съ. Чего изволите?»*). Сыщи сейчасъ Захарыча да приведи сюда.

Титъ Титычъ.

Чтобъ я перенесъ такую обиду надъ собой! Отъ дряни, отъ учителишки! Да что̀-жь это за времена пришли! Нѣтъ, стой! Я съ роду ни отъ кого обиды не видывалъ. Настасья! Смѣетъ меня кто обидѣть?

Настасья Панкратьевна.

Никто, батюшка, Китъ Китычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

Титъ Титычъ.

Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денегъ заплатилъ на своемъ вѣку.

Настасья Панкратьевна.

Много, Китъ Китычъ, много.

Титъ Титычъ.

Молчи! Они только тѣмъ и взяли, что я въ чужой квартирѣ былъ. А ты, поди-ка, здѣсь со мной потолкуй, такъ я тебя уконтентую по-своему. (*Захаръ Захарычъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна и Захаръ Захарычъ.

Титъ Титычъ.

Эй ты, Сахаръ Сахарычъ, благодѣтель я тебѣ, али нѣтъ?

Захаръ Захарычъ.

Благодѣтель, батюшка, Титъ Титычъ.

Титъ Титычъ.

Ты человѣкъ вниманія нестоющій, потерянный человѣкъ, а я тебя призрѣлъ. Не гнушаюсь тобой, къ себѣ въ домъ пущаю. (*Захаръ Захарычъ кланяется*). Дочь твою пристроилъ... за межеваго, за вольно практикующаго. Ужь не моя это вина, что онъ пьяница.

Захаръ Захарычъ.

Былъ вольно практикующій, а теперь праздношатающійся.

Титъ Титычъ.

Все-таки, я тебѣ благодѣтель. А ты отчего у меня давно не былъ?

Захаръ Захарычъ.

Нѣтъ никакихъ возможностей, Титъ Титычъ, терпѣнья никакого не хватаетъ. Мальчишки очень одолѣваютъ. Какъ только къ рынку подходишь, и откуда ихъ нанесетъ, туча тучей, бѣгутъ, укаютъ: у-у-у-у. Приказчики изъ лавокъ подсвищутъ: такой гамъ подымутъ, хоть сквозь землю провались.

Титъ Титычъ.

А ты вечеромъ ходи. Да не въ томъ дѣло. Можешь ты такое прошеніе написать, чтобы въ Сибирь сослать по этому прошенію?

Захаръ Захарычъ.

Кого, Титъ Титычъ?

Титъ Титычъ.

Троихъ человѣкъ. Тебѣ все равно, что одного, что троихъ?

Захаръ Захарычъ.

Все равно, Титъ Титычъ.

Титъ Титычъ.

Надоть сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку ихъ. Я такъ хочу.

Захаръ Захарычъ.

Что̀-же писать прикажете?

Титъ Титычъ.

А ты вотъ что̀ пиши: что обидѣли такого-то купца, а съ сына онаго купца, учитель, противъ всякихъ правъ, взялъ росписку, чтобы жениться на его дочери. Вотъ тебѣ и росписка. Я никакихъ денегъ не пожалѣю, коли сдѣлаешь. Можешь ты это сдѣлать?

Захаръ Захарычъ.

Могу-съ.

Титъ Титычъ.

Ну, такъ садись и пиши при мнѣ. Вотъ тебѣ чернила и бу-

мага на столѣ. (*Захаръ Захарычъ садится за столъ*). Да дай ему графинъ водки!.. Нѣтъ, не надо.

Захаръ Захарычъ.

Для воображенія, Титъ Титычъ!

Титъ Титычъ.

Нѣтъ, послѣ, а то я тебя знаю. (*Женѣ*). Ну, теперь ты мнѣ ына подай. (*Захару Захарычу*). А ты строчи!

Настасья Панкратьевна.

Да его нѣту дома, Китъ Китычъ.

Титъ Титычъ.

Настасья! Кто я?

Настасья Панкратьевна.

Китъ Китычъ Брусковъ.

Титъ Титычъ.

Что̀ я приказываю? Ты знаешь, у меня слово — законъ!

Настасья Панкратьевна.

Слушаю, Китъ Китычъ. (*Подходитъ къ двери*). Андрюша, Андрюша, поди, отецъ кличетъ. (*Андрей Титычъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна, Захаръ Захарычъ и Андрей Титычъ.

Титъ Титычъ.

Ну, Андрей, что̀ мнѣ теперича съ тобой дѣлать?

Андрей Титычъ.

Что вамъ угодно-съ, вся ваша воля.

Титъ Титычъ.

Ты благодари Бога, что сердце у меня прошло. Попадись ты мнѣ давеча, я-бы тебя изуродовалъ. Ты для чего скрываешься?

Андрей Титычъ.

Тятенька, можно съ вами говорить откровенно?

Титъ Титычъ.

Ты, что̀ хочешь, говори, только дѣло, а то смотри.

Андрей Титычъ.

Я вамъ, тятенька, во всю жизнь свою ни въ одномъ словѣ не перечилъ.

Титъ Титычъ.

Еще-бы ты смѣлъ!

Андрей Титычъ.

Конечно, я долженъ повиноваться своимъ родителямъ. А коли которую вы мнѣ теперь невѣсту сватаете, да ежели она мнѣ не-нравится, что̀-же долженъ я дѣлать?.. На всю жизнь страждить? Ежели мнѣ нравится другая?

Титъ Титычъ.

Знаю, знаю.

Андрей Титычъ.

Почемъ-же вы ихъ знаете?

Титъ Титычъ.

Сейчасъ самъ былъ у нихъ.

Андрей Титычъ.

А сами видѣли, такъ лучше всего-съ. Истинно достойная дѣвушка, можно чести приписать. Не то что...

Титъ Титычъ.

Вотъ я тебѣ такое достоинство задамъ! Ты ужь лучше меня не серди. Молчи, я тебѣ говорю. Вонъ, видишь, строчило пишетъ. Это вотъ прошеніе на нихъ. (*Захару Захарычу*). Пиши хорошенько! (*Сыну*). Они съ тебя, дурака, росписку взяли, а съ меня за нее тысячу цѣлковыхъ вытребовали.

Андрей Титычъ.

Кто-же это-съ?

Титъ Титычъ.

Все они-же. И красавица твоя тутъ-же. Такъ васъ, дураковъ, и обманываютъ. А ты ротъ-то разинулъ, ты думаешь, тебя такъ даромъ станутъ любить, на красоту свою надѣешься. Какже не такъ. Еще хорошо, что на тысячѣ помирились, а то заломили было три.

Андрей Титычъ.

Кому-жь теперь на свѣтѣ вѣрить послѣ этого! Истинная правда, тятенька, что насъ кругомъ обманываютъ.

Титъ Титычъ.

Вотъ для этого-то для самаго я и хочу тебя женить, чтобы ты не баловался. Ну, теперь, что̀ ты еще будешь разговаривать, я послушаю.

Андрей Титычъ.

Ничего не могу говорить противъ васъ, потому самъ кругомъ виноватъ-съ.

Титъ Титычъ.

Такъ-то вотъ лучше. Собирайся къ невѣстѣ. (*Иванъ Ксенофонтычъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна, Захаръ Захарычъ и Иванъ Ксенофонтычъ.

Иванъ Ксенофонтычъ

Милостивый государь, извините, я ничего не зналъ...

Титъ Титычъ.

А, теперь извините, за разумъ взялся! Нѣтъ, ужь поздно. Видишь, вонъ пишетъ! Это прошеніе на васъ съ дочерью.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Милостивый государь, ни я, ни дочь тутъ ни въ чемъ невиноваты. Это, безъ нашего вѣдома, сдѣлала глупая женщина... Мы живемъ смирно, мы никого не трогаемъ, мы занимаемся своимъ дѣломъ.

Титъ Титычъ.

Знать ничего не хочу!

Андрей Титычъ.

Тятенька, что̀-жь вы мнѣ говорили? Вотъ она правда-то, наружу выходитъ.

Титъ Титычъ (*топнувъ*).

Молчи, не дыши!

Иванъ Ксенофонтычъ.

Вотъ ваши деньги, возьмите ихъ.

Титъ Титычъ.

Деньги! Ты деньги принесъ? Что̀ за диковина такая! Деньги

назадъ принесъ! Тутъ нѣтъ-ли подвоху какого? Сахарычъ, какъ ты думаешь, взять деньги, али нѣтъ? Обману нѣтъ-ли?

Захаръ Захарычъ.

Деньги возьмите, ничего.

Титъ Титычъ.

Ну, давай деньги. (*Иванъ Ксенофонтычъ отдаетъ*). Всѣ-ли? Нà, Андрей, сочти.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Всѣ, всѣ. Не мучьте вы меня, не считайте.

Титъ Титычъ.

Такъ тебѣ и повѣрить! Какже!

Андрей Титычъ.

Всѣ-съ.

Титъ Титычъ (*беретъ деньги*).

Ну, теперь ступай! А за обиду я съ тобой разочтусь. Видишь, пишетъ.

Иванъ Ксенофонтычъ.

Отдайте мнѣ росписку.

Титъ Титычъ.

Какую это росписку? Чтò Андрей-то далъ?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Эту самую.

Титъ Титычъ.

Чтò ты, очумѣлъ, чтò-ли! Слышишь, Сахаръ Сахарычъ, росписку проситъ.

Захаръ Захарычъ.

Какъ можно-съ! Онъ ее представитъ, тогда хлопотъ-то не оберешься.

Титъ Титычъ.

Ишь ты, чтò выдумалъ! Какую штуку гнетъ! Нѣтъ, братъ, насъ не надуешь! Мы тоже волки-то травленые! (*Смотритъ на него*). Ха-ха-ха-ха-ха!

Захаръ Захарычъ (*тоже глядя на Ивана Ксенофонтыча*).

Ха-ха-ха-ха-ха!

Тить Титычъ.

Онъ, должно быть, для того и деньги-то принесъ, чтобы росписку выручить, а потомъ за нее вдвое заломить. Ему мало показалось. Надувательная система.

Иванъ Ксенофонтычъ (*потерявшись*).

Нѣтъ, я потому деньги принесъ, что намъ чужихъ ненадобно... мы живемъ бѣдно... мы живемъ своими трудами... мы смирно живемъ. Я вамъ еще денегъ принесу, сколько у меня есть... я достану, заработаю.

Тить Титычъ.

Ишь ты, какъ распѣваетъ. Ха-ха-ха!

Захаръ Захарычъ.

Ха-ха-ха!

Иванъ Ксенофонтычъ (*бросается къ Титу Титычу*).

Подай росписку, подай! Я у васъ отниму ее, я вырву... мое дѣло правое... мы не виноваты...

Тить Титычъ (*отстраняя его рукой*).

Тише, тише! Сахарычъ! Ловкій народъ, а? Ха-ха-ха!..

Захаръ Захарычъ.

Ха-ха-ха!

Иванъ Ксенофонтычъ (*падая на колѣни*).

Отдайте, Христа ради, отдайте! Я ее изорву, при васъ-же изорву.

Андрей Титычъ.

Маменька, попросите. У меня сердце все изорвалось, да говорить-то я не смѣю.

Настасья Панкратьевна.

Отдайте, Китъ Китычъ. Вѣдь, онъ старичёкъ, жалко старичка-то.

Тить Титычъ.

Ты молчи! Не твое дѣло... Аль отдать? Сахарычъ, отдать?

Иванъ Ксенофонтычъ.

Отдайте, отдайте! Я не выду безъ этого! Какъ мнѣ показать глаза дочери! Это сдѣлала глупая хозяйка. Развѣ моя Лиза можетъ? Она плачетъ теперь... Да что̀ я говорю! Гдѣ я говорю объ ней! Я съ ума сойду!..

Захаръ Захарычъ.

Былъ вольно практикующій, а теперь праздношатающійся.

Титъ Титычъ.

Все-таки, я тебѣ благодѣтель. А ты отчего у меня давно не былъ?

Захаръ Захарычъ.

Нѣтъ никакихъ возможностей, Титъ Титычъ, терпѣнья никакого не хватаетъ. Мальчишки очень одолѣваютъ. Какъ только къ рынку подходишь, и откуда ихъ нанесетъ, туча тучей, бѣгутъ, укаютъ: у-у-у-у. Приказчики изъ лавокъ подсвищутъ: такой гамъ подымутъ, хоть сквозь землю провались.

Титъ Титычъ.

А ты вечеромъ ходи. Да не въ томъ дѣло. Можешь ты такое прошеніе написать, чтобы въ Сибирь сослать по этому прошенію?

Захаръ Захарычъ.

Кого, Титъ Титычъ?

Титъ Титычъ.

Троихъ человѣкъ. Тебѣ все равно, что одного, что троихъ?

Захаръ Захарычъ.

Все равно, Титъ Титычъ.

Титъ Титычъ.

Надоть сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку ихъ. Я такъ хочу.

Захаръ Захарычъ.

Чтò-же писать прикажете?

Титъ Титычъ.

А ты вотъ чтò пиши: что обидѣли такого-то купца, а съ сына онаго купца, учитель, противъ всякихъ правъ, взялъ росписку, чтобы жениться на его дочери. Вотъ тебѣ и росписка. Я никакихъ денегъ не пожалѣю, коли сдѣлаешь. Можешь ты это сдѣлать?

Захаръ Захарычъ.

Могу-съ.

Титъ Титычъ.

Ну, такъ садись и пиши при мнѣ. Вотъ тебѣ чернила и бу-

мага на столѣ. (*Захаръ Захарычъ садится за столъ*). Да дай ему графинъ водки!.. Нѣтъ, не надо.

Захаръ Захарычъ.

Для воображенія, Титъ Титычъ!

Титъ Титычъ.

Нѣтъ, послѣ, а то я тебя знаю. (*Женѣ*). Ну, теперь ты мнѣ ына подай. (*Захару Захарычу*). А ты строчи!

Настасья Панкратьевна.

Да его нѣту дома, Китъ Китычъ.

Титъ Титычъ.

Настасья! Кто я?

Настасья Панкратьевна.

Китъ Китычъ Брусковъ.

Титъ Титычъ.

Что̀ я приказываю? Ты знаешь, у меня слово — законъ!

Настасья Панкратьевна.

Слушаю, Китъ Китычъ. (*Подходитъ къ двери*). Андрюша, Андрюша, поди, отецъ кличетъ. (*Андрей Титычъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна, Захаръ Захарычъ и Андрей Титычъ.

Титъ Титычъ.

Ну, Андрей, что̀ мнѣ теперича съ тобой дѣлать?

Андрей Титычъ.

Что вамъ угодно-съ, вся ваша воля.

Титъ Титычъ.

Ты благодари Бога, что сердце у меня прошло. Попадись ты мнѣ давеча, я-бы тебя изуродовалъ. Ты для чего скрываешься?

Андрей Титычъ.

Тятенька, можно съ вами говорить откровенно?

Титъ Титычъ.

Ты, что̀ хочешь, говори, только дѣло, а то смотри.

Вышневская.

Нисколько.

Вышневскій.

Я думаю. Не для васъ-ли я купилъ и отдѣлалъ великолѣпно этотъ домъ? Не для васъ-ли я выстроилъ въ прошломъ году дачу? Чего у васъ мало? Я думаю, ни у одной купчихи нѣтъ столько бриллiантовъ, сколько у васъ.

Вышневская.

Благодарю васъ. Впрочемъ, я ничего отъ васъ не требовала.

Вышневскій.

Вы не требовали; но я долженъ былъ чѣмъ-нибудь вознаградить васъ за разность въ лѣтахъ. Я думалъ найти въ васъ женщину, способную оцѣнить жертвы, которыя я вамъ принесъ. Я, вѣдь, не волшебникъ, я не могу строить мраморныхъ палатъ однимъ жестомъ. На шелкъ, на золото, на соболь, на бархатъ, въ который вы окутаны съ головы до ногъ, нужны деньги; ихъ нужно доставать. А онѣ не всегда легко достаются.

Вышневская.

Мнѣ ничего ненужно. Я ужь говорила вамъ не одинъ разъ объ этомъ.

Вышневскій.

Но мнѣ нужно-же, наконецъ, покорить ваше сердце. Ваша холодность меня сводить съ ума. Я страстный человѣкъ: изъ любви къ женщинѣ, я способенъ на все! Я купилъ вамъ въ нынѣшнемъ году подмосковную. Знаете-ли, что деньги, на которыя я ее купилъ... какъ-бы это вамъ сказать?.. ну, однимъ словомъ, я рискнулъ болѣе, нежели позволяло благоразумiе. Я могу подлежать отвѣтственности.

Вышневская.

Ради Бога, не дѣлайте меня участницею вашихъ поступковъ, если они не совсѣмъ честны. Не оправдывайте ихъ любовью ко мнѣ. Я васъ прошу. Для меня это невыносимо. Впрочемъ, я не вѣрю вамъ. Пока вы меня не знали, вы жили и поступали точно также. Я даже передъ своею совѣстью не хочу отвѣчать за ваше поведенiе.

Вышневскій.

Поведеніе! Поведеніе! Изъ любви къ вамъ, я готовъ даже на преступленіе. Чтобы только купить вашу любовь, я готовъ заплатить своимъ безчестіемъ. (*Встаетъ и подходитъ къ Вышневской*).

Вышневская.

Аристархъ Владимірычъ, я притворяться не могу.

Вышневскій (*беретъ ее за руку*).

Притворитесь! притворитесь!

Вышневская (*отвернувшись*).

Никогда.

Вышневскій.

Но, вѣдь, я васъ люблю!.. (*Дрожа, опускается на колѣни*). Я васъ люблю!

Вышневская.

Аристархъ Владимірычъ, не унижайтесь! Вамъ одѣваться пора. (*Звонитъ. Вышневскій поднимается. Входитъ Антонъ изъ кабинета*). Одѣваться Аристарху Владимірычу.

Антонъ.

Пожалуйте, готово-съ. (*Уходитъ въ кабинетъ, Вышневскій идетъ за нимъ*).

Вышневскій (*въ дверяхъ*).

Змѣя! змѣя! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Вышневская (*одна, сидитъ нѣсколько времени задумавшись. Входитъ мальчикъ, подаетъ письмо и уходитъ*).

Отъ кого это? (*Распечатываетъ и читаетъ*). Вотъ еще мило! Любовное посланіе. И отъ кого-же! Пожилой человѣкъ, жена красавица. Мерзко! Оскорбительно! Что дѣлать женщинѣ въ такомъ случаѣ? И какія пошлости написаны! Какія глупыя нѣжности! Послать его назадъ? Нѣтъ, лучше показать его кое-кому изъ знакомыхъ да посмѣяться вмѣстѣ, все-таки, развлеченіе...

фу, какъ гадко! (*Уходитъ. Антонъ выходитъ изъ кабинета и становится у двери; входитъ Юсовъ, потомъ Бѣлогубовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Антонъ, Юсовъ и Бѣлогубовъ.

Юсовъ (*съ портфелемъ*).

Доложи-ка, Антоша. (*Антонъ уходитъ. Юсовъ поправляется передъ зеркаломъ*).

Антонъ (*въ дверяхъ*).

Пожалуйте. (*Юсовъ уходитъ*).

Бѣлогубовъ (*входитъ, вынимаетъ изъ кармана гребенку и причесывается*).

Что̀, Акимъ Акимычъ здѣсь-съ?

Антонъ.

Сейчасъ прошли въ кабинетъ.

Бѣлогубовъ.

А сами-то какъ сегодня? Ласковы-съ?

Антонъ.

Не знаю. (*Уходитъ. Бѣлогубовъ стоитъ у стола подлѣ зеркала*).

Юсовъ (*выходя, замѣтно важничаетъ*).

А, ты здѣсь.

Бѣлогубовъ.

Здѣсь-съ.

Юсовъ (*просматривая бумагу*).

Бѣлогубовъ!

Бѣлогубовъ.

Чего изволите-съ?

Юсовъ.

Вотъ, братецъ ты мой, возьми домой, перепиши это почище. Приказали.

Бѣлогубовъ.

Мнѣ приказали переписать-съ?

Юсовъ (*садясь*).

Тебѣ. У него, сказали, почеркъ хорошъ.

Бѣлогубовъ.

Мнѣ очень пріятно слышать-съ.

Юсовъ.

Такъ ты слушай, братецъ: ты не торопись. Главное, чтобы было почище. Видишь, куда посылать...

Бѣлогубовъ.

Я, вѣдь, Акимъ Акимычъ, понимаю-съ. Каллиграфически напишу-съ, всю ночь просижу.

Юсовъ (*вздыхаетъ*).

Охо-хо-хо! охо-хо-хо!

Бѣлогубовъ.

Мнѣ, Акимъ Акимычъ, только-бы обратили вниманіе.

Юсовъ (*строго*).

Что̀ ты, шутишь этимъ, что̀-ли?

Бѣлогубовъ.

Какъ можно-съ!..

Юсовъ.

Обратили вниманіе... Легко сказать! Чего еще нужно чиновнику? Чего онъ еще желать можетъ!

Бѣлогубовъ.

Да-съ.

Юсовъ.

Обратили на тебя вниманіе, ну, ты и человѣкъ, дышешь; а не обратили — что̀ ты?

Бѣлогубовъ.

Ну, что̀ ужь-съ.

Юсовъ.

Червь!

Бѣлогубовъ.

Я, кажется, Акимъ Акимычъ, стараюсь-съ.

Юсовъ.

Ты? (*Смотритъ на него*). Ты у меня на хорошемъ замѣчаніи.

Бѣлогубовъ.

Я, Акимъ Акимычъ, даже въ пищѣ себѣ отказываю, чтобъ быть чисто одѣтымъ. Чисто одѣтый чиновникъ, вѣдь, всегда на

виду у начальства-съ. Вотъ извольте посмотрѣть, какая талія... (*поворачивается*).

Юсовъ.

Постой. (*Оглядываетъ его и нюхаетъ табакъ*). Талія хороша... Да еще, Бѣлогубовъ, смотри, пограмотнѣй.

Бѣлогубовъ.

Вотъ правописаніе-то я, Акимъ Акимычъ, плохо-съ... Такъ что, повѣрите-ли, самому обидно.

Юсовъ.

Эка важность, правописаніе! Не все вдругъ, привыкнешь. Напиши сначала черновую, да и попроси поправить, а потомъ ужь съ этого и пиши. Слышишь, что̀ я говорю?

Бѣлогубовъ.

Ужь попрошу кого-нибудь-съ поправить, а то все Жадовъ смѣется-съ.

Юсовъ.

Кто?

Бѣлогубовъ.

Жадовъ-съ.

Юсовъ (*строго*).

Да самъ-то онъ что̀ такое? Что̀ за птица? Еще смѣется!

Бѣлогубовъ.

Какъ-же-съ, вѣдь, надо показать, что ученый-съ.

Юсовъ.

Тьфу! Вотъ что̀ онъ.

Бѣлогубовъ.

Я даже никакъ не могу опредѣлить его, Акимъ Акимычъ, что̀ онъ за человѣкъ-съ.

Юсовъ.

Ничтожество!.. (*Молчаніе*). Сейчасъ я тамъ былъ (*показывая на кабинетъ*), такъ говорили (*тихо*): не знаю, что̀ съ племянникомъ дѣлать! Пойми изъ этого.

Бѣлогубовъ.

А, вѣдь, какъ о себѣ-то много мечтаетъ-съ.

Юсовъ.

Высоко летаетъ, да гдѣ-то сядетъ! Ужь чего лучше: жилъ

здѣсь на всемъ на готовомъ. Что̀-жь ты думаешь, благодарность онъ чувствовалъ какую-нибудь? Уваженіе отъ него видѣли? Какъ-же не такъ! Грубость, вольнодумство... Вѣдь, хоть и родственникъ ему, а все-таки, особа... кто-же станетъ переносить? Ну, вотъ ему и сказали, другу милому: поди-ка поживи своимъ разумомъ, на десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, авось, поумнѣе будешь.

Бѣлогубовъ.

Вотъ глупость-то до чего доводитъ-съ, Акимъ Акимычъ! Кажется, то-есть... Господи... этакое счастіе! Поминутно долженъ Бога благодарить. Вѣдь, такъ я говорю, Акимъ Акимычъ, долженъ онъ Бога благодарить-съ?

Юсовъ.

Еще-бы!

Бѣлогубовъ.

Самъ отъ своего счастія бѣгаетъ. Чего ему еще нужно-съ! Чинъ имѣетъ, въ родствѣ съ такимъ человѣкомъ, содержаніе имѣлъ готовое; кабы захотѣлъ, могъ-бы мѣсто имѣть хорошее, съ большимъ доходомъ-съ. Вѣдь, Аристархъ Владиміръчъ ему не отказали-бы!

Юсовъ.

Ну, вотъ поди-же!

Бѣлогубовъ.

Мое мнѣніе такое, Акимъ Акимычъ, что другой человѣкъ, съ чувствомъ, на его мѣстѣ, сталъ-бы сапоги чистить Аристарху Владиміръчу, а онъ еще огорчаетъ такого человѣка.

Юсовъ.

Все гордость да разсужденіе.

Бѣлогубовъ.

Какое-же разсужденіе! Объ чемъ мы можемъ разсуждать? Я, Акимъ Акимычъ, никогда...

Юсовъ.

Еще-бы ты-то!

Бѣлогубовъ.

Я никогда-съ... потому это ни къ чему не ведетъ къ хорошему, окромя непріятности.

Юсовъ.

Какъ-же ему не разговаривать! Надобно-же ему показать-то, что въ университетѣ былъ.

Бѣлогубовъ.

Какая-же польза отъ ученья, когда въ человѣкѣ нѣтъ страху... никакого трепету передъ начальствомъ?

Юсовъ.

Чего?

Бѣлогубовъ.

Трепету-съ.

Юсовъ.

Ну, да.

Бѣлогубовъ.

Меня-бы, Акимъ Акимычъ, столоначальникомъ-съ.

Юсовъ.

У тебя губа-то не дура.

Бѣлогубовъ.

Я, вѣдь, больше потому-съ, что у меня теперь невѣста есть-съ. Барышня и отлично образованная-съ. Только безъ мѣста нельзя-съ, кто-жь отдастъ.

Юсовъ.

Что̀-жь не покажешь?

Бѣлогубовъ.

Первымъ долгомъ-съ... хоть нынче-же... какъ вмѣсто родственника-съ.

Юсовъ.

А объ мѣстѣ я доложу. Мы подумаемъ.

Бѣлогубовъ.

Мнѣ-бы ужь это мѣсто на всю жизнь-съ. Я хоть подписку дамъ, потому выше я не могу-съ. Мнѣ не по способностямъ. (*Входитъ Жадовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Жадовъ.

Жадовъ.

Что̀, дядюшка занятъ?

Юсовъ.

Занятъ.

Жадовъ.

Ахъ, жалко! А мнѣ очень нужно его видѣть.

Юсовъ.

Можно и подождать, у нихъ дѣла-то поважнѣй вашихъ.

Жадовъ.

Почемъ вы знаете мои дѣла?

Юсовъ (*смотритъ на него и смѣется*).

Какія у васъ дѣла! Такъ, вздоръ какой-нибудь.

Жадовъ.

Съ вами лучше не говорить, Акимъ Акимычъ; вы всегда на грубость напрашиваетесь. (*Отходитъ и садится на авансценъ*).

Юсовъ (*Бѣлогубову*).

Каковъ?

Бѣлогубовъ (*громко*).

Не стоитъ вниманія разговаривать-то! Только вамъ, на старости лѣтъ, себя безпокоить. Прощайте-съ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Жадовъ и Юсовъ

Юсовъ (*про себя*).

Ха, ха, ха! Жили, жили, да, слава Богу, дожили. Мальчишки стали носъ поднимать.

Жадовъ (*оглядывается*).

Что̀ вы тамъ ворчите?

Юсовъ (*продолжаетъ*).

Дѣлать, что̀ приказано, мы не любимъ, а разсуждать вотъ наше одѣл Какъ можно намъ въ канцеляріи сидѣть! Насъ-бы всѣхъ министрами сдѣлать! Ну, что̀-жь дѣлать, ошиблись, извините, пожалуйста, не знали вашихъ талантовъ. Сдѣлаемъ министрами, непремѣнно сдѣлаемъ... погодите немножко... завтра-же.

Жадовъ (*про себя*).

Надоѣлъ!

Юсовъ.

Боже мой! Боже мой! Ни стыда, ни совѣсти. У другаго еще и губы не обсохли, а ужь амбицію показываетъ. Кто я! Не тронь меня! (*Входитъ Антонъ*).

Антонъ (*Юсову*).

Пожалуйте къ барину. (*Юсовъ уходитъ въ кабинетъ*).

Жадовъ.

Скажи Аннѣ Павловнѣ, что я хочу ихъ видѣть.

Антонъ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Жадовъ (*одинъ*).

Что этотъ старый хрычъ разворчался! Что я ему сдѣлалъ! Университетскихъ, говоритъ, терпѣть не могу. Да развѣ я виноватъ? Вотъ и служи подъ этакимъ начальствомъ. А впрочемъ, что-же онъ мнѣ сдѣлаетъ, коли я буду себя вести хорошо? А вотъ какъ вакансія откроется, такъ, пожалуй, мѣстомъ и обойдутъ. Отъ нихъ станется. (*Вышневская входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Жадовъ и Вышневская.

Вышневская.

Здравствуйте, Василій Николаичъ?

Жадовъ.

Ахъ, тетенька, здравствуйте! (*Цалуетъ у нея руку*). Я вамъ новость скажу.

Вышневская.

Садитесь. (*Садятся*). Что за новость?

Жадовъ.

Я жениться хочу.

Вышневская.

Не рано-ли?

Жадовъ.

Влюбленъ, тетушка, влюбленъ. И какая дѣвушка-то! Совершенство!

Вышневская.

А богата она?

Жадовъ.

Нѣтъ, тетушка, у ней ничего нѣтъ.

Вышневская.

Чѣмъ-же вы жить-то будете?

Жадовъ.

А голова-то, а руки-то на что̀? Неужели мнѣ весь вѣкъ жить на чужой счеть? Конечно, другой былъ-бы радъ, благо случай есть, а я не могу. Ужь не говоря про то, что для этого я долженъ, изъ угожденія дядѣ, противорѣчить собственнымъ убѣжденіямъ. А кто-жь будетъ работать-то? Зачѣмъ-же насъ учили-то! Дядя совѣтуетъ прежде нажить денегъ, какимъ-бы то ни было образомъ, купить домъ, завесть лошадей, а потомъ ужь завести и жену. Могу-ли я согласиться съ нимъ? Я полюбилъ дѣвушку, какъ любятъ только въ мои лѣта. Неужели я долженъ отказаться отъ счастія оттого только, что она не имѣетъ состоянія?

Вышневская.

Страдаютъ не отъ одной бѣдности, страдаютъ и отъ богатства.

Жадовъ.

Помните наши разговоры съ дядей? Что̀ ни скажешь, бывало, противъ взятокъ или вообще противъ всякой неправды, у него одинъ отвѣтъ: поди-ка, поживи, не то заговоришь. Ну, вотъ я и хочу пожить, да еще не одинъ, а съ молодой женой.

Вышневская (*вздыхая*).

Да, позавидуешь женщинамъ, которыхъ любятъ такіе люди, какъ вы.

Жадовъ (*цѣлуя руку*).

Ужь какъ я буду трудиться, тетушка! Большаго, вѣроятно, жена отъ меня не потребуетъ. А если и случится даже нѣкоторое время перенести нужду, такъ, вѣроятно, Полина, изъ любви

ко мнѣ, не покажетъ и виду неудовольствія. Но, во всякомъ случаѣ, какъ-бы жизнь ни была горька, я не уступлю даже милліонной доли тѣхъ убѣжденій, которыми я обязанъ воспитанію.

Вышневская.

За васъ-то можно поручиться; но ваша жена... молодая женщина! Ей трудно будетъ перенести какой-бы то ни было недостатокъ. У насъ очень дурно воспитываютъ дѣвушекъ. Вы, молодые люди, представляете насъ ангелами, а повѣрьте, Василій Николаичъ, что мы хуже мужчинъ. Мы корыстнѣе, пристрастнѣе. Что̀ дѣлать! нужно признаться: въ насъ чувства чести и строгой справедливости гораздо меньше. Что̀ еще въ насъ нехорошо, такъ это — недостатокъ деликатности. Женщина способна упрекнуть, что̀ рѣдкій развитой мужчина позволитъ себѣ. Самыя обидныя колкости нерѣдки между короткими пріятельницами. Иногда глупый попрекъ женщины тяжелѣе всякой обиды.

Жадовъ.

Это правда. Но я самъ буду ее воспитывать. Она еще совсѣмъ ребенокъ, изъ нея еще можно сдѣлать все. Только надобно ее поскорѣй вырвать изъ семейства, пока не успѣли ее испортить пошлымъ воспитаніемъ. А какъ сдѣлаютъ ее барышней, въ полномъ смыслѣ этого слова, тогда ужь поздно.

Вышневская.

Не смѣю сомнѣваться и не хочу васъ разочаровывать. Было-бы неблагородно съ моей стороны охлаждать васъ на первыхъ порахъ. Давайте больше воли вашему сердцу, пока оно еще не зачерствѣло. Не бойтесь бѣдности. Богъ васъ благословитъ. Повѣрьте, что никто такъ не пожелаетъ вамъ счастья, какъ я.

Жадовъ.

Я всегда былъ въ этомъ увѣренъ, тетушка.

Вышневская.

Одно меня безпокоитъ: ваша нетерпимость. Вы постоянно наживаете себѣ враговъ.

Жадовъ.

Да, мнѣ всѣ говорятъ, что я нетерпимъ, что отъ этого я много теряю. Да развѣ нетерпимость недостатокъ? Развѣ лучше равно-

душно смотрѣть на Юсовыхъ, Бѣлогубовыхъ и на всѣ мерзости, которыя постоянно кругомъ тебя дѣлаются? Отъ равнодушія не далеко до порока. Кому порокъ не гадокъ, тотъ самъ понемногу втянется.

Вышневская.

Я не называю нетерпимость недостаткомъ, только знаю по опыту, какъ она неудобна въ жизни. Я видала примѣры... когда-нибудь вы узнаете.

Жадовъ.

Какъ вы думаете, откажетъ мнѣ дядюшка, или нѣтъ? Я хочу попросить прибавки жалованья. Мнѣ-бы теперь очень кстати.

Вышневская.

Не знаю. Попросите. (*Входятъ Вышневскій во фракъ и парикъ, за нимъ Юсовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ-же, Вышневскій и Юсовъ.

Вышневскій (*Жадову*).

А, здравствуй! (*Садится*). Садись! Садись, Акимъ Акимычъ! Ты все лѣнишься, на службу рѣдко ходишь.

Жадовъ.

Дѣлать нѣчего. Не даютъ дѣла.

Юсовъ.

Мало-ли дѣла у насъ!

Жадовъ.

Переписывать-то? Нѣтъ ужь, я слуга покорный! На это у васъ есть чиновники способнѣе меня.

Вышневскій.

Ты все еще не уходился, мой милый! Все проповѣди читаешь. (*Къ женѣ*). Представьте: читаетъ въ канцеляріи писарямъ мораль, а тѣ, натурально, ничего не понимаютъ, сидятъ, розиня ротъ, выпуча глаза. Смѣшно, любезный!

Жадовъ.

Какъ я буду молчать, когда на каждомъ шагу вижу мерзости?

Я еще не потерялъ вѣру въ человѣка, я думаю, что мои слова произведутъ на нихъ дѣйствіе.

Вышневскій.

Онѣ ужь и произвели: ты сталъ посмѣшищемъ всей канцеляріи. Ты ужь достигъ своей цѣли, успѣлъ сдѣлать такъ, что всѣ съ улыбкой переглядываются и перешептываются, когда ты входишь, и распространяется общій хохотъ, когда ты уйдешь.

Юсовъ.

Да-съ.

Жадовъ.

Однако, что̀-же смѣшнаго въ моихъ словахъ?

Вышневскій.

Все, мой другъ. Начиная отъ излишняго, нарушающаго приличія увлеченія, до ребяческихъ, непрактическихъ выводовъ. Повѣрь, что каждый писецъ лучше тебя знаетъ жизнь; знаетъ по собственному опыту, что лучше быть сытымъ, чѣмъ голоднымъ философомъ, и твои слова, естественно, кажутся имъ глупыми.

Жадовъ.

А мнѣ кажется, что они знаютъ только то, что взяточникомъ быть выгоднѣе, нежели честнымъ человѣкомъ.

Юсовъ.

Гмъ, гмъ...

Вышневскій.

Глупо, мой милый! И дерзко, и глупо.

Жадовъ.

Позвольте, дядюшка! Для чего-же насъ учили, для чего-же въ насъ развивали такія понятія, которыхъ нельзя выговорить вслухъ безъ того, чтобы вы не обвинили въ глупости или дерзости?

Вышневскій.

Не знаю, кто васъ тамъ и чему училъ. Мнѣ кажется, что лучше учить дѣлать дѣло и уважать старшихъ, чѣмъ болтать вздоръ.

Юсовъ.

Да-съ, гораздо-бы лучше.

Жадовъ.

Извольте, я буду молчать; но разстаться съ моими убѣжденіями я не могу: они для меня единственное утѣшеніе въ жизни.

Вышневскій.

Да, на чердакѣ, за кускомъ чернаго хлѣба. Славное утѣшеніе! Съ голоду восхвалять свою добродѣтель и ругать товарищей и начальниковъ за то, что они умѣли устроить свою жизнь и живутъ въ довольствѣ, семейно и счастливо. Прекрасно! тутъ и зависть пособитъ.

Жадовъ.

Боже мой!

Вышневская.

Это жестоко.

Вышневскій.

Пожалуйста, не думай, чтобы ты говорилъ что̀-нибудь новое. Всегда это было и всегда будетъ. Человѣкъ, который не умѣлъ или не успѣлъ нажить себѣ состояніе, всегда будетъ завидовать человѣку съ состояніемъ — это въ натурѣ человѣка. Оправдать зависть тоже легко. Завидующіе люди обыкновенно говорятъ: я не хочу богатства; я бѣденъ, но благороденъ.

Юсовъ.

Медоточивыя уста!

Вышневскій.

Благородная бѣдность хороша только на театрѣ. А попробуй перенести ее въ жизни. Это, мой другъ, не такъ легко и пріятно, какъ намъ кажется. Ты-же привыкъ слушаться только самого себя, пожалуй, еще женишься. Что̀ тогда будетъ? Вотъ любопытно!

Жадовъ.

Да, дядюшка, я женюсь, и хотѣлъ объ этомъ говорить съ вами.

Вышневскій.

И, вѣроятно, по любви, на бѣдной дѣвушкѣ, а еще, пожалуй, и на дурѣ, которая объ жизни имѣетъ столько-же понятія, сколько и ты; но ужь, навѣрно, она образована и поетъ подъ разстроенныя фортепьяно: «съ милымъ рай и въ шалашѣ».

Жадовъ.

Да, она бѣдная дѣвушка.

Вышневскій.

И прекрасно.

Юсовъ.

Для размноженія нищихъ-съ...

Жадовъ.

Акимъ Акимычъ, не оскорбляйте меня. Я вамъ не давалъ на это никакого права. Дядюшка, бракъ дѣло великое, и я думаю, что каждый въ этомъ дѣлѣ долженъ слѣдовать собственному внушенію.

Вышневскій.

Сдѣлай милость, тебѣ никто и не мѣшаетъ. Только подумалъ-ли ты вотъ объ чемъ? Ты, конечно, любишь свою невѣсту?

Жадовъ.

Разумѣется, люблю.

Вышневскій.

Что̀-же ты готовишь для нея, какія радости въ жизни? Нищету, всевозможныя лишенія. По моему мнѣнію, кто любитъ женщину, тотъ старается усыпать путь ея, такъ сказать, всѣми наслажденіями.

Юсовъ.

Да-съ.

Вышневскій.

Вмѣсто шляпокъ тамъ и разныхъ модъ, которыя женщины считаютъ необходимыми, ты будешь ей читать лекціи о добродѣтели. Она, конечно, изъ любви, тебя выслушаетъ, а шляпокъ и салоповъ у нея, все-таки, не будетъ.

Вышневская.

Въ его лѣта еще любовь не покупаютъ.

Жадовъ.

Тетушка говоритъ правду.

Вышневскій.

Я согласенъ, покупать любовь тебѣ нѣтъ надобности; но вознаградить ее, отплатить за любовь обязанъ всякій, иначе самая безкорыстная любовь остынетъ. Пойдутъ попреки, сѣтованія на судьбу. Не знаю, каково будетъ тебѣ переносить, когда жена поминутно будетъ раскаяваться вслухъ, что, по неопытности, свя-

зала свою судьбу съ нищимъ. Однимъ словомъ, ты *обязанъ* составить счастіе женщины, которую ты любишь. А безъ богатства или, по крайней мѣрѣ, довольства нѣтъ счастія для женщины. Ты, можетъ быть, по своему обыкновенію, станешь мнѣ противорѣчить; такъ я тебѣ докажу, что это правда. Оглянись вокругъ себя: какая умная дѣвушка задумается выйти замужъ за богатаго старика или урода? Какая мать усомнится выдать дочь такимъ образомъ, даже противъ ея воли, считая слезы своей дочери за глупость, за ребячество, и благодаря Бога, что онъ послалъ ея Машенькѣ или Аннушкѣ такое счастіе. Каждая мать напередъ увѣрена, что дочь послѣ будетъ благодарить ее. Да и для собственнаго спокойствія, которое тоже что̀-нибудь сто̀итъ, мужъ долженъ обезпечить жену совершенно въ матеріальномъ отношеніи; тогда даже... даже если жена и не совсѣмъ счастлива, такъ не имѣетъ права... не смѣетъ жаловаться. (*Съ жаромъ*). Женщинѣ, взятой изъ бѣдности и окруженной попеченіями и роскошью, кто-же повѣритъ, что она несчастлива? Спроси у жены, правду-ли я говорю.

Вышневская.

Ваши слова такъ умны и убѣдительны, что могутъ обойтись и безъ моего согласія. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ-же безъ Вышневской.

Жадовъ.

Не всѣ-же женщины таковы, какъ вы говорите.

Вышневскій.

Почти всѣ. Есть, конечно, исключенія; но мудрено, чтобъ на твою долю выпало это исключеніе. Для этого надобно пожить, поискать, а не влюбляться, какъ ты, въ первую встрѣчную. Послушай, я съ тобой буду говорить, какъ родственникъ, потому что мнѣ жаль тебя. Что̀ ты въ самомъ дѣлѣ о себѣ думаешь? Какъ ты будешь жить съ женой безъ средствъ?

Жадовъ.

Я буду жить трудомъ. Я надѣюсь, что спокойствіе совѣсти можетъ замѣнить для меня земныя блага.

Вышневскій.

Труда твоего мало будетъ для поддержки семейства. Мѣста хорошаго ты не получишь, потому что ты съ своимъ глупымъ характеромъ не съумѣешь ни одного начальника расположить въ свою пользу, а скорѣе вооружишь. Спокойствіе совѣсти тоже не спасетъ тебя отъ голоду. Вотъ видишь, мой другъ, въ обществѣ замѣтно распространяется роскошь, а ваши спартанскія добродѣтели не живутъ вмѣстѣ съ роскошью. Мнѣ твоя мать поручила заботиться о тебѣ, и я обязанъ для тебя сдѣлать все, что̀ могу. Вотъ что̀ я тебѣ совѣтую въ послѣдній разъ: укроти немного свой характеръ, брось завиральныя идеи, брось, глупо, вѣдь; служи, какъ служатъ всѣ порядочные люди, то-есть, гляди на жизнь и на службу практически. Тогда я могу тебѣ помочь и совѣтомъ, и деньгами, и протекціей. Ты ужь не маленькій — жениться сбираешься.

Жадовъ.

Никогда!

Вышневскій.

Какъ это громко — «никогда!» и какъ это глупо вмѣстѣ съ тѣмъ! Я такъ думаю, что ты возьмешься за умъ; я довольно видѣлъ такихъ примѣровъ, только, смотри, не опоздай. Теперь у тебя есть случай и покровительство, а тогда можетъ не быть: ты испортишь карьеру, товарищи твои уйдутъ впередъ, трудно будетъ тебѣ начинать опять сначала. Я говорю тебѣ, какъ чиновникъ.

Жадовъ.

Никогда, никогда.

Вышневскій.

Ну, такъ живи, какъ знаешь, безъ поддержки. На меня ужь не надѣйся. Мнѣ надоѣло и говорить-то съ тобой.

Жадовъ.

Боже мой! Поддержка будетъ для меня въ общественномъ мнѣніи.

Вышневскій.

Да, дожидайся! У насъ общественнаго мнѣнія нѣтъ, мой другъ. и быть не можетъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты понимаешь.

Вотъ тебѣ общественное мнѣніе: не пойманъ — не воръ. Какое дѣло обществу, на какіе доходы ты живешь, лишь-бы ты жилъ прилично и велъ себя, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку. Ну, а если ты будешь ходить безъ сапогъ и читать всѣмъ мораль, такъ ужь извини, если тебя не примутъ въ порядочныхъ домахъ и будутъ говорить о тебѣ, какъ о пустомъ человѣкѣ. Я служилъ въ губернскихъ городахъ: тамъ короче знаютъ другъ друга, чѣмъ въ столицахъ; знаютъ, что̀ каждый имѣетъ, чѣмъ живетъ, слѣдовательно, легче можетъ составиться общественное мнѣніе. Нѣтъ, люди — вездѣ люди. И тамъ смѣялись при мнѣ надъ однимъ чиновникомъ, который жилъ только на жалованье съ большою семьей, и говорили по городу, что онъ самъ себѣ шьетъ сюртуки; и тамъ весь городъ уважалъ первѣйшаго взяточника за то, что онъ жилъ открыто̀ и у него по два раза въ недѣлю бывали вечера.

Жадовъ.

Неужели это правда?

Вышневскій.

Поживи, такъ узнаешь. Пойдемъ, Акимъ Акимычъ. (*Встаетъ*).

Жадовъ.

Дядюшка!

Вышневскій.

Что̀ такое?

Жадовъ.

Я получаю очень мало жалованья, мнѣ нѐчѣмъ жить. Теперь есть вакансія; позвольте мнѣ занять ее, я женюсь...

Вышневскій.

Гмъ... Для этого мѣста нужно мнѣ не женатаго, а способнаго человѣка. Я не могу, по совѣсти, дать тебѣ больше жалованья: во-первыхъ, ты его не стоишь, а во-вторыхъ — ты мой родственникъ, сочтутъ лицепріятіемъ.

Жадовъ.

Какъ вамъ угодно. Буду жить на тѣ средства, какія имѣю.

Вышневскій.

Да вотъ еще, мой милый! скажу тебѣ одинъ разъ навсегда: мнѣ твой разговоръ не нравится, выраженья твои рѣзки и непочти-

тельны, и я не вижу никакой надобности для тебя разстроиваться. Не думай, чтобы я считалъ твои мнѣнія оскорбительными — это слишкомъ много чести для тебя, я просто считаю ихъ глупыми. И потому всѣ мои отношенія къ тебѣ, кромѣ начальническихъ, ты можешь считать совершенно конченными.

Жадовъ.

Такъ я перейду лучше въ другое мѣсто.

Вышневскій.

Сдѣлай милость. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Жадовъ и Юсовъ.

Юсовъ (*смотря ему въ глаза*).

Ха, ха, ха, ха!..

Жадовъ.

Чему вы смѣетесь?

Юсовъ.

Ха, ха, ха!.. Да какъ-же не смѣяться-то? Съ кѣмъ вы спорите? ха, ха, ха! Да на чтò-же это похоже?

Жадовъ.

Чтò-же тутъ смѣшнаго?

Юсовъ.

Чтò-жь, дядюшка-то глупѣе васъ? А, глупѣе? Меньше васъ понимаетъ въ жизни? Да, вѣдь, это курамъ на смѣхъ. Вѣдь, этакъ вы когда-нибудь уморите со смѣху. Помилуйте, пощадите, у меня семейство.

Жадовъ.

Вы этого, Акимъ Акимычъ, не понимаете.

Юсовъ.

Понимать-то тутъ нѣчего. Хоть тысячу человѣкъ приведите, всѣ-бы померли со смѣху, глядя на васъ. Этого человѣка вамъ-бы слушать надобно было, розиня ротъ, чтобы словечка не проронить, да слова-то его на носу зарубить, а вы спорите! Вѣдь, это комедія, ей Богу комедія, ха, ха, ха!.. Вотъ васъ дядюшка-

то и отдѣлали, хе, хе, хе, да еще мало. То-ли-бы слѣдовало. Будь я на его мѣстѣ... (*Дѣлаетъ строгую гримасу и уходитъ въ кабинетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Жадовъ (*одинъ, подумавъ*).

Да, разговаривайте! Не вѣрю я вамъ. Не вѣрю и тому, чтобы честнымъ трудомъ не могъ образованный человѣкъ обезпечить себя съ семействомъ. Не хочу вѣрить и тому, что общество такъ развратно! Это обыкновенная манера стариковъ разочаровывать молодыхъ людей: представлять имъ все въ черномъ свѣтѣ. Людямъ стараго вѣка завидно, что мы такъ весело и съ такою надеждой смотримъ на жизнь. А, дядюшка! я васъ понимаю. Вы теперь всего достигли — и знатности, и денегъ, вамъ нѣкому завидовать. Вы завидуете только намъ, людямъ съ чистою совѣстью, съ душевнымъ спокойствіемъ. Этого вы не купите ни за какія деньги. Разсказывайте, что̀ хотите, а я, все-таки, женюсь и буду жить счастливо. (*Уходитъ. Вышневскій и Юсовъ выходятъ изъ кабинета*).

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Юсовъ и Вышневскій.

Вышневскій.

На комъ онъ женится?

Юсовъ.

На Кукушкиной. Дочь вдовы коллежскаго ассесора.

Вышневскій.

Ты знакомъ съ ней?

Юсовъ.

Такъ-съ, съ мужемъ былъ знакомъ. Бѣлогубовъ на другой сестрѣ жениться хочетъ.

Вышневскій.

Ну, Бѣлогубовъ другое дѣло. Во всякомъ случаѣ, ты къ ней съѣзди. Растолкуй ей, чтобы она не губила своей дочери, не отдавала за этого дурака. (*Киваетъ головой и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Юсовъ (*одинъ*).

Что̀ это за время такое! Что̀ теперь на свѣтѣ дѣлается, глазамъ своимъ не повѣришь! Какъ жить на свѣтѣ! Мальчишки стали разговаривать! Кто разговариваетъ-то? Кто споритъ-то? Такъ, ничтожество! Дунулъ на него, фу! (*дуетъ*) вотъ и нѣтъ человѣка. Да еще съ кѣмъ споритъ-то! Съ геніемъ. Аристархъ Владимірычъ геній... геній, Наполеонъ. Ума необъятнаго, быстрота, смѣлость въ дѣлахъ. Одного не достаетъ: въ законѣ не совсѣмъ твердъ, изъ другаго вѣдомства. Кабы Аристархъ Владимірычъ, при его умѣ, да зналъ законы и всѣ порядки такъ, какъ его предшественникъ, ну и конецъ... конецъ... и разговаривать нѐчего. Поѣзжай за нимъ, какъ по желѣзной дорогѣ. Такъ ухватись за него, да и ступай. И чины, и ордена, и всякія угодья, и дома, и деревни съ пустошами... Духъ захватываетъ! (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА ВО ВТОРОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Фелисата Герасимовна Кукушкина, вдова коллежскаго ассесора.
Юлинька } ея дочери.
Полина }
Акимъ Акимычъ Юсовъ.
Василій Николаичъ Жадовъ.
Онисимъ Панфилычъ Бѣлогубовъ.
Стеша, горничная дѣвушка.

(Между первымъ и вторымъ дѣйствіями проходитъ около года).

Комната въ домѣ Кукушкиной: обыкновенная гостиная въ небогатыхъ домахъ. По срединѣ дверь и налѣво дверь.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Юлинька, Полина (*стоятъ передъ зеркаломъ*) и Стеша (*со щеткой и крыломъ въ рукахъ*).

Стеша.

Ну вотъ, мои барышни и готовы. Хоть сейчасъ женихи наѣзжайте, какъ на выставку выставлены, первый сортъ. Такой форсъ покажемъ — въ носъ бросится. Генералу какому не стыдно показать!

Полина.

Ну, Юлинька, по мѣстамъ; сядемъ, какъ умныя барышни сидятъ. Сейчасъ маменька будетъ намъ смотръ дѣлать. Товаръ лицомъ продаетъ.

Стеша (*стирая пыль*).

Да ужь какъ ни смотри, все въ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ, все подшпилено да подколоно.

Юлинька.

Она у насъ такой ревизоръ; что̀-нибудь отыщетъ. (*Садятся*).

Стеша (*останавливается посреди комнаты*).

Ужь и въ самомъ дѣлѣ, барышни, вамъ отъ нея житья нѣтъ вовсе. Муштруетъ, муштруетъ, какъ солдатъ на ученьи. Всѣ на вытяжкѣ да на вытяжкѣ, только что ноги поднимать не заставляетъ. А ужь надо мной-то измывается, измывается — одной только чистотой одолѣла. (*Стираетъ пыль*).

Юлинька.

Нравится тебѣ твой женихъ, Василій Николаичъ?

Полина.

Ахъ, просто душка! А тебѣ твой Бѣлогубовъ?

Юлинька.

Нѣтъ, дрянь ужасная!

Полина.

Зачѣмъ-же ты маменькѣ не скажешь?

Юлинька.

Вотъ еще! Сохрани Господи! Я рада-радехонька хоть за него выйти, только-бы изъ дому-то вырваться.

Полина.

Да, правда твоя! Не попадись и мнѣ Василій Николаичъ, кажется, рада-бы первому встрѣчному на шею броситься: хоть-бы плохенькой какой, только-бы изъ бѣды выручилъ, изъ дому взялъ. (*Смѣется*).

Стеша (*нагибаясь подъ диванъ*).

Ужь истинно мука мученическая. Вотъ ужь правду, барышня, говорите.

Полина.

Другія дѣвушки плачутъ, Юлинька, какъ замужъ идутъ: какъже это съ домомъ разстаться! Каждый уголокъ оплачутъ. А мы съ тобой, хоть за тридевять земель сейчасъ, хоть-бы какой змѣйгорынычъ унесъ. (*Смѣется*).

Стеша.

Вотъ, не сотри я здѣсь, такъ будетъ на орѣхи. А кто тутъ увидитъ, кому нужно! (*Стираетъ подъ зеркаломъ*).

Юлинька.

Ты счастлива, Полина; тебѣ все смѣшно; а я такъ серьёзно начинаю подумывать. Выйти замужъ не хитро—эта наука намъ извѣстна; надобно подумать и о томъ, какъ будешь жить замужемъ.

Полина.

А объ чемъ тутъ думать? Ужь вѣрно не будетъ хуже, чѣмъ дома.

Юлинька.

Не хуже! этого мало. Надобно, чтобъ лучше было. Ужь коли выйти замужъ, такъ чтобы быть дамой, какъ слѣдуетъ барыней.

Полина.

Оно-бы очень хорошо, чего лучше, да только какъ это сдѣлать? Ты, вѣдь, у насъ умница: научи!

Юлинька.

Надобно замѣчать изъ разговора, у кого что̀ есть, кто на что̀ надѣется. Коли теперь нѣтъ, такъ въ виду чего не имѣетъ-ли. Ужь сейчасъ изъ словъ видно, кто какой человѣкъ. Твой Жадовъ что̀ говоритъ съ тобой, какъ вы одни остаетесь?

Полина.

Ну ужь, Юлинька, вотъ хоть сейчасъ голову на отсѣченіе, ничего не понимаю, что̀ онъ говоритъ. Сожметъ руку такъ крѣпко и начнетъ говорить, и начнетъ... чему-то меня учить хочетъ.

Юлинька.

Чему-же?

Полина.

Ужь право, Юлинька, не знаю. Что̀-то очень мудрено. Погоди, можетъ быть, вспомню, только какъ-бы не засмѣяться, слова такія смѣшныя! Постой, постой, вспомнила! (*Передразнивая*). «Какое назначеніе женщины въ обществѣ?» Про какія-то еще гражданскія добродѣтели говорилъ. Я ужь и не знаю, что̀ такое. Насъ, вѣдь, этому не учили?

Юлинька.

Нѣтъ, не учили.

Полина.

Онъ, должно быть, въ тѣхъ книгахъ читалъ, которыя намъ

не давали. Помнишь... въ пансіонѣ? Да мы, правда, никакихъ не читали.

Юлинька.

Есть объ чемъ жалѣть! и безъ нихъ тоска смертная! Вотъ-бы на гулянье или въ театръ — другое дѣло.

Полина.

Да, сестрица, да.

Юлинька.

Ну, Полина, признаться сказать, на твоего надежды мало. Нѣтъ, мой не таковъ.

Полина.

Какой-же твой?

Юлинька.

Мой Бѣлогубовъ, хоть и противенъ немного, а надежды подаетъ большія. «Вы, говоритъ, полюбите меня-съ. Теперь еще мнѣ жениться не время-съ, а вотъ какъ столоначальникомъ сдѣлаютъ, тогда женюсь». Я у него спрашивала, что̀ такое столоначальникъ. «Это, говоритъ, первый сортъ-съ». Должно быть, что̀-нибудь хорошее. «Я, говоритъ, хоть и необразованный человѣкъ, да у меня много дѣлъ съ купцами-съ: такъ я вамъ буду изъ городу шелковыя и разныя матеріи возить, и насчетъ провіанту все будетъ-съ». Что̀-жь? это очень хорошо, Полина, пускай возитъ. Тутъ и думать нѣчего, за такого человѣка надо идти.

Полина.

А у моего, должно быть, нѣтъ знакомыхъ купцовъ, онъ мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ. Ну, какъ онъ мнѣ не станетъ привозить ничего?

Юлинька.

Нѣтъ, должно быть, и у твоего есть. Вѣдь, онъ служащій, а служащимъ всѣмъ дарятъ, кому что̀ нужно. Кому матеріи разныя, коли женатый; а коли холостой — сукна, трико; у кого лошади — тому овса или сѣна, а то такъ и деньгами. Прошлый разъ Бѣлогубовъ былъ въ жилеткѣ, помнишь, такая пестрая; это ему купецъ подарилъ. Онъ мнѣ самъ сказывалъ.

Полина.

Все-таки, надобно спросить, есть-ли у Жадова знакомые купцы. (*Входитъ Кукушкина*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Кукушкина.

Кукушкина.

Какъ себя не похвалить! У меня чистота, у меня порядокъ, у меня все въ струнѣ! (*Садится*). А это что̀? (*Указываетъ горничной подъ диванъ*).

Стеша.

Да помилуйте, силъ моихъ не хватаетъ, всю поясницу разломило.

Кукушкина.

Какъ ты смѣешь, мерзкая, такъ разговаривать! Ты за то жалованье получаешь. У меня чистота, у меня порядокъ, у меня по ниточкѣ ходи. (*Горничная подметаетъ и уходитъ*). Юлинька! (*Юлинька встаетъ*). Я съ вами хочу говорить.

Юлинька.

Что̀ вамъ угодно, маменька?

Кукушкина.

Вы знаете, сударыня, что у меня ни за мной, ни передо мной ничего нѣтъ.

Юлинька.

Знаю, маменька.

Кукушкина.

Пора знать, сударыня! доходовъ у меня нѣтъ ни откуда, одна пенсія. Своди концы съ концами, какъ знаешь. Я себѣ во всемъ отказываю. Поворачиваюсь, какъ воръ на ярмаркѣ, а я еще не старая женщина, могу партію найти. Понимаете вы это?

Юлинька.

Понимаю-съ.

Кукушкина.

Я вамъ дѣлаю модныя платья и разныя бездѣлушки, а для себя перекрашиваю да перекрашиваю изъ стараго. Не думаете-

ли вы, что я наряжаю васъ для вашего удовольствія, для франтовства! Такъ ошибаетесь. Все это дѣлается для того, чтобы выдать васъ замужъ, съ рукъ сбыть. По моему состоянію, я васъ могла-бы только въ ситцевыхъ да въ затрапезныхъ платьяхъ водить. Если не хотите, или не умѣете себѣ найти жениха, такъ и будетъ. Я для васъ обрывать да обрѣзывать себя понапрасну не намѣрена.

Полина.

Мы, маменька, давно это слышали. Вы скажите, въ чемъ дѣло.

Кукушкина.

Ты молчи! не съ тобой говорятъ. Тебѣ за глупость Богъ счастье далъ, такъ ты и молчи. Какъ-бы не дуракъ этотъ Жадовъ, такъ-бы тебѣ вѣкъ горе мыкать, въ дѣвкахъ сидѣть за твое легкомысліе. Кто изъ умныхъ-то тебя возьметъ? Кому надо? Хвастаться тебѣ нечѣмъ, тутъ твоего ума ни на волосъ не было: ужь нельзя сказать, что ты его приворожила — самъ набѣжалъ, самъ въ петлю лѣзетъ, никто его не тянулъ. А Юлинька дѣвушка умная, должна своимъ умомъ себѣ счастье составить. Позвольте узнать, будетъ отъ вашего Бѣлогубова толкъ, или нѣтъ?

Юлинька.

Я, маменька, не знаю.

Кукушкина.

Кто-же знаетъ? Вамъ извѣстно, сударыня, что я посторонних молодыхъ людей въ домъ не принимаю. Я принимаю только жениховъ, или тѣхъ, которые могутъ быть женихами. У меня коли мало-мальски похожъ на жениха, милости просимъ, домъ открытъ, а какъ завилялъ хвостомъ, такъ и поворотъ отъ воротъ. Намъ такихъ ненадобно. Я свою репутацію берегу, да и вашу также.

Юлинька.

Что-же, маменька, мнѣ дѣлать?

Кукушкина.

Дѣлать то, что приказано. Вы помните одно, что вамъ въ дѣвкахъ оставаться нельзя. Вы должны будете въ кухнѣ жить.

Юлинька.

Я, маменька, дѣлала все, что̀ вы приказали.

Кукушкина.

Что̀-же вы дѣлали? Извольте говорить, я буду слушать васъ.

Юлинька.

Когда онъ пришелъ къ намъ во второй разъ, помните, еще вы его насильно привели, я сдѣлала ему глазки.

Кукушкина.

Ну, а онъ что̀?

Юлинька.

А онъ какъ-то странно сжималъ губы, облизывался. Мнѣ кажется, онъ такъ глупъ, что ничего не понялъ. Нынче всякій гимназистъ ловчѣе его.

Кукушкина.

Ужь я тамъ вашихъ наукъ не знаю, а вижу, что онъ почтителенъ, и есть въ немъ этакое какое-то пріятное искательство къ начальству. Значитъ, онъ пойдетъ далеко. Я это съ разу поняла.

Юлинька.

Когда онъ былъ у насъ въ третій разъ, помните, въ пятницу, я ему стихи читала любовные; онъ тоже, кажется, ничего не понялъ. А ужь въ четвертый разъ я ему записку написала.

Кукушкина.

Что̀-же онъ?

Юлинька.

Онъ пришелъ и говоритъ: «мое сердце никогда отъ васъ не отвращалось, а всегда было, есть и будетъ». (*Полина хохочетъ*).

Кукушкина (*грозя ей пальцемъ*).

Что̀-же дальше?

Юлинька.

Говоритъ: «какъ только получу мѣсто столоначальника, такъ буду у вашей маменьки слезно просить руки вашей».

Кукушкина.

А скоро онъ получитъ?

Юлинька.

Говоритъ, что скоро.

Кукушкина.

Поди, Юлинька, поцалуй меня. (*Цалуетъ ее*). Выйти замужъ, мой другъ, для дѣвушки великое дѣло. Вы это послѣ поймете. Я, вѣдь, мать, и мать строгая; съ женихомъ, что̀ хочешь, дѣлай, я сквозь пальцы буду смотрѣть, я молчу, мой другъ, молчу; а ужь съ постороннимъ, нѣтъ, шалишь, не позволю. Поди, Юлинька, сядь на свое мѣсто. (*Юлинька садится*). А выйдете, дѣти, замужъ, вотъ вамъ мой совѣтъ: мужьямъ потачки не давайте, такъ ихъ поминутно и точите, чтобъ деньги добывали; а то облѣнятся, потомъ сами плакать будете. Много-бы надо было наставленій сдѣлать; но вамъ теперь, дѣвушкамъ, еще всего сказать нельзя; коли случится что̀, пріѣзжайте прямо ко мнѣ, у меня всегда для васъ пріемъ, никогда запрету нѣтъ. Всѣ средства я знаю и всякій совѣтъ могу дать, даже и по докторской части.

Полина.

Маменька, кто-то пріѣхалъ.

Юлинька (*взглянувъ въ окно*).

Бѣлогубовъ съ какимъ-то старикомъ.

Кукушкина.

Садитесь по мѣстамъ. Юлинька, спусти немного мантилью съ праваго плеча. (*Юсовъ и Бѣлогубовъ входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же, Юсовъ и Бѣлогубовъ.

Бѣлогубовъ.

Здравствуйте, Фелисата Герасимовна! (*Къ барышнямъ*). Здравствуйте-съ. (*Показывая на Юсова*). Вотъ-съ они желали-съ... Это-съ мой начальникъ и благодѣтель, Акимъ Акимычъ Юсовъ-съ. Все-таки, лучше-съ, Фелисата Герасимовна, когда начальство-съ..

Кукушкина.

Милости просимъ, милости просимъ. Садиться покорно просимъ. (*Акимъ Акимычъ и Бѣлогубовъ садятся*). Вотъ рекомендую вамъ: двѣ мои дочери, Юлинька и Полина. Совершенныя

дѣти, ни объ чемъ понятія не имѣютъ; имъ-бы еще въ куклы играть, а не то, что замужъ выходить. И жаль разставаться, а нѣчего дѣлать. Такой товаръ дома не удержишь.

Юсовъ.

Да-съ, ужь это законъ судебъ-съ, кругъ житейскій-съ! Что̀ предначертано отъ вѣка, того ужь человѣкъ не можетъ-съ...

Кукушкина.

Я вамъ правду скажу, Акимъ Акимычъ, онѣ у меня въ строгости воспитываются, отъ всего отдалены. Денегъ я не могу за ними дать много, но ужь за нравственность мужья будутъ благодарны. Я люблю дѣтей, Акимъ Акимычъ, но строга, очень строга. (*Строго*). Полина, подите, распорядитесь чаемъ.

Полина (*встаетъ*).

Сейчасъ, маменька. (*Уходитъ*).

Юсовъ.

Я самъ строгъ-съ. (*Строго*). Бѣлогубовъ!

Бѣлогубовъ.

Чего изволите-съ?

Юсовъ.

Вѣдь, я строгъ?

Бѣлогубовъ.

Строги-съ. (*Юлинькѣ*). У меня опять новая жилетка-съ. Вотъ посмотрите-съ.

Юлинька.

Очень хороша. Это вамъ тотъ-же купецъ подарилъ?

Бѣлогубовъ.

Нѣтъ, другой-съ. У этого фабрика лучше.

Юлинька.

Пойдемте въ гостиную, я вамъ свою работу покажу. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Юсовъ и Кукушкина.

Кукушкина.

Какъ любятъ другъ друга, трогательно смотрѣть. Одного недостаетъ молодому человѣку — мѣста, говоритъ, нѣтъ хорошаго.

Не могу, говоритъ, обезпечить жену всѣмъ полнымъ спокойствіемъ. Кабы, говоритъ, столоначальникомъ сдѣлали, я-бы, говоритъ, могъ жену содержать. А, вѣдь, жаль, Акимъ Акимычъ! Такой прекрасный молодой человѣкъ, такъ влюбленъ...

Юсовъ (*нюхая табакъ*).

Понемногу, Фелисата Герасимовна, понемногу.

Кукушкина.

Однако, вы должны знать, скоро-ли онъ это мѣсто получитъ. Можетъ быть, даже это и отъ васъ зависитъ. Я за него просительница. (*Кланяется*). Вамъ нельзя будетъ мою просьбу не уважить; я мать, нѣжная мать, хлопочу для счастья своихъ дѣтей, своихъ птенцовъ.

Юсовъ (*сдѣлавъ серьезную физіономію*).

Скоро, скоро будетъ. Я ужь объ немъ докладывалъ нашему генералу. А генералъ весь въ моихъ рукахъ: что̀ я скажу, то и будетъ. Мы его сдѣлаемъ столоначальникомъ. Я захочу, будетъ столоначальникомъ, а не захочу, не будетъ столоначальникомъ... Хе, хе, будетъ, будетъ. Генералъ у меня вотъ гдѣ. (*Показываетъ руку*).

Кукушкина.

Признаться вамъ сказать, я даже не люблю холостыхъ. Что̀ они дѣлаютъ? такъ только землю тяготятъ.

Юсовъ (*важно*).

Бремя на землѣ, бремя... и празднословіе.

Кукушкина.

Да-съ. Да и въ домъ опасно принимать холостаго человѣка, особенно у кого есть дочери или молодая жена. Кто его знаетъ, что̀ у него на умѣ. По-моему, молодаго человѣка надо женить поскорѣй, онъ послѣ самъ будетъ благодаренъ, а то, вѣдь, они глупы, своей пользы не понимаютъ.

Юсовъ.

Да-съ. Отъ разсѣянности. Вѣдь, жизнь — это море житейское... поглощаетъ.

Кукушкина.

Холостой не можетъ завести хозяйства у себя, объ домѣ не заботится, ходитъ по трактирамъ.

Юсовъ.

Да, вѣдь, и мы ходимъ-съ... отдохновеніе отъ трудовъ...

Кукушкина.

Ахъ, Акимъ Акимычъ, большая разница. Вы пойдете, когда васъ позовутъ, захотятъ васъ угостить, уваженіе свое показать вамъ; а на свои вы, вѣдь, ужь не пойдете.

Юсовъ.

Какъ можно, нѣтъ-съ, не пойду.

Кукушкина.

Теперь возьмите: холостаго человѣка проситель за какое-нибудь дѣло позоветъ въ трактиръ, угоститъ обѣдомъ, да и все тутъ. Денегъ истратятъ много, а пользы ни на грошъ. А женатый-то, Акимъ Акимычъ, скажетъ просителю: на что̀ мнѣ твои обѣды, я пойду лучше съ женою пообѣдаю, семейнымъ образомъ, тихо, въ своемъ углѣ, а ты мнѣ дай чистыми. Да деньги-то принесетъ. Такъ оно двѣ выгоды: и трезвый придетъ, да и съ деньгами... Который вы годъ женаты?

Юсовъ.

Сорокъ третій годъ-съ...

Кукушкина.

Скажите! А какъ вы молоды на лицо!

Юсовъ.

Регулярность въ жизни... банки вчера ставилъ.

Кукушкина.

Здоровому все здорово, особенно когда человѣкъ душой покоенъ, живетъ въ довольствѣ.

Юсовъ.

Я вамъ доложу, какая игра природы бываетъ... съ человѣкомъ... изъ бѣдности и въ богатство. Меня, сударыня — давно ужь это было — привели въ присутствіе въ затрапезномъ халатишкѣ, только что грамотѣ зналъ — читать да писать... Сидятъ, вижу, все люди пожилые, важные, сердитые, тогда брились-то не часто, такъ оно еще больше важности придаетъ. Страхъ на меня напалъ, слова выговорить не могъ. Года два былъ на побѣгушкахъ, разныя коммиссіи исправлялъ: и за водкой-то бѣгалъ, и за пирогами, и за квасомъ, кому съ похмѣлья, и сидѣлъ-то я не у

стола, не на стулѣ, а у окошка на связкѣ бумагъ, и писалъ-то я не изъ чернилицы, а изъ старой помадной банки. А вотъ вышелъ въ люди. Конечно, все это не отъ насъ... свыше... знать, ужъ такъ надобно было мнѣ быть человѣкомъ и занимать важный постъ. Иногда думаемъ съ женой: за что̀ такъ насъ Богъ взыскалъ своей милостью? На все судьба... и добрыя дѣла нужно дѣлать... помогать неимущимъ. Да-съ, имѣю теперь три домика, хоть далеко, да мнѣ это не мѣшаетъ; лошадокъ держу четверню. Оно подальше-то лучше: и земли побольше, и не такъ шумно да и разговору меньше, пересуду.

Кукушкина.

Да, конечно. Садикъ, чай, имѣете при домахъ-то?

Юсовъ.

Какъ-же-съ. Въ лѣтній зной прохлада и отдохновеніе членамъ. А гордости во мнѣ нѣтъ-съ. Гордость ослѣпляетъ... Мнѣ хоть мужикъ... я съ нимъ, какъ съ своимъ братомъ... все равно, ближній... По службѣ нельзя... особенно верхоглядовъ не люблю, нынѣшнихъ образованныхъ-то. Съ этими строгъ и взыскателенъ. Возмечтали очень. Предразсудкамъ этимъ я не вѣрю, будто ученые съ неба звѣзды хватаютъ. Видалъ я ихъ: не лучше насъ, грѣшныхъ, да и къ службѣ не такъ внимательны. У меня правило — всячески ихъ тѣснить для пользы службы... потому отъ нихъ вредъ. Какъ-то, Фелисата Герасимовна, къ простымъ людямъ больше сердце лежитъ. При нынѣшнихъ строгостяхъ случается съ человѣкомъ несчастіе, выгонятъ изъ уѣзднаго училища за неуспѣхи, или изъ низшихъ классовъ семинаріи: какъ его не призрѣть? Онъ и такъ судьбой убитъ, всего онъ лишенъ, всѣмъ обиженъ. Да и люди-то выходятъ по нашему дѣлу понятливѣе и подобострастнѣе, душа у нихъ открытѣе. По христіанскому долгу, выведешь такого человѣка въ люди, онъ тебѣ всю жизнь благодаренъ: и въ посаженые отцы зоветъ, и въ кумовья зоветъ. Ну, и въ будущемъ вѣкѣ мзда... Вотъ Бѣлогубовъ, вѣдь, грамоты не знаетъ, а я его люблю, Фелисата Герасимовна, какъ сына: въ немъ чувство есть. А признаться вамъ сказать, другой вашъ женихъ... онъ, вѣдь, тоже подъ начальствомъ у меня... Такъ я могу судить...

Кукушкина.

Что̀-же такое?

Юсовъ (*дѣлаетъ серьезное лицо*).

Неблагонадеженъ.

Кукушкина.

Отчего-же? Вѣдь, онъ не пьяница, не мотъ, къ службѣ не лѣнивъ?

Юсовъ.

Да-съ. Но... (*нюхаетъ табакъ*) неблагонадеженъ.

Кукушкина.

Какимъ-же образомъ, растолкуйте мнѣ, батюшка, Акимъ Акимычъ, вѣдь, я мать.

Юсовъ.

А вотъ, изволите-ли видѣть. Имѣетъ такого человѣка родственникомъ... Аристархъ Владиміръичъ Вышневскій.

Кукушкина.

Знаю.

Юсовъ.

Особа, ужь можно сказать, особа.

Кукушкина.

Знаю.

Юсовъ.

А онъ оказываетъ непочтеніе.

Кукушкина.

Знаю, знаю.

Юсовъ.

Противъ начальства грубъ... высокомѣріе сверхъ границъ... и даже такія мысли... развращаетъ юношество... а особенно вольнодумство. Начальство должно строго смотрѣть.

Кукушкина.

Знаю.

Юсовъ.

А коли знаете, такъ сами можете разсудить. Какія времена пришли, Фелисата Герасимовна, житья нѣтъ! А отъ кого? Отъ дряни, отъ мальчишекъ. Сотнями выпускаютъ ихъ; заполонятъ насъ совсѣмъ.

Кукушкина.

Эхъ, Акимъ Акимычъ, женится—перемѣнится. А не знать всего этого я не могла, я не такая мать, безъ оглядки ничего не сдѣлаю. У меня такое правило: какъ только повадился къ намъ молодой человѣкъ, такъ и пошлю кого-нибудь узнать про него всю подноготную, или сама отъ стороннихъ людей развѣдаю. Всѣ эти глупости въ немъ, по-моему, происходятъ отъ холостой жизни. Вотъ какъ женится, да мы на него насядемъ, такъ и съ дядей помирится, и служить будетъ хорошо.

Юсовъ.

Онъ перемѣнится, и начальство къ нему перемѣнится... (*Помолчавъ*). Нѣтъ прежнихъ чиновниковъ, Фелисата Герасимовна! Упадаетъ чиновничество. Духу того нѣтъ. А какая жизнь была, Фелисата Герасимовна, рай просто! Умирать ненадо. Купались, просто купались, Фелисата Герасимовна. Прежніе-то чиновники были орлы, орлы, а теперь молодежь, верхогляды, пустота какая-то. (*Жадовъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Жадовъ.

Кукушкина.

Милости просимъ, Василій Николаичъ, милости просимъ. Полина совсѣмъ стосковалась объ васъ. Всѣ глаза проглядѣла, то къ тому окошку подбѣжитъ, то къ другому. Ужь такъ любитъ, такъ любитъ!.. Я, право, и не видывала. Счастливы вы, Василій Николаичъ. За что̀ васъ такъ любятъ-то, скажите вы мнѣ?

Жадовъ.

Извините, Фелисата Герасимовна, я опоздалъ немного. Ахъ, Акимъ Акимычъ! (*Кланяется*). Вы какимъ образомъ?

Кукушкина.

Акимъ Акимычъ такъ добры, такъ пекутся о своихъ чиновникахъ... я ужь и не знаю, какъ быть имъ благодарною. Сами потрудились пріѣхать, познакомиться.

Жадовъ (*Юсову*).

Благодарю васъ. А впрочемъ, напрасно безпокоились.

Юсовъ.

Я, Фелисата Герасимовна, больше для Бѣлогубова. Родныхъ у него нѣтъ, я ему вмѣсто отца...

Кукушкина.

Ужь не говорите, Акимъ Акимычъ, вы сами семейный человѣкъ, и я сейчасъ увидѣла, что вы стараетесь молодыхъ людей всячески поощрять къ семейной жизни. Я сама того-же мнѣнія, Акимъ Акимычъ. (*Къ Жадову*). Вы себѣ представить не можете, Василій Николаичъ, какъ я страдаю, когда вижу, что два влюбленныхъ сердца раздѣляютъ какія-нибудь препятствія. Когда читаешь романъ, видишь, какъ обстоятельства запрещаютъ влюбленнымъ видѣться, или родители не согласны, или состояніе не позволяетъ, какъ страдаешь въ эту минуту. Я плачу, просто плачу! И какъ жестоки бываютъ иногда родители, которые не хотятъ уважить чувства своихъ дѣтей. Нѣкоторые даже умираютъ отъ любви по этому случаю. Но когда видишь, что все идетъ къ благополучной развязкѣ, всѣ препятствія уничтожаются, (*восторженно*) любовь торжествуетъ и молодые люди соединяются законнымъ бракомъ, какъ сладко становится на душѣ. Такъ даже нѣга какая-то по всѣмъ членамъ. (*Полина входитъ*).

Полина.

Пожалуйте, чай готовъ. (*Увидавъ Жадова*). Василій Николаичъ! Не стыдно-ли заставлять такъ страдать? Я ждала, ждала васъ.

Жадовъ (*цалуетъ руку*).

Виноватъ.

Кукушкина

Поди, дитя мое, поцалуй меня.

Полина (*Жадову*).

Пойдемте.

Кукушкина.

Пойдемте, Акимъ Акимычъ! (*Уходятъ. Бѣлогубовъ и Юлинька входятъ съ чашками въ рукахъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Бѣлогубовъ и Юлинька.

Юлинька.

Какъ я вижу, вы все меня обманываете.

Бѣлогубовъ.

Какъ-же я смѣю васъ обманывать-съ? Съ чѣмъ это сообразно? (*Садятся*).

Юлинька.

Мужчинамъ вѣрить ни въ чемъ нельзя, рѣшительно ни въ чемъ.

Бѣлогубовъ.

Отчего-же такая критика на мужчинъ?

Юлинька.

Какая-же критика, когда это истинная правда?

Бѣлогубовъ.

Не можетъ быть-съ. Это одинъ разговоръ; мужчины обыкновенно комплименты говорятъ, а барышни имъ не вѣрятъ, говорятъ, что мужчины обманщики.

Юлинька.

Вы все знаете. Вы, должно быть, сами очень много комплиментовъ говорили въ своей жизни.

Бѣлогубовъ.

Мнѣ нѣкому было, да и не умѣю-съ. Вамъ извѣстно, что я недавно сталъ вхожъ въ домъ-съ, а прежде этого и знакомства никакого не имѣлъ.

Юлинька.

И вы никого не обманывали?

Бѣлогубовъ.

На счетъ чего вы спрашиваете?

Юлинька.

Не говорите. Я вамъ ни одного слова не вѣрю. (*Отворачивается*).

Бѣлогубовъ.

Да за что-же-съ? Это даже обидно.

Юлинька.

Кажется, можете понять.

Бѣлогубовъ.

Не понимаю-съ.

Юлинька.

Не хотите! (*Закрываетъ глаза платкомъ*).

Бѣлогубовъ.

Я васъ могу завѣрить, чѣмъ угодно-съ, что я всегда-съ... какъ былъ влюбленъ, такъ и теперь... Я вамъ ужь докладывалъ...

Юлинька.

Любите, а медлите.

Бѣлогубовъ.

Да-съ... Теперь понимаю-съ. Такъ, вѣдь, это не такого рода дѣло-съ... скоро нельзя-съ.

Юлинька.

Отчего-же Жадову можно?

Бѣлогубовъ.

Совсѣмъ другое дѣло-съ. У него дяденька богатый-съ, да и самъ онъ образованный человѣкъ, вездѣ можетъ мѣсто имѣть. Хоть и въ учители пойдетъ — все хлѣбъ-съ. А я что̀-съ? Пока не дадутъ мѣста столоначальника, ничего не могу-съ... Да и вы сами не захотите щи да кашу кушать-съ. Это только намъ можно-съ, а вы барышня, вамъ нельзя-съ. А вотъ получу мѣсто, тогда совсѣмъ другой переворотъ будетъ.

Юлинька.

Когда-же этотъ переворотъ будетъ?

Бѣлогубовъ.

Теперь скоро-съ. Обѣщали. Какъ только получу мѣсто, такъ въ ту-жь минуту... только платье новое сошью... Я ужь и маменькѣ говорилъ-съ. Вы не сердитесь, Юлія Ивановна, потому что не отъ меня зависимо. Пожалуйте ручку. (*Юлинька протягиваетъ руку, не глядя на него. Онъ цалуетъ*). Я ужь и самъ жду не дождусь. (*Входятъ Жадовъ и Полина*).

Юлинька.

Уйдемте, оставимте ихъ однихъ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Жадовъ и Полина (*садятся*).

Полина.

Знаете, что̀ я вамъ скажу?

Жадовъ.

Нѣтъ, не знаю.

Полина.

Только вы, пожалуйста, маменькѣ не сказывайте.

Жадовъ.

Не скажу, будьте покойны.

Полина (*подумавъ*).

Я сказала-бы вамъ, да боюсь, что вы меня разлюбите.

Жадовъ.

Васъ разлюбить? Да развѣ это можно?

Полина.

Да вы правду говорите?

Жадовъ (*беретъ за руку*).

Да ужъ не разлюблю, повѣрьте.

Полина.

Ну, смотрите-же. Я вамъ по простотѣ скажу. (*Тихо*). У насъ въ домѣ все обманъ, все, все, рѣшительно все. Вы, пожалуйста, ничему не вѣрьте, что̀ вамъ говорятъ. За нами ничего нѣтъ. Маменька говоритъ, что насъ любитъ, а совсѣмъ не любитъ, только хочетъ поскорѣе съ рукъ сбыть. Женихамъ въ глаза льститъ, а за глаза ругаетъ. Насъ заставляетъ притворяться.

Жадовъ.

Васъ это возмущаетъ? Возмущаетъ?

Полина.

Только я не притворяюсь, я въ самомъ дѣлѣ васъ люблю.

Жадовъ.

Вы меня съ ума сведете! (*Цалуетъ руку*).

Полина.

Да еще вотъ что̀ я вамъ скажу: мы, вѣдь, совсѣмъ необразованы. Еще Юлія кой-что знаетъ, я такъ вовсе дурочка.

Жадовъ.

Ка̀къ дурочка?

Полина.

Такъ, какъ бываютъ дурочки. Ничего не знаю, ничего не читала... что̀ вы иногда говорите, ничего не понимаю, рѣшительно ничего.

Жадовъ.

Вы ангелъ! (*Цалуетъ у ней руки*).

Полина.

Я вотъ только добрѣе Юлиньки, а глупѣе ея гораздо.

Жадовъ.

За то-то я васъ и люблю, что васъ не успѣли ничему выучить, не успѣли испортить вашего сердца. Васъ надобно поскорѣй взять отсюда. Мы съ вами начнемъ новую жизнь. Я съ любовью займусь вашимъ воспитаніемъ. Какое наслажденіе ожидаетъ меня!

Полина.

Ахъ, поскорѣй-бы!

Жадовъ.

Что̀-же откладывать? Я ужь рѣшился. (*Страстно смотритъ на нее. Молчаніе*).

Полина.

У васъ есть знакомые купцы?

Жадовъ.

Что̀ за вопросъ? На что̀ вамъ?

Полина.

Такъ. Мнѣ хочется знать.

Жадовъ.

Я не понимаю, однако, для чего вамъ это?

Полина.

А вотъ для чего. Бѣлогубовъ говоритъ, что у него есть знакомые купцы и что они дарятъ ему жилетки, а когда онъ женится, тогда будутъ дарить матеріи женѣ на платье.

Жадовъ.

Вотъ что̀! Ну нѣтъ, намъ дарить не будутъ. Мы съ вами будемъ сами трудиться. Такъ, вѣдь, Полина?

Полина (*разсѣянно*).

Да-съ.

Жадовъ.

Нѣтъ, Полина, вы еще не знаете высокаго блаженства жить своимъ трудомъ. Вы во всемъ обезпечены, Богъ дастъ, узнаете. Все, что̀ мы пріобрѣтемъ, будетъ наше, мы ужь никому не будемъ обязаны. Понимаете вы это? Тутъ два наслажденія: наслажденіе трудомъ и наслажденіе свободно и съ спокойною совѣстью распоряжаться своимъ добромъ, не давая никому отчета. А это лучше всякихъ подарковъ. Не правда-ли, Полина, вѣдь, лучше?

Полина.

Да-съ, лучше. (*Молчаніе*). Хотите, я вамъ загадаю загадку?

Жадовъ.

Загадайте.

Полина.

Что̀ идетъ безъ ногъ?

Жадовъ.

Вотъ какая загадка! Дождикъ.

Полина.

Какъ это вы все знаете! Досадно, право. Я такъ никакъ не могла отгадать, ужь Юлинька сказала.

Жадовъ.

Дитя! Останьтесь всегда такимъ ребенкомъ.

Полина.

А можно счесть звѣзды на небѣ?

Жадовъ.

Можно.

Полина.

Нѣтъ, нельзя. Я вамъ не повѣрю.

Жадовъ.

Да нѐчего и трудиться считать, онѣ ужь сосчитаны.

Полина.

Вы смѣетесь надо мной. (*Отворачивается*).

Жадовъ (*нѣжно*).

Мнѣ смѣяться надъ вами, Полина! Я всю жизнь хочу посвя-

тить вамъ. Посмотрите на меня хорошенько, могу-ли я смѣяться надъ вами?

Полина (*смотритъ на него*).

Нѣтъ, нѣтъ...

Жадовъ.

Вы говорите, что вы дурочка — я дуракъ. Смѣйтесь надо мною! Да ужь многіе и смѣются. Безъ средствъ, безъ состоянія, съ однѣми надеждами на будущее, я женюсь на васъ. Зачѣмъ ты женишься? говорятъ мнѣ. Зачѣмъ? Затѣмъ, что люблю васъ, что вѣрю въ людей. Что я поступаю необдуманно — съ этимъ я согласенъ. Когда-же мнѣ думать, я такъ люблю васъ, что мнѣ нѐкогда думать. (*Кукушкина и Юсовъ входятъ*).

Полина (*съ нѣкоторымъ чувствомъ*).

Я сама васъ люблю. (*Жадовъ цалуетъ у ней руку*).

Кукушкина (*Юсову*).

Посмотрите, точно голуби воркуютъ. Не мѣшайте имъ. Трогательно видѣть! (*Бѣлогубовъ и Юлинька входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Жадовъ, Полина, Кукушкина, Юсовъ, Бѣлогубовъ и Юлинька

Жадовъ (*оборачиваясь, беретъ Полину за руку и подводитъ къ Кукушкиной*).

Фелисата Герасимовна, отдайте мнѣ это сокровище.

Кукушкина.

Признаюсь вамъ, мнѣ тяжело съ ней разстаться. Это любимая моя дочь... она была-бы мнѣ утѣшеніемъ на старости... но Богъ съ ней, возьмите ее... ея счастіе для меня дороже. (*Закрываетъ лицо платкомъ. Жадовъ и Полина цалуютъ у ней руки. Бѣлогубовъ подаетъ ей стулъ. Садится*).

Юсовъ.

Вы истинная мать, Фелисата Герасимовна.

Кукушкина.

Да, я этимъ похвастаться могу. (*Съ жаромъ*). Нѣтъ, воспита-

ніе дочерей неблагодарное дѣло! Выростишь, взлелѣешь подл себя, и потомъ отдай чужому человѣку... останься сиротой. ужасно! (*Закрываетъ глаза платкомъ*).

Бѣлогубовъ.

Маменька, мы васъ не оставимъ.

Полина и Юлинька (*вмѣстѣ*).

Маменька, мы васъ не оставимъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА ВЪ ТРЕТЬЕМЪ ДѢЙСТВІИ.

Жадовъ.
Мыкинъ, его пріятель, учитель.
Досужевъ.
Юсовъ.
Бѣлогубовъ.
1-й } **чиновники.**
2-й }
Григорій } половые.
Василій }
Гости и половые въ другой комнатѣ.

(Между вторымъ и третьимъ дѣйствіями проходитъ около года).

Трактиръ. Задняя занавѣсь на второмъ планѣ, посреди машина, направо отворенная дверь, въ которую видна комната, налѣво вѣшалка для платья, на авансценѣ по обѣ стороны столы съ диванами.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Василій *стоитъ у машины и читаетъ газету,* Григорій *стоитъ у двери и смотритъ въ другую комнату.* Жадовъ и Мыкинъ *входятъ.* Григорій *ихъ провожаетъ, стираетъ со стола и стелетъ салфетку.*

Мыкинъ.

Ну что, старый пріятель, какъ поживаешь?

Жадовъ.

Плохо, братъ. (*Григорію*). Дай-ка намъ чаю. (*Григорій уходитъ*). А ты какъ?

Мыкинъ.

Ничего. Живу себѣ, учительствую понемногу. (*Садятся*).

Жадовъ.

Много-ли ты получаешь?

Мыкинъ.

Двѣсти рублей.

Жадовъ.

Тебѣ довольно?

Мыкинъ.

Такъ и живу, соображаясь со средствами. Лишнихъ затѣй, какъ видишь, не завожу.

Жадовъ.

Да, холостому жить можно.

Мыкинъ.

И тебѣ надобно было жениться! Нашему брату жениться не слѣдъ. Гдѣ ужь намъ, голякамъ! Сытъ, прикрытъ чѣмъ-нибудь отъ вліянія стихій — и довольно. Знаешь пословицу: одна голова не бѣдна, а хоть и бѣдна, такъ одна.

Жадовъ.

Дѣло сдѣлано.

Мыкинъ.

Посмотри ты на себя, такой-ли ты былъ прежде. Что̀, братъ, видно, укатали сивку крутыя горки? Нѣтъ, нашему брату жениться нельзя. Мы работники. (*Григорій подаетъ чай. Мыкинъ наливаетъ*). Ужь служить, такъ служить; для себя пожить послѣ успѣемъ, коли придется.

Жадовъ.

Что̀-жь дѣлать-то! Я полюбилъ ее очень.

Мыкинъ.

Мало-ли что̀, полюбилъ! Развѣ другіе-то не любятъ? Эхъ, братъ, и я любилъ, да не женился вотъ. И тебѣ не слѣдовало жениться.

Жадовъ.

Да отчего-же?

Мыкинъ.

Очень просто. Холостой человѣкъ думаетъ о службѣ, а женатый о женѣ. Женатый человѣкъ ненадеженъ.

Жадовъ.

Ну, вотъ вздоръ.

Мыкинъ.

Нѣтъ, не вздоръ. Я не знаю, чего-бы я не сдѣлалъ для той дѣвушки, которую любилъ. Но я рѣшился лучше принесть жертву. Лучше, братъ, заморить въ себѣ это весьма законное чувство, чѣмъ подвергнуться искушеніямъ.

Жадовъ.

Я думаю, тебѣ нелегко было?

Мыкинъ.

Ну, да ужь что̀ говорить! Отказываться вообще нелегко; а отказаться отъ любимой женщины, когда и препятствій никакихъ нѣтъ, кромѣ бѣдности... Ты очень любишь свою жену?

Жадовъ.

Безумно.

Мыкинъ.

Ну, плохо дѣло! Умна она?

Жадовъ.

Право, не знаю. Знаю только, что она мила необыкновенно. Какая-нибудь бездѣлица разстроитъ ее, она такъ мило, такъ искренно расплачется, что самъ, глядя на нее, заплачешь.

Мыкинъ.

Ты мнѣ скажи откровенно, какъ ты живешь. Я, вѣдь, тебя полтора года не видалъ.

Жадовъ.

Изволь. Исторія моя коротка. Я женился по любви, какъ ты знаешь, взялъ дѣвушку неразвитую, воспитанную въ общественныхъ предразсудкахъ, какъ и всѣ почти наши барышни, мечталъ ее воспитать въ нашихъ убѣжденіяхъ, и вотъ ужь годъ женатъ...

Мыкинъ.

И что̀-же?

Жадовъ.

Разумѣется, ничего. Воспитывать ее мнѣ некогда, да я и не умѣю приняться за это дѣло. Она такъ и осталась при своихъ понятіяхъ; въ спорахъ, разумѣется, я ей долженъ уступать. Положеніе, какъ видишь, незавидное, а поправить нѐчѣмъ. Да она

меня и не слушаетъ, она меня просто не считаетъ за умнаго человѣка. По ихъ понятію, умный человѣкъ долженъ быть непремѣнно богатъ.

Мыкинъ.

Вотъ куда пошло! Ну, а какъ на счеть средствъ?

Жадовъ.

Работаю съ утра до ночи.

Мыкинъ.

И все не хватаетъ?

Жадовъ.

Нѣтъ, жить можно.

Мыкинъ.

Ну, а жена?

Жадовъ.

Дуется немного, а иногда поплачетъ. Что-жь дѣлать!

Мыкинъ.

Жаль мнѣ тебя. Нѣтъ, братъ, намъ жениться нельзя. Я вотъ годъ былъ безъ мѣста, ѣлъ одинъ черный хлѣбъ. Что-бы я съ женой-то дѣлалъ? (*Досужевъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Досужевъ.

Досужевъ (*садясь у другаго стола*).

Гарсонъ, жизни!

Василій.

Какой прикажете?

Досужевъ.

Рябиновой. Съ приличною нашему званію закуской.

Василій.

Слушаю-съ. (*Идетъ къ двери*).

Досужевъ.

Французской горчицы! Слышишь? Трактиръ запечатаю. Григорій, запусти шарманку.

Григорій.

Сейчасъ-съ. (*Заводитъ машину*).

Мыкинъ.

Вотъ это, должно быть, холостой!

Досужевъ.

Что̀ вы на меня смотрите? Я вотъ карася дожидаюсь.

Жадовъ.

Какого карася?

Досужевъ.

Придетъ съ рыжей бородой, я его буду ѣсть. (*Василій приноситъ водку*). Ты, Василій, поглядывай его тамъ. Какъ придетъ, такъ скажи мнѣ. (*Машина играетъ*). Господа, видали, какъ пьяные нѣмцы плачутъ? (*Представляетъ плачущаго нѣмца. Жадовъ и Мыкинъ смѣются. Машина замолкаетъ*).

Мыкинъ (*Жадову*).

Ну, прощай! Какъ-нибудь зайду къ тебѣ.

Жадовъ.

Прощай. (*Мыкинъ уходитъ*).

Василій (*Досужеву*).

Пожалуйте, пришелъ-съ.

Досужевъ.

Позови сюда.

Василій.

Нейдетъ-съ. Сѣлъ въ заднюю комнату.

Досужевъ (*Жадову*).

Конфузится. Прощайте! Коли посидите здѣсь, я приду поговорить съ вами, мнѣ ваша физіономія понравилась. (*Уходитъ*).

Жадовъ (*Василью*).

Дай-ка что̀-нибудь почитать.

Василій (*подаетъ книгу*).

Извольте вотъ прочитать статейку. Одобряютъ-съ. (*Жадовъ читаетъ. Входятъ: Юсовъ, Бѣлогубовъ, 1-й и 2-й чиновники*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Жадовъ, Юсовъ, Бѣлогубовъ, 1-й и 2-й чиновники.

Бѣлогубовъ.

Акимъ Акимычъ-съ, мы тамъ пообѣдали, позвольте васъ здѣсь виномъ угостить, и музыка поиграетъ-съ.

Юсовъ.

Угощай, угощай!

Бѣлогубовъ.

Какого прикажете? Шампанскаго-съ?

Юсовъ.

Ну его...

Бѣлогубовъ.

Такъ рейнвейну-съ? Господа, садитесь! (*Садятся всѣ, кромѣ Бѣлогубова*). Василій! принеси рейнвейну, заграничной разливки. (*Василій уходитъ*). А, братецъ, здравствуйте! Не угодно-ли съ нами за компанію? (*Подходитъ къ Жадову*).

Жадовъ.

Благодарю васъ. Я не пью.

Бѣлогубовъ.

Что̀ это, братецъ, помилуйте! Для меня-то!.. одну рюмочку... мы съ вами теперь родственники! (*Василій приноситъ вино. Бѣлогубовъ подходитъ къ своему столу*). Наливай! (*Василій наливаетъ*).

Юсовъ.

Ну, братъ, за твое здоровье! (*Беретъ рюмку и встаетъ*).

1-й и 2-й чиновники.

За ваше здоровье-съ. (*Берутъ рюмки и встаютъ*).

Юсовъ (*показывая пальцемъ на голову Бѣлогубова*).

Въ этомъ лбу, въ этой головѣ всегда видѣлъ прокъ. (*Чокаются рюмками*). Поцалуемся! (*Цалуются*).

Бѣлогубовъ.

Нѣтъ, позвольте ручку-съ.

Юсовъ (*прячетъ руку*).

Ненадо, ненадо. (*Садится*).

Бѣлогубовъ.

Черезъ васъ человѣкомъ сталъ-съ.

1-й и 2-й чиновники.

Позвольте-съ. (*Чокаются съ Бѣлогубовымъ, пьютъ и садятся*).

Бѣлогубовъ (*наливаетъ рюмку и подает на подносъ Жадову*).

Братецъ, сдѣлайте одолженіе.

Жадовъ.

Я вамъ сказалъ, что не пью.

Бѣлогубовъ.

Нельзя-съ, братецъ, обидите.

Жадовъ.

Это скучно, наконецъ.

Бѣлогубовъ.

Коли вина не угодно, чѣмъ прикажете васъ подчивать? Чего только пожелаете, братецъ, все съ удовольствіемъ.

Жадовъ.

Ничего мнѣ ненужно. Оставьте меня въ покоѣ! (*Читаетъ*).

Бѣлогубовъ.

Ну, какъ угодно. Не знаю, братецъ, за что̀ обижаете. Я со всѣмъ расположеніемъ... (*Отходитъ къ своему столу*).

Юсовъ (*тихо*).

Оставь его.

Бѣлогубовъ (*садится*).

Господа, еще по рюмочкѣ! (*Наливаетъ*). Пирожнаго не прикажете-ли? Василій, принеси пирожнаго побольше! (*Василій уходитъ*).

Юсовъ.

Ты что̀-то нынче разгулялся! Должно быть, ловко хватилъ?

Бѣлогубовъ (*показывая на карманъ*).

Попало-таки! А кому? Все вамъ обязанъ.

Юсовъ.

Зацѣпилъ, должно быть?

Бѣлогубовъ (*вынимаетъ пачку ассигнацій*).

Вотъ онѣ-съ.

Юсовъ.

Да ужь я знаю тебя, у тебя рука-то не сфальшивитъ.

Бѣлогубовъ (*прячетъ деньги*).

Нѣтъ, позвольте! Кому-же я обязанъ? Развѣ-бы я понималъ что̀, кабы не вы? Отъ кого я въ люди пошелъ, отъ кого жить

сталъ, какъ не отъ васъ? Подъ вашимъ крыломъ воспитался! Другой-бы того и въ десять лѣтъ не узналъ, всѣхъ тонкостей и оборотовъ, что̀ я въ четыре года узналъ. Съ васъ примѣръ бралъ во всемъ, а то гдѣ-бы мнѣ съ моимъ-то умомъ! Другой отецъ того не сдѣлаетъ для сына, что̀ вы для меня сдѣлали. (*Утираетъ глаза*).

Юсовъ.

У тебя душа благородная, ты можешь чувствовать, а другіе не могутъ. (*Василій приноситъ пирожное*).

Бѣлогубовъ.

Что̀-бы я былъ? Дуракъ-съ! А теперь членъ общества, всѣ уважаютъ, по городу идешь, всѣ купцы кланяются, въ гости позовутъ, не знаютъ, гдѣ посадить, жена меня любитъ. А то за что̀-бы ей любить-то меня, дурака? Василій! Нѣтъ-ли у васъ конфектъ какихъ дорогихъ?

Василій.

Можно достать-съ.

Бѣлогубовъ.

Это женѣ-съ. (*Василью*). Ну, такъ ты заверни въ бумагу побольше. Что̀ хочешь возьми, ничего не пожалѣю. (*Василій идетъ*). Постой! И пирожнаго туда положи всякаго.

Юсовъ.

Будетъ съ нее, избалуешь.

Бѣлогубовъ.

Нельзя-съ. (*Василью*). Всего положи, слышишь?

Василій.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Бѣлогубовъ.

Люблю, очень люблю жену-съ. Будешь угождать, и она будетъ больше любить, Акимъ Акимычъ. Что̀ я передъ ней-съ? Она образованная-съ... Платье ныньче купилъ-съ... то-есть, не купилъ, а такъ взялъ, послѣ сочтемся.

Юсовъ.

Все равно. Неужели деньги платить? Можетъ быть, дѣло какое-нибудь будетъ, ну и квитъ. Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сходится. (*Василій приноситъ конфекты въ бумагѣ*).

Бѣлогубовъ.

Положи въ шляпу. Еще по рюмочкѣ-съ. (*Наливаетъ*). Василій! Еще бутылку.

Юсовъ.

Будетъ.

Бѣлогубовъ.

Нѣтъ, ужь позвольте-съ. Здѣсь не вы распоряжаетесь, а я. (*Василій уходитъ*).

1-й чиновникъ.

Какой случай былъ! Писарекъ у насъ, такъ дрянненькой, какую штуку выкинулъ! Фальшивую копію съ рѣшенія написалъ (что̀ ему въ голову пришло!) и подписался за всѣхъ присутствующихъ, да и снесъ къ истцу. А дѣло-то интересное, денежное. Только онъ копію-то не отдалъ, себѣ на умѣ, а только показалъ. Ну, и деньги взялъ большія. Тотъ послѣ пришелъ въ судъ, анъ дѣло-то совсѣмъ не такъ.

Бѣлогубовъ.

Это ужь подлость! За это выгнать нужно.

Юсовъ.

Именно выгнать. Не марай чиновниковъ. Ты возьми, такъ за дѣло, а не за мошенничество. Возьми такъ, чтобы и проситель былъ не обиженъ, и чтобы ты былъ доволенъ. Живи по закону; живи такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Что̀ за большимъ-то гоняться! Курочка по зернышку клюетъ, да сыта бываетъ. А этотъ ужь что̀ за человѣкъ! Не нынче, такъ завтра подъ красную шапку угодитъ.

Бѣлогубовъ (*наливаетъ рюмку*).

Пожалуйте, Акимъ Акимычъ!.. Что̀ я у васъ попрошу, вы мнѣ не откажете? Я вамъ въ ножки поклонюсь.

Юсовъ.

Проси.

Бѣлогубовъ.

Помните, вы прошлый разъ прошлись подъ машину: «По улицѣ мостовой-съ?»

Юсовъ.

Ишь, что̀ выдумалъ!

Бѣлогубовъ.

Осчастливьте, Акимъ Акимычъ! Такъ, чтобъ ужь я всю жизнь помнилъ.

Юсовъ.

Изволь, изволь. Для тебя только! Вели пустить «По улицѣ мостовой».

Бѣлогубовъ.

Эй, Василій! Пусти «По улицѣ мостовой», да постой у двери, посмотри, чтобы не вошелъ кто.

Василій.

Слушаю-съ. (*Заводитъ машину*).

Юсовъ (*показывая на Жадова*).

Вотъ этотъ-то! Не люблю я его. Пожалуй, подумаетъ что̀-нибудь.

Бѣлогубовъ (*садясь къ Жадову*).

Братецъ, будьте съ нами по-родственному. Вотъ Акимъ Акимычъ васъ конфузится.

Жадовъ.

Чего-же онъ конфузится?

Бѣлогубовъ.

Да они потанцовать хотятъ. Надо, братецъ, и развлеченіе какое-нибудь имѣть послѣ трудовъ. Не все-же работать. Что̀-жь такое! Это удовольствіе невинное, мы никого не обижаемъ.

Жадовъ.

Танцуйте, сколько угодно, я вамъ не мѣшаю.

Бѣлогубовъ (*Юсову*).

Ничего-съ, Акимъ Акимычъ, онъ съ нами по-родственному.

Василій.

Прикажете пустить?

Юсовъ.

Пускай! (*Машина играетъ «По улицѣ мостовой». Юсовъ пляшетъ. По окончаніи, всѣ, кромѣ Жадова, хлопаютъ*).

Бѣлогубовъ.

Нѣтъ, ужь теперь нельзя-съ! Надо шампанскаго выпить! Василій, бутылку шампанскаго! Да много-ли денегъ за все?

Василій (*считаетъ на счетахъ*).

Пятнадцать рублей-съ.

Бѣлогубовъ.

Получи! (*Отдаетъ*). Вотъ тебѣ полтинникъ на чай.

Василій.

Благодарю покорно-съ. (*Уходитъ*).

Юсовъ (*громко*).

Вы, молодежь, молокососы, чай, смѣяться надъ старикомъ!

1-й чиновникъ.

Какъ можно, Акимъ Акимычъ, мы не знаемъ, какъ васъ благодарить!

2-й чиновникъ.

Да-съ.

Юсовъ.

Мнѣ можно плясать. Я все въ жизни сдѣлалъ, что̀ предписано человѣку. У меня душа покойна, сзади ноша не тянетъ, семейство обезпечилъ — мнѣ теперь можно плясать. Я теперь только радуюсь на Божій міръ! Птичку увижу, и на ту радуюсь, цвѣтокъ увижу, и на него радуюсь: премудрость во всемъ вижу. (*Василій приноситъ бутылку, откупориваетъ и наливаетъ въ продолженіи рѣчи Юсова*). Помня свою бѣдность, нищую братію не забываю. Другихъ не осуждаю, какъ нѣкоторые молокососы изъ ученыхъ! Кого мы можемъ осуждать! Мы не знаемъ, что̀ еще сами-то будемъ! Посмѣялся ты нынче надъ пьяницей, а завтра самъ, можетъ быть, будешь пьяница; осудишь нынче вора, а можетъ быть, самъ завтра будешь воромъ. Почемъ мы знаемъ свое опредѣленіе, кому чѣмъ быть назначено? Знаемъ одно, что всѣ тамъ будемъ. Вотъ ты нынче посмѣялся (*показывая глазами на Жадова*), что я плясалъ; а завтра, можетъ быть, хуже меня запляшешь. Можетъ быть (*кивая головой на Жадова*), и за подаяніемъ пойдешь, и руку протянешь. Вотъ гордость-то до чего доводитъ! Гордость, гордость! Я плясалъ отъ полноты души. На сердцѣ весело, на душѣ покойно! Я никого не боюсь! Я хоть на площади передъ всѣмъ народомъ буду плясать. Мимоходящіе скажутъ: «сей человѣкъ пляшетъ, должно быть, душу имѣетъ чисту!» и пойдетъ всякій по своему дѣлу.

Бѣлогубовъ (*поднимая бокалъ*).

Господа! За здоровье Акима Акимыча! Ура!

1-й и 2-й чиновники.

Ура!

Бѣлогубовъ.

Вотъ-бы вы, Акимъ Акимычъ, осчастливили насъ, заѣхали къ намъ какъ-нибудь. Мы еще съ женой люди молодые, посовѣтовали-бы намъ, поученье-бы сказали, какъ жить въ законѣ и всѣ обязанности исполнять. Кажется, будь каменный человѣкъ, и тотъ въ чувство придетъ, какъ васъ послушаетъ.

Юсовъ.

Заѣду какъ-нибудь. (*Беретъ газету*).

Бѣлогубовъ (*наливаетъ бокалъ и подноситъ Жадову*).

Ужь я, братецъ, отъ васъ не отстану.

Жадовъ.

Что̀ вы мнѣ не дадите почитать! Интересная статья попалась, а вы все мѣшаете.

Бѣлогубовъ (*садясь подлѣ Жадова*).

Братецъ, вы на меня напрасно претензію имѣете. Бросимте, братецъ, всю эту вражду. Выкушайте! Для меня теперь это ничего не значитъ-съ. Будемте жить по-родственному.

Жадовъ.

Нельзя намъ съ вами жить по-родственному.

Бѣлогубовъ.

Отчего-же-съ?

Жадовъ.

Не пара мы.

Бѣлогубовъ.

Да, конечно, кому какая судьба. Я теперь въ счастіи, а вы въ бѣдномъ положеніи. Что̀-жь, я не горжусь. Вѣдь, это, какъ кому судьба. Я теперь все семейство поддерживаю, и маменьку. Я знаю, братецъ, что вы нуждаетесь; можетъ быть, вамъ деньги нужны; не обидьтесь, сколько могу! Я даже и за одолженіе не сочту. Что̀ за счеты между родными!

Жадовъ.

Съ чего вы выдумали предлагать мнѣ деньги!

Бѣлогубовъ.

Братецъ, я теперь въ довольствѣ, мнѣ долгъ велитъ помогать. Я, братецъ, вижу вашу бѣдность.

Жадовъ.

Какой я вамъ братецъ! Оставьте меня.

Бѣлогубовъ.

Какъ угодно! Я отъ души предлагалъ. Я, братецъ, зла не помню, не въ васъ. Мнѣ только жаль смотрѣть на васъ съ женой съ вашей. (*Отходитъ къ Юсову*).

Юсовъ (*бросая газету*).

Что̀ ныньче пишутъ! Ничего нравоучительнаго нѣтъ! (*Наливаетъ Бѣлогубову*). Ну, допивай. Пойдемте!

Бѣлогубовъ (*допиваетъ*).

Пойдемте! (*Василій и Григорій подаютъ шинели*).

Василій (*подаетъ Бѣлогубову два свертка*).

Вотъ захватите-съ.

Бѣлогубовъ (*умильно*).

Для жены-съ. Люблю-съ. (*Уходятъ. Досужевъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Жадовъ и Досужевъ.

Досужевъ.

«Не стая вороновъ слеталась!»

Жадовъ.

Правда ваша.

Досужевъ.

Поѣдемте въ Марьину рощу.

Жадовъ.

Мнѣ нельзя.

Досужевъ.

Отчего-же? Семья, что̀-ли? Дѣтей няньчить надо?

Жадовъ.

Дѣтей не няньчить, а жена дома дожидается.

Досужевъ.

Да вы давно съ ней не видались?

Жадовъ.

Какъ давно? Сегодня утромъ.

Досужевъ.

Ну, такъ это недавно. Я думалъ, дня три не видались. (*Жадовъ смотритъ на него*). Чтò вы на меня смотрите! Я знаю, чтò вы думаете обо мнѣ. Вы думаете, что я такой-же, какъ вотъ эти франты, чтò ушли; такъ ошибаетесь. Ослы во львиной шкурѣ! Только шкура-то и страшна. Ну и пугаютъ народъ.

Жадовъ.

Признаться вамъ сказать, я никакъ не разберу, чтò вы за человѣкъ.

Досужевъ.

А вотъ, изволите-ли видѣть, во-первыхъ — я веселый человѣкъ, а во-вторыхъ — замѣчательный юристъ. Вы учились, я это вижу, и я тоже учился. Поступилъ я на маленькое жалованье; взятокъ брать не могу — душа не переноситъ, а жить чѣмъ-нибудь надо. Вотъ я и взялся за умъ: принялся за адвокатство, сталъ купцамъ слезныя прошенія писать. Ужь коли не ѣхать, такъ давайте выпьемъ. Василій, водки! (*Василій уходитъ*).

Жадовъ.

Я не пью.

Досужевъ.

Гдѣ вы родились? Ну, да это вздоръ! Со мной можно. Ну, вотъ-съ, сталъ я слезныя прошенія писать-съ. Вѣдь, вы не знаете, чтò это за народъ! Я вамъ сейчасъ разскажу. (*Входитъ Василій*). Налей двѣ. Получи за весь графинъ. (*Отдаетъ деньги*).

Жадовъ:

И съ меня за чай. (*Отдаетъ. Василій уходитъ*).

Досужевъ.

Выпьемъ!

Жадовъ.

Извольте; для васъ только, а то, право, не пью. (*Чокаются и пьютъ. Досужевъ наливаетъ еще*).

Досужевъ.

Напиши бородѣ прошеніе просто, да возьми съ него не дорого, такъ онъ тебя осѣдлаетъ. Откуда фамильярность явится: «ну, ты, писака! нà тебѣ на водку». Почувствовалъ я къ нимъ злобу неукротимую! Выпьемте! «Пити вмерти, й не пити вмерти; такъ вже лучше пити вмерти». (*Пьютъ*). Сталъ я имъ писать по ихъ вкусу. Напримѣръ: надо представить вексель ко взысканію — и всего-то десять строкъ письма, а ему пишешь листа четыре. Начинаю такъ: «будучи обремененъ въ многочисленномъ семействѣ количествомъ членовъ». И всѣ его орнаменты вставишь. Такъ напишешь, что̀ онъ плачетъ, а вся семья рыдаетъ до истерики. Насмѣешься надъ нимъ, да возьмешь съ него кучу денегъ, вотъ онъ и уважаетъ тебя, и кланяется въ поясъ. Хоть веревки изъ него вей. Всѣ ихъ толстыя тещи, всѣ бабушки невѣстъ тебѣ сватаютъ богатыхъ. Человѣкъ-то ужь очень хорошъ, по душѣ имъ пришелся. Выпьемте!

Жадовъ.

Будетъ!

Досужевъ.

За мое здоровье!

Жадовъ.

Ужь развѣ за ваше здоровье. (*Пьютъ*).

Досужевъ.

Много надо силы душевной, чтобы съ нихъ взятокъ не брать. Надъ честнымъ чиновникомъ они сами-же смѣяться будутъ; унижать готовы — это имъ не съ руки. Кремнемъ надо быть! И храбриться-то, право, не изъ чего! Тащи съ него шубу, да и все тутъ. Жаль, не могу. Я только беру съ нихъ деньги за ихъ невѣжество, да пропиваю. Эхъ! охота вамъ было жениться! Выпьемте. Какъ васъ зовутъ?

Жадовъ.

Василій.

Досужевъ.

Тёска. Выпьемъ, Вася. (*Пьютъ*). Я вижу, ты хорошій человѣкъ.

Жадовъ.

Какой я человѣкъ! Я ребенокъ, я объ жизни не имѣю ника-

кого понятія. Все это ново для меня, что я отъ васъ слышу. Мнѣ тяжело! Не знаю, вынесу-ли я! Кругомъ развратъ, силъ мало! Зачѣмъ-же насъ учили!

Досужевъ.

Пей, легче будетъ.

Жадовъ.

Нѣтъ, нѣтъ! (*Опускаетъ голову на руки*).

Досужевъ.

Такъ ты не поѣдешь со мной?

Жадовъ.

Не поѣду. Зачѣмъ вы меня поили! Что вы со мной сдѣлали!

Досужевъ.

Ну, прощай! Впередъ будемъ знакомы! Захмѣлѣлъ, братъ! (*Жметъ Жадову руку*). Василій, манто! (*Надѣваетъ шинель*). Ты меня строго не суди! Я человѣкъ потерянный. Постарайся быть лучше меня, коли можешь. (*Идетъ къ двери и возвращается*). Да! вотъ тебѣ еще мой совѣтъ. Можетъ быть, съ моей легкой руки, запьешь, такъ вина не пей, а пей водку. Вино намъ не по карману, а водка, братъ, лучше всего: и горе забудешь, и дешево! Adieu! (*Уходитъ*).

Жадовъ.

Нѣтъ! пить не хорошо! Ничего не легче — еще тяжелѣй. (*Задумывается. Василій, по приказанію изъ другой залы, заводитъ машину. Машина играетъ «Лучинушку». Жадовъ поетъ*). «Лучина, лучинушка, березовая!..»

Василій.

Пожалуйте-съ! Не хорошо-съ! Безобразно-съ! (*Жадовъ машинально надѣваетъ шинель и уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА ВЪ ЧЕТВЕРТОМЪ ДѢЙСТВІИ:

Василій Николаичъ Жадовъ.
Полина, жена его.
Юлинька, жена Бѣлогубова.
Фелисата Герасимовна Кукушкина.

Сцена представляетъ очень бѣдную комнату. Направо окно, у окна столъ, на лѣвой сторонѣ зеркало.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Полина (*одна, смотритъ въ окно*).

Какъ скучно, просто, смерть! (*Поетъ*). «Матушка, голубушка, солнышко мое! пожалѣй, родимая, дитятко свое». (*Смѣется*). Какая пѣсня въ голову пришла! (*Опять задумывается*). Провалился-бы, кажется, отъ скуки. Загадать развѣ на картахъ? Что̀-жь, за этимъ дѣло не станетъ. Это можно, можно. Чего другаго, а это у насъ есть. (*Достаетъ изъ стола карты*). Какъ хочется поговорить къ кѣмъ-нибудь. Кабы кто-нибудь пришелъ, вотъ-бы я была рада, сейчасъ-бы развеселилась А то на что̀ это похоже! сиди одна, все одна... Ужь нѐчего сказать, люблю поговорить. Бывало, мы у маменьки, утро-то настанетъ, трещимъ, трещимъ, и не увидишь, какъ пройдетъ. А теперь и поговорить не съ кѣмъ. Развѣ къ сестрѣ сбѣгать? Да ужь поздно. Эко я, дура, не догадалась пораньше. (*Поетъ*). «Матушка, голубушка...» Ахъ я и забыла погадать-то... Объ чемъ-бы загадать-то? А вотъ загадаю я, будетъ-ли у меня новая шляпка? (*Раскладываетъ карты*). Будетъ, будетъ... будетъ, будетъ. (*Хлопаетъ въ ладоши, задумы-

вается и потомъ поетъ). «Матушка, голубушка, солнышко мое! пожалѣй, родимая, дитятко свое». (*Входитъ Юлинька*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Полина и Юлинька.

Полина.

Здравствуй, здравствуй! (*Цалуются*). Какъ я тебѣ рада. Скидай шляпку!

Юлинька.

Нѣтъ, я къ тебѣ на минуту.

Полина.

Ахъ, какъ ты хорошо одѣта, сестрица!

Юлинька.

Да, я теперь себѣ покупаю все, что̀ только есть лучшаго и новаго изъ-за границы.

Полина.

Счастлива ты, Юлинька.

Юлинька.

Да, я могу про себя сказать, что я счастлива. А ты, Полинька, какъ ты живешь? Ужасно. Нынче совсѣмъ не такой тонъ. Нынче у всѣхъ принято жить въ роскоши.

Полина.

Что̀-же мнѣ дѣлать? Развѣ я виновата?

Юлинька.

А мы вчера въ паркѣ были. Какъ весело было — чудо! Какой-то купецъ угощалъ насъ ужиномъ, шампанскимъ, фруктами разными.

Полина.

А я все дома сижу одна, со скуки погибаю.

Юлинька.

Да, Полина, я ужъ теперь совсѣмъ не та стала. Ты не можешь представить, какъ деньги и хорошая жизнь облагораживаютъ человѣка. Въ хозяйствѣ я теперь ничѣмъ не занимаюсь, считаю низкимъ. Я теперь все пренебрегаю, кромѣ туалета. А ты! ты! это ужасно! Что̀-же твой мужъ дѣлаетъ, скажи, пожалуйста?

Полина.

Онъ меня даже и къ вамъ не пускаетъ, все велитъ сидѣть дома да работать.

Юлинька.

Какъ это глупо! Представляетъ изъ себя умнаго человѣка, а нынѣшняго тону не знаетъ. Онъ долженъ знать, что человѣкъ созданъ для общества.

Полина.

Какъ ты говоришь?

Юлинька.

Человѣкъ созданъ для общества. Кто-жь этого не знаетъ! Это нынче рѣшительно всѣмъ извѣстно.

Полина.

Хорошо, я это ему скажу.

Юлинька.

Ты-бы съ нимъ ссориться попробовала?

Полина.

Пробовала, да что̀ толку. Онъ всегда правъ выходитъ, а я виновата остаюсь.

Юлинька.

Да онъ любитъ тебя?

Полина.

Очень любитъ.

Юлинька.

А ты его?

Полина.

И я люблю.

Юлинька.

Ну, такъ ты сама виновата, душа моя. Лаской изъ мужчинъ ничего не сдѣлаешь. Ты къ нему ластишься — вотъ онъ и сидитъ сложа руки, ни объ себѣ, ни объ тебѣ не думаетъ.

Полина.

Онъ много работаетъ.

Юлинька.

Да что̀ проку въ его работѣ-то. Вотъ мой мужъ и немного работаетъ, а посмотри, какъ мы живемъ. Надобно правду сказать,

Онисимъ Панфилычъ для дому отличный человѣкъ, настоящій хозяинъ; чего, чего у насъ нѣтъ, кабы ты посмотрѣла. И въ какое короткое время! Откуда онъ только беретъ! А твой? Чтò это? Вѣдь, срамъ смотрѣть, какъ вы живете.

Полина.

Онъ все говоритъ: сиди, работай, не завидуй другимъ; будемъ и мы жить хорошо.

Юлинька.

Да когда-же это будетъ? Состарѣешься, пока дождешься. На чтò тогда и удовольствіе! Всякое терпѣніе лопнетъ.

Полина.

Чтò-же мнѣ дѣлать?

Юлинька.

Онъ просто тиранъ. Чтò съ нимъ много-то разговаривать! Скажи, что ты его не любишь — вотъ и все тутъ. Или вотъ что лучше: ты скажи ему, что тебѣ надоѣла такая жизнь, что ты не хочешь съ нимъ жить и переѣдешь къ маменькѣ, и чтобъ онъ не зналъ тебя. А я маменьку предупрежу объ этомъ.

Полина.

Хорошо, хорошо! Я это обдѣлаю въ лучшемъ видѣ.

Юлинька.

Да съумѣешь-ли ты?

Полина.

Еще-бы! Я какую хочешь сцену сыграю, не хуже всякой актрисы. Во-первыхъ, насъ дома къ этому съ малолѣтства пріучили, а теперь я все сижу одна, работать-то скучно; я все сама съ собою и разговариваю. Такъ научилась, что чудо. Только немного жаль его будетъ.

Юлинька.

А ужь ты не жалѣй! А я тебѣ, Полина, шляпку привезла. (*Вынимаетъ изъ картона*).

Полина.

Ахъ, какая прелесть! Спасибо, сестрица, душенька. (*Цалуетъ ее*).

Юлинька.

А то у тебя старая-то ужь не хороша.

Полина.

Ужасная мерзость! Скверно на улицу выдти. Вотъ я теперь мужа подразню. Вотъ, скажу, милый мой, посторонніе купили, а ты не догадаешься.

Юлинька.

Да ужь дѣлать нѐчего, Полинька, мы пока, сколько можемъ, будемъ тебя поддерживать. Только не слушай ты, пожалуйста, своего мужа. Ты ему растолкуй хорошенько, что ты его даромъ любить не будешь. Ты, глупенькая, пойми, за что̀ ихъ даромъ любить-то, мужьевъ-то? Это довольно странно! Обезпечь меня, дескать, во всемъ, чтобы я блистала въ обществѣ, тогда я тебя и стану любить. Онъ отъ капризу не хочетъ твоего счастія, а ты молчишь. Попроси только онъ у дяди, и ему дадутъ такое-же доходное мѣсто, какъ у моего мужа.

Полина.

Ужь я теперь къ нему пристану.

Юлинька.

Ты представь только себѣ: ты такая хорошенькая, одѣнь-ка тебя со вкусомъ да посади въ театръ... при огнѣ-то... всѣ мужчины такъ на тебя лорнеты и уставятъ.

Полина.

Не говори, сестрица, заплачу.

Юлинька.

Вотъ тебѣ денегъ (*достаетъ изъ портъ-моннэ*); иногда что̀ понадобится, такъ можешь и безъ мужа обойтись. У насъ теперь есть средства, такъ что мы рѣшились даже другимъ благодѣтельствовать.

Полина.

Спасибо, сестрица! Только онъ, пожалуй, разсердится.

Юлинька.

Велика важность! Что на него смотрѣть-то! Отъ родныхъ, не отъ чужихъ. Что̀-жь, по его милости, голодной сидѣть! Прощай, Полина.

Полина.

Прощай, сестрица. (*Провожаетъ ее, Юлинька уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Полина.

Какая это Юлинька у насъ умная! А я-то дура, дура! (*Увидавъ картонъ*). Новая шляпка! новая шляпка! (*Хлопаетъ въ ладоши*). Я теперь цѣлую недѣлю буду весела, если только мужъ не разстроитъ. (*Поетъ*). «Матушка, голубушка...» и т. д. (*Кукушкина входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Полина и Кукушкина.

Кукушкина.

У тебя все пѣсенки на умѣ.

Полина.

Здравствуйте, маменька! Отъ скуки.

Кукушкина.

Я совсѣмъ и ходить-то къ тебѣ не хотѣла.

Полина.

Отчего-же, маменька?

Кукушкина.

Мерзко мнѣ, сударыня, мерзко бывать у васъ. Да такъ ужь мимо шла, такъ зашла къ тебѣ. Нищенство, бѣдность... фу... я этого видѣть не могу. У меня чистота, у меня порядокъ, а здѣсь— что̀ такое! Изба деревенская! Гадость!

Полина.

Чѣмъ-же я-то виновата?

Кукушкина.

Бываютъ-же такіе мерзавцы на свѣтѣ! А впрочемъ, я его и не виню: я на него никогда надежды не имѣла. Ты-то что̀-жь молчишь, сударыня? Не я-ли тебѣ твердила: не давай мужу потачки, точи его поминутно, и день, и ночь: давай денегъ да давай, гдѣ хочешь возьми, да подай. Мнѣ, молъ, на то нужно, на другое нужно. Маменька, молъ, у меня тонкая дама, надо ее прилично

принять. Скажетъ: нѣтъ у меня. А мнѣ, молъ, какое дѣло? Хоть укради, да подай. Зачѣмъ бралъ? Умѣлъ жениться, умѣй и жену содержать прилично. Да этакъ съ утра да до ночи долбила-бы ему въ голову-то, такъ авось-бы въ чувство пришелъ. У меня-бы на твоемъ мѣстѣ другаго и разговору не было.

Полина.

Что̀-жь дѣлать-то, маменька, у меня въ характерѣ никакой строгости нѣтъ.

Кукушкина.

Нѣтъ, ужь ты лучше скажи, что у тебя въ характерѣ глупости много, баловства. А ты знаешь-ли, что ваше баловство портитъ мужчинъ? У тебя все нѣжности на умѣ, все-бы вѣшалась къ нему на шею. Обрадовалась, что замужъ вышла, дождалась. А нѣтъ, чтобы объ жизни подумать. Безстыдница! И въ кого это ты такая уродилась! У насъ въ роду всѣ рѣшительно холодны къ мужьямъ: больше все думаютъ объ нарядахъ, какъ одѣться приличнѣе, блеснуть передъ другими. Отчего и не приласкать мужа, да надобно, чтобы онъ чувствовалъ, за что̀ его ласкаютъ. Вотъ Юлинька, когда мужъ привезетъ ей что̀-нибудь изъ города, такъ и кинется ему на шею, такъ и замретъ, насилу стащатъ. Оттого онъ чуть не каждый день ей и возитъ подарки. А не привезетъ, такъ она и губы надуетъ и не говоритъ съ нимъ два дня. Висни, пожалуй, къ нимъ на шею-то, они и рады, имъ только это и нужно. Стыдись!

Полина.

Я чувствую, что я глупа; онъ приласкаетъ меня, а я и рада.

Кукушкина.

А вотъ погоди, мы на него насядемъ обѣ, такъ авось подастся. Главное — не баловать и не слушать его глупостей: онъ свое, а ты свое; спорь до обмороку, а не уступай. Уступи имъ, такъ они готовы на насъ хоть воду возить. Да гордость-то, гордость-то ему сшибить надо. Ты знаешь-ли, что̀ у него на умѣ?

Полина.

Гдѣ мнѣ знать.

Кукушкина.

Это, вотъ видишь-ли, есть такая дурацкая философія, я не-

давно въ одномъ домѣ слышала, нынче она въ моду пошла. Они забрали себѣ въ голову, что умнѣй всѣхъ на свѣтѣ, а то все дураки да взяточники. Какая глупость-то непростительная! Мы, говорятъ, не хотимъ брать взятокъ, хотимъ жить однимъ жалованьемъ. Да послѣ этого житья не будетъ! За кого-жь дочерей-то отдавать? Вѣдь, этакъ, чего добраго, и родъ человѣческій прекратится. Взятки! Что̀ за слово взятки? Сами-жь его выдумали, чтобы обижать хорошихъ людей. Не взятки, а благодарность! А отъ благодарности отказываться грѣхъ, обидѣть человѣка надо. Коли ты холостой человѣкъ, на тебя и суда нѣтъ, юродствуй, какъ знаешь. Пожалуй, хоть и жалованья не бери. А коли женился, такъ умѣй жить съ женой, не обманывай родителей. За что̀ они терзаютъ родительское сердце? Другой полоумный вдругъ беретъ воспитанную барышню, которая съ дѣтства понимаетъ жизнь и которую родители, не щадя ничего, воспитываютъ совсѣмъ не въ такихъ правилахъ, даже стараются, какъ мо̀жно, отдалять отъ такихъ глупыхъ разговоровъ, и вдругъ запираетъ ее въ конуру какую-то! Что̀-же, по ихнему, изъ воспитанныхъ барышень имъ хочется прачекъ передѣлать? Ужь коли хотятъ жениться, такъ женились-бы на какихъ-нибудь заблужденныхъ, которымъ все равно, что барыней быть, что кухаркой, которыя, изъ любви къ нимъ, рады будутъ себѣ и юпки стирать, и по грязи на рынокъ трепаться. А, вѣдь, есть такія, безъ понятія, женщины.

Полина.

Вотъ онъ и изъ меня, должно быть, то-же хочетъ сдѣлать.

Кукушкина.

Что̀ нужно для женщины... образованной, которая видитъ и понимаетъ всю жизнь, какъ свои пять пальцевъ? Они этого не понимаютъ. Для женщины нужно, чтобы она одѣта была всегда хорошо, чтобы прислуга была, а главное — нужно спокойствіе, чтобы она могла быть отдалена отъ всего, по своему благородству, ни въ какія хозяйственныя дрязги не входила. Юлинька у меня такъ и дѣлаетъ; она ото всего рѣшительно далека, кромѣ какъ занята собой. Она спитъ долго; мужъ по утру долженъ распорядиться на счетъ стола и рѣши-

тельно всѣмъ; потомъ дѣвка напоитъ его чаемъ и онъ уѣзжаетъ въ присутствіе. Наконецъ она встаетъ; чай, кофе, все это для нея готово, она кушаетъ, разодѣлась отличнѣйшимъ манеромъ и сѣла съ книжкой у окна дожидаться мужа. Вечеромъ надѣваетъ лучшія платья и ѣдетъ въ театръ или въ гости. Вотъ жизнь! вотъ порядокъ! вотъ какъ дама должна вести себя! Что̀ можетъ быть благороднѣе, что̀ деликатнѣе, что̀ нѣжнѣе?.. Хвалю.

Полина.

Ахъ, вотъ блаженство-то! Хоть-бы недѣльку такъ пожилъ.

Кукушкина.

Да, съ своимъ мужемъ ты дождешься, какже!

Полина.

Ужь вы его, маменька, хорошенько! А то мнѣ, право, завидно. Юлинька какъ ни пріѣдетъ, все въ новомъ платьѣ, а я все въ одномъ да въ одномъ. Вотъ онъ идетъ. (*Идетъ къ дверямъ. Жадовъ входитъ съ портфелемъ. Цалуются*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Жадовъ.

Жадовъ.

Здравствуйте, Фелисата Герасимовна! (*Садится*). Ахъ какъ усталъ! (*Полина садится подлѣ матери*). Заработался совсѣмъ, отдыху себѣ не знаю. Утромъ въ присутствіе, днемъ на урокахъ, ночью за дѣлами сижу: беру выписки составлять — порядочно платятъ. А ты, Полина, вѣчно безъ работы, вѣчно, сложа руки, сидишь! Никогда тебя за дѣломъ не застанешь.

Кукушкина.

Онѣ у меня не такъ воспитаны, къ работѣ не пріучены.

Жадовъ.

Очень дурно. Послѣ трудно привыкать, когда съ малолѣтства не пріучены. А надобно будетъ.

Кукушкина.

Незачѣмъ ей и привыкать. Я ихъ не въ горничныя готовила, а замужъ за благородныхъ людей.

Жадовъ.

Мы съ вами различныхъ мнѣній, Фелисата Герасимовна. Я хочу, чтобы Полина слушалась меня.

Кукушкина.

То-есть, вы хотите сдѣлать изъ нея работницу; такъ ужь такую-бы себѣ подъ пару и искали. А ужь насъ извините, мы люди совсѣмъ не такихъ понятій въ жизни, въ насъ благородство врожденное.

Жадовъ.

Какое благородство, это фанфаронство пустое! А намъ, право, не то того.

Кукушкина.

Васъ послушать, такъ уши вянутъ. А вотъ что̀ нужно сказать: кабы я знала, что она, несчастная, будетъ такую нищенскую жизнь вести, ужь ни за что̀-бы не отдала за васъ.

Жадовъ.

Вы ей, пожалуйста, не втолковывайте, что она несчастная женщина; я прошу васъ. А то она, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что несчастная.

Кукушкина.

А то счастлива? Разумѣется, въ самомъ горькомъ положеніи женщина. Другая-бы на ея мѣстѣ, я ужь и не знаю, что̀ сдѣлала. (*Полина плачетъ*).

Жадовъ.

Полина, перестань дурачиться, пожалѣй меня!

Полина.

У тебя все дурачиться. Видно, ты не любишь, когда тебѣ правду-то говорятъ.

Жадовъ.

Какую правду?

Полина.

Ужь, разумѣется, правду; маменька не станетъ лгать.

Жадовъ.

Мы съ тобой ужо объ этомъ поговоримъ.

Полина.

Не объ чемъ говорить-то. (*Он ворачивается*).

Кукушкина.

Разумѣется.

Жадовъ (*вздыхаетъ*).

Вотъ несчастіе! (*Кукушкина и Полина не обращаютъ на него вниманія и разговариваютъ шепотомъ. Жадовъ достаетъ изъ портфеля бумаги, раскладываетъ на столѣ и въ продолженіе слѣдующаго разговора оглядывается на нихъ*).

Кукушкина (*громко*).

Вообрази, Полина, я была у Бѣлогубова; онъ купилъ женѣ бархатное платье.

Полина (*сквозь слезы*).

Бархатное! Какого цвѣта?

Кукушкина.

Вишневое.

Полина (*плачетъ*).

Ахъ, Боже мой! Я думаю, какъ къ ней идетъ.

Кукушкина.

Чудо! Только представь, какой проказникъ Бѣлогубовъ! Насмѣшилъ, право, насмѣшилъ. Вотъ, маменька, я, говоритъ, вамъ жалуюсь на жену: я ей купилъ бархатное платье, она меня такъ цаловала, укусила даже очень больно. Вотъ жизнь! Вотъ любовь! Не то, что у другихъ.

Жадовъ.

Это невыносимо! (*Встаетъ*).

Кукушкина (*встаетъ*).

Позвольте спросить, милостивый государь, за что̀ она страдаетъ? Дайте мнѣ отчетъ.

Жадовъ.

Она ужь вышла изъ-подъ вашей опеки и поступила подъ мою, и потому оставьте мнѣ распоряжаться ея жизнью. Повѣрьте, что будетъ лучше.

Кукушкина.

Но я мать, милостивый государь.

Жадовъ.

А я мужъ.

Кукушкина.

Вотъ мы видимъ, каковъ вы мужъ! Никогда любовь мужа не можетъ сравниться съ родительскою.

Жадовъ.

Каковы родители!

Кукушкина.

Каковы-бы ни были, все-таки, не вамъ чета. Мы вотъ, милостивый государь, какіе родители! Мы съ мужемъ по грошамъ набирали деньги, чтобы воспитать дочерей, чтобъ отдать ихъ въ пансіонъ. Для чего это, какъ вы думаете? Для того, чтобы онѣ имѣли хорошія манеры, не видали кругомъ себя бѣдности, не видали низкихъ предметовъ, чтобы не отяготить дитя и съ дѣтства пріучить ихъ къ хорошей жизни, благородству въ словахъ и поступкахъ.

Жадовъ.

Благодарю васъ. Я вотъ почти ужъ годъ стараюсь выбить изъ нея ваше воспитаніе, да никакъ не могу. Кажется, половину-бы жизни отдалъ, чтобы только она его забыла.

Кукушкина.

Да развѣ я ее для такой жизни готовила? Я-бы лучше руку дала на отсѣченіе, чѣмъ видѣть въ такомъ положеніи дочь: въ бѣдности, въ страданіи, въ убожествѣ.

Жадовъ.

Оставьте ваши сожалѣнья, я васъ прошу.

Кукушкина.

Развѣ онѣ у меня такъ жили? У меня порядокъ, у меня чистота. Средства мои самыя ничтожныя, а все-таки, онѣ жили, какъ герцогини, въ самомъ невинномъ состояніи; гдѣ ходъ въ кухню, не знали; не знали, изъ чего щи варятся; только и занимались, какъ слѣдуетъ барышнямъ, разговоромъ объ чувствахъ и предметахъ самыхъ облагороженныхъ.

Жадовъ (*указывая на жену*).

Да, такого глубокаго разврата, какъ въ вашемъ семействѣ, я не видывалъ.

Кукушкина.

Развѣ такіе люди, какъ вы, могутъ оцѣнить благородное вос-

питаніе!.. Моя вина, я поторопилась! Выдь она за человѣка съ нѣжными чувствами и съ образованіемъ, тотъ не зналъ-бы, какъ благодарить меня за мое воспитаніе. И она была-бы счастлива, потому что порядочные люди не заставляютъ женъ работать, для этого у нихъ есть прислуга, а жена только для...

Жадовъ (*быстро*).

Для чего?

Кукушкина.

Какъ для чего? Кто-жь этого не знаетъ? Ну, извѣстно... для того, чтобы одѣвать, какъ нельзя лучше, любоваться на нее, вывозить въ люди, доставлять всѣ наслажденія, исполнять каждую ея прихоть, какъ законъ... боготворить.

Жадовъ.

Стыдитесь! Вы пожилая женщина, дожили до старости, выростили дочерей и воспитывали ихъ, а не знаете, для чего человѣку дана жена. Не стыдно-ли вамъ! Жена не игрушка, а помощница мужу. Вы дурная мать!

Кукушкина.

Да, я знаю, что вы очень рады себѣ изъ жены кухарку сдѣлать. Безчувственный вы человѣкъ!

Жадовъ.

Полноте вздоръ болтать!

Полина.

Маменька, оставьте его.

Кукушкина.

Нѣтъ, не оставлю. Съ чего ты выдумала, чтобы я его оставила?

Жадовъ.

Перестаньте. Я васъ слушать не стану и женѣ не позволю. У васъ, на старости лѣтъ, все вздоръ въ головѣ.

Кукушкина.

Каковъ разговоръ, каковъ разговоръ, а?

Жадовъ.

Между мною и вами другаго разговора быть не можетъ. Оставьте насъ въ покоѣ, я прошу васъ. Я люблю Полину и обязанъ беречь ее. Ваши разговоры вредны для Полины и безнравственны.

Кукушкина.

Да вы не очень горячитесь, милостивый государь!

Жадовъ.

Вы ровно ничего не понимаете.

Кукушкина (*съ озлобленіемъ*).

Не понимаю? Нѣтъ, я очень хорошо понимаю. Видала я примѣры-то, какъ женщины-то гибнутъ отъ бѣдности. Бѣдность-то до всего доводитъ. Другая бьется, бьется, ну и собьется съ пути. Даже и винить нельзя.

Жадовъ.

Что̀! Ка̀къ вы можете говорить при дочери такія вещи! Увольте насъ отъ своего посѣщенія... сейчасъ-же, сейчасъ-же.

Кукушкина.

Коли дома холодно, да голодно, да мужъ лѣнтяй, поневолѣ будешь искать средствъ...

Жадовъ.

Оставьте насъ, я васъ честью прошу. Вы меня выведете изъ терпѣнія.

Кукушкина.

Ужь, конечно, уйду, и нога моя никогда не будетъ у васъ. (*Полинѣ*). Каковъ мужъ-то у тебя! Вотъ горе-то! Вотъ несчастье-то!

Полина.

Прощайте, маменька! (*Плачетъ*).

Кукушкина.

Плачь, плачь, несчастная жертва, оплакивай свою судьбу! Плачь до могилы! Да ты ужь лучше умри, несчастная, чтобы не разрывалось мое сердце. Легче мнѣ будетъ. (*Жадову*). Торжествуйте! Вы свое дѣло сдѣлали: обманули, прикинулись влюбленнымъ, обольстили словами и потомъ погубили. Вся ваша цѣль была въ этомъ, я теперь васъ понимаю. (*Уходитъ. Полина ее провожаетъ*).

Жадовъ.

Надобно будетъ съ Полиной построже поговорить. А то, чего добраго, ее вовсе съ толку собьютъ. (*Полина возвращается*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Жадовъ и Полина (*садится у окна, надувшись*).

Жадовъ (*разложивъ бумаги, садится къ столу*).

Фелисата Герасимовна, вѣроятно, больше къ намъ не придетъ, чему я очень радъ. Я-бы желалъ, Полина, чтобы и ты къ ней не ходила, а также и къ Бѣлогубовымъ.

Полина.

Не прикажете-ли для васъ всю родню бросить?

Жадовъ.

Не для меня, а для себя. У нихъ у всѣхъ такія дикія понятія! Я тебя учу добру, а они развращаютъ.

Полина.

Поздно меня учить, я ужь учена.

Жадовъ.

Для меня было-бы ужасно убѣдиться въ томъ, чтò ты говоришь. Нѣтъ, я надѣюсь, что ты меня поймешь, наконецъ. Теперь много работы у меня; а вотъ будетъ поменьше, мы съ тобой займемся. Утромъ будешь работать, а по вечерамъ будемъ читать. Тебѣ многое надо прочесть, ты, вѣдь, ничего не читала.

Полина.

Какже, стану я сидѣть съ тобой! Куда какъ весело! Человѣкъ созданъ для общества.

Жадовъ.

Чтò?

Полина.

Человѣкъ созданъ для общества.

Жадовъ.

Откуда это у тебя?

Полина.

Ты меня, въ самомъ дѣлѣ, за дуру считаешь. Кто-жь этого не знаетъ! Всякій знаетъ. Чтò ты меня, съ улицы, чтò-ли, взялъ?

Жадовъ.

Да для общества-то нужно приготовить себя, образовать.

Полина.

Ничего этого ненужно, все вздоръ; нужно только одѣваться по модѣ.

Жадовъ.

Ну, а мы и этого не можемъ, стало быть, и толковать нѐчего. Займись-ка лучше работой какой-нибудь, и я примусь за дѣло. (*Беретъ перо*).

Полина.

Работой займись! Съ чего это ты выдумалъ? Ужь будетъ тебѣ надо мной командовать-то... помыкать-то всячески да насмѣхаться-то!

Жадовъ (*оборачиваясь*).

Чтò это, Полина?

Полина.

А тоже, что я хочу жить, какъ люди живутъ, а не какъ нищіе. Надоѣло ужь. И такъ я съ тобой загубила свою молодость.

Жадовъ.

Вотъ новости! Я этого не слыхалъ еще.

Полина.

Не слыхалъ, такъ послушай. Ты думаешь, что я молчала-то почти годъ, такъ и все буду молчать? Нѣтъ, извини! Ну, да чтò толковать! Я хочу жить, какъ Юлинька живетъ, какъ всѣ благородныя дамы живутъ. Вотъ тебѣ и сказъ!

Жадовъ.

Вотъ чтò! Только позволь тебя спросить: на какія-же средства намъ такъ жить?

Полина.

А мнѣ чтò за дѣло! Кто любитъ, тотъ найдетъ средства.

Жадовъ.

Да ты пожалѣй меня; я и такъ работаю, какъ волъ.

Полина.

Работаешь ты, или не работаешь — мнѣ вовсе никакого дѣла нѣтъ. Не на мытарство, не на тиранство я за тебя замужъ шла.

Жадовъ.

Вы меня нынче совсѣмъ измучили. Замолчи, ради Бога.

Полина.

Какже, дожидайся, буду я молчать! По твоей милости всѣ смѣются надо мною. Чтò я стыда натерпѣлась! Сестрица ужь сжалилась. Нынче пріѣхала: «ты, говоритъ, насъ срамишь, всю нашу фамилію: въ чемъ ты ходишь!» И это не стыдно тебѣ? А еще увѣрялъ, что любишь. На свои деньги сестрица купила да привезла шляпку мнѣ.

Жадовъ (*встаетъ*).

Шляпку?

Полина.

Да, вотъ она. Посмотри, нà. Чтò, хороша?

Жадовъ (*строго*).

Отнеси сейчасъ назадъ.

Полина.

Назадъ?

Жадовъ.

Да, сейчасъ, сейчасъ снеси! И не смѣй отъ нихъ ничего брать.

Полина.

Ну ужь, этому не бывать; ужь будьте покойны.

Жадовъ.

Такъ я ее выкину за окно.

Полина.

А! такъ ты вотъ какъ сталъ? Хорошо, мой другъ, я снесу.

Жадовъ.

И снеси.

Полина (*со слезами*).

Снесу, снесу. (*Надѣваетъ шляпку, мантилью, беретъ зонтикъ*). Прощайте!

Жадовъ.

Прощай!

Полина.

Простимся хорошенько; ужь вы меня больше не увидите.

Жадовъ.

Это чтò за вздоръ еще?

Полина.

Я къ маменькѣ пойду, тамъ и останусь; ты ужь и не ходи къ намъ.

Жадовъ.

Что̀ за глупость ты говоришь, Полина!

Полина.

Нѣтъ, я ужь давно обдумала! (*Чертитъ зонтикомъ по полу*). Что̀ моя за жизнь? Одно мученье, и никакой радости?

Жадовъ.

Не грѣхъ тебѣ говорить? Неужели ты со мной и не видала никакой радости?

Полина.

Какія радости! Кабы ты богатъ былъ — другое дѣло, а то бѣдность-то терпѣть. Что̀ за радость! Вотъ намедни пьяный пришелъ; еще, пожалуй, бить меня будешь.

Жадовъ.

Ахъ, Боже мой! Что̀ ты говоришь? Одинъ разъ пришелъ навеселѣ... Да кто-же изъ молодыхъ людей не бываетъ пьянъ?

Полина.

Знаемъ мы, бѣдность-то до чего доводитъ. Мнѣ маменька сказывала. Ты, пожалуй, запьешь, да и я-то съ тобой погибну.

Жадовъ.

Все вздоръ какой тебѣ въ голову лѣзетъ!

Полина.

Чего мнѣ ждать хорошаго-то? Я ужь и на картахъ гадала про судьбу свою, и у ворожеи спрашивала: выходитъ — самая несчастная.

Жадовъ (*хватаетъ себя за голову*).

На картахъ гадаетъ! къ ворожеямъ ходитъ!

Полина.

По-твоему, чай, карты вздоръ! Нѣтъ ужь, извини, ни въ жизнь не повѣрю! Карты никогда не лгутъ. Вотъ ужь всегда-то правду говорятъ. Что̀ даже на умѣ у человѣка, и то по картамъ сейчасъ видно. Ты, вѣдь, ничему не вѣришь, у тебя все вздоръ; оттого намъ и счастья нѣтъ.

Жадовъ (*нѣжно*).

Полина! (*Подходитъ къ ней*).

Полина (*отходя*).

Сдѣлайте милость, оставьте.

Жадовъ.

Нѣтъ, ты меня не любишь.

Полина.

За что̀ тебя любить-то? Очень нужно даромъ-то любить!

Жадовъ (*горячо*).

Какъ даромъ? какъ даромъ? За любовь я тебѣ плачу любовью. Да, вѣдь, ты жена моя! Развѣ ты забыла это? Ты обязана со мной дѣлить и горе, и радость... еслибъ я былъ даже послѣдній нищій.

Полина (*садится на стулъ и, закинувъ голову, хохочетъ*).

Ха, ха, ха, ха!

Жадовъ.

Это ужь гадко, наконецъ! это безнравственно!

Полина (*быстро встаетъ*).

Я не понимаю, что̀ вамъ за охота жить съ безнравственною женщиной. Прощайте!

Жадовъ.

Богъ съ тобой, прощай! Коли ты можешь бросить равнодушно мужа, такъ прощай! (*Садится къ столу и подпираетъ голову руками*).

Полина.

А что̀-жь такое! Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ — гдѣ лучше.

Жадовъ.

Ну прощай, прощай!

Полина (*передъ зеркаломъ*).

Вотъ шляпка, такъ шляпка, не то, что моя. (*Поетъ*). «Матушка, голубушка, солнышко мое...» Въ этой и по улицѣ-то пройдешь, все-таки, кто-нибудь взглянетъ, скажетъ: ахъ, какая хорошенькая! Прощайте! (*Присѣдаетъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Жадовъ (*одинъ*).

Что у меня за характеръ! Куда онъ годится? Съ женой — и то ужиться не могъ! Что-же мнѣ дѣлать теперь? Господи, Боже мой! Я съ ума сойду. Безъ нея мнѣ незачѣмъ на свѣтѣ жить. Какъ это сдѣлалось, я, право, не понимаю. Какъ-же это я могъ ее отпустить отъ себя! Что она будетъ дѣлать у матери! Тамъ она погибнетъ совсѣмъ. Марья! Марья! (*Марья за сценой: «что угодно?»*) Догони, поди, барыню, скажи, что мнѣ нужно съ нею поговорить. Да поскорѣй, поскорѣй!.. Что это, въ самомъ дѣлѣ, Марья, какая ты неповоротливая! Да бѣги же, бѣги скорѣй! (*Марья за сценой: «сейчасъ!»*) А ну, какъ она не захочетъ вернуться! Да и прекрасно сдѣлаетъ! Она имѣетъ полное право. Чѣмъ она виновата, что я не могу ее содержать прилично! Ей только восьмнадцать лѣтъ, ей жить хочется, хочется удовольствій. А я держу ее въ одной комнатѣ, цѣлый день дома не бываю. Хороша любовь! Ну, вотъ и живи одинъ! Прекрасно! очень хорошо!.. Опять сирота! чего-жь лучше! Поутру пойду въ присутствіе. послѣ присутствія домой незачѣмъ ходить — посижу въ трактирѣ до вечера; а вечеромъ домой, одинъ, на холодную постель... зальюсь слезами! И такъ каждый день. Очень хорошо! (*Плачетъ*). Ну, что-жь! не умѣлъ съ женой жить, такъ живи одинъ. Нѣтъ, надо рѣшиться на что-нибудь. Я долженъ или разстаться съ ней, или... жить... жить... какъ люди живутъ. Объ этомъ надо подумать. (*Задумывается*). Разстаться? Да въ силахъ-ли я съ ней разстаться? Ахъ, какая мука! какая мука! Нѣтъ ужь, лучше... что съ мельницами-то сражаться! Что я говорю! Какія мысли лѣзутъ мнѣ въ голову. (*Входитъ Полина*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Полина и Жадовъ.

Полина (*садится, не раздѣваясь*).

Что вамъ угодно?

Жадовъ (*подбѣгаетъ къ ней*).

Пришла, пришла! Опять пришла!.. Не стыдно-ли тебѣ! Ты меня такъ разстроила, такъ разстроила, Полина, что я и съ мыслями не соберусь. Я совсѣмъ растерялся. (*Цалуетъ руки*). Полина, другъ мой!

Полина.

Да ты съ нѣжностями-то не подъѣзжай ко мнѣ.

Жадовъ.

Ты, вѣдь, пошутила Полина, а? Ты меня не оставишь?

Полина.

Куда какъ интересно жить-то съ тобой, горе-то мыкать!

Жадовъ.

Ты меня убиваешь, Полина! Ужь коли не любишь, такъ хоть пожалѣй меня. Ты знаешь, какъ я тебя люблю.

Полина.

Да, оно и видно! такъ и любятъ.

Жадовъ.

Какъ-же еще любятъ? Какъ? Скажи, я все исполню, что̀ ты мнѣ прикажешь.

Полина.

Поди сейчасъ къ дядѣ, помирись съ нимъ и попроси такое-же мѣсто, какъ у Бѣлогубова, да и денегъ попроси кстати; послѣ отдадимъ, какъ разбогатѣемъ.

Жадовъ.

Ни за что̀ на свѣтѣ, ни за что̀ на свѣтѣ! И не говори ты мнѣ этого.

Полина.

Зачѣмъ-же ты меня воротилъ? Смѣяться, что̀-ли, надо мной хочешь? Такъ ужь будетъ, я теперь стала умнѣй. Прощай! (*Встаетъ*).

Жадовъ.

Постой! Погоди, Полина! Дай мнѣ съ тобой поговорить.

Полина (*передъ зеркаломъ*).

Объ чемъ говорить! Ужь все переговорили.

Жадовъ (*съ умоляющимъ видомъ*).

Нѣтъ, нѣтъ, Полина, не все еще. Много, много мнѣ нужно

еще сказать тебѣ. Ты многаго не знаешь. Кабы можно было мнѣ вдругъ передать тебѣ свою душу, передать то, о чемъ думалъ и мечталъ я, какъ-бы я былъ счастливъ! Давай, поговоримъ, Полина, поговоримъ. Ты только, ради Бога, слушай, одной милости прошу у тебя.

Полина.

Говори.

Жадовъ (*горячо*).

Слушай, слушай! (*Беретъ ее за руку*). Всегда, Полина, во всѣ времена были люди, они и теперь есть, которые идутъ наперекоръ устарѣвшимъ общественнымъ привычкамъ и условіямъ. Не по капризу, не по своей волѣ — нѣтъ, а потому, что правила, которыя они знаютъ, лучше, честнѣе тѣхъ правилъ, которыми руководствуется общество. И не сами они выдумали эти правила: они ихъ слышали съ пастырскихъ и профессорскихъ каѳедръ, они ихъ вычитали въ лучшихъ литературныхъ произведеніяхъ нашихъ и иностранныхъ. Они воспитались въ нихъ и хотятъ ихъ провести въ жизни. Что это не легко—я согласенъ. Общественные пороки крѣпки, невѣжественное большинство сильно. Борьба трудна и часто пагубна; но тѣмъ больше славы для избранныхъ: на нихъ благословеніе потомства; безъ нихъ ложь, зло, насиліе выросли-бы до того, что закрыли-бы отъ людей свѣтъ солнечный...

Полина (*смотритъ на него съ изумленіемъ*).

Ты сумасшедшій, право, сумасшедшій! И ты хочешь, чтобъ я тебя слушала; у меня и такъ ума-то немного, и послѣдній съ тобой потеряешь.

Жадовъ.

Да ты послушай меня, Полина!

Полина.

Нѣтъ, ужъ я лучше буду слушать умныхъ людей.

Жадовъ.

Кого-же ты будешь слушать? Кто эти умные люди?

Полина.

Кто? Сестрица, Бѣлогубовъ.

Жадовъ.

И ты сравняла меня съ Бѣлогубовымъ!

Полина.

Скажите пожалуйста! Ты что̀ такой за важный человѣкъ? Извѣстно, Бѣлогубовъ лучше тебя. У начальства въ уваженіи, жену любитъ, отличный хозяинъ, свои лошади... А ты что̀? только что хвастать... (*передразнивая его*) «я умный, я благородный, всѣ дураки, всѣ взяточники!»

Жадовъ.

Что̀ за тонъ у тебя! Что̀ за манеры! Какая мерзость!

Полина.

Ты опять ругаться! Прощай! (*Хочетъ идти*).

Жадовъ (*держитъ ее*).

Постой, погоди немножко.

Полина.

Пусти.

Жадовъ.

Нѣтъ, постой, постой! Полиночка, другъ мой, погоди. (*Хватаетъ ее за платье*).

Полина (*смѣется*).

Ну, что̀ ты меня держишь руками-то! какой ты чудакъ! Захочу уйти, такъ не удержишь.

Жадовъ.

Что̀-жь мнѣ съ тобой дѣлать? Что̀-жь мнѣ съ тобой дѣлать, съ моей милой Полиной?

Полина.

Поди къ дядѣ да помирись.

Жадовъ.

Постой, постой, дай подумать.

Полина.

Подумай.

Жадовъ.

Вѣдь, я тебя люблю, я для тебя готовъ на все на свѣтѣ... Но что̀ ты мнѣ предлагаешь!.. Ужасно!.. Нѣтъ, надо подумать. Да, да, да, да... подумать надо... надо подумать... Ну, а если я не пойду къ дядѣ, ты уйдешь отъ меня?

Полина.

Уйду.

Жадовъ.

Совсѣмъ уйдешь?

Полина.

Совсѣмъ. Не десять тебѣ разъ говорить-то, надоѣло ужъ. Прощай!

Жадовъ.

Постой, постой! (*Садится къ столу, подпираетъ голову руками и задумывается*).

Полина.

Долго-ли мнѣ ждать-то!

Жадовъ (*почти со слезами*).

А, вѣдь, знаешь что̀, Полина? Вѣдь, хорошо, когда хорошенькая жена да хорошо одѣта?

Полина (*съ чувствомъ*).

Очень хорошо!

Жадовъ.

Ну да, да... (*кричитъ*) да, да (*топаетъ ногами*). И хорошо съ ней выѣхать въ хорошемъ экипажѣ?

Полина.

Ахъ, какъ хорошо!

Жадовъ.

Вѣдь, молодую, хорошенькую жену надо любить, надо ее лелѣять... (*кричитъ*) да, да, да, надо ее наряжать... (*успокоившись*). Ну что̀-жь, ничего... ничего... Это легко сдѣлать! (*Съ отчаяніемъ*). Прощайте, юношескія мечты мои! Прощайте, великіе уроки! Прощай, моя честная будущность! Вѣдь, буду и я старикъ, будутъ у меня и сѣдые волосы, будутъ и дѣти...

Полина.

Что̀ ты? что̀ ты?

Жадовъ.

Нѣтъ, нѣтъ! дѣтей будемъ въ строгихъ правилахъ воспитывать. Пусть идутъ за вѣкомъ. Нѣчего имъ на отцовъ смотрѣть.

Полина.

Да перестань!

Жадовъ.

Дай мнѣ поплакать-то; вѣдь, ужь это я плачу въ послѣдній разъ въ жизни. (*Рыдаетъ*).

Полина.

Что̀ это съ тобой сдѣлалось?

Жадовъ.

Ничего... ничего... легко... легко... все легко на свѣтѣ. Только надобно, чтобъ не напоминало ничто! Это просто сдѣлать! Это я сдѣлаю... буду сторониться, прятаться отъ своихъ прежнихъ товарищей... не буду ходить туда, гдѣ говорятъ про честность, про святость долга... цѣлую недѣлю работать, а въ пятницу на субботу собирать разныхъ Бѣлогубовыхъ и пьянствовать на наворованныя деньги, какъ разбойники... да, да... А тамъ и привыкнешь.

Полина (*почти плача*).

Ты что̀-то нехорошее говоришь.

Жадовъ.

Пѣть пѣсни... Ты знаешь эту пѣсню? (*Поетъ*).

«Бери, большой тутъ нѣтъ науки.
Бери, что можно только взять.
На что̀-жь привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать, брать, брать...»

Хороша эта пѣсенка?

Полина.

Что̀ съ тобой такое, я ужь и не пойму.

Жадовъ.

Пойдемъ къ дядюшкѣ просить доходнаго мѣста! (*Надѣваетъ небрежно шляпу и беретъ жену за руку. Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА ВЪ ПЯТОМЪ ДѢЙСТВІИ:

Аристархъ Владимірычъ Вышневскій.
Анна Павловна Вышневская.
Акимъ Акимычъ Юсовъ.
Василій Николаичъ Жадовъ.
Полина.
Антонъ.
Мальчикъ.

Комната перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Вышневская и Антонъ (*подаетъ письмо на подносѣ и уходитъ*).

Вышневская (*читаетъ*).

«Милостивая государыня, Анна Павловна! Извините меня, если мое письмо вамъ не понравится; ваши поступки со мной оправдываютъ и мои. Я слышалъ, что вы смѣетесь надо мной и показываете постороннимъ мои письма, писанныя съ увлеченіемъ и въ порывѣ страсти. Вы не можете не знать моего положенія въ обществѣ и сколько компрометируетъ меня такое ваше поведеніе. Я не мальчикъ. И по какому праву вы такъ поступаете со мной? Мое искательство совершенно оправдывалось вашимъ поведеніемъ, которое, вы сами должны признаться, не было безукоризненно. И хотя мнѣ, какъ мужчинѣ, позволительны нѣкоторыя вольности, но смѣшнымъ я быть не хочу. А вы меня сдѣлали предметомъ разговора въ цѣломъ городѣ. Вы знаете мои отношенія къ Любимову, я уже говорилъ вамъ, что между бума-

гами, которыя остались послѣ него, я нашелъ нѣсколько вашихъ писемъ. Я предлагалъ вамъ ихъ получить отъ меня. Стоило только вамъ побороть вашу гордость и согласиться съ общественнымъ мнѣніемь, что я одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ и болѣе другихъ пользуюсь успѣхами между дамами. Вамъ угодно было обращаться со мной презрительно; въ такомъ случаѣ вы должны меня извинить: я рѣшился передать эти письма вашему мужу». Вотъ это благородно! Фу, какая мерзость! Ну, да все равно, надобно-же было кончить когда-нибудь. Я не изъ тѣхъ женщинъ, чтобы согласилась поправлять холоднымъ развратомъ проступокъ, сдѣланный по увлеченію. Хороши у насъ мужчины! Человѣкъ, которому 40 лѣтъ, у котораго жена красавица, начинаетъ ухаживать за мной, говорить и дѣлать глупости. Что̀ можетъ оправдать его? Страсть? Какая страсть! Онъ ужь, я думаю, въ восьмнадцать лѣтъ потерялъ способность влюбляться. Нѣтъ, очень просто: до него дошли разныя сплетни про меня, и онъ считаетъ меня доступною женщиной. И вотъ онъ безъ всякой церемоніи начинаетъ писать ко мнѣ страстныя письма, наполненныя самыми пошлыми нѣжностями, очевидно, весьма хладнокровно придуманными. Онъ объѣздитъ десять гостиныхъ, гдѣ будетъ разсказывать про меня самыя ужасныя вещи, и потомъ пріѣзжаетъ утѣшать меня. Говоритъ, что онъ презираетъ общественное мнѣніе, что страсть въ его глазахъ оправдываетъ все. Клянется въ любви, говоритъ пошлыя фразы, желая придать своему лицу страстное выраженіе, дѣлаетъ какія-то странныя, кислыя улыбки. Даже не даетъ себѣ труда хорошенько притвориться влюбленнымъ. Зачѣмъ трудиться, сойдетъ и такъ, только-бы форма была соблюдена. Если посмѣешься надъ такимъ человѣкомъ, или окажешь ему презрѣніе, котораго онъ заслуживаетъ, онъ считаетъ себя въ правѣ мстить. Для него смѣшное страшнѣе самаго грязнаго порока. Связью съ женщиной онъ станетъ хвастаться самъ — это дѣлаетъ ему честь; а письма его показать—бѣда, это его компрометируетъ. Онъ самъ чувствуетъ, что они смѣшны и глупы. За кого-же они считаютъ тѣхъ женщинъ, къ которымъ пишутъ такія письма? Безсовѣстный народъ! И вотъ онъ теперь, въ порывѣ благороднаго негодованія, дѣлаетъ

подлость противъ меня и, вѣроятно, считаетъ себя правымъ. Да не одинъ онъ, всѣ таковы... Ну, да тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ, я объяснюсь съ мужемъ. Мнѣ даже хочется этого объясненія. Онъ увидитъ, что если я виновата передъ нимъ, то онъ еще болѣе виноватъ передо мной. Онъ убилъ всю мою жизнь. Онъ своимъ эгоизмомъ засушилъ мое сердце, отнялъ у меня возможность семейнаго счастія, онъ заставилъ меня плакать о томъ, что̀ воротить нельзя — объ моей молодости. Я провела ее съ нимъ пошло, безчувственно, тогда какъ душа просила жизни, любви. Въ пустомъ, мелочномъ кругѣ его знакомыхъ, въ который онъ ввелъ меня, во мнѣ заглохли всѣ лучшія душевныя качества, оледенѣли всѣ благородные порывы. И въ добавокъ, я испытываю угрызеніе совѣсти за проступокъ, котораго избѣжать было не въ моей власти. (*Юсовъ входитъ, замѣтно разстроенный*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Вышневская и Юсовъ.

Юсовъ (*кланяясь*).

Еще не пріѣзжали-съ?

Вышневская.

Нѣтъ еще. Садитесь. (*Юсовъ садится*). Вы чѣмъ-то встревожены?

Юсовъ.

Нѣтъ словъ-съ... уста нѣмѣютъ.

Вышневская.

Да что̀ такое?

Юсовъ (*качаетъ головой*).

Человѣкъ все равно... корабль по морю... вдругъ кораблекрушеніе, и нѣсть спасающаго!..

Вышневская.

Я васъ не понимаю.

Юсовъ.

Я на счетъ бренности... что̀ прочно въ жизни сей? Съ чѣмъ придемъ? съ чѣмъ предстанемъ?.. Однѣ дѣла... можно сказать,

какъ ноша за спиной... въ обличеніе... и помышленія даже... (*махнувъ рукой*) всѣ записаны.

Вышневская.

Чтò, умеръ, чтò-ли, кто-нибудь?

Юсовъ.

Нѣтъ-съ, переворотъ въ жизни. (*Нюхаетъ табакъ*). Въ богатствѣ и въ знатности затмѣніе бываетъ... чувствъ нашихъ... забываемъ нищую братію... гордость, плотоугодіе... За то и наказаніе бываетъ по дѣламъ нашимъ.

Вышневская.

Я это давно знаю; не понимаю только, къ чему вы передо мной теряете даромъ свое краснорѣчіе.

Юсовъ.

Близко сердцу моему... Положимъ, хоть я тутъ не подлежу большой отвѣтственности... но, все-таки, надъ такой особой! Чтò прочно!.. когда и санъ не защищаетъ.

Вышневская.

Надъ какой особой?

Юсовъ.

Опала на насъ-съ.

Вышневская.

Да говорите!

Юсовъ.

Открылись, якобы, упущенія, недочеты суммъ и разныя злоупотребленія.

Вышневская.

Чтò-же?

Юсовъ.

Такъ насъ подъ судъ-съ... То-есть, я-то собственно не подлежу большой отвѣтственности, а Аристархъ Владимірычъ должны будутъ...

Вышневская.

Чтò должны?

Юсовъ.

Отвѣтствовать всѣмъ своимъ имуществомъ и подвергнуться суду за противозаконные, якобы, поступки.

Вышневская (*поднявъ глаза*).

Начинается расплата!

Юсовъ.

Конечно, смертный... Станутъ придираться, такъ, пожалуй, найдутъ что̀-нибудь; я такъ полагаю, что, по нынѣшнимъ строгостямъ, отставятъ... Долженъ буду бѣдствовать безъ куска хлѣба.

Вышневская.

Вамъ, кажется, далеко до этого.

Юсовъ.

Да, вѣдь, дѣти-съ. (*Молчаніе*). Я все думалъ дорогой, съ прискорбіемъ думалъ: за что̀ такое попущеніе на насъ? За гордость... Гордость ослѣпляетъ человѣка, застилаетъ глаза.

Вышневская.

Полноте, какая тутъ гордость! просто взятки.

Юсовъ.

Взятки? Взятки что̀-съ, маловажная вещь... многіе подвержены. Смиренія нѣтъ, вотъ главное... Судьба все равно, что̀ фортуна... какъ изображается на картинѣ... колесо, и на немъ люди... поднимается кверху и опять опускается внизъ, возвышается и потомъ смиряется, превозносится собой и опять ничто... такъ все кругообразно. Устроивай свое благосостояніе, трудись, пріобрѣтай имущество... возносись въ мечтахъ... и вдругъ нагъ!.. Надпись подписана подъ этой фортуной... (*Съ чувствомъ*).

«Чуденъ въ свѣтѣ человѣкъ!
Суетится цѣлый вѣкъ,
Счастія сыскать желаетъ,
А того не вображаетъ,
Что судьба имъ управляетъ.»

Вотъ что̀ раскусить надо! Вотъ что̀ долженъ человѣкъ помнить! Мы родимся, ничего не имѣемъ, такъ и въ могилу. Для чего-же трудимся? Вотъ философія! Что̀ нашъ умъ? Что̀ онъ можетъ постигнуть? (*Входитъ Вышневскій и молча проходитъ въ кабинетъ. Юсовъ встаетъ*).

Вышневская.

Какъ онъ измѣнился!

Юсовъ.

За докторомъ-бы послать. Съ ними давеча въ присутствіи дурно сдѣлалось. Такой ударъ... человѣку благородныхъ чувствъ... какъ его перенесть!

Вышневская (*звонитъ; входитъ мальчикъ*).

Сходи за докторомъ, попроси поскорѣй пріѣхать. (*Вышневскій выходитъ и садится въ кресла*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Вышневскій.

Вышневская (*подходя къ нему*).

Я слышала отъ Акима Акимыча, съ вами несчастіе. Не падайте духомъ. (*Молчаніе*). Вы ужасно перемѣнились. Вы дурно себя чувствуете? Я послала за докторомъ.

Вышневскій.

Какое лицемѣріе! Какая гнусная ложь! Какая подлость!

Вышневская (*гордо*).

Никакой лжи! Я васъ жалѣю, какъ стала-бы жалѣть всякаго въ несчастіи — ни больше, ни меньше. (*Отходитъ и садится*).

Вышневскій.

Ненужно мнѣ вашихъ сожалѣній. Не жалѣйте меня! я обезчещенъ, разоренъ! За что̀?

Вышневская.

Спросите у вашей совѣсти.

Вышневскій.

Не говорите о совѣсти! Вы не имѣете права говорить о ней... Юсовъ! За что̀ я погибъ?

Юсовъ.

Превратность... судьба-съ.

Вышневскій.

Вздоръ, какая судьба! Сильные враги — вотъ причина! Вотъ что̀ меня сгубило! Проклятіе вамъ! Позавидовали моему благополучію. Какъ не позавидовать! Человѣкъ въ нѣсколько лѣтъ возвышается, богатѣетъ, смѣло создаетъ свое благоденствіе,

строитъ дома и дачи, покупаетъ деревню за деревней, выростаетъ выше ихъ цѣлой головой. Какъ не позавидовать! Человѣкъ идетъ къ богатству и почестямъ, какъ по лѣстницѣ. Чтобы перегнать, или хоть догнать его, нуженъ умъ, геній. Ума взять нѐгдѣ, ну такъ подставить ему ногу. Я задыхаюсь отъ бѣшенства...

Юсовъ.

Завпсть человѣка можетъ на все подвигнуть...

Вышневскій.

Не паденіе меня бѣситъ — нѣтъ, а торжество, которое я имъ доставлю своимъ паденіемъ. Что̀ теперь разговору! что̀ радости! О, чортъ возьми, я не переживу! (*Звонитъ. Входитъ Антонъ*). Воды... (*Антонъ подаетъ и уходитъ*). Теперь съ вами мнѣ нужно поговорить.

Вышневская.

Что̀ вамъ угодно?

Вышневскій.

Мнѣ угодно вамъ сказать, что вы развратная женщина.

Вышневская.

Аристархъ Владимірычъ, здѣсь посторонніе люди.

Юсовъ.

Прикажете уйти?

Вышневскій.

Останься! Я скажу то-же самое при всей дворнѣ.

Вышневская.

За что̀ вы оскорбляете меня? Вамъ не на кого излить свою безсильную злобу. Не грѣхъ-ли вамъ!

Вышневскій.

Вотъ вамъ доказательство моихъ словъ. (*Бросаетъ конвертъ съ письмами. Юсовъ поднимаетъ и подаетъ Вышневской*).

Вышневская.

Благодарю васъ. (*Судорожно разсматриваетъ ихъ и прячетъ въ карманъ*).

Вышневскій.

Юсовъ, что̀ дѣлаютъ съ женщиной, которая, не смотря на всѣ благодѣянія мужа, забываетъ свой долгъ?

Юсовъ.

Гм... Гмм...

Вышневскій.

Я тебѣ скажу: выгоняютъ съ позоромъ! Да̀, Юсовъ, я несчастенъ, вполнѣ несчастенъ, я одинокъ. Не бросай хоть ты меня. Человѣкъ, какъ-бы онъ ни былъ высоко поставленъ, когда онъ въ горѣ, все-таки, ищетъ утѣшенія въ семействѣ. (*Съ злобою*). А я нахожу въ своемъ семействѣ...

Вышневская.

Не говорите про семейство! У васъ его никогда не было. Вы даже не знаете, что̀ такое семейство! Позвольте-же теперь, Аристархъ Владиміричъ, высказать вамъ все, что̀ я перенесла, живя съ вами.

Вышневскій.

Для васъ нѣтъ оправданій.

Вышневская.

Я и не хочу оправдываться—мнѣ не въ чемъ оправдываться. За минутное увлеченіе я перенесла много горя, много униженія, но, повѣрьте, безъ ропота на судьбу и безъ проклятій, какъ вы. Я хочу вамъ сказать только, что если я виновата, то передъ собой одной, а не передъ вами. Вы не должны меня упрекать. Еслибъ вы имѣли сердце, вы-бы чувствовали, что вы меня погубили.

Вышневскій.

Ха, ха! Вините кого другаго въ вашемъ поведеніи, а не меня.

Вышневская.

Нѣтъ, васъ. Развѣ вы жену брали себѣ? Вспомните, какъ вы за меня сватались! Когда вы были женихомъ, я не слыхала отъ васъ ни одного слова о семейной жизни; вы вели себя, какъ старый волокита, обольщающій молодыхъ дѣвушекъ подарками, смотрѣли на меня, какъ сатиръ. Вы видѣли мое отвращеніе къ вамъ и, не смотря на это, вы, все-таки, купили меня за деньги у моихъ родственниковъ, какъ покупаютъ невольницъ въ Турціи. Чего-же вы отъ меня хотите?

Вышневскій.

Вы моя жена, не забывайте! и я въ правѣ всегда требовать отъ васъ исполненія вашего долга.

Вышневская.

Да, вы свою покупку, не скажу, освятили — нѣтъ, а закрыли, замаскировали бракомъ. Иначе нельзя было: мои родные не согласились-бы, а для васъ все равно. И потомъ, когда ужь вы были моимъ мужемъ, вы не смотрѣли на меня, какъ на жену: вы покупали за деньги мои ласки. Если вы замѣчали во мнѣ отвращеніе къ вамъ, вы спѣшили ко мнѣ съ какимъ-нибудь дорогимъ подаркомъ и тогда ужь подходили смѣло, съ полнымъ правомъ. Что̀-же мнѣ было дѣлать... вы, все-таки, мой мужъ: я покорялась. О! перестанешь уважать себя. Каково испытывать чувство презрѣнія къ самой себѣ! Вотъ до чего вы довели меня! Но что̀ со мной было потомъ, когда я узнала, что даже деньги, которыя вы мнѣ дарите—не ваши, что онѣ пріобрѣтены не честно...

Вышневскій (*привстаетъ*).

Замолчите!

Вышневская.

Извольте, я замолчу объ этомъ, вы уже довольно наказаны; но я буду продолжать о себѣ.

Вышневскій.

Говорите, что̀ хотите, мнѣ все равно; вы не измѣните моего мнѣнія о васъ.

Вышневская.

Можетъ быть, вы о себѣ измѣните мнѣніе послѣ моихъ словъ. Вы помните, какъ я дичилась общества, я боялась его. И не даромъ. Но вы требовали — я должна была уступить вамъ. И вотъ, совсѣмъ неприготовленную, безъ совѣта, безъ руководителя, вы ввели меня въ свой кругъ, въ которомъ искушеніе и порокъ на каждомъ шагу. Нѣкому было ни предупредить, ни поддержать меня! Впрочемъ, я сама узнала всю мелочность, весь развратъ тѣхъ людей, которые составляютъ ваше знакомство. Я берегла себя. Въ то время я встрѣтила въ обществѣ Любимова, вы его знали. Помните его открытое лицо, его свѣтлые глаза, какъ уменъ и какъ чистъ былъ онъ самъ! Какъ горячо онъ спорилъ съ вами, какъ смѣло говорилъ про всякую ложь и неправду! Онъ говорилъ то, что̀ я уже чувствовала, хотя и неясно. Я ждала отъ васъ возраженій. Возраженій отъ васъ не

было; вы только клеветали на него, за глаза выдумывали гнусныя сплетни, старались уронить его въ общественномъ мнѣніи, и больше ничего. Какъ я желала тогда заступиться за него; но я не имѣла для этого ни возможности, ни достаточно ума. Мнѣ оставалось только... полюбить его.

Вышневскій.

Такъ вы и сдѣлали?

Вышневская.

Такъ я и сдѣлала. Я видѣла потомъ, какъ вы губили его, какъ мало-по-малу достигали своей цѣли. То-есть, не вы одни, а всѣ, кому это нужно было. Вы сначала вооружили противъ него общество, говорили, что его знакомство опасно для молодыхъ людей, потомъ твердили постоянно, что онъ вольнодумецъ и вредный человѣкъ, и возстановили противъ него его начальство; онъ принужденъ былъ оставить службу, родныхъ, знакомство, уѣхать отсюда... (*Закрываетъ глаза платкомъ*). Я все это видѣла, все выстрадала на себѣ. Я видѣла торжество злобы, а вы все еще считаете меня той дѣвочкой, которую вы купили и которая должна быть благодарна и любить васъ за ваши подарки. Изъ моихъ чистыхъ отношеній къ нему сдѣлали гнусную сплетню; дамы стали явно клеветать на меня, а тайно завидовать; молодые и старые волокиты стали безъ церемоніи преслѣдовать меня. Вотъ до чего вы довели меня, женщину, достойную, можетъ быть, лучшей участи, женщину, способную понимать истинное значеніе жизни и ненавидѣть зло! Вотъ все, что̀ я хотѣла сказать вамъ — больше вы не услышите отъ меня упрека никогда.

Вышневскій.

Напрасно. Я теперь бѣдный человѣкъ, а бѣдные люди позволяютъ своимъ женамъ ругаться. Это у нихъ можно. Еслибы я былъ тотъ Вышневскій, какимъ былъ до нынѣшняго дня, я-бы васъ прогналъ безъ разговору; но мы теперь, благодаря врагамъ моимъ, должны спуститься изъ круга порядочныхъ людей. Въ низшемъ кругу мужья бранятся съ своими женами и иногда дерутся — и это не дѣлаетъ никакого скандала. (*Входитъ Жадовъ съ женой*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тѣ-же, Жадовъ и Полина.

Вышневскій.

Ты зачѣмъ?

Жадовъ.

Дядюшка, извините...

Полина.

Здравствуйте, дяденька! Здравствуйте, тетенька! (*Шепчетъ Вышневской*). Пришелъ мѣста просить. (*Садится подлѣ Вышневской*).

Вышневская.

Какъ! Неужели? (*Смотритъ съ любопытствомъ на Жадова*).

Вышневскій.

Ты пришелъ посмѣяться надъ дядей!

Жадовъ.

Дядюшка, я, быть можетъ, оскорбилъ васъ. Извините меня... увлеченіе молодости, незнаніе жизни... я не долженъ былъ... вы мой родственникъ.

Вышневскій.

Ну?

Жадовъ.

Я испыталъ, что̀ значитъ жить безъ поддержки... безъ протекціи... я женатъ.

Вышневскій.

Ну, что̀-жь тебѣ?

Жадовъ.

Я живу очень бѣдно... Для меня-бы стало; но для жены, которую я очень люблю... Позвольте мнѣ опять служить подъ вашимъ начальствомъ... дядюшка, обезпечьте меня! Дайте мнѣ мѣсто, гдѣ-бы я... могъ... (*тихо*) пріобрѣсть что̀-нибудь.

Полина (*Вышневской*).

Подоходнѣе.

Вышневскій (*хохочетъ*).

Ха, ха, ха!.. Юсовъ! Вотъ они, герои-то! Молодой человѣкъ, который кричалъ на всѣхъ перекресткахъ про взяточниковъ, говорилъ о какомъ-то новомъ поколѣніи, идетъ къ намъ-же просить доходнаго мѣста, чтобы брать взятки! Хорошо новое поколѣніе! ха, ха, ха!

Жадовъ (*встаетъ*).

Охъ! (*Хватается за грудь*).

Юсовъ.

Молодъ былъ! Развѣ дѣло говорилъ! Одни слова... Такъ они словами и останутся. Жизнь-то дастъ себя знать. (*Нюхаетъ табакъ*). Бросишь философію-то. Только то нехорошо, что прежде надобно было умныхъ людей послушать, а не грубить.

Вышневскій (*Юсову*).

Нѣтъ, Юсовъ, помнишь, какой тонъ былъ! Какая увѣренность въ самомъ себѣ! Какое негодованіе къ пороку! (*Жадову, болѣе и болѣе разгорячаясь*). Не ты-ли говорилъ, что ростетъ какое-то новое поколѣніе образованныхъ, честныхъ людей, мучениковъ правды, которые обличатъ насъ, закидаютъ насъ грязью? Не ты-ли? Признаюсь тебѣ, я вѣрилъ. Я васъ глубоко ненавидѣлъ... я васъ боялся. Да, не шутя. И что̀-жь оказывается! Вы честны до тѣхъ поръ, пока не выдохлись уроки, которые вамъ долбили въ голову; честны только до первой встрѣчи съ нуждой! Ну, обрадовалъ ты меня, нѐчего сказать!.. Нѣтъ, вы не сто̀ите ненависти — я васъ презираю!

Жадовъ.

Презирайте, презирайте меня. Я самъ себя презираю.

Вышневскій.

Вотъ люди, которые взяли себѣ привилегію на честность! Мы съ тобой осрамлены! Насъ отдали подъ судъ...

Жадовъ.

Что̀ я слышу!

Юсовъ.

Люди — всегда люди.

Жадовъ.

Дядюшка, я не говорилъ, что наше поколѣніе честнѣй другихъ.

Всегда были и будутъ честные люди, честные граждане, честные чиновники; всегда были и будутъ слабые люди. Вотъ вамъ доказательство — я самъ. Я говорилъ только, что въ наше время... (*начинаетъ тихо и постепенно одушевляется*) общество мало-по-малу бросаетъ прежнее равнодушіе къ пороку, слышатся энергическіе возгласы противъ общественнаго зла... Я говорилъ, что у насъ пробуждается сознаніе своихъ недостатковъ; а въ сознаніи есть надежда на лучшее будущее. Я говорилъ, что начинаетъ создаваться общественное мнѣніе... что въ юношахъ воспитывается чувство справедливости, чувство долга, и оно ростетъ, ростетъ, и принесетъ плоды. Не увидите вы, такъ мы увидимъ и возблагодаримъ Бога. Моей слабости вамъ нѣчего радоваться. Я не герой, я обыкновенный, слабый человѣкъ; у меня мало воли, какъ почти у всѣхъ насъ. Нужда, обстоятельства, необразованность родныхъ, окружающій развратъ могутъ загнать меня, какъ загоняютъ почтовую лошадь. Но довольно одного урока, хоть такого, какъ теперь... благодарю васъ за него; довольно одной встрѣчи съ порядочнымъ человѣкомъ, чтобы воскресить меня, чтобы поддержать во мнѣ твердость. Я могу поколебаться, но преступленія не сдѣлаю; я могу споткнуться, но не упасть. Мое сердце ужь размягчено образованіемъ, оно не загрубѣетъ въ порокѣ. (*Молчаніе*). Я не знаю, куда дѣться отъ стыда... Да, мнѣ стыдно, стыдно, что я у васъ.

Вышневскій (*поднимаясь*).

Такъ поди вонъ!

Жадовъ (*кротко*).

Пойду. Полина, теперь ты можешь идти къ маменькѣ; я тебя держать не стану. Ужь теперь я не измѣню себѣ. Если судьба приведетъ ѣсть одинъ черный хлѣбъ — буду ѣсть одинъ черный хлѣбъ. Никакія блага не соблазнятъ меня, нѣтъ! Я хочу сохранить за собой дорогое право глядѣть всякому въ глаза прямо, безъ стыда, безъ тайныхъ угрызеній, читать и смотрѣть сатиры и комедіи на взяточниковъ и хохотать отъ чистаго сердца, откровеннымъ смѣхомъ. Если вся жизнь моя будетъ состоять изъ трудовъ и лишеній, я не буду роптать... Одного утѣшенія буду просить я у Бога, одной награды буду ждать. Чего, думаете вы?

(*Короткое молчаніе*). Я буду ждать того времени, когда взяточникъ будетъ бояться суда общественнаго больше, чѣмъ уголовнаго.

Вышневскій (*встаетъ*).

Я тебя задушу своими руками! (*Шатается*). Юсовъ, мнѣ дурно. Проводи меня въ кабинетъ. (*Уходитъ съ Юсовымъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Вышневская, Жадовъ, Полина *и потомъ* Юсовъ.

Полина (*подходитъ къ Жадову*).

Ты думалъ, что я въ самомъ дѣлѣ хочу тебя оставить? Это я нарочно. Меня научили.

Вышневская.

Помиритесь, дѣти мои. (*Жадовъ и Полина цалуются*).

Юсовъ (*въ дверяхъ*).

Доктора! Доктора!

Вышневская (*приподнимаясь въ креслахъ*).

Что̀, что̀?

Юсовъ.

Съ Аристархомъ Владимірычемъ ударъ!

Вышневская (*слабо вскрикнувъ*).

Ахъ! (*Опускается въ кресла; Полина, со страху, прижимается къ Жадову; Жадовъ опирается рукой на столъ и опускаетъ голову. Юсовъ стоитъ у двери, совершенно растерявшись. Картина*).

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОНЪ—ДО ОБѢДА.

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОНЪ — ДО ОБѢДА.*)

КАРТИНЫ ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

ЛИЦА:

Павла Петровна Бальзаминова, вдова.
Михайло Дмитричъ Бальзаминовъ, ея сынъ, чиновникъ, 25 лѣтъ.
Клеопатра Ивановна Ничкина, вдова купчиха, 35 лѣтъ.
Капочка (Капитолина), ея дочь, 17 лѣтъ.
Устинька, подруга Капочки, купеческая дочь, 20 лѣтъ.
Акулина Гавриловна Красавина, сваха.
Нилъ Борисычъ Неуѣденовъ, купецъ, братъ Ничкиной, 40 лѣтъ.
Юша (Ефимъ), сынъ его, 13 лѣтъ.
Матрена, кухарка у Бальзаминовыхъ.
Маланья, горничная у Ничкиной.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Бѣдная комната; направо дверь, у двери старинные часы, прямо печь изразцовая, съ одной стороны ея шкапъ, съ другой дверь въ кухню; налѣво комодъ, на немъ туалетное зеркало; на первомъ планѣ окно, у окна столъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бальзаминова (*одна, сидитъ съ чулкомъ въ рукахъ*).

Миша! Миша! Что̀ ты тамъ въ кухнѣ дѣлаешь? (*Бальзаминовъ изъ кухни: «Не мѣшайте, маменька! Матрена меня за-*

---

*) По народному повѣрью, сонъ, видѣнный подъ праздникъ, сбывается только до обѣда.

вивает!») Все завивается! Все завивается! Красотой-то своей ужь очень занятъ. Эхъ, молодо, зелено! Все счастье себѣ хочетъ составить, прельстить кого-нибудь. А я такъ думаю, не прельститъ онъ никого; разумомъ-то онъ у меня больно плохъ. Другой и собой-то, изъ лица-то не казистъ, такъ словами обойдетъ; а мой-то умныхъ словъ совсѣмъ не знаетъ. Да, да! Ужь и жаль его. Знай-ка онъ умныя-то слова, по нашей-бы сторонѣ много могъ выиграть: сторона глухая, народъ темный. А то словъ-то умныхъ не знаетъ. Да и набраться-то нѣгдѣ. Ужь хоть-бы изъ стиховъ, чтò-ли, выписывалъ. (*Подумавъ*). И диковина это, чтò случилось! Въ кого это онъ родился такъ бѣлокуръ? Опять бѣда: нынче бѣлокурые-то не въ модѣ. Ну и носъ... не то, чтобы онъ курносый вовсе, а такъ мало какъ-то, чего-то не хватаетъ. А понравиться хочется, особенно кабы богатой невѣстѣ. Ужь такъ, бѣдный, право, старается — изъ кожи лѣзетъ. Кто-жь себѣ врагъ! Сторона-то у насъ такая, богатыхъ невѣстъ очень много, а глупы, вѣдь. Можетъ, Мишѣ и посчастливится по ихъ глупости. Умишкомъ-то его очень Богъ обидѣлъ. (*Бальзаминовъ кричитъ изъ кухни: «Маменька, я хочу аля-полька завиться!»*) Глупенькій, глупенькій! Зачѣмъ ты завиваешься-то? Волосы только ерошишь да жжешь, всѣ врозь смотрятъ. Такъ-то лучше къ тебѣ идетъ, натуральнѣе! Ахъ ты, Миша, Миша! Мнѣ-то ты милъ, я-то тебя ни на кого не промѣняю; какъ-то другимъ-то понравишься, особенно богатымъ-то? Чтò-то ужь и не вѣрится! На мои-то-бы глаза лучше и нѣтъ тебя, а другіе-то нынче разборчивы. Поговорятъ съ тобой, ну и увидятъ, что ты умомъ-то недостаточенъ. А кто-жь этому виноватъ? (*Вздыхаетъ*). Глупенькой ты мой! А, вѣдь, можетъ быть, и счастливъ будетъ. Говорятъ, такимъ-то Богъ счастье даетъ. (*Вяжетъ чулокъ. Бальзаминовъ въ халатѣ вбѣгаетъ изъ кухни*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Бальзаминовъ, Бальзаминова и Матрена.

Бальзаминовъ (*держась за голову*).

Ухо, ухо! Батюшки, ухо!

Матрена (*въ двери, со щипцами*).

Я, вѣдь, не полихмахтеръ, съ меня что̀ взять-то!

Бальзаминовъ.

Да, вѣдь, я тебя просилъ волосы завивать-то, а не уши.

Матрена.

А зачѣмъ велики отростилъ! Инъ шелъ-бы къ полихмахтеру; а съ меня что̀ взять-то! (*Уходитъ*).

Бальзаминовъ.

Батюшки, что̀-жь мнѣ дѣлать-то! (*Подходитъ къ зеркалу*). Ай, ай, ай! Почернѣло все!.. Ужь больно-то, нужды-бъ нѣтъ, какъ-бы только его волосами закрыть, чтобы не видно было.

Бальзаминова.

За дѣло!

Бальзаминовъ.

Какое, задѣла! Такъ горячими-то щипцами все ухо и ухватила... Ой, ой, ой! Маменька! Даже до лихорадки... Ой, батюшки!

Бальзаминова.

Я говорю, Миша, за дѣло тебѣ. Зачѣмъ завиваться! Что̀ хорошаго! Точно какъ цирюльникъ; да и грѣхъ. Ужь какъ ни завивайся, лучше не будешь.

Бальзаминовъ.

Какъ вы, маменька, мнѣ счастья не желаете, я не понимаю. Какъ мы живемъ? Просто бѣдствуемъ.

Бальзаминова.

Такъ что̀-жь! Зачѣмъ-же волосы-то портить?..

Бальзаминовъ.

Да, вѣдь, нынче праздникъ.

Бальзаминова.

Такъ что̀-жь, что праздникъ?

Бальзаминовъ.

Какъ что̀? Здѣсь сторона купеческая; можетъ такой случай выйти... Вдругъ...

Бальзаминова.

Все у тебя глупости на умѣ.

Бальзаминовъ.

Какія-же глупости?

Бальзаминова.

Разумѣется, глупости. Развѣ хорошо? Растреплешь себѣ волосы, да и пойдешь мимо богатыхъ купцовъ подъ окнами ходить. Какъ-нибудь и бѣды наживешь. Другой ревнивый мужъ или отецъ вышлетъ дворника съ метлой.

Бальзаминовъ.

Ну, что̀-жь такое? Ну, вышлетъ; можно и убѣжать.

Бальзаминова.

Незачѣмъ шататься-то.

Бальзаминовъ.

Какъ незачѣмъ? Развѣ лучше въ бѣдности-то жить! Ну, я годъ прохожу, ну два, ну три, ну пять — вѣдь, также у меня время-то идетъ; за то вдругъ...

Бальзаминова.

Лучше-бы ты служилъ хорошенько.

Бальзаминовъ.

Что̀ служить-то! Много-ли я выслужу? А тутъ вдругъ зацѣпишь мильонъ.

Бальзаминова.

Ужь и мильонъ?

Бальзаминовъ.

А что̀-жь такое! Нѣшто не бываетъ. Вы сами-жь сказывали, что я въ сорочкѣ родился. (*Молчаніе*). Ахъ, маменька, не повѣрите, какъ мнѣ хочется быть богатымъ, такъ и сплю, и вижу. Кажется... эхъ... разорвался-бы! Ужь такъ хочется, такъ хочется!

Бальзаминова.

Дурное-ли дѣло!

Бальзаминовъ.

Вѣдь, другой и богатъ, да что̀ проку-то: деньгами не умѣетъ распорядиться, даже досадно смотрѣть.

Бальзаминова.

А ты умѣешь?

Бальзаминовъ.

Да, конечно, умѣю. У меня, маменька, вкусу очень много. Я знаю, что̀ мнѣ къ лицу. (*Подбѣгаетъ къ окну*). Маменька, маменька, поглядите!

Бальзаминова.

Нужно очень!

Бальзаминовъ.

Какая ѣдетъ-то! Вся бархатная! (*Садится у окна, повѣся голову*). Вотъ кабы такая влюбилась въ меня да вышла за меня замужъ, что̀-бы я сдѣлалъ!

Бальзаминова.

А что̀?

Бальзаминовъ.

А вотъ: во-первыхъ, сшилъ-бы себѣ голубой плащъ на черной бархатной подкладкѣ. Надо только вообразить, маменька, какъ мнѣ голубой цвѣтъ къ лицу! Купилъ-бы себѣ сѣрую лошадь и бѣговыя дрожки и ѣздилъ-бы по Зацѣпѣ, маменька, и самъ правилъ...

Бальзаминова.

Все-то вздоръ у тебя.

Бальзаминовъ.

Да, я вамъ и забылъ сказать, какой я сонъ видѣлъ! Вотъ разгадайте-ка.

Бальзаминова.

Ну, говори, какой?

Бальзаминовъ (*беретъ стулъ и садится подлѣ матери*).

Вотъ, вдругъ я вижу, будто я ѣду въ хорошей коляскѣ и одѣтъ, будто, я очень хорошо, со вкусомъ: жилетка, будто, на мнѣ, маменька, черная съ мелкими золотыми полосками; лошади, будто, сѣрыя, а ѣду я подлѣ рѣки...

Бальзаминова.

Лошади — ложь; рѣка — рѣчи, разговоръ.

Бальзаминовъ.

Слушайте, маменька, что̀ дальше было. Вотъ, вижу я, будто кучеръ меня уронилъ, во всемъ-то въ новомъ платьѣ, и прямо въ грязь.

Бальзаминова.

Грязь — это богатство.

Бальзаминовъ.

Да какая грязь-то, маменька! Брррр... И, будто, я въ этомъ... весь перепачкался. Такъ я и обмеръ! Во всемъ-то въ новомъ, вообразите!

Бальзаминова.

Это... золото. Это тебѣ къ большому богатству.

Бальзаминовъ.

Кабы сбылось! Хоть-бы вотъ на смѣхъ одинъ сонъ сбылся! Ужъ сколько я такихъ сновъ видѣлъ: и денегъ-то у меня много, и одѣтъ-то я очень хорошо — проснешься, хвать, анъ, нѣтъ ничего. Одинъ разъ генераломъ себя видѣлъ. Какъ обрадовался! Нѣтъ! Перестану вѣрить снамъ.

Бальзаминова.

Какъ можно не вѣрить.

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Одинъ обманъ...

Бальзаминова.

А вотъ подождемъ. Праздничный сонъ — до обѣда сбывается: коли до обѣда не сбудется, такъ ничего не будетъ, надобно его совсѣмъ изъ головы выкинуть.

Бальзаминовъ.

Я, маменька, одѣнусь да пойду погуляю. (*Уходитъ*).

Бальзаминова.

А сонъ-то въ самомъ дѣлѣ хорошъ. Чего не бываетъ на свѣтѣ! Можетъ быть, и ему счастье выйдетъ.

Матрена (*въ дверяхъ*).

Какая-то старуха, русачка, васъ спрашиваетъ.

Бальзаминова.

Ну, позови! (*Матрена уходитъ*). Что̀ ей отъ меня нужно? Право, не придумаю. Ужъ не сваха-ли? (*Красавина входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Красавина и Бальзаминова.

Бальзаминова.

Садитесь, матушка! (*Красавина садится*). Что̀ вамъ угодно?

Красавина.

Аль не узнали?

Бальзаминова.

Не признаю, матушка.

Красавина.

Ужь, кажется, нашу сестру изъ тысячи выберешь. Видна сова по полету. Гдѣ сынъ-то?

Бальзаминова.

Одѣвается.

Красавина.

Ну ужь кавалеръ, нѣчего сказать! Съ налету бьетъ! Крикнулъ это, гаркнулъ: сивка, бурка, вѣщая каурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой! Въ одно ухо влѣзъ, въ другое вылѣзъ, сталъ молодецъ молодцомъ. Сидитъ королевишна въ своемъ новомъ теремѣ на двѣнадцати вѣнцахъ. Подскочилъ на всѣ двѣнадцать вѣнцовъ, поцаловалъ королевишну во сахарны уста, а та ему именной печатью въ лобъ и запечатала для памяти.

Бальзаминова.

Теперь, матушка, понимаю. Миша, Миша! (*Бальзаминовъ входитъ во фракѣ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Бальзаминовъ.

Красавина.

Красота моя неописанная! Младой въюнош, чѣмъ дарить будешь?

Бальзаминовъ.

Кого?

Красавина.

Меня.

Бальзаминовъ.

За что?

Красавина.

Много будешь знать, скоро состарѣешься. Ты подарокъ-то готовь.

Вальзаминовъ (*сконфузившись*).

Чѣмъ тебя дарить-то? (*Шаритъ въ карманахъ*). Право... эхъ... ничего-то у меня нѣтъ.

Красавина.

На нѣтъ — суда нѣтъ. Теперь нѣтъ, послѣ будетъ. Смотри-же, уговоръ лучше денегъ. Мнѣ многаго ненадо, ты самъ человѣкъ бѣдный, только вдругъ счастье-то тебѣ такое вышло. Ты мнѣ подари кусокъ матеріи на платье да платокъ пукетовый, французскій.

Вальзаминовъ.

Да ужь хорошо, ужь что̀ толковать!

Красавина.

Что̀ разгорячился больно! Надо толкомъ поговорить. Ты свое возьмешь, и мнѣ надо свое взять. Такъ смотри-же, французскій. А то ты подаришь, пожалуй, платокъ-то по нѣтовой землѣ пустыми цвѣтами.

Вальзаминовъ.

Да ужь все, ужь все, только говори.

Красавина.

Аль сказать?

Вальзаминовъ.

Говори, говори. Маменька, вотъ сопъ-то!

Вальзаминова.

Да, Миша.

Красавина.

Развѣ видѣлъ что̀?

Вальзаминовъ.

Видѣлъ, видѣлъ.

Красавина.

Ну, вотъ тебѣ и вышло.

Вальзаминовъ.

Да что̀ вышло-то?

Красавина.

Ишь ты какой проворный! Такъ тебѣ вдругъ и сказать! Вы хоть-бы меня поподчивали чѣмъ-нибудь. Ужь, одно слово, обрадую.

Бальзаминовъ.

Маменька, что̀-жь вы сидите въ самомъ дѣлѣ! Всего-то одинъ сынъ у васъ, и то не хлопочете объ его счастьи!

Бальзаминова.

Что̀ ты, съ ума, что̀-ли, сошелъ!

Бальзаминовъ.

Да какже, маменька! Сами теперь видите, какая линія мнѣ выходитъ. Вдругъ человѣкомъ могу сдѣлаться... Поневолѣ съ ума сойдешь.

Бальзаминова.

Чаю не хотите-ли?

Красавина.

Пила, матушка, раза четыре ужь нынче пила. Форму-то эту соблюдаешь, а проку-то отъ него немного.

Бальзаминова.

Такъ не прикажете-ли водочки?

Красавина.

Праздничный день — можно. Я отъ добра не отказываюсь; во мнѣ нѣтъ этого.

Бальзаминова (*достаетъ изъ шкапа водку*).

Матрена! Сбѣгай въ лавочку, возьми колбасы. (*Матрена изъ кухни*: «*Что̀ бѣгать-то, коли дома есть!*») Такъ подавай поскорѣе. (*Матрена изъ кухни: «Подамъ, надъ нами не каплетъ»*).

Бальзаминовъ.

Вѣдь, вотъ, удавить Матрену — вѣдь, мало. (*Бальзаминова идетъ въ кухню и приноситъ на двухъ тарелкахъ хлѣбъ и колбасу и ставитъ на столъ*).

Бальзаминова.

Кушайте.

Красавина.

Я ни отъ чего не отказываюсь. Все добро, все на пользу. Ничѣмъ не брезгаю. Въ одномъ домѣ хотѣли надо мной насмѣшку сдѣлать, поднесли, вмѣсто водки, рюмку ладиколону.

Бальзаминова.

Скажите! Какая насмѣшка!

Красавина.

Ничего. Я выпила, да еще поблагодарила. Отъ него, вѣдь, вреда нѣтъ, отъ ладиколону-то. Съ праздникомъ! (*Пьетъ и закусываетъ*).

Бальзаминова.

Кушайте на здоровье! Какъ васъ звать?

Красавина.

Акулина Гавриловна. Между народомъ-то Говорилихой прозвали, такъ Говорилихой и кличутъ.

Бальзаминовъ.

Чѣмъ-же, Акулина Гавриловна, обрадуете?

Красавина.

Будто не знаешь! Ты, вѣдь, заполонилъ-то, такъ долженъ знать.

Бальзаминовъ.

Право, не знаю.

Красавина.

Каковъ молодецъ! Охъ, глаза твои плутовскіе, больно завистливы! Высоко глаза-то закидываешь! А дѣвка-то теперь сохнетъ, по стѣнамъ мечется. Видитъ бѣду неминучую, за Говорилихой сейчасъ: «выручай, Говорилиха!» А Говорилихѣ то и на руку. Посольскую должность мнѣ не въ первый разъ править. Ноги съ подходомъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ.

Бальзаминовъ.

Да отъ кого?

Красавина.

Отъ кого! Тебѣ все скажи. Самъ догадайся. Гдѣ съ утра до ночи основу-то снуешь, аль не знаешь? Онъ-то ходитъ подъ окнами манируетъ, а она ему изъ втораго этажа пленируетъ.

Бальзаминовъ.

Такъ неужто Ничкина?

Красавина (*ударивъ рукой по столу*).

Въ самую центру!

Бальзаминовъ (*ухвативъ себя за голову, вскакиваетъ*).

О-охъ, маменька! (*Стоитъ въ оцѣпенѣніи*).

Бальзаминова.

Что̀ съ нимъ?

Красавина.

Отъ любви. Еще хуже бываетъ. Любовь — вѣдь, она жестокая для сердецъ. Нѣтъ ея ужаснѣй. За невѣрность кровь проливаютъ.

Бальзаминовъ.

Ахъ! (*Садится на стулъ*).

Бальзаминова.

Съ чѣмъ-же они, матушка, васъ къ намъ прислали, съ какимъ предложеніемъ?

Красавина.

На счетъ знакомства. Надо прежде познакомиться.

Бальзаминова.

Разумѣется.

Бальзаминовъ.

Познакомиться! Боже мой!

Красавина.

А вотъ пошлите молодца-то ужо, послѣ вечерень, будто попроситься въ садъ погулять, да вечеромъ и приходите; они васъ деликатнымъ манеромъ пригласятъ чай кушать.

Бальзаминова.

Ну и прекрасно, мы такъ и сдѣлаемъ.

Бальзаминовъ.

Маменька, я съ ума сойду! Мнѣ ужь что̀-то казаться начинаетъ.

Бальзаминова.

Глупенькій, глупенькій!

Красавина.

Любовь дѣйствуетъ. Такъ что̀-жь мнѣ своимъ-то сказать?

Бальзаминова.

Миша, что̀ сказать?

Бальзаминовъ.

Скажи, что я умираю отъ любви; что, можетъ быть, умру къ вечеру.

Бальзаминова.

Ну, что̀ за глупости ты говоришь!

Красавина.

Зачѣмъ умирать! Надо жить, а мы на васъ будемъ радоваться.

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, нѣтъ, пускай сберутъ всѣ розы и лилеи и насыплютъ на гробъ мой.

Бальзаминова.

Эхъ, Миша, уже не говорилъ-бы ты лучше, не стыдилъ-бы ты меня!.. Такъ мы придемъ. А позвольте спросить... конечно, еще все это, какъ Богъ дастъ, а все-таки, интересно знать, какъ на счетъ приданаго?

Красавина.

Золотая невѣста! У нея своихъ денегъ — послѣ отца достались — триста тысячъ серебра.

Бальзаминовъ (*вскочивъ*).

Охо, хо, хо! (*Ходитъ по комнатѣ*).

Красавина.

Ишь его схватываетъ!

Бальзаминова.

Что̀ это ты, Миша, не умѣешь вести себя!.. Ужь извините его, отъ радости.

Красавина.

Обрадуешься! Деньги-то деньгами, да и собой-то ужь очень красавица: тѣломъ сахаръ, изъ себя солидна, во всей полнотѣ; какъ одѣвается, двѣ дѣвки насилу застегнутъ. Даже нѣсколько совѣстится. Чего-же, я говорю, совѣститься, коли Богъ далъ. Аккуратъ пельсикъ. Ну, прощайте! Вечеркомъ увидимся.

Бальзаминова.

Прощайте! На дорожку-то. (*Наливаетъ*).

Красавина.

И то выпить; объ одной-то хромать будешь. (*Пьетъ и закусываетъ*). Прощай, побѣдитель!

Бальзаминовъ.

Прощай! (*Кидается къ ней на шею*).

Красавина.

Радъ, радъ, ужь вижу, что радъ; только смотри, подъ силу-ль дерево-то рубишь? Ну, прощай, развозжай, разиня ужь уѣхалъ. (*Уходитъ; Бальзаминова провожаетъ ее до кухни и возвращается*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Бальзаминовъ, Бальзаминова и *потомъ* Матрена.

Бальзаминовъ.

Гдѣ мой крандашъ, гдѣ мой крандашъ?

Бальзаминова.

На что тебѣ крандашъ?

Бальзаминовъ.

Надо, маменька. Матрена! Матрена! (*Матрена входитъ*). Гдѣ мой крандашъ?

Матрена.

А я почемъ знаю! Какой-же ты писарь послѣ этого, когда крандашъ потерялъ.

Бальзаминовъ.

Писарь! писарь!

Матрена.

Вѣдь, крандашъ у тебя все равно, что у солдата ружье. Такъ нѣшто солдаты ружья теряютъ?

Бальзаминовъ.

Какой я писарь! Я скоро баринъ буду.

Матрена.

Ты баринъ? Не похоже.

Бальзаминовъ.

А вотъ увидишь, какъ триста тысячъ получу.

Матрена.

Триста тысячъ! Не вѣрю. У кого-жь это такія деньги бѣшеныя, чтобъ за тебя триста тысячъ дали. Да ты ихъ счесть-то не умѣешь.

Бальзаминовъ.

Ну да что съ тобой разговаривать! Ты ничего не понимаешь.

Матрена.

Гдѣ понимать! А еще женихъ, жениться хочетъ, а самъ крандашъ потерялъ. Безстыдникъ!

Вальзаминовъ (*шаритъ въ боковыхъ карманахъ*).

Вотъ онъ, нашелъ.

Вальзаминова.

Ну, что-жь будетъ?

Вальзаминовъ.

А вотъ сейчасъ. (*Беретъ съ комода бумажку и садится у стола*). Я теперь получаю жалованья сто двадцать рублей въ годъ, мы ихъ и проживаемъ; а какъ будетъ триста тысячъ (*пишетъ триста тысячъ*), такъ если по тысячѣ въ годъ... все-таки, мнѣ на триста лѣтъ хватитъ.

Матрена (*всплеснувъ руками*).

Батюшки!

Вальзаминова.

Неужели-жь ты триста лѣтъ хочешь прожить!..

Вальзаминовъ.

Ну, позвольте! Если по двѣ въ годъ (*пишетъ*), все на полтораста лѣтъ хватитъ.

Вальзаминова.

Ты рехнулся совсѣмъ.

Вальзаминовъ.

Что-жь, маменька, при хорошей-то жизни, можетъ быть, и проживешь.

Матрена.

Какъ не прожить!

Вальзаминовъ.

Ахъ, я о процентахъ-то и забылъ. Сколько, маменька, процентовъ съ трехъ сотъ тысячъ?

Вальзаминова.

Да, чай, тысячъ двѣнадцать.

Вальзаминовъ.

Кажется, маменька, съ чѣмъ-то двѣнадцать тысячъ.

Матрена.

Съ денежкой.

Вальзаминовъ.

Съ какой денежкой! Что ты врешь!

Матрена.

Что̀ считать-то, чего нѣтъ. Смотрѣть-то скучно. Ты вотъ сочти лучше: десять вѣниковъ, по денежкѣ вѣникъ, много-ли денегъ? И того не счесть. (*Уходитъ*).

Бальзаминовъ (*встаетъ*).

Пойду погулять, пусть немного вѣтромъ обдуетъ; а то много мыслей въ головѣ объ жизни.

Бальзаминова.

Ты-бы пока слова-то подбиралъ, какія ужо говорить съ невѣстой.

Бальзаминовъ.

А вотъ я, во время прогулки, и буду слова подбирать.

Бальзаминова.

А я платье приготовлю, надо ужо одѣться хорошенько. (*Уходятъ*).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Въ домѣ купчихи Ничкиной: богатая купеческая гостиная, хорошо мёблированная; рояль.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ничкина, *въ широкой блузѣ,* Капочка, *тоже,* и Маланья *входятъ.*

Ничкина.

Какъ жарко! А пообѣдаешь, такъ еще пуще разморитъ... такъ разморитъ... разморинъ такой нападетъ, не глядѣла-бъ ни на что̀! (*Садится на диванъ*).

Капочка.

Давай, Малаша, споемъ.

Ничкина.

Ну васъ, и такъ жарко.

Капочка.

Мы, маменька, потихоньку. (*Садится за рояль. Капочка и Малаша запѣваютъ: «Вотъ на пути село большое». Немного погодя, Ничкина пристаетъ къ нимъ*).

Ничкина (*переставъ пѣть*).

Бросьте, а то и меня взманили. Устала.

Капочка.

Что̀ это, маменька, какъ вы капризны! Вдругъ на меня нашла фантазія пѣть, а вы не даете.

Ничкина.

Да жарко, Капочка.

Капочка.

Въ другой разъ сами будете просить, а у меня фантазіи не бу-

деть. Кто-жь виноватъ, что вамъ жарко. Это даже довольно странно съ вашей стороны!

Ничкина.

Ну ужь ты!

Капочка.

Чѣмъ-же мнѣ развлекаться прикажете? Кавалеровъ у насъ не бываетъ. Только и дѣлаемъ, что по цѣлымъ днямъ съ Малашей въ окно глядимъ. Вы, пожалуй, и этого не позволите.

Ничкина.

Дѣлай, что̀ хочешь, только не тревожь ты меня. (*Устинька входитъ въ шляпкѣ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Устинька *).

Устинька.

Здравствуйте, Клеопатра Ивановна!

Ничкина.

Здравствуй, Устинька! Что̀, жарко на дворѣ?

Устинька.

Жарко.

Ничкина.

Что̀ это за наказанье!

Устинька.

Здравствуй, Капочка! (*Снимаетъ шляпку*). Сейчасъ видѣла твой предметъ, ходитъ по набережной въ забвеніи чувствъ.

Капочка.

Ахъ! Одно сердце страдаетъ, а другое не знаетъ.

Устинька.

Что̀-же, Клеопатра Ивановна, вы посылали къ нему Гавриловну?

Ничкина.

Да... вотъ... баловница я. И ненадо-бъ мнѣ васъ слушать-то, а я послала ныньче. Кто меня похвалитъ за это! Всякій умный человѣкъ заругаетъ. Да вотъ пристала, ну я, по слабости, и по-

*) Устинька немного картавитъ.

слушалась. Кто его знаетъ, какой онъ тамъ! Придетъ въ домъ... какъ женихъ... срамъ.

Устинька.

Надъ сердцемъ нельзя шутить.

Маланья.

Въ сердцѣ-то замираніе бываетъ, сударыня.

Ничкина.

Какое сердце! Такъ, съ жиру... Знаемъ мы это сердце-то... сама была въ дѣвкахъ... Другая-бъ строгая мать-то пришила-бъ хвостъ-то тебѣ, да сама-бъ нашла жениха-то хорошаго, а не сволочь какую-нибудь.

Устинька.

Ныньче ужь тиранство-то не въ модѣ.

Ничкина.

Какое тиранство! Не то что тиранство, у меня и разсудку-то не хватаетъ... да и жарко-то... Батюшки!.. говорить-то, и то тяжело... такъ ужь и махнула рукой — что̀ хочетъ, то и дѣлаетъ.

Устинька.

Самыя нынѣшнія понятія.

Капочка.

А въ чахотку-то, маменька, развѣ не приходятъ отъ родителей?

Устинька.

Развѣ есть законы для чувствъ?

Капочка.

Развѣ не бѣгаютъ изъ дому-то въ слуховое окно?

Устинька.

Или въ форточку?

Маланья.

А то и въ подворотню, барышня.

Ничкина.

Такъ-то такъ... да ужь и воли-то вамъ большой дать нельзя... съ вами стыда-то и не оберешься... на все Замоскворѣчье...

Устинька.

Однако, какой сюжетъ вы объ насъ имѣете! Мы, кажется, себя ничѣмъ не доказали съ такой стороны.

Капочка.

Ужъ маменька скажетъ словечко — одолжитъ. Вотъ этакъ при людяхъ отпечатаетъ, вѣдь, осрамитъ, куда дѣться отъ стыда! Подумаютъ, что мы и въ самомъ дѣлѣ такія.

Ничкина.

Развѣ нѣтъ баловницъ-то? Не правду, что̀-ль, я говорю?

Устинька.

Хотя и есть, но, все-таки, это до насъ не относится.

Капочка.

Все больше отъ родителей, потому что запираютъ.

Ничкина.

Нельзя и не запирать-то... васъ...

Устинька.

Напрасно такъ полагаете. Одно суевѣріе.

Капочка.

Никакого толку-то нѣтъ отъ запиранья.

Ничкина.

Все-таки, спишь спокойнѣе... не думается... не то, что на свободѣ. (*Капочка, Устинька и Маланья хохочутъ*). Чему вы смѣетесь-то? Извѣстно, присмотръ лучше... Безъ присмотру нельзя. (*Капочка, Устинька и Маланья хохочутъ*). Чему вы?

Капочка.

Своему смѣху.

Ничкина.

Что̀ вы меня на смѣхъ, что̀-ли, подымаете? Не глупѣй я васъ... Батюшки, жарко! (*Маланьѣ*). Ты чему, дура?

Маланья.

Я на барышень глядя.

Устинька.

Да какже нѐ смѣяться? Развѣ можно за дѣвушкой усмотрѣть! Что̀ вы говорите-то!

Капочка.

Хоть тысяча глазъ гляди, все равно.

Ничкина.

Есть чѣмъ хвалиться! Куда какъ хорошо!

Устинька.

Мы и не хвалимся, и совсѣмъ это не про себя говоримъ; напрасно вы такъ понимаете объ насъ. Мы вообще говоримъ про дѣвушекъ, что довольно смѣшно ихъ запирать, потому что можно найти тысячу средствъ... и кто-жь ихъ не знаетъ. А объ насъ и разговору нѣтъ. Кто можетъ подумать даже! Мы съ Капочкой оченно себя знаемъ и совсѣмъ не тѣхъ правилъ. Кажется, держимъ себя довольно гордо и деликатно.

Ничкина.

Случаю-то вамъ нѣтъ...

Устинька.

Ахъ, Боже мой! Развѣ можно такъ обижать дѣвушекъ!

Капочка.

Да, вѣдь, маменька судитъ по-старому, какъ въ ея время было.

Ничкина.

Да развѣ давно это время было-то!

Устинька.

Нынче ужь дѣвушки стали гораздо благороднѣе во всѣхъ направленіяхъ.

Капочка.

Ужь я не знаю, что̀ вы говорите, маменька. Неужели я, при всей моей кротости въ жизни, не могла угодить вамъ?

Ничкина.

Ахъ, отстаньте отъ меня, и безъ васъ тошно! Куда дѣться-то отъ жару? Батюшки!

Маланья.

Шли-бы, сударыня, на погребицу.

Ничкина.

И то на погребицу. (*Входитъ Красавина*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ-же и Красавина.

Красавина.

Здравствуйте! Все справила и отвѣтъ принесла. Что̀, Калюпатра Ивановна, аль неможется?

Ничкина.

Ничего... Садись... только подальше, а то жарко...

Капочка.

Какой-же отвѣтъ?

Красавина.

Загорѣлось! И подождешь, не велика важность. (*Ничкиной*). Коли жарко, ты-бы пивца велѣла подать съ леднику: говорятъ, прохлаждаетъ.

Ничкина.

Все говорятъ, прохлаждаетъ... ничего не прохлаждаетъ.

Красавина.

А то чайку...

Ничкина.

Ничего не прохлаждаетъ... Поди, Маланья, поставь самоваръ. (*Маланья уходитъ*).

Устинька.

Но, однако, скажите, вы должны-же дать отвѣтъ объ томъ, зачѣмъ васъ посылали.

Красавина.

А мой отвѣтъ будетъ короткій. По щучьему велѣнью, по моему прошенью, извольте снаряжаться — къ вечеру гости будутъ.

Ничкина.

Ты чего лишняго не сболтнула-ли?

Красавина.

Ничего я лишняго не сказала; сказала только: пожалуйте въ нашъ садъ вечеромъ погулять, вишенье, орѣшенье щипать. Онъ такъ обрадовался, ровно лунатикъ какой сдѣлался.

Капочка.

Ахъ, я боюсь.

Устинька.

Чего-же ты боишься, душа моя? Довольно непонятно для меня.

Капочка.

Я всегда боюсь мужчинъ, особенно въ кого влюблена.

Красавина.

Что его бояться-то, не укуситъ.

Капочка.

Ужь лучше-бъ они прямо говорили; а то заведутъ такіе разговоры, изъ-далека, не знаешь, что̀ отвѣчать.

Красавина.

Какъ можно прямо-то! Нехорошо! Стыдно! Извѣстно, для прилику нужно сначала объ чемъ-нибудь объ другомъ поговорить.

Капочка.

Отчего-же не сказать прямо, когда что̀ чувствуешь. Ахъ, Устинька, я ужасть какъ боюсь. Ну, сконфузишься? Я никакъ не могу воздержать своихъ чувствъ... Вдругъ могу сдѣлать что̀-нибудь... могу всѣ чувства потерять...

Устинька.

Не бойся, я буду съ тобой. Я ужь тебя не выдамъ. (*Говорятъ шопотомъ*).

Ничкина.

Новаго нѣтъ-ли чего?

Красавина.

Что̀-бы тебѣ новое-то сказать? Да вотъ, говорятъ, что царь Фараонъ сталъ по ночамъ изъ моря выходить и съ войскомъ: покажется, и опять уйдетъ. Говорятъ, это передъ послѣднимъ концомъ.

Ничкина.

Какъ страшно!

Красавина.

Да говорятъ, бѣлый арапъ на насъ подымается, двѣсти милліонтовъ войска ведетъ.

Ничкина.

Откуда-же онъ, бѣлый арапъ?

Красавина.

Изъ Бѣлой Арапіи.

Ничкина.

Какъ будетъ на свѣтѣ-то жить! такія страсти! времена-то такія тяжелыя!

Красавина.

Да говорятъ еще, какая-то комета-ли, планида-ли идетъ;

такъ ученые въ митроскопъ смотрѣли на небо́ и разсчитали по цифрамъ, въ который день и въ которомъ часу она на землю сядетъ.

Ничкина.

Развѣ можно знать Божью планиду! У всякаго человѣка есть своя планида... Батюшки, какъ жарко! Раздѣлась-бы, да нельзя— праздничный день, въ окошки народъ смотритъ; въ садъ пойдешь — сосѣди въ заборъ глядятъ.

Красавина.

А ставни закрыть. (*Маланья входитъ*).

Маланья.

Братецъ пріѣхалъ.

Ничкина.

Батюшки! Въ такой жаръ...

Капочка.

Какъ-бы, маменька, онъ у насъ дѣла не разстроилъ! Дяденька такой необразованный!

Устинька.

Ужь какія могутъ быть понятія, изъ степи пріѣхалъ!

Ничкина.

Не изъ степи, а изъ Коломны.

Устинька.

Все равно, одно образованіе, одинъ вкусъ.

Капочка.

Маменька, вы ему командовать-то не давайте.

Ничкина.

Развѣ съ нимъ сговоришь!

Капочка.

Вотъ наказанье-то!

Устинька.

Нѣтъ, вообрази, что̀ можетъ Бальзаминовъ подумать о васъ, видя такое невѣжество!

Ничкина (*Маланьѣ*).

Поди, проводи его прямо въ столовую. Да обѣдать пора; чай, съ дороги-то ѣсть захочетъ. Пойти принять его. (*Ничкина, Маланья и Красавина уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Капочка и Устинька.

Капочка.

Вотъ принесло во̀-время! Теперь все въ домѣ на русскій манеръ пойдетъ. Ахъ, я чувствую свою судьбу; разстроитъ онъ маменьку. Ну, какъ онъ да научитъ маменьку отдать меня за купца съ бородой! Тогда я умру отъ любви.

Устинька.

Зачѣмъ такія жестокія слова говоришь!

Капочка.

Нѣтъ, Устинька, ты не знаешь моего сердца! Мое сердце самое горячее къ любви.

Устинька.

Капочка, скажи, душка, какъ ты влюбилась? Я ужасть какъ люблю открытія въ любви отъ своихъ подругъ.

Капочка.

Ахъ, одна минута — и на вѣкъ все кончено! Шла я вечеромъ откуда-то съ Маланьей, вдругъ намъ на встрѣчу молодой человѣкъ, въ голубомъ галстукѣ; посмотрѣлъ на меня съ такой душой въ глазахъ, даже уму непостижимо! А потомъ взялъ опустилъ глаза довольно гордо. Я вдругъ почувствовала, но никакого виду не подала. Онъ пошелъ за нами до дому и раза три прошелъ мимо оконъ. Голубой цвѣтъ такъ идетъ къ нему, что я ужь и не знаю, что̀ со мной было!

Устинька.

Знаковъ онъ тебѣ никакихъ не показываетъ, когда ходитъ мимо?

Капочка.

Нѣтъ. Только всегда такъ жалко смотритъ, какъ самый постоянный.

Устинька.

И часто ходитъ?

Капочка.

Ахъ, Устинька, каждый день. Ахъ!.. Развѣ ужь очень грязно...

Устинька.

Это значитъ, онъ просто сгараетъ... И должно быть, самый пламенный къ любви.

Капочка.

Ахъ! Я не знаю, что̀ со мной будетъ, когда я его увижу! Для моихъ чувствъ нѣтъ границъ.

Устинька.

Однако, все-таки, нужно себя удерживать немного.

Капочка.

Ахъ! сверхъ силъ моихъ. (*Неуѣденовъ, Юша и Ничкина входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Капочка, Устинька, Ничкина, Неуѣденовъ и Юша.

Капочка.

Здравствуйте, дяденька! (*Подходитъ и цалуетъ дядю. Устинька кланяется*).

Юша.

Здравствуйте-съ. (*Подходитъ къ Капочкѣ, кланяется, цалуются три раза, опять кланяется и встряхиваетъ головой; также и съ Устинькой. Потомъ садится въ углу на самый послѣдній стулъ и сидитъ, потупя глаза*).

Неуѣденовъ.

Какъ живешь, Капочка? (*Садится*).

Капочка.

Слава Богу, дяденька. Покорно васъ благодарю.

Неуѣденовъ.

Весело-ли?

Капочка.

Ничего, весело-съ.

Неуѣденовъ.

Женихи есть-ли? Чай, такъ у воротъ на разные голоса и воютъ.

Устинька.

Какой разговоръ!

Неуѣденовъ.

А что̀-жь разговоръ! Чѣмъ, барышня, нехорошъ?

Устинька.

Неприлично при барышняхъ такъ говорить; нынче не принято.

Неуѣденовъ.

Да-съ! Я, вѣдь, съ племянницей разговариваю, а до другихъ прочихъ мнѣ дѣла нѣтъ. (*Ничкиной*). Чья такая?

Ничкина.

Подруга Капочки.

Неуѣденовъ.

Изъ благородныхъ, что̀-ль?

Ничкина.

Нѣтъ, изъ купеческихъ.

Неуѣденовъ.

Ну, такъ не велика птица... А, вѣдь, и то, сестра, жарко.

Ничкина.

И то, братецъ, жарко.

Неуѣденовъ.

Юфимъ! (*Юша подходитъ*). На̀-ка, возьми мой кафтанъ-то. (*Снимаетъ кафтанъ*). Снеси его къ намъ въ комнату. (*Юша беретъ и уходитъ*).

Устинька.

Какое необразованіе!

Неуѣденовъ.

Ничего-съ! Не взыщутъ!

Ничкина.

Вы, братецъ, соснуть не хотите-ли?

Неуѣденовъ.

Нѣтъ. Я-бъ теперь орѣшковъ пощелкалъ. А потомъ можно и соснуть.

Ничкина.

Маланья! (*Входитъ Маланья и Юша*). Принеси, поди, братцу орѣховъ.

Неуѣденовъ.

Юфимъ! Поди поищи на дворѣ камень; поглаже выбери, да потяжеле. (*Юша уходитъ*).

Капочка.

Зачѣмъ вамъ, дяденька, камень?

Неуѣденовъ.

Что̀ ты испугалась? Небось! я орѣхи...

Устинька.

Боже мой! (*Входитъ Маланья съ орѣхами*).

Ничкина.

Пожалуйте, братецъ. (*Маланья подноситъ ему орѣхи на тарелкѣ*).

Неуѣденовъ.

Поставь на окно. (*Подходитъ къ окну, открываетъ и садится противъ него. Маланья ставитъ орѣхи на окно. Юша входитъ съ камнемъ*). Подай сюда! (*Кладетъ на окно по орѣху и по два и разбиваетъ ихъ камнемъ*).

Капочка.

Дяденька, что̀ это вы съ камнемъ-то у окна сидите! Вы этакъ испугаете у меня жениха, когда онъ пойдетъ.

Неуѣденовъ (*продолжая колотить орѣхи*).

Какого жениха?

Ничкина.

Да... вотъ... такая жара, а мы сватовство затѣяли... какая теперь свадьба... въ такой жаръ...

Неуѣденовъ.

А вотъ, дай срокъ, я посмотрю, что̀ за женихъ.

Капочка (*беретъ дядю за плечи*).

Дяденька, право испугаете!

Неуѣденовъ.

Поди прочь! (*Продолжаетъ стучать. Капочка подходитъ къ Устинькѣ, обнимается съ ней и смотритъ съ презрѣніемъ на дядю*).

Капочка.

Какой срамъ!

Устинька.

Какое невѣжество!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Садъ; направо сарай съ голубятней и калитка; прямо заборъ и за нимъ деревья другаго сада; налѣво бесѣдка, за бесѣдкой деревья; по срединѣ сцены, въ кустахъ, столъ и скамейки; подлѣ сарая кустъ и скамейка.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Капочка, Устинька и Юша (*входятъ*).

Капочка.

Охъ! Охъ! Я умру!

Устинька.

Что ты такъ вздыхаешь! Смотри, что-нибудь лопнетъ.

Капочка.

Охъ! Онъ сейчасъ придетъ.

Устинька.

Разумѣется, придетъ. Его маменька пошла къ твоей, а онъ сюда придетъ.

Капочка.

Охъ!

Юша.

Что, это голубятня у васъ?

Капочка.

Охъ! голубятня.

Юша.

Такъ первымъ долгомъ слазить надоть, проминовать нельзя. (*Уходитъ*).

Устинька.

Ну и прекрасно; а то онъ только мѣшаетъ. (*Бальзаминовъ входитъ въ калитку*).

Капочка.

Ахъ, идетъ! (*Гуляютъ, обнявшись, по авансценѣ, какъ будто не замѣчая его*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ-же и Бальзаминовъ.

Бальзаминовъ (*нѣсколько времени ходитъ молча, потомъ встрѣчается будто нечаянно съ Капочкой и Устинькой*).

Здравствуйте-съ. (*Кланяется. Капочка и Устинька кланяются и идутъ дальше. Бальзаминовъ за ними*). Какой пріятный запахъ у васъ въ саду.

Устинька.

Да-съ.

Бальзаминовъ.

Продаете яблоки, или сами кушаете?

Капочка.

Сами-съ. (*Юша показывается на голубятнѣ*).

Бальзаминовъ.

Я когда-нибудь ночью приду къ вамъ въ садъ яблоки воровать.

Капочка.

Ахъ!

Устинька.

У нихъ собаки злыя.

Бальзаминовъ.

Какъ прикажете понимать ваши слова?

Устинька.

Слова эти совсѣмъ не до васъ касаются, а до воровъ; вы и такъ завсегда можете здѣсь гулять, вамъ завсегда будутъ рады.

Капочка.

Да-съ.

Бальзаминовъ.

Покорнѣйше васъ благодарю за ваше приглашеніе.

Устинька.

Здѣсь въ окружности ужасть какъ мало хорошихъ кавалеровъ для знакомства съ барышнями.

Капочка.

И всего только двое: Толкачевъ да Кирпичевъ.

Устинька.

Какіе-же это кавалеры? Развѣ хорошая дѣвушка можетъ имѣть съ ними знакомство или любовь. Себя страмить! Одинъ — антриганъ, все говоритъ изъ-подъ политики и въ насмѣшку; другой — антересанъ, знакомится съ дамами изъ антиресу. Вы лучше всѣхъ.

Капочка.

Да-съ.

Устинька.

Вотъ вамъ отъ насъ привелегія!

Бальзаминовъ.

Я даже не знаю, какъ васъ благодарить за всѣ ваши снисхожденія! (*Капочка садится на скамейку съ правой стороны, Устинька стоитъ подлѣ нея. Бальзаминовъ поодаль*).

Капочка (*Устинькѣ, тихо*).

Что̀ онъ говоритъ? Ужь лучше-бъ прямо.

Устинька (*тихо*).

А вотъ погоди, я ему сейчасъ скажу.

Капочка (*тихо*).

Ахъ, не говори.

Устинька.

Нельзя-же! (*Подходитъ къ Бальзаминову и отводитъ его въ сторону*). Капочка просила вамъ сказать, чтобы вы были съ ней посмѣлѣе, а то она сама очень робка. Вы ничего, не конфузьтесь, у насъ просто. А я пойду постерегу: какъ войдетъ кто, я дамъ вамъ знать. Что̀-же вы стоите! Ступайте къ ней скорѣй.

Бальзаминовъ (*откашливается*).

Гм... Гм... Сейчасъ. (*Стоитъ*).

Устинька.

Сейчасъ, а сами ни съ мѣста. (*Толкаетъ его*). Ступайте скорѣй, а то помѣшаютъ.

Бальзаминовъ.

Гм... Гм... (*Громко*). Гм... Сейчасъ.

Устинька.

Это даже неучтиво съ вашей стороны — заставлять себя дожидаться!

Бальзаминовъ.

Сейчасъ! (*Медленно идетъ къ Капочкѣ. Устинька становится у калитки*).

Капочка (*Бальзаминову*).

Садитесь! (*Бальзаминовъ садится довольно далеко отъ Капочки, смотритъ въ землю и изрѣдка откашливается. Капочка смотритъ на заборъ. Юша наблюдаетъ за ними съ голубятни. Довольно долгое молчаніе*).

Бальзаминовъ.

Что̀ вамъ лучше нравится, зима или лѣто?

Капочка.

Лѣто лучше-съ. Лѣтомъ можно гулять.

Бальзаминовъ.

А зимой кататься.

Капочка.

Лѣтомъ всякіе цвѣты расцвѣтаютъ.

Бальзаминовъ.

А зимой очень весело на святкахъ и на масляницѣ.

Капочка.

А лѣтомъ весело въ семикъ-съ.

Бальзаминовъ.

Вы на масляницѣ съ котораго дня начинаете кушать блины?

Капочка.

Со вторника-съ... А лѣтомъ всякія ягоды поспѣваютъ. (*Молчаніе. Бальзаминовъ тянется къ Капочкѣ, она къ нему, цалуются и потупляютъ глаза въ землю*).

Юша (*на голубятнѣ*).

Разъ!

Устинька (*грозитъ ему*).

Молчи! (*Молчаніе*).

Капочка.

Какія ягоды вы больше любите?

Бальзаминовъ.

А вы какія?

Капочка.

Клубнику со сливками.

Бальзаминовъ.

А я крыжовникъ.

Капочка

Вы шутите! Какъ можно крыжовникъ... онъ колется.

Бальзаминовъ.

Я этого не боюсь-съ. А вы развѣ боитесь-съ?

Капочка.

Ахъ! Что̀ вы говорите? Я васъ не понимаю. (*Капочка начинаетъ склоняться въ сторону Бальзаминова, Бальзаминовъ въ ея сторону; цалуются и опять опускаютъ глаза въ землю*).

Юша (*съ голубятни*).

Два!

Устинька (*Юшѣ*).

Молчи, говорю я тебѣ!

Капочка.

А вообще, что̀ вы больше всего любите?

Бальзаминовъ.

Васъ-съ. А вы?

Капочка.

Можете сами догадаться. (*Цалуются*).

Юша.

Три! (*Бѣжитъ съ голубятни*).

Устинька (*подходитъ къ Бальзаминову*).

Подите за бесѣдку. Когда можно будетъ, я васъ позову. (*Бальзаминовъ уходитъ за бесѣдку*).

Капочка.

Ахъ, какой милый!

Устинька.

Юша все съ голубятни видѣлъ.

Капочка.

Ахъ, онъ дяденькѣ скажетъ!

Устинька.

Погоди, мы его уговоримъ. (*Юша входитъ*).

Капочка.

Ты, Юша, смотри, никому не сказывай, что̀ видѣлъ.

Устинька.

Это нужды нѣтъ — цаловаться, только сказывать ненадо. Я, пожалуй, и тебя поцалую. (*Цалуетъ Юшу*).

Капочка.

И я. (*Цалуетъ*).

Устинька.

И еще поцалуемъ. (*Цалуетъ его съ жаромъ*).

Юша.

Да ненадо! (*Отсторанивает ихъ руками*). Что̀ пристали! Закричу! Ай! Ну васъ! Ай! Пустите, я опять на голубятню пойду. Караулъ!

Устинька.

Нѣтъ, ужь я тебя не пущу на голубятню. Пойдемъ со мной въ бесѣдку.

Юша.

Я, пожалуй, пойду, только не приставай, а то закричу. (*Устинька беретъ его за руку и ведетъ въ бесѣдку*).

Устинька (*подходя къ бесѣдкѣ*).

Выходите! Теперь можно. (*Бальзаминовъ выходитъ изъ-за бесѣдки*).

Капочка.

Ахъ, не подходите ко мнѣ близко!

Бальзаминовъ.

За что̀ такія немилости-съ?

Капочка.

Мужчинамъ довѣрять никакъ нельзя.

Бальзаминовъ.

Но я могу себя ограничить-съ.

Капочка.

Всѣ такъ говорятъ; но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ противное.

Я мужчинъ не виню, для нихъ все легко и доступно; но наша сестра всегда должна опасаться по своей горячности къ любви. Ахъ! я васъ боюсь! Лучше оставьте меня.

Бальзаминовъ.

Какія жестокости для моего сердца!

Капочка.

Оставьте, оставьте меня!

Бальзаминовъ.

Умерла моя надежда и скончалася любовь!

Капочка.

Ахъ, для чего только мы рождены съ такою слабостью! Мужчина все можетъ надъ нами... ахъ!

Бальзаминовъ.

Какъ-же я могу безъ вашего расположенія-съ? (*Садится возлѣ Капочки*).

Капочка.

Ахъ! Что̀ вы со мной сдѣлали!

Бальзаминовъ.

Извините, я былъ внѣ себя-съ.

Капочка.

Что̀ можетъ противиться любви! (*Приклоняется къ Бальзаминову. Цалуются*). На вѣки! (*Устинька и Юша выходятъ изъ бесѣдки*).

Устинька.

Идутъ, идутъ. (*Капочка подходитъ къ Устинькѣ. Въ калитку входятъ: Ничкина, Бальзаминова и Маланья съ чайнымъ приборомъ, который ставитъ на столъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Бальзаминовъ, Капочка, Устинька, Юша, Ничкина, Бальзаминова и Маланья.

Ничкина (*Маланьѣ*).

А самоваръ принесешь, когда братецъ встанетъ (*Маланья уходитъ. Бальзаминовой*). Сядемте... жарко. (*Садятся у стола. Бальзаминову*). Садитесь съ нами... побесѣдуемте! (*Бальзами-*

новъ садится. Барышни тоже садятся возлѣ стола. Капочкѣ). Ишь, какъ тебя стянули... въ такой жаръ.

Устинька.

Оставьте, конфузите.

Ничкина.

Вы читаете газеты?

Бальзаминовъ.

Читаю-съ.

Бальзаминова.

Онъ мнѣ всякія новости разсказываетъ.

Ничкина.

А мы не читаемъ... ничего не знаемъ... что̀ тамъ дѣлается. Вотъ я у васъ хотѣла спросить, не читали-ли вы чего про Наполеона? Говорятъ, опять на Москву идти хочетъ.

Бальзаминовъ.

Гдѣ-же ему теперь-съ! Онъ еще вновѣ, не успѣлъ еще у себя устроиться. Пишутъ, что все дворцы да комнаты отдѣлываетъ.

Ничкина.

А какъ отдѣлаетъ, такъ, чай, пойдетъ на Москву-то съ двунадесять языковъ?

Бальзаминовъ.

Не знаю-съ. Въ газетахъ какъ-то глухо про это пишутъ-съ.

Ничкина.

Да вотъ еще, скажите вы мнѣ: говорятъ, царь Фараонъ сталъ по ночамъ съ войскомъ изъ моря выходить.

Бальзаминовъ.

Очень можетъ быть-съ.

Ничкина.

А гдѣ это море?

Бальзаминовъ.

Должно быть, недалеко отъ Палестины.

Ничкина.

А большая палестина?

Бальзаминовъ.

Большая-съ.

Ничкина.

Далеко отъ Царьграда?

Бальзаминовъ.

Не очень далеко-съ.

Ничкина.

Должно быть, шестьдесятъ верстъ... Ото всѣхъ отъ такихъ мѣстъ шестьдесятъ верстъ, говорятъ... только Кіевъ дальше.

Юша.

Царьградъ, тетенька, это — пупъ земли?

Ничкина.

Да, миленькій. (*Пристально оглядываетъ Бальзаминова*).

Бальзаминовъ (*жмется*).

Что̀ вы такъ на меня смотрите?

Ничкина.

Узко какъ платье-то на васъ сшито.

Бальзаминовъ.

Это по модѣ-съ.

Бальзаминова.

Онъ у меня всегда по модѣ одѣвается.

Ничкина.

Какая ужь мода въ такую жару?.. Чай, вамъ жарко... ну, а по улицѣ-то ходить въ такомъ платьѣ, просто, угорѣть можно.

Бальзаминовъ.

Ничего-съ. Покорно васъ благодарю за вниманіе! (*Молчаніе*).

Ничкина.

Двужильныя лошади, говорятъ, бываютъ... и не устаютъ никогда, и не надорвутся.

Устинька.

Что̀ за разговоръ объ лошадяхъ!

Ничкина.

Такъ объ чемъ-же говорить-то?.. ну, скажи, коли ты умна.

Устинька.

Есть разные разговоры. А то вы разговариваете, а мы должны молчать. Куда какъ пріятно! Вотъ два самые благородные разговора, одинъ: что̀ лучше — мужчина или женщина?

Ничкина.

Ну ужь, нашла сравненіе! Ужь что̀ женщина! Куда она годится! Курица не птица, женщина не человѣкъ!

Устинька.

Ахъ, нѣтъ, зачѣмъ-же! Пускай мужчины защищаютъ свое званіе, а женщины свое; вотъ и пойдетъ разговоръ. А другой разговоръ еще антиреснѣй. Что̀ тяжеле: ждать и не дождаться, или имѣть и потерять?

Бальзаминова.

Это самый пріятный для общества разговоръ.

Ничкина.

Ужь этого я ни въ жизнь не пойму.

Капочка.

Что̀ вы, маменька! не срамите себя. (*Входитъ Неуѣденовъ и Маланья съ самоваромъ; ставитъ его на столъ и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и Неуѣденовъ *).

Неуѣденовъ.

Соснулъ малымъ дѣломъ.

Ничкина.

Братецъ, садитесь! Вотъ наши новые знакомые!

Неуѣденовъ (*кланяется Бальзаминовой*).

Здравствуйте! (*Бальзаминова кланяется*). Здравствуйте, милостивый государь! (*Протягиваетъ Бальзаминову руку, тотъ робко подаетъ свою*). Служить изволите? (*Садится*).

Бальзаминовъ.

Служу-съ.

---

*) Сидятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: справа, ближе къ зрителямъ, на стулѣ, Неуѣденовъ; съ правой стороны стола Ничкина и Бальзаминова; за столомъ Юша; слѣва, у стола, Капочка и Устинька; слѣва, ближе къ зрителямъ, на стулѣ, Бальзаминовъ.

Неуѣденовъ.

Хорошее дѣло-съ. Всякому свое-съ: купецъ торгуй, чиновникъ служи, шатунъ шатайся.

Ничкина.

Не угодно-ли, господа, чайку? (*Маланья подаетъ на поднос*ѣ).

Неуѣденовъ.

Я съ вами буду, сударь, про наше дѣло купеческое говорить. Вотъ у меня сестра — она женщина богатая, а вѣдь, глупая, съ деньгами-то не знаетъ, что̀ дѣлать. А въ нашемъ, въ купеческомъ дѣлѣ — деньги важная вещь.

Устинька.

Неужели только однимъ купцамъ деньги нужны?

Бальзаминовъ.

Деньги всякому пріятно имѣть-съ.

Неуѣденовъ.

Никому, сударь, и не запрещается. Кому пріятно имѣть, тотъ наживи.

Бальзаминова.

Трудно наживать-то по нынѣшнимъ временамъ.

Бальзаминовъ.

Особенно если человѣкъ со вкусомъ-съ, просто, долженъ страдать. Хочется жить прилично, а способовъ никакихъ нѣтъ-съ. Вотъ хоть-бы я...

Неуѣденовъ.

Зачѣмъ-же жить-то прилично такому человѣку, который не имѣетъ способовъ деньги достать?

Бальзаминова.

А коли человѣкъ не имѣетъ способностей ни къ службѣ, ни къ чему, коли Богъ не далъ, чѣмъ-же онъ виноватъ?

Бальзаминовъ.

Да-съ. А въ мечтахъ все представляется богатство, и даже во снѣ снится; притомъ-же, вкусу много.

Неуѣденовъ.

А по-моему — такому человѣку, который не умѣетъ до-

стать ничего, не то, что въ богатствѣ жить, а и вовсе жить незачѣмъ.

Вальзаминова.

Куда-жь ихъ дѣвать-то?

Неуѣденовъ.

Въ черную работу, землю копать. Это дѣло всякій умѣетъ. Сколько выработалъ, столько и денегъ бери.

Вальзаминова.

Этакъ будетъ на свѣтѣ жить нельзя.

Устинька.

Не у всѣхъ такія понятія.

Неуѣденовъ.

Какой, сударь, чинъ носите на себѣ?

Вальзаминовъ.

Первый-съ.

Неуѣденовъ.

Ну, вамъ до генерала еще далеко. А много-ли жалованья по своимъ трудамъ получаете?

Вальзаминовъ.

Сто двадцать рублей-съ.

Неуѣденовъ.

Это по-нашему значитъ: въ одномъ карманѣ смеркается, а въ другомъ заря занимается; по-татарски—ёкъ, а по-русски—нѣтъ ничего.

Ничкина.

Маланья, прими чашки, я налью еще. (*Маланья принимаетъ пустыя чашки. Ничкина наливаетъ. Маланья разноситъ и отходитъ съ подносомъ къ сторонѣ*).

Неуѣденовъ.

Такъ вотъ, сударь, я ужь вамъ говорилъ, что сестра у меня дура набитая.

Ничкина.

Ну, ужь... ты, братецъ... ну, право! Съ тобой не сговоришь... право, ну!

Неуѣденовъ.

Что̀ ты нукаешь-то? — не запрягла еще... Такъ доклады-

валъ я вамъ, что сестра у меня глупа-съ. Больше всего я боюсь, что она и зятя-то такого-же дурака найдетъ, какъ сама. У бабъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Тогда ужъ все дѣло брось.

Бальзаминова.

У нихъ такое состояніе, что вѣкъ и съ зятемъ не прожить; а бѣднаго человѣка могутъ осчастливить.

Неуѣденовъ.

Да, вѣдь, деньги-то ея мужъ наживалъ не для того, чтобъ она ихъ мотала да проживала съ разными прожектерами. На деньги-то надо дѣло дѣлать. Купеческій капиталъ, сударыня, важное дѣло. Хорошій-то купецъ, съ большимъ капиталомъ, и себѣ пользу дѣлаетъ, да и обществу вдвое.

Устинька.

Не все наживать, надо когда-нибудь и проживать для своего удовольствія.

Неуѣденовъ.

А развѣ мы не проживаемъ! Да проживать-то надобно съ толкомъ. Я, сударь мой, вотъ за сестру теперь очень опасаюсь. Подвернется ей фертикъ во фрачкѣ съ пуговками, или какой съ эполетками, а она, съ дуру-то, и обрадуется, какъ ни вѣсть какому счастью. Дочь-то отдастъ — нужды нѣтъ, а вотъ денегъ-то жалко.

Ничкина.

Да, братецъ, точно жалко.

Капочка.

Вы, кажется, маменька, меня уморить хотите?

Устинька.

Сказали, да и на попятный.

Неуѣденовъ.

Да, вѣдь, Капочка, у нихъ совѣсти очень мало. Другой сунется въ службу, въ какую-бы то ни на есть, послужитъ безъ году недѣлю, повиляетъ хвостомъ, видитъ: не тяга — умишка-то не хватаетъ, учился-то плохо, двухъ перечесть не умѣетъ, лѣнь-то прежде его родилась, а побарствовать-то хочется: вотъ онъ и пойдетъ бродить по улицамъ да по гуляньямъ, не объявится-ли какая дура съ деньгами. Такъ нѣшто честно это?

Ничкина (*тихо*).

Перестаньте, братецъ... поймутъ.

Неуѣденовъ.

Ничего, я обинякомъ. А по-моему, такъ и грѣхъ такимъ людямъ денегъ-то дать. Наши деньги-то на распутство пойдутъ да на важность глупую. Носъ-то подыметъ, станетъ издѣваться да величаться надъ своимъ братомъ, который грòши-то трудомъ достаетъ, въ потѣ лица. Коли счесть, сколько наша братія, по своей глупости, денегъ роздали за дочерьми разнымъ аферистамъ, такъ, право, сердце повернется. Что̀ добра-то-бы можно на эти деньги сдѣлать! Боже мой! Эти деньги, я такъ считаю, у общества украдены. Какъ вы объ этомъ думаете, сударь мой?

Бальзаминовъ.

Не всѣ-же въ такихъ направленіяхъ, какъ вы говорите.

Неуѣденовъ.

Нѣтъ, сударь, ужь кто взялся за такую спекуляцію, я тому грòша не повѣрю. Хорошіе люди во всякомъ званіи есть. И разбирать нѐчего, бѣденъ кто, или богатъ — я этого сестрѣ не совѣтую. Смотри на человѣка, умѣетъ-ли онъ дѣло дѣлать. Коли умѣетъ, такъ давай ему денегъ, сколько хочешь — все на пользу. А вотъ щелкоперы-то, извините вы меня, больно намъ не къ масти. Другому и вся цѣна-то двѣ копѣйки ассигнаціями, а онъ успѣетъ оходить дуру какую, такъ еще форсъ показываетъ. Мнѣ, говоритъ, вотъ столько-то денегъ давай, приданое давай самое лучшее.

Юша.

«Соболій салопъ атласный,
Воротникъ суконный красный!»

Устинька и Капочка (*Юшѣ*).

Молчи!

Неуѣденовъ (*Юшѣ*).

Юшка, молчи!.. Наши-то бабы съ-дуру батистовыхъ рубашекъ ему нашьютъ, того-сего, съ ногъ до головы одѣнутъ; а онъ-то послѣ ломается передъ публикой, и ничего ему — не совѣстно! Вездѣ деньги бросаетъ, чтобъ его добрымъ бариномъ звали.

Капочка.

Вы, дяденька, оттого такъ разсуждаете, что вы совсѣмъ необразованы.

Неуѣденовъ.

Именно, мой другъ, необразованы. Не одна ты это говоришь. Вотъ и тѣ голые-то, которыхъ мы обуваемъ да одѣваемъ, да на безпутную ихъ жизнь деньги даемъ, тоже насъ необразованными зовутъ. Имъ-бы только отъ насъ деньги-то взять, а родни-то хоть вѣкъ не видать.

Бальзаминова (*встаетъ*).

Послѣ такихъ словъ, намъ съ тобой, Миша, кажется, здѣсь нѐчего дѣлать.

Неуѣденовъ.

Да похоже на то. На ворѣ-то, видно, шапка горитъ.

Бальзаминовъ.

Я этихъ словъ, маменька, на свой счетъ не принимаю.

Неуѣденовъ.

Нѣтъ, я на вашъ счетъ. Вотъ маменька-то ваша поумнѣе — сейчасъ поняла.

Бальзаминовъ.

Я за большимъ, пожалуй, не погонюсь: мнѣ хоть-бы что̀-нибудь дали.

Неуѣденовъ.

Вѣдь, у тебя ни гроша нѣтъ, такъ тебѣ все барышъ, что̀ ни дай.

Бальзаминовъ.

Въ такомъ случаѣ, прощайте-съ. (*Кланяется всѣмъ*). Я не ожидалъ-съ.

Бальзаминова.

Благодаримъ за угощенье.

Ничкина.

Не на чемъ-съ.

Неуѣденовъ.

Ходите почаще, безъ васъ веселѣй. (*Бальзаминовъ и Бальзаминова подходятъ къ калиткѣ. Юша за ними*).

Бальзаминова.

Я говорила тебѣ, Миша, что праздничный сонъ — до обѣда.

Бальзаминовъ.

Кабы я его въ будни видѣлъ, совсѣмъ-бы другое дѣло было. (*Уходятъ*).

Юша (*въ калитку*).

Заходите! Намъ безъ дураковъ скучно.

Неуѣденовъ.

Юшка, молчи!

Капочка.

Охъ, я умру!

Устинька (*тихо*).

Сдѣлайся какъ безъ чувствъ.

Капочка.

Ахъ! (*Падаетъ на скамейку*).

Ничкина.

Батюшки! Что̀ это съ ней?

Неуѣденовъ.

Ничего, пройдетъ. Маланья, поди-ка, вели принести ушатъ воды.

Капочка (*встаетъ*).

Нѣтъ ужь, извините, я этого не позволю.

Неуѣденовъ.

Ожила! Эхъ, сестра! Какъ тебя не ругать-то! Какую, было, штуку выкинула! Такой товаръ (*показывая на Капочку*), да еще съ деньгами, за строкулиста, было, отдала. А я тебѣ ужь и жениха приготовилъ. Молодаго русачка, здороваго, свѣжаго, умницу. А ужь какой дѣлецъ-то! Да и съ капиталомъ.

Ничкина.

Посватайте, братецъ.

Неуѣденовъ.

Посватать, Капочка?

Капочка.

Онъ съ бородой?

Неуѣденовъ.

Съ маленькой.

Капочка.

Да, вѣдь, она выростетъ.

Неуѣденовъ.

Эка глупая! Пока она выростетъ, такъ ужь ты привыкнешь... А какой красавецъ-то! Посватать, что̀-ли?

Капочка (*потупившись*).

Посватайте.

Неуѣденовъ.

Такъ-то лучше. Вотъ и по рукамъ.

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ!

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ!

КАРТИНЫ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ЛИЦА:

Прежневъ, совершенно дряхлый старикъ, почти безъ всякаго движенія, въ большихъ чинахъ. Его возятъ на креслѣ.

Прежнева, Софья Ивановна, жена его, 45 лѣтъ.

Поль, молодой человѣкъ, ея сынъ.

Устинья Филимоновна Перешивкина, пожилая женщина, прежде бывшая нянька Поля, теперь въ родѣ приживалки или экономки по разнымъ знакомымъ домамъ.

Большая зала, оклеенная богатыми, но потемнѣвшими и по мѣстамъ отставшими отъ стѣнъ обоями. Паркетный полъ по угламъ значительно опустился. Налѣво, окна въ садъ и дверь на деревянный съ колоннами балконъ; прямо дверь выходная, направо во внутреннія комнаты. По узкимъ простѣнкамъ мраморные столики на бронзовыхъ ножкахъ, надъ ними узкія, длинныя, съ надставками зеркала, въ золоченыхъ рамахъ. Мёбель старая, тяжелая, съ потертою позолотой. На столахъ бронза стараго фасона. Съ потолка виситъ люстра изъ мелкихъ стеколъ, въ видѣ миндалинъ. Двѣ или три ширмочки изъ плюща. На всемъ видны и совершенный упадокъ, и остатки прежней роскоши.

I.

Прежневъ подлѣ окна спитъ въ вольтеровскомъ, на колесахъ, креслѣ. Одѣтъ въ мѣховой халатъ, ноги покрыты бѣлымъ шерстянымъ пологомъ. На противоположной сторонѣ Прежнева, *въ изящномъ утреннемъ неглиже, полулежитъ на диванѣ съ книгою въ рукахъ.*

Прежнева (*опустивъ книгу*).

Это жестоко! это ужасно! я-бы никогда такъ не поступила! Nous autres femmes... мы... о! мы вѣримъ, мы слѣпо вѣримъ, мы никогда не анализируемъ. Нѣтъ, я не стану дальше читать этотъ романъ. Молодой человѣкъ хорошаго происхожденія, красивъ, уменъ, служитъ въ военной службѣ, выражаетъ ей свою любовь такимъ прекраснымъ языкомъ... и она... она имѣла силы отказать ему! Нѣтъ, она не женщина! Женщина твореніе слабое, увлекающееся! Мы живемъ только сердцемъ. И какъ легко насъ обмануть? Мы для любимаго человѣка готовы всѣмъ пожертвовать. Если мужчины насъ и обманываютъ, что̀, къ несчастію, случается очень часто, то ужь въ этомъ виноваты не мы, а они. Они, по бо̀льшей части, хитры и коварны... мы, женщины, такъ добры и довѣрчивы, такъ готовы всему вѣрить, что только послѣ горькихъ (*задумывается*), да, горькихъ опытовъ убѣждаемся въ безнравственности обожаемыхъ лицъ. (*Молчаніе*). Но нѣтъ! мы и послѣ обмана, и даже нѣсколькихъ обмановъ, готовы опять увлечься, готовы повѣрить въ возможность чистой и безкорыстной любви. Да! такова наша судьба! Тѣмъ болѣе, если все это случится въ такой прекрасной обстановкѣ, какъ въ этомъ романѣ. Весна, цвѣты, прекрасный паркъ, журчанье водъ. Онъ пришелъ въ охотничьемъ костюмѣ, съ ружьемъ, собака легла у его ногъ. Ахъ! но мужчины... они часто во зло употребляютъ прекрасныя качества нашего нѣжнаго сердца, они не хотятъ знать, сколько страдаемъ отъ нихъ мы, бѣдныя женщины! (*Молчаніе*). Конечно, есть и между насъ такія, которыхъ весь интересъ въ жизни составляютъ низкіе матеріальные разсчеты, хозяйственныя хлопоты. Но это проза, проза! что̀-бы мнѣ ни говорили, а это проза. Есть даже такія, которыя разсуждаютъ о раз-

ныхъ ученыхъ предметахъ не хуже мужчинъ, но я не признаю ихъ женщинами. Онѣ могутъ быть умны, учены, но, вмѣсто сердца, у нихъ ледъ. (*Молчаніе*). Когда мнѣ приходятъ такія мысли въ голову, я всегда вспоминаю объ моемъ Полѣ. Ахъ! сколько онъ долженъ имѣть успѣховъ между женщинами! Я напередъ рада за него. Какъ пріятно это для матери! Ахъ, дѣти! дѣти! (*Нюхаетъ спиртъ и потомъ звонитъ. Входитъ лакей*).

Лакей.

Чего изволите-съ?

Прежнева.

Чтò, баринъ не приходилъ еще?

Лакей.

Никакъ нѣтъ-съ.

Прежнева.

Когда онъ придетъ, пошли его ко мнѣ.

Лакей.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Прежнева.

Онъ такой чувствительный, нервный мальчикъ! Весь въ меня. Его-бы надобно беречь, лелѣять, а я не могу; я не имѣю средствъ. Послѣ такого прекраснаго воспитанія онъ, по несчастію, долженъ служить. Тамъ эти столоначальники... всѣ они въ такихъ странныхъ фракахъ... а онъ такой нервный, такой нервный!.. я вѣрю, что его всѣ притѣсняютъ, потому что ему всѣ завидуютъ. (*Входитъ Поль*).

II.

Прежнева и Поль, *безукоризненно одѣтый въ лѣтнемъ костюмѣ, съ утомленнымъ видомъ, нѣсколько ломаясь.*

Поль.

Bon jour, maman!

Прежнева (*цалуетъ его въ лобъ.*)

Bon jour, Paul! Откуда ты?

Поль (*садится съ другой стороны на диванъ*).

Откуда!.. Изъ того прекраснаго мѣста, куда вамъ угодно было опредѣлить меня.

Прежнева.

Что̀-жь дѣлать, Поль!

Поль.

И шелъ пѣшкомъ въ такой ужасный жаръ.

Прежнева.

У насъ, въ этой залѣ, такъ хорошо, такъ прохладно!

Поль.

Да; но за то каково здѣсь зимой! Всѣ углы сгнили, полъ провалился.

Прежнева.

Да, мой другъ, теперь наши дѣла въ очень дурномъ положеніи.

Поль.

Ваши дѣла! Какія у васъ дѣла? Отецъ, вонъ, едва дышетъ, вы тоже ужь отжили свой вѣкъ. Каково мое положеніе!

Прежнева.

Я тебѣ вѣрю, мой другъ. Я воображаю, какъ тебѣ тяжело!

Поль.

Еще-бы легко! Вы послушайте меня. По рожденію, по воспитанію, по знакомству, ну, наконецъ, по всему, поглядите вы на меня съ ногъ до головы, я принадлежу къ лучшему обществу...

Прежнева.

О, да.

Поль.

И чего-же мнѣ недостаетъ? Вѣдь, это срамъ, позоръ! Мнѣ недостаетъ состоянія. Да и кому нужно знать, что у меня нѣтъ состоянія? Я, все-таки, долженъ жить такъ, какъ они, и вести себя такъ, какъ они. Что̀-жь, въ мѣщане, что̀-ли, мнѣ приписаться? Сапоги шить? Нѣтъ состоянія!.. это смѣшно даже.

Прежнева.

Было, Поль, было.

Поль.

Я знаю, что было, да теперь гдѣ? я знаю больше... я знаю, что вы его промотали.

Прежнева.

Ахъ, Поль, не вини меня; ты знаешь, что всѣ мы, женщины, такъ довѣрчивы, такъ слабы! Когда былъ еще здоровъ твой отецъ, насъ всѣ считали очень богатыми людьми, у насъ было отличное имѣніе въ Симбирской губерніи. Онъ какъ-то умѣлъ управлять всѣмъ этимъ. Потомъ, когда его разбилъ параличъ, я жила совсѣмъ не роскошно, а только прилично.

Поль.

А monsieur Пеше что̀ вамъ стоилъ? Сознайтесь, maman!

Прежнева.

Ахъ, мой другъ, онъ такъ нуженъ былъ для твоего воспитанія. Потомъ, я два раза была за границей; а впрочемъ, большихъ расходовъ никакихъ не дѣлала. И вдругъ мнѣ говорятъ, что я все прожила, что у насъ ничего нѣтъ. Это ужасно! Вѣроятно, всему виною тамъ эти управляющіе да бурмистры.

Поль.

Канальи!

Прежнева.

Что̀ дѣлать, мой другъ! Люди такъ злы, коварны, а мы съ тобою такъ довѣрчивы.

Поль.

Это вы, maman, довѣрчивы; а попадись они мнѣ, я-бы имъ задалъ. Фить, фить... (*Дѣлаетъ жестъ рукой*). Вѣдь, съ этимъ народомъ нельзя иначе. Это имъ хорошо... почаще... Просто, зло беретъ. Изъ-за этихъ негодяевъ я теперь долженъ чѣмъ свѣтъ идти пѣшкомъ въ какой-то судъ, о которомъ я-бы и не слыхалъ никогда; потомъ бѣжать пѣшкомъ домой или трястись на Ванькѣ. Не могу-же я такъ жить, какъ живутъ эти писцы, съ которыми, впрочемъ, я сижу рядомъ. Они тамъ на крыльцѣ ѣдятъ у разнощиковъ пироги съ лукомъ. Они все могутъ, они такъ созданы; а я не могу. Ну, вотъ я теперь и задолжалъ всѣмъ: и извощику, и портному, и Шевалье. Наши всѣ ходятъ къ Шевалье, и правовѣды... Не могу-же я, въ самомъ дѣлѣ,

пироги съ лукомъ ѣсть, а тамъ еще нужно экзаменъ держать въ какомъ-то уѣздномъ училищѣ. Ужасно! А будь у меня состояніе, я-бы ничего этого и не зналъ: ни судовъ, ни уѣздныхъ училищъ, ни писарей съ пирогами. На что̀ мнѣ все это?...

Прежнева.

Да, да, я понимаю... съ твоимъ нѣжнымъ сердцемъ... ты такой нервный!..

Поль.

Я просто не знаю, что̀ мнѣ дѣлать! Выдь случай, такъ въ карты-бы объигралъ кого-нибудь, не посовѣстился.

Прежнева.

Да, въ твоемъ положеніи... конечно...

Прежневъ (*просыпаясь*).

Павелъ, ты давно былъ въ театрѣ?

Поль.

Недавно.

Прежневъ.

Кто ныньче маркизовъ играетъ?

Поль.

Давно ужь никто не играетъ.

Прежневъ.

Я прежде хорошо маркизовъ игралъ. (*Прежнева звонитъ. Входитъ лакей*).

Прежнева.

Вывези барина на балконъ: да возьми старыя газеты, почитай ему! (*Лакей беретъ газеты и увозитъ Прежнева на балконъ*).

Поль.

Вотъ еще мой любезный дядюшка, тамъ онъ гдѣ-то предсѣдателемъ былъ, такъ и разсуждаетъ свысока. Ты, говоритъ, многаго хочешь. Скажите, пожалуйста, чего я хочу? Что̀ это — прихоти, роскошь? Я хочу только необходимаго, безъ чего нельзя обойтись человѣку нашего круга. Кажется, ясно. Такъ нѣтъ, дядюшка любезный говоритъ: ты этого не долженъ желать, потому что ты не имѣешь средствъ. Да развѣ я виноватъ, что не имѣю средствъ! Гдѣ-же тутъ логика?

Прежнева.

Какая логика, все вздоръ.

Поль.

Ты, говоритъ, работай. Нѣтъ ужь, слуга покорный! Чтò я, лошадь, чтò-ли?

Прежнева.

Дядя твой человѣкъ грубый.

Поль.

Нѣтъ, maman, это драма.

Прежнева.

Драма, mon cher!

Поль.

И еще какая драма! Чтò тамъ рѣжутся, отравляются, все это вздоръ.

Прежнева.

Знаешь чтò, Поль? Я думаю, тебѣ-бы жениться.

Поль.

Чтò-жь, я не прочь жениться, да на комъ?

Прежнева.

Да, это вопросъ! Я знаю тебя, Поль. Зачѣмъ ты такъ прекрасно воспитанъ? Зачѣмъ у тебя такая нѣжная душа? Ты черезъ это будешь несчастливъ въ своей жизни. Тебѣ нѣтъ пары! Много, слишкомъ много нужно имѣть дѣвушкѣ достоинствъ, чтобы понравиться тебѣ и сдѣлать твое счастіе.

Поль.

Вы, можетъ быть, думаете, maman, что меня прельщаетъ семейное счастье? Я ужь не ребенокъ, мнѣ двадцать одинъ годъ. Чтò за пастораль! (*Хохочетъ*). Мнѣ просто нужны деньги.

Прежнева.

Но, все-таки, мой другъ, я знаю твой характеръ, я знаю, что ты не захочешь жениться на комъ-нибудь.

Поль.

На комъ хотите. Мнѣ нужны деньги, чтобъ быть порядочнымъ человѣкомъ, чтобъ играть роль въ обществѣ, однимъ словомъ, чтобъ дѣлать то, къ чему я способенъ. Я наживать не могу, я могу только проживать прилично и съ достоинствомъ. У

меня для этого есть всѣ способности, есть тактъ, есть вкусъ, я могу быть передовымъ человѣкомъ въ обществѣ.

Прежнева.

Однако, мой другъ... (*Входитъ лакей*).

Лакей.

Перешивкина пришла.

Прежнева.

Вѣчно не вò-время придетъ.

Поль.

Поговоримъ послѣ, еще будетъ время.

Прежнева.

Пусть войдетъ. (*Лакей уходитъ*).

III.

Тѣ-же и Перешивкина.

Прежнева.

Чтò ты, Устинья Филимоновна?

Перешивкина (*цалуетъ Прежневу въ плечо и становится сзади*).

Провѣдать, матушка, пришла, все-ли вы здоровы? Я благодѣтелей не забываю.

Поль.

А, ботвинья лимоновна, откуда тебя принесло?

Перешивкина.

Какая я ботвинья лимоновна? Вы все, баринъ, шутите.

Поль.

Она, кажется, воображаетъ, что съ ней можно говорить серьёзно.

Перешивкина.

У меня, матушка, знакомый человѣкъ дюми-терьмо дѣлаетъ... (*Поль хохочетъ*). Ничегó, смѣйся, батюшка, смѣйся надо мной, старухой... Такъ вотъ, не угодно-ли купить, онъ мнѣ дешево отдаетъ. Широкій такой, добротный. Прикажете принести? Въ городѣ за эту цѣну не купите.

Прежнева.

Принеси, я посмотрю.

Поль.

А много-ли ты тутъ, старая корга, наживешь?

Перешивкина.

Ужь и старая корга?

Поль.

Чтò-жь, ты, можетъ быть, еще замужъ сбираешься?

Перешивкина.

Не годится вамъ, баринъ, меня, старуху, бранить, я васъ на рукахъ няньчила.

Поль.

Кажется, она обижаться вздумала. Вотъ одолжитъ.

Прежнева.

Оставь ее, мой другъ!

Перешивкина.

Ничего, матушка, ничего, пусть шутитъ. Онъ ужь такой шутникъ! Еще маленькій мнѣ какъ-то чепчикъ сзади зажегъ.

Поль.

А, помнишь!

Перешивкина.

Какъ не помнить! Всѣ волосы сжегъ, да и лицу досталось. А вы, баринъ, не смѣйтесь надо мной; я еще, можетъ, пригожусь вамъ.

Поль.

На чтò-жь ты мнѣ пригодишься? Въ огородѣ, вмѣсто чучела, поставить?

Перешивкина.

А можетъ быть, на чтò другое пригожусь, Павелъ Петровичъ. Какъ знать? Чтò, матушка барыня, не обидитесь вы на мои глупыя слова? Можетъ, я какое слово и къ мѣсту скажу.

Прежнева.

Чтò такое? Говори!

Перешивкина.

Есть у меня одна дама знакомая, Серафимой Карповной зовутъ. Я завсегда къ нимъ въ домъ вхожа. Она, вотъ видите-ли,

матушка, купеческаго роду, только была за господиномъ Асламевичемъ, важный человѣкъ, въ чинахъ. Онъ, матушка, одинъ разъ генераломъ былъ.

Поль (*хохочетъ*).

Какъ это такъ?

Перешивкина.

А вотъ какъ: гдѣ онъ служилъ-то, такъ ихній генералъ въ отпуску былъ, въ это-то самое время онъ и былъ генераломъ цѣлый мѣсяцъ.

Поль.

А, вотъ какъ. Ну, ври, ври!

Перешивкина.

Это истинно я вамъ говорю. И всего одинъ годочикъ жила она съ нимъ, а теперь вотъ другой годъ вдовѣетъ... Да вы не разсердитесь, матушка барыня...

Прежнева.

Ну, продолжай!

Перешивкина.

Красавица собой и добрая, а ужь скромная какая! на рѣдкость. И разсчетливая, ужь на наряды или тамъ на какія бездѣлицы денегъ не промотаетъ.

Поль.

То-есть, просто скупа.

Перешивкина.

Не то, что скупа, а разсчетлива, хозяйка хорошая. Теперича приданое, которое за ней дадено, значитъ, все при ней состоитъ. Однѣхъ денегъ полтораста тысячъ.

Поль.

Полтораста тысячъ!

Перешивкина.

Сама, сама видѣла, всѣ эти билеты у нея въ шкатулкѣ видѣла; при мнѣ считала. Только вы лучше велите мнѣ, дурѣ, замолчать. Вѣдь, языкъ безъ костей, пожалуй, мели, что̀ хочешь. Хоть она для меня женщина и добрая, а вы, все-таки, мнѣ дороже ея. Богъ съ ней. За что̀ же я васъ буду напрасно въ гнѣвъ вводить!

Прежнева и Поль.

Ничего, говори, говори!

Перешивкина.

Коли приказываете, такъ буду говорить. Вотъ, матушка барыня, такъ сказать по-нашему, по-женски: дѣло молодое, другой годъ вдовѣетъ... ну, вотъ, она... И не то, чтобы лгу: я на себя и грѣха этого не возьму. Я всегда вашимъ добромъ довольна. Могу-ли я это забыть! Конечно, мы люди маленькіе, а добра не забываемъ, и завсегда, чѣмъ могу, услужить...

Поль (*махнувъ рукой*).

Ну!

Прежнева.

Да ты продолжай!

Перешивкина.

Слушаю, матушка. Вотъ она у васъ тутъ по сосѣдству живетъ. Налѣво бѣлый каменный домъ; Павелъ Петровичъ часто мимо ходитъ.

Прежнева.

Ну, такъ что̀-жь?

Перешивкина (*на ухо*).

Влюбилась.

Прежнева.

Что̀?

Перешивкина (*громче*).

Влюбилась. Ей-Богу!.. Да.

Прежнева (*смѣется*).

Да что̀-жь тутъ удивительнаго? Ты глупа, душа моя! Еще-бы въ него-то не влюбиться! Вотъ рѣдкость!

Перешивкина.

Ну, само собой, барыня; да, вѣдь, съ деньгами.

Поль (*поетъ*).

La donna e mobile...

Перешивкина.

Я, говоритъ, влюблена, Устинья Филимоновна. Въ кого, говорю, матушка, въ кого? А вотъ, посмотри, сейчасъ пройдетъ. Я

гляжу въ окно-то, а Павелъ Петровичъ и идетъ; а она мнѣ и говоритъ: вонъ онъ. Я такъ и ахнула!

Поль (*поетъ*).

La donna e mobile...

Перешивкина.

Конечно, надо Павлу Петровичу самому посмотрѣть: понравится-ли еще. Ну, да коли сомнѣніе имѣете, можно и въ Опекунскомъ справиться, билеты-то всѣ именные. Отчего-жь не справиться? Любовь любовью, а деньги деньгами. Вѣдь, это дѣло вѣчное.

Поль (*подходитъ къ матери*).

Maman, я иду гулять.

Прежнева.

Прощай, мой другъ! (*Цалуетъ его въ лобъ*).

Поль (*тихо*).

Хлопочите. (*Уходитъ*).

Прежнева.

Вотъ, видишь-ли, милая Устинья Филимоновна, не велика радость для моего Поля, что какая-то мадамъ Асламевичъ въ него влюбилась... Однако, если онъ ее увидитъ, можетъ быть, она ему и понравится... Я, конечно, съ своей стороны, не буду ему препятствовать, хоть она и изъ купеческаго званія... Мнѣ только былъ-бы онъ счастливъ... (*Встаетъ*). Пойдемъ, я велю тебя чаемъ напоить... Только ты ужь веди себя по-умнѣе.

Перешивкина.

Матушка, я по гробъ жизни... (*Уходятъ*).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

ЛИЦА:

Карпъ Карпычъ Толстогораздовъ, купецъ, сѣдой, низенькій, толстый.

Улита Никитишна, жена его, пожилая женщина, безъ особыхъ примѣтъ.

Серафима Карповна, дочь Толстогораздова, вдова, высокаго росту, худощава, необыкновенной красоты. Походка и движенія институтки; часто задумывается, вздыхаетъ и поднимаетъ глаза къ небу, когда говоритъ о любви; то-же дѣлаетъ, когда про себя считаетъ деньги, а иногда и просто, безъ всякой причины.

Матрена, горничная, дальняя родственница Толстогораздовыхъ. Молодая дѣвка, полная, тѣло мраморной бѣлизны, щеки румяныя, глаза и брови черные. Ходитъ въ шубкѣ, рубашка съ кисейными рукавами, въ косѣ ленты.

1-й кучеръ, Толстогораздова.

2-й кучеръ, Серафимы Карповны.

Дворъ. Направо галлерея дома, на заднемъ планѣ садъ; налѣво надворное строеніе; двѣ двери: одна въ погребъ, другая на сѣнникъ.

I.

НА ДВОРѢ.

1-й кучеръ *сидитъ на приступкѣ у погребицы.* Матрена *входитъ.*

1-й кучеръ (*поетъ тонкимъ голосомъ*).

«Прежде жилъ я, мальчикъ, веселился;
Но имѣлъ свой капиталъ.
Капиталу, мальчикъ, я рѣшился,
Во неволю жить попалъ.»

Матрена.

Хозяева проснулись. Ты-бы, Иванычъ, самоваръ-то втащилъ.

1-й кучеръ.

А ты что̀ за барыня? Промпись! Ишь, жиру-то нагуляла; не уколупнешь нигдѣ, точно на наковальнѣ молотками сколочена. (*Поетъ*).

«И какова, братцы, неволя?
Да кто знаетъ про нее?»

Матрена.

Позавидовалъ ты моему жиру. У самого рыло-то ужь лопнуть хочетъ. Неси, что̀-ли, говорятъ тебѣ.

1-й кучеръ.

Приходи завтра! (*Поетъ*).

«Какова, братцы, неволя?
Да кто знаетъ про нее?»

Матрена.

Дай срокъ, я вотъ Улитѣ Никитишнѣ скажу, что ты ничего не дѣлаешь, никогда тебя ничего не допросишься.

1-й кучеръ.

Я кучеръ, понимаешь ты это? Я свое дѣло правлю. А ты что̀? Типунъ-дворянка! Тонко ходите, чулки отморозите! Значитъ ты его (*показывая на самоваръ*) и волоки.

Матрена.

Да, вѣдь, въ немъ пудовъ пять будетъ, гдѣ-жь дѣвкѣ его стащить!

1-й кучеръ.

Опять-таки, это до меня некасающее.

Матрена.

Стыда-то въ тебѣ ничего нѣтъ, безстыжіе твои глаза! Хоть надорвись дѣвка, тебѣ все равно. (*Поднимаетъ самоваръ, всѣмъ корпусомъ отваливается назадъ и, загнувъ голову на сторону отъ пару, идетъ къ галмерею*).

1-й кучеръ (*вслѣдъ ей*).

Не балуй въ серьгахъ, позолота сойдетъ!

Матрена (*входя на крыльцо, оборачивается*).

Ругатель! (*Ставитъ на столъ самоваръ*).

1-й кучеръ (*поетъ*).

«Какова, братцы, неволя?
Да кто знаетъ про нее?»

(*На галлерею выходятъ Карпъ Карпычъ и Улита Никитишна. Кучеръ замолкаетъ и уходитъ*).

II.

НА ГАЛЛЕРЕѢ.

Карпъ Карпычъ и Улита Никитишна (*садятся у стола на галлереѣ*).

Улита Никитишна (*заваривая чай*).

Ныньче все муаръ-антикъ въ моду пошелъ.

Карпъ Карпычъ.

Какой это муаръ-антикъ?

Улита Никитишна.

Такая матерія.

Карпъ Карпычъ.

Ну и пущай ее.

Улита Никитишна.

Да я такъ... Вотъ кабы Серафимочка замужъ вышла, такъ ужь сшила-бы себѣ, кажется... Всѣ дамы носятъ.

Карпъ Карпычъ.

А ты нѐшто дама?

Улита Никитишна.

Обнакновенно дама.

Карпъ Карпычъ.

Да вотъ можешь ты чувствовать, не могу я слышать этого слова... когда ты себя дамой называешь.

Улита Никитишна.

Да чтò-же такое за слово — дама? Чтò въ немъ... (*ищетъ слово*) постыднаго?

Карпъ Карпычъ.

Да коли не люблю! Вотъ тебѣ и сказъ!

Улита Никитишна.

Ну, а Серафимочка дама?

Карпъ Карпычъ.

Извѣстно дама, та ученая, да за бариномъ была. А ты что̀? Все была баба, а какъ мужъ разбогатѣлъ, дама стала! А ты своимъ умомъ дойди.

Улита Никитишна.

Да нѣтъ! Все-таки... какъ-же!

Карпъ Карпычъ.

Сказа̀но — молчи, ну и баста! (*Молчаніе*).

Улита Никитишна.

Когда было это сраженіе?

Карпъ Карпычъ.

Какое страженіе?

Улита Никитишна.

Ну вотъ недавно-то. Развѣ не помнишь, что̀-ли?

Карпъ Карпычъ.

Такъ что̀-же?

Улита Никитишна.

Такъ много изъ простаго званія въ офицеры произошли.

Карпъ Карпычъ.

Вѣдь, не бабы-же. За свою службу каждый получаетъ, что̀ соотвѣтственно.

Улита Никитишна.

А какъ-же вотъ, къ намъ мѣщанка ходитъ, такъ говорила, что когда племянникъ курсъ выдержитъ, такъ и она будетъ благородная.

Карпъ Карпычъ.

Да, дожидайся.

Улита Никитишна.

А говорятъ, въ какихъ-то земляхъ изъ женщинъ полки есть.

Карпъ Карпычъ (*смѣется*).

Гвардія! (*Молчаніе*).

Улита Никитишна.

Говорятъ, грѣшно чай пить.

Карпъ Карпычъ.

Это еще отчего?

Улита Никитишна.

Потому, изъ некрещеной земли идетъ.

Карпъ Карпычъ.

Мало-ли что̀ изъ некрещеной земли идетъ.

Улита Никитишна.

Вотъ тебѣ примѣръ: хлѣбъ изъ крещеной земли, мы его и ѣдимъ во̀-время; а чай — когда пьемъ? Люди къ обѣднѣ, а мы за чай; вотъ теперь вечерни, а мы за чай. Вотъ и значитъ грѣхъ.

Карпъ Карпычъ.

А ты пей во̀-время.

Улита Никитишна.

Нѣтъ, все-таки...

Карпъ Карпычъ.

Все-таки, молчи. Ума у тебя нѣтъ, а разговаривать любишь. Ну, и молчи! (*Молчаніе*).

Улита Никитишна.

Какая Серафимочка у насъ счастливая! Была за бариномъ — барыня стала, и овдовѣла — все-таки, барыня. А какъ теперь, если за князя выдетъ, такъ, пожалуй, княгиня будетъ.

Карпъ Карпычъ.

Все-таки, по мужѣ.

Улита Никитишна.

Ну, а какъ за князя выдетъ, неужто я такъ-таки ничего? Вѣдь, она мое рожденіе.

Карпъ Карпычъ.

Съ тобой говорить, только мысли въ головѣ разбивать. Я-было объ дѣлѣ задумалъ, а ты тутъ съ разговоромъ да съ глупостями. Вѣдь, вашего, бабьяго, разговору всю жизнь не переслушаешь. А сказать тебѣ: молчи! такъ вотъ дѣло-то короче будетъ. (*Задумывается. Молчаніе. Вбѣгаетъ Матрена*).

*

Матрена.

Матушка, Улита Никитишна, Серафима Карповна пріѣхала.

Улита Никитишна.

Ахъ, батюшки! (*Быстро встаетъ и уходитъ съ Матреной*).

Карпъ Карпычъ.

Кабы на бабъ да не страхъ, съ ними-бы и не сообразилъ. Есть свое дѣло, такъ нѣтъ, давай лѣзть въ чужое. Пристаетъ къ мужу: скажи ей свое дѣло и свою тайну, и прельщаютъ его прелестію и лукавствомъ, и осклабляютъ лицо свое — и все на погибель. И кто имъ скажетъ свое дѣло, и онѣ научаютъ и соблазняютъ: дѣлай не такъ, а вотъ такъ, по моему желанію. И многіе мужи погибли отъ женъ. Молодой человѣкъ, который и неопытный, можетъ польститься на ихъ прелесть, а человѣкъ, который въ разумъ входитъ и въ лѣта постоянныя, для того женская прелесть ничего не значитъ, даже скверно.

III.

НА ДВОРѢ.

Входятъ 1-й и 2-й кучера.

2-й кучеръ.

У васъ какое сравненіе! Не въ примѣръ лучше. Просто, жидъ, а не барыня; сама овесъ выдаетъ. (*Уходятъ въ сарай. Входятъ Улита Никитишна, Серафима Карповна и Матрена*).

IV.

НА ГАЛЛЕРЕѢ.

Карпъ Карпычъ, Улита Никитишна *садится на свое мѣсто и разливаетъ чай;* Серафима Карповна *въ шляпкѣ, въ мантильѣ, въ зеленыхъ перчаткахъ, съ зонтикомъ, подходитъ къ отцу;* Матрена *ставитъ на столъ росписную чашку, которую принесла изъ комнатъ, и становится поодаль.*

Серафима Карповна.

Здравствуйте, папенька! (*Цалуются*).

Карпъ Карпычъ.

Здравствуй! Садись, такъ гостья будешь.

Серафима Карповна (*садясь*).

А гдѣ-же братецъ, Онисимъ Карповичъ?

Карпъ Карпычъ.

Гдѣ Онисимъ-то? Загулялъ. Вотъ ужь пятый день чертитъ.

Серафима Карповна.

А сестрица, Анна Власьевна!

Карпъ Карпычъ.

Да вотъ, какъ ни бьемся, все Онисимъ пить-то не перестаетъ, такъ жена и повезла по тюрьмамъ калачи раздавать. Авось, Богъ проститъ.

Улита Никитишна.

Да, да... Повезла калачи раздавать... заключемнымъ... Вѣдь, все больше занапрасно...

Карпъ Карпычъ.

Да, занапрасно! Они тамъ рѣжутъ да грабятъ, а ихъ не сажать.

Улита Никитишна.

Такъ, чай, тѣ, которые грабятъ-то, въ острогѣ сидятъ; а въ ямѣ-то за что̀?

Карпъ Карпычъ.

А въ ямѣ-то за долги.

Улита Никитишна.

Какъ не за долги! Вонъ, говорятъ, Конъ Конычъ за процентъ сидитъ.

Карпъ Карпычъ.

За какой процентъ?

Улита Никитишна.

Да также, за процентъ. А какой тутъ процентъ! Какъ бралъ, такъ и отдай. Чай, вѣдь, это грѣхъ.

Карпъ Карпычъ.

Ты опять разговаривать! (*Улита Никитишна наливаетъ чай; Матрена подаетъ на подносѣ чашку Серафимѣ Карповнѣ; та беретъ, не снимая перчатокъ*).

Улита Никитишна.

Ты-бъ, Серафимушка, сняла шляпку-то, да мантилію, да и

платье-то-бы растегнула сзади; здѣсь все свои. Вотъ тебѣ Матрена растегнетъ.

Серафима Карповна.

Ахъ, что̀ это вы, маменька! Мнѣ не жарко. Я къ вамъ на минуточку пріѣхала, только посовѣтоваться.

Карпъ Карпычъ (*дуя на блюдечко*).

Объ чемъ-бы это, напримѣръ?

Серафима Карповна.

А хочу замужъ идти.

Улита Никитишна (*всплеснувъ руками*).

Ахъ, батюшки!

Карпъ Карпычъ.

Ну, что̀-жь! Съ Богомъ! Это дѣло хорошее. Это лучше...

Улита Никитишна (*качая головой и складывая руки на груди*).

Красавица ты моя!

Карпъ Карпычъ.

А за кого-бы это? Желаю я знать.

Серафима Карповна.

Онъ, папенька, молодой человѣкъ, служитъ въ судѣ, и, надобно вамъ сказать, не богатый. Я-бъ и не пошла за бѣднаго, да ужь очень я въ него влюблена. (*Поднимаетъ глаза къ небу, вздыхаетъ и задумывается*).

Улита Никитишна (*всплеснувъ руками*).

Ахъ, матушка моя!

Карпъ Карпычъ.

А чьихъ онъ?

Серафима Карповна.

Прежневъ. Онъ благородный, хорошей фамиліи, можетъ мѣсто хорошее получить. Что̀-жь, думаю, у меня свои деньги; если буду жить разсчетливо, могу прожить и съ мужемъ. Лучше я себѣ во всемъ откажу, а ужь я безъ него жить не могу. (*Опять вздыхаетъ и поднимаетъ глаза*).

Карпъ Карпычъ.

Можетъ, качества какія есть?

Серафима Карповна.

Качествъ за нимъ никакихъ не слыхать.

Карпъ Карпычъ.

Ты, Серафима, помни одно, что ты отрѣзанный ломоть, я тебѣ больше денегъ не дамъ. Такъ ты, смотри, не проживи деньги-то, которыя за тобой дадены.

Улита Никитишна.

Тотъ былъ старикъ, а этотъ, ишь ты, молодой: гляди, рожать будешь; такъ деньги-то чтобъ дѣтямъ остались.

Серафима Карповна.

Мнѣ денегъ прожить нельзя съ моимъ характеромъ. (*Отдаетъ чашку Матренѣ*).

Карпъ Карпычъ.

Ну, онъ молодой, а ты, все-таки, вдова, а не дѣвушка, все какъ будто передъ мужемъ совѣстно; ну, онъ подластится да и выманитъ деньги-то.

Серафима Карповна (*принимая чашку отъ Матрены*).

Неужели мужчины могутъ любить только изъ денегъ? (*Вздохъ и глаза къ небу*).

Карпъ Карпычъ.

А ты думала какъ? Порядокъ извѣстный.

Серафима Карповна (*выходя изъ задумчивости*).

Да я ему и не дамъ денегъ.

Карпъ Карпычъ.

Ну, и ладно. Ты поступай такъ, какъ я тебѣ приказывалъ.

Серафима Карповна.

Конечно, папенька! Что̀ я, дура, что̀-ли?

Карпъ Карпычъ.

А вотъ и у насъ скоро свадьба: Матрену въ саду съ приказчикомъ застали, такъ хочу повѣнчать. (*Матрена закрываетъ лицо рукавомъ*). Тысячу рублевъ ему денегъ и свадьба на мой счетъ.

Улита Никитишна.

Тебѣ-бы только пображничать гдѣ было, за тѣмъ и свадьбу-то затѣялъ.

Карпъ Карпычъ.

Ну, еще что̀?

Улита Никитишна.

Ничего больше.

Карпъ Карпычъ (*строго*).

Нѣтъ, ты поговори!

Улита Никитишна.

Ничего, право, ничего.

Карпъ Карпычъ (*строже*).

Нѣтъ, поговори что̀-нибудь, я послушаю.

Улита Никитишна.

Да что̀ говорить-то, коли не слушаешь.

Карпъ Карпычъ.

Что̀ слушать-то! Слушать-то у тебя нѐчего. Эхъ, Улита Никитишна! (*Грозитъ пальцемъ*). Сказано, молчи! Я хочу, чтобъ дѣвка чувствовала, а ты своими разговорами!.. (*Матрена закрываетъ другимъ рукавомъ глаза*). Третью племянницу такъ отдаю. Я всей роднѣ благодѣтель. Вотъ теперь есть еще маленькая, такъ и ту на мѣсто Матрены возьму, и ту въ люди выведу. (*Молчаніе*).

Улита Никитишна.

Смотри, будетъ ли онъ любить-то тебя.

Серафима Карповна.

Что̀-жь, маменька, въ моемъ характерѣ ничего дурнаго нѣтъ. Только я... еще и въ пансіонѣ говорили, что я музыки совсѣмъ не понимаю, задумываюсь часто, такъ, ни объ чемъ, да очень люблю сладкое, такъ, можетъ, онъ этого не замѣтитъ; да вотъ еще на серебро плохо считаю...

Карпъ Карпычъ.

Ничего, привыкнешь.

Серафима Карповна.

Можетъ быть, ему не понравится, что я разсчетлива, такъ, вѣдь, иначе мнѣ какъ-же? Я стараюсь только, чтобъ не прожить капиталу, а проживать одни проценты. Что̀-жь я буду тогда безъ капиталу, я ничего не буду значить.

Карпъ Карпычъ.

Обнакновенно.

Серафима Карповна.

А проценты я сейчасъ могу разсчесть на бумажкѣ, насъ въ пансіонѣ этому учили. А вотъ безъ бумажки я и не могу. (*Задумывается*).

Улита Никитишна.

Объ чемъ ты это думаешь-то, милушка?.. Да и я-то дура! Какъ тебѣ, бѣдной, не думать-то! Перемѣна въ жизни... вѣдь, въ него не влѣзешь, какой онъ тамъ.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, маменька, я вотъ давеча ленты покупала, по восьми гривенъ ассигнаціями, семь аршинъ; такъ вотъ я и думаю, сколько это на серебро-то будетъ, и такъ-ли онъ мнѣ сдачу сдалъ съ трехъ цѣлковыхъ? (*Вынимаетъ портъ-моне и смотритъ въ него*).

Карпъ Карпычъ.

Рубь шесть гривенъ... рубь сорокъ сдачи.

Серафима Карповна.

Такъ-ли, папенька-съ?

Карпъ Карпычъ.

Ну, да что̀ тутъ еще разговаривать!

Серафима Карповна (*прячетъ портъ-моне*).

Хорошо-съ.

Улита Никитишна.

Смотри, не пьетъ-ли?

Карпъ Карпычъ.

Опять ты все врешь! кто ныньче не пьетъ!

Улита Никитишна.

То-есть, ты спроси, во хмѣлю-то онъ каковъ?

Карпъ Карпычъ.

Ну, вотъ это дѣло!

Улита Никитишна.

Потому, другой смирный въ хмѣлю, такъ это нужды нѣтъ, все равно, что не пьющій.

Серафима Карповна.

Хорошо, маменька, я распрошу-съ. Мнѣ, маменька, пора.

Улита Никитишна.

Ахъ, какъ это можно! Посиди. Вѣдь, ты сладкое-то любишь... У насъ фрухты какіе преотмѣнные! Поди, Матрена, принеси, они у меня на окнѣ въ спальнѣ. (*Матрена уходитъ и скоро возвращается съ фруктами и подноситъ Серафимѣ Карповнѣ, а потомъ ставитъ на столъ*). Кушай, милушка, кушай! Наливочки не хочешь-ли?

Серафима Карповна.

Чтò это вы, маменька!

Улита Никитишна.

Пивца, душенька?

Серафима Карповна.

Да развѣ я пью?

Улита Никитишна.

Ну, медку?

Серафима Карповна.

Право, не могу.

Улита Никитишна.

Ну, вареньица?

Серафима Карповна.

Вареньица можно.

Улита Никитишна (*доставъ ключи изъ кармана*).

Матрена, сходи въ кладовую, принеси двухъ сортовъ.

Серафима Карповна.

Да вели моему кучеру подавать. (*Матрена беретъ ключи и уходитъ черезъ сцену*).

Улита Никитишна.

Кушай еще, Серафимушка! (*Серафима Карповна беретъ еще*). А ты, чтò-же, Карпъ Карпычъ?

Карпъ Карпычъ.

Ну вотъ еще! Стану я теперь ѣсть всякую дрянь. А ты отложи мнѣ, а остальные вели убрать; я ужо, какъ стану водку пить, такъ закушу апельсикомъ. (*Улита Никитишна беретъ и ѣстъ. Молчаніе*).

V.

НА ДВОРѢ.

Матрена (*идетъ съ двумя тарелками. Подходитъ къ двери сѣнника и толкаетъ ее ногой*).

Эй вы, гужеѣды! (*Кучера выходятъ*). Подавай лошадей! Барыня ѣхать хотятъ.

2-й кучеръ.

Меня въ тѣ поры, за одну провинность, баринъ хотѣлъ въ солдаты отдать.

1-й кучеръ.

Ишь ты!

2-й кучеръ.

Такъ я въ тѣ поры, братецъ ты мой, все только объ войнѣ и думалъ, и со всякимъ, то-есть, человѣкомъ все про войну разговаривалъ. И такъ у меня раскипѣлось сердце, что хоть сейчасъ подъ черкеса.

1-й кучеръ.

У меня тутъ по сосѣдству одинъ деньщикъ есть пріятель, они съ бариномъ въ венгерской кампаніи были, такъ онъ про австріяка сказывалъ.

2-й кучеръ.

А что̀ такое?

1-й кучеръ.

А вотъ что̀, другъ любезный, будто ему еще допрежь сказано, при французѣ, когда французъ былъ: что̀ ты можешь мнѣ препятствовать? Хочешь, я тебя раззорю.

2-й кучеръ.

И раззоритъ!

1-й кучеръ.

Раззоритъ!

2-й кучеръ.

Потому, сила.

1-й кучеръ.

Ничего не подѣлаешь! Все равно, какъ милюція была... одиннадцать вершковъ росту, пятнадцать пудовъ подымаетъ. Прутъ себѣ! Тамъ ту-ту-ту-ту-ту-ту, значитъ, въ барабанъ отбой. А они говорятъ: ребята, впередъ! Измѣна! Ну и прутъ себѣ, что̀ ты хочешь!

2-й кучеръ.

Извѣстно, ужь тутъ кто кого.

1-й кучеръ.

Кто, значитъ, ужь одолѣетъ, чья сила возьметъ.

Матрена.

Скучно слушать-то! Охъ, воины! сидя на печкѣ воюете. Видно, не страшна война, только утиши Господи!

1-й кучеръ (*скосивъ глаза въ сторону Матрены, съ совершеннымъ презрѣніемъ*).

Сволочь!

Матрена.

Говорятъ вамъ, барыня дожидается.

2-й кучеръ (*надѣвая на правую руку петлю кнута, лѣвую подаетъ Иванычу*).

Прощай!

1-й кучеръ.

Прощай, другъ любезный! (*Уходитъ за домъ, Матрена на галлерею*).

VI.

НА ГАЛЛЕРЕѢ.

Улита Никитишна.

Серафимушка! я-было и забыла... Еще вотъ что̀ надо безпремѣнно тебѣ сдѣлать! Ужь проминовать нельзя... Когда ты все узнаешь про жениха, что онъ не мотъ, не пьяница, не картежникъ, такъ съѣзди къ ворожеѣ, къ Парашѣ. Приди къ ней

смирненько и спроси: будетъ-ли, молъ, раба Серафима счастлива съ рабомъ... какъ его?

Серафима Карповна.

Павломъ.

Улита Никитишна.

Съ рабомъ Павломъ? Что̀ она тебѣ скажетъ, такъ и сдѣлай.

Карпъ Карпычъ.

Ничего ты этого не дѣлай!

Улита Никитишна.

Ну ужь, Карпъ Карпычъ, я во всемъ тебя послушаю, а это дѣло не твое, это дѣло женское! Не слушай ты его, Серафимушка, дѣлай, какъ я велю. Я мать—худа не посовѣтую.

Серафима Карповна.

Хорошо-съ. (*Встаетъ*). Прощайте, папенька! Прощайте, маменька! (*Цалуетъ*).

Карпъ Карпычъ.

А ты вотъ что̀: ты скажи жениху, коли будетъ ко мнѣ почтителенъ—я ему шубу подарю хорошую; а коли не будетъ—назадъ отниму. (*Уходятъ*).

КАРТИНА ТРЕТЬЯ *).

ЛИЦА:

Поль.

Серафима Карповна, жена его.

Софья Ивановна Прежнева.

Неизвѣстный, пріятель Поля, человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ греческимъ профилемъ и мрачнымъ выраженіемъ лица.

Горничная.

Лакей.

БОГАТО УБРАННЫЙ КАБИНЕТЪ.

I.

Поль (*сидитъ за столомъ и пишетъ*), лакей (*входитъ*).

Лакей.

Павелъ Петровичъ, тамъ портной да каретникъ дожидаются.

Поль (*оборачиваясь*).

Гони ихъ вонъ!

Лакей.

Да нейдутъ-съ.

Поль.

Ну, скажи имъ, что на слѣдующей недѣлѣ.

Лакей.

Говорилъ, да нейдутъ-съ.

Поль.

Такъ неужели-жъ мнѣ самому съ ними разговаривать? Ну,

---

*) Между 2-ю и 3-ю картиной проходитъ мѣсяцъ.

скажи имъ что-нибудь такое. Ты видишь, что я занятъ. Надоѣлъ! Пошолъ вонъ!

Лакей.

Тамъ еще какой-то баринъ васъ спрашиваетъ.

Поль.

И его гони. (*Неизвѣстный показывается въ дверяхъ; лакей, увидѣвъ неизвѣстнаго, уходитъ*).

Неизвѣстный.

Гони природу въ дверь, она войдетъ въ окно.

Поль (*встаетъ*).

Ахъ, мой другъ, я не зналъ, что это ты. Извини, сдѣлай милость.

Неизвѣстный.

Да, ты не зналъ. (*Осматриваетъ съ ногъ до головы Поля и потомъ кабинетъ*).

Поль.

Право-же, не зналъ. Неужели-бы я тебя не принялъ?

Неизвѣстный (*садится*).

Ну, хорошо, хорошо.

Поль.

Сигару не хочешь-ли?

Неизвѣстный (*иронически улыбаясь*).

Сигару? А когда-же деньги?

Поль.

Теперь скоро.

Неизвѣстный.

То-есть, какъ-же это: теперь, или скоро?

Поль.

Скоро, скоро.

Неизвѣстный.

Ты скоро отдашь? (*Смотритъ пристально на Поля*). Ну, а если я тебѣ не вѣрю?

Поль.

Какъ-же тебѣ не вѣрить, у тебя въ рукахъ документъ. Потомъ, ты видишь, какъ я живу.

Неизвѣстный.

Да, вѣдь, документу срокъ; а это не твое, а женино.

Поль.

Это все равно.

Неизвѣстный.

Нѣтъ, не все равно.

Поль.

Такъ чего-же ты хочешь?

Неизвѣстный.

А вотъ чего: или ты завтра мнѣ отдашь всѣ деньги, или мы перепишемъ документъ...

Поль.

Изволь, перепишемъ хоть сейчасъ.

Неизвѣстный.

Нѣтъ, мы перепишемъ завтра, только чтобъ твоя жена подписалась поручительницей.

Поль.

Какъ-же это?

Неизвѣстный.

Тамъ ужь маклеръ знаетъ, какъ; а то я подамъ ко взысканію. (*Встаетъ*).

Поль.

Ну, хорошо.

Неизвѣстный.

Такъ смотри-же, завтра! (*Идетъ къ двери*). Ты не думаешь-ли отвернуться какъ-нибудь? Этого со мной нельзя. (*Уходитъ*).

Поль.

Это скучно, наконецъ! Богатъ, богатъ, а денегъ все нѣтъ. Надо у жены попросить; теперь все равно, что у ней деньги, что у меня — у насъ все общее. Еще даже лучше, если у меня. И для чего я такъ долго откладываю! Только все больше и больше запутываюсь. (*Серафима Карповна входитъ, Поль пишетъ*).

II.

Серафима Карповна.

Поль, брось писать, не пиши! (*Обнимаетъ его. Поль перестаетъ*

писать). Я такъ счастлива, такъ счастлива! Господи, за что̀ мнѣ такое счастіе! (*Задумывается*). Всего у меня много, мужъ такой милый (*целуетъ его*), красавецъ, умный! Только одно меня безпокоитъ: ты часто уѣзжаешь. Ужь коли ты женился, ты-бы все и сидѣлъ со мной; я-бы, кажется, тебя еще больше любить стала.

Поль.

Нельзя-же, мой другъ, у меня служба.

Серафима Карповна.

Ты и нынче поѣдешь?

Поль.

Да, поѣду. Ужь мнѣ пора.

Серафима Карповна.

Возьми меня съ собой.

Поль.

Куда это, въ Сенатъ-то?

Серафима Карповна.

Ну, да.

Поль.

Что̀ ты говоришь! Да развѣ это можно?

Серафима Карповна.

У васъ все нельзя. Просто, ты меня не любишь, отъ того и не хочешь взять. Кабы ты любилъ, ты-бы взялъ. Ты-бы сказалъ всѣмъ: «это моя жена». Что̀-жь, я тебя нигдѣ не острамлю, я въ пансіонѣ воспитывалась.

Поль.

Да ты спроси у кого-нибудь, коли мнѣ не вѣришь, берутъ-ли женъ въ присутственныя мѣста?

Серафима Карповна.

Оттого и не берутъ, что не любятъ насъ. Кабы любили, такъ-бы брали. Еслибы вы насъ любили такъ, какъ мы васъ любимъ, вы-бы всѣ наши прихоти исполняли. Мы для васъ все на свѣтѣ готовы сдѣлать, а вы никакой малости не хотите.

Поль.

Да и я все, что̀ хочешь, готовъ для тебя сдѣлать, только этого нельзя.

Серафима Карповна.

Ну, по крайней мѣрѣ, сдѣлай для меня удовольствіе, не ѣзди нынче, посиди со мной.

Поль (*пожимая плечами*).

Если ты хочешь, изволь.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ты не поѣдешь?

Поль.

Не поѣду, если тебѣ угодно.

Серафима Карповна.

Милый Поль, какой ты добрый! Какъ ты меня балуешь! Чего я для тебя на свѣтѣ не сдѣлаю! Ну, говори! Говори, чего хочешь! да говори-же! (*Ласкаетъ его*). Проси, чего хочешь. Все, все на свѣтѣ. Ну, скажи, чего ты хочешь: сейчасъ-же поѣду въ городъ и куплю тебѣ. (*Входитъ горничная*).

Горничная.

Барыня, пожалуйте, швея пришла.

Серафима Карповна.

Поль, милый Поль, я сейчасъ приду. (*Уходитъ*).

III.

Поль.

Странныя иногда у ней желанія являются, и не разберешь: отъ глупости это, или отъ любви ко мнѣ. Впрочемъ, это очень хорошо, что она меня такъ любитъ. Чего, говоритъ, ты хочешь? Чего? Разумѣется, денегъ. Значитъ, правду говорятъ, что у женщинъ сердце гораздо чувствительнѣе нашего. А я, признаться, этому прежде не вѣрилъ. Теперь я понимаю, что если любовь заберетъ ихъ за живое, такъ бери съ нихъ, что̀ хочешь. Да и хорошенькая какая! Даже этакъ, если и съ другой стороны взять... да что̀ тутъ разговаривать-то, просто наслажденіе! Если ужь просить, такъ за разъ большой кушъ; надо пользоваться минутой, пока она въ экстазѣ. (*Входитъ Серафима Карповна*). Ахъ, Серафима, я хотѣлъ съ тобой поговорить.

Серафима Карповна.

И я хотѣла съ тобой поговорить, Поль.

Поль.

Ну, такъ говори ты.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, ты говори прежде.

Поль.

Нѣтъ, ты, Серафима.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, ты.

Поль.

Я тебѣ уступаю, какъ дамѣ, Серафима.

Серафима Карповна.

Вотъ что̀ я хотѣла тебѣ сказать, мой Поль: ты каждый день сорочки мѣняешь; вѣдь, это разсчетъ.

Поль.

Что̀ ты, съ ума, что̀-ли, сошла! Что̀ это за разсчетъ для насъ? Нѣтъ, я хотѣлъ поговорить совсѣмъ о другомъ.

Серафима Карповна.

Все-таки, другъ ты мой (*цалуетъ его*), надобно разсчитывать. Никакого въ этомъ сумасшествія нѣтъ.

Поль.

Извини, Серафима! Я тебя понимаю, мой другъ; это даже хорошо, что ты въ мелочахъ соблюдаешь экономію. Мелочи въ жизни важное дѣло. Я очень радъ, что нашелъ въ тебѣ такую хозяйку. Но я хочу съ тобой поговорить о болѣе важномъ дѣлѣ.

Серафима Карповна.

Объ чемъ-же это, Поль? Да нѣтъ, постой! Что̀ намъ объ дѣлѣ говорить! Мы еще съ тобой мало о любви говорили. Теперь время свободное, ты не поѣхалъ въ присутствіе. Что̀ намъ говорить объ дѣлахъ, поговоримъ о любви. (*Вздохъ и глаза къ небу*).

Поль.

Объ любви еще мы успѣемъ, когда только тебѣ будетъ угодно, а теперь мнѣ нужно объ дѣлѣ.

Серафима Карповна.

Ахъ, Поль, ты остался со мной; мнѣ теперь, право, ни о чемъ другомъ думать не хочется.

Поль.

Нѣтъ, Серафима, мнѣ, право, нужно съ тобой серьезно поговорить.

Серафима Карповна (*нѣсколько обиженнымъ тономъ*).

Чтò такое тебѣ нужно? Говори!

Поль.

Какъ ты хочешь употребить свой капиталъ?

Серафима Карповна.

Чтò за вопросъ! Я его никакъ не хочу употреблять; пускай лежитъ въ Совѣтѣ, а мы будемъ жить процентами.

Поль.

Но процентовъ очень мало, мой другъ! Мы лучше пустимъ капиталъ въ оборотъ.

Серафима Карповна.

Въ какой оборотъ?

Поль.

Напримѣръ, купимъ имѣніе.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за чтò! Какое имѣніе!

Поль.

Ну, деревню въ хорошей губерніи, хоть въ Орловской.

Серафима Карповна.

Ни за чтò на свѣтѣ! Мужики не будутъ платить, деревня можетъ сгорѣть; пять лѣтъ неурожай. Чтò-жъ тогда дѣлать?

Поль.

Пять лѣтъ неурожай не бываетъ.

Серафима Карповна.

Однако, можетъ быть; ты, вѣдь, не пророкъ.

Поль.

Ну, купимъ домъ да пустимъ жильцовъ.

Серафима Карповна.

А жильцы платить не будутъ.

Поль.

Какъ это платить не будутъ? Съ нихъ всегда можно взыскать.

Серафима Карповна.

Ну, а домъ сгоритъ?

Поль.

Надо застраховать.

Серафима Карповна.

А придетъ непріятель да раззоритъ все. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что̀!

Поль.

Ну, перестанемъ лучше объ этомъ говорить.

Серафима Карповна.

Ты самъ посуди. Ты молодой еще человѣкъ, у насъ могутъ быть дѣти.

Поль.

Конечно, будутъ дѣти, но что̀-жь изъ этого? Чѣмъ мы больше будемъ получать, тѣмъ больше дѣтямъ достанется.

Серафима Карповна.

Нѣтъ, нѣтъ, я и говорить не хочу; а то мнѣ сейчасъ скучно сдѣлается. Ты и не разстроивай меня. Какіе тамъ обороты! Мы и такъ можемъ жить. Всего у насъ много. (*Задумывается*). Теперь время свободное, ты не поѣхалъ въ присутствіе... (*Обнимаетъ Поля*).

Поль (*освобождается изъ объятій*).

Нѣтъ, Серафима, какъ ты хочешь, а мнѣ съ тобой нужно поговорить.

Серафима Карповна (*серьезно*).

Объ чемъ еще?

Поль.

А вотъ объ чемъ: дай ты мнѣ, коли любишь меня, пять тысячъ рублей серебромъ. Мнѣ очень нужно для одного дѣла. Дѣло, Серафима, очень выгодное — я теперь тебѣ не скажу, какое,

но мы можемъ вдвое получить, а пожалуй, и больше. Да я почти увѣренъ, что больше.

Серафима Карповна.

Пять тысячъ рублей серебромъ... Сколько-же это будетъ на ассигнаціи?

Поль.

Почемъ я знаю.

Серафима Карповна.

Постой, я сейчасъ сочту. (*Вынимаетъ изъ кармана бумажку и карандашъ и считаетъ*). Ахъ, ахъ! (*Убѣгаетъ*).

˙XI

Поль.

Чтò-же это такое? Чего она испугалась? Я ужь и не пойму. Не думаетъ-ли она, что я всю жизнь буду только одною любовью пробавляться? Это будетъ очень оригинально! Скупа, чтò-ли, она? Нужно-же, наконецъ, узнать, чтò она больше любитъ: меня, или деньги? Коли меня — такъ дѣло поправить можно. А какъ деньги? Просто хоть въ петлю лѣзь. (*Входитъ Прежнева*).

Прежнева.

Bon jour, Paul!

Поль.

Bon jour, maman!

Прежнева (*садится*).

Я сейчасъ заходила къ твоей женѣ; чтò съ ней сдѣлалось? Плачетъ и собирается куда-то ѣхать.

Поль.

Была маленькая сцена.

Прежнева.

Ахъ, Поль, такъ рано! Такъ скоро послѣ свадьбы! Не оскорбилъ-ли ты ее чѣмъ-нибудь? Женщина такое слабое, такое нѣжное созданіе.

Поль.

Какой чортъ оскорбилъ! Я только попросилъ у ней денегъ.

Прежнева.

Довольно-ли ты нѣженъ былъ съ ней?

Поль.

Да помилуйте, я цѣлый мѣсяцъ съ ней нѣжничалъ, жили какъ голуби. (*Хохочетъ*). Только ныньче рѣшился попросить денегъ. Она сначала-было такъ расчувствовалась, что любо. Проси, говоритъ, что̀ хочешь; я все для тебя на свѣтѣ. Я хоть сейчасъ, говоритъ, поѣду въ городъ и куплю тебѣ, чего хочешь. Что̀-жь она мнѣ купитъ? Собачку фарфоровую или сахарнаго гусара? А вотъ, какъ попросилъ я у ней пять тысячъ, такъ взвизгнула да ушла... а теперь плачетъ. Это, чортъ знаетъ, что̀ такое!

Прежнева.

У ней нѣтъ, нѣтъ чувствъ, мой другъ. Женщина для любимаго человѣка готова все на свѣтѣ. Нѣтъ, мой Поль, она не женщина.

Поль.

Нѣтъ, она женщина, только денегъ не даетъ.

Прежнева.

Ахъ, Поль, я думаю, что она современемъ тебя оцѣнитъ, и такъ полюбитъ, такъ полюбитъ (*восторженно*), что отдастъ въ твое полное распоряженіе и себя, и... все свое состояніе.

Поль.

Да, вѣдь, этого нужно ждать, а мнѣ ждать нельзя.

Прежнева.

Подожди, Поль! За то впередъ какое блаженство ожидаетъ тебя. (*Входитъ горничная съ письмомъ и бумажникомъ въ рукахъ и подаетъ Полю*).

Поль.

Это что̀ такое?

Горничная.

Барыня уѣхали и приказали вамъ отдать бумажникъ и письмо. (*Уходитъ*).

Поль.

Бумажникъ! Это хорошо! (*Кладетъ бумажникъ въ карманъ*).

Прежнева.

Я тебѣ говорила.

Поль.

Теперь почитаемъ посланіе. (*Читаетъ*). «Милый Поль! Какъ я ни люблю тебя, но намъ должно разстаться. Теперь всю жизнь мое сердце будетъ разрываться, и я буду день и ночь плакать по тебѣ. Я теперь хочу жить у папеньки, подобно заключенной, и оплакивать судьбу свою, а домъ этотъ продамъ. Теперь ужъ ты меня никогда не увидишь. Я тебя люблю всей душой, а ты мнѣ сегодня показалъ, что будто ты меня любишь изъ денегъ. Но въ нашемъ купеческомъ кругу не принято отдавать деньги. Что̀ я буду значить, когда у меня не будетъ денегъ? — тогда я ничего не буду значить! Когда у меня не будетъ денегъ — я кого полюблю, а меня, напротивъ того, не будутъ любить. А когда у меня будутъ деньги — я кого полюблю, и меня будутъ любить, и мы будемъ счастливы. Я приготовила тебѣ къ именинамъ бумажникъ и сама вышила, и какъ я чувствовала, что тебѣ мой подарокъ будетъ очень пріятенъ, то и посылаю тебѣ. Ты къ папенькѣ не ѣзди, онъ у насъ очень сердитъ и очень разгнѣвается на тебя, когда все это узнаетъ; а я ничего не могу скрыть. Прощай, Поль! Когда будешь нуждаться въ деньгахъ, я тебѣ всегда готова помочь потихоньку отъ своихъ, только немного — рублей сто, не болѣе. Будь счастливъ. А я должна плакать всю жизнь. Твоя на вѣки, Серафима». Что̀-же это такое! Это такъ странно, что я даже этому и не вѣрю. Вѣроятно, она шутитъ, или хочетъ меня попугать. Однако, посмотримъ, что̀ такое за бумажникъ. Можетъ быть, въ немъ что-нибудь и есть. (*Вынимаетъ изъ кармана*).

Прежнева.

Я почти увѣрена, Поль. Она вѣрно хотѣла тебѣ сдѣлать сюрпризъ.

Поль.

Бумажникъ щегольской! (*Развертываетъ его и разсматриваетъ*). Пусто!

Прежнева.

Посмотри, нѣтъ-ли гдѣ секретнаго какого отдѣленія?

Поль.

Вотъ есть и секретное, да въ немъ тоже ничего нѣтъ. (*Входитъ лакей*). Что̀ тебѣ?

Лакей.

Да помилуйте, что̀-же это такое? Шубу увезли!

Поль.

Какую шубу?

Лакей.

Вашу шубу. Велѣли положить къ барынѣ въ карету и увезли. Ужь я съ Анюткой не мало ругался, да что̀-жь съ ними сдѣлаешь. На что̀-жь это похоже, я ужь и не знаю.

Поль.

Маменька! Это ужь не шутки.

Лакей.

Это, вѣдь, срамъ! Не первый годъ служу. (*Всплеснувъ руками*). Господи! я и не видывалъ. Помилуйте, Павелъ Петровичъ!

Поль.

Ну, поди вонъ!

Лакей.

Да это и въ люди сказать, такъ стыда-то не оберешься. Что̀ это такое? Что̀ это такое? (*Уходитъ*).

Поль (*садясь и пристально глядя на мать*).

Maman!

Прежнева.

Нынче у женщинъ совсѣмъ нѣтъ сердца, совсѣмъ нѣтъ.

Поль.

Позвольте мнѣ, maman, поблагодарить теперь васъ за двѣ вещи: во-первыхъ, за то, что вы промотали мое состоянiе, а во-вторыхъ, за то, что воспитали меня такъ, что я никуда не гожусь. Я умѣю только проживать. А гдѣ деньги, гдѣ? (*Горячо*). Гдѣ деньги? Ну, давайте мнѣ ихъ! Вамъ весело было, когда я восьми лѣтъ, въ бархатной курточкѣ, танцовалъ лучше всѣхъ дѣтей въ Москвѣ и ужь умѣлъ волочиться за маленькими дѣвочками! Вамъ весело было, когда я шестнадцати лѣтъ отлично скакалъ на лошади! Вы любовались, когда мы съ моимъ гувернеромъ, вашимъ любимцемъ, скакали по нашимъ наслѣдственнымъ

полямъ. Вамъ весело было! При такомъ воспитаніи нужно имѣть деньги, чтобы играть значительную роль въ нашемъ обществѣ. Зачѣмъ-же вы все промотали? Куда дѣлись наши имѣнія, наши крестьяне? А теперь что? Теперь вы, можетъ быть, будете имѣть удовольствіе видѣть меня выгнаннымъ изъ службы, праздношатающимся, картежнымъ игрокомъ, а можетъ быть, и хуже. Что-жь мнѣ дѣлать? Нельзя-же мнѣ отъ живой жены жениться въ другой разъ. (*Опускаетъ голову на руки*).

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

